МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, МЕХАНИКИ И ОПТИКИ

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ВУЗОВ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 36

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2007

Выпуск содержит материалы XXXVI научной и учебно-методической конференции СПбГУ ИТМО «Достижения ученых, аспирантов и студентов университета в науке и образовании».
Конференция была проведена 30 января - 2 февраля 2007 года Санкт-Петербургским государственным университетом информационных технологий, механики и оптики в рамках выполнения инновационной образовательной программы и в сотрудничестве с
ФГУП ВНЦ «ГОИ им. С.И. Вавилова»,
Институтом аналитического приборостроения РАН (ИАнП РАН),
Институтом проблем машиноведения РАН (ИПМаш РАН),
Комитетом по науке и высшей школе Санкт-Петербурга (КНВШ),
ВНИИМ им. Д.И. Менделеева,
ОАО «ЛОМО»,
ОАО «Техприбор»,
ФГУП СПб ОКБ «Электроавтоматика»,
ЦНИИ «Электроприбор».

Программный комитет конференции:

Васильев В.Н. (СПбГУ ИТМО) – председатель

Аронов А.М. (ОАО «ЛОМО»)
Алимов Ю.А. (ФГУП ВНЦ «ГОИ им. С.И. Вавилова»)
Викторов А.Д. (КНВШ)
Гатчин Ю.А. (СПбГУ ИТМО)
Дукельский К.В.(ФГУП ВНЦ «ГОИ им. С.И.Вавилова»)
Карасев В.Б. (ФГУП ВНЦ «ГОИ им. С.И. Вавилова»)
Козлов С.А. (СПбГУ ИТМО)
Колесников Ю.Л. (СПбГУ ИТМО)
Курочкин В.Е. (ИАнПРАН)
Маслов Ю.В. (ОАО «Техприбор»)
Максимов А.С.(КНВШ)
Мусалимов В.М. (СПбГУ ИТМО)
Парамонов П.П. (ФГУП СПб ОКБ «Электроавтоматика»)
Пешехонов В.Г. (ЦНИИ «Электроприбор»)
Путилин Э.С. (СПбГУ ИТМО)
Ткалич В.Л. (СПбГУ ИТМО)
Ханов Н.И. (ВНИИМ им. Д.И. Менделеева)
Храмов В.Ю. (СПбГУ ИТМО)
Шехонин А.А. (СПбГУ ИТМО)
Яковлев Е.Б. (СПбГУ ИТМО)

Организационный комитет конференции:

Никифоров В.О. – председатель
Студеникин Л.М. – зам. председателя
Казар Л.Н. – ученый секретарь

Горкина Н.М.
Гатчин Ю.А.
Гусарова Н.Ф.
Гуров И.П..
Никоноров Н.В.
Ноздрин М.А.
Путилин Э.С.
Савельева Л.П.
Томасов В.С.

ISSN 1819-222X

© Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики, 2007

1 ФИЛОСОФИЯ, ЛОГИКА

О ВРЕМЕННОМ АСПЕКТЕ ПРИЧИННОСТИ

Н.М. Аль-Ани

В работе исследуется соотношение двух важнейших философских категорий «причины» и «времени», указываются основные философские концепции относительно временного статуса детерминационных связей. Обосновывается вывод о том, что в реальном причинном (детерминационном) процессе между причиной (детерминантом) и следствием (детерминируемым) существует диалектическое, а значит, внутреннее взаимодействие, на базе которого каждая из этих полярностей вступает через другую в активное взаимоотношение с самой собой и поэтому их взаимополагание всегда реально осуществляется как их самополагание.

Вопрос о временном статусе детерминационных связей вообще и временном отношении (отношении по времени) между причиной и следствием, в частности, относится, пожалуй, к самым остро дискуссионным вопросам философии на протяжении ее истории, и особенно на нынешнем этапе ее развития. В дискуссиях вокруг него наметились три направления или формы ее решения: а) причина (детерминант) всегда предшествует по времени своему действию (детерминируемому), б) она всегда одновременна с ним и в) она и опережает его, и совпадает с ним по времени. Все три формы решения вопроса о временной характеристике причинно-следственного отношения так или иначе были представлены в истории философии [1, с. 394]. Все они полностью сохраняют свое значение и на современном этапе развития философского знания. Так, если говорить об отечественной философской литературе, то первая из указанных форм выдвигается и защищается в работах М.А. Леонова [2, с. 140], М.С. Строговича [3, с.294], В.П. Тугаринова [4, с. 49], В.И. Свидерского [5, с.42], А.П. Шептулина [6, с. 33], И.В. Кузнецова[1] [7, с. 9–13, 83], Я.Ф. Аскина [8, с.90; 9, с. 80–82] и др.; вторая – в работах А.И. Уемова [10, с. 45], М.А. Парнюка [11, с. 120] и др. и, наконец, третья – в работах Г.А. Свечникова [12, с.106–116] и др. Что же касается современной зарубежной философии, то тезис о том, что причина всегда предшествует своему следствию, представлено в работах Б. Рассела 13, p.188], Г. Рейхенбаха [14, p.136] и др., концепция одновременности причины и следствия приводится в работах Дж. Уикли [15, p. 227], У. Фейлса [16, p. 67] и др., и, наконец, идею временной последовательности следствия и причины и их одновременности в известном смысле выражает М. Бунге [17, с. 84].

Хотя самой распространенной в философской литературе (как старой, так и современной) является идея, согласно которой причина всегда предшествует по времени своему следствию (действию), самой правильной и плодотворной с диалектической точки зрения следует все же признавать концепцию, допускающую как временную последовательность между следствием и его причиной, так и их одновременность. Однако следствие и причина последовательны по времени и одновременны между собой не в том смысле, что причина, как полагает И.В. Кузнецов, некоторое время предшествует следствию и какое-то время одновременна с ним [18, с. 258–259], и не в том, что она опережает его как опосредованная причина и совпадает по времени с ним как причина непосредственная, как это считает Г.А. Свечников [12, с. 106–116], а в том, как мне представляется, что причина предшествует своему следствию лишь потенциально, будучи актуально одновременной с ним. Следовательно, причина может по времени опе-

[1] Правда, в своих более поздних работах данный автор меняет свою позицию, склоняясь к третьей форме решения рассматриваемого вопроса, поскольку помимо тезиса о наступлении причины раньше своего следствия он в указанных работах допускает, как увидим дальше, и положение об их одновременности.

режать свое следствие отнюдь не в действительности, а только в возможности как потенциальное бытие. Как актуальное же бытие она всегда может быть только одновременной с ним.

Таким образом, адекватное решение вопроса о временном аспекте при чинности, на мой взгляд, требует различения двух диалектически взаимосвязанных между собой форм существования (состояний) причины: потенциальной и актуальной. Потенциальная форма бытия причины или причина как возможность непременно должна предшествовать своему следствию, поскольку последнее суть не что иное, как всеобщий способ существования актуализированной причины. Но это же обстоятельство говорит и о том, что причина как актуальное бытие не может быть разделима по времени (и пространству тоже) от своего следствия. И это действительно так, ибо причина как актуальное существование есть причина уже «угасившаяся» (Гегель) в своем следствии, воплотившаяся в него. Говоря иначе, актуализированная причина не может предшествовать своему следствию и может наступать только одновременно с ним потому, что лишь по мере своего «исчезновения» (превращения) в следствие причина может стать действующей, и, значит, действительно существующей причиной. Следовательно, следствие есть на самом деле не что иное, как полностью реализованная причина. Во всяком случае, когда мы говорим о них (о следствии и реализованной причине), мы подразумеваем одно и то же содержание.

«Как изначальная вещь, – говорил Гегель, – причина обладает определением абсолютной самостоятельности и устойчивого существования по отношению к действию, но в необходимость, тождество которой и составляет сама вышеуказанная изначальность, она переходит в действие, и только в него. В действии нет иного содержания (поскольку здесь снова речь может идти об определенном содержании), чем в причине; вышеуказанное тождество представляет собой само абсолютное содержание. Но это тождество есть также определение формы, изначальность причины снимается в действии, в котором она делает себя положенностью. Причина все же при этом не исчезает и действие не становится единственно действительным, ибо эта положенность точно так же непосредственно снята, она есть скорее рефлексия причины в самое себя, в ее изначальность; лишь в действии причина действительна и есть причина. Причина в себе и для себя есть поэтому causa sui» [19, с. 331].

Однако любая вещь, существующая изначально как нечто, обладающее «определением абсолютной самостоятельности и устойчивого существования по отношению к действию», причиной может быть только в потенции. В действительности же она таковой не является. Говоря иначе, в указанной форме ее существования изначальная вещь не может быть действующей, а следовательно, действительной причиной. Дело в том, что причина вне пределов своего действия (следствия), отдельно и независимо от него, не может состояться как действительное бытие. Ведь, как признает и сам Гегель, «лишь в действии причина действительна и есть причина». И в самом деле, если, например, «родители» до рождения своего ребенка реально существуют как «изначальная вещь», т.е. как личности, отдельные индивиды, супруги и т.д., то в качестве таковых они полагают себя как родителей лишь в возможности. Истинными же, действительными родителями, а стало быть, и «производящей» (действующей) причиной они становятся только с момента появления (рождения) самого ребенка (следствия), а значит, только одновременно с этим актом, но отнюдь не раньше или позже его. Следовательно, в самом акте появления ребенка на самом деле происходит одновременное возникновение актуальной причины и следствия, т.е. здесь мы имеем двуединый диалектический процесс, каждый из полярных моментов (сторон) которого предполагает другой в той же самой мере, в какой этим же другим и предполагается. Это значит, что любой из указанных моментов может иметь место в действительности лишь постольку, поскольку реально существует и другой момент. В подобного рода процессе мы имеем дело не

с односторонним порождением одного другим, а обоюдное взаимопорождение полярных противоположностей друг друга. Вот, собственно, почему мы можем определенно сказать, что вместе с рождением ребенка одновременно с этим последним появляются и сами родители (родительский статус супругов) или, как говорил К. Маркс, через сына рождается и сам отец [20, с.166].

Итак, причина вне конкретных условий своего превращения в следствие, т.е. причина как голая (абстрактная) возможность, как бытие в потенции (потенциальное бытие) непременно предшествует по времени своему следствию. Но в органическом сочетании с этими условиями и, стало быть, как актуальное существование, как действительность она может быть только одновременной с ним. Однако в ходе своей актуализации и превращения в следствие причина, точнее, данная конкретная (изначальная) вещь как причина, выступает посредством внешних условий во взаимоотношении с самой собой. Она, синтезируя в себе соответствующие условия внешней среды, из самой себя порождает свое следствие. Это означает, что взаимоотношение причины со своим следствием относится к разряду внутренних, а не внешних взаимодействий. Об этом достаточно ясно говорит и тот факт, что причина и его следствие лишь как моменты (стороны) диалектического, а значит, и внутреннего взаимодействия могут быть одновременны.

Таким образом, можно определенно сказать, что взаимодействие данной причины с порожденным ею следствием является, по сути дела, опосредственным внешними условиями (средой) ее взаимодействием с самой собой. Ввиду этого все те конкретные примеры, на которые обычно ссылаются в литературе для доказательства тезиса о временной последовательности следствия и его действительной причины, являются недостаточно корректными ни в методологическом плане, ни в предметно-содержательном отношении. Так, например, часто приводимый в литературе и ставший вследствие этого чуть ли не хрестоматийным пример, согласно которому причиной возмущения или изменения в пункте Б считается сигнал, поступающий с ограниченной скоростью из пункта А, смешивает, по сути дела, два не совсем идентичных между собой явления: подлинную причину изменения с одним из ее более или менее внешних оснований (условий). В самом деле, истинной причиной такого феномена как фотосинтез следует считать не поступающий от Солнца или электрической лампы луч света как таковой, а внутренне поглощаемую (усваиваемую) данным живым организмом (высшим растением, водорослью или фотосинтезирующей бактерией) с помощью хлорофилла и других фотосинтезирующих пигментов энергию света (естественно, вместе с другими внешними условиями, также ставшими внутренними элементами данного процесса) согласно следующему суммарному химическому уравнению:

$$6CO_2 + 6H_2O \xrightarrow[\text{хлорофилл}]{h\nu} C_6H_{12}O_6 + 6O_2$$

Следовательно, реальным компонентом (составляющим) подлинной причины фотосинтеза, световая энергия оказывается лишь постольку, поскольку становится внутренним элементом процесса жизнедеятельности указанных организмов. Иначе говоря, только будучи «преломляемой» через внутреннюю структуру этого процесса и соответствующим образом преобразованной в ней, она приобретает детерминирующую по отношению к жизни организмов функцию. И действительно, если бы световая энергия внутренне не поглощалась (усваивалась) живым организмом и не становилась, таким образом, внутренним элементом его собственного содержания и вообще оставалась по отношению к нему чисто внешним и безразличным фактором, то, естественно, в таком случае она не могла бы оказывать на него абсолютно никакого детерминирующего воздействия.

Из всего этого следует важный вывод о том, что вещество, энергия и информация, поступающие из внешней среды, могут оказывать какое-либо детерминирующее

воздействие на данную материальную систему только в том случае, если они каким-либо образом будут внутренне «поглощаемыми» и «усваиваемыми» последней, активно преобразованными ею в составляющие собственно содержания и, стало быть, лишь по мере того, как они становятся равномерными элементами ее внутренней структуры. Короче говоря, внешнее может приобрести детерминационный статус не само по себе, а лишь с момента и по мере своего реального превращения во внутреннее. Только подобное понимание непосредственного содержания действительно причинного (или шире - детерминационного) процесса, по моему мнению, может согласоваться и гармонировать с диалектическим представлением о материи как самоактивной субстанции или, что то же самое, как бесконечный, вечно сам себя воспроизводящий, материальный процесс. Поэтому несомненно прав М. Бунге, когда замечает, что «основное последствие, которое теория самодвижения имеет для причинности заключается в том, что внешние причины являются действующими лишь в той степени, в какой они захватывают собственную природу и внутренние процессы вещей» [17, с. 207].

В свете сказанного так называемая опосредованная причинная связь непременно теряет свой кажущийся самостоятельный характер и оказывается на самом деле той же реальной и в действительности непрерывной причинной цепью, некоторые из звеньев которой просто опущены. Следовательно, реальная, имеющая место в самой действительности цепь причинно-следственных связей, всегда является непрерывной (и в этом смысле непосредственной) как в пространственно-временном плане, так и в вещественно-энерго-информационном отношении. Однако она может быть такой непрерывной лишь благодаря обоюдостороннней активности причины и следствия по отношению друг к другу, выступающей одним из оснований их одновременности. И действительно, если бы только причина была в одностороннем порядке активной по отношению к следствию (что непременно предполагает появление действительной причины раньше ее следствия), то цепь причинения с неизбежностью оборвалась бы полностью и становилась бы таким образом в принципе невозможной. И это понятно, ибо абсолютно пассивное следствие никогда не могло бы не только обратно влиять на порождающую ее причину, но и само превратиться в новую причину. Поэтому взгляд, допускающий существование в реальном мире односторонней связи между причиной и следствием и признающий поэтому факт предшествования действующей причины по времени, порождаемому ей следствию, непременно поставит под прямое сомнение существование всеобщей (в том числе, и причинно-следственной) связи явлений действительности и приводит к отрицанию взаимодействия как всеобщей закономерности бытия. Ведь как подчеркивал Гегель, «Взаимодействие есть, несомненно, ближайшая истина отношения причины и действия», оно «суть причинное отношение, положенное в его полном развитии» [19, с. 331].

Итак, в реальном причинном процессе причина и следствие могут выступать друг к другу лишь как обоюдоактивные полярности. И именно поэтому они «во взаимодействии утрачивают свои отличительные признаки» [21, с. 218]. Следовательно, можно полагать, что причина, взаимодействуя со следствием, выступает по отношению к нему не как абсолютно активное начало, а как нечто и активное, и «пассивное». Относительная «пассивность» причины в самом общем виде выражается в том, что причина не может стать действительной, действующей отдельно от действия, вне его пределов и независимо от него. «Причина, которая не действует, – говорил Ф.Энгельс, – не есть вовсе причина» [22, с. 570]. Диалектическая зависимость причины от следствия (действия) особо подчеркивал Гегель. «Лишь в действии, – писал он, – причина действительна и есть причина» [19, с. 331]. «Причина, – читаем у него в другом месте, – есть причина постольку, поскольку она порождает действие» [23, с. 210]. Следовательно, бездействующих актуальных причин или, что то же самое, действительных причин вне пределов своих следствий, т.е. существующих отдельно от этих последних, а стало

быть, предшествующих им по времени, нет и быть не может. Именно поэтому «Cessante causa cessat effectus»[2] [22, с. 607] или как в отрицательной форме выразил по существу эту же мысль И.Кант: действие «не возникало бы, если за мгновение до его появления причина исчезла» [24, с. 269].

Как видим, по отношению к своей причине следствие выступает не как абсолютно пассивное, а как относительно активное начало. В общем, относительная активность следствия в реальной цепи причинения проявляется двояко. Во-первых, следствие является, как уже явствует из предыдущего, необходимым условием осуществления причины, его действительного существования. В этом заключается одна из всеобщих закономерностей причинности, составляющая собой объективную основу обратного воздействия следствия на порождающую его причину. Во-вторых, следствие само полагает себя как новую причину в другом звене причинной цепи, обеспечивая тем самым непрерывный характер этой последней.

Следовательно, взаимодействие между причиной и следствием одновременно снимает в себя как их обоюдную активность, так и их взаимную пассивность. В нем каждая из его полярностей является активной в той же самой степени, в какой другая выступает пассивной. «Взаимодействие, – утверждал Гегель, – выступает как взаимная причинность пред-положенных, обуславливающих друг друга субстанций; каждая из них есть относительно другой в одно и то же время и активная, и пассивная субстанция» [23, с. 222].

Однако, поскольку «причина есть причина в действии и действие есть действие в причине» [19, с. 334], постольку же они, как, впрочем, и любые другие полярности, суть ничто вне и независимо друг от друга. Ввиду этого трудно согласиться с тезисом о возможном существовании причины без следствия и следствия без причины. Подобный тезис мы находим, например, у И.В. Кузнецова, согласно которому причина сначала предшествует своему следствию (т.е. существует одна, без него), затем она сосуществует с ним, и, наконец, «в дальнейшем существует только следствие». В силу этого он приходит к выводу о том, что « причина и следствие – два существенно различных явления; следствие, будучи однажды порожденным, в конце-концов начинает свое существование независимо от причины» [18, с. 258–259]. Между тем в реальной цепи причинения никакое самостоятельное, независимое от причины, существование следствия невозможно (как, впрочем, и наоборот). И это понятно, ведь как диалектические противоположности причина и следствие находятся, как уже подчеркивалось, в отношении взаимообусловливания и поэтому, подобно другим полярностям, они приобретают реальный статус только в своей конкретной соотнесенности друг с другом. И в самом деле, любое явление реального мира оказывается следствием только в пределах своего соотношения с порождающей его реальностью (причиной), точно так же, как и эта последняя выступает причиной лишь с точки зрения своей конкретной соотнесенности с первым. Ввиду этого любая действительная вещь как относительно независимое существование или, точнее, как наличное бытие, не может быть ни голым следствием, ни чистой причиной, а всегда является на самом деле либо превращающейся в следствие причиной, либо же – обращающимся в причину следствием, т.е. диалектическим единством (синтезом) обеих полярностей.

Итак, между причиной и следствием существует взаимное полагание и поэтому они, как действительные явления, могут быть только одновременны. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что взаимополагание этих полярностей (как и любых других) не может быть реализовано иным способом кроме как путем их взаимного упразднения. Точнее говоря, каждая из них может полагать свою другую лишь своим собственным самоотрицанием (упразднением). И в самом деле, причина не может по-

[2] «С прекращением причины прекращается и ее действие» (лат.)

лагать следствие (а точнее, полагать себя как следствие) иначе как «угасаясь» (исчезая) в нем как причина, подобно тому, как и следствие не может полагать новую причину (т.е. самополагаться в качестве таковой), не отрицая свое собственное существование как следствие. Однако, исчезая или «угасаясь» друг в друге, они, тем самым, подобно фениксу, возрождаются вновь, возникают друг через друга. Следовательно, их взаимное упразднение есть на самом деле общее и необходимое условие их взаимного утверждения (возникновения) точно так же, как и наоборот. «Причина, – говорил Гегель, – в своем угасании, в действии вновь возникает и… действие исчезает в причине, но точно так же возникает в ней» [23, с. 217–218].

Подытоживая сказанное, можно сделать четыре основных вывода. Во-первых, причина может появляться раньше своего следствия лишь как потенциальное бытие, как абстрактная возможность. Во-вторых, действующая причина, причина как актуальное бытие может существовать только одновременно со своим следствием. В-третьих, в реальном процессе причинения (шире - детерминации) имеет место диалектическое единство возникновения и исчезновения, т.е. становление. Однако, поскольку становление выступает важнейшим аспектом развития, можно полагать, что всеобщая причинная связь явлений (или всеобщая их детерминационная цепь) на самом деле оказывается всеобщей формой реализации процесса развития материи. И, наконец, в-четвертых, в реальном причинном (детерминационном) процессе между причиной (детерминантом) и следствием (детерминируемым) существует диалектическое, а значит, внутреннее взаимодействие, на базе которого каждая из этих полярностей вступает через другую в активное взаимоотношение с самой собой и поэтому их взаимополагание всегда реально осуществляется как их самополагание. Ввиду этого развитие как имманентный переход причины (детерминанта) в следствие (детерминируемое) и обратно может быть лишь самодетерминируемым процессом. Оно, как процесс самопричинения или самодерминации, всегда определяемо внутренними факторами.

Литература

1. Поликарпов А. Относительность и квант. М., 1966.
2. Леонов М.А. Очерки диалектического материализма. М., 1948.
3. Строгович М.С. Логика. М., 1949.
4. Тугаринов В.П. Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1954.
5. Свидерский В.И. Противоречивость движения и ее проявления. Л., 1959.
6. Шептулин А.П. Диалектический материализм. М., 1959.
7. Кузнецов И.В. Принцип причинности и его роль в познании природы //Проблема причинности в современной физике. М., 1960.
8. Аскин Я.Ф. Проблема необратимости времени //Вопросы философии, 1964, № 12.
9. Аскин Я.Ф. Время и причинность //вопросы философии, 1966, № 5.
10. Уемов А.И. О временном соотношении между причиной и действием //Уч.зап. Ивановского пед. Института, т. XXV, вып.I. Иваново, 1960.
11. Парнюк М.А. Детерминизм диалектического материализма. Киев, 1967.
12. Свечников Г.А. Категория причинности в физике. М., 1961.
13. Rassel B. On the Notion of Cause //Misticism and Logic. L., 1912.
14. Reichenbach H. The Philosophy of Space and Time. № 4., 1962.
15. Wilki, T.S. The Problem of Temporal Relation of Cause and Effect //British Journal for Philosophy of Science, 1950, vol.1, № 3.
16. Fales W. Causes and Effects //Philosophy of Science, 1953, vol.20, № 1.
17. Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. М., 1962.
18. Кузнецов И.В. Избр. труды по методологии физики. М., 1975.

19. Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т.1.
20. Маркс К. Капитал. Т. 1. /Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20.
21. Маркс К. Классовая борьба во Франции / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8.
22. Энгельс Ф. Диалектика природы / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20.
23. Гегель. Наука логики. М., 1971, т.2.
24. Кант И. Критика чистого разума / Кант И. Соч. М., 1964, т.3.

ЭТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Л.В. Володина

В работе исследуется нормативный аспект коммуникации в политической сфере жизни общества. Анализируется специфика политической коммуникации в аспекте системы ценностей принимаемой обществом.

Практически все участники политической коммуникации в своей деятельности руководствуются теми или иными этическими принципами. Однако морально-нравственная проблематика современных коммуникативных процессов все чаще перемещается в центр общественного внимания. Так, исследования, проведенные Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), показали, что «приверженность многих опрошенных моральным ценностям подвергается большим испытаниям. Это проявляется, в частности, в моральном релятивизме, когда не только размывается грань между «добром и злом», но и усиливается «толерантность» людей в отношении отступления от общепринятых норм и правил поведения, особенно когда речь идет о взаимоотношениях с государством. Из 18-ти предложенных респондентам поступков, которые принято считать аморальными или, по меньшей мере, неэтичными, табу для большинства опрошенных стали лишь 5 (их не оправдали бы ни при каких условиях более 75% опрошенных). Это употребление наркотиков, жестокое обращение с животными, обогащение за счет других, пьянство, алкоголизм и детская безнадзорность. По всем остальным позициям (супружеская измена, уклонение от уплаты налогов, уклонение от службы в армии, дача и получение взяток и т.д.) разброс мнений очень широк». [6]

Как мы видим, российское общество демонстрирует высокий уровень терпимости к существованию множественности нравственных стандартов. Это означает, что аморальные действия, не будучи осужденными общественным мнением, получают тем самым право на существование и, в результате, могут стать социально-приемлемыми. Поэтому важным становится вопрос, какие же моральные ценности влияют на социальное поведение? В теориях социализации моральное поведение рассматривается либо как мотивированное страхом перед внешними или внутренними санкциями, либо как результат процессов сверхсоциализации [5]. Проблема политической морали проявляется в конфликте между различными системами ценностей в разных культурах и идеологиях. Общим же для всех является вопрос о легитимности политического действия и необходимости отличать власть от авторитета.

Объективной основой человеческой деятельности выступают социальные законы, определяющие социальный порядок, так как социальные отношения, воспринимаемые индивидами как обязательные, приобретают статус легитимного порядка. «Современное государство в значительной степени функционирует как комплекс специфических совместных действий людей потому, что люди ориентируют свои действия на представление, что оно существует или должно существовать» [2, с.79].

Термин «легитимность» был введен Максом Вебером для отличия «эмпирической» легитимности социального порядка (обычаи, верования, нормы поведения), определяемой его фактической значимостью для людей и проявляющейся в их поведении, от «нормативной» легитимности, характеризующейся формальным соответствием социального порядка юридически оформленным законам [там же, с. 143–144]. Поведение, основанное на легитимности (общественное поведение), Вебер отличает от «простого единообразия социального поведения» [там же, с. 142] (обобщенного поведения), опирающегося на обычай. Порядок, утверждающий свою собственную значимость на вере в его легитимность, обладает большей устойчивостью, чем порядок, основанный толь-

ко на традиции, опирающийся на привычку и определенные нормы поведения. «То, что, наряду с другими мотивами, требования системы сохраняют значимость, свидетельствует о вероятности ориентации поведения на данный порядок» [там же, Ч.2, с. 198].

Многие авторы связывают концепцию легитимности с управлением. Они рассматривают общество не как индивидуумов, обладающих некой культурой, ищущих сообща формы порядка и действия, которые бы защищали и улучшали эту культуру, а как массу или коллектив, который существует как единица управления и пропаганды[1]. Легитимность, таким образом, является результатом процесса взаимодействия всех уровней общества, а именно: элиты и институтов политической власти (включая партии); средств массовой информации; общественных, культурных и политических групп и организаций; индивидов и малых групп (семья, друзья). Управленческие решения в социальных системах вырабатываются и принимаются людьми – коллективами, личностями, имеющими собственную волю. Основой и движущими мотивами социальных систем, следовательно, являются индивиды, объединенные социальными отношениями, организованные в социальные группы, установившие определенные взаимосвязи между собой и скоординировавшие определенным образом свои действия. Таким образом, «формирование государства идет вместе с формированием поля власти, понимаемого как пространство игры, внутри которого владельцы капитала (разных его видов) борются именно за власть над государством, т.е. над государственным капиталом, дающим власть над различными видами капитала и над их воспроизводством (главным образом, через систему образования)» [1, с.165].

Герд Майер выделяет такие важные для легитимности объекты поддержки, как: ценности, представления об обществе, символы и традиции; институты, правила и процедуры принятия решений; властные элиты и качество их действий; успешность функционирования политической системы и блага, ею предоставляемые [12][2]. Следовательно, можно говорить о таких видах или аспектах легитимности, как институциональная, инструментальная и процедурная легитимность.

В современной научной литературе, таким образом, существует несколько подходов к пониманию легитимности.

1). Легитимность означает способность системы порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты наиболее приемлемы для данного общества.

2). В традиции Вебера легитимность означает степень, с какой институты оценивают себя и то, что они считают правильным и должным.

3). Выделяют также политическую легитимность как качество долженствования, присущее политическому режиму, которое признается народом. Легитимным в данном случае признается такое правление (правитель), которое рассматривается как морально оправданное, присущее данному обществу.

Важнейшим видом «соотнесенного с обществом» поведения являются, с одной стороны, специфические общественные институты, а с другой – общественное поведение, соотнесенное по своему смыслу с действиями института. В данном случае под институтами понимают совокупность учреждений, социокультурных норм, традиций, стереотипов поведения, регулирующих общественные отношения. Институт выступает рационально установленным идеальным типом, характеризующимся наличием рациональных установлений и аппарата принуждения. Внутри института обычно выделяют установления, созданные для ориентации общественного социального поведения – право института; и установления, регулирующие прочие действия индивидов данного ин-

---

[1] См. Напр.: [11] – [13].

[2] См. также [8].

ститута. Рационально сформулированные установления называются устройством института, которое сводится к установлению «шанса на то, каким людям, в какой степени и в каких отношениях в среднем практически подчиняются те, кто является участником аппарата принуждения» [2, с.197].

В обществе институты создаются субъектами экономической, социальной, политической, духовной жизнедеятельности для реализации определенных целей и придания общественным отношениям устойчивого, упорядоченного и стабильного характера. Они усложнялись и разрастались по мере прогресса общества, превратившись в совокупность разнообразных учреждений, правовых актов, юридических и общественных норм, обычаев и традиций. Институты традиционного общества характеризовались партикуляризмом, основывались на жестко предписанных ритуалом и обычаем правилах поведения и на родственных связях. Род, большесемейная община являлись доминирующими институтами традиционного общества. С развитием общества стали появляться новые институты, регулирующие отношения между коллективами – политические институты, институты экономического обмена. В ходе своего развития институты становятся все более специализированными, получают все более широкое развитие. Отличительной чертой институтов новейшего времени является их относительно большая независимость от системы моральных предписаний. И, как отмечает Карл Поппер, переход от традиционного (закрытого) к современному (открытому) обществу «имеет место тогда, когда социальные институты впервые сознательно признаются продуктами человеческого творчества и когда их сознательное изменение обсуждается в терминах их пригодности для достижения человеческих целей и намерений» [7, с. 364].

Социальные институты составляют подсистему общества и выполняют определенные функции [4, с. 46]. Подсистемой, имеющей целью адаптацию общества к среде, является экономика. Экономика – это та часть общественной структуры, которая поставляет и распределяет материальные продукты, необходимые членам общества. Функцию достижения цели выполняют политические учреждения, которые выбирают целевые установки общества и побуждают членов общества работать на них. Интеграцией занимаются те институты, которые берут на себя социальный контроль и поддерживают общую культуру. Функцией же поддержания порядка занимаются социализирующие институты (семья, школа, религия), которые согласовывают структуру личностных мотиваций с целями и ценностями общества. Это происходит в тех случаях, когда индивид в процессе социализации приобретает свою индивидуальность и одновременно принимает нормы данного общества. Существуют разные мнения относительно значения нормативных ориентаций для интеграции общества. Так, Т.Парсонс [5] полагал, что разделяемые ценности – необходимое условие стабильности общества. Согласно же Н. Луману [10, с. 27–51], никто не может претендовать на то, чтобы предоставлять средства для всеобщей рационализации согласованности. Но, несмотря на разногласие в вопросе о значении ценностей на макроуровне, существует единое мнение о том, что каждое новое поколение необходимо социализировать и центральное место в этом процессе занимает передача нормативных ориентаций.[3] Социализация, таким образом, воспроизводит общественную структуру, создавая компетентных носителей ролей, которые присоединяются к оценкам общественной системы и приобретают статус принадлежности к этому обществу.

Легитимность, как мы видим, есть совокупность представлений о социальном порядке, в соответствии с которым люди определяют свое поведение. Легитимность тесно связана с понятиями власти и авторитета. Власть как внешнее принуждение опирается на постоянную возможность применения силы, насилия. Сущностью власти выступают

[3] Подробнее об этом см.: Нуннер-Винклер Г. Моральная социализация./ Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб.: Социологическое общество им. М.М.Ковалевского, 2002. – С. 220-244.

отношения руководства и подчинения. Система власти, таким образом, основана на иерархических отношениях субординации, многоуровневого подчинения. Только власть обладает монополией на принуждение с использованием специализированного аппарата. Наиболее важным видом власти выступает политическая власть, понимаемая как способность данного класса, группы, индивида проводить свою волю, где «…степень согласованности позитивных установок представителей элиты на базовые демократические ценности и институты в значительной степени определяет легитимность существующей власти и институтов» [8, с. 218]. Авторитет же выступает одной из форм осуществления власти, основанной на общепризнанном влиянии какого-либо лица или организации в различных сферах общественной жизни. Как отмечает М. Вебер, «… имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований легитимности …. Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, – «традиционное» господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного дара (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, — харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального установления (Satzung) и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил»[3, с. 646] Исполнение приказа, основанного на авторитете, предполагает уверенность исполнителя в его легитимности и исключает сознание того, что за исполнением или неисполнением такого приказа последуют поощрительные или репрессивные акции приказывающего.

Легитимность, таким образом, – это не столько свойство социального порядка, сколько свойство совокупности представлений о нем, в соответствии с которым люди определяют свое поведение. Объективными основаниями легитимности выступают: ценности, концепции (идеи) общества; символы и традиции; институты, правила, процедуры принятия решений; элита власти и качество её политической активности; исполнение (подчинение) и моральное стимулирование. Легитимность социального порядка, выражающаяся в значимости его норм, требований и образцов поведения, может сохраняться и при их нарушении, если нарушитель оказывается вынужденным скрывать свои поступки, нарушающие социальный порядок, что свидетельствует о значимости для нарушителя такого порядка в качестве легитимного, задающего норму поведения. Некоторые авторы под «системой регулирующих механизмов, включающей планы, рецепты, правила, инструкции, которые служат для управления поведением» [9, с. 43], понимают культуру. Культура, таким образом, содержит образцы, помогающие создать представления об окружающем мире, выявить взаимосвязи, ценности и нормы. На основе норм обретают легитимность санкции, которые представляют собой социальные поощрения (уважение, признание) или наказания (штраф, тюремное заключение, выговор), способствующие соблюдению норм. Для обоснования норм, обосновывающих санкции, служат ценности. Санкции, нормы, ценности, следовательно, образуют структуру социальной регуляции (социального контроля). Введенный в оборот американским социологом Г. Тардом, этот термин понимался сначала как один из факторов социализации личности. Росс, в дальнейшем, понимал под социальным контролем целенаправленное влияние общества на поведение индивида в целях обеспечения «здорового» социального порядка. В современной же литературе социальный контроль понимается как средство, обеспечивающее определенное соотношение между социальными силами и человеческой природой, и выражается в следующих формах: элемен-

тарные (в основном принудительные) санкции; общественное мнение; социальные институты (суд, тюрьма). Общественное мнение представляет собой неформальный социальный контроль, а санкции и социальные институты выполняют функцию формального социального контроля.

На современном этапе, по мнению Ю. Хабермаса, наблюдается морализация мировой политики. Происходит переход от «политики интересов и целей» к «политике ценностей». На первый план выдвигаются экологическая проблема, проблемы взаимодействия информационного и культурного факторов, проблемы глобальной безопасности.

Литература

1. Бурдье П. Дух государства: Генезис и структура бюрократического поля / Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб: Алетейя, 1999.sС.125-166.
2. Вебер М. Исследования по методологии наук. М.: ИНИОН, 1980.Ч. I, II.
3. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. /Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с. (Социологич. мысль Запада).
4. Монсон П. Современная западная социология. СПб, 1992.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
1. Политический словарь нашего времени. // Ежегодник ВЦИОМ–2005.: Словарь/DEFAULT.HTM
6. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т.1.
2. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / отв. ред А.В. Дука. СПб.: Алетейя, 2001.
7. Смелзер М. Социология. М., Феникс, 1994.
8. Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб.: Социологическое общество им. М.М.Ковалевского, 2002.
9. Beetham, D. The Legitimation of Power- London, 1991.
10. Meyer, G. Democratic Legitimacy in Modern Society -Tubingen, 1994.
11. Schaar J.H. Legitimacy in the Modern State/ in: Connolly, William. Legitimacy and the State - London, 1984.

ОБРАЗ И ЗНАК ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

И.О. Ломова

В работе язык рассматривается как средство обозначения и коммуникации, состоящее из знака и образа. Предлагается оригинальная интерпретация «треугольника Г. Фреге» с точки зрения современной семиотики.

Представление о реальности мы получаем в процессе анализа чувственных данных. Еще И. Кант показал, что существует две основных способности, посредством которых мы получаем знание: чувственность – способность получать представления и рассудок – способность самостоятельно производить представления. Знание возникает из соединения этих двух способностей, которые рассматриваются как два начала познания одного и того же феноменального мира. В процессе познания окружающего мира человек сталкивается с субъективностью чувственных восприятий. По своему источнику знание бывает чувственным и рассудочным. Первое является апостериорным, а его содержание обусловлено чувственным опытом, второе – априорным, а его содержание является безусловно независимым от всякого опыта. Априорное знание может быть также чистым и эмпирическим. Оно – чистое, если к нему не примешано ничего эмпирического, и эмпиричное – в противном случае. Признаками априорного знания считаются необходимость и всеобщность. Необходимость и всеобщность научного знания обеспечивается априорными формами, хотя и возникает не без участия опыта. С другой стороны, такое знание не является отражением объективной реальности: оно – продукт деятельности субъекта, присущих ему априорных форм созерцания и рассудка. Опыт дает нам реальность, существующую в ощущениях. Значит, можно говорить о двух аспектах знания: с одной стороны, знание есть результат деятельности субъекта, а с другой – знание соотносится с действительностью. Мышление только посредством категорий – это мышление об объектах вообще, вне чувственности, то есть о ноуменах, умопостигаемых объектах. Познавая явления, мы признаем, что в основе их лежит что-то, что мы не знаем, а видим только его проявления. Понятие об умопостигаемых сущностях носит неопределенный характер, их можно только мыслить.

Таким образом, можно вывести выводит два уровня знания – эмпирический и теоретический. Эмпирическое знание есть знание о том, что существует в пределах опыта субъекта, т.е. это знание субъективно, хотя ему придается значение объективности, исходя из того, что берется оно из опыта, но опыт у Канта тоже субъективен. Теоретическое знание – это знание о том, что не находится в пределах опыта субъекта, оно объективно, но сказать об этом объективном, существует оно или нет, мы не можем. Понятие о «вещах в себе» – понятия о границах чувственного созерцания, которое охватывает не все, что мыслится рассудком. Рассудок, создавая понятия о ноуменах, ставит границы своей деятельности, так как познавать в этой области он ничего уже не может, и в этом случае речь идет уже о деятельности, оторванной от сферы явлений [1]. Под физической реальностью нами понимается та сфера, которую немецкий философ обозначил феноменальным миром, а под объективной – ноуменальный мир. Физическая реальность анализируется субъектом посредством чувств и синтезируется в некоторые мыслительные или языковые системы посредством рассудка. Реальность – это сама деятельность субъекта, в результате которой получается знание. Существует ли что-либо реально вне нашего взаимодействия с объектами материального мира – этого сказать нельзя. А, следовательно, и логическое значение таких высказываний не будет верифицируемо.

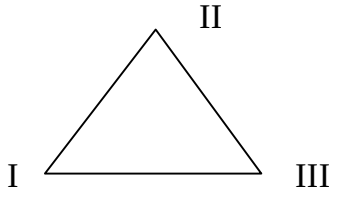
Образ предмета создается в результате взаимодействия субъекта с данным предметом. Образ – это то реальное наполнение знака, существование которого фиксирует, к какой реальности относиться знак. Остенсивный этап познания служит необходимой предпосылкой для установления отношения между образом и знаком - это первое не-

формальное логическое действие, которое совершает субъект в процессе познания окружающего мира. Конкретный образ, представление о предмете существует для субъекта как физический объект определенного класса. Такое отображение реальности может быть передано одним субъектом другому посредством языка. Язык обладает двумя главными функциями – обозначения и коммуникации – и служит для выражения результатов взаимодействия субъекта с природой, социумом. Единица языка представляет объединение двух различных структур – знака и образа. Не всякое слово, обладающее смысловым значением, является знаком. Смысловое значения является необходимым условием для возникновения знака, поскольку, например абракадабра из знаков «пр8ун» не отсылает нас к физическому объекту. Здесь мы исключим из рассмотрения ситуацию, когда набор в строке поиска такого сочетания, как lib.ru, отсылает нас к определенной странице с информацией. Однако одного только смыслового значения недостаточно. Знаковая ситуация возникает, когда набор знаков или знак отсылает субъекта к определенному предмету. Языковой знак – единица, которая существует в целях коммуникации.

Знак – это тот закон, по которому развивается взаимодействие двух разных, по различным законам развивающихся миров – таковыми являются индивиды, выполняющие различные функции в процессе социальной коммуникации. Немецкий логик и математик Г. Фреге пишет, что «собственное имя, знак, соединение знаков выражает свой смысл, означает или обозначает свое значение» (цит. по [2, с.504]). Ю. С. Степанов определяет понятие знаковой системы как «материального посредника, служащего обмену информацией между другими материальными системами» [3, с.10], а знак как нечто, выделяющееся из системы. Отметим, что термин «информация» здесь рассматривается как особая часть энергии, однако чем отличается эта часть энергии, он не оговаривает, отмечая лишь, что она упорядочена и противопоставлена энтропии. То, что раньше было непосредственным, становится опосредованным, обнаруживает свой двойственный характер. Связь между материальными объектами – носителями противоположных функций – осуществляется через посредника, через знак, который по сути своей произволен, т.е. с одной стороны освобожден от органической связи с воздействующим материальным субстратом, на который он направлен, с другой – запечатлевается в материале познающего субъекта, сущность которого также отлична от самого знака.

Момент появления знакового взаимодействия совпадает с моментом появления сознания как отражательной деятельности субъекта, которая отвлечена от актуально переживаемых ситуаций. О «моменте» можно говорить условно, поскольку точнее было бы описать это как развитие знакового взаимодействия, как развитие сознания, а это, конечно, постепенный процесс. Постепенное преодоление непосредственного характера взаимодействия мы находим и на доречевом уровне развития, и это преодоление представляет смысл той градации знака, которую приводит Ю.С. Степанов. Однако вещь имела значение всегда, и до знака, и в процессе его градации. Возрастание уровня знаковости вещи соответствует ее отделению самой вещи от ее знака. Но вот осознание этого значения было не всегда – оно появляется, когда процесс получает завершение, когда разрыв между вещью и знаком доходит до предельной точки. Действительно, значение было всегда, но оно было «в вещи», когда появляется знак в социально-коммуникативном смысле слова, тогда значение «в себе» переходит в значение «для себя». Этот момент возникновения означаемого и означающего, когда все становится знаком, по существу, есть момент возникновения связи. Человек, освобожденный от непосредственной органической связи со средой, получает возможность привести в соответствие структуру своего сознания со структурой мира как целого, а не только той его части, которая важна для биологического организма. Пятигорский по этому поводу отмечает «человек живет в мире выбора. Семантическая позиция «знак – означаемое»

не является структурой сознания, а является одним из концептов позитивного научного знания» [4, с. 32]. Всеобщая связь сознания со структурой мира для того, чтобы стать действительно всеобщей, должна быть разорвана и опосредована. Знак, являясь посредником между принципиально не тождественными друг другу субъектами взаимодействия, имеет не один, а два или более содержания. Между человеком и миром, между человеком и другим человеком, внутри самого человека. Такое формирование знакового взаимодействия и получает свое завершение, когда ни в мире, ни в субъекте не остается ничего, что не было бы знаком. Чтобы представить этот процесс, можно обратится к схеме «вращения» треугольника Фреге, предложенной Ю. С. Степановым. Напомним, что треугольник Фреге схематизируется так:



I. Денотат – предмет, вещь, явление действительности.

II. Знак – имя, математический символ, слово.

III. Концепт денотата – понятие о предмете, вещи.

Степанов считает, что в треугольнике, предложенном Фреге, отношения между денотатом, знаком и понятием рассматриваются в различных областях знания различно, а связь между углами линейна, и предлагает снять эти ограничения и рассматривать треугольник в любом направлении. К идее вращения треугольника, не формулируя ее, приходит и сам Фреге. Он указывал, что бывают случаи, например, в косвенной речи, когда мы говорим о смысле речи другого лица, поэтому следует отличать обычное значение слова от его непрямого значения, а обычный смысл от непрямого смысла [3]. Схематично это можно представить как процесс вращения треугольника с закрепленными вершинами. Таким образом, посредником становится любой из элементов, не только знак между предметом и концептом, но и концепт между предметом и знаком. Из схемы, предложенной Степановым, вытекает, что в каждой вершине за идеальными явлениями отражения в сознании стоят материальные явления. В условиях знакового взаимодействия посредником между двумя материальными объектами или системами выступает не только «знак» в узком смысле, но и каждая из материальных систем, вступающих в такое взаимодействие. Каждая такая система способна выполнять и материальную и идеальную и знаковую функции. Развитие знакового взаимодействия это не только процесс выделения знака из смыслового поля объекта, но и процесс когда взаимосвязь знака и объекта становится более «мягкой», способной к обратимости. Для того, чтобы такая обратимость имела место в процессе познавательной деятельности субъекта, она должна находить свое основание внутри самого субъекта. «Человек в целом есть знак, его мысль – знак, его эмоция – знак. Но если все знаки выступают как знаки друг друга, то могут ли они, в конечном счете, быть знаками чего-то, что само не было бы знаком? Чтобы в этом умножении знаков до бесконечности не растворилось бы само понятие знака, нужно, чтобы где-то в мире существовало различие между знаком и означаемым. Это и есть условие означивания» [5, с.70]. Таким различием выступает сам субъект, в котором различные функции бытия приобретают и теряют свое изначальное единство. Но так как мы в потенциальном субъекте имеем дело с единством противоположностей, то здесь мы возвращаемся с речевого (человеческого) уровня на доречевой уровень, характеризующийся именно нерасторжимым единством функций отражения и воздействия внутри материальной системы. Мир до человека – это мир непосредственных взаимодействий, в котором все взаимодействующие системы едины, тождественны, поскольку знаковость – это свойство вещи, которым она обладает неза-

висимо от психологических особенностей человека. Далее они разделяются и начинают множить знаки. Когда знак достигает степени языка, системы снова едины. Это единство может быть реализовано только через знак.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. / Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 3. М.:1964.
2. Бирюков Б. В. Теория смысла Готлоба Фреге // Применение логики в науке и технике. М.: 1960.
3. Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971.
4. Пятигорский А. А. О некоторых теоретических предпосылках семиотики. М., 1981
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

ФИЛОСОФИЯ КАК ХИМЕРА

Г.П. Любимов

В работе представлена оригинальная интерпретация проблемы статуса философского знания в духовных поисках человека и общества на различных этапах истории. Рассматриваются проблемы взаимоотношений философии с мифологией, религией, наукой. Показано, как онтологические трансформации фиксируются в опыте переоценки ценностей различных веков.

В справочной литературе можно прочитать, что в современном речевом обиходе химера трактуется как символ праздной фантазии или чего-то несбыточного, и слово это пишется с маленькой буквы. Химера же, существо мифологическое, по свидетельствам и Гомера, и Гесиода имела божественное происхождение, а корни ее уходят в неисповедимые тайны Хаоса, если опираться на текст «Теогонии». Она – дочь Ехидны (полуженщины-полузмеи, дочери Тартара и Геи) и Тифона (младший сын Геи и Тартара). По описанию, Тифон имел сотню драконьих голов, туловище до бедер было человеческое, а вместо ног – змеи. Химера наследует эту принципиальную неоднородность своих родителей, каждая ее часть претендует на самобытность и своеобразие. Она никак не может слиться в нечто единое, предстать как нечто законченное и гомогенное. Каждая часть ее существа представляет какие-то особенные черты бытия. Как одно из произведений первого поколения богов, она оказывается неотъемлемым и в этом смысле необходимым моментом этого порядка бытия. Но ее судьба свидетельствует о том, что Химера принадлежит к сонму антигероев, т.е. к тем силам, которые существуют для того, чтобы рано или поздно быть побежденными иными силами, силами нового порядка, «подлинными героями», и в этом смысле она не вечна. Бытие Химеры и ей подобных существ есть «бытие к смерти» через утверждение новых «светлых» сил. Она представлена как совместимость несовместимого, как оксюморон, нежить, как то, что выпадает из сферы непосредственно очевидного, становится пробоиной в бытии привычном, накатанном. Химера – вызов и проверка прочности становящихся новых устоев. Она несет вред и горе, хотя подробности ее злодеяний прописаны весьма глухо, дескать, «опустошала страну». Она – как бы символ того, от чего никому нет спасения, а само приближение ее несет смерть. Видимо, она есть то Враждебное, без уничтожения чего невозможен новый порядок. Образ Врага как такового, ибо все дети Урана и Геи страшны и ужасны. «Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном, были ужасны и стали отцу своему ненавистны с первого взгляда», – пишет Гесиод. Победа над ними – опыт переоценки ценностей, в ходе которой на место необузданной, ничем, кроме себя, не ограниченной хтонической мощи, приходит сила порядка, основанного на законе, на признании изначальной и разумной гармоничности бытия. Космогонический миф объясняет порядок Космоса действием теогонического механизма порождения все новых и новых богов. Смена божественных поколений, теогония, которая происходит насильственным путем вплоть до добровольной передачи верховного трона Зевсом своему сыну Дионису (по версии орфиков–пифагорейцев), демонстрирует модель теоретически бесконечного процесса, не имеющего своих предельных оснований, кроме виртуальности Хаоса. Гесиод, говоря об олимпийцах как о последнем поколении богов, произвольным образом прекращает теогонию, никак не объясняя механизма этой остановки.

В метафизическом плане Философия рождается также из Хаоса, поскольку в нем находятся корни всего сущего, но демонстрирует иные его ресурсы, а именно, рациональные. Она, как и Химера, «вызывает на бой», но не новые, рациональные, а прежние, мифологические, порядки макро и микрокосмоса. Само существование Химеры и ей подобных существ мифа, как и существование Философии, по сути своей, противостоит установлению единообразного мира как условия мира безопасного. Мир хтонических сил есть мир непрекращающейся борьбы за власть и установления своего по-

рядка бытия как порядка предельного и окончательного. Однако, в силу разнородности этих сил, каждый новый порядок изначально несет на себе печать своей смерти. Восстание Кроноса против Урана, Зевса против Кроноса заканчивается поражением прежнего порядка в силу того, что раз запущенный теогонический механизм не может остановиться сам по себе, он не есть абсолютный перводвигатель, не есть абсолютная первопричина или causa sui.

Философия, в определенном смысле, наследует опыт теогонический. В самом деле, в истории европейской философии с самых ее начал можно зафиксировать две тенденции. Суть первой заключается в том, что есть некий единый, подлинный, неизменный порядок бытия, который в принципе может быть постигнут разумом. Вторая тенденция сутью бытия считает принципиальную его неустойчивость, вечную изменчивость и преходящий характер и постижение этих свойств также доступно силе разума. Уже концепции Парменида и Гераклита фиксируют эти тенденции. С одной стороны мы видим стремление к поиску оснований единственного и подлинного бытия, вечного, равного самому себе, неизменного во времени. С другой стороны представлено стремление к поиску бытия, находящегося в вечной борьбе противоположностей, бытия, подчиненного действию только Логоса, который, однако, сам по себе также неизменен. В дальнейшем это выражается в фиксации двух родов бытия: бытия самого по себе и бытия для нас. Одно из них отражается, другое конструируется. Обе имеют достаточно солидную аргументацию, но не есть ли обе они химеры, в современном прочтении этого термина? (Как праздной фантазии или несбыточной мечты?) Есть ли, существует ли как область чистого смысла, область полноты бытия того, что есть закон, добро, красота, справедливость и т.п.? И, если они есть, то существуют они в мире трансцендентном или в эмпирическом? А если их как таковых нет, т.е. нет их самостоятельной бытийственности, то не есть ли они как раз «праздный» вымысел, фикция, существующие лишь в сфере нашей быстротечной человеческой жизни, т.е. в сфере мнений? То ли дело признать существование лишь того, что может быть проверено опытом, практикой, верифицировано и т.п., а все остальное либо вынести за скобки, как не имеющее таковой проверки, либо как логическую ошибку в рассуждениях, либо как языковые неувязки! Если не подтвердилась к настоящему времени некая идея, например, совершенного государства или прекрасного будущего, значит, ничего не поделаешь, химера это, иначе говоря, вздор и праздный вымысел. Однако возникает вопрос, звучащий как резонное возражение: «А что, история уже есть нечто завершенное, просчитанное или прочувствованное, или проведанное и нет в ней больше никаких секретов? Она уже вся развернулась в своей предзаданности, состоялась во всей своей полноте и раскрылась во всех своих сюжетах?» Просто, может быть, один праздный вымысел борется с другим, вытесняет и замещает его, фиксируя некую предпочтительность выбора субъекта, обусловленную, скажем, данным историческим контекстом и только, не претендуя на бытийственную предпочтительность?

Еще раз вернемся в древние времена. На мой взгляд, Беллерофонт (на стороне которого стояли боги нового порядка), победив Химеру, тем самым инициировал процесс ее превращения в химеру. Но он не уничтожил ее как Химеру. Превращение Химеры в химеру – не просто результат языковых трансформаций, за этим скрываются онтологические катаклизмы, утрата Химерой и мифом жизненной энергетики, превращение жизни в повествование о ней. В античном мире философия вбирает в себя ряд функций Химеры, поскольку философский порядок постепенно приходит на смену порядка мифологического, оказываясь элементом нового порядка бытия, прежде всего, вариантом жизни, способом понимания и устроения жизненного мира, а не праздными размышлениями о нем, сохраняя при этом потенциал сопротивления как «образ Врага».

Если обратиться к периоду средних веков, то античный вариант философии, номинируемый как «эллинская мудрость», считается явно враждебным христианству с

его опорой на Откровение. Философский проект античности достаточно длительное время предстает именно как Химера, т.е. признается новым порядком как реальная жизненная сила, с которой нужно бороться вовсе не так, как с досужим вымыслом. Нужно было «переписать» старые ценности, лишить их прежней силы, превратить в химеру либо уничтожить. Частично удалось переписать, т.е. вложить новые смыслы в старые понятия, отвести философии почетное место в качестве первой служанки теологии, представить ее в качестве разумного помощника в делах веры, но отнять у разума его прежнее ведущее место. Беллерофонт вновь победил, Философия превратилась в философию. Но силы Химеры опять не уничтожены, они просто либо адаптировались к новым порядкам (в экстремальном варианте стали их адептами), либо погрузились на время в состояние анабиоза.

Возрождение, не отвергая теоцентризм средних веков, приоткрывает дверь в природу, создает метафизические предпосылки для ее исследования, а Новое время начинает реализовывать эту возможность в программах эмпиризма и рационализма. Философия как Химера выступает реальной силой, когда нужно было свести счеты со схоластикой, выработать новые методологические правила познания мира природного, и она же становится химерой, когда эта задача в основном оказывается выполненной. Достаточно напомнить знаменитое высказывание сэра И. Ньютона: «Физика, бойся метафизики!» Хотя оно, видимо, сформулировано в пылу полемики с Декартом и картезианцами, но выглядит как общее предостережение, разделяемое во многом дальнейшей позитивистской философией науки. Девиз «Наука – сама себе философия» содержит желание приручить Философию как Химеру и стать ей. Однако весь исторический опыт позитивизма показал химеричность данного проекта, оборотной стороной которого оказался иррационализм. А где же Химера? А она остается именно как вызов и протест, как проверка на прочность того, что сегодня признается жизненно важным. Это и есть Философия как вечная возможность и необходимость задавать неудобные вопросы, как вечная неудовлетворенность сегодняшним днем, «польза от которой сомнительна, а вред возможен», как прозорливо заметил один наш исторический государственный муж, закрывая факультеты и кафедры философии в России. Да, философия может очень неплохо уживаться с тем или иным государственным устройством. Но Философия как Химера не может не причинять вреда, она не может и не должна уживаться с установленным порядком.

Сегодня философия, как, наверное, и в прежние времена, амбивалентна в контексте ее Х/химерического прочтения. Она, может быть и нередко, предстает как химера (вздор и т.д.), но ведь и как Химера тоже. Как своеобразный сторож и дозор, дневной и ночной, но стерегущий не спокойствие одинаковости, а, как раз напротив, вызывая беспокойство, сомнения, не давая возможности застою, провоцируя неодинаковость и, тем самым, волю к жизни, как преодолению и возвышению самое себя.

ПРОЦЕССЫ ОНАУЧИВАНИЯ КАК ПРАКТИКИ ЭРОЗИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА

П.Г. Любимов

Работа посвящена влиянию научно-технического прогресса на жизнь человека и общества. Прослеживаются и анализируются взгляды ведущих философов и социологов XX столетия проблему взаимодействия науки и «жизненного мира».

Ускоряющийся научно-технический прогресс выявил неизбежные и имманентные пределы, связанные с ограниченностью природных ресурсов, политической нестабильностью, социальными конфронтациями, растущей неустойчивостью человеческой психики и, конечно, с ограниченностью самой науки и применяющей ее открытия техники (в данной работе наука и техника рассматриваются как единый комплекс, каким он, по сути, и является в настоящее время). Классическое естествознание, возникавшее под оптимистическим лозунгом освобождения креативных сил человека («Знание – сила») и воплощения его достижений в технической практике, сегодня становится одной из отраслей не только венчурного, но и вполне рутинного бизнеса, утрачивает культурообразующую функцию и порождает многочисленные глобальные проблемы. В свое время Н.А. Бердяев прозорливо заметил, что «…произошла величайшая революция, какую только знала история, – кризис рода человеческого, революция, не имеющая внешних признаков, приуроченных к тому или другому году, подобно революции французской, но несоизмеримо более радикальная. Я говорю о перевороте, связанном с вхождением машины в жизнь человеческих обществ. Я думаю, что победоносное появление машины есть одна из самых больших революций в человеческой судьбе. Происходит как бы вырывание человека из недр природы, замечается изменение всего ритма жизни. Она становится между человеком и природой, она не только по видимости покоряет человеку природные стихии, но она покоряет и самого человека; она не только в чем-то освобождает, но и по-новому порабощает его» [1; с. 117].

Однако развитие социально-гуманитарного знания и антисциентистские общественные движения вносят коррективы в данный процесс. Благодаря этому создаются альтернативные интеллектуальные ресурсы, происходит формирование новых парадигм в области естественных и технических наук, необходимыми элементами которых становятся гуманитарная экспертиза, социальный контроль, междисциплинарное взаимодействие и сложные развивающиеся системы. Философия науки и науковедение рисуют сегодня многомерный, исторический, социально и антропологически нагруженный образ науки, в котором главное место отводится анализу взаимодействия когнитивных, психологических, культурных и космологических факторов ее развития. Выясняется, что многие науки не дистанцируются полностью от жизненных смыслов как предмета исследования и мировоззренческих ориентиров.

Одновременно и жизненный мир, сфера повседневности трансформируется под влиянием цивилизационных реалий настолько, что требует, подобно современной науке и технике, исторической, неклассической интерпретации. С другой стороны разрыв между миром науки-техники и жизненным миром зафиксирован, но на этом история не заканчивается, наступает следующий этап – мир науки пытается поглотить жизненный мир. Можно назвать этот процесс онаучиванием и технизацией жизненного мира, которые чреваты утратой ряда жизненных смыслов. Одновременно гуманизация и антропологизация науки оказываются оборотной стороной ее вульгаризации и снижения креативных потенций. При этом мир науки и жизненный мир человека уже не просто разводятся на разные полюса. Это полюса, между которыми осуществляется постоянный обмен смыслами; это инстанции, существование которых обеспечивает как динамику культуры, так и напряженность философского дискурса.

Таким образом, сегодня в сами жизненные миры все больше и больше вплетается наука, серьезно трансформируя, а часто и замещая своими ориентациями и структурностями фундаментальные принципы существования жизненных миров.

На основании сказанного актуальной представляется работа А. Турена «От обмена к коммуникации: рождение программированного общества». Автор следующим образом формулирует основные признаки программированного общества: «В программированном обществе социальный конфликт характеризуется тем фактом, что контролирующий класс появляется, чтобы управлять всеми аспектами социального существования, тем самым препятствуя угнетенным классам говорить или действовать с позиции их собственной социальной и культурной автономии. Эти классы поэтому вынуждены противостоять социальному господству во имя единственной вещи, которая может не поддаваться захвату контролирующим классом, – природы» [2; с. 423–424].

И далее: «В программированном обществе единой основой как протеста, так и контрнаступления является счастье, т.е. всеохватывающее понятие организации социальной жизни, основанной на учете потребностей индивидов и групп в обществе. Это значит, что арена социальной борьбы в программированном обществе определяется уже не так, как в предшествующих: в аграрных обществах все, очевидно, было связано с землей; в торговых обществах горожанин, житель был главным «актером»[1]; в индустриальном обществе таковым был рабочий. Но в программированном обществе это уже социальный «актер» в любой из многих своих ролей, можно даже сказать – просто живое существо» [2; с. 424].

Так, в общих чертах, рисует Турен жизнь в программированном обществе. Не зря корнем слова «программированное» выступает слово «программа». Человек полагает, что он сам что-то сделал, эта вещь – плод его труда, но оказывается, его жалкие усилия были предусмотрены программой. Никакой свободы, все, что мы получаем – предугадано, предусмотрено. Как в компьютерной игре, где есть определенное количество возможностей у главного героя, и он живет, действует в этом «мирке», согласно правилам программы и не может выйти за ее пределы.

Вот, к примеру, позиция Тоффлера, изложенная им в знаменитой работе «Future shock», где он утверждал, что на смену «индустриальному обществу» придет «супериндустриальное общество». Многое в этой возникающей цивилизации противоречит традиционной индустрилаьной цивилизации. Это в одно и то же время и в высшей степени технически развитая, и антииндустриальная цивилизация. “Третья волна[2] несет с собой подлинно новый образ жизни, основанный на диверсифицированных, возобновляемых источниках энергии; на методах производства, которые делают устаревшими большинство фабричных сборочных линий; на какой-то новой («ненуклеарной») семье; на новом институте, который мог бы быть назван «электронным колледжем»; на радикально преобразованных школах и корпорациях будущего. Формирующаяся цивилизация несет с собой новый кодекс поведения и выводит нас за пределы концентрации энергии, денежный средств и власти» [4; с. 85].

О. Тоффлер одним из первых подметил произошедшие за последнее время коренные изменения в культуре общества, особенно западного. Нарастающая сила потока информационного обмена между людьми породила новый тип культуры, в которой все подчинено необходимости классификации, унификации с целью наибольшей компрессии и повышения эффективности при передаче от человека к человеку, будь то лично или через средства массовой информации.

---

[1] не творец (актор), а играющий чужую роль – актер.

[2] По мнению Тоффлера, Третья волна радикально меняет направление развития индустриального общества, часто полностью отрицает то, что существовало прежде. Рождается новая цивилизация со своими собственными перечисленными выше признаками.

Со временем полная автоматизация позволит клиенту – через посредство компьютера, который будет регулировать соответствующие процессы – самому конструировать нужную ему продукцию. Так что в итоге потребитель станет такой же частью производственного процесса, какой на современном умирающем производстве является сборщик, работающий на конвейере.

Одним словом, происходит как бы возвращение в общество «просьюмера»[3], который был господствующей фигурой в обществе «первой волны»[4]. Но, разумеется, это будет «просьюмер, оснащенный современной техникой, работающий в электронном коттедже и ведущий современный образ жизни» [4; с. 96]. По мнению К. Ясперса, «…все возрастающая доля труда ведет к механизации и автоматизации деятельности работающего человека. Труд не облегчает бремя человека в его упорном воздействии на природу, а превращает человека в часть машины. Вследствие уподобления всей жизненной деятельности работе машины общество становится похоже на одну большую машину, организующую всею жизнь людей... Следствия этой машинизации проистекают из абсолютного превосходства механической предначертаннсти, исчисляемости и надежности. Все, связанное с душевными переживаниями и верой, допускается лишь при условии, что оно полезно для цели, поставленной перед машиной. Человек сам становится одним из видом сырья, подлежащего целенаправленной обработке. Поэтому тот, кто раньше был субстанцией целого и его смыслом – человек, – теперь становится средством... частная жизнь становится пустой, механизируется, и досуг, удовлетворение превращаются в работу» [3; с. 144].

Следствием этого, замечает мыслитель, оказывается либо состояние глубокой неудовлетворенности собой, либо человек отказывается от самого себя, превращаясь в функционирующую деталь машины. Такой человек теряет свою индивидуальность, перспективу прошлого и будущего, он в состоянии лишь ограничиться узкой полоской настоящего.

Может быть, К. Ясперс несколько драматизирует ситуацию «удрученности» человека в новом обществе, но делает это невольно, беря за точку отсчета сегодняшний или завтрашний день, а не общественные отношения «информационного века».

Но мы уже вступили в век XXI и, хотя бы отчасти, располагаем его реалиями. Смею утверждать, что в некоторых аспектах позиция Ясперса утрачивает свою силу, так как попытка понять жизненный мир человека сегодняшнего времени как сферу субъективности наталкивается на неожиданное препятствие. Оказывается, что жизненный мир на деле в значительной мере вынесен за пределы психики. В современную эпоху общение с техникой явно выходит на первый план по сравнению с общением между людьми или с природой, в особенности, если учесть, что два последних типа общения также почти невозможны вне технических средств. Мы только и делаем, что переходим от компьютера к телефону, а от него – к телевизору. Выходя на улицу, мы не в состоянии обойтись без автобуса, трамвая, метро, автомобиля, мобильного телефона, транзистора, велосипеда, роликов, детской коляски и т.п. При этом роль техники как средства порой отходит на второй план: телевизор, телефон, машина, компьютер становятся ценностью сами по себе, как бы независимо от того, насколько они помогают общению людей между собой или с природой. По телевизору мы смотрим передачи о самих тележурналистах; телефон играет нам встроенную в него электронную музыку; мойка, заправка, покупка запчастей и ремонт машины, разговоры на эту тему отнимают значительно больше времени, чем машина его экономит. А компьютер, возможности

---

[3] от англ. prosumer - проактивный и наделенный властью потребитель. Как утверждает О.Тоффлер, просьюмер - это новая прослойка населения, которую он называет "потребительский слой"

[4] Под «первой волной» Тоффлер подразумевает переход человечества от общества охотников и собирателей к аграрной цивилизации

которого опережают потребности рядового пользователя на годы, а то и десятилетия вперед?

Вершиной информационной революции нашего времени сегодня объявляется Интернет, который многими рассматривается как едва ли не главное открытие XX века, принципиально расширяющее человеческие возможности. В первую очередь это возможности общения. Привычные средства связи – телефон, почта, телеграф – медленнее и дороже интернетовского «мэйла» и телефона. Но попробуем пойти дальше и задать вопрос о качестве этого общения и его субъектах. Для человека, лишенного семьи и живого общения с друзьями, обремененного физическим недугом, Интернет – несомненная находка, дающая ему выход в мир. Он также помогает поддерживать общение с близкими людьми, если эти близкие вообще в наличии. Все остальное, что предлагает Интернет желающему общаться человеку, не выходит за пределы того, что уже известно нам из увлечения радиоделом или практики «pen friends» – дружбы по переписке, которой увлекалась наша молодежь с начала 60х годов XX в. в отсутствие возможности ездить по миру. Для тех же, кто мог свободно передвигаться, практика «pen friends» была в основном способом организации дешевого туризма. Из этого редко вырастало что-то большее; и сегодня Интернет тоже позволяет быстро завязывать и столь же быстро заканчивать анонимные знакомства, которые ни к чему не обязывают, и едва ли способны перерасти во что-то большее, оставаясь в рамках Интернета. Правда, можно пойти немного дальше, вместо друга по переписке будет сидеть автомат, также как человек вести беседу. К чему все это в итоге приведет, можно лишь догадываться. Но процесс не остановить, можно менять только цели и предугадывать ситуации.

Можно вновь и вновь приходить к незамысловатому выводу, что наука и техника поглощают жизненный мир человека, пытаясь разрушить его. Человек перестает видеть реально, он начинает видеть сквозь призму научного и технического знания. Напомню работу М. Хайдеггера «Вопрос о технике», где идейным термином выступает «постав»: "Угроза человеку идет даже не от возможного губительного действия машин и технических аппаратов. Подлинная угроза уже подступила к человеку в самом его существе. Господство постава грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины... Существо современной техники таится в поставе. Его власть отвечает судьбе исторического бытия. Последняя всегда посылает человека на тот или иной путь раскрытия потаенности, поэтому человек постоянно ходит по краю той возможности – а значит, приближается к тому, что будет исследовать и разрабатывать только вещи, раскрытые по образу постава, все измеряя его мерой. Тем самым закроется другая возможность – что человек все раньше, глубже будет вникать в существо непотаенного и его непотаенности, принимая эту требующуюся для ее раскрытия принадлежность к ней как свое собственное существо» [5; с. 221–236]. Получается, что чем больше погружается человек в мир непотаенности или науки, тем больше он теряет связь с жизненным миром. Или еще жестче – даже и не связь теряется, а сам Lebenswelt[5] уничтожается.

«Но есть ли наука, – пишет Хайдеггер, – лишь нечто сделанное человеком, просто взвинченное до небывалого размаха, так, что можно было бы считать, что в один прекрасный день по воле людей, решением каких-нибудь комиссий ее удастся снова упразднить? Или здесь происходит событие какого-то большего размаха? Не правит ли в науке еще и нечто другое, помимо простой человеческой любознательности? Именно так оно и есть. Здесь властвует что-то другое. Только это другое скрыто от нас, пока мы цепляемся за привычные представления о науке» [5; с. 238–252].. Хайдеггер заключает, что современная техника как поставленное обнаружение не есть дело только человека,

[5] Жизненный мир – мир пред-данностей, первоначальных, допредикативных очевидностей

она сама заставляет человека быть поставленным, служить ей. И это притязание, побуждающее человека к противостоянию природе посредством современной техники, он называет Gestell. Согласно мыслителю, современные технологические процессы, в отличие от техники доиндустриального общества, никогда не создают вещей в строгом смысле этого слова. Они наоборот, разрушают вещи, превращая их в артефакты, то есть в обезличенные, полностью лишенные авторства, искусственно созданные изделия. Утрачивается естественность, все метафизическое, духовное, не поддающееся математическому выражению. Gestell, по М. Хайдеггеру, означает именно такое техническое отношение к миру, и не только к природе, но и к самому человеку. В результате такого отношения к миру техника становится человеком, а человек становится техникой. Бытие технизируется, а техника становится сущностью современного бытия.

Gestell оказывается не только сущностью техники, но и сущностью человека. Над человеком и его бытием нависла угроза катастрофы. И если человек хочет ее избежать, уйти от этой катастрофы, он должен осуществить поворот, обратившись к самому себе, к познанию своей сущности и сущности техники.

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990
2. Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества. / Новая технократическая волна на Западе. Под ред. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986.
3. Ясперс К. Современная техника. / Новая технократическая волна на Западе. Под ред. П.С.Гуревича. М.: Прогресс, 1986.
4. Тоффлер О. Третья волна. // США – экономика, политика, идеология. 1982. № 7–11.
5. Баталов Э.Я. О книге Э. Тоффлера. // США – экономика, политика, идеология. 1982. № 7.
6. Хайдеггер М.. Вопрос о технике. / М. Хайдеггер. Время и бытие. М.: Республика, 1993.

ЧТО ТАКОЕ «СЛОЖНОСТЬ»?

А.С. Милославов

В работе на примерах из философских и научных текстов анализируется понятие сложности. Выявляются принципиальные характеристики сложных систем и объектов.

Известно, что одной из функций философского знания является экспликация универсалий культуры на основе их рационализации и систематизации. Культура – безусловно, многогранное явление, но одной из важнейших ее составляющих является язык. Именно благодаря языку универсалии культуры фиксируются, транслируются и нередко наполняются конкретно-историческим, предметным содержанием. Поэтому одной из задач философии является прояснение и уточнение смысла терминов, используемых человеком в процессах коммуникации.

Вероятно, не вызовет возражений утверждение о том, что в практике повседневного общения мы достаточно часто употребляем для характеристики каких-либо сущностей термины, образованные от слова «сложность». Например, услышав вопрос или познакомившись с какой-то проблемой, мы предваряем выражение нашей точки зрения замечанием: «Это сложный вопрос (проблема)». По-видимому, чаще всего эта ситуация свидетельствует о том, что мы не имеем однозначного ответа, не видим быстрого решения или просто хотим предварить собственно изложение нашей точки зрения пространным вступлением, выполняющим функцию объяснения. Конечно, в большинстве случаев, когда мы находимся в ситуации повседневной (бытовой) коммуникации, уточнять, что имеют в виду, говоря о «сложности», по-видимому, не требуется.

Другое дело, если тот или иной термин используется в научном или научно-практическом контекстах. Научная терминология отличается строго фиксированным в рамках той или иной области знания смыслом и достаточно точно определенной областью значения. Небрежное обращение с терминами может привести, например, к следующей ситуации. «Современная цивилизация отличается сложностью и многообразием. Нельзя утверждать, что традиционные общества просты по определению. В некоторых сферах именно наша цивилизация является простой. Индийское кастовое общество и традиционное австралийское – вот два ярких примера, соответственно, социальной и культурной сложности. Тем не менее, современная цивилизация занимает особое положение: она является доминирующей, постепенно становясь всеохватывающей» [1, с. 65]. Очевидно, автор цитируемой работы не слишком озабочен терминологической строгостью, и, как следствие, для читателя остается непонятным, чем современная цивилизация сложнее традиционного общества.

Сложность как характеристика встречается не только в сфере гуманитарного знания, но и в естественных науках, например, в области биологии. «Удивительно не только то, что клетки современных эукариотов намного крупнее, чем клетки архебактерий и бактерий, но также и их сложность… Как произошло это сравнительно быстрое увеличение сложности и информационного содержания?» [2, с. 84]. Думается, что для ответа на сформулированный вопрос разумно, прежде всего, прояснить, что имеется в виду под терминами «сложность» и «информационное содержание».

Обратим также внимание читателя на то, что в последнее время «сложность» является характеристикой, играющей важную роль в процессе преподавания различных дисциплин. Это связано, прежде всего, с практикой внедрения компьютерного тестирования при проверке знаний учащихся. Современные системы дистанционного обучения позволяют ранжировать вопросы в зависимости от степени их сложности. Поэтому

представляется важным разработать точные критерии и зависимости, в соответствии с которыми тестовый вопрос может быть оценен как более или менее сложный.[1]

Наконец, следует отметить, что в современной научной литературе понятие сложности не только применяется для характеристики различных сущностей, но и служит одним из ключевых моментов, вокруг которых конституируются новые научные дисциплины (кибернетика, теория систем, синергетика и т.п.) и формируются новаторские методы исследований. Так, например, труд «Информация и самоорганизация» Г. Хакена, одного из основоположников синергетики, имеет подзаголовок «Макроскопический подход к сложным системам» [3], а книга Г. Саймона[2] «Науки об искусственном» содержит главу, которая называется «Архитектура сложности». Для С. Бира «сложность», в свою очередь, является одним из параметров, позволяющих определить предмет кибернетики, которая, по мнению этого ученого, описывает «очень сложные вероятностные системы» [4, с.35].

В связи со сказанным выше представляется разумным осуществить прояснение «смыслов» сложности с целью возможного выявления общих оснований, позволяющих приписывать свойство сложности столь различным сущностям, как вопрос или проблема, система, цивилизация и т.п.

Для решения этой задачи полезно обратиться, в том числе, и к истории философской мысли, поскольку именно в философских текстах наиболее общие категории науки и культуры закрепляются и приобретают рациональную экспликацию.

Очевидно, что говорить о «сложном» можно, лишь учитывая его противоположность, а именно «простое». Именно так поступает в своих диалогах Платон, различая при этом «простое» и «сложное» прежде всего в онтологическом аспекте. В «Государстве» сообщается: «Значит, бог – это нечто вполне простое и правдивое и на деле, и в слове; он и сам не изменяется и других не вводит в заблуждение ни на словах, ни посылая знамения – ни наяву, ни во сне» [5, с. 2098][3]. А в диалоге «Федон», говоря о вещах, которые могут претерпевать состояние «рассеяния», т.е. уничтожения, Сократ утверждает: «Не надлежит ли испытывать это состояние такой веши, которая возникла из сложения и сложна по своей природе? [Не должно ли это сложное] разделяться, поскольку оно было сложно? Только тому, что окажется несложным, не надлежит ли преимущественно не испытывать этого состояния» [6, с. 1746].

Учитывая общий контекст философской доктрины Платона, можно сделать вывод, что «простое» интерпретируется античным философом как вечное, неизменное, божественное, истинное, и, по сути дела, как Единое. «Сложное», в свою очередь, понимается как изменчивое, непостоянное, вторичное по «природе».

Аристотель не принимает отождествление «единого» и «простого», которое предлагал осуществлять его учитель. Стагирит в «Метафизике» писал: «…(<при этом надо учесть, что> единое и простое – это не одно и то же: единое обозначает меру, а простое – что у самой вещи есть определенная природа)» [7, с. 3253].

Простое у Аристотеля связано с необходимостью. «Поэтому основной и главной необходимостью обладает простое; в отношении к нему дело не может обстоять поразному, а значит: то – так, то – иначе; в противном случае оно бы существовало поразному. Если поэтому существуют некоторые вечные и неподвижные вещи, в них нет

---

[1] Автору, имеющему некоторый опыт составления тестовых заданий для системы ДО ИТМО, приходилось участвовать в дискуссии с коллегами по вопросам о том, не являются ли предполагаемые задания слишком сложными для студентов и какой коэффициент трудности им приписать.

[2] Герберт Саймон – американский математик, экономист, психолог, один из основоположников исследований в области «искусственного интеллекта». Лауреат Нобелевской премии по экономике (1978 г.). Лауреат премии имени А. Тьюринга (1975 г.).

[3] При цитировании текстов из мультимедийной библиотеки мы приводим сквозную нумерацию страниц.

ничего насильственного или противного <их> природе» [7, с. 2927]. А сложное понимается как «составное», когда мыслится в модусе бытия, и как разделенное на части, когда мыслится как небытие. «С другой стороны, если взять вещи несоставные, что здесь представляет собою бытие и небытие, истину и ложь? Бытие в этом случае <уже> не является составным, так чтобы мы имели его тогда, когда оно выступает как сложное, а небытие – когда оно разделено на части, как, например, мы принимаем, что дерево бело или диагональ несоизмерима; и точно так же правда и ложь не будут уже даны здесь так, как в случаях, указанных выше» [7, с. 3130].

Таким образом, мы видим, что античные философы устанавливали онтологическое различие между простым и сложным, которое выражается в традиционных для древнегреческой мысли парах противоположностей, таких как «единое–многое», «элементарное–составное», «необходимое–случайное».

Влияние древнегреческой мысли, как известно, сказывается на протяжении всей истории европейской философии. Поэтому неудивительно то, что обозначенные ранее онтологические характеристики сложности встречаются в работах мыслителей других эпох. Так, например, Николай Кузанский, почти следуя за Платоном, отмечает, что простота – это свойство Бога[4]. Он пишет в «Апологии ученого незнания»: «… в царстве Божием, где простота и мир превосходят всякое восприятие, не может быть различия» [9, т.2, с.13]. В другом труде Кузанца мы читаем: «Бог – не корень противоречивых понятий; он сама простота, которая прежде всякого различия» [9, т.1,. 186]. Абсолютная простота – это свойство единого. В божественной простоте сосредоточены все вещи. «Ты, Бог, всемогущий, ибо Ты – абсолютная простота, в которой абсолютная бесконечность» [9, т.2, с. 65].

Но простота, согласно Н. Кузанскому, является характеристикой не только божественного бытия. Она характеризует бытие и сущность всякой вещи: «…так, сущность Сократа охватывает все сократово бытие, и в этом простом сократовом бытии нет никакой инаковости, никакого различия…. Простое сократово бытие есть бытие всех членов Сократа, где всякое присущее членам разнообразие и инаковость бытия есть простое единство в форме целого» [9, т. 2, с. 64–65].

Таким образом, простое бытие – это сущность и единство вещи, а, применительно к Богу, – это также бесконечность, слияние противоположностей, необходимость.

Сложность, в свою очередь, осмысляется философом Возрождения как противоположность простоты и характеризуется через множественность, конечность, случайность. Простота в онтологическом смысле предшествует сложности.

В работах Кузанца также присутствует гносеологический аспект противопоставления простого и сложного. «Подобным же образом нужно сказать обо всем сложном, потому что всякому такому сложному относящемуся к чувственному миру, предшествует простое, которое мыслится… Я вижу, следовательно, каким образом ощущается что-либо в области чувственного: ему предшествует простое, которое мыслится» [9, т.2, с. 213]. Таким образом, в аспекте процесса познания простота предшествует сложности: простое постигается непосредственно благодаря деятельности ума, сложное различается опосредованно чувственным восприятием, которое обязательно предваряется интеллигибельным познанием простого.

Различие между простым и сложным как различие между непосредственным и опосредованным в процессе познания достаточно значимо для философии Нового времени. Например, Декарт формулирует следующее правило метода: «Руководить ходом своих мыслей, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном порядке вещей не предшествуют друг

[4] Конечно, здесь «следование за Платоном» ограничивается христианской традицией.

другу» [10, с. 13259]. Поскольку о легкости познания, с точки зрения Декарта, свидетельствуют несомненность, ясность и отчетливость, непосредственная очевидность, то простота и сложность «предметов» в цитированном фрагменте относится не к самим вещам, но к нашему знанию о них, к путям познания вещей.

Истолкование в аспекте познавательной деятельности «простого» как данного непосредственно характерно также для философии Г.-В.-Ф. Гегеля.

Важный этап для интерпретации и уточнения понятия сложного, по нашему мнению, начинается со второй половины XX века и связан с формированием таких областей знания, как кибернетика, теория систем, синергетика.

Так, Стаффорд Бир, разъясняя вопрос о том, что изучает кибернетика, непосредственно связывает объект кибернетических исследований с понятием сложности. В частности, он писал: «Итак, мы обсуждаем очень сложные вероятностные системы, имеющие гомеостатическую природу» [5, с. 40]. Таким образом, понятие сложности оказывается связанным с другими важным для кибернетики понятием, а именно, с понятием вероятности. Именно эти два понятия играют роль формальных оснований в общей классификации систем, которую предлагает С. Бир. Основоположник так называемой «организационной кибернетики» подразделял системы на следующие группы: 1) простые детерминированные системы; 2) сложные детерминированные системы; 3) простые вероятностные системы; 4) сложные вероятностные системы; 5) очень сложные вероятностные системы. Автор этой классификации признает, что такая систематизация является произвольной, т.е. границы, разделяющие классы, очень расплывчаты. Так, мы можем считать некоторую абстрактную систему детерминированной, но она может потерять это свойство, как только на нее начнет оказывать влияние внешняя среда. Например, простая детерминированная система, состоящая из двух бильярдных шаров, может стать вероятностной, если учитываются при ее описании внешние воздействия, скажем, неровности игрового стола.

Но важным является то, что, несмотря на «размытость» выделенных классов, группировка систем, предлагаемая С. Биром, не является результатом произвольно осуществляемой абстракции. На самом деле в основание деления положена свойственная системам природа управления [5, с.34–35]. Таким образом, понятие сложности оказывается связанным с понятием управления.

Известный специалист в области «искусственного интеллекта» Г. Саймон в работе [11], которую мы упоминали выше, также уделяет много внимания сложным системам. «Под сложной системой, – пишет Саймон, – мы понимаем систему, состоящую из большого числа частей и взаимодействующую между собой сложным образом. В таких системах целое больше, чем сумма частей» [11, с. 104–105]. От себя заметим, что, судя по текстам, этот авторитетный ученый не слишком озабочен логической правильностью определений.[5]

Но отнюдь не количество элементов системы является, согласно американскому ученому, мерой ее сложности. Дело в том, что вопрос о том, какие составляющие считать элементарными, по мнению Г. Саймона, достаточно произволен. Иначе говоря, с одной точки зрения, мы, например, можем рассматривать человека как систему, состоящую из шести элементов: двух рук, туловища, головы и двух ног. С другой точки

[5] Внимательный читатель обнаружит в приведенном определении даже две тавтологии. Одна из них очевидна: «сложное» определяется через «сложное». Для разъяснения второй, скрытой тавтологии приведем цитату из работы Гегеля: «Что сложное есть само по себе не одно, а лишь внешне сочетанное и что оно состоит из иного, это его непосредственное определение. Но иное сложного есть простое. Поэтому сказать, что сложное состоит из простого, - это тавтология. - Если уже задают вопрос, из чего состоит нечто, то требуют, чтобы указали некое иное, сочетание которого составляет это нечто» [12. с. 31959].

зрения в качестве элементов системы, именуемой человеком, можно рассматривать биологические клетки.

На самом деле, в подходе Г. Саймона к понятию сложности не все так просто: выделение элементарных составляющих не является результатом чистого произвола или конвенции.

Главное свойство сложных систем заключается в том, что сложность чаще всего проявляется в форме иерархии. Более того, американский ученый утверждает, что все иерархические системы обладают общими свойствами, не зависящими от их конкретного содержания. Таким образом, понятие сложной системы в рассматриваемой концепции приобретает более или менее объективный характер. Возвращаясь к нашему примеру, можно было бы сказать, что человека не стоит рассматривать как сложную систему, состоящую из шести указанных элементов, поскольку в этом случае иерархическое строение просматривается недостаточно.

Кроме того, понятие сложности приобретает в работе Г. Саймона объективный, не зависящий от нашего произвола, характер благодаря еще одному достаточно важному аспекту. Дело в том, что понятие сложности оказывается связанным с понятием эволюции, а последнее, в свою очередь, с понятием времени. Саймон пишет: «…время, необходимое, чтобы в результате эволюции из простых форм возникли сложные формы, критическим образом зависит от числа и распределения потенциальных промежуточных устойчивых форм» [11. с. 112.].. И далее: «Среди сложных систем только иерархии располагают достаточным временем для развития» [там же].

Временной аспект понятия сложности в современной науке находит свое выражение и в так называемой «теории сложности вычислений». Этот важный раздел современной информатики берет свое начало в работах А. Тьюринга. Общеизвестно, что английский математик рассмотрел абстрактную модель вычислительного устройства («машина Тьюринга») и, тем самым, представил формализацию понятия эффективно вычислимой функции. Кроме того, на основе своей модели А. Тьюринг доказал, что невозможно построить алгоритм, устанавливающий выполнимость произвольной формулы исчисления предикатов. Благодаря идеям, заложенным в работах английского математика, ученые получили возможность отвечать на вопрос: какие задачи могут, а какие не могут быть решены на компьютере.

Один из основоположников теории сложности вычислений С. Кук в «тьюринговской лекции» отмечает, что естественным продолжением исследования вычислимых функций была постановка вопроса о сравнительной вычислительной сложности вычислимых функций [13, с. 476]. Чтобы разъяснить область исследований теории сложности, процитируем Р. Карпа. «Есть три уровня проблем. Есть уровень решения вполне конкретного случая задачи: скажем, вам нужен кратчайший путь по 48 столицам континентальных штатов плюс Вашингтон. К практику этот уровень ближе всего. Затем есть уровень изучения общей задачи с упором на методы ее решения: вы хотите знать, какова сложность задачи о коммивояжере или о подборе пар для худшего случая. Этот уровень выше, поскольку вас интересует не просто конкретный случай. Затем есть уровень метатеории, на котором изучается вся структура целого класса задач. Такую точку зрения мы унаследовали у логики и теории вычислимости [14, с. 526].

Какие же критерии используются специалистами в области информатики для оценки сложности задач? М. Рабин в [15] перечисляет следующие числовые характеристики, связанные с некоторой последовательностью вычислений. Во-первых, это длина последовательности. Этот параметр характеризует время вычисления. Во-вторых, глубина вычисления, т.е. число уровней параллельных шагов, на которые последовательность вычислений для какого-то частного случая может быть разложена. Обратим внимание, что этот параметр соответствует времени, которое потребовалось бы при параллельном вычислении. В-третьих, объем памяти, требуемый для вычисления. Наконец,

иногда интерес представляет количество шагов некоторого вида, например, арифметических операций.

Однако из перечисленного выше именно временная характеристика играет наиболее важную роль в оценке сложности задачи (см. напр.: [14]). Действительно, одним из важнейших результатов, полученных в теории вычислительной сложности, является выделение задач P-класса. Если определять неформально, то этот класс состоит из всех тех задач, которые могут быть решены за полиномиальное время. Другим важным выделяемым классом является класс так называемых NP-задач. Если снова определять неформально, то это класс задач, «для которых любое предложенное решение может быть проверено за полиномиальное время» [16, с. 510]. При этом считается, что задачи из P-класса относятся к практически выполнимым задачам. Здесь следует отметить, что выполнимость задачи или ее принадлежность к P-классу в рамках теории сложности вычислений не зависит ни от применяемых алгоритмов, ни от быстродействия компьютера. Принадлежность задачи к P-классу зависит от самой «структуры» задачи: время, необходимое для решения задачи, т.е. для завершения работы алгоритма, растет полиномиально, в зависимости от числа данных на входе машины. К этому классу принадлежит, например, задача проверки на выполнимость произвольной формулы исчисления высказываний. С другой стороны, известная задача о нахождении кратчайшего пути между несколькими городами для коммивояжера не относится к P-классу, так как каждый из известных методов ее решения требует экспоненциального роста времени.

Теории сложности вычислений были посвящены многочисленные исследования, и в течение нескольких десятков лет развития в этой области были получены значительные результаты. Но в контексте этой работы важны, прежде всего, два момента. Во-первых, то, что понятие сложности может приобрести строгую, формальную интерпретацию. Во-вторых, то, что эта интерпретация связана с динамическим, временным параметром.

Можно сформулировать следующую проблему: насколько широко понимание сложности, характерное для информатики применимо в других областях знания? Иначе говоря, можно ли придавать рассмотренному пониманию сложности, описываемой через длину вычисления и время, более универсальный характер, чем характер понятия специальной, научной теории? Представляется, что данный вопрос требует серьезного рассмотрения. Действительно, с одной стороны, можно сослаться на точку зрения Ричарда Карпа, которую он озвучил в одном из своих интервью. Отвечая на вопрос об отношении между изучением сложности в информатике и других дисциплинах, Р. Карп говорит: «Сложность означает много разных вещей – существует дескриптивная сложность и вычислительная сложность. Алгоритм может быть чрезвычайно сложным в смысле способа его построения и при этом работать очень быстро, так как его вычислительная сложность низка. Таким образом, мы имеем различные понятия о сложности. Мне не ясно, имеют ли в виду одно и тоже понятие инженеры-электронщики, экономисты, математики, специалисты по информатике и физики, когда употребляют термин сложность» [14, с. 533–534].

С другой стороны, Г. Хакен в работе [4], приведя примеры сложных биологических и физических систем, определяет «универсальное понятие сложности так: «Современное определение сложной системы опирается на понятие алгебраической сложности…. Минимальная длина программы и множества начальных данных (необходимых для построения какой-либо последовательности на универсальной машине Тьюринга – мое, А.М.) служит мерой алгебраической степени сложности» [4, с. 21–22]. И хотя, по мнению немецкого ученого, у этого определения есть уязвимое место, связанное с тем, что проблема нахождения минимальной программы и минимального объема данных не имеет универсального решения (см. [там же]), важным и существенным представляется то, что и здесь находит отражение динамический, конструктивный ас-

пект в содержании понятия «сложность». К тому же в такой интерпретации присутствует смысловое соприкосновение «описательной сложности» и «вычислительной сложности», ибо система, сложная для описания, очевидно, потребует для своего построения более длительной вычислительной процедуры при минимальных исходных данных.

В заключение укажем еще одну точку зрения на проблему того, что следует называть сложной системой. «Сложная система имеет семиотическую (т.е. полноценно языковую) природу информационных связей между подсистемами, в противовес простым системам, где имеется функциональная сигнализация» [17, с. 16]. Авторы цитируемой работы подчеркивают, что сложность обусловлена не количеством элементов системы, а уровнем организованности. Такая интерпретация сложности, в свою очередь, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что «для сложных систем характерна возможность поведения, основанного не на заданной структуре целей, а на системе общих ценностей, позволяющих осуществить иерархическую структуру управления» [там же, с. 17]. В соответствии с указанной характеристикой компьютер, очевидно, не может быть назван сложной системой, в то время как биологические и социальные системы сложны. Обратим также внимание на то, что данный подход к пониманию сложной системы объединяет рассмотренные выше точки зрения С. Бира и Г. Саймона.

Подводя итог сказанному выше, выделим, по крайней мере, следующие позиции, в соответствии с которыми какая-либо сущность может быть охарактеризована как сложная. В онтологическом плане сложность связывается со временем образования (конструирования) и внутренней, иерархической структурой, и, как следствие, с вероятностью образования системы случайным образом из исходных элементов. В гносеологическом плане сложность может интерпретироваться как опосредованная интеллектуальная деятельность и способность к порождению семиотических информационных связей. Наконец, в аксиологическом аспекте «сложность» допустимо понимать как способность порождать (устанавливать) ценности и осуществлять на их основе взаимодействие с внешней средой.

Литература

1. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. М.: Весь мир, 2003.
2. Эвери Д. Теория эволюции и информация. М. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая термоднамика», Ин-т компьютерных исследований, 2006.
3. Хакен Г. Информация и синергетика. М.: КомКнига, 2005.
4. Бир С. Кибернетика и менеджмент. М.: КомКнига, 2006.
5. Платон Государство / Философия от античности до современности: мультимедийная хрестоматия. М.: ООО «ДиректМедиа Паблишинг», 2004.
6. Платон Федон / Философия от античности до современности: мультимедийная хрестоматия. М.: ООО «ДиректМедиа Паблишинг», 2004.
7. Аристотель. Метафизика. / Философия от античности до современности: мультимедийная хрестоматия. М.: ООО «ДиректМедиа Паблишинг», 2004.
8. Кузанский Н. Сочинения в 2-х томах. М.: Мысль, 1980.
9. Декарт Р: Рассуждения о методе. / Философия от античности до современности: мультимедийная хрестоматия. М.: ООО «ДиректМедиа Паблишинг», 2004.
10. Саймон Г Науки об искусственном. М.: Едиториал УРСС, 2004
11. Гегель. Наука логики. / Философия от античности до современности: мультимедийная хрестоматия. М.: ООО «ДиректМедиа Паблишинг», 2004.
12. Кук С. Обзор сложности вычислений. / Лекции лауреатов премии Тьюринга. М.: Мир, 1993. С.475–497.

13. Карен Френкель Постскриптум. Интервью тьюринговских лауреатов. / Лекции лауреатов премии Тьюринга. М.: Мир, 1993. С. 525–537.
14. Рабин М. Сложность вычислений. / Лекции лауреатов премии Тьюринга. М.: Мир, 1993. С. 371–391.
15. Карп Р. Комбинаторика, сложность, случайность. / Лекции лауреатов премии Тьюринга. М.: Мир, 1993. С. 498– 521.
16. Шрейдер Ю.А., Шаров А.А. Системы и модели. М.: Радио и связь, 1982.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СОВРЕМЕННАЯ НАУКА ТЕМ, ЧТО ОНА О СЕБЕ ДУМАЕТ?

В.Е. Никитин

В данной статье рассматривается вопрос о сущности науки. Анализируя основные закономерности развития современного научного знания, автор приходит к выводу, что наука в настоящее время не столько ориентирована на познание природы, сколько на реализацию своих принципов и законов в технологиях и вещах. Современная «техно-наука» является создательницей второй природы, особого искусственного мира, в котором живет современный человек, мира, от которого все в большей степени зависит его существование.

Современный мир стремительно изменяется, и перемены эти во многом связаны с эволюцией науки, которая не только изменяет мир, но и сама радикально изменяется. Причем эти изменения затрагивают саму сущность науки, ее роль в жизни человека. Если древняя наука начиналась с удивления перед чудом природы, со стремления разгадать ее тайны, то современная наука уже сама творит чудеса и не перестает удивлять. Те традиционные представления о науке, которые сформировались в XVIII–XX вв., уже достаточно далеки от действительности. Поэтому вопрос о сущности науки возникает вновь и требует своего разрешения.

Сущность науки не открывается нам непосредственно в самих научных исследованиях и теориях, так же как «сущность техники вовсе не есть что-то техническое» [1, с.221] Поэтому мы не осмыслим своего отношения к сущности науки, пока будем ею просто заниматься, пользоваться ее результатами или в них сомневаться. Сущность науки, как и сущность человека, наиболее адекватно раскрывается не в научной рефлексии, не в том, что наука думает о себе, а в том, что она делает. Поэтому вопрос о сущности науки – это, прежде всего, вопрос о реальных целях и результатах научной деятельности.

В современной философии науки существуют три основных подхода к определению науки. Науку рассматривают одновременно и как особый способ познания действительности, и как форму знания об этой действительности, и как социальный институт, целью деятельности которого является производство такого рода знаний. На первых этапах развития науки в ней видели, прежде всего, средство постижения действительности, посредством которого человек раскрывает тайны мироздания. Но уже в эпоху Просвещения начинает формироваться понимание науки не только как познания окружающего мира, в котором удовлетворяется естественное человеческое любопытство, но и как средства, позволяющего контролировать силы природы, направляя их на служение человеку. Сила научного знания виделась в том, что посредством его человек проникает в тайны природы и устраивается в ней, согласно ее законам, используя их себе во благо. Таким образом, научный прогресс оказывается основополагающим фактором прогресса человеческой свободы. С этим связано и известное понимание свободы как познанной необходимости. Мы не можем изменить законов мироздания, но, зная их, мы получаем возможность использовать энергию природных и социальных течений, а не пытаться бороться с ними. Именно в этом видится сила научного знания, используя которое, человек не столько живет милостями от природы, сколько начинает преобразовывать ее в своих целях.

На фундаменте такой идеологии в дальнейшем формируется позитивистская позиция с ее уверенностью в том, что только на основе науки могут быть решены основные проблемы человеческого существования. А если это так, то будущее благополучие человечества будет в значительной степени зависеть от того, насколько ему удастся отделить подлинную науку от всякого рода метафизических и мифологических соблазнов, дабы не поддаться им в своем рационально-прагматическом бытии. Поэтому одной из главных задач позитивизма становится задача проведения четкой демаркационной линии между наукой и теми знаниями, которые ее критериям не соответствуют.

При этом в качестве эталона научного познания начинает выступать математическое естествознание, принципы и методы которого объявляются универсальными и обязательными для всякой «развитой» науки. Наукам же недостаточно развитым, к которым позитивизм склонен, прежде всего, относить науки социально-гуманитарные, следует учиться у развитых, адаптируя и творчески применяя их методологию к своим предметным областям.

На самом же деле европейская наука последних веков и философия, которой позитивизм отказывает в научности, развиваются в лоне одной общей идеологии, которая основывается на единой ценностно-познавательной установке. Эта установка сознания европейского человека имеет отнюдь не научные, а религиозные, христианские корни. Эти корни прослеживаются в тех строках Священного писания, в которых говорится о том, что все, что есть в природе, в конечном счете, предназначено только для одного существа. В этой системе ценностей природа предстает в качестве простого ресурса человеческого существования, материала, предназначенного для использования в интересах человека, который в этой ситуации противостоит природе. И познание природы в таком случае имеет целью не благополучие самой природы, но лишь благополучие и процветание противостоящего ей человека. Результаты науки, ее усилия в этой системе ценностей направляются не на служение природе, а на служение человеку, на удовлетворение его все возрастающих потребностей. Таким образом, современное научное мышление развивается в рамках проективно-конструктивного отношения к миру, в котором реализуется озабоченность человека собственным ограниченным благополучием.

Ныне процесс, который некогда назвали «научно-технической революцией», продолжается и приобретает все более глобальные масштабы. Эффективность современной науки оценивается не истинностью ее представлений о природе, не проникновением в ее тайны, а реализацией научных знаний в производствах и технологиях, внутри которых создаются вещи, составляющие «вторую природу» как непосредственное окружение современного человека. «Сущность технологии, – отмечал А.Н. Уайтхед, – состоит в том, чтобы помочь человечеству выйти за рамки неуправляемой природы» [2, с.473]. Технология в самом широком значении этого термина есть основанная на знании техника изменения реальности человеком в соответствии с его практическими потребностями. Наука в современном мире выступает, прежде всего, в роли теоретической основы производственной деятельности. На основе научных знаний разрабатываются технические средства и технологические процессы, посредством которых человек создает то, что он называет цивилизацией.

Наука ныне не столько отражает первую природу, сколько интенсивно формирует вторую. У каждой естественной науки есть своя инженерия. Возникает цепочка: «научные знания – инженерные знания – производства и технологии – вещи». «В результате в вещах оказываются «запечатанными» научные знания, понимаемые как знания о природе и ее законах, а фактически – о тех вещах, в которых эти знания содержатся»[3, с.172] Именно в инженерных знаниях, производствах и произведенных вещах реализуются принципы и идеи, сформировавшиеся в естествознании. Таким образом, наука создает, а техника реализует в вещах те принципы и законы, которые определяют жизнь мира второй природы. «А поскольку человечество живет именно во второй природе, то и создается реальная иллюзия того, что наука открывает истинные законы природы, находящие многообразные подтверждения в практике» [там же, с.173]. На самом же деле, занимаясь экспериментальным исследованием, мы не допрашиваем природу, а испытываем свои технические конструкции на предмет их соответствия тем идеализациям и искусственным мирам, которыми являются научные модели мира.

Можно сказать, что в определенной степени наука не оправдала многих связанных с нею надежд. Она не преуспела в овладении и управлении природными стихиями. Человек ныне также практически беззащитен перед различными природными катаклизма-

ми, как и тысячи лет тому назад. Мы не только не можем управлять погодой, но и часто оказываемся не в состоянии ее предсказать даже в пределах одного или двух дней. Даже наши очевидные успехи, достигнутые на основе использования научных знаний, весьма локальны и часто связаны с непредсказуемыми отрицательными последствиями. Так, научившись лечить многие опасные и в том числе считавшиеся некогда смертельными заболевания, человек подвергся атаке целого ряда болезней, которые он спровоцировал сам, в процессе развития цивилизации. С помощью науки и соответствующих технологий мы получили доступ к различным полезным ископаемым, являющимся источниками энергии для нашей техники и материального комфорта. Но овладение ими и их бездумное хищническое использование приводит цивилизацию к новым сложнейшим проблемам и кризисам. Решение этих проблем мы опять же оставляем науке ближайшего будущего, руководствуясь принципом: что нас губит, то нас и выручит. Принцип вообще-то очень странный и совсем не научный, а скорее иррациональный.

Возникают целые комплексы наук и соответствующих исследовательских техник, обеспечивающих производство вещей, в которых реализованы идеализации науки. При этом первая и вторая природы не приближаются, а все более удаляются, отчуждаются друг от друга. Научные знания соответствуют действительности потому, что действительность, в которой существует человек, выстроена в соответствии с этими знаниями. Авторитет и статус науки в современном мире очень высоки, и поддерживаются они не глубиной и потрясающей сложностью научного мышления, которые мало доступны «человеку с улицы», а, прежде всего, тем миром вещей, который существует благодаря усилиям науки и техники и который так ценится этим человеком. Без этого мира он уже не представляет собственного существования. Таким образом, приходится констатировать, что человек не только не стал с помощью науки «царем природы», но и оказался как бы в двойной зависимости. Теперь его существование зависит как от «первой природы», из которой он вышел, но от которой так и не сумел далеко уйти, так и от природы второй, которую он создал с помощью науки и техники и которой всецело доверил свое бытие.

Новое положение науки в обществе и в человеческой судьбе постепенно находит отражение в высказываниях и концепциях современных философов, анализирующих этот феномен. Так, в одной из последних статей академика В.С. Степина говорится, что основная задача современной науки состоит не в познании окружающего мира, а в организации и управлении самой человеческой деятельностью. «Научное познание, – пишет он, – необходимо для того, чтобы регулировать человеческую деятельность» [5, с. 7]. Наука должна, прежде всего, выявлять и формулировать общие закономерности и принципы деятельности и на этой основе создавать, проектировать технологии человеческого поведения.

Современная наука является не столько средством познания действительности, сколько ее творцом, ее создателем. Отсюда ее самоуверенность и самодостаточность. Действительность, которую она создает, есть мир материальных вещей, мир материального комфорта, рядом с которым существуют другие миры, наукой не созданные. Это не только сама природа, но и мир искусства, мир человеческих чувств и эмоций, явления, не вписывающиеся в научную картину мира. Как же современное математическое естествознание и инженерно-техническая мысль относятся к такого рода «аномалиям»? В основном, как к областям, до которых у них еще не совсем дошли руки, но в целом, это дело времени. Уже вполне всерьез обсуждаются возможности выведения формул красоты, свободы, любви и т.д. И не следует к этому относиться только иронически и снисходительно. Как мы уже говорили, здесь не столь важно или совсем не важно, будет ли этим формулам что-то соответствовать в самой природе. Если они появятся и будут признаны некоторым сообществом авторитетов научными, то следом за ними возникнут и соответствующие технологии и методики по их производству. Кстати, что касается красоты и любви, то эти технологии в современной массовой культуре уже запущены и ожидают научных обоснований.

Таким образом, оказывается, что традиционное, сложившиеся на ранних стадиях ее развития, представление о науке как познании самой объективной действительности уже не является адекватным. На современном этапе научно-технического прогресса произошло очевидное смещение акцентов, при котором познавательное отношение сменилось отношением конструктивно-инженерным. В итоге современная наука не столько познает некий объективно существующий и единый мир, сколько создает собственные миры на основе своих принципов и идеализаций. Возник феномен, который можно назвать «техно-наукой». Здесь принципы и законы науки становятся принципами, согласно которым организуется мир человеческой жизни. Данное явление представляет собой весьма причудливое сочетание «реальной мощи (обусловленной умением реализовывать идеализации), объективной тенденции к расширению зоны влияния и удивительно «детского» непонимания реальности собственных действий».[3, с. 180]. Сочетание трех этих факторов образует весьма взрывоопасное соединение и порождает эпистемологическую агрессивность математического естествознания по отношению к другим сферам духовной культуры.

В настоящее время основой развития цивилизации стали высокие технологии, на основе которых создаются не только материальные ценности и социально-политические реалии, но формируется и сам современный человек. Он тоже в значительной степени есть продукт сложных технологий. При этом весьма очевидно, что реализация различных технологий может быть направлена как на благо человека, так и во вред ему. Поэтому возникает проблема контроля и экспертизы такого рода технологий. Решение этой проблемы, по-видимому, нельзя доверить самой науке, которая эти технологии и формирует. Вопросы формирования технологий и вопросы их реализации явно принадлежат различным уровням компетенции. Если создание технологий – дело науко-техники, то вопросами их реализации должны заниматься государство и общество. Применение технологий должно быть предметом политических решений, но их создание должно быть внутренним делом самой науки и не должно контролироваться извне. Наука должна предлагать человеку диапазон возможностей, но выбор пути должен осуществляться в иных сферах. Из этого следует, что государство должно всемерно заботиться о развитии науки, ибо, не уделяя этому должного внимания, оно сужает диапазон своих собственных возможностей и ставит под вопрос как свое будущее.

Вопрос о сущности современной науки, о том, чем она является, какое место занимает в жизни человека, важен, прежде всего, для самой науки, для ее самосознания. Наука должна осознать себя в качестве одной из равноправных структур человеческой деятельности, которая создает свой мир наряду с другими локальными структурами. Чтобы это произошло, науке необходимо не закрывать глаза на эти иные структуры (в том числе и на философию) и не пытаться привести их к некоторому общему, но при этом своему знаменателю, а стремиться к диалогу и пониманию. Задача же философии в этом диалоге должна состоять не в эпистемологической экспансии, не в том, чтобы сделать науку своим миром, а в том, чтобы помочь науке лучше увидеть и понять себя и другие миры, которые ее окружают.

Литература

1. Хайдеггер М. Вопрос о технике. / Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
2. Уайтхед А.Н. Избр. работы по философии. М.: Прогресс, 1990.
3. Копылов Г.Г. Искусственные миры науки и реальность. / Наука: возможности и границы. М.: ИФ РАН, 2003.
4. Степин В.С. Специфика научного познания. / Наука: возможности и границы. М.: ИФ РАН, 2003.

ТЕМА ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ ВЛАДИМИРА ЯНКЕЛЕВИЧА

О.В. Панкратьев

В работе представлено исследование проблемы времени в философии В Янкелевича. Труды этого мыслителя мало известны в России, хотя многие из его работ оказали существенное влияние на философскую мысль Европы XX столетия. Автор статьи выявляет истоки взглядов В. Янкелевича на проблему времени, осуществляет сравнительный анализ идей французского мыслителя с другими наиболее значимыми философскими концепциями времени.

Владимир Янкелевич – фигура для России почти неизвестная. Однако именно этот мыслитель может быть назван наиболее русским из всех французских философов. И дело даже не в русских корнях (родители философа были выходцами из России), но в том, что сама проблематика философии Янкелевича связывает его во многом с традицией русской религиозной мысли, хотя, что примечательно, не делает его философию маргинальной для самой Франции. Наиболее характерным для мысли Янкелевича является его обращение к теме «невыразимости» и «неуловимости» существования, к тому «почти-ничто», которое, составляя основу нашего знания (рассматриваемого в самом широком смысле), неминуемо ускользает от нас. Здесь мысль Янкелевича ближе всего соприкасается с мыслью Франка, особенно с его учением о «непостижимом». Но, при этом, надо заметить, что для французского философа тема невыразимости тесно связана с темой времени, причем в бергсонианской интерпретации. Не случайно сам Бергсон видел в Янкелевиче непосредственного продолжателя своей мысли. Как и свой учитель, Янкелевич разделяет взгляд на время как на непрерывную длительность. Но все же большую роль, чем длительность, для него будет играть бергсоновская идея становления, связанная уже не столько с памятью и прошлым, сколько с творчеством и новизной каждого мгновения. Именно акцентирование внимания на роли мгновения придает длительности в интерпретации Янкелевича не только оттенок прерывности, на которой, в частности, настаивал такой критик Бергсона, как Башляр, но также и глубоко экзистенциальный характер.

Можно с полным основанием говорить о том, что Янкелевича привлекает не столько тема длительности, сколько ее экзистенциальная интерпретация, во многом развивающаяся параллельно хайдеггеровской. При этом, правда, нужно учитывать, что длительность как становление не может быть вписана в прокрустово ложе хайдеггеровского деления времени на собственное и несобственное, поскольку становление, на чем уже настаивал Бергсон, не ограничивается одним лишь человеческим существованием. Время для Янкелевича «консубстанциально» по отношению к бытию, сущность которого в становлении. Время «всеохватно», а лучше сказать, «универсально всеохватно», но эта универсальность не выражает дофеноменологической установки на объективное время, а связана с пониманием того, что время двойственно: оно всегда внутри и снаружи всего существующего. Плотин и Августин, а до них Аристотель уже ясно указывали на этот парадокс, который, если отбросить пространственный образ, может быть выражен так: «Время охватывает собой все существующее, но оно, в свою очередь, охвачено множеством его деталей» [11, v. 2, p. 96]. Помимо всеохватности, двойственный характер времени выражает такая его характеристика, как «предпосланность». Так, время всегда предшествует мысли о времени, где «время, такое же быстрое как мысль, уже меня опередило, или скорее, оно опередило себя» [ibid]. Непонимание подлинной природы времени связано именно с упущением его двойственности, с упущением того факта, что сознание опережает время, так же как и время опережает сознание. Причем предпосланность времени мысли, его забегание вперед объясняет у Янкелевича и вневременность самой мысли, которая «и вне времени, и во времени, подобно тому как она вне смерти, когда думает о ней, и в смерти, поскольку остается мыслью смертного существа» [ibid].

Если продолжить сравнение позиции Янкелевича с позицией Хайдеггера, то можно заметить, что для последнего двойственный характер времени не совпадает с его подлинностью или собственностью, но, скорее, остается позади уже выбранного подлинного или неподлинного способа экзистирования. Для Янкелевича же, напротив, двойственность времени как раз и выражает его подлинность, тогда как выбор одной из его сторон – объективной или субъективной – нас этой подлинности лишает. При этом нужно учитывать, что эта двойственность распространяется не только на само время, но и на все, что с ним связано. Вот почему, игнорируя реальность времени, мы игнорируем и все временное. Подобное упущение подлинной природы времени и временного, их почти-ничто связано с таким важным для Янкелевича понятием, как «непризнание», подчеркивающее не содержательный, а волевой аспект нашего неведения. Не признавать что-либо не значит просто не знать, но, прежде всего, скрывать от себя свое незнание, меняя его «почти-ничто» на кажущуюся полноту нашего знания, упуская при этом его суть. Подобное «непризнание» не вытекает с необходимостью из временных характеристик, а как бы инициируется ими. Мы не признаем святых или гениев ровно постольку, поскольку их временное существование дает нам повод к их непризнанию. Показательным примером здесь будет именно святой, чья святость даже формально признается после смерти. Непризнание здесь связано не только с тем, что мысль не поспевает за обгоняющим ее временем, но еще и с тем, что все становящееся обращено к нам видимой стороной, тогда как само становление или время остается для нас чем-то невидимым. При этом невидимость времени Янкелевич отождествляет с невидимостью интенции или с манерой существования, которая как раз и ускользает от нас в факте непризнания. Именно манера существования является тем «почти-ничто», которое определяет характер становящегося. Становление, таким образом, находит свое онтологическое оправдание не в бесконечной смене моментов, а в тех способах или манерах, которые мы еще должны уловить. В манере существования мы имеем дело с единством материи и формы времени, или, по замечанию Башляра, с тем фактом, что мы не можем знать время само по себе, вне нашего суждения о нем [8, p. 36]. Манера – это не само действие или процесс, все еще представляющие собой определенные «что», но именно «как» действия или процесса. Причем, это «как» действия или процесса несравнимо более важно, чем его «что». Так, например, манера давать намного важней того, что дается, а манера говорить намного важней того, что говорится. Поэтому-то, как заключает Янкелевич, все дело в манере: «Имейте хорошие манеры, и все идущее от вас будет благим, как сказано: для чистых все чисто, а для нечистых – нечисто» [11, v.1, p.29]. Манера является интенцией любого акта, наделяющей его смыслом и ценностью. По сути, именно манера существования как единство материи и формы говорит нам о подлинности или неподлинности существования, не привязывая это существование сугубо к событию смерти, на котором замыкается тема времени в философии Хайдеггера.

Манера, прежде всего, подразумевает длительность. Упуская из виду манеру существования, не признавая ее, мы упускаем из виду длительность этого существования. Эта длительность, или, что для Янкелевича равнозначно, историчность, выражает себя как боль, раскаяние, мужество или испытание. Ее сопротивление подобно сопротивляемости материала. Так же, как нам не безразлично, сделана статуя из гипса или мрамора, нам так же не безразлично, сколько времени требовалось на ее создание. Произведение, основанное на времени, так же и сопротивляется времени. И, напротив, все, что быстро возводится, быстро и разрушается [11, v.2, p.198]. Интересно, что Янкелевич в данном случае, пусть и невольно, бросает свет на аристотелевскую идею «великолепия» – добродетель, требующую от нас, прежде всего, больших затрат, так или иначе подразумевающих собой и значительную трату времени (не случайно, все великолепное устраивается с тем, чтобы как минимум оставить о себе память). Если же перейти непосредственно к человеческому существованию, то здесь длительность играет

не меньшую роль. Стыдливость, обескураживающая торопливого любовника, представляет собой заботу, призывающую чтить «хронологию столь же несжимаемую, как время зарождения и созревания» [ibid]. Именно время проверяет подлинность чувств. Но точно так же и подлинность мыслей, т.е. их принадлежность тому или другому человеку выражается временем их созревания. Пусть и не всегда, но каким-то непонятным образом мы все же замечаем, что некоторые, порой даже самые глубокие, мысли не принадлежат или, напротив, принадлежат тому, кто их изрекает. Молодой человек может высказывать самые верные мысли о значении старости, но эти мысли не будут его мыслями. Здесь мы имеем дело с совсем другой манерой существования, с тем «почти-ничто», которое, в данном случае, оказывается куда более важным, чем содержание мыслей. Правда, подобный случай все же слишком нагляден, тогда как сам Янкелевич постоянно указывает на то, что мы живем в мире фальсификаций, часто не имея возможности отличить копию от оригинала. Любая фальсификация делает ставку на видимость, и в силу этого любая подделка может выглядеть подлиннее самого подлинника, а ложь правдивее правды. Ложные показания преступника могут быть самыми непротиворечивыми. Но какой бы властной ни была видимость, ее власть не распространяется на невидимое и, прежде всего, на «факт времени», или, как еще говорит Янкелевич, на его «кводдитость». Мы можем как угодно искажать прошлое, но не можем отменить факта его бывшести. При этом для Янкелевича важно не только то, что прошлое свободно от наших представлений о нем, но и то, что над ним не властно забвение, даже если само это прошлое нами забыто. Так, забытое преступление остается преступлением, и истекшее время никак не оправдывает преступника. Вот почему любое преступление требует либо наказания, либо прощения, но никак не забвения, относящегося не к факту бывшести, а к слабости нашей памяти, или, как еще выражается Янкелевич, «временной изношенности».

Свое наиболее полное развитие учение о неотменимости или непоправимости факта прошлого получает у Янкелевича применительно к теме необратимости. Время, прежде всего, необратимо. И о необратимости говорит не только память, но и забвение. Необратимость подразумевается самым незначительным мгновением нашей жизни. Не случайно наши воспоминания связаны, как правило, с тем, что их как бы и не заслуживает, и «наиболее характерная необратимость, пусть даже самая мучительная и страстная, есть именно та, что вносит ностальгию в самое обычное и незначительное прошлое» [12, p. 224]. Так, даже сегодняшняя скука может завтра стать объектом ностальгических воспоминаний. Это связано с тем, что прошлое дорого нам не потому, что оно представляло собой какую-то ценность, но только потому, что оно прошлое. При этом нужно учитывать, что ностальгическое обаяние прошлого, его шарм подразумевают отсутствие этого прошлого в настоящем. У большинства людей обаяние настоящего момента связано именно с тем, что он уже стал прошлым. И только художник, или поэт, как замечает Янкелевич, способен уловить шарм ускользающего настоящего в самом настоящем. Именно необратимость с ее сожалением о прошлом лежит в основе поэтического мироощущения: «Перед лицом необратимого человек бессилен, но не нем» [12, p. 219]. Посредством ностальгических воспоминаний или поэзии он пытается вернуть прошлое. Сама природа сознания, не поспевающего за ходом необратимого времени, обрекает человека на воспоминания, предавая его существованию некоторую замедленность, поскольку именно в медлительности и томлении реминисценции прошедшее анализируется до мельчайших деталей. Интересно заметить, что, связывая поэзию и воспоминания, или прошлое и речь, Янкелевич приближается к проблеме, поднятой Жаком Деррида в «Голосе и феномене», а именно, к проблеме необходимости речевых актов по отношению к представлению. Так, согласно Дерриде, мы говорим лишь потому, что сам язык есть только «средство для игры присутствия и отсутствия» [3, стр.19]. И даже произнесение слова «Я» имеет смысл лишь постольку, поскольку

оно соотносится с отсутствием Я или с моей смертью, структурно необходимой для произнесения Я [3, с.127]. Мы начинаем говорить там, где начинается ничто. Только если для Дерриды это ничто ассоциируется с ретенцией или с первичной памятью, то для Янкелевича это же ничто ассоциируется с необратимостью. Однако присутствие прошлого в настоящем, по Янкелевичу, заявляет о себе не только в связи с необратимым, но и куда в большей степени в связи с непоправимым. Если необратимое подразумевает невозможность повторить в первоначальной форме свой прежний опыт, то непоправимое, напротив, выражает собой тот факт, что прошлое невозможно уничтожить. И «в зависимости от того, является ли присутствие прошлого недостаточно настоящим, или, наоборот, слишком настоящим, человек страдает от необратимого или непоправимого» [12, p. 212]. Так же, как дар внушает чувство бесконечной благодарности, так же и оскорбление может стать объектом бесконечной обиды, а непростительная ошибка – объектом угрызений. Непоправимое фактически представляет собой другой опыт времени, нежели необратимое. Здесь мы имеем дело не с последовательной сменяемостью моментов, а уже совершенно с другой конфигурацией, где происшедшее событие не удаляется все больше и больше в глубь прошлого, а остается подле настоящего. Можно сказать, что непоправимое имеет дело не столько с прошлым, которое прошло, а с бывшим, которое пребывает с нами в своей бывшести. Подобные хайдеггеровские дистинкции здесь будут крайне уместны именно потому, что опыт непоправимого подразумевает не столько время-длительность, сколько время-экстаз, где настоящее (мгновение) немыслимо без своего собственного будущего и прошлого, являющихся, по сути, его координатами. В случае с непоправимым мы сталкиваемся только с присутствием прошлого в настоящем – присутствием, которое Янкелевич выражает через понятие избытка. Прошлое присутствует в настоящем в качестве избытка именно потому, что само еще является избыточностью настоящего, которую оно никак не может перевести в ранг прошлого. При этом важно учесть, что избыточное присутствие прошлого в настоящем не сводится к памяти, которая непосредственно связана с недостатком или отсутствием. Избыток прошлого в настоящем не может быть понят лишь на основе феномена памяти. Непоправимость чего-либо связана не столько с памятью, сколько с нашим желанием забыть то, память о чем доставляет нам нестерпимую боль. Наиболее адекватным выражением непоправимого являются угрызения. О каких бы угрызениях не шла речь, их характерной особенностью является то, что они делают нас беззащитными перед прошлым. Здесь нас мучают не столько воспоминания, сколько их реальность. Вот почему угрызения представляют собой «анти-поэзию по преимуществу»: «Угрызения не придают красноречия и убедительности тому, кто их испытывает, напротив, они делают нас молчаливыми» [12, p. 222]. Примечательно, что и Хайдеггер, касаясь темы бытия виновным, пусть и в более широком смысле, так же говорит об его умалчивающем характере, понимая как молчание сам зов совести [5, с. 296]. Человек, мучимый угрызениями, не вспоминает, а не может забыть, имея дело не с воспоминаниями о прошлом, а с самим фактом прошлого. И это прошлое присутствует в настоящем уже не в виде поэтических теней, а в виде призраков и всевозможных видений. В некотором смысле угрызения теряют статус испытываемых нами чувств, поскольку свидетельствуют не о нашем переживании прошлого, а о его реальности. Не случайно угрызения для Янкелевича – это не столько чувства, сколько «ожоги», говорящие о себе помимо нашей субъективности. Феномен угрызений скорее подпадает под хайдеггеровское определение настроения, мыслимого как то, что располагает нас в мире.

Сравнение необратимого с непоправимым приводит Янкелевича к очень важному выводу. Если необратимость подразумевается каждым мгновением и распространяется на все время, то непоправимое, напротив, носит исключительный характер и распространяется только на значительные события: «…оно относится не ко всем мгновениям,

а только к одному привилегированному, исключительному, а иногда даже торжественному моменту» [12, p. 228]. Необратимость разумеется сама собой или самим фактом времени, тогда как непоправимость подразумевает человеческую волю. Она связана с периодическими и прерывающимися событиями, вносящими «порой даже грубые пунктуации в непрерывный поток повседневности» [ibid]. Непоправимость, таким образом, выражает собой время человека, его выбор, тогда как необратимость распространяется и на природу. В этом пункте позиция Янкелевича отлична от башляровской, знающей только дискретное время. При этом учение о точечном характере непоправимого больше соприкасается с философией поступка Бахтина. Так, если для последнего человек «поступает всей своей жизнью» [1, с. 40], то лишь потому, что все его поступки пребывают с ним, т.е. опять-таки носят непоправимый характер. Необратимость, связанная у Янкелевича не только с памятью, но и с забвением, не может лечь в основу человеческой историчности. Непоправимое же, напротив, задает те горизонты, из которых человек понимает сам себя. Однако непоправимое и необратимое уравновешивают друг друга. Непоправимое затормаживает ход необратимого становления, не давая нам оторваться от прошлого, которое необратимость приносит в жертву будущему. Без непоправимого становление затянуло бы человека в воронку все ускоряющейся футуризации. И здесь Янкелевич солидарен с Блохом, для которого одной из основных черт современной цивилизации является забывание [2, с. 113]. Непоправимое, таким образом, спасает прошлое от забвения, придавая ему онтологический вес. Необратимое же, напротив, облегчает для человека тяжесть прошлого, не давая становлению остановиться. Подобное взаимодействие непоправимого и необратимого выражается в соседстве сожаления и угрызений. Так, мы разрываемся между этическими угрызениями поддаться искушению и эгоистическим сожалением упустить такую возможность; между угрызением о том, что что-то не отдали, и сожалением о том, что что-то отдали. Чаще же всего эти угрызения и сожаления почти неразличимы, что, прежде всего, демонстрируют наши воспоминания. И это дает Янкелевичу право говорить о том, что непоправимое, пусть и виртуально, присутствует в необратимом. При этом наиболее интересным в учении Янкелевича является то, что непоправимое не только уравновешивает, но и усиливает необратимость. Как если бы необратимости времени было недостаточно, непоправимые человеческие поступки воздействуют на нее так, что необратимое становится еще более необратимым. Это связано с тем, что непоправимое «не только поддерживает имманентность прошлого, сколько подчеркивает отторжение предшествующего прошлого от последовавшего за ним прошлого события или решения» [12, p. 258]. Непоправимость усиливает необратимость благодаря тому, что вносит раскол в имманентное время, причем раскол этот пролегает не между настоящим и прошлым, а между прошлым и прошлым. Так, уже такое пограничное событие, как рождение, выталкивает в безвозвратное прошлое ту пренатальную жизнь, которая ему предшествовала. Точно так же совершенное преступление выталкивает в безвозвратное прошлое предшествующее ему состояние невинности. Непоправимое «пассеизирует» или удваивает прошлое, выводя его из игры становления. Если в простой необратимости мы отделены от прошлого пройденным расстоянием, то в непоправимом нас отделяет от прошлого непроницаемая стена преступления. И если в первом случае ностальгические воспоминания приглашают нас «в путешествие по последовательно расположенным пейзажам прошлого», то во втором мы должны перепрыгнуть через голову непоправимого, чтобы оказаться «по ту сторону простого совершенного времени невинности» [12, p. 260].

Сравнение необратимого с непоправимым уже показало, какое значение Янкелевич предавал привилегированному моменту, что в частности, подтверждается и его учением о том благоприятном моменте, или случае, который греки называли кайросом. Но если для греков благоприятный момент был благоприятен сам по себе, то для Янке-

левича он подразумевает отношение, причем во многом именно то, о котором Бубер говорит как об отношении Я – Ты. Становление изобилует мельчайшими и неисчислимыми пульсациями мгновений, стирающими различие между континуальным и дисконтинуальным характером времени. Однако значит ли это, что каждый момент может быть назван благоприятным? С точки зрения Янкелевича, и да, и нет. Да, поскольку каждый момент является таковым виртуально. Нет, поскольку благоприятный момент подразумевает большее: удачу, идущую нам навстречу. Так, удачное стечение обстоятельств не становится автоматически благоприятным моментом, если оно не является откликом на уже ожидаемое. Неожиданность в данном случае не имеет ничего общего с благоприятным моментом, тогда как тот скорее дает повод говорить о подарке фортуны. Благоприятный момент подразумевает «удачную синхронизацию»; пользуясь некоторым преимуществом русского языка, можно сказать, что он является событием и событием одновременно. Тем не менее, удачная синхронизация всегда подразумевает неудачную, и главной причиной человеческих несчастий всегда была неудачная синхронизация длительностей. Ярким примером такой дурной синхронизации в литературе являются отношения Онегина и Татьяны. И в этом смысле, как замечает Барбара Монмолан, философия Янкелевича подчеркивает драматический, даже трагический аспект времени [9, p. 261]. Именно дурная одновременность является для нас нормой, тогда как удачная – это всегда исключение из правил, чудо или благодать. Чудо – не как нарушение естественного порядка, а как совпадение ряда факторов: времени, места и желания. Вот почему, применительно к благоприятному моменту, мы не можем говорить ни о каком детерминизме: ведь кайрос выражает не только объективный ход вещей, но и нашу волю. Так, «лучи закатного солнца являются находкой для художника, который улавливает их своей кистью наобум, в надежде схватить налету счастливую минуту. Но, с другой стороны, сам художник вызывает закатное солнце, которое его вдохновит, как любовь вызывает страстные мгновения любви» [11, v.1, p. 122–123]. Этот круг обусловлен двойственным характером становления, подразумевающим две длительности: длительности, которая следует за историей вещей, и длительности, инспирированной этой историей, ищущей повод для импровизации собственного сценария. Первая длительность представляет собой еще не препарированное человеком время – время, идущее своим чередом, и над ходом которого мы абсолютно не властны. Эта длительность знает только внешние, не зависящие от нас причины и не знает тех мгновений, которые идут нам навстречу. Счастливый случай, кайрос открывается только той длительности, которая, так или иначе, является выражением человеческой воли, подобно как мгновение у Хайдеггера связано с решимостью. Именно применительно к этой длительности следует говорить о времени как о манере существования. Если у каждого человека, как и у каждого рода занятий, свое время, то можно сказать, что у каждого человека и у каждого рода занятий свой, только ему присущий момент, кайрос. Однако это не значит, что длительность состоит из этих мгновений. Мгновения, как уже говорилось, присутствуют в длительности виртуально, и, как показывает сам опыт времени, в непроявленной форме. Поэтому можно говорить о том, что кайрос не составляет, а выражает длительность. И жизнь человека – это не собрание ярких моментов, а только поле для их раскрытия. В этом смысле ничем не примечательная жизнь еще не значит жизнь неудавшуюся. Как раз наоборот, ведь представившийся момент почти неуловим для неподготовленного взгляда, и нам еще нужно утончиться до его восприятия. У Янкелевича проводником к подлинному восприятию мгновенья является искусство. Причем в данном случае совершенно безразлично, идет ли речь о реальном или ирреальном времени. Литература, поэзия и, особенно, музыка – каждые на свой манер раскрывают перед нами содержательное богатство мгновения. Человек, таким образом, активно участвует в создании благоприятных моментов, что позволяет Янкелевичу сделать достаточно радикальный вывод: «Человек – инженер благоприятных моментов. И подобно

тому, как он берет на службу моря и водопады, меняя их направление, как бы вводя их в русло человеческой цивилизации, точно так же, и без машин, он заставляет работать на себя кайрос» [11, v.1, p. 120]. Волевое, даже производственное отношение к кайросу требует не только чутья художника, но и авантюриста. Подобная связь технической цивилизации и благоприятного момента во многом проясняет замечание Сиорана об исключительном положении музыки для Запада [4, с. 164]. Ведь именно музыка является по преимуществу искусством времени или искусством мгновения, ставку на которые делает столь авантюрная по своей сути западная цивилизация.

При всей важности для Янкелевича темы кайроса нужно учитывать, что учение о благоприятном моменте не исчерпывает собой все тему мгновения. Так, большое значение Янкелевич уделяет исключительному по своей сути «первому и последнему мгновению смерти». Интересно заметить, что, несмотря на напрашивающиеся аналогии, эта тематика развивается им без видимых отсылок к Хайдеггеру, хотя во многом и вопреки ему. Так, Янкелевич одну из главных причин нашего пренебрежения к собственной смерти видит в невозможности точной датировки, что для Хайдеггера, несомненно, было бы свидетельством несобственного понимания смерти. Для Янкелевича же знание даты здесь так же необходимо, как и знание времени встречи при свидании [11, v. 2, p. 21]. Это связано опять-таки с тем, что в отличие от Хайдеггера, он не замыкает тему временности и смертности человеческого существования на его самости. Смерть – это не самая наша возможность, а свидетельство нашего метафизического или матаэмпирического бессилия перед тайной, или тем «почти-ничто», которое нам открывает последнее мгновение смерти. Это последнее мгновение в некотором смысле уже открывается нам в смерти близкого человека [7, с. 27]. И здесь Янкелевич вновь расходится с Хайдеггером. Мало того, сокрытость этого смертного мгновения связана не столько с бегством от нашей самости, сколько с парадоксальностью самого мгновения смерти, которое не поддается ни качественному, ни количественному определению. И хотя каждое мгновение может быть названо первым и последним в относительном смысле, только мгновение смерти может быть названо им в смысле абсолютном: «Мгновение смерти является первым потому, что никогда еще мы не переживали подобного мгновения, и оно оказывается абсолютно последним потому, что начиная с момента смерти человек прекращает свое существование» [7, с. 303]. Исключительность мгновения смерти, его прерывность Янкелевич уподобляет исключительности наготы, вызывающей в нас чувство стыда. Скрыть краткость этого мгновения человек пытается, придав ему длительность. Все похоронные церемонии и органные звуки представляют собой попытку заглушить эту неуловимую и, вместе с тем, грубую внезапность смертного мгновения, превратив внезапный уход в продолжительное расставание: «Благодаря речам и торжественному звучанию органа последний вздох становится как бы вечным» [7, с. 214]. Длительность в данном случае становится помехой для понимания того, что представляет собой абсолютно краткое мгновение смерти. Но это связано с тем, что учение о первом и последнем мгновении уже не вписывается в пределы временной проблематики, что вновь идет в разрез с хайдеггеровской установкой на полное отождествление временности человеческого существования с его смертностью. Но это также идет в разрез и с позицией Бергсона, отказывающегося видеть в смерти серьезную философскую проблему хотя бы уже потому, что факт смерти опровергает учение о непрерывной длительности.

Предавая мгновению смерти как абсолютной прерывности вневременный статус, Янкелевич, по сути, пытается спасти учение Бергсона, но, при этом, делает тему смерти более значимой и парадоксальной. Не случайно более адекватное отношение к мгновению смерти представляет собой, по Янкелевичу, не фигура героя, который все еще остается по эту сторону мгновения смерти, а святого, который оказывается по ту сторону этого мгновения, одновременно вбирая его в себя [7, с. 217]. Причем позицией героя по

отношению к собственной смерти, несомненно, является и позиция Хайдеггера. Так, подытоживая все сказанное, можно заметить, что философия времени Янкелевича представляет собой, пусть и скрыто, своеобразную антитезу хайдеггеровскому подходу. Наиболее ценным здесь представляется то, что данная антитеза выражена не экзистенциалистом или феноменологом, а бергсонианцем. Однако это не значит, что в лице Янкелевича Бергсон противопоставляется Хайдеггеру. Скорее, подобный философский опыт говорит лишь о том, что бергсонианский дискурс имеет не меньше прав на существование, чем хайдеггеровский, даже при освещении экзистенциальной тематики.

Литература

1. Бахтин М.М. Собр.соч. Т.1. М.:Языки русской культуры, 2003.
2. Вершинин С.Е. Жизнь – это надежда. Введение в философию Эрнса Блоха. Екатеринбург, Изд. гум. ун-та, 2001.
3. Деррида Ж. Голос и Феномен. СПб: Алетейа, 1999.
4. Сиоран Э.М. Искушение существованием. М.: Республика, 2003.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
6. Янкелевич В. Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004.
7. Янкелевич В. Смерть. М.: Изд. Лит. ин-та, 1999..
8. Bachelard G. La dialectique de la duree. Paris: PUF, 1989.
9. Montmollin I. La Philosophie de Vladimir Jankelevitch. Paris: PUF, 2000.
10. Jankelevitcth V. Bergson. Paris: Alcan, 1959.
11. Jankelevitch V. Le je-ne-sais-quoi et le Presque-rien. Vol.1, 2. Paris: Seuil, 1980.
12. Jankelevitch V. L’irreversible et la nostalgie. Paris: Flammarion, 1974.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

И.Г. Ребещенкова

В статье с точки зрения современной эпистемологии анализируется стратегическое мышление. Обосновывается необходимость включения понятия стратегического мышления в систему категорий современной философии и психологии. Подчеркивается важность освоения данного аспекта интеллектуальной деятельности у учащихся в системе современного образования.

Приоритетной целью современного образования и одновременно важнейшим показателем его качества становится формирование *стратегического мышления*. Усилия, направленные на формирование такого рода мышления, и соответствующие действия будут эффективными лишь в том случае, если они будут базироваться на теоретическом понимании его сущности и основных характеристик. Это означает, что назрела необходимость разработки эпистемологической (а вместе с ней и психологической) основы формирования стратегического мышления.

Необходимость формирования стратегического мышления особое значение приобретает в связи с таким существенным изменением социокультурной реальности, каким является активная разработка и все более экстенсивное применение в ее разнообразных областях компьютеров, нейрокомпьютеров и сети Internet[1] Постановка и актуальность задачи выработки и активизации процессов стратегического мышления обусловлена необходимостью решать практические задачи с учетом современных реалий: в условиях больших скоростей и интенсивных перемен в природе и обществе, системной неопределенности сложных структур и протекающих в них процессов, сложных видов деятельности, противоречий и конфликтов интересов. В этих условиях стратегический интеллект становится национальным ресурсом, а стимулирование интеллектуального развития общества, ядром которого является формирование стратегического мышления, само выступает сейчас в качестве стратегической цели социального развития и управления. Указанные новые явления и процессы побуждают к коррекции как образования в целом, так и в его части, направленной на формирование современных способов познания и мышления.

Нельзя сказать, что стратегическое мышление стало необходимостью только в последнее время. На самом деле оно является важнейшим проявлением родовой сущности человека[2]. Очевидно, что это мышление универсально: оно необходимо и реально функционирует во всех областях социокультурной практики: в политике, педагогике, бизнесе, промышленной, военной и научной деятельности. Можно с уверенностью

---

[1] См., напр., [1]

[2] Начало формирования стратегического мышления совпадает с ранними этапами антропосоциогенеза. В его основу легли активно формировавшиеся способности и процессы идеального предвосхищения будущего вообще и будущих результатов человеческой деятельности в частности. Особую роль в формировании такого рода мышления сыграли различного рода и уровня конфликты, войны, конкуренция. Характерно, что в древнегреческих полисах с конца VI до середины I века до н.э. термин «стратег» (от греч. Strategos, от Stratos – войско, ago – веду) обозначал военачальника, облеченного военными и политическими полномочиями - роль человека, командующего армией. Впоследствии слово приобрело «стратегия» новые смыслы, главными из которых стали «искусство ведения крупных военных операций и войны в целом», «наука о подготовке и ведении войн», «искусство военного командования», т.е. говорило о психологических и поведенческих навыках, необходимых для выполнения роли командующего. Ко времени Перикла этим словом стали обозначать любые навыки управления (административный талант, ораторское мастерство, силу). Во время Александра Македонского этот термин означал умение организовывать силы для победы над противником и создавать единую систему всеобъемлющего управления. Поскольку особую роль в формировании стратегического мышления сыграли конфликты и войны, постольку соответствующее понятие длительное время было монополизировано военной наукой и анализировалось и эффективно развивалось преимущественно в этой области человеческого знания.

сказать, что стратегическое мышление в организации какой-либо деятельности играет более важную роль, чем многие иные факторы, влияющие на ее результативность. Как способность предвидеть будущее и выстраивать действия с перспективой этого будущего, оно является важнейшим потенциалом развития любой организованной структуры. Показателем того, что в последние десятилетия стратегическое мышление стало востребованным (особенно в бизнесе, в конкурентной экономике, политике), является существование множества тренингов, семинаров, направленных на его выработку. Кроме того, об этом говорит и активное формирование в последнее время сети понятийных средств для выражения теоретической и практической сущности этого феномена, к числу которых могут быть отнесены: «стратегический интеллект», «стратегическая мысль», «стратегическое планирование», «стратегическое управление», «стратегическое видение», «стратегическая аналитика», «стратегические цели», «стратегические практики», «стратегическая рефлексия», «алгоритм стратегического мышления» «стратегические ошибки», «стратегическая реальность» и т.п.

О востребованности этого мышления свидетельствует создание концепций и методик стратегического менеджмента, многочисленных практических руководств по разработке успешных стратегий. Сказанное делает очевидным тот факт, что теоретическое понимание сущности стратегического мышления и его эпистемологической основы приобретает в современных условиях особое значение.

Само понятие «стратегическое мышление» не является в настоящее время строгим и определенным и, следовательно, требует предварительного уточнения. Сразу же следует признать то, что, несмотря на распространенность в современной (экономической, социально-политической, социально-психологической) литературе и в повседневной языковой практике соответствующего этому понятию термина, его употребление чаще всего носит нерефлексивный, интуитивный характер. В то же самое время известно и то, что понятие «стратегическое мышление» пока еще не заняло надлежащего ему места в современной теории познания – в той исследовательской сфере, в которой, по большей мере, возможно выяснение его сущности. Также оно пока еще не стало объектом заинтересованной и углубленной философско-методологической рефлексии в целом. При этом нельзя думать о том, что философия, включающая эпистемологию, призвана дать рецепты выработки конкретных стратегий в отдельных сферах жизнедеятельности и практики индивидов. Речь идет о понимании сущности стратегического мышления, определении его основных характеристик, процессов и процедур – о создании его общей модели (или моделей).

Справедливости ради надо отметить что, то явление, которое подразумевается под стратегическим мышлением или, по крайней мере, его отдельные формы и аспекты, не раз привлекали внимание психологов, в том числе и современных, опыт которых должен быть учтен в анализе его эпистемологических основ.

Определенную роль в плане понимания стратегического мышления играет введенное Аристотелем деление всех психических способностей (души) на две группы: познавательные и движущие способности. К последним он отнес способности чувствования, желания, стремления и действования. указанное деление соответствует тому противопоставлению ума и воли, которое впоследствии нередко доводилось до их разрыва. Психолог Б.М. Теплов, учитывая традицию такого рода противопоставления и одновременно поставив задачу исследования места и роли мышления в практической деятельности людей, указал на то, что уже в аристотелевской системе взглядов содержится возможность устранения такого противопоставления, возможность интеграции ума и воли, имея в виду при этом «разумное стремление» или *«стремящийся разум»*. Именно «ум и стремление» составляют основу того, что Теплов назвал практическим мышлением (практическим умом или практическим интеллектом). Надо признать то, что аристотелевское определение практического ума как «способности к деятельности,

направленной на человеческое благо и осуществляющейся на основе разума» сохраняет свое значение и поныне[3].

Практическое мышление взаимосвязано неразрывно со стратегическим мышлением, которое было рассмотрено на примере мышления военного руководителя[4]. Таким образом, стратегическое мышление (стратегический интеллект) является формой проявления или формой существования практического мышления. По этой причине свойства этих разновидностей мышления в значительной мере совпадают.

Практическое мышление обычно противопоставлялось теоретическому мышлению. На самом деле обе эти разновидности связаны с практикой, они едины, несмотря на различие их задач. Теплов выступил против распространенной точки зрения, что теоретический ум обычно рассматривался как высшая форма проявления интеллекта, а практический ум, даже на самых высоких его ступенях (ум политика, государственного деятеля, полководца), оценивался как более элементарная, как бы менее квалифицированная форма интеллектуальной деятельности [4, с.147-148]. На самом деле практический ум (а вместе с ним и стратегическое мышление), функционирует в условиях более сложных, жестких и трудных требований, включающих постановку многообразных задач, чем условия функционирования теоретического ума. Их различие состоит в следующем: теоретическое мышление нацелено на поиск общих закономерностей, а практическое мышление – на решение частных, конкретных задач того или иного вида деятельности, причем, как правило, в условиях дефицита времени.

Что касается основополагающих качеств стратегического мышления, то, основываясь на проведенном Б.М.Тепловым тщательном рассмотрении ума полководца (стратега), можно сделать вывод о существовании их системы. К числу таких качеств могут быть отнесены следующие способности и свойства. Во-первых, это способность к аналитической и синтетической интеллектуальной деятельности. Во-вторых, это способность к актуализации имеющихся знаний, т.е. готовность к быстрому использованию их в нужный момент, которая, в свою очередь, зависит от оперативных мнемических способностей, т.е. от способности к запоминанию и воспроизведению необходимых для осуществления деятельности обстоятельств. В-третьих, это способность к пространственному и временному распределению событий – планированию. В-четвертых, это способность к интуитивным решениям задачи – способность быстро разбираться в сложной ситуации и почти мгновенно находить правильное решение. При этом интуиция трактуется не как сфера бессознательного, а, наоборот, как «предельно обостренное сознание»[5, с.287].

Таким образом, стратегическое мышление обеспечивается своеобразным сочетанием – достаточно сложным переплетением ряда способностей и соответствующих им процессов – анализом, синтезом, памятью, воображением, пространственными и временными представлениями, интуицией.

Стратегическое мышление предполагает высокую культуру мышления в целом, которая немыслима в настоящее время без навыков системно-структурного и эволюционного, синергетического анализа и видения природных и социальных явлений. Оно, по самой своей сути, невозможно без эффективного стиля мышления[5].

Кроме того, стратегическое мышление может быть структурировано и по другим критериям. Оно включает в себя процессы диффенциации, классификации, установления различных (в том числе и причинно-следственных) связей и отношений событий и ситуаций прошлого, их оценок. Во-вторых, это мышление включает в себя прогнозирование – выдвижение на предварительно установленной основе гипотез – системы пред-

---

[3] См. анализ аристотелевских взглядов на деление психических способностей как на части души [3, с. 333–334.]

[4] См. [3] и [4].

[5] По поводу понятия «стиль мышления» см., напр., [6–11].

положений относительно желаемого будущего некоторой системы. В-третьих, стратегическое мышление осуществляет постановку целей и задач, определение последовательности их достижения и решения, которое, в свою очередь, включает выбор эффективных средств достижения поставленных целей и решения задач, выявление и учет *рисков*, выявление и анализ *ошибок* в принятии решений и выборе средств, коррекции деятельности.

Стратегическое мышление, включающее в себя в качестве обязательных элементов логические алгоритмы действия как относительно устойчивые структуры, способные функционировать в ряде тождественных ситуаций, вместе с тем не может быть сведено к ним. Оно включает в себя также и оперативные реакции на непредсказуемые, случайные изменения ситуации, на получение новой, нередко альтернативной по отношению к уже имеющейся информации. Так, образование в сфере современного управления производством включает в себя констатацию того факта, что для выживания структуры необходимо постоянное отслеживание всех изменений во внешней среде, ее мониторинг и прогнозирование. Причем, чем более чутко руководитель уловит возможные изменения во внешней среде, тем больше шансов у организации вовремя принять решение, вовремя подготовиться к тем возможным, ожидаемым изменениям. С другой стороны, при выработке стратегий в производственной деятельности необходимо заниматься анализом внутренних условий, внутренней среды организации, включающей, в первую очередь, людей. Все сказанное объясняет тот факт, что современные концепции стратегического менеджмента содержат ответы на вопрос: «Как следует осуществлять управление организацией в условиях динамичной, изменчивой и неопределенной среды?»

Выход за пределы жестких алгоритмов мышления и действий, их оперативная перестройка, с целью своевременной адаптации к изменившейся ситуации – характерная черта человеческой деятельности, решительным образом отличающая ее от инстинктивной деятельности животных, которая, как известно, обладает большим адаптивным, жизнесохраняющим значением.

Следует особо подчеркнуть то, что развитие приемов и навыков стратегического мышления всегда включало в себя формирование способности принятия *рискованных* решений и связанных с этим деятельности по оценке различных возможностей дальнейшего развития и расстановки приоритетов.

Можно напомнить в этой связи о том, что в современной этологии известным австрийским исследователем И. Эйбль-Эйбесфельдтом человек назван *рискующим* существом, поступающим не всегда в соответствии с рекомендациями разум, что указывает на риск и способность к рискованным действиям как на его сущностную характеристику [12].

Ситуации риска, связанные с опасностью, могут вызвать и реально вызывают различные эмоциональные состояния. Нередко эти эмоционально-аффективные состояния парализуют деятельность человека, его умственную деятельность, познавательные способности. Однако, надо иметь в виду, что опасность может вызывать и повышение активности, в том числе и интеллектуальной. «Совершенно несомненно, – отмечал в этой связи Б.М.Теплов, – что у этих лиц (полководцев – И.Р.) чрезвычайно ярко выражена одна из важнейших сторон военного таланта: способность к максимальной продуктивности ума в условиях максимальной опасности» [5, с.238].

Можно утверждать, что способность принятия *рискованных* решений на современном этапе общественного развития не только не утрачивает своего значения, но, наоборот, становится все более насущной, как бы парадоксально это не выглядело бы. Это связано со значительным увеличением количества ситуаций риска или, по меньшей мере, элементов риска в жизни и деятельности людей. Сказанное относится к ситуациям природных и техногенных катастроф, а также к конкурентной деятельности с высо-

кой степенью коммерческого риска в сфере менеджмента и бизнеса с применением электронных технологий, бизнес-моделей и стратегий для Internet-экономики[6].

В настоящее время даже малый бизнес рискует быть уничтоженным конкурентами, если не осознает своего положения в отрасли и не определит своих долгосрочных перспектив с учетом действий соперников, не только ближайших, но и находящихся на другой стороне планеты: ведь Internet- и Web-технологии не оставляют шансов на выживание тем, кто упускает новые, связанные с этим фактом возможности и не учитывает возникающие при этом риски.

По этой причине в общем, а также в философском образовании, как представляется, должен быть особо выделен (в связи с необходимостью формирования стратегического мышления) раздел, посвященный понятию риска – его теоретическим и практическим аспектам. Так, необходимо более активно и обстоятельно рассматривать связанный с ним комплекс вопросов, имеющих, несомненно, философские, в том числе и когнитивные аспекты: понятие риска, его характеристики и различные взаимосвязи со случайностью, неопределенностью, конфликтом, эффективностью. Возникают вопросы об определении меры риска, об управлении рисками, о рисках функционирования и развития социальных объектов (например, операционных, инвестиционных и финансовых рисках предприятий), о предпринимательском риске; об этапах управления риском: выявлении, анализе, принятии решений, воздействии, контроле, коррекции; методах выявления, воздействии на риски; о снижении и ограничении рисков, исключении риска, понижении возможности риска, уменьшении возможного ущерба. Таким образом, раздел современного образования, посвященный понятию риска, должен быть увязан самым тесным образом с проблемами формирования стратегического мышления.

Серьезной и недостаточно изученной проблемой в настоящее время выступает проблема взаимодействия генетических (врожденных) и приобретенных в процессе образования способностей и навыков стратегического мышления. Такой же неразработанной предстает проблема соотношения осознанных и бессознательных элементов в процессе формирования и функционирования стратегического мышления.

Стратегическое мышление неотрывно от тактического мышления. Обе разновидности взаимно предполагают друг друга. Оно включает в себя в качестве исходного пункта целевую мотивацию для любого вида деятельности.

В заключение можно отметить и то, что разработка общей эпистемологической основы формирования стратегического мышления необходима для выработки жизненных стратегий в целом – для определения смысла жизни, обоснование значения ее базовых ценностей и целей, т.е. для смыслополагание как дополнения к процессу целеполагания.

Итак, способность к стратегическому мышлению включает в себя ряд и навыков и процессов: логическое мышление, механизмы анализа и интеграции, алгоритмы предсказания будущего, интуицию, методы оптимизации, технологии мышления, дающего "на выходе" набор стратегических решений, позволяющих осуществлять практическую деятельность, в том числе выходить из кризисных ситуаций. Вместе с тем представляется, что формирование способности к стратегическому мышлению должно стать одним из ведущих критериев качества современного образования

Литература

1. Савельев А.В. Internet и нейрокомпьютеры – социотехнические стратегии искусственного мира: некоторые онто-эпистемологические аспекты // Философские науки. 2003. №5.

[6]По этим вопросам см., напр., [13– 15].

2. Кох Р. Стратегия. Как создавать и использовать эффективную стратегию. СПб, 2003.
3. Теплов Б.М. Ум полководца // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: 1981. С. 333–334.
4. Теплов Б.М. Практическое мышление // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М., 1981. С. 145–148.
5. Теплов Б.М. Избр. Труды. Т.1. М., 1985.
6. Веденов М.Ф., Сачков Ю.В. Проблема стилей мышления в естествознании. М.,1971.
7. Андреев И.Д. О стиле научного мышления. // Философские науки. 1982. №3.
8. Крымский С.Б. О стиле мышления современного естествознания. / Проблемы философии и методологии современного естествознания. М., 1973.
9. Сачков Ю.В. Проблема стилей мышления в науке. / Материалистическая диалектика как логика и методология современного научного познания. Алма-Ата, 1976.
10. Дорофеева И.Т. Роль стиля мышления в физическом исследовании // Наука и техника. Вып. VIII, ч. II. М., 1973.
11. Семакова Э.М. Современный стиль научного мышления и его роль в активизации исследовательской деятельности / Понятие деятельности в философской науке. Томск, 1976.
12. Eibl-Eibesfeldt I. Der mensch – das riskierte wesen. Zur Naturgeschichte menschlicher Unvernunft. München-Zürich: 1991
13. Балабанов И.Т. Риск - менеджмент. М., 1996.
14. Цай Т. Н., Грабовый П. Г., Сейл М. Конкуренция и управление рисками на предприятии в условиях рынка. М., 1997.
15. 15 Чернов В. А.. Анализ коммерческого риска. М., 1998.
16. Хохлов Н. В.. Управление риском. М., 1999.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДЛЯ АДАПТАЦИИ ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ

Ю.П. Роговой

В статье обосновывается необходимость использования логических средств для решения достаточно актуальной учебно-методической проблемы – адаптации философских текстов (в первую очередь, «первоисточников»). Продвижение в решении этой проблемы могло бы способствовать более глубокому и осмысленному освоению студентами курса философии.

Основной массив публикаций по проблеме адаптации текста относится к области преподавания иностранного языка. При этом под адаптацией текста в практике преподавания иностранного языка обычно понимают некоторое упрощение, облегчение (или усложнение) текста соответственно уровню языковой компетенции учащихся. Иногда трактуют это понятие более широко – как приспособление текста при помощи определенных процедур к предельно адекватному, вполне соответствующему, «тождественному» его восприятию читателем иной культуры. Оценивая сложность текста, принимают во внимание количество незнакомых лексических единиц, неизученных синтаксических структур, и других существенных элементов, а также их роль в передаче смысловой информации. Выделяются: **сильная** адаптация текста, связанная с общим качественным изменением речевой структуры текста; **средняя** адаптация текста, связанная с внесением существенных изменений за счет мелких сокращений и синонимических замен трудных мест; **слабая** адаптация текста, осуществляемая за счет сокращения крупных блоков текста с сохранением содержательного ядра или с выделением определенных содержательных линий; **условная** адаптация текста, производимая путем вынесения трудных мест в петит с сохранением содержательной последовательности основной части текста.

В более широком контексте понятие адаптации текста можно трактовать как упрощение структуры, минимизацию количества элементов и связей между ними, позволяющих, тем не менее, сохранить существенные компоненты содержания текста. В нашем случае, когда речь должна идти об адаптации философских текстов, используемых в процессе преподавания философии в высших учебных заведениях, проблема адаптации текстов «первоисточников» для адекватного их восприятия и для достижения необходимого уровня их усвоения студентами представляется достаточно значимой и актуальной.

Существенной предпосылкой самостоятельно осуществляемой студентами адаптации философского текста, очевидно, должны быть навыки логического анализа текста, освоенные в достаточной степени. То, что в процессе обучения существует необходимость регулярно, систематически осуществлять анализ текстов, представляется достаточно ясным. Правда, не менее ясно и то, что эта необходимость «практически учитывается» и реализуется в реальной практике учебного процесса в очень незначительной степени.

Что касается самых общих соображений относительно логического анализа текста, то здесь можно заметить следующее. Аппарат традиционной, классической формальной логики «в чистом виде» не годится для логического анализа текстов. Известный отечественный специалист в области психологии речи и мышления Н.И. Жинкин пришел к выводу, что наибольшую трудность при этом представляет именно выбор пути, выбор критериев и исходных позиций для анализа текстов. При анализе текста очень важно иметь определенное представление о том, что понимать под **единицей текста.** В традиционной логике при анализе высказываний, суждений предметом рассмотрения выступают **субъект и предикат отдельного суждения.** При этом исходят из того, что субъект содержит в себе старое знание, а предикат – новое. Трудности (при попытках ограничиться традиционными средствами формальной логики) возникают в силу того, что предикаты суждений (в традиционном, аристотелевском смысле слова) обычно не соединяются друг с другом в однородную цепь, а находятся в более сложных отношениях, образуя определенную систему. В результате в тексте возникают более сложные отно-

шения между элементами, в частности, иерархия предикатов, и предикаты, **дополнительные** по отношению к главным, выполняют **различные** смысловые функции: уточнения, перечисления, конкретизации и т.п. Весьма существенным является также следующее обстоятельство: субъект и предикат суждения в традиционной логике чаще всего определяются фактически не подлежащим (или группой подлежащего), и сказуемым (или группой сказуемого). Они определяются, как правило, **контекстом**, а также **логическим ударением** или **значением** того **вопроса**, на который отвечает суждение. Именно эта вот «подвижность» субъекта и предиката, некоторая «неопределенность» (то есть, невозможность иметь четко фиксированные границы) субъекта и предиката вынуждает, при проведении общего анализа текста, выходить за рамки отдельного суждения и обращаться к группе взаимосвязанных суждений, к контексту. Поэтому под «единицей текста» можно понимать, например, такую **группу** из двух и более предложений, **в которой** можно выделить **«текстовый субъект»** и **«текстовый предикат».**

В общетеоретическом плане не менее значимыми оказываются некоторые положения современной логики и методологии, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме. На уровне формализованных научных теорий обнаружилось, что некоторое высказывание может быть представлено как следствие из определенных аналитических положений теории, то есть, положений, заданных правилами языка теоретической системы. Обнаружилось также, что «план содержания» может быть переведен на уровень «плана выражения». Как известно, традиционная, классическая лингвистика не шла дальше анализа структуры предложения. В равной мере традиционная, классическая формальная логика концентрировала свои усилия на анализе субъектно-предикатной структуры мысли. Постановка проблемы текста как междисциплинарной проблемы (в первую очередь в зоне пересечения лингвистики и логики) потребовала существенного расширения лингво-логических объектов. Вместе с этим возникла потребность в так называемом высшем синтаксисе, т.е. в разработке вопросов строения не только предложения, но и лингвистических конструкций шире фразы, например, структур абзаца или контекста. Таким образом, исследование процессов трансформации знания привело ученых к констатации: структура **мысли**, ассоциированная со структурами предложения, в области знания уступает место структуре **текста** как более универсальной сущности. В сравнении с исследованиями более общих систем, проблематика традиционной формальной логики, связанной с изучением понятий, суждений, умозаключений может быть охарактеризована как «микрологика», как метод структурного анализа отдельных фрагментов знания. В то же самое время целостный, системный анализ знания требует «макрологики», логики анализа текстов, относящихся к информационным массивам любой мощности. Под «макрологикой» при этом понимается не просто какая-либо новая логическая система, но применение средств современной символической логики и лингвистики к задачам исследования текста.

В самом широком смысле содержание понятия «текст» раскрывают как «систему линейных последовательностей символов, которая задается культурными кодами определенной цивилизации» [2, с. 7]. В соответствии с характером кодов различают тексты письменные (например, пиктографические, алфавитные, формульно-математические, и другие); устные (разговорная речь); технотронные (получаемые с помощью технических средств видео-, звукозаписи, машинной памяти). Задающие коды определяются в системе тех или иных языков, и тексты, в соответствии со свойствами этих языков, могут быть квалифицированы как научные, художественные, бытовые… При этом не любая материальная фиксация какой-либо системы символов является текстом. Например, в свое время астрономами была обнаружена регулярная последовательность световых импульсов, идущая от так называемых «пульсаров». Эта последовательность была расценена как имеющая внешние признаки текста. Однако последующий научный анализ показал, что эта регулярная последовательность импульсов не может быть рассмотрена

в качестве заданной кодами какой-либо цивилизации, но может быть объяснена на основании имеющихся в данный момент естественнонаучных знаний. Здесь оказалось возможным поступить в соответствии с принципом многовековой давности: «Не умножайте сущности без надобности».

Ясно, что проблема логического **анализа** текста теснейшим образом связана с проблемой **понимания** текста. Наверное, следует даже сказать «контролируемого понимания», потому что слишком часто имеют место случаи, которые можно квалифицировать скорее как «иллюзию понимания», некое «внутреннее ощущение понятности», нежели действительное понимание. Понимание как компонент мышления состоит, прежде всего, в выявлении и разрешении скрытых, т.е. явно не выраженных, вопросов в проблемных ситуациях на основе использования имеющихся знаний и применения специальных приемов. Процесс понимания фактически будет складываться из: (а) точного знания значения слов; (б) умения устанавливать их связи в рамках суждения; (г) наличия достаточного запаса знаний, необходимых для адекватного «восприятия» текста; (в) использования собственного **тезауруса.**

Понятие тезауруса в отечественной литературе было уточнено, эксплицировано в работах, проводившихся «под эгидой» Проблемного совета по кибернетике и общей теории систем. Поскольку один и тот же текст, одно и то же сообщение может поразному восприниматься различными приемниками информации, постольку оказывается весьма важным и полезным представление о **тезаурусе приемника.** Можно говорить о тезаурусе конкретного человека, о тезаурусе коллектива, вообще о тезаурусе некоторой сложной системы, задействованной в процессе коммуникации. По сути дела, тезаурусом задается система семантических связей понятий. Каждое понятие в тезаурусе объясняется через набор, систему других понятий. Иначе говоря, тезаурус можно определить как совокупность элементов языка, для которых заданы все связи между ними. Тезаурус конкретного человека (если у него сформировался именно тезаурус, а не «груда» понятий, не «отрывки из обрывков») – это вербализованная совокупность (точнее: система, целостность, ансамбль) его представлений о мире. Эта индивидуализированная система понятий, если трактовать ее расширительно, включает и познавательные установки конкретного человека, которые играют весьма существенную роль. Например, если человек исключает из своего тезауруса понятие «цель», то ему трудно **понять** даже самое простое поведение животных. Хорошо известен весьма показательный пример из истории науки: Галилей, как известно, считал, что не может быть сил, действующих на расстоянии. И в результате не смог дать объяснение механизму приливов, хотя имел все необходимые для научного объяснения факты. Таким образом, понимание вообще и понимание текста в частности сильно зависит от тезауруса конкретного человека: имея больший тезаурус, человек полнее, глубже, основательнее поймет текст. Человек же с незначительными и не организованными системно знаниями, т.е. имеющий небольшой тезаурус, получит из текста мало информации.

При этом очень важным оказывается умение устанавливать смысловые, логические связи и отношения, как между отдельными суждениями, так и между группами суждений. Элементарные акты, осуществляемые при логическом анализе текста, суть следующие: (а) выделение наиболее **часто встречающихся** слов, понятий; (б) определение, какие из них относятся к **основным** (контекстуально устанавливая их значение), иначе говоря, выделение важнейших, **ключевых понятий** (терминов) в выделенном фрагменте текста; (в) установление важнейших по смыслу **суждений**, представляющих собой «смысловые ядра», отличая их от примеров, пояснений, дополнений и т.п.; (г) выявление **связей и отношений** между этими важнейшими положениями (суждениями) – здесь имеются в виду, в первую очередь, связи и отношения типа «причина – следствие», «основа – обоснованное», «выводится (следует) из…», «тождественно с …», «отрицает…», «противоположно…» и т.д.

На заключительной стадии адаптации выбранного текста можно попытаться «реконструировать логику рассуждений» автора базового текста и получить новый текст, представляющий собой некоторую последовательность суждений, отражающих и смысл основных положений автора, и их существенные взаимосвязи. В результате может быть сформирована достаточно надежная основа для понимания и усвоения содержания дисциплины при использовании текстов из философских «первоисточников». К сожалению, в настоящее время в процессе обучения негативно проявляют себя различные **ограничения на глубину понимания.** Эти ограничения сформировались совершенно стихийно, под давлением реальной практики. Они нигде не «прописаны», не декларируются, не выставляются как дидактические или методические требования, но они действуют. В частности, в современной высшей школе слишком часто **усвоение знаний** предполагает ту **меру** их **понимания**, которая необходима всего лишь **для** их **запоминания.** В самом деле, углубляясь в сущность изучаемых проблем, стремясь достигнуть максимально возможной глубины понимания, можно ведь и не сдать зачет или экзамен. И, тем не менее, никто не оспаривает, что понимание смысла воспринимаемого текста и направленность мышления на углубление его понимания является важнейшей составной частью культуры ума. Один из многих возможных критериев, позволяющих установить, действительно ли студентом достигнуто понимание необходимого уровня, заключается в том, что студент демонстрирует свою способность построить осмысленное высказывание в терминах того «специфического» языка, с помощью которого было выражено некоторое содержание, некоторое знание, относящееся к определенной предметной области. Иначе говоря, можно говорить о минимально «необходимом и достаточном» уровне понимания текста некоторым «субъектом понимания», если он в состоянии корректно (и самостоятельно!) оперировать терминами этого языка, не будучи скован необходимостью буквального воспроизведения исходного текста, если он способен на произвольные (в плане формы) трансформации текста.

Чтобы «проиллюстрировать» некоторые утверждения, можно использовать в качестве своеобразной «модели» ту часть текста знаменитого сочинения Рене Декарта «Рассуждение о методе», где достаточно коротко и емко формулируются четыре правила. Собственно изложению правил Декарт предпослал общее соображение, в котором акцентирует наше внимание на необходимости соблюдения пусть и небольшого, но точно фиксированного количества ясно сформулированных интеллектуальных приемов. Однако, как показывает опыт, при поверхностном восприятии текста первого правила студенты часто отождествляют первую и вторую его части (к этому побуждают их слова Декарта, соединяющие эти части: «иначе говоря») и не придают значения весьма важному моменту (выпускают его из виду): необходимости «избегать опрометчивости и предвзятости» в суждениях. Еще больше упущений совершают они, выполняя тренирующее задание по третьему правилу: «Придерживаться определенного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых и восходя постепенно к познанию наиболее сложного, предполагая порядок даже и там, где объекты мышления вовсе не даны в их естественной связи» […].

Во-первых, очень часто в данном тексте выделяются не все существенные моменты (три «предписания» Декарта), а всего лишь один (в лучшем случае – два). Во-вторых, требование Декарта: «придерживаться определенного порядка мышления» фактически отождествляется с требованием (точнее, оно как бы «заслоняет» его собой): размышлять, везде «предполагая порядок». Одно и то же **слово** «порядок» (использованное дважды), воспринимается как представляющее одно и то же **понятие,** что совершенно не так. В первом случае у Декарта речь идет о необходимости мыслить систематически, следуя «определенному порядку», во втором же случае речь идет о необходимости использования предположений (гипотез), даже в тех случаях, когда между вещами (объектами мышления) и не установлена «естественная связь».

С другой стороны, дополнительные трудности для студентов возникают в силу известной «непричесанности» мыслей в текстах. При работе с понятийным аппаратом многими авторами учебников и учебных пособий часто нарушаются даже элементарные требования. Практически в любом учебнике (в данном случае речь об учебниках по философии) можно найти примеры использования понятий, содержание которых не уточнено ни в тексте, ни в контексте, ни в глоссарии, ни где-либо еще. А ведь в учебниках содержится не устный, а **письменный**, т.е. наиболее отработанный **текст**. Например, в учебнике В. Канке, выдержавшем несколько изданий, вышедшем в серии «Учебник для XX1 века», для характеристики философии используется текст Хайдеггера, в котором утверждается, что она есть «последнее выговаривание и последний спор человека, захватывающие его целиком и постоянно». Можно представить себе поистине «волшебное состояние ума» доверчивого студента, который постарается изо всех сил **понять (!)** такую вот **мудрость.** Другой пример. Характеризуя философию Аристотеля, В. Канке пишет: «Самобытное единичное бытие Аристотель называет *субстанцией*» (выделено В. Канке). Но это ведь можно понять так, что Аристотель вполне владел латынью и использовал для своих нужд подходящее латинское слово, хотя, в общем и целом, «Метафизика» была написана по-гречески. Еще пример. Автор полагает, что «самые насущные проблемы человечества получают в философии *завершающую интерпретацию*». Однако, если устоявшееся понимание слова «интерпретация» соотносится **с одним из возможных** истолкований, то понятие «завершающая интерпретация» несколько смущает. Далее автор вводит понятие «актуальная философия», которое трактует, пожалуй, своеобразно. А именно, как «наивысший уровень самоосмысления человечества, достигнутый к настоящему времени». Сильно сказано!

В заключение хочется отметить следующее. Логический анализ текста позволяет достигать более глубокого уровня понимания, нежели это возможно на основе «безотчетной» деятельности нашего мышления. А понять – значит приобрести такое знание, которое отражает суть вещей, соединяет нечто ранее неизвестное с уже известным, превращает ранее разрозненное в некую целостность, в систему. Интересный способ рассмотрения проблемы логического анализа текста, его адаптации и проблемы понимания может быть осуществлен при введении понятия о «ситуациях понимания». Самая общая типология ситуаций понимания включает в себя три вида: «диалог», «перевод», «интерпретация». В «диалоге» главным является понимание личностных смыслов, выражаемых собеседниками с помощью общих для них языковых средств. В ситуации «перевода» этой общности нет, и поэтому очень существенным моментом оказывается не только понимание стоящих за высказыванием намерений автора, смысловой направленности его сознания, контекстуальной обусловленности, но и адекватное понимание самого содержания высказывания. Для «интерпретации» же характерно то, что моменты, существенные для «диалога» и «перевода», переплетены и выступают на первый план в зависимости от задач, решаемых интерпретатором. Поэтому структура понимания более глубоко и ясно проявляется не в диалогических ситуациях, а в ситуациях «перевода», поскольку именно «перевод» – как ситуация понимания – предполагает и требует учет наибольшего количества предпосылочных контекстов.

Литература

1. Канке В.А. Философия. Исторический и систематический курс: Учебник для вузов. М.: «Логос», 2002.
2. Крымский С.Б. Научное знание и принципы его трансформации. Киев: Наукова думка, 1974.
3. Налимов В.В., Мульченко З.М. К вопросу о логико-лингвистическом анализе языка науки. / Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972.
4. Проблема культурной адаптации текста. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999.

СТРУКТУРА НЕПРОТИВОРЕЧИЯ

А.А. Яйлеткан

В статье исследуется одна из важнейших логических категорий – непротиворечие. Обосновывается, что отношения логического квадрата (BFSN) вполне соответствуют подходам группы INRC, порождающим все логические преобразования.

Под структурой непротиворечия будем понимать совокупность таких отношений между объемами понятий некоторой теории, которые указывают конкретное место предметов мышления на диаграммах Доджсона, Эйлера-Венна и конечно-бесконечных диаграммах Эйлера-Венна [5]. Организация хранения данных в информационных системах по принципу структуры непротиворечия обеспечивает создание базы знаний любой непротиворечивой теории непосредственно.

Основные предпосылки настоящей статьи будем обозначать заглавной буквой П с порядковым индексом.

П1. Если удается доказать непротиворечивость некоторой теории, то тем самым обосновывается теоретическая возможность существования самих материальных объектов (может быть, не наблюдаемых в настоящее время!), удовлетворяющих основным положениям этой теории и, в силу этого, возможность ее практического использования [2, с. 186].

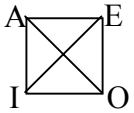
Допустим, что в некоторой теории сформулированы некоторые основные понятия, являющиеся ее конструктами. Согласно П1, к этим конструктам предъявляются требования непротиворечия, выражаемые соблюдениями всех отношений между объемами понятий (тождества, пересечения, противоречия, подчинения, соподчинения, противоположности), а, следовательно, основных законов логики (тождества, исключенного третьего, непротиворечия, достаточного основания) и закона обратного отношения.

П2. Противоречия недопустимы в логически правильных рассуждениях, поэтому содержание закона (противоречия) может быть сформулировано следующим образом: в процессе рассуждения о чем-либо нельзя одновременно утверждать и отрицать что-либо в одном и том же смысле, поскольку образующиеся в этом случае суждения не могут быть вместе истинными. Закон непротиворечия принято выражать в виде формулы: $\neg(A\&\neg A)$, которая читается так: «… не может быть, чтобы одновременно имело место А и его отрицание» [2, с. 184].

Действительно, пересечение двух классов на диаграммах является пустым $A\cap\neg A=\varnothing$. Но данное пересечение, с другой стороны, указывает на границу раздела А и $\neg A$ [6] такую, которая способствует либо порождению пограничных пар понятий $((A\&B,\ A\&\neg B),\ (\neg A\&B,\ \neg A\&\neg B))$ в результате анализа, либо аннигиляции одного из пограничных признаков $((A\&B\vee A\&\neg B=A),\ (\neg A\&B\vee\neg A\&\neg B=\neg A))$ в результате синтеза. Согласно законам де Моргана отрицания дизъюнкции и конъюнкции, имеем тождество $\neg(A\&\neg A)\equiv\neg A\vee A$ законов непротиворечия и исключенного третьего. Отсюда следует аналитическая модель строящегося универсума (теории) $U=\&(X_i\vee\neg X_i)$, где X – это алфавит пропозициональных переменных (существенные признаки), а $i=1,2,\ldots,n$ является как индексом X, так и порядком взятия конъюнкции n раз [4]. Так, например, для $n=2$ имеем $U=(X_1\vee\neg X_1)\&(X_2\vee\neg X_2)=X_1\&X_2\vee X_1\&\neg X_2\vee\ \neg X_1\&X_2\vee\neg X_1\&\neg X_2$. Если в полученном выражении заменить $X_1=A$ и $X_2=B$, то $U=(A\vee\neg A)\&(B\vee\neg B)=A\&B\vee A\&\neg B\vee\neg A\&B\vee\neg A\&\neg B$, что соответствует полному базовому функциональному набору, выражаемому полным перечислением высказывательных форм всех классов диаграммы Эйлера-Венна с двумя существенными признаками. Полученное выражение аналитической модели универсума автоматизирует процесс ор-

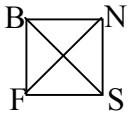
ганизации памяти хранения информации по высказывательным формам, что соответствует структурированию базы данных, но не отвечает еще требованиям базы знаний.

П3. В традиционной формальной логике противоречием считается утверждение двух противоположных (как контрарных, так и контрадикторных) суждений об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении [1, с. 94]:



где A – общеутвердительное суждение «Все S суть P», E – общеотрицательное суждение «Ни одно S не суть P», I – частноутвердительное суждение «Некоторые S суть P», O – частноотрицательное суждение «Некоторые S не суть P» [1, С. 81–82].

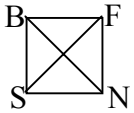
Проанализируем диаграмму Эйлера-Венна с двумя существенными признаками. Проведем аналогию высказывательных форм с конструктами логического квадрата (будем называть его логическим квадратом AEIO). Пусть в логике высказываний заданы два существенных признака S и P. Тогда мы можем указать общеутвердительный класс, в котором выполняется S&P (назовем его Both, т.е. этот класс соответствует понятию, для которого выполняются оба признака). Затем общеотрицательный ¬S&¬P (назовем его None, т.е.этот класс соответствует понятию, для которого не выполняется ни один из двух признаков). А также частноутвердительный S&¬P и частноотрицательный ¬S&P классы (с названиями First и Second, соответственно). Представим полученный логический квадрат (BNFS).



Диагонали и вертикальные линии соответствуют отношениям противоречия (контрадикторности), верхняя горизонтальная линия – противоположности (контрарности), а нижняя горизонтальная линия – соподчинению (субконтрарности). В первом приближении полученная структура соответствует традиционным представлениям, но при конструировании более сложных систем (более двух существенных признаков) она не вполне соответствует выполнению отношений между объемами сконфигурированных понятий.

П4. В более широкой перспективе можно говорить о классификационной функции закона противоречия. Согласно выдающемуся американскому психологу Дж Келли, человек смотрит на мир посредством созданных им на основе закона противоречия особых биполярных признаков, названных конструктами, структурирующими как реальность, так и саму личность [3, с. 12].

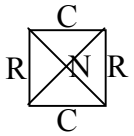
Каким же образом классифицировать функции противоречия? Представим противоречивые отношения в порядке усиления противоречия в их структуре [5]: противоречие, соподчинение, противоположность. Необходимо заметить, что указанная классификация выполняется при n>1 существенных признаков (противоречие для n=1 назовем единственным в своем роде противоречием). При n>1 в отношении противоречия находятся такие два класса, в высказывательных формах которых наблюдается различие только по одному признаку (противоречие по одному признаку). При n=2 можно указать 4 отношения противоречия, отмеченные выше на логическом квадрате (BNFS).



Тогда линии данного отношения разного качества (диагонали и вертикальные линии) заменим на линии одного качества, что представимо линиями периметра логического квадрата (BFSN). В отношении соподчинения находятся такие два класса, в высказывательных формах которых наблюдается различие сразу по двум признакам про-

тивонаправленного отрицания (двупротивонаправленное противоречие – диагональ FS). И, наконец, в отношении противоположности находятся такие два класса, в высказывательных формах которых наблюдается различие сразу по всем признакам однонаправленного отрицания (однонаправленное противоречие по всем признакам – диагональ BN). Таким образом, структура функции противоречия зависит от количества и направления отрицания существенных признаков в высказывательных формах. Полученная структура логического квадрата (BFSN) соответствует как традиционным представлениям, так и конструированию сложных современных информационных систем, для которых выполняются все отношения между объемами сконфигурированных понятий автоматически [7], позволяя структурировать базы данных, приближенных к базам знаний.

П5. Правильный ответ на этот вопрос (о достаточности законов логики) мы видим в теоретико-групповой интерпретации логических законов. Если в качестве элементов взять операции отрицания (дополнения) N, обращения R, отрицания обращения C и тождества (нулевого действия) I, то мы получим группу, порождающую все логические преобразования. Структура, образованная перечисленными операциями, была названа Ж. Пиаже группой INRC [3, с. 17–19].



Из приведенных выше исследований видно, что отношения логического квадрата (BFSN) вполне соответствуют подходам группы INRC, порождающим все логические преобразования.

Литература

1. Гетманова А.Д. Учебник по логике. 2-е изд. М.: ВЛАДОС, 1995. 303 с.
2. Логика: Учебник для юридических вузов / Под редакцией Сальникова В.П., Назаренко А.Ф., Караваева Э.Ф. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности, Фонд «Университет». СПб: Издательство «Лексикон», 2001. 320 с.
3. Светлов В.А. Практическая логика. С.-Петербург: Изд-во РХГИ, 1995. 472 с.
4. Яйлеткан А.А. Аналитические модели универсума. // Материалы VIII Общероссийской научной конференции «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке». СПб., 2004. С. 557–560
5. Яйлеткан А.А. Метод учета изменения градиентов отрицания в функциях отношений между объемами понятий в технологии построения конечно-бесконечных диаграмм Эйлера-Венна. // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы IX Общероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 22-24 июня 2006 г. СПб., 2006. 455 с. С. 408–410.
6. Яйлеткан А.А. Обобщение и систематизация основ математической логики. Научно-методологические исследования с точки зрения новых информационных технологий. Тюмень:: ТОГИРРО, 2002. 373 с.
7. Яйлеткан А.А., Джалиашвили З.О. Логический квадрат символической логики. Учебное пособие для вузов. Тюмень: ТГНГУ, 2006. 32 с.

КОЛЛАБОРЦИОНИЗМ В СССР. 1941-1945. ОБРАЗЫ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Бартошевич С.В.

История сотрудничества представителей народов бывшего СССР с властями нацистской Германии в период Второй мировой войны, за изучение которой российские историки всерьез взялись сравнительно недавно, до сих является острой, злободневной, но плохо изученной исторической темой. Можно сказать точнее: она плохо изучена по причине ее злободневности и остроты, благодаря которым часть литературы по ней являются замаскированными пропагандистскими памфлетами, да и содержание остальных сильно зависит от политических взглядов автора. В период существования СССР ее касались достаточно мало. Это объясняется как нежеланием лишний раз затрагивать вопрос, болезненный для людей, переживших войну и чреватый усилением трений по национальному признаку внутри советского общества, так и тем, что ее глубокое раскрытие могло поставить вопросы, ответы на которые могли бросить тень на идеализированную официальную концепцию истории Великой Отечественной войны. Хотя существование самого явления признавалось, отдельные его аспекты освещались в исторической литературе, посвященной немецкой оккупации, и издавались даже специализированные труды, посвященные отдельным составляющими частям явления[1], обобщающих исторических работ на эту тему не существовало. Не раскрывались и полные масштабы сотрудничества с врагом. Волна разоблачительства перестроечных лет также затронула данную тему лишь отчасти, возможно потому, что разоблачители не стремились вскрывать мотивацию депортаций, проводившихся в конце и после войны, которые представлялись ими как одно из крупнейших преступлений советской власти.

Но уже с начала 90-х годов положение стало постепенно меняться. Во-первых, доступ на российский книжный рынок получила зарубежная литература по теме. В силу ее большого влияния на отечественную историографию в дальнейшем, следует пояснить, что эту литературу можно разделить на две основные категории. Первая из них – это собственно исторические работы англоязычных и немецких историков, написанные, как правило, для любителей военной истории и истории Третьего Рейха. Она рассматривает, в первую очередь, историю учреждений и формирований, где служили советские военнопленные и граждане оккупированных территорий, а все остальное, включая истоки коллаборционизма и его идеологическое оправдание – в лучшем случае, во вторую[2]. За редкими исключениями, авторы этих работ используют источники лишь с одной стороны – исходящие от немцев и их бывших слуг, причем не всегда подходят к ним с должной критичностью. Вследствие этого они склонны к преувеличению масштабов и добровольности сотрудничества граждан СССР с врагом, объяснению этого сотрудничества исключительно непопулярностью и советских порядков, частичному обелению коллаборционистов, а заодно и немецкого оккупационного режима вообще, однако научная добросовестность авторов не дает их трудам обратиться в неприкрытую апологию коллаборционизма, в отличие от книг второй категории, которую условно можно назвать «эмигрантской», по ее корням и начальной целевой аудитории к которой, увы, принадлежат почти все книги, переведенные на русский к настоящему моменту. Это книги, изначально писавшиеся с целью оправдания тех, кто сотрудничал с нацистской Германией в годы войны, или как пропагандистские пасквили против СССР и часто, но не всегда, написанные людьми тесно связанными с самими бывшими коллаборционистами. Среди наиболее ярких их примеров можно назвать ме-

муары бывшего куратора Власова В.К. Штрик-Штрикфельдта «Против Сталина и Гитлера»[3], или А. Казанцева «Третья Сила»[4], книгу Н. Толстого «Жертвы Ялты»[5], а также работу печально известного германского ревизиониста Й. Хоффмана «История власовской армии»[6].

Этот кратчайший экскурс в зарубежную литературу по данной теме необходим для того, чтобы пояснить истоки взглядов, бытующих в отечественной литературе в последние годы. Последняя, если отбросить сугубо вторичные и не представляющие существенной исторической ценности работы, находится под сильным влиянием первой. Среди немногих исключений из этого правила можно назвать М. Крысина[7] и П. Крикунова[8], которые, помимо изучения зарубежной литературы, активно работали с источниками и написали небесспорные, но вполне концептуально самостоятельные исследования. Однако, пока такой подход остается редкостью. Например, С. Дробязко[9], С. Чуев[10], О. Романько в своей первой книге[11] находятся под явным влиянием трудов зарубежных военных историков по данной теме. Поэтому и получаются у них, в первую очередь, справочники по формированию, организационной структуре и, в существенно меньшей степени, истории применения военных формирований, укомплектованных коллаборционистами. Правда, ценность этих справочников во многих отношениях (размах сотрудничества с немцами, применение коллаборционистских формирований) уменьшается вышеупомянутыми недостатками означенных трудов зарубежных военных историков. Авторский взгляд в их книгах прослеживается сравнительно слабо.

Того же, увы, нельзя сказать про авторов, подхвативших знамя «эмигрантской истории коллаборционизма». Их «авторский взгляд» полностью доминирует над приводимым в тексте фактическим материалом, даже если этот материал действительно нов и интересен, как в исследовании К. Александрова по офицерскому составу Власова, или в «Советском легионе Гитлера» О. Романько[12]. Конечно, и другие авторы (Дробязко, Чуев, Крикунов, даже Крысин), нередко тиражируют некоторые эмигрантские и антисоветские мифы (о размахе и степени добровольности сотрудничества с врагом, о боевых успехах коллаборционистских формирований и т.п.) – но, скорее, из-за недостатка критичности при использовании зарубежной литературы и источников исходящих от самих коллаборционистов. А вот историки из этой категории либо полностью, как Александров и Романько, либо частично, как Н. Коняев, автор самой свежей из биографий Власова[13], принимают пропагандистско-антисоветскую концепцию истории сотрудничества советских граждан с врагом в период Великой Отечественной войны.

Концепция эта строится на следующих тезисах, принимаемых как аксиомы, без сколь-либо серьезных попыток обоснования – ну не считать же таковыми приведение личных мнений самих коллаборционистов и белоэмигрантов, хорошо, если не придуманных эмигрантской прессой задним числом[14]:

1) Тезис «столкновения двух тоталитарных режимов», развитый в направлении признания их политики равной по жестокости (прямое оправдание нацизма и возложение всей вины на СССР слишком рискованно и может оттолкнуть читателя, хотя тот же Хоффман в своих поздних работах приходит и к нему). При этом по тексту книги о свирепости немецкой оккупационной политики говорится редко и скороговоркой, а вот о жестокостях «большевиков» – часто и в подробностях.

2) Тезис о существовании «Освободительного движения народов России» /«Русского освободительного движения». Использование этих терминов без кавычек и на полном серьезе является лакмусовым тестом, показывающим, что автор находится в лагере неовласовцев, ибо оно подразумевает согласие с ними по двум ключевым позициям: существование некоего движения независимого от немцев и наличие у этого движения некоего единства.

3) Представление этих «движений» «третьей силой», боровшейся «против Сталина и Гитлера».

4) Тезис об уникальности самого существования этих «движений» и, в особенности, их масштабов. Последнее, что необычно, порой обосновывается – оценкой общей численности советских граждан, сотрудничавших с врагом, доводящей эту численность до 1,5 млн. человек[15].

5) Вытекающий из всего предыдущего тезис об этих «движениях» как о наследниках «белого дела» и «продолжателях Гражданской войны» и об их участниках как о идейных борцах с режимом.

Таким образом и выстраивается внутренне цельный образ легионов добровольцев, в едином порыве поднявшихся на борьбу с безбожным большевизмом, как только им представилась такая возможность, который, отчасти, подпирается и книгами не столь идеологизированных, но, как уже отмечалось выше, недостаточно критичных авторов.

Но насколько этот образ соответствует реальности? Как уже можно догадаться, слабо. Пройдем по пунктам.

С пунктом первым разобраться относительно просто. За весь период 1921–1953 годов к высшей мере наказания за контрреволюционные преступления в СССР было приговорено менее 700 тыс. человек[16] (включая немецких пособников, уличенных в военных преступлениях и дезертиров). В то же время оккупанты, удерживавшиеся на части территории страны, в течение на порядок меньшего времени преднамеренно истребили на порядок больше людей – более 7,4 млн. человек[17]. Так что картина двух равных по злодейству тираний тут не вырисовывается при всем желании.

Второй пункт тоже, в общем, проблем не представляет. Что касается независимого от немцев существования «Русского освободительного движения», то укомплектованные коллаборционистами вспомогательные части вермахта и СС, подчиненные немцам абсолютно во всех отношениях и часто руководимые немецкими офицерами, на него ну никак не тянут. Они, конечно, могли носить громкие названия, вроде Русской национальной народной армии. Но, как эта «армия», которая на практике являлась не более чем «подразделением абвера 203»[18], так и остальные ей подобные формирования пребывали не просто в оперативном подчинении, а в полной зависимости от немецкого начальства, создаваясь и расформировываясь по велению соответствующих германских ведомств.

Создания военных формирований под национальным командованием не допускалось не только для русских, но и для более близких «новому порядку» народов. Так, обманом оказалось позволение литовским националистам создать независимый местный Корпус самообороны: когда его офицеры возмутилось передачей сформированных из явившихся добровольцев батальонов в прямое подчинение вермахта, Корпус был ликвидирован, значительная часть офицеров расстреляна или отправлена в концлагеря, а рядовые распределены опять же по вспомогательным частям немецкой армии[19]. Изменить такую политику руководство Третьего Рейха попыталось лишь тогда, когда положение стало достаточно отчаянным, чтобы хвататься за любую соломинку, санкционировав создание Русской освободительной армии Власова, имевшей номинальный статус армии союзной державы, в сентябре 1944 года. Причем результаты попыток Власова подчинить себе все существовавшие коллаборционистские формирования показали, что не только о независимости, но и о единстве так называемого «Русского освободительного движения» не было и речи. Например, подчинить себе сформированные немцами казачьи части Власову удалось, после долгих интриг, агитации и политической борьбы с генералом Красновым за симпатии нацистского руководства, лишь в конце апреля 1945 года, когда уже не имело значения, кто там кому формально подчиняется. Ну а уж пребывание власовцев в рамках одного «движения» с прибалтийскими, украинскими или крымско-татарскими националистами – это просто анекдот. Последние (как и значительная часть казаков) были движимы сепаратистско-русофобскими идеями, мечтая о собственном государстве под протекторатом Рейха, или, на худой ко-

нец, привилегированной провинции в его составе, и примкнули бы к оккупантам вне зависимости от того, кто сидит в Москве – генсек или царь-батюшка.

Соответственно, и на роль «третьей силы» созданная с полного согласия немцев и путем слияния кучи мелких «восточных частей», сформированных ими[20], РОА никак не тянет. Естественно, к моменту превращения РОА в мало-мальски боеспособную силу дело Рейха было уже очевидно проигранным, естественно Власов и остальные ее руководители не горели желанием за это дело умирать. И мечтали в первую очередь о том, чтобы вовремя сдаться западным союзникам, а если повезет – перейти к ним на службу. Собственно, чего еще ждать от предателей? Но вот никакой борьбы за идею, или интересы России в их попытках провести нынешних хозяев ради собственного спасения не просматривается. Банальное бегство

Равно не выдерживает критики тезис о том, что сотрудничество граждан СССР с врагом было уникальным явлением на общеевропейском фоне. Можно вспомнить, скажем, французское правительство Виши, войска которого успели даже повоевать с англичанами и американцами, причем, в отличие от формирований из числа советских граждан, не будучи подгоняемы немецким штыком в спину. Или то, что в ряде оккупированных стран Западной Европы, начиная с Дании, местная полиция и вообще административный аппарат продолжали свою работу и при немцах (в то время как переход советского милиционера на службу оккупантам воспринимался не иначе как особо циничное предательство). Что же касается масштабов этого сотрудничества, следует помнить, что, заявляя о 1,2–1,5 миллионах добровольцев из числа советских граждан, служивших немцам с оружием в руках, оправдатели коллаборционистов совершают сразу несколько подтасовок. Первая заключается в самом слове «добровольцы»: в Прибалтике, например, вообще существовал призыв в ряды вермахта и СС, да и за ее пределами методы вербовки с течением времени сделались преимущественно принудительными[21]. Уже в силу этого сравнение с другими странами, где и принудительных вербовок не проводилось, и оккупационный режим был несравненно мягче, не заставляя идти на службу к немцам, чтобы выжить, является некорректным. Вторая – в словах «с оружием в руках». Почти 700 тыс. из вышеприведенного числа[22] приходится на «хиви» (сокращение от немецкого слова Hilfswillige) – «помошников» вермахта, игравших роль обозников и тыловых рабочих, которые, конечно, высвобождали немецких солдат для передовой, но вот сами оружия не имели. Случаи, когда они его все же получали и участвовали в бою вместе с немцами, упоминаются последними как редкие курьезы. Третья – в самом числе, к нему может произвольно добавляться несколько сот тысяч человек, не зафиксированных ни в каких документах, но якобы существовавших, чтобы из 1,2 млн. получить 1,5 млн.[23], но которое к тому же еще и посчитано методом сложения численности существовавших в разное время коллаборционистских формирований, без учета их реальной комплектности и перетекания личного состава из одних частей в другие.

Наконец, на звание «продолжателей Гражданской войны», сплотившихся под трехцветным флагом против сталинского режима существовавшая в реальности разношерстная компания прибалтов, азиатов и славян, сражавшихся каждый за свое, причем в последнюю очередь со сталинским режимом, а гораздо чаще с партизанами (не только русскими, но и югославскими, словацкими, французскими, польскими) и даже западными союзниками, не тянет никак. Причем за исключением некоторых национальных частей, сражавшихся без особой охоты, часто перебегавших к противнику, или к партизанам (после того, как стало ясно, что дела Германии плохи – даже целыми соединениями, такими как бригада Гиль-Родионова[24]), так что немцам пришлось распихивать их по западному и средиземноморскому театрам военных действий. Конечно, некоторое количество убежденных антисоветчиков и идейных борцов с режимом в их рядах было, но, судя по всему, националистов-сепаратистов, оппортунистов, мечтаю-

щих примкнуть к победителю, людей, стремящихся как-нибудь избежать голодной смерти или просто загнанных насильно, там было гораздо больше.

Вывод из всего этого можно сделать простой: эмигрантско-антисоветская концепция истории сотрудничества граждан СССР с врагом в годы Великой Отечественной войны целиком антиисторична. А ее принятие либо тиражирование отдельных ее тезисов рядом современных историков ведет лишь к дальнейшей идеологизации темы и удалению от исторической истины.

---

1 Например: Мартинсон Э. Слуги свастики. – Таллин, 1962.
2 Например: Littlejohn D. The Patriotic Traitors: the History of Collaboration in German Occupied Europe, 1940-1945. – N.Y., 1972.; Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. – N.Y., 1996-1997; Lumsden R., Hannon P. The Allgemeine-SS. – London, Osprey Publishing Men-at-Arms series), 1993.; Steiner, Felix M. Die Freiwilligen der Waffen-SS. Idee und Opfergang. –Gottingen, 1963.
3 Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. — М.: Посев, 1993.
4 Казанцев А. Третья сила. История одной попытки. – Франкфурт-на-Майне, 1974.
5 Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. – М. Русский путь, 1996.
6 Хоффманн Й. История власовской армии. — Paris: Ymca-press, 1990.
7 Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. – М. «Вече», 2004.
8 Крикунов П.М. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. – М.: «Яуза», 2005.
9 Дробязко С. Под знамёнами врага. – М.: «Эксмо», 2005.
10 Чуев С. Проклятые солдаты. – М.: «Яуза», 2004.
11 Романько. О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. – М.: АСТ, 2004.
12 Романько О.В. Советский легион Гитлера. – М.: «Издатель Быстров», 2006.
13 Коняев Н.М. Власов. Два лица генерала — М.: Вече, 2003.
14 Хоффманн Й. История власовской армии. — Paris: Ymca-press, 1990. С. 8-10.
15 Романько О.В. Советский легион Гитлера. – М.: «Издатель Быстров», 2006. С. 568.
16 Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991, №6. С.16.
17 Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. Статистическое исследование. Под ред. Кривошеева Г.Ф. – М.: «Олма-пресс», 2001.
18 Дробязко С., Каращук А. Русская освободительная армия – М: АСТ, 1999. С.16.
19 The Anti-soviet Resistance in the Baltic States. Gen.ed. Arvydas Anusauskas. –Vilnius, 1999. С. 26.
20 Дробязко С., Каращук А. Русская освободительная армия – М: АСТ, 1999. С. 25.
21 Дробязко С. Восточные формирования в составе вермахта. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. – М., 1997.с
22 Романько О.В. Советский легион Гитлера. – М.: «Издатель Быстров», 2006. С. 567.
23 Там же. С. 568.
24 Дробязко С., Каращук А. Русская освободительная армия – М: АСТ, 1999. С. 19.

«РАСТОРЖЕНИЕ БРАКОВ» У КАТОЛИКОВ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В.А. Веременко, И.А. Тропов

В России второй половины XIX – начала XX веков условия расторжения брака определялись религиозной принадлежностью состоявших в супружестве лиц. Формально католическая церковь не допускала развода[1], но имевшиеся у людей возможности заключения межконфессиональных браков и перемены своего вероисповедания значительно осложняли решение этого вопроса. Например, брак с участием православного в обязательном порядке расторгался только в православной консистории и имел силу в отношении обоих супругов.

Поэтому и среди католиков существовали разведенные люди, причем некоторые из них, по нормам светского закона, могли даже вступить в повторный брак. Типичный случай оформления такого развода произошел в середине 1850-х годов с помещиком Виленской губернии, католиком Р.Ю. Куецевичем. При проверке православных метрических книг была обнаружена запись о погребении в 1843 г. Александры Куецевич в возрасте полутора лет. Записи же о ее крещении найдено не было. По запросу Литовской православной консистории Р.Ю. Куецевич сообщил, что о «прижитии» женой дочери он не знал и связей с ней с 1840 г. не имел. Оказалось, что супруги через пять лет после венчания по обряду римско-католической церкви разъехались. Жена сошлась с ксендзом, за что последний был лишен сана. После этого они оба перешли в православие и уехали в неизвестном направлении. Православная консистория сообщила Р.Ю. Куецевичу о возможности возбудить дело о разводе, что и было им сделано. В 1861 году он был официально разведен и получил законное право на новый брак[2].

Католическая церковь всячески противилась заключению новых супружеств своих прихожан, получивших развод. Единственный легальный способ для разведенного католика повторно венчаться состоял в том, чтобы заключить брак с представителем другого вероисповедания в церкви, к которой принадлежит будущий супруг. Сам католический ксендз никогда бы не согласился совершать обряд над разведенным, причем это касалось не только католика, но и представителя другого вероисповедания, если он, будучи в разводе, решал связать свою судьбу с лицом, принадлежавшим к католической пастве[3].

В качестве альтернативы запрещенному разводу Римско-католические консистории соглашались рассматривать вопрос о признании брака недействительным[4]. Такие дела назывались «бракоразводными» и предполагали, что супружество окончательно расторгается или прекращается. Поводы для этого были следующие: вступление в брак по обману или принуждению, запрещенная степень родства или свойства, «чужеприходность» (венчание ксендзом, в паству которого не входили ни невеста, ни жених), отсутствие необходимого числа свидетелей, «иноверие», физическая неспособность к брачному сожитию, и, наконец, двоебрачие. Во всех случаях, кроме последнего, для признания брака недействительным требовалось «согласное» решение двух, поэтапно рассматривавших дело епархиальных духовных судов. И только при «бракоразводном» процессе «по существованию прежнего брачного союза, законно не уничтоженного», достаточно было решения одной католической консистории[5].

Жалобы и апелляции на деятельность консисторий первоначально полагалось подавать в Римско-католическую духовную Коллегию, а высшей инстанцией выступал Ватикан. Нередко недовольные действием римско-католической Консистории лица обращались за помощью к светским властям, прежде всего, в МВД. В этом случае дело все равно исследовалось Коллегией, но при рассмотрении указывалось, с отношением какого из министерств оно поступило. По большинству жалоб Коллегия отказывала просителям, и даже заступничество светской власти редко имело существенное значе-

ние. Так, в 1867–1873 гг. в Римско-католическую коллегию поступило 50 жалоб и апелляций по «бракоразводным делам», из них 8 сопровождались специальным отношением министра внутренних дел. Удовлетворено было 11 (22%) прошений, из которых 3 имели отношение МВД[6].

Дела о признании браков недействительными возбуждались в католических епархиях очень редко, достигали второй ступени еще реже, а признавались таковыми вообще единицы. Например, по официальным данным МВД, составленным по отчетам Консисторий, за 5 лет с 1878 по 1882 год во всех 12 католических епархиях Российской империи и Царства Польского было признано недействительными 49 браков. В среднем в 70-х гг. XIX века в каждой католической епархии в производстве находилось от 1 до 5 дел такого рода. К началу XX века их численность возросла до 6–9 дел на консисторию[7].

Католические нормы предусматривали еще один способ прекращения супружеских отношений – временное или пожизненное «разлучение от стола и ложа» (т.н. сепарацию). Формально поводами для сепарации выступали прелюбодеяние, жестокое обращение и участие или понуждение к участию в преступлении. На деле епархиальные начальники существенно расширяли этот список, включая в него помешательство, «заразительную и отвратительную болезнь» и даже непристойный образ жизни (например, пьянство)[8]. Главным отличием католического церковного закона от российского светского было право на разлучение супругов «по взаимному согласию сторон» при наличии «уважительных причин»[9].

В отличие от поэтапной процедуры признания брака недействительным, вопрос о сепарации мог быть единолично решен Консисторией или отдельным епархиальным начальником, но при соблюдении определенных правил. После получения иска от одного из супругов приходскому священнику поручалось примирить стороны. В случае неудачи начинался состязательный процесс. Каждая из сторон могла использовать допрос свидетелей (в том числе родственников), присягу и другие доступные ей способы обоснования своих требований и возражений. Главным доказательством считалось признание ответчиком своей вины. Хотя, например, для установления факта прелюбодеяния достаточно было «одной наличности обстоятельств, представляющих его в высшей степени вероятным»[10]. Но все это не означало, что решения принимались быстро. Из находившихся в 1870–80-х гг. в ежегодном производстве 20–40 сепарационных дел в каждой из консисторий решение в лучшем случае принималось по 2–5 прошениям[11]. Епархиальные начальники объясняли эту медлительность тем, что в отсутствии решения духовного суда вражда между супругами исчезает, они «скорее поддаются увещанию своих духовников и сами мирятся»[12]. Конечно, были случаи, когда епископы принимали решение в ускоренном порядке (за несколько дней), не прибегая к следствию. Понятно, что для этого требовалось «высокое общественное положение» истца[13].

Высшей инстанцией по делам о разлучении официально выступал Ватикан. Вместе с тем, редко кто из заинтересованных лиц направлял туда свои иски. Прежде всего, при двух согласных определениях нижних инстанций, рассматривавших дело по существу, апелляция не допускалась, а возможна была лишь жалоба кассационного характера. К этому добавлялась невероятная медлительность в принятии решений, ведь Ватикан должен был заниматься проблемами католиков всего мира. И, наконец, подаче прошений препятствовали серьезные языковые и материальные трудности, которые вставали перед истцами. В этой связи недовольные исходом дела лица искали защиты в российском МВД, а не в далеком Риме. Надо заметить, что светская и духовная власти не вторгались в прерогативы друг друга. МВД, получив жалобу от возмущенного супруга, препровождало ее в Коллегию, предлагая архиепископу разъяснить ситуацию. В свою очередь, чины Коллегии готовили подробный отчет по делу и направляли его на

имя главы департамента духовных дел иностранных исповеданий или даже самого министра внутренних дел. Чиновники МВД подшивали полученные бумаги к делу и, в редких случаях, направляли Коллегии свои соображения, на которых, впрочем, не настаивали. На этом переписка с католической духовной властью заканчивалась. Самому же жалобщику от имени департамента разъяснялось, может ли он в данных обстоятельствах что-либо предпринять, а если да, то куда обратиться и на какие канонические нормы ему следует ссылаться. И все же, не вмешиваясь в ход разбирательств сепарационных дел, светская власть должна была периодически исследовать гражданские последствия раздельной жизни официально разлученных супругов, поскольку законы России запрещали оформление официальными лицами каких-либо раздельных актов[14]. Главными вопросами, требовавшими административного урегулирования, были следующие: предоставление отдельных видов на жительство «разлученным» женам; условия выдачи им содержания; определение судьбы детей; право женщины, получившей сепарацию, на возвращение своего добрачного подданства и, наконец, ее пенсионные права.

В соответствии с каноническими нормами епархиальный начальник, исследовав дело о сепарации, мог постановить решение исключительно по сути иска. Если причины семейных несогласий казались ему незначительными, то он обязывал супругов простить друг другу «обиды и ошибки» и возвратиться «к совместному жительству». В случае же назначения сепарации предполагалось, что ее гражданские последствия будут решаться светским судом или начальством. Гражданским властям должно было принадлежать и принятие «временных по сему мер в продолжении производства дела»[15]. В мае 1867 года генеральный викарий Могилевской архиепархии Станевский, излагая для МВД позицию своей церкви по «бракоразводным» и сепарационным делам, подтвердил применимость данного положения в России, указав лишь на обязанность епископа снабжать при определенных обстоятельствах женщин свидетельствами на отдельное проживание на время производства дела[16]. После издания в 1894 г. «Положения о видах на жительство» процедура выдачи судящимся в католической консистории женщинам отдельных паспортов изменилась. При возбуждении дела истице выдавалось удостоверение о подаче искового прошения, по которому ей предоставлялось право на получение от гражданской власти временного паспорта до окончания производства. После удовлетворения духовным судом иска это удостоверение заменялось копией с решения дела или сепарационным свидетельством, служащим основанием для выдачи установленного вида на жительство[17].

Несмотря на то, что все гражданские последствия сепарации выходили за пределы деятельности консисторий, последние в 50–60-е гг. нередко нарушали эту норму, определяя даже конкретные суммы полагавшегося невиновной стороне денежного содержания. Это происходило потому, что по российским законам раздельная жизнь супругов была официально запрещена, и духовные лица опасались, что государственные органы откажутся принять к рассмотрению иски о суммах возмещения. Так, в семейном деле Вейнценовичей консистория наложила на объявленного ею виновника сепарации, коллежского асессора А. Вейнценовича, обязанность выдавать жене с сыном 1/3 своего дохода в размере 400 руб. в год. Именно этот конкретный случай стал поводом к внесению в законодательство специальных норм, касавшихся урегулирования сепарационных дел католиков.

В июле 1868 г. Т. Вейнценович подала генерал-губернатору жалобу на Виленское полицейское управление за неисполнение им решения консистории об истребовании от мужа причитающегося ей и ее сыну содержания. Власти обратились к консистории за разъяснением, на каких основаниях она установила гражданские последствия сепарации. Консистория сослалась на уже имевшиеся прецеденты и на то, что «законом не указан другой порядок для разрешения подобных дел». Это отражало реальную ситуа-

цию, поэтому МВД возбудило вопрос о добавлении в закон отсутствующей нормы. Совместными усилиями светских и духовных ведомств был подготовлен проект, основанный на нормах Устава евангелическо-лютеранской церкви. Согласно этому Уставу духовный суд, разделяя супругов, разрешал лишь вопрос о месте пребывания детей и о том, кто должен нести издержки по их содержанию, а все конкретные материальные споры между супругами должны были либо решаться ими взаимным соглашением, либо становится предметом гражданского иска в светском суде. Это правило вступило в силу в апреле 1873 года[18].

Материалы, посвященные разработке указанного выше законопроекта, были объединены под названием «О праве римско-католических духовных учреждений определять размер содержания разведенной от мужа жене»[19]. Вообще в документах российских государственных учреждений часто вместо католических терминов «разлучение» или «сепарация», применялось более привычное наименование – «развод»[20].

Легко заменяя в официальных бумагах понятие «разлучение» на «развод», придавая сепарации, таким образом, все права последнего, за исключением возможности нового супружества, российские чиновники оказывались в сложном положении, когда их внутреннее убеждение вступало в противоречие с отсутствием соответствующего постановления в законе. Такая ситуация возникала при возбуждении вопросов о подданстве и пенсионных правах разлученных католичек. По российским законам русская подданная, вступив в брак с иностранцем, считалась иностранкой, но могла после смерти мужа или расторжения брака с ним без лишних формальностей возвратиться в подданство России[21]. Если же женщина не разводилась с мужем, а лишь «разлучалась», пусть даже пожизненно, то вопрос о возможности возвращения ее в добрачное подданство оказывался спорным. Для жительниц Польши проблема разрешалась на основании ст. 267 местного Гражданского Уложения, гласившей, что «разлучение от стола и ложа на неограниченное время влечет за собой все гражданские последствия развода»[22]. Но если женщина родилась в Центральной России, то успех дела зависел от самых разных обстоятельств: ее общественного и имущественного положения, наличия связей и т.д. Для тех же, кому не удавалось достигнуть цели возвращения в русское подданство в общем порядке, существовала возможность обращения к «монаршему милосердию»[23].

Еще менее определенным было соотношение разлучения и развода в вопросе о пенсии. В соответствии с пенсионными правилами разведенным женам не полагалась пенсия за службу мужа, по поводу же разлученных в законодательстве ничего не говорилось. В 1900 году многочисленные правительственные инстанции обсуждали возможность предоставления пенсии вдове бывшего полицмейстера С.-Петербурга Ф. Дубисс-Крачак. За несколько лет до этого супруги были разлучены с признанием жены виновной стороной. Министерство финансов, приравнивая гражданские последствия разлучения к разводу, отказало в предоставлении пенсии. Министерство юстиции заняло противоположную позицию, ссылаясь на то, что супруги проживали в С.-Петербурге, поэтому нормы польского закона к ним неприменимы. Отсутствие закона Минюст предлагал трактовать в пользу просительницы. МВД вообще устранилось от решения спорного вопроса, ограничиваясь лишь простой констатацией того, что сепарация супругов Дубисс-Крачак была проведена в соответствии с каноническими правилами, и что гражданские последствия сепарации не предусмотрены российскими законами[24].

Статистика осуществляемых католическими консисториями сепараций свидетельствует об их некотором преобладании над числом браков, признанных недействительными. В 1878–1882 гг., когда 49 католических браков были признаны недействительными, 141 брак подвергся сепарации (соотношение 1:3). В тот же период в костелах был заключен 390.311 брак. Значит, на каждые 10 тыс. супружеств с участием католиков приходилось 1,2 недействительных и 3,6 разлученных брака.

Итак, в соответствии с официально существовавшей в России доктриной веротерпимости прекращение супружеского сожития в семьях католиков регулировалось канонами данного вероучения. Правительство практически не вмешивалось в процедуру «бракоразводного» и сепарационного производства. Участие МВД в этих делах ограничивалось лишь пересылкой жалоб в Римско-католическую коллегию, рекомендацией просителям сменить религиозную принадлежность, разводиться и вступать в новый брак с участием священников других христианских вероисповеданий и, наконец, учетным делопроизводством. Вместе с тем, нередко нормы католического брачного права вступали в противоречие с требованиями российского светского закона. В отдельных случаях, касавшихся паспортных правил или организации имущественных отношений разлученных супругов, проблемы несоответствия светского и религиозного закона были в последней трети XIX века большей частью решены. Но многие правовые нестыковки сохранились и к началу XX века.

Показатели недействительных браков и сепараций среди католиков демонстрируют характерные колебания в пределах очень низких значений и с отсутствием устойчивого роста. На наш взгляд это можно объяснить несколькими факторами. Для того, чтобы брак мог быть признан недействительным, необходимо было доказать наличие добрачных канонических нарушений, что значительно ограничивало число потенциальных просителей. В случае же разлучения даже признанный невинным супруг все равно лишался шансов на вступление в новый брак, а, следовательно, многие заинтересованные лица не видели смысла в прохождении через эту неприятную, длительную и дорогостоящую процедуру. Среди католиков, несомненно, было много супругов, живших раздельно без какой-либо санкции, но, к сожалению, определить их численность не представляется возможным. Немаловажную роль в малом распространении среди католиков официальных сепараций играла и позиция консисторий, специально затягивавших производство. Это, с одной стороны, приводило к тому, что некоторые участники дела так и не дожидались его исхода, а с другой стороны, это становилось дополнительным аргументом в пользу разъезда супругов без официального разрешения. Наконец, отказ католической церкви от развода приводил к тому, что многие католики разводились по канонам других христианских церквей или вообще меняли свою религиозную принадлежность. Эти лица, не учтенные в католических отчетах, увеличивали процент разводов среди протестантов и православных.

---

[1] В ст. 1 «Положения о союзе брачном» говорилось, что брак между католиками прекращается «единственно смертью одного из супругов». См.: Положение о союзе брачном 1836 года. – Пг., 1916. – Ст. 1. – С. 3.

[2] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 1. Д. 875.

[3] Иллюстрацией этого положения является дело дворян Скаковских. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 659. – Л. 108 – 109.

[4] При этом надо иметь в виду, что российские законы запрещали католической духовной власти пересматривать дела о разводе, по которым уже состоялось решение православной духовной консистории. См.: Св. Зак. – Т. X. – Ч. 1. Законы Гражданские. – СПб., 1900. – Ст. 74.

[5] Положение о союзе брачном 1836 года. – Ст. 80 – 81. – С. 25. Св. Зак. – Т. XI. – Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – СПб., 1896. – Ст. 64.

[6] Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 621. – Л. 142 об. – 153.

[7] Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 2408.

[8] Там же. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 12. – Л. 12 – 12 об.

[9] Положение о союзе брачном 1836 года. – Ст. 62 – 67. – С. 19.

[10] РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 12. – Л. 13.

[11] Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 621.

[12] Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 621. – Л. 227 – 228.

[13] Напр., дело действительного статского советника, доктора медицины И.Ф. Земацкого против его жены, урожденной Мацевской см.: РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 2408. – Л. 43 – 43 об.

[14] Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. – СПб., 1876. – Ст. 76.

[15] Положение о союзе брачном 1836 года. – Ст. 77.

[16] РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 616. – Л. 18 – 18 об.

[17] Там же. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 12. – Л. 16.

[18] ПСЗ. Собрание – 2. – 1873. – Т. XLVIII. – № 52150. – С. 494 – 495.

[19] Аналогичное дело в материалах МВД называлось – «Об установлении порядка определения имущественных прав разведенных супругов католического исповедания». См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1336.

[20] РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 603. – Л. 149.

[21] Св. Зак. Т. IX. Законы о состояниях. – СПб., 1876. – Ст. 1026.

[22] Гражданское Уложение 1825 г. // Сборник гражданских законов и постановлений, действующих в губерниях: Варшавской, Калишской, Келецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской и Седлецкой. – Т. 1. – Варшава, 1869. – Ст. 267. – С. 145.

[23] РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 794. – Л. 22.

[24] Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 659. – Л. 160 – 162.

ДЕКАБРИСТЫ В ИРКУТСКЕ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Н.Е. Каменская

Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. в г. Санкт-Петербурге и 29 декабря 1825 г. – 3 января 1826 г. Черниговского полка на Украине – яркая и трагическая страница истории России. «Как политическое предприятие 14 декабря было несчастием, стоившим невознаградимых жертв. Но декабристы важны не как заговор, не как тайное общество; это нравственно-общественный симптом, вскрывший обществу недуги, которых оно само в себе не подозревало; это целое настроение, охватившее широкие круги, а не 121 человек только, признанных виновными и осужденных по нескольким степеням виновности», – писал историк В.О.Ключевский[1].

Новейшие исследования подтверждают эту мысль В.О.Ключевского. По последним данным[2], из общего числа участников тайных обществ в России первой четверти XIX века:

- 141 человек (участники тайных обществ и военных выступлений 1825-1826 годов) был осужден по приговорам судов;
- 110 человек наказаны в административном порядке;
- 99 человек освобождены от наказания;
- 43 человека оправданы в результате следствия;
- 31 человек не был привлечен к следствию;
- 26 человек (предполагаемые участники тайных обществ и военных выступлений 1825-1826 годов, ставшие известными к настоящему времени) вообще не привлекались к следствию, оставаясь вне поля зрения следственной комиссии;
- 20 человек умерли до окончания следственного процесса.

Таким образом, можно говорить о всплеске общественного недовольства, охватившего русское просвещенное дворянство в первой четверти XIX века и о 470-ти декабристах, известных к настоящему времени. Они «забегали со своими освободительными планами вперед. Осуществление лозунга «свобода» могло означать в тех исторических условиях только свободу развития буржуазных отношений, а для России была как раз характерна недостаточная зрелость буржуазных предпосылок. Капиталистический уклад в стране только-только обозначился, третье сословие отсутствовало, крестьянство было проникнуто монархическими настроениями. Гигантскую сложность представляла в России развязка векового антагонизма крепостного и помещика. И, тем не менее, определенные шансы ускорить развитие страны у декабристов имелись в случае военной удачи», – указывают некоторые современные исследователи[3].

Именно поэтому, говоря об отмене крепостного права 19 февраля 1861 года, писатель Л.Н. Толстой отмечал, что освободили крестьян не император и правительство, а декабристы: «Декабристы принесли себя в жертву»[4]. Они пытались в 1825 г. разрешить те проблемы, которые позднее оказалось бессильно решить правительство Николая I в период его почти 30-летнего царствования.

В советской историографии восстание декабристов оценивалось как начало революционной борьбы в периодизации русского освободительного движении, на основе ленинского определения первого периода освободительного движения в России, как периода «дворянской революционности». В.И. Ленин выстраивал линию исторической преемственности в три главных этапа соответственно трем главным классам русского общества: от декабристов – к разночинцам и буржуазным демократам и далее – до пролетарского периода. По известным причинам в советское время ленинская периодизация критике подвергнута быть не могла. Хотя еще в 1922 г. внук декабриста С.Г. Волконского С.М. Волконский публично обратил внимание на неправомочность такой «преемственности» в силу специфических особенностей движения декабристов, кроющихся, как это позднее подтвердил исследователь русской культуры Ю.М.Лотман, в

самом характере декабриста как историко-психологического и культурного типа личности, не имеющего аналога в русской истории[5]. Декабризм как общественно-политическое движение, как идейное и общекультурное течение оставил глубокий след в духовной жизни русского общества, в истории русской культуры, создав свое мировоззрение, мораль, эстетику, литературу, свое понимание культуры и ее задач. Пророческими оказались слова Л.Н. Толстого – автора неоконченного романа «Декабристы», сказанные им в 1908 г.: «Если декабристы не интересуют меня как прежде как материал работы, они всегда интересны и вызывают самые глубокие мысли и чувства»[6].

Иркутск – одно из основных мест памяти декабристов, что определяется его особой ролью крупного административного, политического, экономического и культурного центра. Через Иркутск дважды – сначала на каторжные работы, а затем на поселение – прошли почти все декабристы, члены Северного и Южного обществ, Общества Соединенных Славян, Общества военных друзей, Астраханского и Оренбургского тайных обществ; солдаты-декабристы – участники восстаний 14 декабря 1825 г. в Санкт-Петербурге и Черниговского полка на Украине, не считая отправленных в действующую армию на Кавказ. Из Иркутска как «столицы» Восточно-Сибирского генерал-губернаторства велось непосредственное наблюдение за декабристами – «государственными преступниками» в годы каторги и поселения. Иркутская поселенческая колония была одной из самых значительных и интересных. Она объединяла большую группу декабристов (50 человек, из которых 35 человек жили продолжительное время на территории современной Иркутской области). Это М.С. Лунин, С.Г. Волконский, С.П. Трубецкой, братья Н.М. и А.М. Муравьевы, братья П.И. и А.И. Борисовы, братья А.В. и И.В. Поджио, В.Ф. Раевский, Ф.Б. Вольф, П.А. Муханов, А.П. Юшневский, Ф.Ф. Вадковский, В.А. Бечаснов, Н.А. Панов, А.Н. Сутгоф, А.И. Одоевский, П.Ф. Громннцкий, И.А. Анненков, П.Ф. Дунцов-Выгодовский, А.Н. Муравьев, А.И. Якубович, Н.А. Чижов, Н.Ф. Заикин, Н.А. Загорецкий, В.М. Голицын, А.В. Веденяпин, М.Ф. Митьков, В.П. Колесников, Х.М. Дружинин, Д.П. Таптыков, Н.П. Репин, А.Н. Андреев, В.И. Штейнгейль, И.И. Иванов, П.Н. Свистунов, М.И. Рукевич, братья А.И. и П.П. Беляевы, А.А. Быстрицкий, Ю.К. Люблинский, Н.И. Лорер, М.К. Кюхельбекер, солдат-декабрист Н. Поветкин, А.Н. Луцкий, М.А. Назимов, А.З. Муравьев, А.Л. Кучевский. На короткое время в период поселения приезжали братья Н.А. и М.А.Бестужевы, И.И. Пущин, В.К. Кюхельбекер, И.Д. Якушкин.

К тому же в ведении канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири находились декабристы, поселенные в Якутской области (10 человек), в Забайкалье (10 человек) и в Енисейской губернии (30 человек)[7].

До событий 1825–1826 г.г. в Иркутске служил в 1819–1821 г.г. инженер-капитан путей сообщения, соратник М.М. Сперанского декабрист Г.С. Батеньков, после заключения бывший на поселении в Томске (1846–1856 г.г.).

Переосмысление пройденного пути привело декабристов к необходимости продолжить в новых для них условиях ссылки служение Отечеству так, как они это понимали. «Настоящее житейское поприще наше началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили», – писал декабрист М.С.Лунин[8]. Этими словами определяется общественно-политическая направленность деятельности ссыльных декабристов. В Сибири они не замкнулись в своем кружке, не обособились в своей внутренней жизни, а повернулись лицом ко всем насущным проблемам большого Сибирского края. Их многолетняя, бескорыстная, многогранная, неустанная деятельность способствовала развитию многих сторон научной, хозяйственной, промышленной, культурной жизни Восточной Сибири. Она благотворно влияла на общественно-политическую жизнь края и рост самосознания сибирского населения, практически охватывая все его слои.

С 1845 г., после переезда семей Волконских и Трубецких в Иркутск, и до амнистии 1856 г., губернская столица на протяжении одиннадцати лет была также и «столицей» декабристской колонии Восточной Сибири. По признанию самих декабристов и их современников, именно дома Волконских и Трубецких являлись двумя главными центрами, которые объединяли всех остальных членов иркутской поселенческой колонии, а также приезжавших в Иркутск декабристов из Западной Сибири и Забайкалья[9].

На территории современной Иркутской области похоронены: в Иркутске – В.А. Бечаснов, В.П. Колесников, П.А. Муханов, И.В. Поджио, Н.А. Панов, П.Ф. Дунцов-Выгодовский, Е.И. Трубецкая с детьми Софьей, Владимиром, Никитой; А.З. Муравьев, А.П. Юшневский; в с. Оек – Ф.Ф. Вадковский; в Усолье-Сибирском – П.Ф. Громницкий; в с. Каменка – И.И. Иванов; в с. Олонки – В.Ф. Раевский с женой Евдокией Моисеевной и сыном Михаилом; в с. Верхоленское – Н.П. Репин и А.Н. Андреев; в с. Коркино – М.И. Рукевич; в с. Александровское – Н. Поветкин; в пос. Б.Разводная – братья А.И. и П.И. Борисовы; в с. Урик – Н.М. Муравьев с племянником Никитой[10].

В Иркутске и области находятся историко-архитектурные и ландшафтные памятники и памятные места, связанные с декабристами. Это – дома Волконских, Трубецких, П.А. Муханова в Иркутске; дом П.Ф. Громницкого в с. Бельск; дом В.М. Голицына в г. Киренске; дом и сад В.Ф. Раевского в с. Олонки; дом В.А. Бечаснова в с. Смоленщина; дачное место декабристов – «Камчатник» в устье р. Куды с каменными диванами, по семейному преданию, вырубленными С.Г. Волконским и др[11].

Одно из самых старых сооружений, связанное с жизнью декабристов в Иркутске, – это Преображенская церковь. Церковь заслуживает внимания — если не с архитектурной, то с исторической точки зрения. Ведь для семьи Волконских она была как бы домашней церковью. В ее стенах отпевали декабриста П.А. Муханова. Здесь венчались дети многих декабристов, и их имена нередко встречаются в старых церковных книгах.

Через дорогу от церкви стоит здание Сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой. Основанный в 1838 году, он предназначался для воспитания девочек из бедного сословия и стал первым женским учебным заведением Восточной Сибири. Благодаря декабристам программа обучения здесь стала гораздо шире, чем в подобных ему заведениях. Если в других давали воспитанницам только начала письма, чтения, счета и в основном учили рукоделию, домашнему хозяйству, то здесь преподавали историю, географию, естествознание, грамматику, рисование, пение и даже гимнастику, проводили литературные вечера, устраивали спектакли

Здание областного художественного музея – хранилище бесценных реликвий Н.А. Бестужева. Среди художников в 40–50-х годах XIX века большой популярностью в Иркутске пользовался именно этот художник-декабрист. Бестужев изображал не только своих товарищей по судьбе и их жен. Благодаря Бестужеву сегодня мы видим зарисовки каторжных работ, поселений декабристов в Сибири.

С именами М.С. Лунина и П.Ф. Выгодовского, который умер здесь в полной нищете и безвестности для русского общества, связано в Иркутске здание Польского костела. Польский костел – памятник интернационального значения, но для иркутян он является еще и памятником истории, так как со времени его постройки он становится местом встреч политических ссыльных и одним из центров оппозиции царским властям.

14 декабря 1985 года Иркутск отмечал 160 лет со дня восстания декабристов. В ознаменование этого события было решено установить камень там, где предполагалось поставить памятник. Прошло более 20 лет, и Иркутск уже отметил 180-летие, уже выросло новое поколение людей, а камень все стоит – недвижимый. Тем не менее, современный Иркутск – признанный центр декабристоведения и хранитель духовного наследия декабристов. Трудами ученых, стоявших у истоков разработки проблем декабристоведения и работавших в Иркутске – М.П. Овчинникова, Б.Г. Кубалова, М.К. Азадов-

ского, Ф.А. Кудрявцева, С.Ф. Коваля и других – подготовлен качественно новый, современный этап изучения данной темы. Из узкокраеведческой она переросла в общероссийскую по своей значимости и вписывается в рамки огромной проблемы – общественного движения и революционной борьбы России первой четверти XIX века.

Созданный в 1976 г. при Иркутском государственном университете научный проблемный совет «Декабристы и Сибирь» объединил усилия ученых-декабристоведов страны работой над многотомной серией документов и материалов «Полярная Звезда»[12]. Значительным вкладом в развитие исторической науки стали научно-практические конференции о декабристах 1975, 1981, 1985, 1995, 2000 г.г., проведенные в Иркутске.

Богатейшие документальные материалы по истории пребывания декабристов в Сибири хранятся в Государственном архиве Иркутской области. В научной библиотеке Иркутского государственного университета хранятся собрания книг М.С. Лунина, С.П. Трубецкого, некоторые издания из библиотек С.Г. Волконского, В.Ф. Раевского, А.О. Корниловича, братьев А.И. и П.И. Борисовых[13].

Тема декабристов за последние десятилетия прочно вошла в культуру, искусство, литературу современного Иркутска. С 1985 г. проводится ежегодный фестиваль «Декабристские вечера».

Дом-музей декабристов был открыт в Иркутске в 1970 г. как отдел Иркутского областного краеведческого музея. Однако этому важному событию в культурной жизни Восточной Сибири предшествовал длительный исторический период, на протяжении которого формировалась коллекция декабристских раритетов, вынашивалась идея создания такого музея. Ещё при декабристах в библиотеку и музей Восточно-Сибирского отдела Русского Императорского Географического общества стали поступать книги и различные предметы. В 1913 г. небольшая декабристская коллекция была показана на выставке иркутской старины, организованной Иркутской Губернской учёной архивной комиссией. В 1916 г. дом Волконских в Иркутске был признан историческим памятником. В 1925 г. в Иркутском музее Революции была открыта большая выставка к 100-летнему юбилею восстания декабристов. Многие ее экспонаты составили основу мемориальной коллекции Музея декабристов. После соединения с краеведческим музеем в 1928 г. специальный раздел о декабристах был организован в отделе истории и действовал там вплоть до открытия музея в доме Трубецких в 1970 г.. Но, наряду с идеей переноса всех сохранившихся в Иркутске декабристских могил в одно место, в 1936 г. обсуждался вопрос о создании музея декабристов в бывшем доме Волконских. Война надолго отодвинула работы по открытию декабристского музея в Иркутске. Иркутская общественность вернулась вновь к обсуждению этого вопроса в конце 1950-х годов. Правнук декабриста С.Г. Волконского М.П. Волконский, посетив Иркутск в 1960 г., считал, что лучшего места для такого музея, как сохранившийся дом Волконских, трудно найти.

Не будем забывать, что декабристский музей открылся как отдел краеведческого под занавес 1970 года – года столетия В.И.Ленина, а официальная пропаганда настороженно относилась к революционерам-романтикам, «князьям». После временной выставки 1970 г. «Декабристы в Иркутске» была создана экспозиция «Декабристы в Восточной Сибири» 1973 г. Она рассказывала о предыстории появления декабристов в крае, о годах каторги, жизни на поселении и амнистии. В 1985 г. после большой реставрации распахнулись двери дома Волконских, ставшего музеем. В 1999 г. отдел декабристов реорганизован в Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов. Богатейшие документальные материалы по истории пребывания декабристов в Сибири хранятся в Иркутском музее декабристов. В музее собраны уникальные коллекции – подлинные вещи К.Ф. Рылеева, И.И. Пущина, И.И. Горбачевского, Н.В. Басаргина, П.Г. Каховского, Д.И. Завалишина, Г.С. Батенькова, семей Волконских,

Трубецких, Муравьёвых, Юшневских, Ивашевых, Кюхельбекеров и Фонвизиных. Музей регулярно проводит музыкально-литературные салоны. Возрожден «Домашний театр Волконских». Открыта для посещения конюшня Волконских и конюшня Трубецких.

Декабристам удалось обогатить иркутскую культурную традицию теми красками, которые до них еще не существовали. Знаменитый светский салон М. Волконской был центром культурной жизни Иркутска. Здесь обучал музыке и пению учитель из Флоренции Иосиф Борзатти. Он шесть лет прожил в иркутском доме Волконских. Кстати, по свидетельству современников, в начале XIX века в городе насчитывалось три-четыре фортепиано, а в декабристский период их уже было около шестидесяти.

Декабристы считали образование основой жизни. Декабрист И. Якушкин открыл в Ялуторовске школу. Талантливый педагог В. Раевский тоже организовал подобную школу в селе Олонки. Более того, в период жизни декабристов в Иркутске было построено первое постоянное театральное здание. Именно декабристы консультировали иркутских актеров при постановке многих спектаклей.

Жены декабристов были известны своей благотворительностью. Княгиня Трубецкая брала на воспитание детей-сирот. Как могла, она помогала и церквям. Иркутский архиепископ Нил называл ее «второй Матерью», несмотря на то, что она все-таки была светской дамой. Когда княгиню Трубецкую хоронили в ограде Знаменского монастыря, монахини несли ее гроб на руках. За ними шел в молчании весь город: и нищие, и купцы, и чиновники во главе с генерал-губернатором. Один из современников тех лет писал, что никогда не видел, чтобы так по кому-либо скорбел иркутский люд.

Декабристы первыми в Сибири стали выращивать огурцы в парниках. Крестьяне рассказывали, как политические ссыльные «поднимали окошки над овощью». В диковинку сибирякам было видеть в краю суровых морозов дыни и арбузы, ведь им были известны лишь «земляные яблоки» (картофель).

Привили декабристы иркутским жителям и интерес к шахматам. Если верить преданиям, в Иркутске есть шахматный столик, сделанный С. Волконским. В экспозиции музея декабристов есть пешка из агата от шахматного комплекта, сделанного декабристом В. Ивашевым.

В настоящее время у музея много важных проблем. Одна из них – продолжение реставрационных работ обеих декабристских усадеб. Очень нуждаются в опеке и помощи декабристские места Иркутской области, музейные уголки, где отбывали ссылку невольные узники края. Представляется важным сохранить и передать потомкам частицу духовного наследия славного прошлого для возрождения и процветания России и ее неотъемлемой части – Сибири.

---

[1] Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. - Т.5. – М., 1988. – С.428.

[2] Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825-1826 г.г. – СПб., 2004. – С.582-589.

[3] Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. – М., 1986. – С.94-96.

[4] Цит. по: Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. – М., 1984. – С.254.

[5] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XYIII – начало XIX века). – СПб., 1994. – С.331-384.

[6] Толстой Л.Н. Полн.собр.соч. – М., 1984. – Т.т.19-20. – С.644.

[7] Павлов Ю.П., Воробьев В.И. Декабристы в Сибири. Справочные материалы. – Сибирь и декабристы. – Иркутск, 1988. - Вып.5. – С.238-271.

[8] Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Т. 1. Сочинения. Письма (1825-1840). Иркутск, 2002. – С.185.

[9] Знаменский М.С., Белоголовый Н.А. Исчезнувшие люди. Повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. – С.259.

[10] Полунина Н.М. Памятные места пребывания декабристов на территории Иркутской области – Декабристы и Сибирь. – Новосибирск, 1977. – С.248-251.

[11] Полунина Н.М. Указ. соч.

[12] К настоящему времени вышло 25 томов документов и материалов.

[13] Куликаускене Н.В. Книги декабристов в редком фонде библиотеки Иркутского университета – Сибирь и декабристы. – Вып.1. – Иркутск, 1978. – С.199-209; Боннер А.Г. Бесценные сокровища. – Иркутск, 1979. – С.80-84.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭМИГРАЦИИ ЭПОХИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С.Н. Коротков

Эмиграция началась в первые дни Французской революции и явилась одним из крупнейших явлений эпохи, повлиявшим не только на ход политических событий, но и на развитие общественной мысли, социальных структур, международных отношений. Французская революция находится на критическом разломе исторической эпохи Нового времени, эпохи становления и развития национального мира. В XVIII веке, в эпоху Просвещения, эпоху космополитизма переезд в другую страну и даже вступление на иностранную военную службу не представлялись чем-то невероятным. С началом революции, воплощающей, как многим казалось, ценности Просвещения в жизнь, начинается эмиграция. Значительная часть революционного лагеря с самого начала этого явления увидела в эмиграции опасность, но законодательно запретить выезд «рожденных свободными» людей было невозможно. Интересно проследить становление революционного отношения к эмигрантам: это была первая попытка оценить и изучить это явление[1]. Сами эмигранты также написали множество писем, памфлетов, в которых стремились объяснить свой отъезд, некоторые из них это сделали много позже в своих мемуарах. «Я хотел бы защитить эмиграцию» – писал Пюимегр в своих мемуарах[2]. Граф Прованский (брат Людовика XVI и будущий король Людовик XVIII) одним из первых рассказал об эмиграции – о своем отъезде из Парижа в 1791 г.[3] Здесь затрагивались мотивы отъезда, среди которых было много рациональных (протест против слабости правительства или, напротив, нежелание дискредитировать короля близостью к нему непопулярных в стране людей), а также страх – боязнь народной расправы. На долгое время в научной литературе закрепилось представление о страхе как главной причине эмиграции. Эпоха народного террора была впереди, но все же страх («Великий страх», особое социально-психологическое явление, о котором писал Ж.Лефевр, – это народный страх) привилегированных имел место, но это было одно из обстоятельств, приведших к эмиграции, а другие причины, заставлявшие людей покидать страну, не исследовались.

Революционное законодательство практически приравняло эмигрантов к активным противникам революции (контрреволюционерам), эта оценка оказалась очень живучей и осталась в историографии. Оценки (далекие от академических) многим важнейшим проблемам истории эмиграции были даны еще современниками революции, которые, по существу, и начали исследование проблемы.

В XIX веке историография (в основном французская) уделила внимание истории эмиграции, был накоплен определенный опыт, в эпоху Реставрации в научный оборот были введены важные источники (государственные документы, мемуары эмигрантов). Работы крупнейших историков эпохи Реставрации (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье) не были специально посвящены истории эмиграции, но отметим то обстоятельство, что выступление «новой школы» было в значительной степени спровоцировано одним из видных деятелей эмиграции (в эмиграции он был среди либералов), крупным представителем консервативного романтизма – графом Ф.Д. де Монлозье[4], автором очень ценных для истории эмиграции мемуаров[5].

Из работ позитивистского толка выделим труды А. Сореля, А. Форнерона, Э. Доде, Л. Пэнго, Ш. Ларивьера[6], каждый из них не только написал большие специальные труды, но и подготовил к публикации и ввел в научный оборот новые источники. Работы А. Форнерона и Э. Доде, специальные исследования, посвященные истории эмиграции в целом, остаются одними из самых цитируемых в современных трудах по теме. Работы Л. Пэнго и Ш. Ларивьера особенно интересны для нас тем, что посвящены сюжетам русско-французских контактов. Те из историков второй половины XIX–

начала XX вв., кто занимался историей эмиграции, относились к эмигрантам в основном сочувственно, при этом господствующим в республиканской историографии было достаточно критичное к ним отношение, нашедшее выражение в общих работах и энциклопедиях[7]. Показательно, что Ж. Жорес, один из крупнейших представителей леворадикальной историографии, создавшей «классическую концепцию» Французской революции, практически не выделяет для рассказа об эмиграции отдельных разделов[8].

В России историей эмиграции эпохи Французской революции серьезно занялись уже в советское время. Для молодой советской историографии история Французской революции была одной из важнейших. Уделили внимание советские историки и эмигрантам, особую ценность представляют труды О.Л. Вайнштейна, А.Н. Шебунина, А.И. Молока[9]. О.Л. Вайнштейн, автор единственной в отечественной науке специально посвященной истории эмиграции монографии, написал свою работу на оригинальных материалах Воронцовской библиотеки в Одессе. Он использовал современные эпохе памфлеты, газеты, хранившиеся в одесском собрании[10], а также мемуары и поздние публикации документов. О.Л. Вайнштейн исследовал самые серьезные проблемы, не отходил от принципа историзма и оставил сочинение, не потерявшее свой актуальности.

Безусловно, пока еще недооценено научное наследие А.Н. Шебунина, автора многих работ по истории общественной мысли России и Европы XVIII–XIX вв., обратившего в своих исследованиях «контрреволюции» внимание не только на ультрароялистское, но и умеренные течения в эмиграции[11].

В Советской России были опубликованы некоторые важные для истории эмиграции документы, написаны ценные труды. Но в целом результаты исследований 20–40-х гг. были невелики, советские историки, приняв «якобинский» взгляд на эмигрантов, не разделяли понятий эмиграция и контрреволюция.

Русскими историками-эмигрантами (К. Миллером, И. Левиным[12]) были написаны ценные работы, хотя история эмиграции XVIII века их интересовала, поскольку напоминала проблемы XX века. К. Миллер признает, что история эмиграции французов в Россию его интересует еще и потому, что напоминает русскую эмиграцию во Францию. «В годы изгнания, в годы вынужденной оторванности от родины, мысль, обращаясь к прошлому, невольно останавливается с особым пристрастием на тех эпохах, которые представляют известное сходство с переживаемым нами историческим моментом... Конечно для нас, русских эмигрантов, наибольший интерес представляет судьба той части французской эмиграции, которая направилась в Россию. Однако по мере ближайшего ознакомления с этим предметом, передо мною стала выдвигаться и другая его сторона, ... – стала все яснее вырисовываться громадная, временами преобладающая роль, принадлежавшая России, русской политике в истории всей французской эмиграции...». Таким образом, интерес вполне объясним и академическими интересами, а прямые аналогии, пишет К.Миллер, не работают: «Есть несомненные общие черты, свойственные всякой политической эмиграции, но под поверхностным сходством скрывается глубокое внутреннее различие. История не повторяется и в бесконечном разнообразии своего течения не позволяет уложить себя в твердые рамки математических формул...»[13]. И. Левин в своем кратком сочинении исследовал некоторые стороны истории эмиграции, например, посвятил специальный раздел Малле дю Пану, одному из наиболее либеральных представителей эмигрантской общественной мысли. Миллер и Левин, основываясь на лучших достижениях современной им французской историографии, использовали также русские источники и создали одни из наиболее значительных работ межвоенного периода по истории эмиграции Французской революции.

Серьезно продвинули изучение эмиграции эпохи Французской революции XVIII века знаменитые французские историки Ж. Лефевр и М. Булуазо[14], а также американский ученый Д. Грир[15], разоблачившие некоторые легенды, сложившиеся в XVIII–XIX

вв. (о преобладании дворянства и духовенства среди эмигрантов и др.). Большой вклад в изучение эмиграции Французской революции внес Д. Грир, автор также работы о терроре[16]. Грир собрал огромный архивный материал: он исследовал списки эмигрантов в департаментских архивах, выявлял ошибки, совершенные чиновниками революционных ведомств при внесении того или иного имени в список. Грир опубликовал статистические данные о количестве эмигрантов в различных департаментах и, что особенно ценно, исследовал социальную структуру эмиграции. Более половины эмигрантов (около 51 %) – представители третьего сословия. На подсчеты Д. Грира до сих пор, критикуя и уточняя некоторые его данные, опираются исследователи.

В крупнейших работах по истории Французской революции затрагиваются проблемы истории эмиграции, но, как правило, авторы используют материалы А. Форнерона, Ж. Лефевра или Д. Грира. Выделим труд авторитетного ученого Ж. Годшо о контрреволюции, где автор практически разделил понятия эмиграция и контрреволюция, уделив «контрреволюционным действиям» эмигрантов малую часть своего исследования[17].

Современными остаются работы Ф. Бальденспергера и Ж Видаляна[18], посвященные истории эмиграции в целом, что является редкостью в современной литературе. Ф. Бальденспергер – автор первого и остающегося единственным большого специального труда, посвященного развитию общественного сознания эмигрантов. Оно на всем протяжении революции являлось пестрым в философском и политическом отношении. Ж Видалян написал большой очерк истории эмиграции в то время, когда уже существовали труды Э. Доде, А. Форнерона, Ж. Лефевра и Д. Грира. Не повторяя последовательного повествования об этапах эмиграции, Видалян выделяет многие важные для него сюжеты, например, впервые специально и подробно останавливается на той «пользе» (культурном вкладе в развитие стран, где они оказались), которую принесли эмигранты. Он приходит к современному в научном отношении выводу об отсутствии постоянных прочных связей между эмигрантами (разного социального происхождения и разных общественно-политических взглядов), находившимися во многих странах мира.

Существует много работ по «локальной» истории эмиграции – истории пребывания эмигрантов в какой-либо стране[19]. Английская исследовательница М. Вайнер писала, что автор последней обобщающей работы А.Форнерон не использовал оригинальные английские источники, а другие историки занимались отдельными аспектами деятельности эмигрантов[20], подчеркивая тем самым отсутствие современных работ, изучающих эмиграцию в целом и использующих при этом весь корпус источников.

Германия испытала влияние Французской революции едва ли не сильнее, чем любая другая страна. Поскольку так сложилось, что для общественного сознания Германии, для немецкой историографии очень важным является вопрос о возможном взаимовлиянии, как сейчас принято писать – трансфере, немецкой и французской культур в эпоху Просвещения и революции, то понятно внимание немецких историков к этой теме. Тему франко-немецких культурных контактов и франко-германских отношений в XVIII в. затрагивали многие видные немецкие историки (Р. Райнхард, Ю. Фосс), среди специалистов, успешно занимающихся историей эмиграции эпохи Французской революции в Германии, выделим М. Миддела, Т. Хёпеля и французскую исследовательницу К. Ранс[21]. Особо отметим то, что исследования Т. Хёпеля, который ввел в оборот большой материал из немецких архивов, позволяют предметно представить историю отношения прусского и саксонского правительств к французам, социальную структуру французской эмиграции в немецких землях, способы социо-профессиональной адаптации, причины реэмиграции и другие актуальные проблемы истории эмиграции[22].

Двухсотлетний юбилей Французской революции активизировал рост интереса к ее истории и вызвал появление новых работ об эмиграции: прошли коллоквиумы, были опубликованы новые работы и появились новые суждения об эмиграции. Жак Годшо

дал определение контрреволюции: «Движение, заключенное в доктрине и в действии, направленных на борьбу против Французской революции и революции в целом»[23]. Определение Ж. Годшо было принято французским историком-коммунистом Клодом Мазориком. «В развитие [определения Годшо] я понимаю Контрреволюцию, – писал он, – как сумму *политических проектов* (курсив К.Мазорика – С.К.), проведенных на деле"[24].

В последние десятилетия отмечен рост внимания французских историков к истории России эпохи Просвещения. По инициативе Жоржа Дюлака ведется программа «Архивы Востока», одним из заметных результатов этой работы является современная публикация во Франции «Писем о Франции» Д.И. Фонвизина под редакцией одного из лучших специалистов по вопросам русско-французских контактов эпохи Просвещения В. Береловича[25]. Среди последних коллективных работ отметим сборник статей по материалам коллоквиума, проведенного в Париже в год 300-летия С-Петербурга, где есть статьи и по истории французской колонии в С-Петербурге[26].

Новый этап изучения эмиграции Французской революции связан с именем Жана-Клемана Мартена. Долго работавший в Нанте, уделивший большое внимание истории Вандейской войны[27], этот ученый в последнее время является руководителем кафедры истории Французской революции Сорбонны, Института Французской революции, Робеспьеристского общества и журнала этого общества «Исторические анналы Французской революции». Ж.-К. Мартен – это признанный лидер изучения истории Французской революции, а объектом его особого внимания является история эмиграции. Мартену, его коллегам и ученикам удалось добиться больших успехов в изучении эмиграции Французской революции[28], прийти к новым оценкам казалось хорошо изученных сюжетов. Отметим то, что в современной историографии разделяются позиции жертв революции, тех, кто оказывал пассивное сопротивление или активное, но вынужденное сопротивление, и тех, кто разделял активную программу контрреволюционных действий. Добавим также, что далеко не все из последних имели планы восстановления дореволюционных порядков (что часто приписывалось всем «контрреволюционерам»).

В послевоенной советской историографии сюжеты истории эмиграции затрагивались в общих работах по истории Французской революции, в работах по истории международных отношений. Можно выделить сочинения А.Л. Нарочницкого, известного специалиста по истории международных отношений, исследовавшего связь внутриполитической борьбы в революционном лагере с проблемами международной жизни эпохи Французской революции[29].

В современной отечественной историографии нет специальных исследований истории эмиграции Французской революции. Исследуется, серьезно разрабатывается тема «Французская революция и Россия»[30]. Можно отметить работы В.Г. Сироткина[31], Л.А. Пименовой[32]. Исследуются «россика» (франкоязычные сочинения о России), тема «Французы в России» и история французской колонии в России[33]. Из самых последних работ по истории эмиграции, политических взглядов эмигрантов или близким сюжетам отметим работы Д.Ю. Бовыкина и Е.М. Мягковой[34]. Все эти сочинения создают историографические условия, необходимые для дальнейшего изучения в России истории эмиграции эпохи Французской революции. Одной из важнейших особенностей современного состояния изученности темы является то, что отечественные историки занимаются, в основном, историей пребывания французов в России, а иностранные авторы мало привлекают русские источники и недооценивают роль России в истории эмиграции эпохи Французской революции. Таким образом, хотя в течение двухвекового изучения истории эмиграции Французской революции достигнуты бесспорные успехи, проблема не исчерпана, и возможно дальнейшее развитие исследования темы.

---

[1] См. *Коротков С.Н.* Французское законодательство об эмигрантах эпохи Французской революции XVIII века // Научно-технический вестник. Вып. 17: Проблемы гуманитарного и экономического образования в техническом ВУЗе. СПб.: изд. СПбИТМО. 2005. С. 129 -137.

[2] Lettre de M. Bertrand de Moleville, ci-devant ministre de la marine, au président de la Convention nationale. S.l., s.a. [1792]; *Puymaigre A.B.* Souvenirs sur l'émigration, l'empire et la restauration. Paris, 1887. P. 18.

[3] Relation d'un voyage à Bruxelles et à Coblentz (1791) (par Louis XVIII) // Bibliothèque des Mémoires relatif à l'histoire de France, pendant le 18-e siècle. T.23. Paris, 1877.

[4] См.: *Реизов Б.Г.* Французская романтическая историография. Л.,1956.

[5] Mémoires du comte de Montlosier // Bibliothèque des Mémoires relatif à l'histoire de France, pendant le 18-e siècle. Nouvelle série avec intriduction, notices et notes, par M. de Lescure. T.36. Paris, 1881.

[6] *Сорель А.* Европа и Французская революция. Т. 1 - 3. СПб., 1892; *Forneron H.* Histoire générale des émigrés pendant la Révolution française. T.1-2. Paris, 1884; *Pingaud L.* Choiseul-Gouffier, la France en Orient sous Louis XVI. Paris, 1887; Idem. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris, 1886; Idem. Un agent secret sous la Révolution et l'Empire. Le comte d'Antraigues. Paris, 1893; *Larivièr Ch. de.* Catherine II et la Révolution française d'après de nouveaux documents. Paris, 1895; *Daudet E.* Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. T. 1 - 3. Paris, 1907.

Работу Э.Доде современный историк С.Н.Искюль называет "блестящей" - *Искюль С.Н.* Отклики на поражение антифранцузской коалиции 1792 г. (из материалов архива Воронцовых) // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 456.

[7] «Утверждают, - пишет, например, автор статьи в Большом словаре Пьерра Ларусса, - что эмиграция была вызвана "революционными эксцессами". Было бы значительно точнее сказать, что это именно преступления эмигрантов по большей части спровоцировали ужасные меры революционного времени. Надо также напомнить, что партия прошлого, придворная клика, начала с того, что объявила беспощадную войну новой Франции, стала в упрямую оппозицию реформам».- Grand dictionnaire universel du XIXe siècle par Pierre Larousse. T. 7. P. 437.

[8] См.: *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции: В 6 т. / Под ред. А.З. Манфреда, А.В. Адо. М., 1976 - 1983.

[9] *Вайнштейн О.Л.* Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789-1796). Харьков, 1924; *Шебунин А.Н.* Европейская контрреволюция в первую половину XIX в. Л., 1925; Французская буржуазная революция 1789-1794 / Под ред. В.П.Волгина и Е.В.Тарле. М.; Л., 1941 (несколько разделов, специально посвященных истории эмиграции, написаны А.И.Молоком).

[10] Многие из памфлетов, использованных О.Л.Вайнштейном, имелись только в Воронцовском собрании в Одессе - см.: *Тонкова Р.М.* Печатные издания эпохи буржуазной революции конца 18 -го века в книгохранилищах СССР (1787 - 1794 гг.): Сводный каталог / Под ред. Ф.В. Потемкина. Л., 1941.

[11] *Сироткин В.Г.* А.Н. Шебунин - историк общественной мысли и внешней политики России первой четверти XIX в. // История и историки: Историографический ежегодник за 1973 г. М., 1975; Его же. Абсолютистская реставрация или компромисс с революцией? (Об одной малоизвестной записке Екатерины Великой) // Великая французская революция и Россия / Редколл.: А.Л.Нарочницкий и др.; Под ред. А.В.Адо и В.Г. Сироткина. М., 1989. С. 275.

[12] *Левин И.* Эмиграция французской революции. Берлин, 1923; *Миллер К.* Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II. Париж, 1931.

[13] *Миллер К.* Указ. соч. С.5-7.

[14] *Bouloiseau M. et Lefebvre G.* L'émigration et les milieux populaires. Emigration, paniques, embauchage // AHRF, 1959, # 156.

[15] *Greer D.* Guide to Source Material on the Emigrés of the French Revolution // JMH, 1943, v.15, # 1; *Greer D.* The incidence of the emigration during the french revolution. Cambridge, 1951.

[16] *Greer D.* The incidence of the Terror during the french revolution. Cambridge, 1935.

[17] *Godechot J.* La contre-révolution. Doctrin et action: 1789-1804. Paris, 1961.

[18] *Baldensperger F.* Le mouvement des idées dans l'émigration française. Paris, 1924. T.1.; *Vidalenc J.* Les émigrés francaise 1789 – 1825. Caen, 1963. Один из наиболее компетентных современных специалистов по эмиграции, французская исследовательница Карин Ранс, противопоставляет более ранний труд Ф.Бальденспергера "поверхностной" работе Ж.Видаляна. Такая оценка представляется очень суровой, книга Видаляна написана на широком круге источников и содержит очень интересный анализ истории эмиграции.

[19] См., например: *Höpel T.* Emigranten der Französischen Revolution in Preußen und Sachsen // Révolutionnaires et Emigrés: Transfer und Migration zwischen Frankreich und Deutschland 1789-1806 / Hrsg. von Daniel Schönpflug und Jürgen Voss. Stuttgart, 2002; *Lebon A.* L'Angleterre et l'émigration française de 1794 à 1801. Paris, 1882.

[20] *Weiner M.* The french exiles: 1789 - 1815. London, 1960. P. 1.

[21] *Middell M.* La Révoluton française vue par les contre-révolutinnaires à l'Assamblée nationale de 1789 à 1791 // AHRF, 1991. # 283; *Höpel T.* Emigranten der Französischen Revolution in Preußen und Sachsen //

Révolutionnaires et Emigrés: Transfer und Migration zwischen Frankreich und Deutschland 1789-1806 / Hrsg. von Daniel Schönpflug und Jürgen Voss. Stuttgart, 2002; *Rance K.* Les mémoires de nobles émigrés en Allemagne: Coblence, ou prédire un echec advenu // Révolutionnaires et Emigrés.

[22] *Коротков С.Н.* Прусское законодательство о французских эмигрантах: к проблеме влияния Французской революции XVIII в. на Германию // Научно-технический вестник. Вып. 24: гуманитарные и экономические проблемы. СПб:ИТМО, 2006.

[23] Historical dictionary of the French Revolution 1789-1799, edited by Samuel F. Scott and B.Rothaus. Westport Con., 1985. P.257.

[24] *Mazauric C.* Autopsie d'un échec: La Résistance à l'Anti-Révolution et la défaite de la Contre-Révoluiton // Les résistances à la Révolution. Actes du colloque de Rennes (17-21 septembre 1985) / F.Lebrun et R.Dupuy. Paris, 1987. P. 328.

[25] *Fonvizine D.* Lettres de France (1777-1778). Paris; Oxford, [1995].

[26] L'Influence française en Russie au XVIIIe siècle / J.-P.Poussou, A.Mézin, Y.Perret-Gentil. Paris, 2004.

[27] *Martin J.-C.* Contre-Révolution, Révolution et Nation en France 1789-1799. Paris, 1998; idem. La Vendée de la mémoire 1800-1980. Paris, 1989;idem. Une région nommée Vendée. Geste éditions, 1996. Ж.-К. Мартен автор ряда трудов, а также организатор коллоквиумов "Вандея и Мир, война и репрессии" (1993), "Гражданская война между Историей и Памятью" (1995).

[28] См.: La Cotre-Révoluiton en Europe XVIIIe-XIXe siècle. Réalités politiques et sociales, résonances culturelles et idéologiques / Sous la direction de Jean-Clément Martin. Rennes, 2000.

[29] *Нарочницкий А.Л.* Международные отношения накануне и во время французской буржуазной революции конца века (1763-1794). М., 1946; его же. Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики с января до апреля 1794 // Учен. Зап МГПИ им. В.И.Ленина, 1946. Т. 37, вып. 3; его же. Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 года // Учен. Зап МГПИ им. В.И.Ленина, 1949. Т. 58, вып. 2. Исследования А.Л.Нарочницкого высоко ценил В. Г. Ревуненков: *Ревуненков В. Г.* Некоторые проблемы истории Великой французской революции в трудах А.Л.Нарочницкого // Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977.

[30] *Штранге М.М.* Русское общество и Французская революция 1789-1794 г. М., 1956; *Джеджула К.Е.* Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев, 1972; Великая французская революция и Россия / Редколл.: А.Л. Нарочницкий и др.; Под ред. А.В. Адо и В.Г. Сироткина. М., 1989; *Итенберг Б.С.* Россия и Великая французская революция. М., 1988; *Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI: русско-французские отношения. 1774-1792. М., 2004.

[31] *Сироткин В.Г.* Абсолютистская реставрация или компромисс с революцией? (Об одной малоизвестной записке Екатерины Великой) // Великая французская революция и Россия. М., 1989.

[32] *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С.171-191; ее же. Из истории французской эмиграции в России // Великая французская революция и Россия.

[33] См., например: *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII - первая половина XIX в.). М., 1985. С. 109-141.; *Копанев Н.А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII в. Л., 1988. Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории / Под ред. С.П.Луппова. Л., 1986; *Карп С.Я.* Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII в. М., 1998; *Строев А.Ф.* "Те, кто поправляет фортуну". Авантюристы Просвещения. М., 1998; *Искюль С.Н.* Год 1762. Документальная хроника. СПб., 2001; *Артемова Е.Ю.* Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII в.). М., 2000; *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов, 1999; *Сомов В.А.* Вольтер на Петербургском конкурсе о крестьянской собственности // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России: Международный коллоквиум. Саратов, 2001; *Сомов В.А.* Вольтер на конкурсе Вольного экономического общества (две рукописи, присланные из Швейцарии в 1767 г.) // Русско-французские культурные связи эпохи Просвещения. Материалы и исследования. Памяти Г.С. Кучеренко / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2001; *Ржеуцкий В.С., Сомов В.А.* Французы в России в эпоху Просвещения (материалы к истории русско-французских связей 1760–1780-х гг. из архива французского посольства в Санкт-Петербурге) // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. СПб., 2001*; Чудинов А.В.* Французские гувернеры в России конца XVIII в.: постановка проблемы // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов, 2001; *Somov V.* Les aristocrates russes acheteurs de livres en France pendant la Révolution // Le livre-voyageur: Les actes du colloque de Lyon. Paris, 2000; Франция и французы в Санкт-Петербурге: XVIII - XX вв.: Материалы коллоквиума. СПб., 2005 = La France et les Français à Saint-Pétersbourg: XVIII - XX siècles.

[34] *Бовыкин Д.Ю.* Революция окончена? Итоги термидора. М., 2005; *Бовыкин Д.Ю.* "Ничего не забыли и многому научились..." Проекты реставрации монархии в 1799 г. // Французский ежегодник. 2005. М., 2005; *Мягкова Е.М.* "Необъяснимая Вандея": сельский мир на западе Франции в XVII-XVIII веках. М., 2006.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ XIX ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

О.В. Кузьмина

Литература по проблематике реформ в России, особенно в XIX веке, чрезвычайно обширна, в ней освещаются многие аспекты реформаторского процесса. Но животрепещущая для России проблема соотношения реформ и революции в любой период накладывала на публикации соответствующий политический отпечаток. В книгах, написанных приверженцами различных взглядов и изданных в разные годы, можно встретить диаметрально противоположные оценки процессов, происходивших в стране в эпоху Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. То же самое касается и оценки различных политических деятелей.

Уже во второй половине XIX века в России появились публикации, посвященные рассматриваемой эпохе, личности императора Александра II, представителям его окружения, игравшим заметную роль в реформаторском процессе.[1] С тех пор проблематика реформ не переставала волновать авторов, являвшихся представителями различных политических направлений.

В советской историографии 50-80-х годов XX века положительным моментом необходимо признать то, что шли накопление и систематизация материала, позволявшего по-новому взглянуть на отдельные аспекты интересующей нас темы. Можно назвать обширный комплекс статей и монографий, посвященных внутренней политике в эпоху реформ Александра II.[2]

Особенно усилился интерес к этой тематике со второй половины 80-х годов в связи с коренными изменениями, происходившими в нашей стране. В центре внимания исследователей оказались проблемы, которые советская историография вообще обходила: соотношение реформ и революционных преобразований в жизни государства; роль групповых интересов и отдельных личностей в подготовке и реализации реформаторских проектов; соотношение общественного и правительственного либерализма, а также степень готовности общества к восприятию нововведений.

Одной из первых в этом ряду стала книга Б.Г. Литвака, который представил новый взгляд на многие аспекты крестьянской реформы. Правда, автор не обошелся без определенной идеализации большей части населения страны: «...Культура общения, семейного быта, этических норм поведения и ряд других качеств, которыми был щедро наделен российский крестьянин, составляющий основную массу населения страны, составили тот фундамент, на котором зижделся фантастический расцвет культуры в пореформенные десятилетия.»[3] Трудно согласиться с этим утверждением, поскольку представленные в публицистике и периодических изданиях пореформенного периода сведения о жизни русской деревни рисуют несколько иную картину. Тем более странно эта мысль звучит в устах исследователя и знатока различных видов источников по истории крестьянства. Оценивая результаты реформаторского процесса 60-х годов XIX века, Б.Г. Литвак полемизирует с Н.Я. Эйдельманом, который квалифицировал эти события как очередную «революцию сверху». Б.Г. Литвак считает, что революция коренным образом меняет общественные структуры, а во второй половине прошлого века можно говорить лишь об их совершенствовании.

В ряду вышеперечисленных исследований необходимо особо выделить фундаментальный труд, подготовленный в Санкт-Петербургском отделении Института российской истории Академии наук «Власть и реформы. От самодержавной к советской России» и вышедший вторым, уточненным и исправленным, изданием в 2006 году в издательстве «ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис». В нашей исторической науке это первый опыт осмысления связей между реформами в России за 500 лет существования централизованного государ-

ства. В центре внимания авторов находятся вопросы о реформаторском потенциале самодержавия, о роли бюрократии и ее взаимодействии с обществом, о соотношении политических и социальных реформ, не подвергавшиеся до сих пор комплексному исследованию. Авторы коллективной монографии отмечают при этом принудительный характер всех реформ в России, инициатором которых была верховная власть в государстве. Но и сама верховная власть часто совершала вынужденные шаги, и «вынужденное реформаторство приводило к тому, что важные преобразования часто проводились без соответствующей подготовленности к ним как со стороны правительства, так и общества».[4]

В таком же русле А.Н. Сахаровым написано введение к сборнику статей о реформах и реформаторах. Автор в данном случае отмечает несоответствие российской цивилизационной среды характеру реформ, проводимых в XIX – нач. XX вв. Кроме того, сама политическая система создавала условия для осуществления только тех реформаторских проектов, которые были подготовлены правительством; общественная инициатива в этом деле не только не поощрялась, но и безжалостно пресекалась. Такая ситуация определяла и поведение реформаторов (Д.А. Милютина, М.Х. Рейтерна): они примеряли свой курс к умонастроениям монарха. Это положение исключало поддержание разумного баланса между либеральными и консервативными устремлениями. Сами высшие сановники были людьми, всецело преданными престолу и верившими в целесообразность просвещенной монархии. Они рассматривали носителя верховной власти как арбитра, стоящего над всеми частными и групповыми интересами и способного оптимально их учесть. В этих условиях реальным вдохновителем и руководителем реформаторского процесса мог быть только император. А.Н. Сахаров подчеркивает также, что в силу значительного консерватизма правительственных и общественных структур экспериментировать с проведением реформ легче было либо на высокоразвитых, по сравнению с центральной Россией, окраинах, либо во вновь осваиваемых регионах.

Особую роль государства, по инициативе которого проводились реформы, отмечают и другие исследователи, авторы вышедших в последние годы монографических работ, посвященных интересующему нас периоду.[5] Л.М. Ляшенко уделяет особое внимание конкретным государственным деятелям, принимавшим участие в разработке и проведении преобразований, подчеркивая, что бюрократизация всех сторон жизни в государстве делала личностный момент особенно важным.

Наряду с названными обобщающими работами, необходимо сказать о специальных историко-социологических, статистических и демографических исследованиях, которые позволяют более полно представить себе картину жизни России в XIX веке.[6] Из этих публикаций можно почерпнуть ценные сведения о численности населения и способах его учета, о распределении его по сословиям, об уровне грамотности в каждом из них и его динамике, а также об уровне экономического развития различных населенных пунктов. В книге В.А. Нардовой, посвященной развитию городского самоуправления и правительственной политике в этом вопросе, обращается, в частности, внимание на то, что в России города были административными, а не торговыми и промышленными центрами. В то же время многие населенные пункты, имевшие сельский статус, получали высокие доходы от экономической деятельности.

Более подробно уровень экономического развития городов исследован Б.Н. Мироновым. Он также пришел к выводу, что различия в уровне грамотности были более существенны между представителями различных сословий, чем между городскими и сельскими жителями. С таким положением неразрывно связан вопрос о реальной необходимости грамоты для крестьян, которые, даже заканчивая начальную школу, через несколько лет полностью или частично утрачивали навыки чтения и письма (это явление характеризуется понятием «рецидив безграмотности»). Эти же, а также ряд других аспектов, связанных с особенностями социальных процессов в пореформенной России, затронуты в фундаментальном труде Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XXв.)», вышедшем в 1999 году.

Особо при этом нужно обратить внимание на публикации, посвященные положению православного приходского духовенства (книга В.Р. Лейкиной-Свирской), так как именно его представители не только выполняли функции, характерные для представителей официальной государственной церкви, но и чаще всего занимались начальным обучением детей «недостаточных» сословий, формируя у них качества, в которых было заинтересовано государство. Об этой же проблеме, а также о попытке правительства изменить неудовлетворительное, в частности материальное, положение приходского духовенства идет речь и в статье С.В. Римского.

Зарубежные историки серьезно приступили к изучению истории России только после Второй мировой войны, в условиях начавшейся «холодной войны». Историография же Великих реформ XIX века начала складываться в 60-е годы XX века. На сегодня она представлена работами англоязычных и, в меньшей степени, немецкоязычных авторов. В центре внимания исследователей находятся выявление долговременных тенденций общественного развития, а также поиск факторов, обусловивших своеобразие исторического пути России. Представители различных направлений в исторической науке стремятся к постижению истоков и сущности русской революции, основывая свои выводы на взглядах русских либералов конца XIX – начала XX вв.

В последние тридцать лет американская и в меньшей степени западногерманская исторические школы обратили внимание на изучение реформ в рамках изучения социальных конфликтов, массового сознания, эволюции российской бюрократии, проблемы самосохранения «старого режима».[7] При этом исследователи, занимающиеся изучением реформ в России, как правило, отводят государству роль их инициатора и главной силы, определяющей ход их подготовки и проведения. Содержание реформаторского процесса они видят в борьбе консервативной и прогрессивной бюрократии. Последняя чаще именуется не либеральной, а просвещенной (enlightened); тем самым подчеркивается своеобразие реформ и осуществлявших их государственных деятелей, не вписывавшихся в понятие классического либерализма, существующее на Западе.

В немецкой историографии традиционно сохраняется интерес к истории государственных институтов и чиновничества. Автор предисловия к книге о русских царях, вышедшей в Мюнхене в 1995 году,[8] известный немецкий историк Х.-Й. Торке высказал также настороженность по поводу тенденции к мифологизации русской дореволюционной истории как в России, так и за рубежом. В связи с этим существует опасность другого искажения исторического прошлого, в противовес искажениям советского времени.

Для англоязычной литературы сейчас характерен всплеск интереса к истории общества и культуры. Особенность этого интереса заключается в том, что процесс развития и попыток модернизации государственных и общественных структур рассматривается как непрерывный, начиная с эпохи Великих реформ и заканчивая постсоветским периодом.[9] В частности, большое внимание уделяется истории образования в России, отношению общества и государства к его развитию в работах профессора истории и директора института исследований советского образования университета в Блумингтоне (Индиана) Бена Эклофа. Изучение систем образования в дореволюционной и советской России ведется также в рамках международного Совета советских и восточноевропейских исследований. Некоторые результаты этих изысканий обнародуются на конгрессах Совета; четвертый из этих конгрессов, состоявшийся в 1990 г., был посвящен отношению общества к школе как в дореволюционной, так и в советской России. Бесспорно, интерес к этой тематике не случаен и тесно связан с вопросом о том, удастся ли России сохранить все достижения своей системы образования и остаться в ряду стран с высоким интеллектуальным потенциалом.

Особо необходимо остановиться на работах известного американского историка, крупнейшего советолога времен холодной войны, профессора Гарвардского университета Ричарда Пайпса, которые стали доступны (в том числе и в переводных вариантах) российскому читателю в течение последних пятнадцати лет.[10] Появление его книг повлекло за собой от-

зывы, зачастую диаметрально противоположные по оценкам, содержащимся в них. Причем эти оценки скорее эмоциональны, чем рациональны.

Немаловажное место в книгах Пайпса, посвященных истории России, занимает анализ факторов, предопределивших особенности развития российского государства, рассмотрение взаимосвязи между собственностью и политической властью.

Необходимо отметить, что справочно-библиографический аппарат большинства книг Пайпса (главным образом, написанных до 90-х гг. XX в.) обращает на себя внимание практически полным отсутствием первоисточников. Хотя поражает огромное количество монографической и мемуарной литературы, как русской, так и англо- и немецкоязычной, использованной автором в работе над книгами. Сам автор подчеркивает, что получил доступ в российские архивы только в 1992 году (показательно, что до сих пор некоторые фонды отечественных архивов закрыты для собственных исследователей). Видимо, вторичностью источниковой базы объясняются некоторые фактические ошибки автора, выглядящие весьма досадно на общем фоне логичного и аргументированного текста.

Представляется интересным рассмотрение вопросов, имеющих в работах Р. Пайпса второстепенное значение, а именно: не только политическая, но и экономическая активность представителей различных социальных групп, в том числе в связи с существованием институтов, вводившихся верховной властью; наличие и деятельность органов самоуправления; особенности менталитета большинства населения страны (что во многом определяло отношение к собственности) и роль в его формировании православия (взглядов, а не церковной организации). Особенность исторического пути России усматривается американским историком в отсутствии в ней института частной собственности, по крайней мере, с XIV до конца XVIII в.

Применительно к эпохе Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. Р. Пайпс особо рассматривает такой институт как крестьянская община. Ее сохранение и даже повышение ее роли в жизни крестьян после 1861 г., а равно и сохранение общего имущества патриархальной крестьянской семьи способствовали укреплению национальной антисобственнической культуры. Пайпс отмечает, что вся окружавшая крестьянина экономическая среда делала крестьянина социальным радикалом и политическим консерватором; именно русский крестьянин представлял собой большое препятствие на пути демократизации России.

Суммируя все вышеизложенное, можно сказать, что и отечественная, и зарубежная историография российских реформ (в частности – Великих реформ второй половины XIX века) не только накопила, но и систематизировала колоссальный материал, касающийся широкого круга проблем жизни российского общества и государства. При этом необходимо отметить, что многие вопросы еще требуют специального исследования, как то: влияние территориального роста государства на внутреннюю и внешнюю политику, особенности национальной политики в Российской империи и причины, приводившие к ее пересмотру и т.д.

---

[1] Джаншиев Г. Из эпохи великих реформ. – М.; 1893; История России в XIX веке. Эпоха реформ. Т.3, ч.2. - СПб.: 1907; Корнилов А.А. История России в XIX веке. - М.: 1910-1911; ;. Освобождение крестьян. Деятели реформы. - М.: 1911; Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. В 2-х тт. - СПб.: 1903; Титов А.А. Реформы Александра II и их судьба. - М.: 1910 и др.

[2] Арсланов Р.А., Джангирян В.Г. Освободительное движение в России во вт. Пол. XIX в. - М.: 1991; Великие реформы в России: 1856-1874. / Под ред. Л.Г.Захаровой, Б, Эклофа, Дж. Бушнелла. - М.: 1992; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. / Под ред. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, В.М. Панеяха. - СПб. :1996; Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX- начала XX века. - СПб.: 1996; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. - М.: 1978; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856-1861. - М.: 1984; Китаев В.А. От фронды к охранительству. К истории русской либеральной мысли 50-60-х гг. XIX века. – М.: 1972; Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60-70-е гг. XIX в. - М.: 1958; Литвак Б.Г. Переворот 1861 г. В России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива? - М.: 1991; Российские реформаторы XIX - н. XX вв./ Сост. и отв. Ред. А.П. Корелин. - М.: 1995; Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с сер. 50-х до нач. 80-х годов XIX в. - Л.: 1978; её же.

Правительственная политика в отношении печати. 60-70-е гг. XIX в. - Л.: 1989; Эйдельман Н.Я. Революция сверху в России. - М.: 1989 и др.

[3] Литвак Б.Г. Переворот 1861 года... - С. 265.

[4] Власть и реформы. - С.8.

[5] Ляшенко Л.М. Царь – освободитель: жизнь и деяния Александра II. – М.: 1994; Толмачёв Е.П. Александр II и его время. В 2-х кн. – М.: 1998; Яковлев А.И. Александр II и его эпоха. – М.: 1992.

[6] Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. - М.: 1964; Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII - первой половине XIX вв. (по материалам ревизий). - М.: 1963; Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во вт. пол. XIX в. - М.: 1971; Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г. - М.: 1972; Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х - нач. 90-х годов XIX в. - Л.: 1984; Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. - Л.: 1990; его же. История в цифрах. Математика в исторических исследованиях. - Л.: 1991; его же. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX – XXвв.-//Отечественная история. – 1994. - №4-5. – С.111-125; Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX века. -//Исторические записки. – Т.37. – М.: 1951. – С.28-80; Римский С.В. Церковная реформа 60-70-х годов XIX в. - // Отечественная история. – 1995. №2. –С. 166-175 и др.

[7] Lincoln R B In the Vanguard of Reform Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825-1861. De Kalb, 1982; Macey D A Government and Peasant in Russia, 1861-1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms. – De Kalb, 1987; Orlovsky D T The Limits of Reform: The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802-1881. – Cambridge, 1981; Torke H.-J. Das russische Beamtentum in der ersten Haelfte des 19. Jahrhunderts/. - //Forschungen zur osteuropeischen Geschichte/ Bd. 13, 1967. – S.7-345.

[8] Die russische Zaren, 1547-1917. – Muenchen: 1995.

[9] Brooks J. When Russian Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861-1917. - Princeton: 1985; Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom,Village Culture and Popular Pedagogy. 1861-1914. – Berkley: 1986; Eklof B. Worlds in Conflict: Patriarchal Autority, Discipline and the Russian School,1861-1914. - // School and Society in Tsarist and Soviet Russia. – Selected Papers from the fourth world Congress for Soviet and East European Studies. – New York:1993; Eklof B. Russia's great Reforms, 1855-1881. – Bloomington:1994; McClelland J. G. Autocrats and Academics: Education, Culture and Society in Tsarist Russia. – Chicago: 1979.

[10] Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993; его же. Русская революция. М.: РОССПЭН, 1994; его же. Три «почему» русской революции. М.- СПб.: Atheneum, Феникс, 1996; его же. Россия при большевиках. 1917-1924. М.: РОССПЭН, 1997; его же. Собственность и свобода. – М.: Московская школа политических исследований, 2000.

ГИЛЬЗА КАК СРЕДСТВО (ПОЛИТИКА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА И ЧАСТНЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛИ В ОБОРОННОЙ ИНДУСТРИИ РОССИИ. 1900–1905 гг.)

А. В. Ошарин

Только теперь, в начале 2000-х гг., в отечественной историографии пересматриваются прежние оценки и взгляды на историю военной промышленности Российской Империи. Значение этой истории велико. Именно военная индустрия «закладывала» основы грядущей индустриализации России. К сожалению или нет, именно военная промышленность в советское время получила такое развитие, что из страны крестьянской, «аграрно-промышленной», Россия «превратилась» в страну промышленно-передовую, в страну «мировых технологий» и «технического прогресса».

История военной промышленности России насчитывает уже десятки монографий и публикаций. Исчерпать ее, однако, не удается. Эта история не только обросла полемикой, но и выдвинула, по мере исследования, множество проблем и новые, новые вопросы. Наконец, из целого ряда этих проблем и вопросов выяснилось, что нужен и отраслевой подход к изучению военной индустрии. Именно отрасль, взятая обособленно, позволяет сделать общее изучение более предметным, конкретным, ясным и очерченным. Предлагаемая статья делает еще одну попытку в этом направлении. В качестве примера автор берет производство пушечных гильз.

Сделаю только одно необходимое пояснение. Собственно гильза (от немецкого Hulse или хюльзе) появилась с началом скорострельной артиллерии, т.е. в век бездымного пороха и стальных нарезных пушек. Требования к боеприпасам усложнялись, а производство их непрерывно совершенствовалось и дорожало. Гильза того времени представляла собой латунную трубку, начиненную пороховым зарядом, которая плотно насаживалась на снаряд. Значение гильзы состояло в том, чтобы при выстреле с огромной начальной скоростью вытолкнуть снаряд из канала орудия, при этом предохранить канал от внутреннего разрушения или перегрева. Во время выстрела гильза предупреждала прорыв пороховых газов, являясь своеобразным металлическим мешком. Такое назначение гильза имеет и сейчас. Гильза была составной частью патрона, т.е. собственно снаряда, порохового заряда, гильзы, капсюльной трубки. Для нас же важно именно то, что без гильзы боеприпас или, как его еще называли, «готовый выстрел», был невозможен.

Производители: расстановка сил

Ныне может показаться странным, если узнать, что военные не имеют заводов для производства нужных им вооружений. Тогда это было именно так. Проблема гильзового производства заключалась не столько в технологическом ее решении, сколько в массовом изготовлении. Производство цельнотянутых гильз и трубок в России почти отсутствовало. Тем более, пришлось развернуть это производство сразу на четырех заводах! Этими заводами стали: Ижорский завод Морского ведомства, Александровский сталелитейный (далее АСЗ), частный, Тульский меднопрокатный и патронный (далее ТМПЗ), тоже частный, и механический и гильзовый завод наследников П. В. Барановского. Все заводы, кроме Тульского, располагались в Петербурге или, как Ижорский, совсем рядом со столицей. Положение этих заводов было различным, как и сами их возможности. Наиболее мощным и подготовленным к широкому производству был АСЗ. За ним следовал Тульский МПЗ. Самым скромным оказывался небольшой завод наследников Барановского. Что же касается Ижорского завода (далее ИЗ), то он, хотя и являлся единственным казенным гильзовым заводом, имел производительность недостаточную даже для потребностей своего ведомства, т.е. Морского министерства. Его мощность не была слишком малой, но положение его как завода государственного все-

цело зависело от того, в каком объеме будет задана его производительность и какой кредит будет выделен ему из казны.

Совсем другое дело – частные заводы. Их расчеты строились на величине того же казенного заказа, но они готовы были вложить и собственные средства, причем сделать это гораздо быстрее, чем казна, которая выделяла кредиты только в случае их утверждения министром финансов и после согласия на то царя, за его же подписью. Решение о кредите принималось как правило в течение многих месяцев, от полугода до года и более. У Военного же министерства такого времени не было. Понять всю «прелесть» ситуации можно, только имея в виду крайнюю спешность. Ведь из-за такой детали, как гильзы все перевооружение, только начавшееся в 1900 г., ставилось под вопрос. России же приходилось идти не вровень, а догонять великие державы, из которых Германия и Англия были особенно сильны и опасны. Казалось, само время работало против Империи, и перевооружение нельзя было ни отложить, ни замедлить, ни пересмотреть.

Борьба цен, ведомств и принципов

Можно подумать, что ничего «трагического» не было в том, что Ижорский завод, будучи казенным, не был готов развернуть производство гильз для Военного ведомства в те сроки и в тех объемах, которые требовались для него. Ведь были целых три частных завода, готовых в том или ином размере готовить гильзы немедля. Но тут-то и начинаются все «но», «однако», «едва ли».

В вопросе о том, кому предоставлять заказ на гильзы, Военное министерство было не единственной стороной, решающей это дело по своему усмотрению. Речь шла даже не о том, какому из трех производителей, если не Ижорскому, достанется этот заказ. Речь шла о принципе: почему важнейшие казенные заказы, стоимостью в миллионы рублей золотом, «уходят» в частные руки. Можно ли это допустить? Ведь до сих пор предметы обороны считались уделом именно казенных заводов или, во всяком случае, в первую очередь делом казенных заводов. Ставить Государство в зависимость от частных лиц в деле обороны считалось невозможным, недопустимым. Так считало и Главное артиллерийское управление (ГАУ), и Государственный контроль, от позиции которых многое зависело. Так вообще рассуждали многие чиновники, особенно военные, а кроме них – публицисты, профессора, ученые. Общественное мнение того времени в России совсем не приветствовало частную промышленность, этот капитализм чистогана. В лучшем случае частной инициативе отводилась роль вспомогательная, временная, подчиненная, но никак не ведущая или решающая. Эта обстановка усугублялась начавшимся знаменитым экономическим кризисом 1899–1903 гг., когда крахи, «несостоятельности» были у всех на устах. В очередной раз «барышники», как именовали представителей бизнеса независимо от рода их занятий, за прилавком или в конторе заводского правления, показали свою алчность и ненадежность. «Спасать» так называемых «наших капиталистов», предоставляя им авансы из казначейства под казенные же заказы, не спешили и в Артиллерийском ведомстве. Аргументы там звучали и посильнее моральных:

1) средства (бюджетные) ГАУ ограничены, экономия должна достигаться понижением цен;

2) частные производители, напротив, «предъявляют неумеренно высокие цены»;

3) необходим свой казенный гильзовый завод, который может служить «регулятором цен» на торгах с частными заводами.

Государственный контроль – целое министерство, призванное надзирать за расходованием казенных средств и состоянием казенных заводов – был полностью солидарен с чиновниками ГАУ в этом вопросе. «Экономия» ими понималась как борьба с «домогательствами» частной промышленности, услугами которой приходилось пользоваться вынужденно.

Цена являлась для названных ведомств аргументом экономическим, но здесь крылась и политика в том ее значении, что носила принципиальный, а не избирательный подход. Цена всегда должна понижаться, совершенно независимо от мотивов, которые выдвигали частные предприниматели. Эта абсолютизация цен не допускала «вхождения в рассмотрение частных мотивов и частных интересов», если таковые протестовали. Базовой ценой признавалась цена казенного завода, который не работал «из прибыли». Если же не было такого завода, то за основу бралась низшая цена на торгах, при конкуренции нескольких производителей, которых лучше иметь больше, чем лишь немногих. На случай же «сговора цен», в чем частная промышленность беспрестанно подозревалась, и подтверждения тому находились фактические, торги проводились многократно и, как правило, с вызовом иностранных фирм-производителей. Иностранцы, что было хорошо известно, работали дешевле российских предприятий.

Неизменным, хотя и мало влиятельным союзником этих двух ведомств был Горный департамент Министерства земледелия и государственных имуществ, в ведении которого находились уральские горные заводы, изготовляющие снаряды для оборонных ведомств. Однако решающее слово оставалось за Министерством финансов, чей авторитет и полномочия имели первостепенный вес. Собственно промышленную политику в ее целом направляло и в значительной мере определяло именно Министерство финансов. Оно казалось по тем временам всесильным и по своему влиянию на экономическое развитие Империи не имело равных. Но именно министры финансов последовательно выступали против развития казенной индустрии и высказывались как раз в пользу развития частной инициативы и привлечения в страну иностранных инвесторов (капитала).

Единственное, что так или иначе объединяло спорящие ведомства, это согласие, что заграничные заказы надо ограничивать и по возможности избегать их. Министерство финансов настаивало на этом, но безусловного отказа от заграничных («иностранных») заказов оно добиться не могло.

Как же развивались события?

По замечанию Артиллерийского Управления, «до 1900 г. производство латунных пушечных гильз было сосредоточено почти исключительно на одном Александровском заводе, а с названного года выступили два новых конкурента в лице заводов Тульского и Барановского»[1]. Желая поддерживать эту конкуренцию и в дальнейшем, ГАУ, решая вопрос о распределении заказов на ближайшие 2–4 года, обратилось с запросами ко всем производителям гильз в России. При этом речь шла исключительно о 3-х дюймовых (76 мм.) гильзах. Ответы были получены такие:

Ижорский завод – 3 руб. 85 коп. за гильзу при условии заказа 1.600.000 гильз.

От Правления АСЗ, за подписью А. Баранского. Цены завода:

При заказе 300.000 гильз – 5 руб. 50 коп. за гильзу. Срок исполнения 1 год.

----------450.000 гильз – 5 руб. 48 коп. Срок – 1 год 3 месяца.

----------600.000 гильз – 5 руб. 45 коп. Срок – 1 год 6 месяцев.

----------900.000 гильз – 5 руб. 40 коп. Срок – 2 года.

От вдовы Н.Р. Барановской, представляющей завод наследников П.В. Барановского: согласие выполнить 450.000 гильз по цене 5 руб. 45 коп. за штуку, причем 300.000 в 1901–1902 гг. и остальные 150.000 до конца 1903 г.

От Правления ТМПЗ, Ф. Кох и Н. Е. Понафидин: 450.000 гильз по цене 5 руб. 47 коп. «в срок, необходимый ГАУ», т. е. 1901–1902 гг., и могут понизить цену до 5 руб. 42 коп., если заказ будет на 900.000 штук.

Из присланных ответов видно, что самая низкая цена поступила от Ижорского завода, а низшие цены частных заводов колебались от 5 руб. 40 коп. до 5 руб. 45 коп. Разница цен шокировала ГАУ: казенный завод готов был работать дешевле на 1 руб. 55 коп. любого из частных. Переплата в случае отдачи заказов в руки частных производи-

телей колебалась от 697.000 руб. (при заказе на 450.000 гильз) до 1.395.000 руб. (при заказе 900.000 гильз).

Шантаж домогателей

Борьба с «домогательстом», как тогда выражались чиновники, казенных заказов на условиях частных производителей велась давно усвоенными путями. Первый – переторги, с вызовом на конкуренцию производителей вторично и с предложением понизить заявленные ими прежде цены. Здесь особенно важно было иметь альтернативных поставщиков. Однако не во всех случаях они находились к тому же в самой России. Второй путь – прямое обращение за границу и даже возможная передача крупных заказов иностранным производителям. Этот путь был тем более непростым. Ведь передача оборонных заказов за границу не меняла положения внутри России, где требовалось иметь свое производство независимо от возможностей и помощи иностранных фирм. Принять решение о размещении заказов за границей для Военного министерства не означало одобрения на это правительства в целом, а само Министерство не имело права принимать такие решения по собственному усмотрению.

Был еще один путь – строить собственный казенно-ведомственный завод в таких размерах, какие отвечали бы потребностям в гильзах или хотя бы дополняли частное производство на случай невозможности вполне опираться на него. Но такая решимость означала потерю большого времени: не скоро было получить на это согласие других ведомств, и в первую очередь – важнейшего из них, Министерства финансов. В этом вопросе по традиции начиналась трудная борьба «казны с казною». Финансовое ведомство не желало давать добро там, где имелись более хозяйственные, чем государство, производители.

Срочность решения добавляла остроты. В таких условиях политика представляла собой непрерывную цепь давления ГАУ на производителей, чтобы добиться понижения цены. Именно обращение за границу стало орудием такого давления. При переговорах с заводами ГАУ «встретило весьма значительные затруднения … относительно понижения цен, вследствие неимения собственного артиллерийского казенного завода, который мог бы служить регулятором цен на эти изделия». В результате «обращение лишь к заграничной конкуренции понудило наши частные заводы умерить свои требования»[2]. Выбивание нужных цен произведено было путем обращения к двум немецким производителям: Deutsche Waffen und Munitionsfabriken (Германская фабрика вооружений и амуниции) в Карлсруэ и Polte Armaturen- und Patronenfabrik, Sudenburg-Magdeburg (Фабрика изготовления арматуры и патронов в Зуденбурге-Магдебурге). Вот как выглядели предельные цены, назначенные заводами:

АСЗ – 4 руб. 95 коп. за гильзу.

Тульский МПЗ – 5 руб.

Завод Наследников П. В. Барановского – 5 руб.

Цены заводов Германии:

Deutsche Waffen und Munitionsfabriken – 4 руб. 42 коп. с уплатой пошлины и 4 руб. 09 коп. на месте.

Завод Польте – 5 руб. 14 коп. с уплатой пошлины и 4 руб. 50 коп. на заводе в Магдебурге[3].

Если отбросить цену с уплатой пошлины и ограничиться ценой на заводе, то у немцев она оказывалась на полрубля ниже за гильзу, чем в России. Это давало ГАУ с полным правом заподозрить российских заводчиков в «сговоре» и, конечно, искусственном диктовании цен. С получением ответов из Германии артиллерийское ведомство получало в свои руки довод против такого диктата.

Замечательна та политика умолчания, которая свойственна вообще артиллерийскому ведомству. Совершенно или почти не вникая в положение частных производите-

лей, ГАУ попросту игнорировало их многократные напоминания, что промышленность на Западе и в России находится далеко не в равных условиях, чтобы равнять цены той и другой. Но Военное министерство было неумолимо. Рассматривая десятки дел о производстве торгов, можно с уверенностью говорить об одной и той же тенденции в тех отношениях, которые складывались у Военного министерства (ГАУ) с частными предпринимателями. С одной стороны, полное недоверие к ним, даже к наиболее заслуженным и давно знакомым по выполненным заказам. С другой, постоянные нарекания и опасения, что частные производители работают дорого, что их «сговор» равносилен заговору против казны.

В таких условиях неудивительно, что всякий раз снова повторялась история борьбы заказчика и исполнителя, убеждая каждую сторону в необходимости отстаивать только свой интерес или выяснять свое положение. При этом если ГАУ настаивало на интересе «казны», оно далеко не достигало интереса самого дела. Я имею в виду собственно производство. Ведь цена гильзы отражалась не только на прибыли от ее изготовления. Цена могла стимулировать производителя или, наоборот, осложнять его финансовое положение и в конечном итоге возможности. Надо иметь в виду, что именно на это время 1900–1903 гг. пришелся экономический кризис, знаменитый своими последствиями и для России. Частные заводы отчаянно бились за получение казенных заказов, надеясь получением авансов поправить свое тяжелое финансовое положение. Цена зависела и от значительного повышения цен на материалы – медь и цинк.

Важнейшим условием в определении ценовой стратегии являлся и тогда, и сейчас объем заказа. Но и в этом вопросе частные заводы не имели никакой прочной уверенности. ГАУ не желало связывать себя какими-либо обещаниями, а тем более гарантиями. Предприниматели не имели ясности в вопросе, как долго они будут обеспечены заказами и насколько велик будет объем того заказа, который они получали для себя впервые.

Если принять во внимание все эти факторы, хорошо понятные всякому директору частного правления, как, впрочем, и государственного предприятия, то не покажется странным стремление гильзовых заводов определять цену с учетом не только прибыли, но и погашения немалых затрат для нового им производства. Закупка оборудования и масштабы производства требовали также заложить их в цену заказа.

Комиссия по перевооружению полевой артиллерии ГАУ с упорством преследовала мотив «интересов казны», по сути шантажируя частные заводы то заявлениями, что ей, возможно, придется ограничиться двумя неназванными ею заводами, то тем, что в случае несогласия с ее же установленной ценой ей, «к сожалению», вообще придется отказаться от дачи заказов. Это был именно форменный шантаж. При этом цель его заключалась не только в понижении частных цен. Оказывалось, что Комиссия настойчиво преследовала экономию ради собственной цели. ГАУ не покидала мысль о строительстве своего завода, т.е. казенного пушечно-гильзового завода. На этом пути Управлению предстояло помимо вопроса о деньгах преодолеть аргументы казенных же служителей.

Варианты

Вариантов было достаточно много. Назовем их все.

1-й. Развитие гильзового завода Ижорского завода. За этот вариант особенно «болел» Государственный Контроль.

2-й. Покупка готового Александровского сталелитейного завода с его гильзовым производством. Такой вариант предлагался Министерством Финансов, которое выступало главным кредитором этого частного производителя.

3-й. Покупка гильзового производства Общества Тульского меднопрокатного и патронного завода, чье правление само предлагало продажу своего предприятия ГАУ.

4-й. Предложение немецкого заводчика Польте о постройке им завода для производства пушечных гильз в России по его способу.

5-й. Наконец, проект постройки ГАУ собственного завода.

6-й. Развитие частного производства гильз с отказом от казенного заводостроительства, т.е. оставление существующего положения.

При всех этих вариантах речь шла о долгосрочной политике.

Военное министерство проявляло заметные колебания. Если бы оно даже добилось разрешения на немедленное строительство собственного завода, то, во-первых, он вступил бы в строй слишком поздно для начала экстренного перевооружения, во-вторых, этот завод не мог и не планировался производить всю потребность в гильзах. Это означало, что без частных производителей все равно было не обойтись.

Военное министерство не спешило воспользоваться положением частных производителей для решения, казалось, главного вопроса: покупка готового завода, т.е. частного. Для ГАУ представился редкий случай воспользоваться трудным положением одного из заводов, Тульского или Александровского, чтобы в кратчайший срок решить назревший вопрос. Однако Комиссия по перевооружению отвергла оба варианта как для нее неприемлемые.

Покупка АСЗ облегчалась тем фактом, что министр финансов С.Ю. Витте выражал свое согласие. Завод переживал критическое время, будучи должником самому Министерству финансов. Завод был на полном ходу и не прекращал просьб о даче ему крупных заказов, но Военное министерство не решалось на покупку завода, долги которого ему пришлось бы еще и покрывать новыми заказами. Между тем, Александровский сталелитейный завод являлся крупнейшим в артиллерии частным производителем, значение которого не исчерпывалось производством пушечных гильз. АСЗ имел исключительные заслуги и перед Морским ведомством в качестве поставщика судостроительной и котельной стали. От того, какое решение примут оборонные ведомства в отношении этого завода, зависело его дальнейшее существование или закрытие в ближайшем будущем. Характерно, что ни то, ни другое министерство так и не проявили желания поддержать предприятие в интересах его сохранения, а значит, и в собственных интересах. Обращения Витте к обоим министрам не имели решающих последствий, хотя Военное министерство и увеличило заказ АСЗ, но недостаточно для того, чтобы удержать его от «несостоятельности», а, иначе говоря, от банкротства. То, что военные ссылались на то, что они не обязаны входить в положение частного поставщика и кредитовать его, да еще по чрезмерным ценам, какие он выпрашивает, не меняло того факта, что предприятие действовало на пользу и в целях производства вооружений. Большинство долгов АСЗ являлось долгами самой же казне, а расширение самого предприятия производилось как раз для удешевления производства.

Вопрос о покупке Тульского патронного и меднопрокатного завода был то же отклонен Комиссией по перевооружению. Предвидя намерение ГАУ построить собственный завод для получения латуни и мельхиора и учитывая намерение Артиллерийского ведомства отказаться в принципе от услуг этого завода в поставках не только пушечных гильз, но и 3-линейных винтовочных патронов, правление ТМПЗ само заявило готовность продать заводы ведомству. Предложение это было мотивировано интересами обороны, так как вместе с заводами министерство получало и персонал опытных рабочих. После тщательного ознакомления с состоянием завода на месте военные пришли к выводу, что оборудование завода сильно изношено и приобретать его для ГАУ невыгодно. Аргументом против приобретения служило и то, что заводы не имеют чисто военного назначения, а покупать производства невоенные, как, например, изготовление паровозных топок или иное, Военному министерству нет никакого прока.

Вопрос об устройстве собственного ведомственного завода оставался открытым. Чисто техническим аргументом в пользу такого пути явился, в частности, тот, что ГАУ

желало устроить этот завод в соответствии с технологией немецкого завода Польте. Способ протяжки гильз по его изобретению обещал не только удешевление производства, но и экономию исходного материала. По способу Польте не работал ни один в России частный завод. Однако строительство такого завода отнимало у ГАУ время, а производительность такого завода была изначально планирована многократно меньшая по сравнению с потребностью перевооружения.

Возникает вопрос, какую же цель ставила перед собой Комиссия по перевооружению, экономившая ради постройки своего весьма скромного латунно-гильзового завода? Ответ не был секретом. Для ГАУ крайне нужен был «регулятор цен» частных заводов, т.е., опираясь на собственный завод, Управление могло на основании бесприбыльной цены такого завода навязывать понижение цен и заводам частным, для которых прибыль была естественным условием их действий. Прием этот не был нов. Напротив, он был некоей тактикой в промышленной политике ГАУ, важным элементом в борьбе ведомства за дешевую военную промышленность.

Заключение

Парадокс политики Военного министерства (ГАУ) заключался в том, что, борясь с частной промышленностью в деле оборонной индустрии, то же ведомство не только зависело от частных производителей, но и вынуждено было быть заинтересованным в их существовании. Мне приходиться употребить такой «нелепый» оборот в определении того состояния, в котором пребывало Военное министерство – «вынуждено было быть заинтересованным», так как в действительности ни Военное министерство, ни Главное артиллерийское управление вовсе не желали этой зависимости и не были заинтересованы в частных производителях, каковые имелись в интересах ГАУ. Действительным желанием ГАУ было одно: иметь свой гильзовый завод, опираясь на который, Управление могло бы понижать цены («аппетиты») частных производителей. Эта двойственность положения вызывала и двойственную политику. В ней не было ни ясности, ни определенности.

При таком отношении к отечественным производителям можно было бы удивиться, как они добивались заказов, которые получали. Ответ на этот вопрос напрашивается лишь один – простая и, в то же самое время, настойчивая необходимость.

Гильзовое производство стало объектом политики не только узковедомственной. Эта борьба затронула и правительство. Еще раз, меняя лишь приложение этой борьбы, произошло столкновение по кардинальному вопросу общей экономической политики старой России – как быть с «капитализмом», как «отграничиться» государству от его влияния и притяжения.

---

1 АВИМАИВиВС (Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи). Ф. 51. ОП. 96/5. Д. 11. Л. 58об.

2 АВИМАИВиВС. Ф. 6. ОП. 50. Д. 20. ЛЛ. 5об, 16.

3 АВИМАИВиВС. Ф. 6. ОП. 50. Д. 14. ЛЛ. 33 – 35, 36, 37 – 38, 45, 54, 40 – 44об, 129 – 137об.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ КОНЦА XIX в. – 1917 г.

А.В. Ошарин

В настоящее время историография военной промышленности дореволюционной России имеет не одно исследование и довольно авторитетных авторов, чьи имена вошли в историческую науку известными трудами. Большее число работ, получивших признание, было написано в советское время, что наложило определенный отпечаток на характер исследований, возможности и проблематику их[1]. В постсоветское время наблюдается новая тенденция. Явно растет интерес к истории местных (провинциальных) предприятий, особенно к истории казенных заводов Урала, Тулы, Ижевска. Эти исследования уже свободны от тех ограничений, которые влияли в советское время как на выбор темы работы, так и на «угол зрения», необходимый для появления публикации в виде монографии или коллективного сборника трудов. Однако региональные исследования имеют один «минус». Они невольно рассматривают целое, т.е. промышленность, на отдельном примере, т.е. на примере части этого целого. Такое положение имеет свои причины и выгодные стороны в том, что пример одного, специально взятого предприятия, позволяет исследовать его вклад в общее развитие оборонной индустрии Империи, выяснить некоторые его особенности и подчеркнуть его роль в деле обороны страны. Кроме того, едва ли не первое место в таких исследованиях получает интерес «краеведческий», связанный с историей региона, города, местности, края и, конечно, их населения, что не менее важно для местной истории, по сравнению с историей общероссийской. Поэтому можно сказать, что «минус» этот – только условный. Цель региональных исследований обычно и изначально не ставит перед собой задач, которые охватывали бы проблемы целого развития, а значит, не имеет того недостатка, который, послужил упреком «односторонности».

Можно сказать, что накопление именно региональных исследований не только дополнит, но и восполнит пробелы общей истории военной промышленности России. Этот путь, наверняка, будет плодотворен.

Общих работ, посвященных непосредственно или специально вопросам и проблемам военной промышленности, как это ни странно, оказывается не так уж и достаточно. Основное внимание историков в советское время занимала тема «монополизма» в частной промышленности, взаимоотношений царского правительства и «монополий», влияние «финансового» или банковского капитала на экономическое развитие и «концентрацию» промышленности в России и синдикатские соглашения в крупной промышленности. Все эти вопросы объединяла некая идеологическая заданность, господство партийных установок. Интерес к истории был продиктован одним стремлением: «вскрыть», «разоблачить», «показать несостоятельность», выявить «закономерность», обреченность всего политического и хозяйственного строя самодержавной России. Такая установка, конечно, ограничивала не только возможности иных выводов, но и повлияла на периодизацию подавляющего большинства работ.

Промышленность старой России долгое время как будто вообще не принималась всерьез историками. Внимание отдавалось то иностранному капиталу, то всесилию «финансовых воротил». Для большевистского режима важно было показать его достижения в промышленности, для чего важен был фон и образ отсталой, зависимой, неполноценной в индустриальном отношении «царской России». При таком стремлении не было никакого интереса к изучению действительной, а не карикатурной картины экономики дореволюционной России. По этой причине промышленность старой России не изучалась, изучение ее не популяризировалось, тем более, что социологических оснований для такого изучения не стало: вся промышленность в сталинские годы пе-

решла в руки государства, а частная промышленность, и без того не знавшая своей истории, лишилась и голоса, и заинтересованных в ее развитии исследований.

Изучение монополистических тенденций проходило, также преследуя известную заранее цель: подтвердить рост влияния этих монополий на политику правительства, обострение в стране социальных («классовых») противоречий и нарастание в стране того, что сегодня называется «системным кризисом». Монополии представлялись не иначе как результат борьбы за сверхприбыли, а такой тезис требовал своего нового подтверждения, если исследовались разные явления в торговле, промышленности или в деятельности банков. Все, что нарушало такой ход мыслей и ожиданий, отбрасывалось как несущественное или не заслуживающее доверия.

Интересно заметить, что за монополиями, в том значении, которое им придавала советская историография, выходил, до некоторой степени, приоритет частной промышленности над казенной. Согласно исследованиям того времени, банки и крупная индустрия начинали все более заметно влиять на правительство в его решениях относительно долгосрочных гарантий в получении казенных заказов. Хотя в действительности это касалось главным образом как раз военного судостроения, а вместе с ним и металлургии, но все же не исключительно их. Промышленная политика не была лишена противоречий и даже противоположных тенденций, но в области оборонной индустрии она делала новые уступки «частному крупному капиталу».

С другой стороны, если так долго и много говорили о монополиях и отдавали им столько внимания и поисков, то казенные заводы оставались без внимания. Когда о них писали, то следовали лишь констатации, что этих заводов было либо недостаточно, либо мощности их были невелики, либо они оказывались «не готовы» удовлетворить потребностям ведомств и войн. Констатация, оставаясь и повторяясь, подменяла исследование. Объяснений она не давала, а критику только увеличивала, но этой критики было и без того предостаточно.

В таких условиях частная военная промышленность и не могла выглядеть иначе, чем самой высокоприбыльной и влиятельной силой в экономике Империи последних предвоенных лет 1910 – 1914 гг. Относительно же казенной промышленности исследования не велись. До некоторой степени недостаток их компенсировали работы заводских музеев и поиски представителей заводских коллективов. Но этот путь был только первым шагом.

На этот именно период и приходилось подавляющее число исследований и общее внимание историков «империализма».

Избирательность не только темы, но и периода в изучении здесь не подлежит сомнению. Военная промышленность в таких условиях становилась лишь наиболее ярким примером, «фактом», иллюстрацией. Она рассматривалась не «сама по себе», а как одно из проявлений хозяйственного развития Империи.

Другой причиной постоянного интереса к названной теме явился политический и военный кризис весны и лета 1915 года. Кризис этот имел начало как «нехватка боеприпасов» и необходимых армии вооружений, от винтовок до гаубиц и пороха. Первая мировая война привлекала внимание и авторов политической истории и тех, кто традиционно занимался вопросами экономического развития.

По мере выяснения проблем, связанных с подготовкой России «к мировой войне», становилось очевидной необходимость рассматривать военную промышленность не в общем и целом, не с точки зрения монополий или правительства по отношению к ним, а с конструктивных позиций. Отсюда вытекал и новый подход, уже не зависимый от требований идейного порядка, господствующей идеологии. Такой подход не мог приветствоваться ни представлениями, ни политикой КПСС.

Итогом советской историографии было выявление множества документов, которые выясняли важнейшие процессы в развитии крупной металлургической промыш-

ленности (Тарновский), судостроении[2] (Шацилло), артиллерийском производстве (Сидоров[3], Бовыкин[4], В.В. Поликарпов), связи банков с промышленностью и участие иностранных капиталов в этих процессах. Главное место в исследованиях отводилось вопросам финансовой реорганизации действующих предприятий, учреждения новых, взаимоотношения ведомственной бюрократии или правительства в целом с «монополиями».

Московские историки приложили немало усилий и внимания к исследованию роли «монополий» в военной индустрии. В центре их внимания неизменно оказывался Путиловский завод. В Ленинграде такая целенаправленная работа не велась, и, кроме нескольких историков, работы которых не были опубликованы (Кашуро, Мифтиев, Субботин, незащищенная работа А.И. Гладкого), изучение не получило ни последователей, ни традиций. Названные первыми три автора свои кандидатские работы посвятили не «монополиям», а строго говоря, военной промышленности. Объектом их внимания стало сухопутное артиллерийское производство.

В Ленинграде в 1970-х гг. с различной периодичностью стали выходить монографии по истории военного судостроения на примерах строительства и плавания крупных кораблей, крейсеров и броненосцев. Технические аспекты судостроения ограничивали такую литературу с самого начала, но, тем не менее, именно в ней отмечалось состояние судостроительной промышленности России.

Все более заметным становилось стремление, во-первых, к рассмотрению военной промышленности самостоятельно, а не в связи только с «государственно-монополистическим капитализмом» и регулированием, во-вторых, более предметно и конкретно исследовать проблемы военной индустрии, то, как они решались, каково было положение военной промышленности на разных этапах ее истории. Этот поворот наметился в 1980-е гг., а в 1990-х гг. историкам можно было говорить уже свободно и без оглядки на «предписанную актуальность» выбранного разговора, как и самой темы.

Можно говорить, что в постсоветское время интерес к военной промышленности становится ограниченным либо отраслью, либо предприятием, причем интерес к частной промышленности по-прежнему составляет первое место. История же казенных заводов пишется с преобладанием интереса к их сравнительно недавнему прошлому, а не к истории их «далекого прошлого», т.е. XIX и начала XX вв.

С распадом СССР и, в особенности, с концом коммунистического правления российская историческая наука переживала переоценку прежних «ценностей». Вместе с тем академическая ее часть оказалась лишенной государственной поддержки и тех целей и программы, которые развивали бы науку в государственных же интересах. Эта «свобода», однако, не стимулировала коллективных работ и поисков, решения тех задач, которые напрашивались в результате достигнутого к этому времени. Даже слово «наука» оказалось лишено прежнего авторитета и общественного почета, чтобы занятие ею стимулировало новых, молодых еще исследователей. Интерес к военной промышленности перемещался к истории советского ВПК, тем более что здесь оказалось огромное количество «белых пятен», история огромной войны 1941–1945 гг., трудовая и творческая жизнь нескольких поколений. Естественно, что на этом фоне военная промышленность старой России выглядела не так привлекательно и одиноко, как еще в 1980-х гг.

Многолетнее изучение отечественной истории рубежа двух столетий выяснило и источниковую базу исследований военной промышленности. Наиболее полно и весомо документы по ее истории представлены в архивах Москвы и Петербурга. Это обстоятельство сильно влияет на возможности историков, которые живут и работают за пределами столиц. Автор этих строк сам становился свидетелем того, как нелегко приходится работать историкам в командировках, когда каждый день требует поиска и напряжения, но и в случае удачи времени для работы с документами крайне недостаточ-

но, чтобы успеть закончить начатое. О работе, подобной столичным, историкам говорить почти не приходится.

Такое положение историографии выдвигает задачи двойственного свойства. Во-первых, переоценка известных фактов, чтобы преодолеть тенденциозную и однобокую их интерпретацию и подачу. То, что В.В. Поликарпов назвал «тенденцией» или «закономерностью, подтверждаемою экспериментальным путем» (см. с. 25, 27). Во-вторых, расширение базы исследований на основе нераскрытых сторон истории в этой области. Как более отдаленная перспектива выяснение истории военной промышленности может дать толчок для переосмысления общеэкономических проблем в истории «старой» России. Одной из таких проблем, возможно, и была индустриализация Империи, ускоренная международной гонкой вооружений.

Историки вплоть до начала 1990-х гг. смотрели на промышленность, по преимуществу, в общем и целом (подобно тому как на нее глядели именно в советское время с позиций «государственного плана», пятилетки, госзаказа, министерства, общеотраслевого финансирования). Так было и привычнее, и понятнее и проще. Именно так ее оценивали и чиновники старой России. Идти вслед такому подходу не вызывало особых сомнений или критики. Исследований, специально посвященных отдельным предприятиям, не было в том смысле, в каком они имели бы значение для сопоставлений и анализа каждого из них, их вклада, их значения в оборонной индустрии. Некоторые историки, сознательно или «неволей» (Сидоров, Бескровный[5], Шацилло) начинали фактически, без осмысления на этот счет, рассматривать военную промышленность на уровне отрасли или подотрасли. Это были первые шаги к новому, по сути, этапу изучения, где методика получала некое постоянное, а не случайное только выражение.

Как экономическая система военная промышленность многообразна и сложна. Она состоит из целого ряда предприятий, одни из которых считаются базовыми, ведущими, основными, другие – второстепенными, поставляющими необработанные или полуобработанные изделия или только отдельные компоненты, составляющие сложное целое. Отсюда, естественно, вытекает и требование, учитывая эту разницу среди производителей, подходить к каждому из них, отделяя от остальных. Промышленность полна проблем: технологических, кадровых, финансовых, снабжения, сбыта продукции, затрат и амортизации, прибыли и убыточности, заказов и планирования. Развитие промышленности можно понять только в перспективе. Поэтому оценивать состояние предприятия, только констатируя его недостатки или ограниченные возможности, недостаточно для суждения о нем, для характеристики его. Что же касается перспективы, будь то отдельная отрасль или предприятие, то надо иметь в виду, из чего перспектива складывается: из потребности в его развитии (значит, чьей потребности) или из политических (стратегических) соображений. Последнее подводит исследователя к мотиву, который не поддается только рационально-экономическому обоснованию.

Говоря о положении промышленности в России, историк сталкивается с проблемой «двух промышленностей», существующих одновременно, каждая с перспективами роста и востребованностью. Эти две промышленности отличаются друг от друга и по специализации, и по условиям деятельности, и по организации управления. Различие той и другой давно уже отмечено, однако выводы из этой констатации сделаны весьма поверхностные. Разница частных и казенных заводов на самом деле объясняет не только их положение как производителей, но и политику, отношение к ним со стороны оборонных ведомств, как главных потребителей продукции тех и других.

Среди направлений, которые открывает современное состояние историографии, можно назвать такие:

периодизация истории военной промышленности;

отраслевой анализ военной промышленности;

соотношение частной и казенной промышленности;

перспективы развития той и другой.

В настоящей историографии еще далеко не выяснена роль отдельных производителей, значение различных отраслей военной промышленности, снабжение казенных заводов сырьем, оборудованием и фабрикатами как заграничных, так и частных производителей России.

Все названные проблемы объединяет тема, определяющая развитие военной промышленности, ее успехи и недостатки. Это собственно политика правящих кругов, т.е. военных ведомств, сухопутного и морского, заинтересованных ведомств: Финансов и Государственного контроля, правительства в целом и, конечно, династии Романовых.

---

1 Тарновский К. Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М. 1958.

2 Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны 1906 – 1914 гг. М. 1968.

3 Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М. 1973.

4 Бовыкин В. И. Банки и военная промышленность накануне первой мировой войны. // Исторические записки. Том 64. М. 1959.

5 Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М. 1986.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А.С.СУВОРИНА КОНЦА XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ И «МАЛЕНЬКИХ ПИСЕМ»)

А.С. Солоусов

Личность А.С. Суворина всегда привлекала внимание современников и позднейших исследователей. Оценки его деятельности с течением времени претерпели значительные изменения: от весьма противоречивых в дореволюционный период к однозначно отрицательным в советской историографии. В последнее время наметилась тенденция к «реабилитации» Суворина. При всей неоднозначности оценок всегда признавалось, что этот человек сыграл выдающуюся роль в истории русской журналистики конца XIX-начала XX вв. В течение нескольких десятилетий являясь владельцем одной из крупнейших газет «Новое время», осуществляя активную издательскую деятельность, он, естественно, влиял на формирование общественного мнения по самым разным вопросам жизни страны, по крайней мере, в достаточно состоятельных кругах. Некоторые политики за границей считали его газету официозом. Тем актуальнее представляется постановка и решение проблемы анализа политических взглядов А.С. Суворина.

При этом необходимо учитывать, что исследователь, занимающийся ее решением, сталкивается с целым рядом сложностей. При работе с архивными материалами главное препятствие – почерк самого А.С. Суворина, который рядом ученых-палеографов признан «классически нечитаемым».

В советский и постсоветский период было предпринято два издания «Дневника» А.С. Суворина, но даже последнее считается самими издателями не слишком совершенным в первую очередь все из-за тех же сложностей с расшифровкой авторского почерка. Следует также учесть, что в источнике существуют значительные лакуны: записи за 1884–1887 гг. сохранились в разрозненном, часто неудобочитаемом состоянии, отсутствуют дневники 1894, 1895 гг., 1905 и 1906 годов.

«Маленькие письма» Суворина достаточно регулярно появлялись в «Новом времени» с 1889 по 1908 гг. Они были посвящены самым разным вопросам политической, экономической и культурной жизни России и других государств. Предоставляя богатейший фактологический материал по интересующей нас теме, эти заметки порой носят весьма тенденциозный характер, что связано с особенностями личности автора и цензурными условиями начала XX века. В связи с этим представляется вполне естественным и необходимым для восстановления и дополнения реальной картины обращение к другим источникам, в первую очередь дневниковым и мемуарным свидетельствам современников.

Ограниченный объем публикации не позволяет дать полную картину общественно-политических взглядов издателя «Нового времени» и подробно проследить их эволюцию. Мы вынуждены ограничить рамки исследования сравнительно коротким периодом конца XIX – начала XX вв. и сосредоточить внимание лишь на некоторых, наиболее важных вопросах, привлекавших внимание А.С. Суворина. В первую очередь – к проблемам организации и деятельности органов народного представительства в форме Земского собора накануне и в период первой русской революции 1905–1907 гг. Мы попытаемся установить степень взаимовлияния двух основных источников: «Дневника» и «Маленьких писем», т.е. насколько идеи, изложенные в одном из них, нашли отражение в другом. Попытаемся установить, что общего и различного было во взглядах А.С. Суворина и других представителей консервативного направления общественной мысли данного периода.

Принято считать, что консервативные взгляды А.С. Суворина оформились к концу 70-х годов XIX века, а до этого момента его убеждения были близки к либераль-

ным. На наш взгляд, дело обстояло несколько сложнее. Хотя на протяжении всей жизни взгляды издателя «Нового времени» претерпели некоторую эволюцию, вообще сложно говорить о том, что в какой-то период своей деятельности он твердо придерживался идей строго определенного направления общественной мысли. Так, в 60-е годы, оказавшись в Москве, в начале своей столичной журналистской карьеры, в одном из писем он отмечал: «Я не принадлежу по своим убеждениям ни к конституционалистам, ни к красным, ни к Каткова партии, ни к партии Чернышевского, ни к партии «Времени». Вас, конечно, это может удивить, а я не знаю, сумею ли я объяснить, к какой же, собственно, партии я принадлежу»[1]. Подобные высказывание не были бравадой или демонстрацией – просто политические взгляды А.С.Суворина в значительной степени зависели от конкретных политических и личных обстоятельств. В мае 1866 года, ожидая судебного разбирательства по поводу своей книги «Всякие» и наблюдая за усилением правительственных репрессий в связи с покушением Каракозова на Александра II, в одном из писем он утверждал, что в последнее время почувствовал особенное отвращение к нигилистам, стал совершенным славянофилом и «даже к конституции почувствовал омерзение».

В связи с заявленными славянофильскими симпатиями представляет значительный интерес отношение А.С. Суворина и его издания к проблеме создания представительного органа от различных слоев населения для участия в решении важнейших вопросов государственной жизни. Ведь именно славянофилы выступили с лозунгом «Мнение – народу, власть – царю» и в связи с этим вспомнили о Земских соборах в допетровской России. На правительственном уровне идею преобразования Государственного совета в выборный совещательный орган еще в начале 60-х годов XIX в. сформулировал министр внутренних дел гр. П.А. Валуев. Во второй половине 1880 – начале 1881 гг. в обществе вновь оживился интерес к этой проблеме. Проект либералов и графа М.Т. Лорис-Меликова, предусматривавший изменение состава и способа комплектования Государственного совета, подробно рассмотрен известным историком П.А. Зайончковким.

«Новое время» также высказалось за привлечение различных слоев населения к деятельности Государственного совета и за развитие общественной инициативы. Из-за статьи подобного рода Александр II высказался за вынесение газете очередного предостережения.

Сам А.С. Суворин, зная о подобного рода проектах, в начале февраля 1881 года в письме И.С. Аксакову признавался в своих сомнениях по их поводу и неготовности занять определенную позицию. Все же при Лорис-Меликове он поддержал идею созыва Земского собора.

Новый виток идея воссоздания сословно-представительных органов получила с приходом на пост министра внутренних дел графа Н.П. Игнатьева. Речь идет о его проекте созыва Земского собора, приуроченного к коронации Александра III. Избранный с учетом высокого имущественного ценза, собор должен был обеспечить господство крупных землевладельцев. Из числа 4000 депутатов 1000 предполагалась от крестьян. По мнению автора проекта Н.П. Игнатьева, торжества коронации должны отличаться всенародным характером, чтобы все могли убедиться в безграничной преданности России новому императору. «Государь обратился бы к выборным с несколькими милостивыми словами, они заявили бы о своих нуждах, тем дело и кончилось бы; произведен был бы эффект, а вреда не было бы не малейшего». Игнатьев в разговоре с царем утверждал, что собор не будет иметь даже законосовещательного характера. Тем не менее, для рассмотрения вопроса о созыве Земского собора император решил созвать совещание. По отзывам Е.М. Феоктистова, чувствуя шаткость своей позиции, Игнатьев попытался подготовить почву для совещания, переговорив с некоторыми высокопоставленными чиновниками (например, М.Н. Островским), но поддержки не получил.

Князь В.П. Мещерский, также отрицательно относившийся к идее министра внутренних дел, в своих воспоминаниях утверждал, что Н.П. Игнатьев обратился к нему за помощью, прося опубликовать статью в защиту нового учреждения. По версии князя, сам того не желая, он напечатал подобную заметку и вынужден был объясняться с К.П. Победоносцевым, ярым противником идеи Игнатьева.[2]

Противником созыва Земского собора выступил и М.Н. Катков, обращая внимание на сходство идей созыва собора и Учредительного собрания, выдвигавшейся членами революционной «Народной воли». Редактор «Московских ведомостей» обратился с запиской соответствующего содержания к царю, указывая в очередной раз на опасность предполагаемой меры. Подобное массированное наступление со стороны крайних консерваторов, во главе с К.П. Победоносцевым, а также собственные воззрения Александра III сыграли свою роль – на заседании в Гатчине 27 мая 1882 года план Игнатьева был резко осужден и провален.

Любопытно отметить, что в 1881 году, несмотря на колебания издателя, «Новое время» выступало в защиту Земских соборов, видя в них форму реализации исконной для страны национальной идеи. В то же время на страницах издания публиковались и иные мнения по данному вопросу. Так, известный историк Костомаров достаточно скептически отнесся к вкладу этих учреждений в развитие русской государственности в допетровский период. Несмотря на то, что современники часто упрекали Суворина в том, что многие из его статей появлялись под влиянием сиюминутных порывов и выгод, это верно лишь отчасти. Как мы увидим в дальнейшем, идея созыва Земского собора оказалась ему достаточно близка, и он неоднократно возвращался к ней в дальнейшем.

Мысль о необходимости создания народного представительства в стране в 90-е годы получила дальнейшее развитие в деятельности различных земских организаций. Председатель Московской губернской земской управы Д.Н. Шипов полагал, что «власть монарха должна быть сильной, но сама она может быть таковой только в том случае, когда она пользуется доверием народа». С точки зрения земского деятеля, стране необходим был минимум политических свобод. Народное мнение должно быть независимо от чиновничье-бюрократического аппарата самодержавия. Для того чтобы царь имел о нем представление, необходимо создание совещательного органа при Государственном совете или другом высшем бюрократическом учреждении. В состав этого органа должны были войти представители от земских собраний или управ.[3]

В начале XX века в связи с обострением внутриполитической и внешнеполитической обстановки в стране идея о необходимости создания народного представительства вновь проникает в среду умеренных консерваторов. А.С. Суворин в своем «Дневнике» 23 января 1902 года, давая характеристику некоторым государственным деятелям и ситуации в стране в целом, приходил к мысли о необходимости решительных реформ, создании «чего-то вроде земского собора», обеспечения личности и свободы, которая бы не давала разгуливаться произволу. Идея создания Земского собора и проведения реформ для стабилизации обстановки в стране не покидает его и позже. Агитацию за созыв народного представительства он ведет и в среде высшей бюрократии. В период первой русской революции в его дневнике появляются воспоминания о встрече в апреле 1902 года с министром внутренних дел В.К. Плеве, в ходе которой издатель доказывал необходимость введения нового органа. Факт встречи не подтверждается дневниковыми записями Суворина соответствующего периода. Подтверждение ему находим в дневнике генеральши А.В. Богданович, которая, будучи хозяйкой известного великосветского салона, 21 мая 1902 г. писала, что, разговаривая с министром о Земском соборе, Суворин так разошелся, что выразил сожаление по поводу того, что этот орган не был создан еще при Лорис-Меликове. 7 октября 1904 г. он упоминает о состоявшейся за несколько дней до этого своей беседе с князем Святополк-Мирским. В дневниковой

записи также шла речь о записке С.Ю. Витте относительно земства и письме Суворина по поводу этой записки. Издатели «Дневника» и исследователь С. Шумихин полагают, что автором записки был Суворин. Этот документ как нельзя лучше характеризует его политические взгляды данного периода. Открещиваясь от «конституциализма», он выражает опасения по поводу возможного распада России и принижения русской народности. Он остается противником равноправности евреев и предлагает создать границы для полномочий администрации, рядом с которой должно находиться земство, четко представляющее свои права и обязанности. Земский собор, с его точки зрения, укрепил бы самодержавие.[4]

Генеральша А.В. Богданович, передавая в своем дневнике содержание беседы с А.С. Сувориным 20 декабря 1904 г., утверждала, что издатель «Нового времени» дал весьма негативную оценку деятельности князя Святополк-Мирского на посту главы министра внутренних дел. Критикуя законодательные акты данного периода, Суворин настойчиво высказывался против конституции и за созыв Земского собора. Последняя мера, если бы она была реализована после смерти В.К. Плеве, по его мнению, могла бы разрядить ситуацию в стране.

Чуть позже А.В. Богданович сообщает о препонах, которые якобы чинили власти А.С. Суворину в деле агитации за создание нового государственного учреждения. Владелец газеты при встрече 4 января 1905 г. жаловался хозяйке великосветского салона, что у него лежит готовая статья о Земском соборе, которую редактор издания Ф.И. Булгаков советует пока не публиковать, ссылаясь при этом на рекомендации Н.И. Зверева, в 1902–1904 гг. занимавшего пост начальника Главного управления по делам печати[5].

Начавшаяся в 1904 г. русско-японская война и первая русская революция 1905–1907 гг. резко усилили интерес в обществе к теме народного представительства. У сторонника созыва Земского собора А.С. Суворина появились весьма серьезные оппоненты из числа публицистов консервативного направления. На страницах «Нового времени», в публикуемых издателем «Маленьких письмах», он дал ответ наиболее маститым из них – С.Ф. Шарапову, редактору-издателю «Русского дела» и В.П. Мещерскому, редактору-издателю «Гражданина».

С.Ф. Шарапов полагал, что страну в январе 1905 г. не смогут спасти ни парламентаризм, ни Земский собор. Известный публицист выражал опасение, что новое учреждение может стать просто очередной ложью эпохи. «Нынешняя Россия еще долго не может дать Земского собора. Дай Бог, чтобы она дала теперь несколько на что-нибудь похожих земских областных собраний»[6].

Князь В.П. Мещерский считал, что в условиях катастрофических поражений на фронтах русско-японской войны на созыв Земского собора нет времени. Его вполне могут заменить три высших государственных учреждения – Государственный совет, Сенат и Синод, на рассмотрение которых следует передать вопрос о войне и мире[7]. Орган народного представительства нужно создать после войны, в спокойной обстановке.

Отвечая Шарапову, «последователю славянофилов», А.С.Суворин опирался на авторитет И.С..Аксакова, «поклонника самодержавия, укрепляемого представительством Земского собора», который, с точки зрения издателя «Нового времени», «ни при каких политических обстоятельствах не сказал бы ничего подобного». Доказывая несостоятельность мнения оппонента, Суворин совершил экскурс в историю создания и функционирования Земских соборов. В полемическом задоре и из политических соображений он весьма активно смешивал правду с вымыслом.

Рассматривая историю этих сословно-представительных учреждений с эпохи Смутного времени XVII века, он продлил ее до века XVIII, поскольку Уложенная комиссия Екатерины II, с точки зрения публициста, также являлась органом народного представительства. Он категорически отвергал критические замечания М.М. Сперанского, высказанные в адрес этого учреждения в 1809 г. Реформатор полагал, что Уло-

женная комиссия оказалась политически незрелой, беспомощной и не выдвинула из своей среды значительных государственных деятелей. А.С. Суворин считал эти выводы абсолютно ложными. Далее издатель «Нового времени» писал о попытках графа Н.П. Игнатьева созвать Земский собор в период коронации Александра III. В провале этого проекта он в значительной степени обвинял само министерство внутренних дел, которое не смогло отстоять свою точку зрения в силу слабого знания предмета. А.С. Суворин считал, что император Александр III сочувствовал идеалу самодержавия, стоящего в тесном единении с представителями народа.

Идея о значительном вкладе Земских соборов в сохранение русской государственности в эпоху Смутного времени представляется нам вполне соответствующей историческим фактам. В некоторой степени можно согласиться с мнением Суворина о том, что депутаты Уложенной комиссии «принесли верную картину тогдашнего состояния России». Однако со многими из высказанных владельцем «Нового времени» мыслей едва ли можно согласиться. Картина положения дел в стране была бы более объективной, если бы в среде депутатов Уложенной комиссии не было столь подавляющего преобладания дворянства. Если при этом учесть, что крепостные крестьяне от участия в работе этого органа были устранены, а представители инородцев, хотя и приглашенные впервые присутствовать на заседаниях, играли скорее роль нарядной декорации – восторги журналиста по поводу результатов деятельности комиссии все же видятся несколько преувеличенными. Если умолчания Суворина по поводу роли и места депутатов от национальных окраин вполне объяснимы его националистическими взглядами, то с вопросом об устранении значительная части крестьянства дело обстоит иначе. До этого момента и позже в дискуссии о судьбе народного представительства он всегда стремился выставить себя защитником именно крестьянских интересов.

Совершенно нельзя согласиться с суворинской оценкой взглядов Александра III на проблему народного представительства. Известные на сегодняшний день документы и материалы, исследования современных исследователей позволяют утверждать, что никакого сочувствия идея создания народного представительства и, тем более, сотрудничества с ним самодержавной власти у императора не вызывала. Суворинский аргумент о том, что именно в бытность Александра III наследником престола были опубликованы материалы екатерининской комиссии, не заслуживает серьезного внимания.

Представляют интерес доводы, которые Суворин использует в дискуссии с князем В.П. Мещерским. Возражая на его предложение о созыве трех высших государственных учреждений вместо Земского собора, издатель «Нового времени» называл Государственный совет представительством бюрократии. Сенат, по его мнению, не мог говорить за страну, а представителям Синода это невозможно в силу их сана, который предписывал любить не только друзей, но и врагов.

Взгляды Суворина на роль и место бюрократии в жизни русского общества весьма примечательны. Не являясь, по его собственному утверждению, врагом бюрократии, «которая сделала много полезного и прочного», он все же критически оценивает ее вклад в развитие русской государственности после Петра I. Публицист полагал, « что она не в силах больше справиться с тем громадным организмом, в который превратилась наша империя… Вращаясь в своем заколдованном круге, она не может обновиться и не обновится, пока не явится обновление в призыве народных сил»[8] Подобные мнения высказывались в среде славянофилов и умеренных консерваторов во второй половине XIX в.

Вскоре настал момент, когда Суворин на страницах газеты вынужден не только полемизировать с противниками создания нового учреждения, но и доказывать, что он сам не принадлежит к их числу. В мае 1905 г. «одна газета» обвинила его в том, что на заседании редакторов петербургских изданий у князя Святополк-Мирского он выступал за перенесение сроков созыва на октябрь 1905 г. Восстанавливая хронологию собы-

тий, Суворин напоминал, что в ноябре 1904 г., откликаясь на страницах газеты на созыв съезда земских деятелей, он писал, что «…необходимо нечто большее, более независимое, более широкое и действительно представляющее собой население и его нужды». Призывал он обратиться к народу и после известия о сдаче Порт-Артура, в декабре 1904 года. Описывая события января 1905 г., он настаивал на том, что сама инициатива встречи с министром внутренних дел и предложение о созыве Земского собора принадлежали именно ему. Говоря о встрече со Святополк-Мирским 11 января 1905 г. редакторов столичных изданий, Суворин уточнял, что, передавая министру соответствующую записку, он предлагал о созыве Земского собора объявить немедленно, образовать смешанную комиссию из представителей правительства и выборных для разработки системы выборов, а сам собор созвать осенью. Нынче же, в мае 1905 г., в условиях катастрофических поражений на фронте, он неоднократно выступал на страницах газеты за немедленный созыв Земского собора.

Суворинскую трактовку событий, связанных с январским совещанием 1905 г., отчасти подтверждает дневник А.В. Богданович. 12 января 1905 г., переписывая присланный ей адрес редакторов столичных газет, она упоминает требование созыва собора и уточняет, что Суворин выступал при составлении первой редакции документа лишь против обращения к стачечникам[9].

Отметим, что при столь активной агитации за созыв Земского собора и стремлении присвоить себе в этом деле пальму первенства, представления о полномочиях будущего учреждения, его составе, принципах избирательной системы были у А.С. Суворина весьма туманны.

Утверждая, что «новый порядок не должен прерывать своей связи с историей», он настаивал на том, что Земский собор не может стать собором из земских собраний, из председателей земских управ и гласных, так как земство, на 70% состоящее из представителей дворянства, «не имеет права считать себя выразительницей империи». Он неоднократно указывал на необходимость привлечения к участию в работе Земского собора представителей от крестьян и высказывал ряд интересных соображений по поводу желательности сохранения за новым органом именно этого названия. Он полагал, что оно ближе всего и понятнее всего таким слоям населения, как крестьяне и старообрядцы. Отдавая дань своим антисемитским настроениям, он высказывался в том смысле, что «Учредительное собрание довольно легко себе представить без крестьян, но непременно с евреями, но Земский собор без значительного количества крестьян – бессмыслица»[10].

От лица неназванного собеседника (от большей части идей которого он поспешил отмежеваться вскоре) Суворин на страницах своей газеты ратовал за преобладание коренного населения в составе собора, допуская при этом национальные и конфессиональные партии. Неизвестный собеседник предложил не устранять женщин от избирательного процесса, и публицист не только согласился с ним, но в дальнейшем продолжал на этом настаивать, так как «есть женщины, которые своим умом и влиянием даже очень даровитым государственным людям и при этом в хорошую сторону»[11]. При этом он считал, что женщины должны участвовать в выборах лично.

Как раз в вопросе о выборах взгляды Суворина достаточно неопределенны. Он то считал его наиважнейшим, требующим серьезной научной проработки, то в критических условиях не столь уж значимым. Признавая эту свою слабость, он пытался обратиться к историческому опыту выборов в Уложенную комиссию, но без особого успеха. Единственное, что можно утверждать точно – Суворин выступал протии всеобщего избирательного права.

Если говорить о целях создания и полномочиях нового органа, то, суммируя все опубликованное по этому поводу Сувориным в «Маленьких письмах» 1905 г., мы получим следующую картину: Земский собор должен был стать постоянно действующим

органом, целью которого на данном этапе стали бы объединение нации и борьба с революцией в условия паралича правительственной власти. Он должен был создать условия и продемонстрировать единение царя и народа, усилить патриотические настроения в условиях поражений на фронте. Заседания собора должны были способствовать политическому воспитанию народа и стать кузницей государственных кадров. С учетом продолжавшихся боевых действий на его рассмотрение мог быть вынесен вопрос о продолжении войны или заключения мира (при этом он не подменял бы собой профессиональных дипломатов)[12].

Таким образом, можно утверждать, что в вопросе о возможном народном представительстве в лице Земского собора в начале XX века А.С. Суворин, хотя и придерживался взглядов, схожих с взглядами славянофилов и ряда земских деятелей, но переосмысливал их в собственном ключе. Многое им было сделано для пропаганды этих взглядов в обществе. А.В. Богданович, рассказывая о колебаниях издателя «Нового времени» в 1905 г., утверждала, что по рассказам близко знавших его людей «он боится быть и либералом, и консерватором». Надо признать, что взгляды Суворина в отношении Земского собора можно отнести к умеренно консервативным, и их он отстаивал достаточно последовательно.

---

[1] Динерштейн Е.А. А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М. РОССПЭН. 1998. С.16.
[2] См.: Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). Воспоминания. М., Новости. 1991. С.205-206;Мещерский В.П. Воспоминания. М., Захаров. С.489-491.
[3] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия.Идеология и практика.М., Прогресс-традиция. 2000. С.364.
[4] Дневник А.С. Суворина. 2ое изд., London. The Garnett Press., М. Издательство Независимая Газета. 2000. С.430,474, 592.
[5] Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., Изд-во «Новости». 1990. С.325, 330.
[6] «Новое время». 1905. 16 (29) января.
[7] Там же. 1905. 21 мая (3 июня).
[8] Алексей Суворин. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма. (1904-1908). М. Алгоритм. 2005. С. 219.
[9] Богданович А.В. Указ. соч. С.336- 337.
[10] Алексей Суворин. Русско-японская война… С. 220, 232.
[11] Там же. С.233, 239.
[12] Там же. С.315-317, 308-313, 325,335, 312, 323.

МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ В 1917 ГОДУ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

И.А. Тропов

В февральские дни 1917 года, когда стихийные демонстрации в Петрограде стремительно перерастали в широкое революционное движение по всей стране, царская власть в центре и на местах оказалась практически в полной политической изоляции, что обеспечило сравнительную легкость победы революции. Даже представители монархического лагеря признавали, что самодержавие в те дни «отошло тихо, почти незаметно, без борьбы, не цепляясь за жизнь – даже не пытаясь сопротивляться смерти. Так умирают только очень старые, вконец истощенные организмы…»[1].

Отречение от престола императора Николая II и вел. кн. Михаила, дезинтеграция и развал правительственных структур в столице не могли не отразиться на региональной власти. Местный административно-полицейский аппарат (губернаторы, полицмейстеры и пр.) оказался застигнутым петроградскими событиями врасплох. «Сверху» никаких указаний о том, как вести себя в изменившейся обстановке, не поступало, а проявлять инициативу самим было и непривычно, да и небезопасно. Кроме того, напряженность и волнения в различных воинских частях (например, в Кронштадте, Гельсингфорсе, в городах Псковской губернии и др.) убеждали губернаторов, что надежных сил для противодействия нарастающей революции просто не существует. Пассивность местной царской администрации являлась ярким доказательством кризиса всей системы российского самодержавия. «Немного есть примеров в истории человечества, – отмечал по этому поводу М. Флоринский, – когда слабость и непригодность политического режима выявились с такой поразительной силой»[2]. Слабость местных властей придавала уверенности противостоящим царизму силам, а известие об отречении монарха значительно активизировало их. В результате традиционные органы административной власти на местах либо сами фактически упразднились, либо были разогнаны, а часть чиновников была подвергнута аресту. Так, например, в Новгородской губернии, по сообщению прокурора окружного суда Юренева, первые волнения произошли уже вечером 28 февраля 1917 года, вследствие чего «вооруженной толпой были обезоружены чины полиции и освобождены [из тюрем] все арестованные». Вечером 2 марта «было сожжено все делопроизводство полицейских управлений и частей, канцелярии губернатора и тюремного инспектора… Губернатор, вице-губернатор, чины жандармерии и полиции были арестованы». Власть в свои руки взял Комитет общественного спокойствия во главе с председателем губернской земской кассы мелкого кредита А.А. Булатовым[3].

Совершенно очевидно, что Временное правительство во главе с кн. Г.Е. Львовым с самых первых дней марта 1917 г. было вынуждено вплотную заняться реорганизацией местных органов государственной власти. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть, насколько кардинальными были эти преобразования, что нового в структуру местных органов власти весной – осенью 1917 г. внесло Временное правительство и, вместе с тем, что сохранилось от административного аппарата «старой» России.

Вместо губернаторов 5–6 марта 1917 г. были учреждены должности губернских комиссаров, в подчинении которых находились уездные и городские комиссары Временного правительства, заменившие собой земских начальников. На новые должности назначались, как правило, председатели губернских и уездных земских управ и городские головы. В адресованных им циркулярных телеграммах, подписанных Г.Е. Львовым, говорилось: «Придавая самое серьезное значение, в целях устроения порядка внутри страны и для успеха обороны государства, обеспечению безостановочной дея-

тельности всех правительственных и общественных учреждений, Временное правительство признало необходимым временно устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанностей. Управление губернией возлагается на Вас в качестве губернского комиссара Временного правительства со всеми правами, предоставляемыми действующими узаконениями губернатору с сохранением за Вами руководительства работой губернской земской управы». Далее сообщалось о возложении обязанностей уездных комиссаров на председателей уездных земских управ и о необходимости «переформирования» полиции в народную милицию[4].

Новизна принятого решения состояла в том, что Временное правительство избрало в качестве своей социальной опоры на местах высший слой земских деятелей. Раньше эти люди, служившие в системе органов местного самоуправления, не входили в состав административного аппарата. Вместе с тем, председатели большинства земских управ принадлежали, как и ранее губернаторы и вице-губернаторы, к дворянскому сословию. Кроме того, руководство земских и городских управ, избранное на основе недемократичных по своей сути «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» (1890 г.) и «Городового положения» (1892 г.), в целом отличалось консерватизмом и не пользовалось поддержкой широких народных масс. Получалось, говоря словами В.Д. Набокова, что данная инициатива Временного правительства свелась «к лишенной всякого смысла и основания замене одних чиновников – другими, далеко не лучшими…». Произошло это, по мнению того же автора, потому, что правительству приходилось «считаться не с существом, не с действительными реальными интересами, а с требованиями революционной фразы, революционной демагогией и предполагаемыми настроениями масс»[5]. И хотя в этой характеристике отчетливо чувствуется критическое отношение Набокова к решению о ликвидации губернаторских должностей, нельзя не заметить, что Временному правительству был свойственен новый, не характерный для царского самодержавия подход. В ответ на имевшие место протесты местных жителей против назначения тех или иных лиц в качестве комиссаров[6], правительство приняло, хотя и не повсеместно, принцип согласования кандидатур губернских комиссаров с местными общественными комитетами[7]. По-видимому, речь должна идти не о том, что правительство потворствовало «революционной демагогии», а о том, что оно (по крайней мере, первоначально) стремилось к проведению достаточно гибкой политики, учитывающей общественные настроения на местах.

Впрочем, степень зависимости центральной и местной административной власти от настроений масс не следует преувеличивать. Когда, например, новгородский губернский съезд Советов и демократических организаций 24 июля 1917 года выразил недоверие губкомиссару А.А. Булатову, признав его деятельность «не демократической и направленной против органов революционной демократии», и представил на утверждение министра внутренних дел кандидатуру члена губсовета А.В. Бильдзюкевича, эта инициатива не была поддержана Временным правительством[8]. Очевидно, что это было связано с нежеланием правительства выпустить власть из своих рук, уступив инициативу Советам.

Цели и задачи правительственных комиссаров, как явствует из приведенного выше циркуляра Г.Е. Львова, принципиально не отличались от функций бывших губернаторов. Они так же, как и их предшественники, должны были исполнять роль «хозяина губернии», надзирающего за законностью деятельности различных местных учреждений и гражданских лиц и поддерживающего «тишину и порядок» на вверенной территории. В своей деятельности губернский комиссар опирался, прежде всего, на уездных и городских комиссаров, которые должны были предоставлять ему информацию: 1) о «нарушениях земельных прав» (например, о самовольной запашке крестьянами чужой земли, незаконной рубке леса и проч.); 2) о «волнениях и происшествиях в фабрично-

заводской и торгово-промышленной жизни» (забастовках и т.п.); 3) об «агитации против нового правительства и поставленных им властей, возбуждения одной части населения против другой на почве национальной, вероисповедной или партийной розни»; 4) «о всех произведенных ими правонарушениях в других областях местной жизни»; 5) необходимо было фиксировать также «самоуправные действия отдельных лиц и различных групп, направленные к воспрепятствованию местным органам государственной власти осуществлять свои правомочия или же [к] самовольному осуществлению отдельными лицами и различными группами прав и обязанностей, принадлежащих означенным государственным органам» (самовольные аресты или освобождение из-под стражи и т.п.)[9]. На основании получаемых с мест сведений губкомиссары, как и ранее губернаторы, составляли отчеты и донесения, которые они направляли в вышестоящие инстанции, прежде всего в Министерство внутренних дел[10]. Кроме того, согласно принятому 19 сентября 1917 года «Временному положению»[11], губкомиссары или их помощники должны были председательствовать во всех комитетах, комиссиях и других учреждениях, где раньше председательствовали губернаторы и вице-губернаторы.

Хотя в статусе и деятельности комиссаров Временного правительства было немало схожих черт с ранее существовавшей должностью губернаторов, сами представители новой власти признавать этого категорически не желали. Так, например, товарищ министра внутренних дел В.Я. Гуревич, выступая на заседании Совещания по реформе местного самоуправления 19 августа, подчеркивал, что «нельзя переносить старого недоверия к губернатору на комиссара – представителя новой, народной власти»[12]. В действительности же, как показывают опубликованные и архивные источники, комиссары Временного правительства, вопреки первоначальным замыслам о единении с общественными организациями, были оторваны от широких народных масс и, по мере нарастания революционного движения в стране, все больше сбивались «на авторитарные меры управления, теряли опору в массах и тем самым сталкивали рабочих, солдат и крестьян в леворадикальный лагерь»[13]. Это означает, что методы, которыми пользовались местные власти для «восстановления нарушенных прав» и «водворения порядка», совершенно не изменились по сравнению с теми, которые использовались в царской России.

Помимо уездных и городских комиссаров, опорой новых начальников губерний должны были стать органы самоуправления и милиция. Решение Временного правительства о возложении комиссарских обязанностей на земских деятелей вселяло во многих представителей российской интеллигенции надежду на то, что именно институтам самоуправления будет «принадлежать вся полнота власти на местах», что «через них государство должно осуществлять свою волю на периферриях»[14]. Однако в действительности этого не получилось. С одной стороны, чрезвычайно широкими были полномочия не муниципалитетов, а именно местных правительственных чиновников. С другой стороны, в силу нараставшей весной–летом 1917 г. социальной и политической дифференциации, центристский лагерь неуклонно размывался, и надежды народа на улучшение ситуации в стране связывались уже не с парламентской демократией, а с революционной диктатурой. Поэтому, несмотря на принятые Временным правительством, да и то с большой задержкой, меры по демократизации системы местного самоуправления (21 мая 1917 г. были приняты законы «О производстве выборов уездных и губернских земских гласных» и «О волостном земском управлении», 9 июня – «Об изменении действующего положения о губернских и уездных земских учреждениях» и «Об изменении действующих положений об общественном управлении городом»), земства и городские думы, а также возникшие на их базе «комитеты общественной безопасности» не стали центрами консолидации и политической стабилизации в стране.

В отличие от дореволюционного времени, когда земства были важными центрами противостояния царскому самодержавию и бюрократии, в послефевральский период органы местного самоуправления были лояльно настроены по отношению к административной власти. Так, Петроградское губернское собрание приветствовало Временное правительство «как единственную законную власть России», которая «немедленно приступит к осуществлению реформ на возвещенных им основах». Будучи заинтересованными в победе над внешним врагом и в обеспечении внутренней стабильности, земства обещали правительству приложить «все силы к неустанной планомерной широкой работе, дабы помочь привести страну к светлому будущему»[15]. Не удивительно, что после падения Временного правительства тесно связанные с ним земства не смогли найти своего места в новой политической системе.

Обеспечением личной и имущественной безопасности граждан были призваны заниматься органы народной милиции, которые стали формироваться в первые же дни после победы Февральской революции. 10 марта 1917 г. при МВД было образовано Главное управление (первоначально именовалось Временным управлением) по делам милиции. В середине апреля было принято «Временное положение о милиции». В губерниях инспектора милиции назначались МВД, в уездах, городах и волостях милиция избиралась соответствующими органами местного самоуправления и находилась в их непосредственном ведении. Выборность была, безусловно, новым словом в формировании правоохранительных органов в стране, и, как ожидалось, участие народа в их формировании приведет к тому, что милиционерами будут «люди вполне преданные Временному правительству, безусловно честные, неподкупные и трезвые»[16]. Кроме того, в отличие от дореволюционных органов обеспечения правопорядка, милиция строилась на принципе децентрализации власти, что в тот период воспринималось в качестве демократичной по своему характеру меры. И, наконец, новизна состояла в том, что милиция должна была представлять собой такую силу, которая служит «лишь для защиты отечества и народа, а не для удовлетворения завоевательных стремлений его правителей»[17]. Но введенное Временным правительством новшество обернулось большой проблемой как для общества, так и для самой власти. Народная милиция значительно уступала царской полиции по уровню своей подготовки, составу, материально-техническому обеспечению и, наконец, по степени своей подконтрольности центральным властям[18]. Как замечали современники, иногда «в милицейские назначались не люди, годные в стражу общественного порядка, но «свои» подростки, которых нужно было пристроить», между ними встречались также «и зрелые из преступных элементов, сумевшие примазаться к новому строю, оставаясь верными своему прошлому»[19]. Наконец, были случаи, когда на службе в милиции состояли бывшие полицейские[20], что вполне объяснимо, если учесть, что именно они обладали опытом и знаниями, которых так не хватало «милицейским» чинам. В целом как по организованности, так и по эффективности деятельности народная милиция серьезно уступала полиции. Она в целом сыграла большую роль в борьбе с отдельными нарушениями «общественной тишины и спокойствия», но полностью выполнить эту задачу оказалась не в состоянии.

Новым явлением в политической системе России стали Советы, которые в отличие от 1905 года, создавались весьма интенсивно и повсеместно. Только за одну неделю (с 27 февраля до 5 марта 1917 г.) Советы рабочих и солдатских депутатов возникли более чем в тридцати крупных городах России. К концу марта в провинции существовало 242 Совета рабочих депутатов[21]. Создание Советов означало движение к децентрализации управления, утверждению принципа единства законодательной и исполнительной властей, приобщению широких слоев трудящихся к участию в решении актуальных задач государственного управления. В то же время нельзя не заметить, что Со-

веты были модифицированным воплощением идеи соборности и общинного самоуправления, присущего дореволюционной России[22].

Итак, Февральская революция открыла простор для многих изменений в устройстве государственной власти. Ушли в прошлое губернаторы, земские начальники, полиция. Их место заняли комиссары, земства и народная милиция. Претензии на власть высказывали общественные исполнительные комитеты и Советы. Впрочем, изменения в системе местной власти во многом носили внешний характер, что отразилось, например, в статусе и деятельности комиссаров Временного правительства. В конечном счете, проблема состояла не столько в сохранении «старых» и наличии «новых» элементов в системе управления, сколько в адекватности их сочетания и общей эффективности функционирования. Решить эту задачу Временному правительству не удалось. Распыленность и слабость местных органов власти способствовали углублению социально-политического кризиса в стране в 1917 году.

---

[1] Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 361.
[2] Florinsky M. The End of the Russian Empire. – New Haven, 1931. – P. 265.
[3] Установление Советской власти в Новгородской губернии (1917 – 1918 гг.). Сб. документов и материалов. – Новгород, 1957. – С. 31– 32.
[4] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 8309. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.
[5] Набоков В.Д. Временное правительство (воспоминания). – М., 1924. – С.44. В воспоминаниях русского дипломата и юриста Г.Н. Михайловского содержится пересказ доверительной беседы главы МИДа П.Н. Милюкова со своими сотрудниками. Милюков утверждал, что «левые производят «большой напор», и что единственная объективно возможная тактика заключается в том, чтобы «говорить левые слова» с целью удержаться у власти и затем при благоприятном случае «овладеть движением»…». См.: Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914 – 1920 гг.: В 2-х кн. Кн. 1. Август 1914 г. – октябрь 1917 г. – М.: Международные отношения, 1993. – С. 261.
[6] Подробнее см.: Земское самоуправление в России, 1864 – 1918: в 2 кн. / [отв. ред. Н.Г. Королева]. Кн. 2: 1905 – 1918. – М.: Наука, 2005. – С. 320.
[7] Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 163.
[8] Установление Советской власти в Новгородской губернии… – С. 54 – 55.
[9] ЦГА СПб. Ф. 8309. Оп. 1. Д. 23. Л. 62 – 62 об.
[10] См., напр.: Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии. 1917 – 1918 гг.: Сб. документов. – Псков, 1957. С. 58 – 61.
[11] Временное положение о губернских (областных) и уездных комиссарах // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. Отдел первый. 1917. № 246. Ст. 1749.
[12] ЦГА СПб. Ф. 8309. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об.
[13] Герасименко Г.А. Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопросы истории. 2005. № 7. – С. 15.
[14] Веселовский Б.Б. Самоуправление на рубеже новой жизни // Земское дело. Март 1917. № 5 – 6. С. 203.
[15] Текущая земская жизнь // Там же. Апрель 1917. № 7. С. 295.
[16] ЦГА СПб. Ф. 8309. Оп. 1. Д. 51. Л. 15.
[17] Пименова Э. [К]. Постоянное войско и народная милиция. – Пг.: Изд-во «Книга», 1917. – С. 15.
[18] Подробнее см.: Тропов И.А. Проблемы функционирования милиции в Петроградской губернии (по материалам губернского совещания 27 сентября 1917 г.) // Герценовские чтения 2005. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научных и учебно-методических трудов. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – С. 97 – 99.
[19] Врангель Н.Е. Воспоминания… – С. 363.
[20] См., напр.: Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918 – 1930 гг. Сборник документов в двух книгах. Книга первая. – СПб.: Нестор-История, 2006. – С. 30.
[21] Минц И.И. История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия в России. – М., 1977. С. 668.
[22] Малышева Е.П. Формирование и функционирование партийно-советской политической системы // Представительная власть в России: История и современность. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 382.

3 СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Т.Е. Сиволап, Г.В. Алексеев

В условиях усиливающегося экологического кризиса широкое распространение получили процессы выведения из хозяйственного оборота и заповедания природных ландшафтов. Интенсивно развивается система природоохранных учреждений – заповедников, заказников, национальных парков, имеющих различный заповедный режим. Вместе с тем исчезновение на планете многих уникальных ландшафтов привело к мысли о необходимости включения подобных объектов природы в понятие «наследие» со всеми организационными мерами по их сохранению, освоению и использованию. Среди объектов, включенных ЮНЕСКО в список уникальных памятников, появились природные ландшафты.

Особо охраняемые природные территории в соответствии с действующим законодательством – это участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны. Особо охраняемые природные территории относятся к объектам общенационального достояния.[1]

Памятниками природы объявляются отдельные уникальные природные объекты и комплексы, ценные в экологическом, научном, историко-культурном, эстетическом и эколого-просветительском отношении и нуждающиеся в особой охране государства. Основной целью объявления природных объектов и комплексов памятниками природы является сохранение их в естественном состоянии. Для охраны таких природных объектов устанавливается особый правовой режим, создаются особо охраняемые природные территории.

Наряду с памятниками природы с учетом особенностей режима охраны и статуса находящихся на них природоохранных учреждений выделяют следующие категории особо охраняемых природных территорий: государственные природные заповедники, в том числе биосферные, национальные парки, природные парки, государственные природные заказники, дендрологические парки и ботанические сады, лечебно-оздоровительные местности и курорты. Специфическое место среди указанных категорий занимает такая разновидность государственных природных заповедников, как биосферные, входящие в международную систему биосферных резерватов, осуществляющую глобальный экологический мониторинг, и биосферные полигоны, на которых проводятся экспериментальные работы экологического характера. Правовой режим охраны природных объектов устанавливается законодательством в области охраны окружающей среды, а также законодательством о природном и культурном наследии.[2]

В законодательстве встречается также понятие «природный комплекс, взятый под охрану государства». Речь идет о природно-географических объектах (ландшафтах), не имеющих статуса особо охраняемой природной территории, но представляющих собой целостные однородные участки территории, где органично соединены природные, исторические и культурные достопримечательности (усадьбы, музеи-

усадьбы, музеи-заповедники и др.). Ряд природных комплексов включен в Список объектов всемирного культурного и природного наследия, ежегодно обновляемый во исполнение Конвенции ЮНЕСКО 1972 г., в который входят по категориям: «культурное наследие», «природное наследие», «природно-культурное наследие». Наряду с уникальными памятниками русской культуры туда включены озеро Байкал, Алтай, долина гейзеров на Камчатке, Беловежская Пуща и др.

Как отмечает Ю.А. Веденин, существенное значение в настоящее время приобрело понятие «культурный ландшафт», под которым понимается «целостная и территориально-локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и жизнеобеспечивающей деятельности людей».[3] Важнейшей частью культурного ландшафта является культурное наследие, сохраняемое в виде овеществленных объектов традиционной деятельности людей или информации. М.А. Полякова указывает, что культурные ландшафты можно подразделить на целенаправленно созданные и естественно сформировавшиеся. К первым относятся объекты ландшафтной архитектуры (парки, сады и др.). Функциональное предназначение этих ландшафтов сообразуется с их эстетическими качествами. Среди вторых выделяются реликтовые, ископаемые и развивающиеся ландшафты.[4]

Применение концепции культурного ландшафта связано с формированием новых подходов к сохранению культурного и природного наследия. Некоторые идеи этой концепции успешно используются в создании системы биосферных заповедников. Основой любого биосферного заповедника является взаимосвязь между сохранением представленных на данной территории видов растений и животных и потребностями местного населения. Это является важным фактором эффективного управления территорией – национальным парком, природным резерватом и др. Биосферные заповедники направлены на сохранение традиционного образа жизни и практики природопользования местного населения, они призваны служить моделью гармоничных взаимоотношений между человеком и природой.[5]

Основными чертами правового статуса особо охраняемых природных территорий и объектов являются следующие: а) их принадлежность к объектам общенационального достояния; б) полное или частичное изъятие из хозяйственного использования; в) установление особого режима охраны; г) включение в объекты государственной собственности; д) наличие особого порядка получения статуса (решение уполномоченного органа исполнительной власти – от Правительства РФ до органов местного самоуправления); е) наделение определенным значением – федеральным, региональным, местным; ж) включение в государственный кадастр особо охраняемых природных территорий; з) установление статусных характеристик и режима охраны осуществляется в соответствии со сложной иерархией нормативно-правовых актов – федеральными законами, типовыми положениями, положениями о конкретной особо охраняемой природной территории; и) установление мер юридической ответственности за нарушение режима особо охраняемых природных территорий и объектов.[6]

Государственные природные заповедники – особо охраняемые законом или обычаем пространства, полностью исключенные из любой хозяйственной деятельности ради сохранения в нетронутом виде природных комплексов (эталонов природы), их охраны и слежения за природными процессами. Некоторые заповедники ранее являлись местами культовых отправлений. Основные функции заповедника как природоохранного учреждения заключаются в сохранении и восстановлении эталонных экосистем и свойственного данному региону генофонда организмов (биологического разнообразия).

По мере развертывания экологических исследований под эгидой ЮНЕСКО в рамках программы «Человек и биосфера» возникли заповедники более высокого статуса – биосферные резерваты. Критерием для обретения заповедником такого статуса является уникальность его ландшафта.

В структуре любого заповедника в направлении от его центра к периферии выделяется ряд охранных зон, различающихся режимом использования: 1) заповедное ядро, или зона абсолютной заповедности, доступно лишь для выполнения мониторинговых исследований, притом в строго ограниченные часы; 2) буферная зона, или зона запретного режима, где вмешательство человека ограничивается регулированием численности животных и их подкормкой, проведением санитарно-гигиенических мер по уходу за ландшафтом; 3) зона устойчивого культурного земледелия, где апробируются исторически сложившиеся виды аграрной деятельности, одновременно на этой территории ведется мониторинг природы в условиях традиционного хозяйствования; 4) зона улучшения, расположенная за пределами охраняемой территории, т.е. примыкающая к заповеднику, здесь апробируются различные меры по организации рационального природопользования.[7]

Режим охраны заповедника предусматривает установление ряда запретов и ограничений. На его территории запрещается: а) любая деятельность, противоречащая его задачам и режиму; б) интродукция живых организмов в целях их акклиматизации; в) всякое вмешательство человека в природные процессы на специально выделенных (эталонных) участках. Ограничениями являются: а) специальный порядок доступа посторонних граждан на территорию заповедника; б) возможность частичного хозяйственного использования отдельных участков для обеспечения функционирования заповедника и жизнеобеспечения проживающих на его территории граждан; в) проведение мероприятий и деятельность только в целях сохранения в естественном состоянии природных комплексов, их восстановления и предотвращения их изменений; поддержания условий, обеспечивающих санитарную и противопожарную безопасность, устранения угроз жизни людей и населенным пунктам в результате стихийных бедствий, осуществления экологического мониторинга, научных исследований, эколого-просветительной работы, контроля и надзора.[8]

Национальные парки – это обширные природные территории с большим количеством уникальных объектов, используемые для активного отдыха и познавательного туризма в условиях сохранения природы в ее естественном состоянии. Национальные парки – самая распространенная категория особо охраняемых природных территорий.

В отличие от заповедника, национальный парк изначально ориентирован на отдых и познавательный туризм. Вместе с тем экологические проблемы внесли некоторые коррективы в концепцию национального парка. В структуре крупных национальных парков появилась дифференциация по режиму использования, соотносимая с практикой деления в заповедниках. Территория национального парка, подобно заповедникам, делится на ряд зон, имеющих различный режим использования. Это резерваты, представляющие собой эталонные участки для выполнения мониторинговых исследований; зоны природных ландшафтов, аналогичные буферным зонам заповедников; рекреационные, или рассредоточенные, зоны отдыха, лесные массивы которых относятся к категории лесопарков; зоны интенсивного отдыха, где разрешается строительство, а также ведется хозяйство традиционного типа. В структуре национального парка предусмотрена и так называемая сельскохозяйственная зона, но даже в этой зоне не разрешаются работы, изменяющие облик и состояние природного ландшафта. Существует ряд общих для всех национальных парков ограничений по отношению к определенным видам деятельности. Так, на территории парка запреща-

ется строительство дорог, линий электропередачи, связи, движение транспорта вне установленных мест, свободное пребывание туристов.[9]

В отличие от заповедников природные ресурсы, находящиеся на территории национальных парков, предоставляются им в пользование (владение), а в их границах могут находиться земельные участки, принадлежащие другим пользователям либо собственникам, хотя национальные парки имеют исключительное право на приобретение таких участков за счет средств федерального бюджета или иных средств.

Российское законодательство устанавливает ряд запретов на деятельность, которая может нанести ущерб охраняемым объектам либо противоречит целям и задачам национального парка, а именно: на разведку и разработку полезных ископаемых; на деятельность, влекущую нарушение почвенного покрова и геологических обнажений, изменения гидрологического режима; на предоставление садоводческих и дачных участков, строительство коммуникаций, хозяйственных и жилых объектов, не связанных с функционированием национального парка; на рубки главного пользования, проходные рубки, заготовку живицы, промысловые охоту и рыболовство, промышленную заготовку дикорастущих растений, сбор биологических коллекций, интродукцию живых организмов, любую деятельность, нарушающую среду обитания; на движение и стоянку транспортных средств, не связанных с функционированием национального парка, прогон скота вне специальных мест, сплав леса, организацию массовых спортивных, зрелищных мероприятий, туристских стоянок, разведение костров вне отведенных для них мест; вывоз предметов, имеющих культурно-историческую ценность.[10]

Природные парки, в отличие от других категорий особо охраняемых природных объектов, являются природоохранными рекреационными учреждениями и находятся в ведении субъектов РФ, которые и принимают решения об их образовании. Природные парки располагаются на землях, отданных им в бессрочное пользование, но могут включать и земли, принадлежащие иным пользователям, собственникам. Наряду с задачами по сохранению окружающей среды они занимаются созданием условий для отдыха, в том числе массового, и сохранением рекреационных ресурсов. Этим в первую очередь и объясняются различия в их правовых режимах. В них создаются природоохранные, рекреационные, агрохозяйственные и иные функциональные зоны. Законодательством в более общем виде, чем для других особо охраняемых природных территорий, устанавливаются запреты и ограничения на деятельность, которая может повлечь изменение исторически сложившегося природного ландшафта, снижение или уничтожение экологической, эстетической или рекреационной ценности природного парка, нарушение режима содержания памятников истории и культуры.[11]

Государственные природные заказники учреждаются двумя способами – с изъятием земель или без такового, могут быть федерального и регионального значения, иметь различный профиль, в том числе могут быть: а) комплексными (ландшафтными), предназначенными для сохранения и восстановления природных ландшафтов; б) биологическими (ботаническими и зоологическими) предназначенными для сохранения и восстановления редких и исчезающих видов растений и животных или видов, ценных в хозяйственном, научном и культурном отношениях; в) палеонтологическими, предназначенными для сохранения ископаемых объектов; г) гидрологическими (болотными, озерными, речными, морскими), предназначенными для сохранения и восстановления ценных водных объектов и экологических систем; г) геологическими, предназначенными для сохранения ценных объектов и комплексов неживой природы.[12] Запреты и ограничения, установленные федеральным законодательством, носят общий характер: речь идет о деятельности, противоречащей целям заказников или наносящей вред охраняемым объектам. Закон предусматривает возможность пользо-

вания природными ресурсами в особых формах на территории заказников только для представителей этнических общностей, ведущих традиционный образ жизни.

Памятники природы – это уникальные, невосполнимые, ценные в экологическом, научном, культурном и эстетическом отношении природные комплексы и объекты естественного и искусственного происхождения. Они могут иметь федеральное, региональное и местное значение. Объявление природных объектов и комплексов памятниками природы может осуществляться с изъятием территории, на которой они расположены, или без такового. Отвод земельных участков для заявленных целей допускается лишь в исключительных случаях с соответствующим обоснованием его необходимости в установленном порядке. В целях защиты памятников природы от неблагоприятных антропогенных воздействий на прилегающих к ним участках суши и водного пространства могут создаваться охранные зоны с регулируемым и контролируемым режимом хозяйственной деятельности. Правовой статус памятника природы закрепляется охранным свидетельством и паспортом. На памятниках природы запрещается всякая деятельность, которая может привести к нарушению их сохранности.[13]

Памятники природы – объекты небольшого размера, в которых ярко и наглядно представлены уникальный природный процесс или явление. К данным категориям памятников относят: участки живописных местностей; места произрастания и обитания ценных, реликтовых, малочисленных редких и исчезающих видов растений и животных; лесные массивы и участки леса, особо ценные по своим характеристикам, а также образцы выдающихся достижений лесохозяйственной науки и практики; местонахождения редких и особо ценных палеонтологических объектов; терминальные источники, месторождения лечебных грязей; береговые объекты: косы, перешейки, полуострова, острова, бухты, лагуны и др.; отдельные объекты живой и неживой природы: места гнездования птиц, деревья-долгожители, растения причудливых форм, ледники, гейзеры, родники, скалы, утесы, пещеры, гроты и др.

Кроме естественных памятников, к этому виду относятся и искусственные, или культурные ландшафты: старинные аллеи, парки, пруды, каналы, а также памятники природы, имеющие историко-мемориальное значение, связанные с историческими событиями или лицами. По отношению к этим видам объектов всегда предусматривается абсолютная охрана – бессрочное заповедание.

В зависимости от объекта заповедания памятники природы могут использоваться в различных целях: научных (мониторинг состояния окружающей природной среды, изучение функционирования и развития природных экосистем и их компонентов и др.); эколого-просветительских (проведение учебно-познавательных экскурсий, организация и обустройство экологических учебных троп, снятие видеофильмов, фотографирование с целью выпуска слайдов и буклетов); реакреационных (транзитные прогулки); природоохранных (сохранение геофонда видов живых организмов, обеспечение условий обитания редких и исчезающих видов растений и животных и др.) и иных, в том числе производственных, целях, не противоречащих задачам объявления данных природных объектов и комплексов памятниками природы и установленному в их отношении режиму охраны.

Дендрологические парки и ботанические сады по своим задачам и статусу отличаются от иных особо охраняемых природных территорий. Они предназначены в первую очередь для создания ботанических коллекций и осуществления научной, учебной, просветительской деятельности. Поэтому территория их предназначена лишь для выполнения этих задач, а земельные участки передаются в бессрочное пользование. Территория этих садов и парков может быть разделена на функциональные зоны: экспозиционную, научно-экспериментальную, и административную. Законом запрещена деятельность, не связанная с выполнением задач этих объектов или ведущая к нарушению сохранности произрастающей там флоры.[14]

Лечебно-оздоровительные местности и курорты – это территории и акватории, которые пригодны для организации лечения и профилактики заболеваний, а также отдыха населения, поскольку они обладают природными лечебными ресурсами (минеральные воды, лечебные грязи, лечебный климат, пляжи и др.), могут быть отнесены к лечебно-оздоровительным местностям. Они могут иметь федеральное, региональное и местное значение. Те из них, которые освоены в достаточной степени и обладают соответствующей инфраструктурой, являются курортами.

Природные лечебные ресурсы являются государственной собственностью. Вопросы владения, пользования и распоряжения природными лечебными ресурсами находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Имущественные отношения в области использования и охраны природных лечебных ресурсов, лечебно-оздоровительных ресурсов, лечебно-оздоровительных местностей и курортов регулируются гражданским законодательством.[15] Законодательством сформулированы общие запреты и ограничения деятельности, которая может ухудшить состояние этих объектов. Кроме того, для усиления защиты устанавливаются округа санитарной и горно-санитарной охраны, внешний контур которых является границей охраняемого объекта.

В соответствии с законодательством Российской Федерации за нарушение режима особо охраняемых природных территорий устанавливается дисциплинарная, материальная, гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. В ст. 8.39. Кодекса РФ «Об административных правонарушениях» внесены изменения, которые повышают ответственность граждан за нарушение порядка на особо охраняемых природных территориях. Штраф для должностных лиц определен от 20 до 40 минимальных размеров оплаты труда с конфискацией орудий совершения административного правонарушения и продукции незаконного природопользования за нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях. Штраф для юридических лиц установлен от 300 до 600 МРОТ. Кроме запрета на проезд и стоянку автотранспорта вне разрешенных дорог и специально оборудованных мест, запрещено разводить на особо охраняемых природных территориях костры, рубить деревья или охотиться.

Резко обозначившиеся в конце XX в. признаки глобального экологического кризиса стимулировали формирование новой методологии в познании, базирующейся на системных представлениях о человеке и природе. Практическое воплощение этого привело к включению уникальных памятников природы в состав всемирного наследия с последующим их сохранением, интерпретацией, освоением и музеефикацией. Музеефикация выражается в фиксации естественных границ уникального природного ландшафта, или отдельного памятника природы. В музейном сообществе возникают особо охраняемые природные территории как новый вид музейного учреждения, сочетающий в себе природоохранные и просветительские функции. Они становятся центрами экологического просвещения и формирования основ экологической культуры.

---

[1] Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». // СЗ РФ. 1995, № 12, Ст. 1024.

[2] ФЗ от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»; ФЗ от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах»; ФЗ от 1 мая 1999 г. «Об охране озера Байкал»; утвержденные постановлениями Правительства РФ Положение о государственных природных заповедниках в Российской Федерации от 18 декабря 1991 г., Положение о национальных природных парках Российской Федерации от 10 августа 1993 г., Положение о признании территорий лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения от 7 декабря 1996 г.; утвержденные приказами Минприроды РФ Примерное положение о государственных природных заказниках в Российской Федерации от 10 января 1996 г. и Примерное положение о памятниках природы в Рос-

сийской Федерации от 10 января 1996 г., Положение о памятниках природы федерального значения в Российской Федерации от 25 января 1993 г. и др.

[3] Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб., 1997. С.9.

[4] Полякова М.А. Охрана культурного наследия России. М.,2005. С.213-214.

[5] Культурная география. /Под ред. Ю.А.Веденина, Р.Ф.Туровского. М., 2001. С.184.

[6] Дубовик О.Л. Экологическое право. М.,2004. С. 205-206.

[7] Сотникова С.И. Музеология. М.,2004. С.176-178.

[8] Ст.6-11 ФЗ от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ « Об особо охраняемых природных территориях».

[9] Сотникова С.И. Музеология. М.,2004. С.180,181.

[10] Ст. 12-17 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях».

[11] Ст. 18-21 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях».

[12] Ст. 22-24 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях».

[13] Ст. 25-27 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях».

[14] Ст. 28-30 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях».

[15] Ст. 31,32 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»; ФЗ от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах»; Положение об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения, утверждено постановлением Правительства РФ от 7 декабря 1996 г. № 1425; Положение о признании территории лечебно-оздоровительными местностями и курортами федерального значения, утверждено постановлением Правительства РФ от 7 декабря 1996 г. № 1426; Правила разработки и охраны месторождений минеральных вод и лечебных грязей, утверждены постановлением Госгортехнадзора РФ от 6 июня 2003 г. № 72.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Г.В. Алексеев

В современных условиях широкий спектр политических прав и свобод,[i] закрепленных законодательством демократических стран и нормами международного права, порождает возможность влияния со стороны наделенных правами граждан и их объединений на политические институты государства. Участие населения в управлении страной достигается за счет всестороннего вовлечения в политический процесс как политических партий, т.е. общественных объединений, созданных непосредственно для борьбы за власть, так и правозащитных общественных организаций со специальным политическим статусом. Значение партийного строительства и деятельности общественных объединений определяется тем, что, как правило, наиболее эффективное влияние со стороны народа на государственную политику осуществляется посредством реализации права граждан на объединение.[ii] В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления.[iii]

Предмет деятельности правозащитных общественных объединений со специальным политическим статусом обусловлен необходимостью социального контроля за государственными органами и социальной политикой. В теории государственного права нет единого мнения о политической и социальной роли создаваемых в регионах и на федеральном уровне общественных палат, до конца не ясен и политический статус профсоюзов. Общественная палата Российской Федерации обеспечивает взаимодействие граждан России с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан России, защиты их прав и свобод, а также прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики.[iv] Одной из основных целей деятельности Общественной палаты РФ является осуществления общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в России.

Правозащитные общественные организации отличаются от государственных органов, в компетенцию которых входит защита прав и свобод граждан, таких как прокуратура и уполномоченный по правам человека, тем, что у общественных организаций отсутствуют властные полномочия, в том числе контрольные. Однако некоторые общественные организации, прежде всего профессиональные союзы и общественные палаты, пользуются определенным правовым статусом.

Традиционно особый статус среди общественных организаций имеют профессиональные союзы. Особый статус связан как с упоминанием о профсоюзах в конституции РФ, так и наличием специального законодательства о профсоюзах. В отличие от системы общественных палат, профсоюзы существуют весьма продолжительное время и выполняют правозащитную функцию в отдельно взятой узкой сфере – сфере охраны трудовых прав граждан. В соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ профсоюз представляет собой добровольное общественное объединение граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов.[v]

Законом «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» предусматривается независимость деятельности профсоюзов от органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, работодателей, их объединений (союзов, ассоциаций), политических партий и других общественных объединений. Профсоюзы им не подотчетны и не подконтрольны. Запрещено вмешательство органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц в деятельность профсоюзов, которое может повлечь за собой ограничение прав профсоюзов или воспрепятствовать законному осуществлению их уставной деятельности. Профсоюзы, их объединения (ассоциации), первичные профсоюзные организации и их органы представляют и защищают права и интересы членов профсоюзов по вопросам индивидуальных трудовых и связанных с трудом отношений, а в области коллективных прав и интересов – указанные права и интересы работников, независимо от членства в профсоюзах, в случае наделения их полномочиями на представительство в установленном порядке.[vi]

Все без исключений общественные организации выполняют социальную коммуникативную функцию. При оценке эффективности деятельности политических партий и профсоюзов традиционно за основу берутся такие показатели, как участие общественности в деятельности организации и эффективность проводимых ею мероприятий. Деятельность политических партий может характеризоваться как эффективная только при условии участия партии в государственном управлении. Вместе с тем и деятельность профсоюзов эффективна только при условии их влияния на проведение государственной политики в сфере труда. Создание в России системы общественных палат как нового вида общественных организаций, вовлеченных в политический процесс, ставит перед нами проблемы определения места общественных палат в политической системе России и оценки эффективности их деятельности.

Социальное управление институционально по самой своей природе. Субъектами и объектами социального управления выступают общество, социальные общности, социальные организации, а также составляющие их люди, взаимодействующие между собой и объединенные общественными отношениями. Социальные институты являются важнейшим средством регулирования общественных отношений. Главное предназначение социальных институтов – упорядочивание общественных отношений, регулирование деятельности и поведения индивидов в целях воспроизводства и сохранения социальных систем и форм жизнедеятельности человека. Социальные институты выполняют эту роль, прежде всего, опираясь на нормы и социальный контроль.[vii]

Идея создания Общественной палаты России была сформулирована Президентом РФ в Послании 2004 г. Федеральному Собранию РФ,[viii] в котором, в частности, говорилось о целесообразности использования опыта работы общественных палат для дальнейшего роста институтов гражданского общества, накопленного в ряде регионов России. Подобный механизм социального контроля вызывает существенную озабоченность общественности как в своей политической составляющей, так и в части правового регулирования.

В отечественной научной литературе отмечается тот факт, что «…основная цель деятельности Общественной палаты, как, впрочем, и всех последующих «органов общения, созданных для сближения Президента РФ с народом», заключалась в получении экспертной оценки действий власти от представителей общественности и рекомендаций по улучшению законопроектов».[ix] В дальнейшем выражается озабоченность тем фактом, что «в Палату попали главным образом «свадебные генералы» – космонавты, народные артисты и певцы, профсоюзники со стажем, и потому деятельность этого органа постепенно сошла на нет».[x]

Озабоченность общественности, возникшая в связи с созданием общественных палат, спровоцирована отчасти и реакцией из-за рубежа. В частности, идею Общественной палаты раскритиковали и авторы резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы

(ПАСЕ) по России. В многостраничном докладе говорится по этому поводу следующее: «... трудно понять, почему возникла необходимость в создании нового органа, выполнение функций которого обычно осуществляет избранный демократическим путем плюралистический парламент, с одной стороны, и подлинно независимое и свободное гражданское общество, с другой». Действительно, если внимательно вчитаться в ст. 1 («Общие положения») и 2 («Цели и задачи Общественной палаты»), то нетрудно заметить, что они во многом пересекаются с целями и задачами Государственной Думы, члены которой получили мандат доверия избирателей и которая в идеале должна быть органом, представляющим интересы народа.

Однако политическая партийная система, которая контролирует законодательную власть, далеко не всегда настолько эффективна, чтобы обеспечить, например, необходимый в условиях демократии учет мнения меньшинства, а также учет мнения иных социальных элит, помимо политической, таких как творческая, научная, религиозная и других авторитетных в обществе слоев, не имеющих достаточного экономического потенциала для участия в процедурах лоббизма. Демократические институты в большинстве случаев даже в теории, не говоря уже о практике, лишены механизмов по обеспечению участия населения в выработке политических позиций на внепартийной основе, при этом неверно увязывать право на участие в управление государством с необходимостью участия в деятельности партийных институтов.

Практическая сторона учета мнения населения при осуществлении государственного управления, однако, такова, что обеспечить тотальный учет гражданских позиций отдельных групп населения невозможно без создания дополнительных непартийных политических конструкций. Сами институты партийности, по сути, часто критикуются как механизмы формирования социальной элитарности. Социально-политическая партийная элита позволяет говорить о «состязательной олигархии», основанной на информационно-политической борьбе за общественное мнение, такую состязательную олигархию американский политолог Роберт Даль именовал, как известно, полиархией.[xi]

Других позиций, однако, придерживается З.К. Бзежинский, который известен своими проамериканскими взглядами. Он утверждает, что «популярность и влияние демократической американской политической системы также сопровождаются ростом привлекательности американской предпринимательской экономической модели, которая уделяет особое внимание мировой свободной торговле и беспрепятственной конкуренции»,[xii] а не механизму социального контроля над государственной властью. Профессор З.К. Бзежинский полагал, что «германский акцент на «право участия в решении вопросов» между предпринимателями и профсоюзами начинает терять свой экономический динамизм, все больше европейцев высказывают мнение о том, что необходимо последовать примеру более конкурентоспособной и даже жестокой американской экономической культуры, если не хотят, чтобы Европа откатилась еще больше назад».[xiii] Между тем сама двухпартийная система нередко подвергается критике в американской политической науке,[xiv] при этом критика сосредоточена на недостаточности социального контроля и отсутствие независимых политических оценок в рамках информационного поля американской политики.

Однако нельзя не подвергнуть критике позицию З.К. Бзежинского и по ее идеологической составляющей, по сути неприемлемой с позиции международного публичного права. Справедливо заявление Л. Ларуша, в котором отмечается необъективность взглядов З.К. Бзежинского, в особенности направленных на Россию. Эти взгляды, по сути, нарушают общие правовые принципы сотрудничества государств, нерушимости государственных границ и территориальной целостности государств. Следует согласиться и с заявлением Л. Ларуша относительно того, что американо-российские отношения только пострадали от вмешательства Бжезинского на Северном Кавказе, в особенности в Чечне[xv]. При этом очевидно, что в соответствии с принципом невмешательства во внут-

ренние дела советники американских президентов обязаны воздерживаться от политических и информационных заявлений имеющих в себе очевидные признаки вмешательства.

Официальная реакция государственных органов России на подобные полуофициальные заявления недопустима, поскольку политически такое реагирование является несоразмерным и неоправданным. Для эффективного полуофициального информационного реагирования можно и, скорее всего, необходимо создавать институты, способные вести полемику, не будучи связанными в полной мере как ограничениями, свойственными международному публичному праву, так и авторитетом государства.

Необходимость создания общественных объединений со специальным политическим статусом связана и с тем, что политические партии России в своих развитых формах должны выполнять в основном роль связующего политического коммуникационного звена между гражданами и формирующимся социальным государством[xvi], а вместе с тем существуют и иные аспекты проведения демократической информационной социальной политики, в том числе связанные с формированием позиций и предметов социальной дискуссии. Таким образом, одних политических партий в рамках политического пространства государства недостаточно для реализации идеалов демократии и защиты национальных интересов государства в условиях демократии.

Важной ролью общественных объединений со специальным политическим статусом является социальный контроль. Термин «социальный контроль» является чрезвычайно широким. Данный термин определяется через социальную и экономическую гражданственность и демократический контроль: демократическое, не юридическое формирование базовых правил экономической жизни и демократизации мест занятости и других частных учреждений, таких как профсоюзы и другие формы ассоциаций. Также под социальным контролем могут пониматься такие популярные формы, как контроль со стороны официальных и частных экспертов, общественных функционеров, научной общественности и политиков[xvii].

Неверно возлагать функции по социальному контролю на общество в целом, также как неверно возлагать эту функцию на население в целом, т.е. на народ. Лари Д. Крамер в своей работе «Люди самостоятельно: популярный конституционализм и правовое обозрение»[xviii] отмечает тот факт, что «популярный конституционализм» был доминантой на протяжении всей американской истории, будучи ограниченным «верховенством права» только в последние декады двадцатого века. Он указывает на то, что политические партии со времен Эндрю Джексона всегда подвергались критике за то, что обращались, как хотели с принципом верховенства права.

В свою очередь, К.Е. Уиттингтон возражает Л.Д. Крамеру, основываясь на том, что политические партии настолько глубоко внедрены в политическую динамику, что всячески способствуют развитию принципа верховенства права в США. По мнению К.Е. Уиттингтона, ошибка Л.Д. Крамера состоит в том, что последний анализирует экстремальные политические условиях. «В обычных политических условиях, – пишет К.Е. Уиттингтон, – партийные лидеры имеют веские аргументы в пользу содействия росту значения принципа верховенства права, во имя продвижения по пути к достижению фундаментальных политических ценностей, которые партийные лидеры разделяют[xix].

Вместе с тем и сам К.Е. Уттингтон признает, что регулярная юридическая нуллификация политик, принятых выборными чиновниками, по крайней мере, ставит ряд проблем демократической легитимности. Он выдвигает философские возражения против существовавшего более сотни лет базиса популистского политического аргумента в государственном управлении США относительно того, что активное использование судебной власти для толкования конституции должно предоставлять свободу в принятии решений электоральному и законодательному большинству[xx]. При этом очевидно, что демократический произвол без строгих правовых рамок представляет собой реальную опасность идеологических перегибов, совершаемых под эгидой демократии.

Категорически неверно и опасно переложение функций по социальному контролю на экономические институты. Необходимо строго разграничивать экономику и социальную политику. Экономика должна выполнять лишь стимулирующую функцию по отношению к вектору социального развития, задаваемого в плоскости политики. В этой связи автор настоящей работы предлагает разработать на законодательном уровне единую систему участия в механизмах государственного управления общественных организаций, которую должны характеризовать определенные критерии легальности, а также механизмы осуществления участия в политических процессах и социальном контроле общественных объединений граждан, не обладающих избыточным экономическим потенциалом.

Система участия общественных объединений граждан в политических процессах должна быть основана на принципах законности, гласности и эффективности осуществления социального контроля. При этом социальный контроль должен эффективно дополнять судебный контроль, выступая основополагающей гарантией демократии, основанной на конкуренции элит. Реализация функции социального контроля невозможна без создания общественных организаций со специальным политическим статусом, поскольку неэффективность системы традиционной демократии в переходные и кризисные периоды порождает потребность в субъектах комплексной независимой оценки проводимой в государстве социальной политики реформ. Реформы, не поддающиеся независимой оценке и характеристике, неизбежно вызывают общую политическую нестабильность со всеми вытекающими из нее.

Литература

[i] Конституция Российской Федерации // Российская газета от 25 декабря 1993 г. N 237 (статьи 29 - 33)

[ii] Баглай М.В. Конституционное право РФ. Изд. Инфра - Норма. М., 1997. с. 1

[iii] Федеральный закон от 11 июля 2001 г. N 95-ФЗ "О политических партиях" // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 июля 2001 г. N 29 ст. 2950.

[iv] Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. N 32-ФЗ "Об Общественной палате Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 апреля 2005 г. N 15 ст. 1277

[v] Федеральный закон от 12 января 1996 г. N 10-ФЗ "О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности" // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 января 1996 г. N 3 ст. 148.

[vi] Липатов Э.Г., Чаннов С.Е., Велиева Д.С. и др. Комментарий к ФЗ "О государственной гражданской службе в Российской Федерации" / СПС "Гарант", 2005 г.

[vii] Кох И.А. Институциональная эффективность социального управления в муниципальном образовании. Автореф. д. соц. н. Екатеринбург. 2006

[viii] Российская газета. 2004. N 109.

[ix] Кабышев С.В., Векшин А.А. Общественная палата: ее роль и место в российской политике // Формула права. 2005. N 1 (4). С. 46.

[x] Там же.

[xi] Dahl Robert A. Polyarchy: Participation and Opposition. NY. 1993.

[xii] Бзежинский З.К. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) Перевод О.Ю.Уральской. М. 1998.

[xiii] Там же.

[xiv] Disch Lisa J. The Tyranny of the Two-Party System. Chicago. 2005. -213 p.

[xv] Ларуш – остановить Бзежинского \\ Пресс-релиз 29 ноября 2004 г. Интерфакс.

[xvi] Кузнецов В.Ф. Интегрированные политические коммуникации в процессе формирования социального государства в современной России. Автореф дисс. д.п.н. Московский государственный социальный университет. – М. 2002.

[xvii] Forbath William E.. The new deal constitution in exile. // https://www.law.duke.edu/journals/dlj/articles/dlj51p165.htlm.

[xviii] Kramer Larry D., The People Themselves: Popular Constitutionalism and Judical Review, New York, NY: Oxford University Press, 2004. - 352 p.

[xix] Whittington Keith E. Give the People What They Want. *Chicago-Kent Law Review* 81:3. 2006.

[xx] Whittington Keith E. «Preserving the Dignity and Influence of the Court»: Political Supports for Judicial Review in the United States. in *Rethinking Political Institutions: The State of the Art.* Ian Shapiro and Stephen Skowronek, eds. New York: NYU Press, 2006.

МАРКСИЗМ - ОТ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ К ИДЕОЛОГИИ (К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ КЛАССИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА)

В.Ю. Лукьянов

События конца XX – начала XXI веков – распад СССР и крах мировой коммунистической системы – казалось бы, сделали марксизм как идеологию достоянием истории, лишенными каких либо исторических перспектив. Однако в последние годы интерес и внимание к марксизму явно возрастает. Связано это, по мнению автора, в первую очередь с разочарованием в почти повсеместно установленной в начале 90-х годов, после краха мировой коммунистической системы демократии как модели государственно-политического устройства. Демократия изображалась как некая идеальная система, которая за короткий срок может избавить посткоммунистические государства от политических и экономических кризисов, привести их к процветанию и т.д. На практике ничего подобного не произошло. Бездумное копирование западно-демократической модели привело большинство посткоммунистических государств к ситуации глубокого социально-экономического и политического кризиса, коррупции, резкой поляризации общества на сверхбедных и сверхбогатых.

По этой причине неудивителен рост интереса к марксизму как научной теории, в основе которой лежат идеи социального равенства и справедливости, отсутствия эксплуатации человека человеком. Показателен в этом плане пример нашей страны. В течение всего периода 90-х годов XX столетия в политической жизни России доминировали левые, прокоммунистические силы – в первую очередь КПРФ Г. Зюганова, получавшая большинство голосов избирателей на выборах в Государственную Думу. КПРФ сделала основой своей программы именно идеи восстановления социального равенства и справедливости, справедливого перераспределения доходов. Лишь в последние годы КПРФ оказалась оттеснена на обочину политической жизни пропрезидентской партией «Единая Россия». Весьма примечательно, однако, что «Единая Россия» в своей программе активно использует лозунги КПРФ о социальной справедливости, социальных гарантиях для граждан со стороны государства, доступном и качественном образовании, медицинском обслуживании и т.д. Однако названные принципы – социальное равенство и справедливость – как было сказано выше, являются основой теории марксизма. Именно по указанной причине обращение к теме марксизм является вполне обоснованным и актуальным.

В свою очередь, в рамках поставленной задачи наиболее важным представляется анализ и сопоставление трех основных вариантов, интерпретаций марксизма – классического, т.е. марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса, ленинского и сталинского вариантов. Связано это с тем, что между различными политическими силами как в нашей стране, так и за ее пределами не утихает спор о проблемах интерпретации марксизма. Что представлял из себя ленинский вариант марксизма – логическое продолжение классического марксизма, идей К. Маркса и Ф Энгельса или некое абсолютно самостоятельное направление, ничего общего с ним не имеющее? В свою очередь, как соотносятся сталинский и ленинский варианты марксизма? Подобного рода проблемы имеют как чисто теоретический, так и практический характер, так как тот или иной вариант, интерпретация марксизма берется за основу создания программы различных политических сил, формирования их идеологии.

Прежде всего, необходимо остановиться на проблеме отношения марксизма к демократии западного, буржуазно-демократического типа. Отношение основоположников классического марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса к демократии было двойственным. Признавая в принципе ценности института демократии (парламентаризм, избира-

тельное право и т.д.), они, тем не менее, указывали на ограниченность одной лишь политической демократии и разработали концепцию «единой демократии», т.е. демократии, распространяющейся не только на политическую, но также на социальную и экономическую сферы жизни общества [1, книга 1, с. 84].

Ленинская концепция после 1917 г. заключалась в отрицании какой-либо ценности буржуазной демократии как института в принципе. Суть критики В.И. Лениным буржуазной демократии заключалась в «переводе критики с политических аспектов в оценке демократии на ухудшающееся бедственное социально-экономическое положение пролетариата, других слоев трудящихся, причину которой он видел именно в политической демократии» [1, книга 1, с. 303]. Происходило «смешение вопроса о полноте реализации той или иной политической свободы, демократии в целом... с вопросом о реальной способности пролетариата в условиях нищеты активно участвовать в политике. Подменяя первый вопрос вторым, Ленин неправомерно оценивал политическую «буржуазную» демократию как демократию для меньшинства» [1, книга 2, часть 1, с. 50].

В целом после октября 1917 года взгляды Ленина на проблемы демократии «эволюционировали от модели «буржуазной» к модели «классовой» и «революционной» демократии» [1, книга 1, с. 312]. При этом под «классовой» демократией понималась власть пролетариата, под революционной – власть революционных сил в целом. Максимум того, что могла, с точки зрения Ленина, дать «классическая» демократия – создать условия для развития классовой борьбы [1, книга 1, с. 305].

Другой момент, который необходимо рассмотреть – марксистская концепция государственного устройства. Как уже говорилось, в классическом марксизме основой государственного устройства был принцип «диктатуры пролетариата», т.е. сосредоточение всей полноты власти в руках трудящихся. В.И. Ленин переработал данное теоретическое положение классического марксизма в конкретную политическую программу. В одной из самых известных работ В.И. Ленина «Государство и революция» он «... в отличие от классиков марксизма, использующих понятие диктатуры пролетариата в нескольких значениях... как правило, вкладывает буквальный смысл в обе его составляющие – «диктатура» и «пролетариат». Прямая диктатура, опирающаяся на насилие и ограничение свободы для всех не пролетариев, диктатура всего пролетариата» [1, книга 2, часть 1, с. 50].

В рамках решения проблем государственного устройства ленинская теория доводит до абсолюта и концепцию классического марксизма, касающуюся бюрократии, управленческого аппарата буржуазного государства. Вместо бюрократии как особого слоя управленцев – выдвижение руководителей из народа, их сменяемость и подотчетность. Вместо полиции и армии как государственных институтов насилия и принуждения – вооруженный народ. Вместо соединения и баланса властей – их полное объединение. В целом же, сопоставляя ленинскую концепцию с концепцией классического марксизма, можно говорить об абсолютизации Лениным его идей, преодолении присущей основоположникам марксизма двойственности, амбивалентности тех или иных положений.

Все основные положения марксизма в той части, которая касалась проблем государственно-политического устройства, были доведены до абсолютных и законченных форм: полное отрицание буржуазной демократии и как принципа общественного устройства, и как набора конкретных политических институтов, абсолютизация насилия, диктатура пролетариата, возглавляемая партией «нового типа», стоящей над пролетариатом. Главный же вывод заключается в том, что ленинская концепция марксизма представляла собой предельно идеологизированный вариант классического марксизма, вариант, предназначенный к использованию именно как политическое оружие, предназначенное для захвата и удержания власти. Наиболее полно идеологизация марксизма

В.И. Лениным проявилась в вопросе о роли большевистской партии – «партии нового типа». В силу значимости ленинской теории партии остановимся на ней более подробно.

В основе решения проблемы о роли возглавляемой В.И. Лениным большевистской партии как вождя российского пролетариата лежал вопрос об источниках формирования пролетариатом социалистического сознания, выработки им социалистических убеждений. В конце XIX в. один из лидеров германской социал-демократии К. Каутский выдвинул идею о том, что «социалистические убеждения, идеология не вызревают в рабочем движении, не порождаются им, а вносятся в рабочее движение извне – пропагандистами этой идеологии, революционной интеллигенцией» [2, с. 54]. Оттолкнувшись от этого положения, Каутский делает вывод о том, что главная задача революционной интеллигенции как носителя идеологии заключается в том, чтобы привнести в пролетарский слой общества идеологию сотрудничества с буржуазией, требования от нее политических и экономических реформ.

В.И. Ленин в своей знаменитой работе «Что делать?», выдвигая те же идеи о привнесении в пролетариат идеологии извне, делает из них принципиально иные выводы. Главная мысль ленинской работы заключалась в том, что «классовое сознание пролетариата не становится само по себе социалистическим сознанием, ибо пролетариат... стремиться, главным образом, к улучшению условий труда – повышению зарплаты и т.д.» [2, с. 54]. Отсюда – вывод Ленина о том, что классовое, революционное сознание пролетариата, сознание, направленное на вооруженную борьбу с существующим строем, должно быть привнесено извне [2, с. 54].

Как можно видеть, К. Каутский и В.И. Ленин из одной и той же идеи сделали диаметрально противоположные выводы, однако и тот, и другой подчеркивали особую роль идеологии как инструмента политики, который не просто отражает политическую и экономическую реальность, но активно воздействует на нее и видоизменяет.

Ленин, однако, не ограничивается лишь констатацией необходимости внесения революционного сознания в пролетариат «извне». Опираясь на это положение, он разрабатывает теорию «партии нового типа». Основные принципы ленинской концепции партии, ее внутреннего устройства известны достаточно хорошо, поэтому остановимся на них лишь в краткой форме.

Во-первых, ядром партии должна, согласно идеям Ленина, являться организация профессиональных революционеров, связанная железной дисциплиной.

Во вторых, главным при формировании партии является чистота марксисткой идеологии, знание которой принадлежит лишь узкому кругу революционеров, но никак не пролетариату в целом. «Ленин последовательно защищает мысль о том, что социальный состав партии не имеет никакого значения при определении ее классового содержания... Мизерная и лишенная корней в рабочем классе группа имеет право провозгласить себя единственным выразителем интересов рабочих и носителем пролетарского сознания, едва она признает марксизм своей идеологией» [3, с. 343].

Таким образом, ленинское понимание понятия «политическая партия» в корне отличается от общепринятого. В традиционном смысле политическая партия и, соответственно, ее идеология, формируется «снизу». Т.е., низовые ячейки партии делегируют представителей на более высокий уровень, партия участвует в выборах, стараясь привлечь своей программой как можно большее количество избирателей и т.д. Ленинская концепция политической партии исходила из принципа формирования партии и ее идеологии «сверху». Сначала создается партия, которая состоит из профессиональных революционеров, всесторонне владеющих идеологией марксизма, а затем эта идеология распространяется на массы.

Важнейшим фактором конца XIX – начала XX вв., повлиявшим на развитие марксизма как в России, так и во всем мире стало появление в лице В.И. Ленина общерос-

сийского харизматического лидера. «В.И. Ленин был... самым выдающимся харизматическим лидером XX века. В него верили, ему верили... Ленин был вождем для многих, вступивших на путь борьбы с царизмом. Он стал кумиром миллионов не только в России, но и в других странах после победы октябрьской революции» [2, с.410]. «Идеи Ленина, его призывы, лозунги восторженно принимались не только соратниками, но и народными массами как непреложные истины» [2, с. 410].

Главное заключалось в том, что, опираясь на свою харизматичность, Ленин пошел по пути идеологизации теории марксизма, ее перевода из научного направления, теории в идеологию. Это нашло свое отражение в том, что «Ленин постоянно переходит от одного политического воззрения к другому, противоположному, нередко высказывает несовместимые взгляды, обычно даже не оговариваясь насчет того, что изменившиеся обстоятельства вынуждают к изменению подхода, точки зрения. Эти переходы от одной точки зрения к другой, противоположной, воспринимаются соратниками Ленина как замечательная способность реагировать на изменившиеся обстоятельства политической борьбы... недоступная всем другим. При этом конечно, надо иметь в виду, что непостоянство конкретных воззрений по конкретным вопросам всегда сочеталось с постоянством основного убеждения относительно необходимости и осуществимости пролетарской революции в России» [2, с. 421].

В приведенной выше цитате точно сформулирован принципиально новый подход В.И. Ленина к теории марксизма – непостоянство конкретных воззрений в сочетании с постоянством основного убеждения. Разумеется, само по себе изменение политических задач под влиянием меняющейся ситуации не является чем-либо принципиально новым. Сами основоположники марксизма – К. Маркс и Ф. Энгельс – прошли через существенную эволюцию своих взглядов. Однако основоположники марксизма никогда не доводили противопоставление идеологии (конкретных политических задач) и теории (объективно существующих научных истин) до полного господства первого над вторым.

В целом отличительной чертой классического марксизма была амбивалентность – признание права на существование нескольких вариантов решения той или иной проблемы. При этом выбор в пользу того или иного варианта зависел от окружающих политических и экономических реалий. Амбивалентность же суждений В.И. Ленина заключалась не в признании права на существования двух точек зрения, двух вариантов решения одной и той же проблемы, а в постоянном переходе с одной точки зрения на другую в угоду складывающейся политической конъюнктуре ради достижения конечной цели – пролетарской революции в России.

Однако даже этот переход с одной точки зрения на другую имел место лишь до определенного момента – до прихода партии большевиков к власти в октябре 1917 г. После этого события взгляды Ленина (во всяком случае, взгляды на политическое устройство России) приобретают предельно четкий и недвусмысленный характер. Так, после октября 1917 г. Ленин и теоретически, и практически полностью отрицает значимость и ценность буржуазно-демократических прав и свобод, возможность парламентского варианта развития государства. В упомянутой уже работе «Государство и революция» происходит «переход от позитивной оценки демократических институтов буржуазного общества к иной, прямо противоположной» [2, с. 460]. На практике «ленинская концепция диктатуры пролетариата как... антидемократической власти представляет собой фактический отказ от ее марксистского понимания» [2, с. 406].

Еще большая степень идеологизации марксизма была достигнута в конце 20-х – начале 30-х годов, после установления в СССР диктатуры И.В. Сталина. Можно сказать, что в этот период марксизм как наука был окончательно заменен идеологией, причем идеологией в ее предельной форме – в виде политического оружия, используемого для уничтожения политических противников и удержания власти.

Идеологизация марксизма в конце 20-х – начале 30-х годов выражалась, с точки зрения автора, в двух основных моментах. Во-первых, это доведение до абсолюта принципов харизматического лидерства, партии нового типа и ее руководящей роли. В период 30-х годов, после уничтожения политических противников внутри правящей партии, И.В. Сталин становится абсолютным и непререкаемым лидером, а партия окончательно превращается в сплоченный и монолитный орган, контролирующий все сферы жизни общества.

Не менее важным было и другое обстоятельство, которое можно назвать вторым компонентом идеологизации марксизма – идеологический контроль государства над наукой, вульгарное применение марксистских принципов классового подхода, классовой борьбы ко всем без исключения научным дисциплинам. В первую очередь данный подход распространялся на общественные науки, прежде всего на философию. В 30-х годах « …происходит политизация философии – прямое ее подавление политикой, подчинение господствующей власти и диктат. В свою очередь, политизированная философия ищет опору в политике... Идеи классового характера философии возвышаются до требования и призвания диктатуры, «руководящей философии» [4, с. 14]. В этот период происходит отрицание необходимости исследования философской наукой глубоких теоретических проблем, «сведение философии к комментированию партийных решений, новый виток политизации и без того уже политизированной философии... всякое исследование объявляется отрывом от практики... фактическое отождествление философии и политики вело к «теоретическому ликвидаторству» [4, с. 24]. В сущности, задача философии сводилась к комментированию и популяризации в массах последних решений партии и И.В. Сталина.

Следует сказать о том, что идеологический подход к философии вовсе не является порождением именно сталинского марксизма. Его основы были заложены еще В.И. Лениным в его главном философском труде «Материализм и эмпириокритицизм». В названной работе В.И. Ленин впервые четко и недвусмысленно сформулировал принцип партийно-политического подхода к философской науке. Принцип «партийности философии» в работе «Материализм и эмпириокритицизм» сводится к двум основным моментам.

Во-первых, так называемый «основной вопрос философии», под которым В.И. Ленин подразумевал вопрос о первичности идеализма и материализма, трактовался как невозможность выбора среднего, компромиссного пути. Философ может быть либо материалистом, либо идеалистом. Все рассуждения о философии, включающей в себя как идеализм, так и материализм – не более чем лицемерие и заведомая ложь.

Во-вторых, и это является главным, философия как наука не может быть нейтральной относительно классовой борьбы. Философия является орудием классовой борьбы. Идеализм – орудие борьбы эксплуататорских классов, материализм – орудие борьбы пролетариата. Но поскольку философ может быть или идеалистом, или материалистом, то он, соответственно, защищает либо интересы буржуазии, либо интересы пролетариата [3, с. 410]. «Беспартийного» философа, таким образом, в принципе быть не может. Философ всегда партиен, даже если формально он и не состоит в какой-либо политической партии. Так коротко можно определить принцип «партийности философии», сформулированный Лениным.

Таким образом, «политизация философии» 30-х годов в своей основе имела принципы, сформулированные В.И. Лениным. Отличие заключалось в том, что в 30-х годах принцип «партийности философии» был доведен до абсолюта. Марксистско-ленинская философия была объявлена универсальной наукой, позволяющей решать практически любые вопросы из самых разных сфер жизни общества. Правильное применение исследовательского аппарата марксистско-ленинской философии давало ключ к пониманию

закономерностей развития не только общественно-политических процессов, но и к повышению урожайности в сельском хозяйстве, увеличению производства стали и т.д.

Теперь необходимо попытаться установить связь между классическим марксизмом – марксизмом К. Маркса и Ф. Энгельса, с одной стороны, ленинской и сталинской интерпретациями марксизма – с другой. Как представляется, эта связь носила двухступенчатый характер.

Первый этап: классический марксизм – ленинизм. На этом этапе можно, с точки зрения автора, говорить о ленинской интерпретации, ленинском толковании *одной из сторон* классического марксизма. Как уже говорилось выше, отличительной чертой классического марксизма была его амбивалентность, двойственность толкований одного и того же понятия. Государство как орган угнетения трудящихся, с одной стороны, и институт «общих дел», защищающий общенациональные интересы – с другой. Демократия как инструмент удержания власти буржуазией, с одной стороны, и институт, в рамках которого пролетариат может добиться многого для улучшения своего положения – с другой. Суть ленинской трактовки марксизма заключалась в том, что из наследия классического марксизма он взял лишь одну, «революционную» сторону и довел ее до логического завершения. Кроме того, ленинский этап развития марксизма можно определить и как этап начала превращения марксизма из научной теории в идеологию, политическое оружие, универсальный инструмент, необходимый для борьбы с политическими противниками и формирования политических и социально-экономических основ государства. Таким образом, ленинский вариант марксизма являлся не «извращением» классического марксизма и не его логическим продолжением, а интерпретацией одной из его сторон.

Сталинский марксизм – доведение, в свою очередь, до абсолюта уже ленинского варианта, т.е. полная, тотальная идеологизация, превращение марксизма в *государственную идеологию.* Суть этого понятия заключалась в том, что отныне марксизм претендовал не только на общественно-политическую сферу, но на проникновение во все без исключения сферы жизни общества, на то чтобы стать универсальным учением.

В заключении кратко остановимся на работах известного венгерского философа Д. Лукача, анализирующих ленинский вариант марксизма и, одновременно с этим процесс его идеологизации. В работе «Ленин: исследовательский очерк о взаимосвязи его идей», написанной в 1924 г., т.е. сразу после смерти В.И. Ленина, делается, вероятно, первая попытка серьезного осмысления и обобщения его взглядов и идей. Анализируя природу только что созданного социалистического государства и пытаясь определить основные тенденции и перспективы его развития, Лукач делает очень точный прогноз. «...было бы крайне опасно, если бы пролетариат, высвобождаясь из идеологии классового пацифизма, осознавая неизбежность применения насилия, усвоил бы, будто *все проблемы* господства пролетариата при любых обстоятельствах могут быть решены *насилием.* Но было бы еще опаснее, если бы у пролетариата возникло представление, будто с завоеванием государственной власти классовая борьба подходит к концу или, по меньшей мере, в ней наступает некое перемирие. Пролетариат должен понимать, что завоевание государственной власти представляет собой только *определенную фазу* в этой борьбе. После завоевания власти борьба становиться еще напряженнее» [5, с.111]. Следует еще раз подчеркнуть, что работа была написана в 1924 г. До выдвижения И.В. Сталиным известного тезиса об усилении классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму, ставшего теоретическим оправданием террора и одновременно – практическим руководством к действию, было еще очень далеко. Тем не менее, Д. Лукач сумел уже в начальный период существования советского государства точно предсказать основную тенденцию его развития. Эту тенденцию можно определить как усиление тоталитарного характера государства, увеличение масштабов насилия, подкрепленного идеологическими аргументами.

В другой работе Д. Лукача «История и классовое сознание», написанной в 1923 г., еще при жизни В.И. Ленина и ставшей главной работой философа, дается анализ диалектики большевизма как политического учения. Лукач вводит принципиально новое понятие термина «диалектика». Он признает диалектику главным инструментом марксизма. Однако если классическая диалектика суммировала и обобщала факты, выводя из них некие общие правила, то диалектика К. Маркса «базируется исключительно на глобальном понимании общества, которого частный анализ фактов дать не может» [3, с. 110]. Наука, непосредственно регистрирующая факты, соответствует капиталистическому обществу. Что касается диалектики марксизма, то здесь для понимания смысла фактов «необходимо поместить их в «конкретную целостность» и открыть «опосредования» между ними и данной целостностью, которая нигде не дана непосредственно. Истина части заключается в целом... Тотальность есть носитель революционного принципа как в практике, так и в теории» [3, с. 110].

Таким образом, Лукач вводит принцип тотальности, подразумевающий отказ от частного, локального в пользу глобального, общего как единственного критерия истинности. Далее принцип тотальности проецируется Лукачем на пролетариат как наиболее передовой класс общества и на пролетарскую партию. Признавая пролетариат вообще, в глобальном смысле, классом, который «может открыть тотальность в изолированных фактах и явлениях», и то, что «истина может быть открыта только пролетариатом» [3, с. 113], Лукач, тем не менее, исходит из того, что «Классовое сознание ... ни в коем случае не является сознанием реальных людей, эмпирически существующих рабочих. Не является оно и ... суммой индивидуальных сознаний. Между эмпирическим сознанием рабочих и «истинным» классовым сознанием пролетариата **всегда** должна существовать дистанция, поскольку эмпирическое сознание **никогда** не дорастет до истинного... Носителем такого сознания может быть только партия... Что думают отдельные рабочие, большинство рабочих или даже они все? Этот вопрос не имеет никакого значения при определении пролетарского сознания. Оно воплощается в партии» [3 с. 122].

Здесь можно видеть не что иное, как философское обоснование ленинской идеи о «партии нового типа». Следует еще раз подчеркнуть, что эта работа Лукача, так же как и предыдущая, написана в начале 20-х годов, на заре существования советского государства. Еще очень далеко было до знаменитых «московских процессов» конца 30-х годов, во время подготовки к которым от обвиняемых требовали признания несуществующей вины во имя высших интересов партии. Тем не менее, в абстрактно-теоретической, философской форме Лукач точно уловил основную тенденцию развития и большевистской партии и советского государства. Главным выводом из логических построений Лукача стал вывод о непогрешимости и правоте партии в любом случае, о необходимости подчинятся ее решениям, даже если в конкретном, практическом плане они ошибочны. «В диалектическом плане партия права и тогда, когда она ошибается». [3, с. 123] В сущности, философские построения Лукача есть уже не философия, а именно идеология, инструмент политической борьбы.

Литература

1. Волков-Пепоянц Э.Г. Метаморфозы и парадоксы демократии: политическая доктрина большевизма. Книга 1–2. Кишинев, 1993.
2. Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003.
3. Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. Ростов н/ Д., 1992
4. Гайда А.В., Лабутин К.М., Мошкин С.В. Марксизм Иосифа Сталина (философско-политологические этюды) Екатеринбург, 2001.
5. Лукач Д. Ленин: исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М., 1990.

ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XX ВЕКЕ (ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ)

В.Ю. Лукьянов

В XX столетии на мировой арене возник и существенно усилил свои позиции такой фактор формирования системы международных отношений, как идеология. Многие глобальные события XX столетия – Вторая мировая война, противостояние СССР и США, охватившее период второй половины XX столетия – носили ярко выраженный идеологический характер. Исходя из этого, представляется необходимым кратко проанализировать основные этапы развития идеологии как фактора, формирующего систему международных отношений.

В течение длительного периода идеология как фактор, влияющий на формирование системы международных отношений, не играла сколько-нибудь существенной роли. В основе формирования системы международных отношений пока еще лежал «классический» принцип «баланса сил», который исходил из того, что главным фактором формирования системы международных отношений является «…конкретно историческое соотношение удельного веса и влияния входящих в систему государств, в первую очередь великих держав» [1, с. 7]. Иными словами, главным и по существу единственным «действующим лицом» международных отношений являлось государство, его военный, политический и экономический потенциал.

Первые предпосылки изменения статуса идеологии можно отнести к периоду конца XIX – начала XX веков. Именно в это время происходит качественное изменение содержания системы международных отношений. Сущность этого изменения состоит в том, что система принимает глобально зависимый характер. Любое событие, происходящее на мировой арене, грозило привести к возникновению глобального конфликта, открытому военному столкновению великих держав. Это было связано с формированием в конце XIX – начале XX веков двух противостоящих друг другу военно-политических блоков – Антанты и Тройственного союза. Именно по такому сценарию началась Первая мировая война. Незначительное само по себе событие – убийство австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда – привело в действие своего рода «принцип домино», втянув в разгоревшийся конфликт практически все сильнейшие государства мира.

Правда, в период конца XIX – начала XX веков складывались только лишь предпосылки изменения положения идеологии в системе международных отношений. Однако произошедшее качественное изменение, приобретение системой международных отношений глобально зависимого характера неизбежно должно было в перспективе означать и повышение значения идеологического фактора.

В целом же период конца XIX – начала XX веков, до 1918 г., т.е. до момента окончания Первой мировой войны, можно определить как «первая двухполюсность», в основе которой лежало противостояние Антанты и Тройственного союза. «Первая двухполюсность» оказалась непрочной. По окончании Первой мировой войны международные отношения вернулись к многополюсной структуре, основанной на взаимном противостоянии друг другу целого ряда сильных в военном и экономическом отношении государств мира. Причина этого заключалась в том, что противостоящие друг другу военно-политические блоки – Антанта и Тройственный союз – не были идеологическими, мировоззренческими антагонистами. Существовавшие между нами противоречия носили не идейный, но сугубо «материальный» характер – борьба за раздел сфер влияния, колониальных владений и т.д.

По окончании Первой мировой войны международные отношения перешли от двухполюсной (Антанта – Тройственный союз) модели к многополюсной. Главными элементами сложившейся послевоенной многополюсности были США, Франция и

Англия – государства-победители. Кроме того, потенциально значимыми элементами вновь складывающейся многополюсной модели были Германия и вновь образованное государство – Советская Россия.

Существовавшая в Европе 20-х – 30-х годов многополюсная система международных отношений приобрела новое важное качество – идеологизированность. Связано это было в первую очередь с появлением в Европе 20-х – 30-х годов государств принципиально нового типа – тоталитарных диктатур, крупнейшими из которых стали коммунистический СССР и национал-социалистическая Германия. Именно идеология играет важнейшую роль в формировании как внутренней, так и внешней политики тоталитарного государства. Важно было и то, что по своей внутренней сущности, внутренней природе тоталитаризм был диаметрально противоположен демократии, отрицая те духовные и политические ценности, на которых последняя была основана.

В основу советской концепции формирования внешней политики была положена идея классовой борьбы, классового подхода. Суть ее заключалась в том, что весь ход развития системы международных отношений после октября 1917 года предопределялся противоборством капиталистической и социалистической формаций. При этом СССР, являясь в период 20-х – 30-х годов единственным представителем новой социалистической формации являлся, с точки зрения классовой концепции «осажденной крепостью», существовавшей во враждебном капиталистическом окружении. Согласно той же классовой концепции сосуществование СССР и капиталистического окружения возможно лишь в краткосрочной исторической перспективе и носит вынужденный характер. В долговременной перспективе никакого сотрудничества между капитализмом и социализмом быть не может.

Очень важным было также и то обстоятельство, что упомянутый «классовый подход» не делал никаких различий между западными демократиями и тоталитарными режимами, объединяя их общим названием «капиталистическое окружение». С точки зрения господствующей в СССР идеологии между западно-демократическими государствами Европы и национал-социалистической Германией не существовало никаких принципиальных различий. Если между Германией и западными демократиями и велась борьба, то она предопределялась «межимпериалистическими противоречиями». Кроме того, как демократический Запад, так и национал-социалистическая Германия должны были, с точки зрения теории «классового подхода», испытывать одинаково сильную классовою неприязнь к социалистическому СССР.

Подобный «классовый», идеологизированный подход к формированию внешнеполитического курса СССР порождал серьезные просчеты в области конкретной внешней политики в период между первой и второй Мировыми войнами. Наиболее важным из них было неправильное понимание природы фашизма, его оценка исключительно как одной из разновидностей капитализма, лишенной какой либо самостоятельности и своеобразия.

В формировании внешней политики другого крупнейшего тоталитарного государства того периода – национал-социалистической Германии идеология также играла серьезную роль. В ее основе лежал своего рода «идеологический фундамент» в виде теорий «избранности» немецкой расы, ее права на захват «жизненного пространства», проведение агрессивной внешней политики [2]. Главный вывод, который можно сделать, оценивая роль и значение идеологии в формировании системы международных отношений в период между первой и второй Мировыми войнами, – вывод о достаточно высоком уровне ее независимости и самостоятельности при формировании внешнеполитического курса тоталитарных государств. При формировании внешнеполитического курса и СССР, и Германии идеология и внешняя политика были связаны в единое целое. Идеология указывала на те задачи, которых должна была достигнуть внешняя политика. При этом тоталитарная идеология ставила перед внешней политикой задачи

именно глобального, планетарного характера. В случае с Германией – концепция «расширенной внешней политики», в случае с СССР – «мировой революции».

Разумеется, внешняя политика тоталитарных государств не определялась только идеологией. На ее формирование значительное воздействие оказывали и другие факторы, в первую очередь фактор объективно складывающегося на мировой арене соотношения сил. Однако идеологическая составляющая, идеологическая доктрина, положенная в основу глобальной внешнеполитической стратегии тоталитарного государства, не забывалась и не отбрасывалась никогда.

С другой стороны, идеологический компонент в период между первой и второй Мировыми войнами стал играть гораздо большее значение и при формировании внешней политики демократических государств. Основным проявлением этой тенденции стала попытка создания новых, демократических принципов, которые могли бы быть положены в основу функционирования системы международных отношений.

Автором этих принципов стал президент США В. Вильсон. Идея В. Вильсона сводилась к необходимости дополнения традиционного принципа «баланса сил» принципами демократизации и правового регулирования системы международных отношений. «Традиционную систему «баланса сил», оказавшуюся неспособной предотвратить мировую войну, он (В. Вильсон – *В.Л.*) предлагал подкрепить обязательными для всех субъектов МО правовыми нормами и положениями, создав при этом особый механизм для предупреждения и мирного разрешения международных конфликтов. Инструментом и гарантом нового мирового порядка должна была стать постоянно действующая международная организация – Лига Наций»[1, с. 33]. По мысли В. Вильсона, Лига Наций должна была «объединить все государства для сотрудничества и мирного разрешения международных конфликтов, а также солидарного противостояния любому агрессору» [1, с. 33].

С точки зрения автора правомерно утверждение о том, что образование Лиги Наций преследовало не только конкретную, практическую цель – создание международного органа для предотвращения угрозы войны. Не меньшее значение имела другая, идеологическая сторона. Задача Лиги Наций заключалась во внедрении в систему международных отношений принципов превосходства права над силой, миролюбия, коллективного разрешения возникающих проблем с учетом интересов и мнений всех заинтересованных сторон, т.е. всего того, что можно определить как идеологию демократии.

Именно создание Лиги Наций положило начало так называемой «политике пацифизма», достаточно активно проводимой демократическими государствами в период 20–30-х годов. Следует особо подчеркнуть, что шаги, предпринимаемые демократическими государствами в рамках «политики пацифизма», носили не конкретный, практический, а скорее морально-нравственный характер. Их цель заключалась не в навязывании государствам участникам Лиги Наций каких-либо жестких норм и ограничений, а в демократизации системы международных отношений в целом, повышению уровня политической культуры государств-участников, формировании демократической идеологии системы международных отношений.

Все усилия, предпринимаемые авторами «политики пацифизма», оказались напрасными. Попытки демократизации системы международных отношений в период между первой и второй Мировыми войнами провалились. Этот провал был предопределен двумя основными причинами. Ими стали «…отказ США под давлением изоляционистской философии от ответственности за европейские дела и раскол Европы по политико-идеологическому признаку после выяснения невозможности нормального включения России в европейские и мировые отношения после победы большевистского переворота и установления в ней советского строя» [3, с.16].

Оставляя в стороне проблему самоустранения США от решения европейских проблем в период 30–40-х годов, поскольку эта тема выходит за рамки статьи, остановимся на второй причине – политико-идеологическом расколе Европы. С точки зрения автора, данная мысль является абсолютно справедливой. Крах Версальско-вашингтонской системы международных отношений, существовавшей в период 20–30-х гг. XX столетия, и начало второй Мировой войны были предопределены в значительной степени именно идеологическими факторами. Разумеется, значение идеологического фактора в системе международных отношений в период между первой и второй Мировыми войнами не следует переоценивать. Не меньшее значение имел рассмотренный выше фактор объективных реалий, складывающихся на мировой арене. Однако принципиально новый момент в развитии системы международных отношений межвоенного периода заключался в том, что идеологический и геополитический факторы стали одинаково значимы.

Окончание Второй мировой войны привнесло глобальные изменения в систему международных отношений и усилило тенденции к ее идеологизациии. Главным итогом войны стало формирование новой, биполярной системы международных отношений, основанной на противостоянии двух сверхдержав, СССР и США, и возглавляемых ими военно-политических союзов – НАТО и ОВД.

Как уже указывалось выше, столкновение в годы войны шло между тремя мировоззренческим направлениями – фашизмом, коммунизмом и демократией. Одним из главных итогов второй мировой войны стало сокрушительное поражение одной их форм тоталитарной идеологии – фашизма, в первую очередь его германского варианта – национал-социализма. Именно поражение фашизма и в военном, и в идеологическом плане определило вектор идеологического развития системы международных отношений после окончания Второй мировой войны. В идеологическом ракурсе основной итог Второй мировой войны заключался в том, что «наиболее агрессивная группа тоталитарных государств была разгромлена, агрессия как форма проведения государственной политики была скомпрометирована, осуждена и во многом вытеснена из сферы общения между государствами. Хотя это не означало принципиального уменьшения роли фактора силы в мировой политике, формы применения силы стали более сдержанными... Колоссальную морализирующую роль сыграл разгром идеологии нацизма, воинствующего шовинизма, расового превосходства и антисемитизма. Радикальные идеологические доктрины подобного рода фактически уже никогда не принимались за основу государственной политике в одной стране» [3, с. 318].

Однако приведенный тезис может быть признан справедливым лишь в глобальном смысле, при рассмотрении трансформации системы международных отношений на протяжении всей второй половины XX века. При проведении более детального анализа развития системы международных отношений, предусматривающего рассмотрение отдельных периодов ее развития приведенное выше утверждение представляется сомнительным. Так, формирование основ новой, послевоенной системы международных отношений в первое послевоенное десятилетие, то есть в период середины 40-х - середины 50-х годов носило ярко выраженный идеологический характер. При этом взятые за основу для формирования системы международных отношений идеологии носили агрессивный, воинственный характер.

Послевоенный раскол мира проходил не только между двумя сверхдержавами – СССР и США, но и между двумя идеологиями, мировоззрениями – демократией и коммунизмом. И та, и другая сторона при определении и формировании курса внешней политики брали на вооружение следующий принцип; «СССР и США – абсолютно несовместимые и непримиримые общественно-политические системы. Никакое сотрудничество, даже сосуществование между ними в долгосрочной перспективе невозможно.

Противоположная сторона (СССР или США) есть абсолютное и безусловное зло, которое должно быть уничтожено».

Для СССР подобный вывод логически вытекал из самой сути марксистской идеологии, применения принципа «классового подхода» для решения как внутриполитических, так и внешнеполитических проблем. Практически в течение всего периода существования СССР неизменным оставался принцип, сформулированный основателем советского государства В.И. Лениным: современная эпоха есть эпоха перехода человечества от капитализма к социализму и коммунизму.

Однако, с другой стороны, США, как и весь западный мир в целом, в первые послевоенные годы проявляли не меньшую идеологическую нетерпимость в отношении СССР, видя в нем главный источник угрозы для Запада. США демонстрировали полное и абсолютное неприятие коммунистической идеологии, советской общественно-политической системы и т.д. Моментом, объединяющим противостоящие стороны, стала именно идеологическая нетерпимость, абсолютная убежденность в собственной правоте и неправоте оппонента.

В целом «*стержнем политической истории мира стала дихотомия: демократия - тоталитаризм.* Именно противостояние демократии и тоталитаризма придало двухполюсности качественно новые черты, которые свидетельствовали о превращении ее из преходящего отклонения от многополюсности в относительно самостоятельную и устойчивую систему международных отношений антагонистического типа» [4, с. 34]. При этом «оба государства (СССР и США – В.Л.) исповедывали отчетливо выраженный мессианизм, опирающийся на твердое убеждение, что именно их модель в конечном счете победит во всем мире» [4, с. 39]. Именно идеологическое противостояние по линии демократия – тоталитаризм перевело послевоенную двухполюсность СССР – США в качественно новое состояние.

Двухполюсная структура начала XX века – Антанта и Тройственный союз – вообще была лишена какого-либо «идеологического содержания» и в значительной степени именно поэтому оказалась непрочной и недолговечной.

Двухполюсная структура периода второй Мировой войны – Антигитлеровская коалиция и Тройственный пакт – уже несла в себе упомянутое идеологическое содержание. Противостояние в годы войны шло не только между Антигитлеровской коалицией и Тройственным пактом, но и между идеологиями фашизм – антифашизм. Однако идеологическое противостояние фашизм – антифашизм в значительной степени ослаблялось различной социально-политической природой государств-участников Антигитлеровской коалицией, антагонистическими противоречиями, существующими между СССР, с одной стороны, Англией и США – с другой. Идеологическая база Антигитлеровской коалиции носила негативный характер, т.е. была основана лишь на совместном неприятии идеологии фашизма. Позитивного содержания в виде каких-либо общих идеологических ценностей у нее не было. Именно это привело к тому, что уже в конце Второй мировой войны, когда поражение Германии и ее союзников стало неизбежным, противоречия между государствами Антигитлеровской коалиции становятся все более сильными и в конце концов приводят к ее распаду.

Двухполюсная модель, сформировавшаяся в первые послевоенные годы, носила принципиально иной характер. Созданные НАТО и ОВД были не только военно-политическими блоками, объединенными общими внешнеполитическими интересами, как это было в случаях Антанта – Тройственный союз, Антигитлеровская коалиция – Тройственный пакт, но и идеологическими структурами. Объединяющим фактором стало разделение по принципу «тоталитаризм – демократия» в трактовке США и НАТО, «коммунизм – капитализм» в трактовке СССР и ОВД, т.е. абсолютное неприятие противостоящей общественно-политической модели.

Можно сказать, что в первое послевоенное десятилетие, с середины 40-х до середины 50-х гг., происходила абсолютизация роли и значения идеологии в определении внешнеполитического курса СССР и США, которые, в свою очередь, определяли ход развития системы международных отношений в целом. Идеология в названный период если и не заменяла внешнюю политику полностью, то, во всяком случае, оказывала очень существенное воздействие на ее формирование. При определении своих внешнеполитических интересов и СССР и США зачастую руководствовались не складывающимися в мире реалиями, а идеологическими доктринами. Именно период середины 40-х – середины 50-х гг. был временем наиболее жесткого и бескомпромиссного противостояния СССР и США.

При этом следует подчеркнуть, что в послевоенный период появляется принципиально новый фактор, оказывающий влияние на формирование системы международных отношений – ядерное оружие. Ядерное оружие, обладателем которого стали США, а чуть позже и СССР, наложило особый отпечаток на их противостояние в условиях идеологической непримиримости.

Важно отметить также, что в годы «холодной войны» идеологическое противостояние СССР – США, демократия – тоталитаризм приняло глобальный характер. Оно распространялось не только на СССР и США и даже не только на НАТО и ОВД, но охватило практически весь мир. Это стало следствием того, что уже в первое послевоенное десятилетие СССР и США установили свои зоны влияния практически по всему миру.

Ядерное противостояние в условиях господства идеологической догмы о борьбе между социализмом и капитализмом (СССР) и между демократией и тоталитаризмом (США), идеи о неизбежности схватки между ними, взятой на вооружение обеими сторонами, грозило привести к катастрофическим последствиям. Налицо был серьезный разрыв между идеологией и складывающимися внешнеполитическими реалиями. Идеологические установки, взятые на вооружение еще в период 20-х – 30-х гг., серьезно отставали от принципиально новых условий ядерной эпохи.

Ядерное оружие привело к появлению принципиально нового фактора развития системы международных отношений – взаимной заинтересованности в предотвращении ядерной войны. В идеологическом плане возникла необходимость перехода от принципов жесткого противостояния к сотрудничеству и компромиссу.

Принципиальное изменение ситуации в противостоянии СССР и США происходит в период середины 50-х гг. Не ставя под сомнение базовый, определяющий принцип советской внешней политики – о неизбежности краха капитализма и победе социализме в глобальном масштабе, СССР, тем не менее, подверг этот принцип существенной корректировке. «Вместо абсолютизации классовой борьбы на мировой арене акцент был перенесен на утверждение мирного сосуществования государств с различным общественным строем. КПСС отказалась от прежней увязки военной угрозы с существованием капиталистической системы. Прозвучал тезис об отсутствии фатальной неизбежности новой мировой войны» [4, с. 183]. В целом период середины 50-х – середины 80-х гг. можно определить как период отказа противостоящих сторон от крайностей идеологизации внешней политики, ослабления позиций идеологии в системе международных отношений.

На современном этапе идеология как фактор формирования системы международных отношений развивается неравномерно. В период 90-х годов в результате распада СССР и мировой коммунистической системы, победы США и их союзников происходит своего рода абсолютизация идеологии демократии. Казалось, что именно демократическая идеология, присущие ей ценности станут основой для формирования сбалансированной и гармоничной системы международных отношений, лишенной угрозы войн и основанной на принципах сотрудничества различных государств мира. В ре-

зультате, сама проблема идеологии как фактора формирования системы международных отношений утратит свою актуальность. Однако в реальности этого не произошло. В период начала 21 века США, играющие доминирующую роль в определении хода развития современной системы международных отношений, взяли на вооружение элементы тоталитарной идеологии – откровенное вмешательство в дела других государств, политическое и экономическое давление на них, вплоть до открытого военного вторжения. Все это можно определить как своего рода «синдром тоталитарных идеологий». Таким образом, роль и значение идеологии как фактора формирования системы международных отношений не утрачены. Главная задача идеологии – гуманизация международных отношений, борьба с упомянутым выше стремлением использовать тоталитарные методы формирования последних.

Литература

1. Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития. М., 1995.
2. Буханов В.А. Европейская стратегия германского национал - социализма и ее крах: идейно-политические проблемы. Екатеринбург, 1998.
3. Кризис и война: международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30-х – 40-х годах. М., 1998.
4. Быков О.Н. Международные отношения в 20 веке: трансформация глобальной структуры. М., 2003.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Н.И. Красильников

Введение

В современных условиях много нареканий высказывается в адрес законодательной власти, принимающей несовершенные законы, несвоевременно реагирующей на реалии жизни. Примеров неудачного законотворчества много. Прежде всего, это популистские законы о льготах, не обеспеченные материально. К ним же можно отнести нормы, регулирующие курение табака, но не предусматривающие какой-либо юридической ответственности за их нарушение. Однако в некоторых случаях законодатель уже принял свое решение, а проблема состоит в практической реализации правовых норм. Примером является Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам прикомандирования и перевода военнослужащих, а также приостановления военной службы» от 6 июля 2006 г. № 105-ФЗ.

В свете принятия ряда правовых актов, регулирующих вопросы государственной службы в целом и такого ее вида, как военная служба, вопросы, связанные с прохождением военной службы – особого вида федеральной государственной службы в России, приобретают особую актуальность и значимость, в связи с чем требуют отдельного рассмотрения и разрешения.

Прохождение военной службы не на воинских должностях

В соответствии с п. 1 ст.2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ под военной службой следует понимать особый вид федеральной государственной службы, исполняемой гражданами в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также во внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации, в войсках гражданской обороны, инженерно-технических и дорожно-строительных воинских формированиях при федеральных органах исполнительной власти, Службе внешней разведки Российской Федерации, органах Федеральной службы безопасности, федеральном органе специальной службы информации, федеральных органах государственной охраны, федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации, воинских подразделениях Федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях, а также иностранными гражданами в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах.

Федеральный закон «О системе государственной службы» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ в ст. 6 определяет военную службу как вид федеральной государственной службы, представляющий собой профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства, которым присваиваются воинские звания.

Рассмотрение указанной правовой нормы позволяет сделать вывод о том, что такая профессиональная деятельность и вид государственной службы, как военная, осуществляется гражданами на воинских должностях с присвоением воинских званий.

Еще со времен Советского Союза значительное количество военнослужащих прикомандировывалось к различным организациям и ведомствам (Росатом, Роскосмос, Ро-

соборонэкспорт и др.). Эти военнослужащие выполняли важные государственные, но не связанные с оборонным ведомством, задачи. Они входили в численность вооруженных сил Министерства обороны Российской Федерации, т.е. Министерство обороны несло все социальные заботы об этих военнослужащих. Следовательно, вполне понятно желание военного руководства об исключении такого правового института, как «прикомандирование», из Закона «О воинской обязанности и воинской службе». В этой связи был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам прикомандирования и перевода военнослужащих, а также приостановления военной службы» от 6 июля 2006 г. № 105-ФЗ. Этот Закон отменяет не только правовой институт «прикомандирования», но и устанавливает новый правовой институт «направление» не на воинские должности в международные организации, организации, осуществляющие деятельность в интересах обороны страны и безопасности государства, и на военные кафедры при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования.

В новой редакции ст. 42 Федерального закона «О воинской обязанности и воинской службе» закреплено, что военнослужащий проходит военную службу на воинской должности, за исключением случаев, указанных в п. 4 данной статьи:

- нахождение в распоряжении командира (начальника) – не более трех месяцев;
- нахождение в распоряжении командира (начальника) в связи с проведением организационно-штатных мероприятий – не более шести месяцев;
- нахождение в распоряжении командира (начальника) в связи с возбуждением в отношении военнослужащего уголовного дела – до вынесения решения по уголовному делу.

Федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации могут быть установлены другие случаи прохождения военнослужащим военной службы не на воинских должностях.

Статья 6 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» приведена в соответствие с нормами Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», поскольку исключить прохождение военной службы не на воинских должностях практически невозможно в силу объективного существования вероятности возникновения ряда ситуаций, связанных с прохождением военной службы (организационно-штатные мероприятия, возбуждение уголовного дела в отношении военнослужащего и т.д.). В противном случае можно вести речь об исключении ряда правовых институтов, например, зачисление в распоряжение командира (начальника).

Приостановление военной службы

Обратимся к толкованию указанного понятия. «Приостановить» обозначает остановить, задержать на некоторое время. Приостановление – это действие, которое прекращает на какое-то время течение чего-либо или какой-то длящийся процесс, которые можно назвать объектами приостановления. В данном случае под действием или процессом понимается сама военная служба.

В новой редакции ст. 45 п. 1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» сказано: «Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, в случае избрания их депутатами Государственной Думы, Федерального собрания Российской Федерации, депутатами законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутатами представительных органов муниципальных образований, осуществляющие указанные полномочия на постоянной основе, наделенные полномочиями высших должностных лиц субъектов Рос-

сийской Федерации, избранные (назначенные) членами Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, имеют право либо на увольнение с военной службы, либо на приостановление военной службы».

Указанные правовые нормы определяют следующие характерные правовые особенности приостановления военной службы для данной категории лиц:

- прекращение действия контракта о прохождении военной службы;
- освобождение от занимаемой воинской должности;
- в период приостановления военной службы военнослужащими не присваиваются очередные воинские звания;
- срок приостановления военной службы засчитывается военнослужащим в выслугу лет и в срок службы в присвоенном воинском звании.

В п. 2 данной статьи сказано: «У военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, в случае направления их не на воинские должности в международные организации, организации, осуществляющие деятельность в интересах обороны страны и безопасности государства, и на военные кафедры при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, военная служба приостанавливается».

Для данной категории лиц установлено, в отличие от предыдущей, что срок приостановления засчитывается в общий трудовой стаж, а не в выслугу лет, при назначении пенсии за выслугу лет.

Таким образом, созданы две категории военнослужащих, которым может быть приостановлена военная служба: «льготная» и «не льготная». Представляется, что этим законодатель нарушает ст.19 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой гарантируется равенство прав граждан без какой-либо дискриминации. Следовательно, имеется судебная перспектива обращения в Конституционный Суд Российской Федерации об оспаривании данного положения.

Кроме того, законодателем не урегулирован вопрос о статусе военнослужащего. В соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. №76-ФЗ граждане приобретают статус военнослужащего с началом военной службы и утрачивают его с окончанием военной службы. Фактически законодатель лишил военнослужащих, которым приостановлена военная служба, статуса военнослужащих, не внеся изменения в соответствующий законодательный акт.

В последнее время стало очень популярным проверять законодательные акты на коррупциогенность. Фондом «Центр стратегических разработок» разработана Памятка эксперту по первичному анализу коррупциогенности законодательного акта. В соответствии с этой Памяткой одним из серьезных коррупциогенных факторов законодательства является множественность вариантов диспозиций правовых норм, т.е. их отсылочный (отсылка к норме другой статьи или другого нормативного акта) или бланкетный (предоставление органам военного управления самостоятельно устанавливать правила поведения) характер. Это обусловлено тем, что, оставляя более конкретное регулирование нижестоящим органам управления и должностным лицам, законодатель провоцирует указанные органы и указанных должностных лиц на создание условий, удобных прежде всего им самим, зачастую в ущерб и удобству граждан.

Согласно проведенным подсчетам, в данном Законе имеется восемь отсылочных и бланкетных норм, при том, что весь Закон состоит из восьми статей.

Заключение

Приведенный в настоящей статье далеко не полный анализ некоторых положений Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам прикомандирования и перевода военнослужащих, а

также приостановления военной службы» от 6 июля 2006 г. № 105-ФЗ свидетельствует о достаточно высокой недоработке его норм. Из этого можно сделать вывод о том, что еще на этапе нормотворчества необходимо исключить возможность появления в военном законодательстве норм, усложняющих (прямо или косвенно) управленческий процесс и формирующих тем самым питательную среду для возведения административных барьеров.

Литература

1. Конституция Российской Федерации.
2. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. №53-ФЗ.
3. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ
4. Федеральный закон «О системе государственной службы» от 27 мая 2003 г. №58-ФЗ.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам прикомандирования и перевода военнослужащих, а также приостановления военной службы» от 6 июля 2006 г. №105-ФЗ.
6. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М., 1983. Т.3.
7. Краснов М.А., Таланина Э.В., Южаков В.Н. Коррупция и законодательство: анализ на коррупционность. // Журнал Российского права. 2005. №2.

РЕАКЦИЯ БОГОСЛОВОВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА СОБОР 1917–1918 ГОДОВ

Иакинф Дестивель

Восприятие соборов не ограничивается практическим применением их постановлений. Большинство богословов, например А. Грилльмейер, считают, что оценка любому собору должны быть дана в трех областях христианской жизни: в богословии, в духовности, в литургии[1]. Иногда восприятию соборов препятствуют внешние обстоятельства. Последовавшие за Собором 1917–1918 гг. события оказались особенно драматическими. Поэтому, не имея полной возможности оценить реакцию народа Божьего на определения Собора, следует обратиться к восприятию их признанными богословами. Но и эта задача осложняется прерыванием богословской мысли в России в советский период. Русские богословы эмиграции не всегда имели доступ к деяниям и постановлениям Собора. Те из них, кто рискнул дать богословскую оценку соборным реформам, действовали не систематично, а в связи с какой-нибудь иной проблемой. Тем не менее, редкие отзывы свидетельствуют о несколько критическом подходе к Собору 1917–1918 гг. и с богословской точки зрения (Афанасьев), и с канонической (Шмеманн), и с исторической (Мейендорф), и с духовной (Флоровский) [2].

А. Демократическое понимание Церкви

Поощрение роли мирян в церковной жизни – главная особенность Собора 1917–1918 гг., хотя ни одно из определений не рассматривает этот вопрос в отдельности. Соборность рассматривалась Собором в основном как активное участие мирян в церковном управлении. Протопресвитер Николай Афанасьев относится очень критично к подобному подходу и отрицательно оценивает роль, уделенную Собором мирянам в церковной администрации[3]. По этой причине отец Николай Афанасьев является самым критичным богословом по отношению к духу и трудам Собора 1917–1918 гг. и, в конце концов, к самому его созыву и составу[4]. По его мнению, понимание роли мирян обусловлено на Соборе только демократическими, а не богословскими идеалами.

О. Николай Афанасьев считает, что царское и пророческое служение мирян должно осуществляться в харизме свидетельства о Христе миру, а не в учении и не управлении. Участие мирян в церковной администрации, основанное на демократических принципах, предполагает юридический подход к Церкви, настолько утвердившийся в наше время, что оспаривать его не представляется более возможным: «Как ни грозно обвинение в клерикализме, и можно, и нужно спросить себя, является ли аксиома самоуправления мирян выражением нормы активности и участия лаиков в церковном управлении» [5].

1. Принципы и их извращение

По мнению Афанасьева, царское, пророческое и священническое служение мирян должно проявляться по-разному в разных областях. Свое священническое достоинство народ Божий проявляет непосредственно: вступая в Церковь, каждый крещенный поставляется в ней священником и сослужителем предстоятеля [6]. Однако соучителями и соправителями миряне быть не могут. Ссылаясь на 1 Кор. 12, 28 и Еф. 4, 11, о. Николай Афанасьев утверждает, что управление Церковью и проповедь являются особыми дарами Духа Святого[7]. Тем не менее, по примеру священномученика Киприана Карфагенского, постоянно спрашивавшего в своих письмах мнение своих подопечных[8], миряне имеют право на суждение по поводу управления архиерея и проповеди: «Народу в этих областях принадлежит испытание, которое выражается в консенсусе и в церков-

ной рецепции»[9]. Именно таким образом народ церковный осуществляет свое царское служение: не имея дара управления и проповеди, он следует своим пастырям, свидетельствуя о своем с ними согласии и соответствии их дел воле Божией. Он не управляет Церковью, не будучи наделен харизмой управления, а царствует по данной ему в крещении царской благодати.

Согласно о. Николаю Афанасьеву, «в современном догматическом богословии и церковном праве участие народа в жизни Церкви строится на противоположных началах: священнодействие усваивается только церковной иерархией с полным отстранением мирян, к управлению народ допускается в качестве соуправителей епископа, а учительство усваивается лицами, не имеющими дара учительства»[10]. Этот процесс перемены ролей корнями своими уходит в константиновскую эпоху: ревниво сохраняя за собой сакраментальную область, священнослужители вынуждены были сделать мирянам значительные уступки в области управления. Подобная эволюция обусловлена постепенным превращением Церкви в юридическую структуру, в которой епископ стал неким сверхчиновником, подчинившим себе остальных священнослужителей и мирян. Этот процесс достиг апогея в России в синодальный период.

2. Псевдодемократический подход Собора 1917–1918 гг. – продолжение синодального периода

В глазах Афанасьева Собор 1917–1918 гг., желая упразднить расстояние, отделяющее мирян от епископата, на самом деле привел к обратному результату и стал плодом этого разделения. Право настолько проникло в церковные недра, что Собор вынужден был действовать в своих реформах теми же самыми методами, которые использовались ранее. Таким образом, он невольно стал продолжателем эпохи, которой хотел положить конец.

Собор привлек мирян к соуправлению Церковью в качестве помощников архиерея на представительной основе, а не согласно древней норме. Церковь была переустроена на всех уровнях (высшем, епархиальном, приходском, монастырском) по принципу репрезентативности. О. Николай Афанасьев считает, что «…Московский собор не заметил, что идея представительства как правовая идея к Церкви не применима. Епископ не является представителем своей епархии и не может действовать как ее представитель. Он возглавляет епархию как ее предстоятель и действует от имени Церкви при постоянно сопровождающем согласии и последующей рецепции народа. В епископе через согласие и рецепцию действует вся Церковь»[11]. По мнению Афанасьева, Собор 1917 г. выставляет мирян, участвующих в церковном управлении, представителями групп с различными интересами. А «…сумма имеющихся в Церкви отдельных групп не может составить живого тела Церкви. Воля Божия открывается только в Церкви, а не в соединении представителей отдельных групп»[12].

Таким образом, «как ни парадоксально, но по схеме Московского собора народ Божий не имеет участия в управлении». Миряне, превращенные в соуправителей, «не создают участия народа в управлении, а создают ряд должностных лиц и ряд церковных учреждений. Большинство этих учреждений было вновь создано Московским собором, но некоторые из них перешли из Синодального периода в новый, с соответствующими, конечно, изменениями. Между консисторией и епархиальным Советом нет различия по существу, а имеется только различие в большем или меньшем обладании прав, так как тот и другой орган – правовые учреждения. Выбранные мирянами лица разделяют с приходским священником, епархиальным епископом и Св. Синодом управление в Русской Церкви»[13].

В конечном итоге Собор учредил два конкурирующих вида власти: юридическую, основанную на идее представительства, и харизматическую власть архиерея. Но «каким образом в Церкви обычные выборы представителей от мирян могут их облечь служе-

нием управления и преподать им благодать для этого служения? Двухстепенные выборы в Епархиальный Совет и в центральные органы никакой гарантии церковности дать не могут, так как они не могут дать благодатных даров»[14]. Введение демократической легитимности, сопоставляемой с легитимностью харизматической, приводит, в конце концов, к обмирщению Церкви.

Конечно, Московский собор не отрицал благодатных даров управления у епископов, но, поставив с ним рядом мирян, которые по общему сознанию являются непосвященными, он тем самым признал до известной степени ненужными для управления церковью благодатные дары. Во всяком случае, управление в благодатном организме Церкви становится безблагодатным, лаицизированным в дурном смысле этого слова. Это тот тупик, в который право завело церковное сознание [15].

У Афанасьева это утверждение не является отрицанием царского служения каждого христианина. Оно отражает особое понимание того, как это служение осуществляется: не по принципу представительности, а через свидетельство. Только архиерей обладает даром и правом управления, тогда как народ Божий наделен правом свидетельства. Вообще, «для церковного народа не имеет значения, управляет ли епископ сам или с представителями от мирян. Это не имеет значения потому, что народ не выполняет того служения в области управления, к которому он призван Богом – служения свидетельствования. Этого служения народ не может передать своим представителям, так как благодать не передается никому. Эти представители не могут создавать ни согласие народа, ни его рецепцию, так как одно и другое принадлежит не отдельным членам, а всему народу. Впрочем, в схеме управления, установленной Московским собором, нет места ни для согласия народа, ни для церковной рецепции»[16]. А в Церкви, по мнению Афанасьева, не может быть соуправления мирян, если нет места для согласия и рецепции.

В заключение Афанасьев утверждает, что введение в церковную среду принципа представительности и соуправления является непосредственным влиянием революционного и демократического настроения общества того времени.

Как ни высоки и ни совершенны демократические принципы, которые введены в церковное управление Московским собором, но им нет места в Церкви, так как Церковь – не демократия, а народ Божий, избранный самим Богом и Им поставленный на служение в Церкви. Его активность не имеет ничего общего ни с избирательным, ни с представительными началами, а покоится на благодатных дарах. Народ Божий не может быть соуправителем с теми, кто через сообщение даров Св. Духа призван к управлению в доме Божьем[17].

*

Протопресвитер Николай Афанасьев в своей оценке Собора 1917–1918 гг. основывается на особой экклезиологии и особом понимании служения христиан, которые в данном труде анализированы не будут. Критикуя Собор, он верно подчеркивает, что соборные отцы 1917–1918 гг. многое восприняли от синодального периода и руководствовались принципами светской демократии. Совершенно очевидно, что епархиальные советы, в конце концов, во многом схожи с консисториями; разница между ними заключается лишь в том, что члены первого являются избранными. Несомненно и то, что исторический контекст подвиг Собор к некоторой абсолютизации выборного принципа; вследствие чего существовала действительная угроза того, что члены церковного управления превратятся в представителей различных групп интересов. Оба симптома Афанасьев приписывает юридическому подходу к Церкви.

Критика юридического права, которую развивает Афанасьев, звучала и на предсоборных работах, но совсем в другой форме. В Предсоборном Присутствии меньшинство, расположенное к предоставлению всем членам Собора равных прав при голосовании, упрекало остальных, т.е. большинство, в различении между делиберативным и

консультативным правом голоса. Профессор канонического права Н.С. Суворов в ответ на эту критику утверждал, что различие между Церковью земной и Церковью небесной невозможно: учение о Церкви как теле Христовом не может быть отделено от земных проявлений, обусловленных таинством Воплощения, в числе которых следует отметить тот факт, что отцы первых вселенских соборов оказались под влиянием римского права, четко различавшего обязанности и роль каждого из членов собрания [18].

Замечание Суворова следует принять во внимание и тем самым релативизировать критику Афанасьева. Хотя наблюдение о. Николая о том, что Церковь подверглась влиянию со стороны светского мышления, является верным, установленное им противостояние между харизматическим и демократическим принципами слишком бескомпромиссно. В 1917 г. Русская Церковь имела за собой два века вынужденной секуляризации своего управления, обладала разделенным на касты духовенством и испытывала давление со стороны демократических кругов, угрожавших ей расколом. Мог ли Собор игнорировать все эти обстоятельства во имя некоего абстрактного и невоплощенного идеала Церкви? Основанные им учреждения и предложенные процедуры, начиная с той, что была выдвинута архиепископом Сергием (Страгородским), были представлены не как единственные истинные и непреходимые установления, а как временные, необходимые тому времени, меры. Собор действительно ввел в лоно церковное демократию, но, несмотря на это, он позаботился и о сохранении харизматического принципа, гарантировав его следующими мерами: утверждением всех выборов священноначалием[19], обеспечением духовенства председательством на советах и собраниях[20] и предоставлением ему права вето на решения последних[21]. В конце концов, можно ли вообще назвать Собор 1917–1918 гг. демократичным, если он сам никогда этот термин не употребляет? Справедливее считать, что он просто попытался организовать дары Духа Святого таким образом, чтобы последнее слово принадлежало харизматической иерархии, действующей, однако, сообща с народом, а не в самодостаточной изоляции.

Б. Разделение между мирским и духовным

Александр Шмеманн в одной из кратких, но содержательных сносок[22], посвященных Собору 1917–1918 гг., разделяет критический настрой Афанасьева по отношению к соборным реформам, но настаивает на опасности разделения в Церкви между административной и духовной областью.

Приветствуя «свидетельство о жизненности» Церкви, данное Собором, Шмеманн подвергает критике его канонические постановления. По его мнению, соборные реформы руководствуются понятием соборности, основанном на принципе представительности и, следовательно, на конфликте интересов:

С этой точки зрения Собор 1917–1918 гг. не получил еще экклезиологическую оценку. Не отрицая его положительное значение в трагический момент российской истории, заключающееся, прежде всего, в свидетельстве жизненности Церкви, необходимо изрядно ограничить значение его канонической деятельности. Соборность была понята Собором как некая сложная система представления различных церковных степеней; самое неприятное последствие такого подхода – это мнение о том, что в Церкви интересы или точки зрения епископов, духовенства и мирян противопоставлены друг другу[23]. Верно, что понимание Церкви как суммы частных интересов, ставшее, по мнению Шмеманну, причиной различения Собором между мирским и духовным аспектами церковного управления, проявляется в распределении компетенций Священного Синода и Высшего Церковного Совета. О. Александр Шмеманн же считает, что подобное разделение противоречит христианскому учению о Воплощении Бога Слова.

Оттуда и все более и более четкая тенденция разделять жизнь Церкви на две сферы: одна из них чисто «духовная», касающаяся догматов и морали и входящая исключительно в введение духовенства, а другая – административная, в которой миряне, как

считается, должны иметь чуть ли не решающее значение. Все это мало соответствует учению о Церкви как о теле Христовом, в котором духовное воплощается, а земное одушевляется, учению о таинстве неразделимости Церкви, Христа в теле[24].

Критиковать различение в Церкви духовной и мирской областей и учреждение двух соответствующих видов инстанций (смешанных в области мирской и клерикальных в области духовной) было бы совершенно справедливо, если бы подобное разделение было действительно настолько четким, как это утверждает о. Александр Шмеманн. При строгом применении это разделение на самом деле вредит церковному единству. Следовательно, Шмеманн правильно отмечает наличие подобной угрозы и тенденций на Соборе 1917–1918 гг. Однако, как нам кажется, Собор, привлекая некоторых компетентных мирян к участию в принятии решений в областях, к которым они более причастны, не сделал из этого различения между мирскими и духовными вопросами общего принципа и не применял его систематически. Ни в одном определении Собор не предусматривает разграничения между духовной областью, вверенной исключительно священнослужителям, и административной, в которой миряне играли бы решающую роль.

Разграничение между мирскими и духовными вопросами являлось далеко не универсальной истиной для Собора 1917–1918 гг. На самом деле прибег он к нему только на уровне высшего управления, создав Высший Церковный Совет. Напротив, на приходском уровне, как мы уже отмечали, привлекая мирян к руководству общиной, Собор отчетливо утвердил первенство настоятеля и подчинение ему всех сторон приходской деятельности. Это единство мирского и духовного руководства приходов активно защищалось Русской Православной Церковью против советской власти, стремившейся всячески разделить обе области и доверить мирскую назначенным специально для этой цели мирянам[25]. Что же касается епархии, то верно, что миряне могли оказаться большинством в епархиальном совете (из пяти его членов только двое, в том числе председатель, должны были состоять в пресвитерском сане); при этом архиерей не обязательно председательствовал на его заседаниях. Тем не менее Собор не устанавливал никакого различия между мирскими делами, находящимися в ведении Совета, и духовными, вверенными архиерею. Напротив, вопросы, касающиеся распространения и сохранения веры, входили в число компетенций Совета[26] (они числятся даже на первом месте); между тем за архиереем не только признавалось право вето[27], но и требовалось, чтобы все решения органов епархиального управления приводились в исполнение только после утверждения их епископом[28]. Таким образом, высшее церковное управление стало единственным эшелоном, на котором действительно существовало разделение между мирскими и духовными делами.

Впрочем, Высший Церковный Совет, который, кстати, не является нововведением Собора 1917–1918 гг.[29], по всей вероятности, не был задуман как орган, представляющий интересы мирян. Он должен был быть именно «советом», в соответствии с данным ему названием, в котором несколько мирян, компетентных в экономических и юридических вопросах, имели право участвовать в принятии решений, не имея решающего голоса. Напомним, что миряне, число которых (6) соответствовало числу священнослужителей (5) и монахов (1), были все-таки меньшинством в Совете, в отличие от подобных структур восточных православных патриархатов[30]. Совет включал также председателя, Патриарха и трех архиереев. Кроме того, разделение компетенций Синода и Совета было далеко не четким. Мирская функция Совета ограничивалась повседневной администрацией и управлением. Рассмотрение важных вопросов в мирской области поручалось Собором совместному заседанию Синода и Совета[31]. На подобных совместных собраниях архиереи оказывались в абсолютном большинстве: 13 архиереев (в том числе Патриарх), шесть священнослужителей и шесть мирян. Напомним также, что определение о создании Высшего Церковного Совета так и не было приведено в исполнение. Архиепископия русских православных Западной Европы – единственная епар-

хия, применившая на практике критикуемый о. Александром Шмеманном принцип разделения, учредив Архиерейский комитет и Совет архиепископии.

В. Недостаточное переосмысление отношений между Церковью и государством

В отличие от Николая Афанасьева и Александра Шмеманна, Иоанн Мейендорф высказывался с осторожностью о богословском значении Собора 1917-1918 годов и о характере его канонических постановлений: «Собрания [...], избираемые непрямым голосованием в епархиях, стали выражением экклезиологических тенденций, доминировавших в Русской Церкви в XIX столетии, согласно которым миряне должны были разделять с архиереями и священнослужителями церковное управление на всех уровнях административного аппарата»[32]. Критике же о. Иоанн Мейендорф подвергает подразумеваемую соборную концепцию церковно-государственных отношений или скорее отсутствие точного их определения:

Чего не хватало, однако, большинству членов Собора 1917–1918 гг. и большинству русских того времени, так это достаточно четкого учения об отношениях между Церковью и новым российским государством. В короткое правление Керенского стремление к церковной независимости отчетливо наблюдалось в церковных кругах, а положительного учения о независимости государства от Церкви не существовало[33]. Отсутствие определения новых церковно-государственных отношений заставило Собор принять лишь вызванные обстоятельствами решения. Последние свидетельствуют о том, что Русская Церковь, желая независимости, совсем не намеревалась отказываться от своего привилегированного положения в государстве и отделяться от него:

Таким образом, церковные руководители смогли, в первую очередь, подтвердить свою ответственность за судьбы России, потребовав от Временного Правительства материальной поддержки для Православия как главной религии новой Республики, призывая армию продолжать войну с Германией и затем осудив Брест-Литовский мирный договор, подписанный Лениным. Эти поступки доказывают, что поначалу Церковь не намеревалась полностью отделяться от государства и что отделение это, состоявшееся по силе обстоятельств, не означало, что Церковь откажется от суждения по поводу правительственных действий. Она подготовила и осуществила свою внутреннюю реформу, но отношение ее к различным фазам русской Революции определялось ad hoc сознанием ее руководителей и, в особенности, ее предстоятелем, патриархом Тихоном[34].

*

Критика протопресвитера Иоанна Мейендорфа, более четкая и историческая, нежели критика Афанасьева и Шмеманна, является в то же время не менее глубокой. Напомним, что проблема церковно-государственных отношений была главной двигательной силой предсоборного процесса: поглощение Церкви государством при синодальном устроении стало невыносимым после опубликования указа о веротерпимости, поставившего Русскую Православную Церковь в конкурентное со старообрядцами и другими конфессиями положение. Неравенство, порожденное новой юридической ситуацией, признавалось в Записке митрополита Антония Совету Министров основным мотивом реформ. Однако предсоборные комиссии, подобно самому Собору, сосредоточили внимание на внутрицерковных преобразованиях и не провели должного переосмысления церковно-государственных отношений. Стремясь к независимости от государства, Церковь, тем не менее, требовала от светских властей не только протекции, но и привилегированного положения – не столько из принципа симфонии властей, сколько по привычке, принятой за время синодального строя. Впрочем, исторические обстоятельства, сложившиеся после отречения императора и установления антиклерикального и атеистического правительства, поставили Русскую Церковь в такое положение, какое она никак не могла предусмотреть.

Г. Собор, отмеченный духовным кризисом, но открывающий значительные перспективы

1. Собор 1917-1918 гг., отмеченный духовным кризисом, не может быть исчерпывающим

О. Георгий Флоровский, подобно упомянутым богословам, высказывает критическое отношение к Собору 1917–1918 гг., но по причине более духовной. Он считает, что духовный кризис, постигнувший Русскую Церковь в тот период, совсем не предрасполагал к спокойным размышлениям, основанным на молитве, аскезе и святоотеческом предании. Флоровский отмечает, что с самого начала предсоборного процесса в 1905 г. архиереи предлагали преобразовать Церковь чисто внешними организационными мерами, а не искали способов ее внутреннего возрождения:

Остается несомненным, однако, что внимание почти вполне поглощалось внешними реформами и преобразованиями. И очень немногие сознавали, что нужен духовный сдвиг. Очень немногие понимали, что восстановление внутреннего мира и порядка достижимо не на путях церковно-политических мероприятий, но только в духовном и аскетическом подвиге. Выход был именно в аскетическом собирании или возрождении. Но «аскетическую идею» нельзя было понимать формально. Ибо само монашество нуждалось в возрождении, против этого трудно было спорить[35].

Усилению духовного кризиса способствовала первая мировая война. В начале XX века символом русской духовной мысли стало Философско-религиозное общество им. Соловьева, основанное в 1907 г. и включавшее таких мыслителей, как С. Булгаков и Н. Бердяев, прошедших через марксизм, и таких, как П. Флоренский и А.Н. Трубецкой, увлеченных романтической философией и негласно основывавшихся на немецком идеализме. Выражавшаяся ими религиозная мысль была настолько же оторвана от народа, насколько и церковная иерархия[36]. Народу же в этот военный и демократически настроенный период не хватало «аскетической умеренности»: «В подсознательном скоплялись дурные мистические силы. Было время массового гипнотического отравления. Отсюда все нарастающее беспокойство, тревога сердца, темные предчувствия, много суеверий и изуверства, прелесть и даже прямой обман. Темный образ Распутина остается самым характерным символом и симптомом этой зловещей духовной смуты… В революции вся эта темная и ядовитая лава вырвалась на поверхность и затопила дневную историю»[37].

В подобном контексте духовного кризиса Церковь и Собор не смогли уберечь себя от вовлечения в неподвластное им течение, помешавшее им довести до благополучного конца «творимый исторический синтез»: «В такой психологической обстановке все исторические трудности и противоречия оказывались в особенности острыми. Это сразу же и сказалось в семнадцатом году. Сказалось и в жизни Церкви – и на собраниях епархиальных и общих, правящих и частных. Это был именно прорыв стихии. Отчасти это было и на Соборе. Наследие темного прошлого сказывалось, прорывалось и не было изжито, умеренно, претворено в мудрости творимого исторического синтеза. Для этого не было времени. Процесс продолжался и продолжается, но следить за ним историку трудно»[38].

Таким образом, по мнению о. Георгия Флоровского, Собор 1917–1918 гг. не может быть исчерпывающим. Потрясшие впоследствии Церковь расколы доказали a posteriori, что он оказался неспособным разрешить все вставшие перед Церковью вопросы: «Одно только ясно: Собор 1917–1918 гг. не был последним решением. Это было только начало, начало длинного, опасного и туманного пути. И на Соборе было слишком много противоречий, неразрешенность и даже неразрешимость которых с такой очевидностью вскрывалась в восстании «живой церкви» и во всей дальнейшей истории «обновленческого» движения и церковных расколов»[39].

2. Окончание петровской эпохи и «соприкосновение с будущим»

Несмотря на многие упреки в адрес Собора 1917–1918 гг., о. Георгий Флоровский, в отличие от о. Николая Афанасьева, считавшего Собор продолжателем синодальной эпохи, признает достоинством Собора то, что он положил конец петровской эре: «В одном только смысле Собор имел замыкающее, заключающее значение. Окончился Петровский период русской церковной истории. И было восстановлено патриаршество» [40].

К достоинствам Собора следует добавить, по мнению Флоровского, и желание не воспроизводить прошлое. В частности, патриаршество было скорее создано, нежели восстановлено. Вообще, Собор стремился разрешить проблемы своего времени на совершенно новой основе: то была «мужественная встреча с надвигавшимся будущим»[41].

*

Тогда как Афанасьев, Шмеманн и Мейендорф подчеркивают зависимость Собора от синодального строя, Флоровский является одним из редких богословов, признавших его разрыв с предшествующей петровской эпохой. Кроме того, о. Георгий Флоровский очень верно и чувствительно отнесся к духовному кризису, постигшему Россию в преддверье Революции. Упомянутый кризис, проявившийся в интересе к мистическому синкретизму, эзотеризму и даже оккультизму, характеризует весь этот период[42] и представляет собой в некотором роде бегство интеллигенции от тяжелого труда неизбежных общественных и политических реформ. Однако, разве Русская Православная Церковь не доказала на Соборе свой отказ от бегства и смелое намерение встать на путь прагматических реформ, охвативших все области церковного бытия? Конечно, простых преобразований внешних структур и церковной политики не могло хватить. Тем не менее, стоит ли упрекать Собор в том, что он занялся этими внешними сторонами церковного устроения и пастырской деятельности, которые одни только и входят в его компетенцию? Именно эти внешние преобразования должны были стать основанием

для внутреннего, духовного возрождения.

---

[1] См. *A. Grillmeier*, « The Reception of Chalcedon in the Roman Catholic Church » - The Ecumenical Review, 22 (1970), с. 383-411 и *M. Krikorian*, « La réception des conciles » - Istina 18/4 (1976), с. 378-402.

[2] С. Булгаков, член Собора 1917–1918 гг. (в качестве мирянина-делегата от Таврической епархии), также выражался критически по поводу Собора. Ещё в 1918 г. в диалоге под названием «На пиру богов», опубликованном в коллективном сборнике о русской революции «Из глубины», переизданном в 1992 г. в книге «Героизм и подвижничество» (М., с. 380-481), он упрекает Собор в том, что тот не пожелал рассмотреть догматические вопросы, как инославие (духовное и богословское движение в афонской иноческой среде: см. *Иларион (Алфеев)*, «Il concilio del 1917-1918 e la questione dell'onomatodossia», - *Il concilio di Mosca. Atti del VI Convegno ecumenico internazionale di spiritualità russa*, A. Mainardi (Ed.), Bose : Qiqajon, 2004, с. 317-328, а также *A. Nivière*, «Les moines onomatodoxes et l'intelligentsia russe», - Cahiers du Monde russe et soviétique 29 (1988), с. 181-194). В другом диалоге, «У стен Херсонеса» (написанном в Ялте в 1922, но оставшемся неизданным вплоть до его выхода в свет в 1991 в журнале Символ (25) и в 1993 году в Петербурге, а после и в Москве в сборнике «Труды по социологии и теологии», т. 2, «Статьи и работы разных лет 1902-1942, Наука, с. 351-500) устами вымышленных собеседников он обвиняет Собор в превращении патриарха в «конституционного монарха», в продолжении навязывания монашеского чинопоследования как образец для приходских служб и в включении мирян в Собор на правах полноценных членов. Однако особый контекст, в котором написано было произведение, последующий отказ от него Булгакова, литературные приёмы и мимоходность замечаний по поводу Собора не допускают серьезного анализа мнения автора (который, как нам кажется, больше о Соборе не выражался).

[3] См. *Протопресвитер Николай Афанасьев*, Церковь Духа святого. Киев, 2005. Глава 3, «Служение лаиков», с. 67-138.

[4] См. первую критику Собора 1917 года как выражения универсалистской экклезиологии, противоположной евхаристической, в статье « Le concile dans la théologie orthodoxe russe », - Irénikon 35 (1962), с. 316-339.
[5] *Н. Афанасьев*, Церковь Духа Святого, с. 107.
[6] *Н. Афанасьев*, Церковь Духа Святого, с. 137.
[7] *Н. Афанасьев*, Церковь Духа Святого, с. 107.
[8] Например в послании 14, 4.
[9] *Н. Афанасьев*, Церковь Духа Святого, с. 137.
[10] *Н. Афанасьев*, Церковь Духа Святого, с. 137-138.
[11] *Н. Афанасьев*, Церковь Духа Святого, с. 117-118.
[12] *Н. Афанасьев*, Церковь Духа Святого, с. 118.
[13] *Н. Афанасьев*, Церковь Духа Святого, с. 118.
[14] *Н. Афанасьев*, Церковь Духа Святого, с. 118-119.
[15] *Н. Афанасьев*, Церковь Духа Святого, с. 119.
[16] *Н. Афанасьев*, Церковь Духа Святого, с. 119.
[17] *Н. Афанасьев*, Церковь Духа Святого, с. 121.
[18] *Журналы и протоколы*, том 1, с. 18 и 190. Цит. *Боголеповым*, с. 32-34 и в сноске 43.
[19] В частности утверждение Священным Синодом избранного архиерея (I. V. «Определение о епархиальном управлении», ст. 16) и состава епархиального собрания (I. V. «Определение о епархиальном управлении», ст. 52), *Собрание определений и постановлений священного собора православной российской Церкви 1917-1918 годов*. Выпуски 1-4. Москва: Издательство Новоспасского монастыря, 1994 год. Репринт первоначального издания соборного Совета, вышедшего в свет в 1918 году под названием *Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений*. Москва: Издание Соборного Совета, 1918, в четырёх выпусках. Наши ссылки на соборные постановления состоят из двух римских цифр: первая указывает на выпуск, вторая - на номер определения.
[20] См. председательство настоятеля в приходском совете (III. II., «Приходской устав», ст. 75), патриарха на Священном Синоде и в Высшем Церковном Совете (I. III. «Определение о Священном Синоде и Высшем Церковном Совете», ст. 3). Однако, Собор не предусматривает председательства архиерея в епархиальном совете (I. V. «Определение о епархиальном управлении», ст. 49).
[21] Право вето Патриарха (I. III. «Определение о Священном Синоде и Высшем Церковном Совете», ст. 20) и архиерея (I. V. «Определение о епархиальном управлении», ст. 23 и 61).
[22] *А. Шмеманн*, « La notion de primauté dans l'ecclésiologie orthodoxe », в *N. Afanassieff, N. Koulomzine, J. Meyendorff, A. Schmemann*, La primauté de Pierre dans l'Église orthodoxe, Neuchatel: Delachaux & Niestlé, 1960, с. 117-150, в данном случае с. 150, сноска 1.
[23] *А. Шмеманн*, « La notion de primauté dans l'ecclésiologie orthodoxe », с. 150.
[24] *А. Шмеманн*, « La notion de primauté dans l'ecclésiologie orthodoxe », с. 150.
[25] См. выше и определения Собора 1945 года, отказавшегося от исполнения советского декрета 1929 года, исключавшего настоятеля из приходского управления.
[26] I. V. «Определение о епархиальном управлении», ст. 58 а.
[27] I. V. «Определение о епархиальном управлении», ст. 61.
[28] I. V. «Определение о епархиальном управлении», ст. 23.
[29] См. выше. В 1860 году Константинопольский Патриархат учредил параллельно с Постоянным Синодом смешанный совет из двенадцати членов, в котором миряне были большинством (четыре архиерея и восемь мирян). См. *Милаш*, Православное церковное право. Санкт-Петербург, 1897, с. 339.
[30] См. *Милаш*, с. 339.
[31] I. IV. «Определение о круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления» В.
[32] *Мейендорф*, с. 100.
[33] *Мейендорф*, с. 100.
[34] *Мейендорф*, с. 100.
[35] *Флоровский*, с. 483.
[36] *Флоровский*, с. 491-492.

[37] *Флоровский*, с. 498.
[38] *Флоровский*, с. 498-499.
[39] *Флоровский*, с. 499.
[40] *Флоровский*, с. 499.
[41] *Флоровский*, с. 499.
[42] Об этом духовном кризисе см. интересное свидетельство о «Поэтах серебрянного века» в *Père Arsène*, Passeur de la foi, consolateur des âmes, с. 362-394. О влиянии оккультизма на предреволюционную интеллигенцию см. *Maria Carlson*, «Fashionable Occultism : Spiritualism, Theosophy, Freemasonry, and Hermeticism in Fin-de-Siècle Russia», с. 135-152, в *Bernice Glatzer Rosenthal* (под рук.), The Occult in Russian and Soviet Culture, Ithaca and London : Cornell University Press, 1997.

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ: СОДЕРЖАНИЕ, ТЕХНОЛОГИЯ, КОМПЕТЕНЦИИ

Н.Н. Фомина

Гуманитарное образование занимает значительное место в образовательных программах подготовки студентов технических вузов. Система цикла социогуманитарных дисциплин должна активно влиять на качество подготовки выпускников и оказывать положительное воздействие на их становление как профессионалов, гражданин, социально активных личностей. Социальная мобильность, конкурентоспособность, готовность результативно работать на рынке труда, хорошая общегуманитарная подготовка, коммуникабельность, готовность работать в команде – важные черты портрета современного молодого специалиста.

В течение последних лет в научной и мет одической литературе, инструктивных материалах Министерства образования и науки РФ идет обсуждение путей развития российской высшей школы, содержания третьего поколения государственных образовательных стандартов и их соответствия требованиям Болонского процесса. Однако выработки итоговой концепции пока не произошло. Процесс реформирования российской высшей школы приобретает какой-то перманентный характер. Успехи и проблемы гуманитарного образования и отдельных гуманитарных дисциплин неразрывно связаны с состоянием системы образования России в целом. За последние 15 лет гуманитарное образование в высшей школе прошло ряд этапов.

Становление и развития гуманитарного образования в СПбГУ информационных технологий, механики и оптики

При создании гуманитарного факультета нами были использованы возможности, заложенные в первом государственном образовательном стандарте (ГОС ВПО) цикла ГСЭ, и имеющийся на период начала 90-х гг. XX в. российский и зарубежный опыт. Наиболее привлекательной нам показалась организация учебного процесса в Массачузетском университете США. Соединение возможностей российского образования и зарубежного опыта позволило создать такую систему гуманитарного образования, которая, можно сказать, опередила свое время.

Обратимся к принципам, на которых была создана система гуманитарного образования в нашем университете и технология учебного процесса.

1. Учебный план гуманитарной подготовки был составлен таким образом, чтобы соблюдалась разумная последовательность изучения дисциплин, при которой каждый последующий курс опирался на знания, полученные на предыдущем, и не допускалось параллелизма и ненужных повторов. Кроме того, в учебный план были включены курсы, которые должны были помочь студентам адаптироваться к учебе в вузе и новой социально-экономической ситуации в стране, в частности, «Логические основы культуры мышления» и «Основы риторики и библиографии» – для первокурсников, маркетинг и менеджмент на старших курсах и т.д.
2. Все дисциплины (курсы) делились на обязательные, курсы ограниченной элективности (выбор одной из двух дисциплин) и полной элективности (выбор курса и преподавателя). Обязательные дисциплины должен был прослушать каждый студент, выбор курсов ограниченной элективности определялся факультетом (кафедрой) с учетом пожеланий студентов. Выбор курсов полной элективности осуществлялся путем выбора предлагаемых по каждому направлению (дисциплине) программ и преподавателей. Обязательными были дисциплины, которые читались в первом семестре. Со второго семестра действовало следующее правило: студент должен был изучить и сдать экзамен (зачет) по соответст-

вующей дисциплине – истории, культурологии, философии и т.п. Но процесс обучения состоял из изучения содержания программы курса (под руководством преподавателя или самостоятельно) и одного или двух элективных курсов из 8–9, предлагаемых преподавателями, на которые студент записывался самостоятельно. Таким образом, студенту предоставлялась возможность самому определить траекторию изучения гуманитарных дисциплин в зависимости от своих интересов и предпочтений.

3. Следующей составляющей стало создание системы контроля изучения курса в течение семестра в рамках самостоятельной работы студента. Начиная с середины 80-х гг. XX в., на кафедре всемирной истории создавалась система компьютерного тестирования. В 90-е гг. постепенно студенты стали проходить фронтальное компьютерное тестирование по истории в компьютерном классе гуманитарного факультета. С 1996 г. этот опыт был удачно освоен и развит кафедрой культурологии по курсу культурологии. Внедрение информационных технологий в учебный процесс и опыт создания электронных учебно-методических материалов подробно описан в наших публикациях, поэтому мы не будем более обращаться к данному сюжету [1].

Структура учебного плана гуманитарной подготовки на бакалаврских отделениях технических направлений на 1994/95 уч. г. наглядно демонстрирует все многообразие предлагаемых студентам возможностей [2]. Не меньший интерес представляет и «Временное положение об аттестации студентов на гуманитарном факультете», где предусматривались и второе приложение к диплому, в котором будут указаны прослушанные элективные курсы, и оценка знаний студентов по более широкой, чем пятибалльная система, шкале, и т.п. [3]. Перечитывая эти материалы, остро ощущаешь, во-первых,. их актуальность, а во-вторых – сожаление, потому что не все из намеченного реализовано. Ряд принципов, заложенных в учебный процесс при создании гуманитарного факультета в СПбГУ ИТМО, не удалось сохранить и развить.

Рост численности студентов, сокращение количества аудиторных часов, жесткие требования к содержанию читаемых курсов, заложенные в стандартах второго поколения ГОС ВПО, и ряд субъективных обстоятельств привели к тому, что существенно сократились элементы элективности в учебном процессе по гуманитарным наукам. Возможно, новые условия развития гуманитарного образования в ИТМО позволят вновь обратиться к технологиям, позволяющим студентам более активно участвовать в выборе изучаемых курсов, отвечающих их интересам.

Наиболее успешно в нашем университете проходит внедрение информационных технологий в учебный процесс. Благодаря созданию Центра дистанционных технологий разработка электронных учебно-методических материалов для обучения студентов и контроля знаний получили широкое распространение на большинстве кафедр университета. Расширяется сфера применения информационных технологий. Так, на кафедре культурологии они используются: в процессе выступлений на семинарах и создания студентами творческих работ в виде презентаций и сайтов; использовании преподавателями презентаций при чтении лекций, общение со студентами через Интернет и т.д.

Проблемы, стоящие сегодня перед гуманитарным образованием

Дальнейшее развитие гуманитарного образования в рамках реализации второго поколения ГОС ВПО поставило перед вузами ряд проблем, которые имеют объективную и субъективную природу. Движение вперед, к сожалению, происходит очень извилистыми путями.

Обратимся к анализу состояния гуманитарного образования, которое было представлено заместителем председателя Учебно-методического совета по философии, политологии и религиоведению Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию при МГУ им. Ломоносова А.А. Демчуком. Он обобщил выводы, сделанные экспертами УМО на основе опроса, проведенного среди руководителей выпускающих философских кафедр и факультетов российских вузов и анализа полученных результатов [4].

Большинство исследователей склонны видеть наиболее **серьезную проблему** современного российского гуманитарного образования в неразработанности теоретических и методологических основ реформирования гуманитарного образования в целом. Обращается внимание на централизованный и ситуационный характер принятия основополагающих решений в сфере гуманитарного (и высшего в целом) образования, ограниченные возможности участия научно-педагогической общественности, значительный удельный вес субъектного фактора, влияющего на принимаемые решения, а также отсутствие долгосрочной стратегии развития образования.

Аналитики констатируют отсутствие «идеологии» образования, долгосрочной стратегии развития человеческого потенциала страны, адаптации методов преподавания и всей системы образования к новым информационным коммуникативным технологиям и – шире – современному этапу развития общества [5].

Вторая крупная проблема – тенденция к снижению качества подготовки кадров. Это проявляется в снижении уровня школьной подготовки, которая сказывается в техническом вузе на качестве знаний дисциплин естественнонаучного цикла и гуманитарной подготовки. Преподавателям приходится в процессе освоения вузовской образовательной программы восполнять пробелы школьного образования. Зачисление в вуз значительного числа молодых людей на платную форму обучения с неизбежностью ориентирует преподавателей на уровень слушателей.

Третья проблема – недостаток финансирования образования. Как следствие – «старение преподавательских кадров», снижение престижа педагогической деятельности, сокращение или отсутствие стимулов к эффективной педагогической деятельности, внедрению инновационных и информационных технологий преподавания в учебный процесс.

Четвертая проблема связана со стремлением адаптироваться к требованиям времени и общества любой ценой, что проявляется в преимущественно технократической, прикладной экономической ориентации высшего образования и отсутствии четкого представления о статусе гуманитарного образования на уровне государственной политики.

Следует еще раз подчеркнуть, что многие проблемы гуманитарного образования коренятся в отсутствии научно обоснованной концепции его развития в России. Нам представляется, что реализация задач, связанных с формированием образовательных программ на основе компетентностного подхода, вызовет еще более серьезные проблемы. Среди них – соответствие набора обязательных гуманитарных дисциплин ГОС ВПО цикла ГСЭ третьего поколения и формирование необходимых компетенций специалистов различных направлений, особенно технических; возможности преподавания вариативного набора гуманитарных дисциплин, ориентированных на формирование соответствующих компетенций; право студентов на индивидуальный подход к определению траектории своего образования и др.

Модернизация российского высшего образования на пути постепенного вхождения в Болонский процесс предполагает переход от преобладающей в российской высшей школе **консервативно-просветительской** конвейерной образовательной модели подготовки специалистов, которая берет начало в российской и немецкой университетской традиции XIX века, к другой модели – **либерально-рационалистической** (близкой американской и британской). Для нее характерны преимущественная опора на информатизацию учебного процесса, развитие формальных (тестовых) способов контроля знаний, проектные и исследовательские формы академической работы, а также прагматизм, в рамках которого учащихся готовят для работы в определенных сегментах рынка труда. Такая модель подготовки ориентирует выпускника на личностный и профессиональный рост, использование инновационных форм и методов обучения, значимых для приобретения компетенций; умение оперативно решать проблемы в меняющихся условиях, продолжать образование в течение всей жизни, целостную многоуровневую систему образования — бакалавр, магистр (мастер), повышение квалификации и т.д. [6]. Подобная образовательная модель реализуется в ряде российских высших учебных заведений, например, в Российском университете дружбы народов, Смольном институте свободных искусств и наук [7] и др. Однако внедрение этих инноваций требует значительных интеллекту-

альных, организационных и, особенно, материальных затрат. Это непременное условие успешно реализуемых проектов. Кроме того, возникают опасения утраты преимуществ российского образования, в частности, фундаментальности подготовки специалистов.

Компетентностный подход в гуманитарном образовании

Разработка ГОС ВПО третьего поколения на основе компетентностного подхода основывается на серьезных исследованиях широкого круга авторов. Можно сказать, что понятие «компетенция» определяется как предметная область, в которой выпускник хорошо осведомлен и проявляет готовность к выполнению деятельности, а под «компетентностью» понимается интегрированная характеристика качеств личности, выступающая как результат подготовки выпускника для выполнения деятельности в определенных областях (компетенциях). «В результате образования у человека должно быть сформировано целостное социально-профессиональное качество, позволяющее ему успешно решать производственные задачи и взаимодействовать с другими людьми. Это качество может быть определено как целостная социально-профессиональная компетентность человека» [8]. Компетентностный подход к образованию – это соединение познавательных, мотивационно-ценностных, личностных, социально-практических элементов в содержании и технологии учебного процесса [9].

Разработано несколько определений и структурирования компетенций. Одно из них принадлежит И.А. Зимней. Заявленная позиция позволяет сформировать **три основные группы компетентностей, содержащие в сумме десять основных компетенций:**

1. Компетенции, относящиеся к самому человеку как личности, субъекту деятельности, общения:

- компетенции здоровьесбережения – знание и соблюдение норм здорового образа жизни, знание опасности курения, алкоголизма, наркомании, СПИДа; знание и соблюдение правил личной гигиены, обихода; физическая культура человека, свобода и ответственность выбора образа жизни;
- компетенции ценностно-смысловой ориентации в Мире – ценности бытия, жизни; ценности культуры (живопись, литература, искусство, музыка), науки, производства; истории цивилизаций, собственной страны; религии;
- компетенции интеграции – структурирование знаний, ситуативно-адекватной актуализация знаний, расширение, приращение накопленных знаний;
- компетенции гражданственности – знания и соблюдение прав и обязанностей гражданина; свобода и ответственность, уверенность в себе, собственное достоинство, гражданский долг; знание и гордость за символы государства (герб, флаг, гимн);
- компетенции самосовершенствования, саморегулирования, саморазвития, личностной и предметной рефлексии – смысл жизни; профессиональное развитие; языковое и речевое развитие; овладение культурой родного языка, владение иностранным языком.

2. Компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы:

- компетенции социального взаимодействия – с обществом, общностью, коллективом, семьей, друзьями, партнерами, конфликты и их погашение, сотрудничество, толерантность, уважение и принятие Другого (раса, национальность, религия, статус, роль, пол), социальная мобильность;
- компетенции в общении – устном, письменном, диалог, монолог, порождение и восприятие текста; знание и соблюдение традиций, ритуала, этикета; кросскультурное общение; деловая переписка; делопроизводство, бизнес-язык; иноязычное общение, коммуникативные задачи, уровни воздействия на реципиента.

3. Компетенции, относящиеся к деятельности человека:

- компетенция познавательной деятельности – постановка и решение познавательных задач; нестандартные решения; проблемные ситуации, их создание и разрешение; продуктивное и репродуктивное познание, исследование, интеллектуальная деятельность;

- компетенции деятельности – игра, учение, труд; средства и способы деятельности – планирование, проектирование, моделирование, прогнозирование, исследовательская деятельность, ориентация в разных видах деятельности;
- компетенции информационных технологий – прием, переработка, выдача информации; преобразование информации (чтение, конспектирование), массмедийные, мультимедийные технологии, компьютерная грамотность; владение электронной, интернет технологией» [10].

Разработчики «Методических рекомендаций к разработке новой структуры цикла социально-экономических дисциплин с учетом компетентностного подхода и на основе опыта современной организации учебного процесса» считают данный подход слишком общим. Для создания компетентностной модели выпускника следует сформулировать (охарактеризовать) его возможности в разных видах деятельности. Учитывая особенности нашей традиции считать все высшее образование профессиональным, логическим центром модели должна стать профессиональная деятельность. Однако деятельность как категория обладает универсальными характеристиками, поэтому некоторые требования, которые будут предъявляться к разным видам деятельности, также будут носить универсальный характер. Любая человеческая деятельность имеет **ценностно-смысловой аспек**т, отражающий **социально-личностные характеристики** субъекта деятельности. Это позволяет предположить, что цикл социально-гуманитарных дисциплин, который содержится в качестве компонента в любом действующем ГОС ВПО, должен способствовать формированию тех компетенций, которые влияют именно на эту сторону человеческой деятельности. Вторая универсальная характеристика человеческой деятельности состоит в том, что она всегда оказывается социальной, а значит, подразумевает общение с другими членами социума, другими субъектами деятельности. Это, в свою очередь, предполагает еще один комплекс компетентностных характеристик (**коммуникативных компетенций**), на формирование которых способно повлиять изучение социально-гуманитарных дисциплин [11].

Чтобы подчеркнуть значимость социально-гуманитарных дисциплин в образовательных программах подготовки специалистов в технических вузах, приведем перечень социально-личностных компетенций бакалавра–инженера, предлагаемый В.И. Байденко. Выпускник должен демонстрировать:

- базовые знания в области гуманитарных и социальных наук и применение их методов в различных видах профессиональной и социальной деятельности;
- здоровый образ жизни;
- понимание и соблюдение базовых ценностей культуры;
- гражданственность;
- гуманистическую ориентированность;
- приверженность этическим ценностям и принципу социальной ответственности;
- правопослушность (правовая культура);
- владение культурой мышления;
- деятельность в иноязычной среде;
- готовность к социально-культурному диалогу;
- способность к критическому переосмыслению своего профессионального и социального опыта;
- развитую письменную и устную коммуникацию, включая иноязычную культуру [12].

Приведенные выше положения дают возможность более тесно связать дисциплины цикла ГСЭ действующего ГОС ВПО с различными группами универсальных компетенций, которые могут проявляться в различных видах деятельности. Эту группу компетенций можно назвать «универсальными социально-гуманитарными компетенциями». Необходимо отметить, что для формирования ряда ценностно-смысловых и коммуникативных компетенций эти дисциплины носят незаменимый характер, поэтому их исключение из содержания образовательных программ в госстандартах новых поколений представляется недопустимым.

Предлагается все компетенции, в формировании и совершенствовании которых участвуют дисциплины цикла ГСЭ «ГСЭ-зависимыми компетенциями».

Таким образом, общий список компетенций будет следующим:

1. знание научных, философских, религиозных картин мира;
2. знание взаимодействия духовного и телесного, биологического и социального в человеке, его отношения к природе и обществу; движущих сил и закономерностей исторического процесса; места человека в историческом процессе, политической организации общества;
3. понимание роли насилия и ненасилия в обществе, нравственных обязанностей человека;
4. знание основных видов искусства, понимание роли искусства в обществе;
5. понимание многообразия культур и цивилизаций в их взаимодействии, многовариантности исторического процесса;
6. знание основных религиозных конфессий, общее представление о традиции свободомыслия в духовной культуре и основных формах свободомыслия, о свободе совести;
7. знание роли науки в развитии цивилизации, понимание значения науки в современном обществе;
8. умение самостоятельно анализировать социально-политическую и научную литературу, на основании научного анализа тенденций экономического социального и духовного развития общества делать прогнозы и выдавать рекомендации;
9. умение осуществлять поиск информации через библиотечные фонды, компьютерные системы информационного обеспечения, периодическую печать;
10. владение основными навыками педагогической, методической и научно-исследовательской работы, практического анализа логики различного рода рассуждений, навыками публичной речи, аргументации, ведения дискуссии и полемики, научно-литературной и редакторской работы.
11. владение иностранным языком в объеме, необходимом для возможности получения информации социально-гуманитарного содержания из зарубежных источников;
12. владение различными жанрами научной и деловой прозы;
13. способность к критическому восприятию информации («критическому мышлению»);
14. владение навыками экспертного оценивания;
15. способность к самообразованию и творческой адаптации к конкретным условиям выполняемых задач;
16. навыки организационной и воспитательной работы.
17. компетенции гражданственности – знание и соблюдение прав и обязанностей гражданина; свобода и ответственность, уверенность в себе, собственное достоинство;
18. компетенции самосовершенствования, саморегулирования, саморазвития, личностной и предметной рефлексии;
19. компетенции социального взаимодействия – с обществом, общностью, коллективом, семьей, друзьями, партнерами; конфликты и их погашение, сотрудничество, толерантность, уважение и принятие Другого (раса, национальность, религия, статус, роль, пол), социальная мобильность [13].

Выводы

Нам представляется, что выработка концепции компетентностного подхода к ГОС ВПО цикла ГСЭ требует еще более тщательной проработки и конкретизации. В ней должны сочетаться общие требования к набору и содержанию социогуманитарных дисциплин и их возможная корреляция относительно модели выпускника в конкретной области деятельности (знания); усиление практической ориентации гуманитарных дисциплин; включение в образовательные программы курсы региональной направленности. Так, для Санкт-Петербурга это может быть история или культура Санкт-Петербурга. Потребность в таких курсах возрастает ввиду увеличения количества иногородних студентов. Обозначим еще один блок актуальных дисциплин. Это преподавание таких курсов, как светский (общегражданский) и

деловой этикет, имидж специалиста (бизнесмена), корпоративная культура, практическая конфликтология и т.п. Они могут читаться как в рамках социогуманитарного, так и общепрофессионального циклов учебных планов. Приведенный перечень компетенций подтверждает это мнение. Об этом же свидетельствуют и пожелания, высказанные работодателями в ходе ряда исследований [14].

В заключение хочется обратить внимание еще на одну особенность преподавания гуманитарных дисциплин – эмоционально-образную составляющую. И преподаватель, и студенты передают и воспринимают учебный материал не только на логико-рациональном уровне, но и на уровне чувства, переживания, личностных оценок, эстетических образов. Эта качественная характеристика гуманитарных дисциплин, в центре которых Человек, не может быть сведена к формализованным тестовым моделям передачи информации. Только живое общение преподавателя и студента может выявить их воспитательное, гуманистическое воздействие.

Литература

1. Фомина Н.Н., Деньгинова И.Г. Технология фронтального тестирования студентов по трудно формализуемым дисциплинам (на примере культурологии). // Научно-технический вестник СПбГИТМО (ТУ). Вып.1. Новые образовательные технологии / Гл. ред. В.Н. Васильев. СПб.: СПбГИТМО (ТУ), 2002. С. 28–35; Фомина Н.Н., Джалиашвили З.О.,. Борисов О.С., Свечникова Н.О., Толстикова И.И., Филичева Н.В., Деньгинова И.Г. Дидактическое построение культурологического знания в контексте информационных технологий. // Научно-технический вестник. Вып. 8. Проблемы гуманитарных дисциплин. СПб: СПбГИТМО (ТУ), 2003. С. 160–173; Фомина Н.Н., Борисов О.С., Свечникова Н.О., Толстикова И.И., Филичева Н.В. Роль аттестационного тестирования в формировании гуманитарной среды современного технического университета (на примере курса культурологии). // Информационный бюллетень №6. Материалы конференции КС и УМО вузов в области инновационных междисциплинарных образовательных программ. 14–15 апреля 2005 г. СПб: изд-во СПбГУ, 2005. С. 98–109; Фомина Н.Н., Джалиашвили З.О. Культурология – информационные технологии: грани взаимодействия. // Научно-технический вестник СПбГУ ИТМО. Вып. 17. Проблемы экономического и гуманитарного образования в техническом вузе. СПб: СПбГУ ИТМО, 2005. С. 219–226; Фомина Н.Н., Толстикова И.И. Применение информационных технологий в преподавании культурологии. // Записки Горного института. Том 163. Горный институт и Петербургская высшая школа в пространстве образования, науки и культуры. СПб, 2005. С. 275–278; Фомина Н.Н., Джалиашвили З.О., Лямин А.В. Применение информационных технологий в преподавании гуманитарных дисциплин. // Системные проблемы модернизации высшего образования: Материалы совещания заведующих кафедрами философско-гуманитарного и социально-политического профиля вузов Северо-Западного федерального округа РФ..СПб., 2005. С. 84–98; Фомина Н.Н. Информационные технологии и гуманитарное образование: методологические и технологические аспекты преподавания // Философия и образование: Альманах по философии образования, эвристике, методологии и методике преподавания социогуманитарных дисциплин. СПб, 2005. С. 87–97 (Методические записки. Вып.1); Лямин А.В., Чежин М.С. Система дистанционного обучения СПбГУ ИТМО. // Вторая Международная конференция «Информационные системы для HRM и обучения. СПб, 2005. С.80–83; Фомина Н.Н., Джалиашвили З.О., Свечникова Н.О. Опыт использования новых информационных технологий в преподавании курса культурологи // Межвузовская научно-практическая конференция «Дистанционные образовательные технологии». Доклады. Санкт-Петербург, 14 марта 2006. СПб: СПбГМА, 2006. С. 21–39.
2. Образовательные программы и учебный план гуманитарной подготовки бакалаврских отделений технических направлений на 1994/1995 учебный год. СПб., СПб ГИТМО (ТУ). 1994. 118 с.

3. Временное положение об аттестации студентов на гуманитарном факультете//Образовательные программы и учебный план гуманитарной подготовки бакалаврских отделений технических направлений на 1994/1995 учебный год. СПб., СПб ГИТМО (ТУ). 1994. С.114–118.
4. Подробнее см.: Демчук А.А. Проблемы реформирования гуманитарного образования. // Системные проблемы модернизации высшего образования: Материалы совещания заведующих кафедрами философско-гуманитарного и социально-политического профиля вузов Северо-Западного федерального округа РФ. СПб, 2005. С. 53–83.
5. Демчук А.А. Проблемы реформирования гуманитарного образования... С. 54–55.
6. Зверева Г.И. QUID POSTEA?: университетская культурология в условиях реформы высшего образования. // Обсерватория культуры. М., 2005. .№2. С. 101–102.
7. Смольный институт свободных искусств и наук. Справочник преподавателя. 2004. СПб, 2004. 87 с.
8. Демчук А.А. Проблемы реформирования гуманитарного образования…С.76.
9. Подробнее см.: Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования. // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42; Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования: перспективы развития / Под ред. Я.И. Кузьминова, Д.В. Пузанкова, И.Б. Федорова, В.Д. Шадрикова. М.: Логос, 2004. Гл. 2. Стандарты в европейском профессиональном образовании: характеристики компетентностного подхода. С. 59–74. Зимняя И.А.Ключевые компетентности как результативно-целевая основа комплексного подхода в образовании. М., 2004. Байденко В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): Методическое пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. 114 с.; и др.
10. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа комплексного подхода в образовании. М., 2004. С. 23–25; Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования. // Интернет-журнал «Эйдос». 2006. 5 мая. http//www.eidos.ru/jurnal/2006/0505.htm.
11. Методические рекомендации к разработке новой структуры цикла социально-экономических дисциплин с учетом компетентностного подхода и на основе опыта современной организации учебного процесса. / Составители: В.В. Баум, П.К. Гречко, М.А. Игнацкая, Л.И. Карпенко, Н.С. Кирабаев, В.М., Козьменко, Н.В. Кузнецова, М.М. Мчедлова, В.Б. Петров, К.В. Радкевич, В.Н. Чистохвалов.
12. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: Методическое пособие. М.: Исследов. центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. С. 32.
13. Подробнее см.: Методические рекомендации к разработке новой структуры цикла социально-экономических дисциплин с учетом компетентностного подхода и на основе опыта современной организации учебного процесса.
14. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения…С.19–23.

ПРОБЛЕМА СТИЛЯ В АРХИТЕКТУРНОЙ ПРАКТИКЕ XX ВЕКА

И.И.Толстикова

Архитектура соединяет в себе результат строительной деятельности и художественного творчества, формирующего среду жизнедеятельности человека по законам красоты; это искусственный утилитарно-художественный мир, противостоящий стихийной среде. Стремясь создать самое высокое здание или самый широкий пролет, архитектура способствует новым научным открытиям и техническому прогрессу в мире.

Древнеримский зодчий и теоретик Витрувий сформулировал понятие архитектуры как единую триаду: польза, прочность, красота [1]. Эта триада вошла в историю и теорию архитектуры и стала основой понятия «архитектура».

При изучении истории архитектуры возникает ощущение плавного потока, прерываемого внезапными резкими остановками, когда вдруг появляется что-то новое и необычное. Это история поиска гармоничного единства функции, конструкции и формы, обозначенного триадой Витрувия. Типы зданий складывались постепенно, определяясь социально-политическим устройством страны, религиозными и идеологическими требованиями, национальными традициями, уровнем развития техники. Архитектура выражает характер эпохи: ее развитие тесно связано с эстетическими идеалами, утилитарными и художественными потребностями общества, на нее оказывают влияние социальные факторы. Потребности в функциональных, конструктивных и эстетических особенностях изменялись в ходе исторического процесса и воплощались в архитектурных стилях.

В то же время архитектуре свойственно сочетание лучших традиций предшествующих стилей с новыми решениями в процессе формирования новых архитектурных направлений. Так, до середины XIX века архитектура последовательно развивалась на основе модернизации технологических и художественных приемов Древнего мира. Стоечно-балочная система и формальные приемы, придававшие ей эстетически благопристойный вид, эволюционировали, но при этом не изменяли базовые параметры, так как прописные каноны («Строительные уставы», «образцовые проекты») в основном были связаны с техническими ограничениями и требованиями строительных технологий. Эстетические каноны непрерывно эволюционировали, реализуя взаимосвязь между архитектурой и искусствами и адаптируя строительство к художественным потребностям общества, к идеям и устремлениям людей, воплощающих эти каноны в жизнь.

Великое искусство не сводится к вопросу о форме и внешнем виде, которые можно скопировать, нужны красивые решения благородных задач; живая архитектура – это всегда стремление вперед, от одного переворота к другому», – так рассуждал сто лет назад в своей книге «Архитектура, мистицизм и миф» У.Р. Литаби [2]. Появление железобетона, строительного каркаса принципиально изменили технологические возможности. Однако художественного осмысления технологий не происходило до 1900-х гг. Настоящий прорыв произошел, когда Ф. Эннебик решил проблему совмещения опор и балок посредством круглых арматурных прутьев, образующих прочное соединение, что позволило создавать масштабную монолитную конструкцию. Вскоре по всей Европе имя Эннебика стало синонимом железобетонной постройки. Дальнейшая эволюция каркасных железобетонных конструкций привела к усовершенствованию форм и текстуры поверхности, а также к появлению новых типов конструкций, как, например, гиперболические параболоиды ангаров для самолетов по проекту Э. Фрейсине или тонкостенные каркасные конструкции П.Л. Нерви. Главная ценность монолитных каркасных сооружений для архитекторов раннего модернизма заключалась в возможности выносить плиты перекрытия далеко впереди колонн по принципу консоли, что позволяло максимально стеклить фасад.

Стадия зрелости архитектуры XX века начинается тогда, когда заканчивается Первая мировая война. В это время появляется недоверие к историческому пути общества и культуры, формируется представление о банкротстве европейской цивилизации, которая обнаружила несостоятельность своих устоев. Национальные культуры Европы вырабатывали новое мироощущение, в котором блага цивилизации оказываются одновременно кошмаром цивилизации: то лучшее, что сумело создать общество (модернизация, демократизация, технический и социальный прогресс, образование, улучшение коммуникаций и условий жизни), было нераздельно связано с рождающимся массовым обществом, урбанистическими агломерациями и массовыми психозами. Этически высокоценные вещи (прогресс, благосостояние, демократия и т.п.), обеспечиваемые технологией и превозносимые за свои гуманные измерения, приносят с собой такие разрушительные силы, которые ранее люди не знали. Картина мира наступившей эпохи была запечатлена в научном, политическом и философском творчестве нового типа (З. Фрейд, А. Эйнштейн, К. Маркс).

Рождение идеологии архитектуры модернизма (в Европе и Америке эта идеология чаще называется modern moving – «современное движение») – это результат как кризиса мироощущения, так и кризиса формообразования, конфликта между современным конструктивным содержанием зданий и архаичностью их форм; это результат синтеза строительных технологий XIX века (которые в рамках идеологии «консерватизма» породили такие стили эпохи рубежа XIX–XX веков, как эклектика, модерн, неорусский стиль, псевдоготика), эстетики авангардного искусства (прорыв в сфере изобразительных искусств, появление нефигуративной живописи) и новых социальных идей.

Так начинается XX век, который представляется как борьба за первенство двух универсальных художественно-композиционных систем – классического ордера и безордерной архитектуры [3], борьба «консерватизма» и «модернизма». И все стили, появившиеся в XX веке до 80-х годов, лежат в рамках этих двух архитектурных идеологий. Ар-деко, «сталинский соцреализм», неоклассика, постмодернизм – стили консерватизма. Конструктивизм, рационализм, функционализм, хрущевская и брежневская архитектура, хай-тек, деконструктивизм – стили модернизма. [4].

Модернизм – это не просто эстетика; он отрицает идею «стилей» как таковую, предлагая новый образ мышления. В быстро меняющемся современном мире архитектура должна быть связана с механистической культурой, построенной на логике, эффективности и целеустремленности. При этом необходимо отметить, что Ле Корбюзье и Татлин, которых принято считать первыми архитекторами-модернистами, изначально были не архитекторами, а художниками, которые начали работать с новой архитектурной формой.

В основе индустриальных сооружений русского конструктивизма лежит образ машины. Самая известная конструктивистская работа – «Башня III Интернационала» В. Татлина, которая так и не была построена, – через образ «умной машины» должна была визуально выражать идею времени. В целом конструктивисты, среди которых выделялась группа К. Малевича, Э. Лисицкого, А., В. и Л. Весниных, отрицали рационализм и больше интересовались абстрактными художественными идеями. Примером может служить проект здания «Ленинградской правды» 1921 г., совмещающий эстетику машины и абстрактный плоский фасад.

Архитектура и промышленное производство объединились в конце XIX века: первым шагом стал «Веркбунд», основанный в 1907 г. в Мюнхене и объединивший художников, архитекторов, промышленников и писателей. Затем наступил черед голландской группы «Стиль», члены которой были вдохновлены живописью одного из основателей группы П. Мондриана и ввели в архитектуру пересечение линий и плоскостей (дом Шрёдера в Утрехте работы Г. Ритвельда, 1924 г.). Задача объединить все творческие усилия, соединить все области искусства в новой архитектуре была постав-

лена перед членами «Баухауза» – Высшей школы изобразительного искусства в Веймаре. Маркой «Баухауза» стал переход к чистым функциональным линиям, перенос акцента с эстетики на социальные аспекты, на потребности людей. Белые панели, кубистические формы В. Гропиуса оказали влияние на всю архитектуру модернизма и нашли свое продолжение в идеях проектирования, подчиненного жесткой логике, Ле Корбюзье. Его теория, сведенная к так называемым пяти принципам, получила свое практическое воплощение в ряде образцовых модернистских построек, таких как Вилла Саввой (1928–1930 гг.) и дом Ля Рош (1923 г.). Ле Корбюзье изложил свои взгляды на взаимодействие между формой и сознанием в книге «К архитектуре», где применил концепцию одиночества человека внутри крупной жилой системы Т. Гарнье (автор проекта «Промышленный город»).

В 1932 г., к открытию выставки в Музее современного искусства в Нью-Йорке, вышла книга архитектора Ф. Джонсона «Интернациональный стиль: архитектура с 1922 года» (в соавторстве с историком Г.Р. Хичкоком). Книга выявила эстетические принципы стиля, который не ориентировался на архитектуру прошлого, избегал декоративности и делал упор на пространство и плоскость в ущерб общей форме. В период тоталитаризма и Второй мировой войны в США эмигрировали многие ведущие мастера функционализма (В. Гропиус, Мис ван дер Роэ и др.), где они не только вели проектно-строительную деятельность, но и возглавили архитектурные школы. Первым крупнейшим объектом модернизма на американской почве стал комплекс ООН в Нью-Йорке, возведённый в 1947–1952 гг. (арх. У. Гаррисон, Ле Корбюзье, О. Нимейер, И. Гавличек, М. Новицкий и др.). В работах Миса Ван дер Роэ, Ф. Джонсона, особенно в здании Сигрэм-Билдинг, были реализованы два основных творческих постулата интернационального стиля, выработанного Мисом Ван дер Роэ: минимум средств («только кожа и кости») и универсальность объёмно-планировочного решения. Первый постулат реализован полностью применением стального каркаса («кости») и стеклянных витражных наружных стен («кожа»).

В интернациональном стиле подразумевался идеал свободных коммун и уничтожение национализма, это был стиль, призванный изменить социальный строй. В середине XX века интернациональный стиль окончательно упрочился в офисных зданиях США как стиль процветания и корпоративного самосознания. Спустя двадцать лет после выхода книги Г.Р. Хичкок писал, что интернациональный стиль – это, вероятно, главное достижение века.

Архитектурная тема высотной стеклянной башни была активно подхвачена архитекторами и заказчиками и очень быстро распространилась по всему миру – от Лондона до Токио. Сегодня такие стеклянные башни присутствуют в деловых центрах всех крупнейших городов. С образом такой стеклянной башни связано возникновение термина «интернациональный стиль» применительно к функционализму 1950-х гг. С этим же образом связана наивысшая фаза коммерческого успеха данного этапа развития модернизма. Небоскребы – хороший полигон для технических новинок, поэтому угасание интереса к интернациональному стилю в целом не означает угасание интереса к высочайшим зданиям. Примером могут служить и небоскребы-близнецы в Куала-Лумпур С. Пели, и Вращающийся торс в Мальмё С. Калатравы [5].

В оппозиции к функционализму оказались многие модернистские архитекторы, для которых был важен принцип гармонии с природой: Л.Г. Салливан, А. Аалто, Х.Б. Шароун. Это образ летящей птицы терминала в аэропорту Кеннеди (1962 г.) Э. Саринена и форма ракушки Оперного театра в Сиднее (1957 г.) Й. Уотсона. Архитектуру без строгих геометрических форм, которая выглядит так, словно возникла естественным путем, называют «органической». В 1990-е гг. этот термин снова входит в обиход.

В середине XX века на смену функционализму интернационального стиля 1930-1940-х гг. пришел метаболизм (от греч. metabole – перемена). Архитекторы-

метаболисты стремились к развитию принципов конструктивизма согласно концепции «изменяемого пространства». Оптимальная конструктивная основа сооружений сочеталась с комбинаторикой – вариационными «ячейками», благодаря чему архитектурные композиции приобретали более разнообразный вид [6].

В 1951 г. японский архитектор К. Танге получил приглашение представить свой проект Парка мира в Хиросиме в CIAMe («Международные конгрессы современной архитектуры»). С 1928 г. CIAM в течение 30 лет была исключительно влиятельной организацией, самопровозглашенной целью которой было вывести архитектуру из академического тупика и поместить в естественную для неё социальную и экономическую среду. Затем ее место заняла новая «Группа X». С тех пор он стал признанной фигурой в модернизме и лидером группы японских метаболистов. Идея заменяющихся компонентов (капсульная архитектура) лежит в основе их проектов городских узлов. Примером может служить Капсульное здание Накагин (1972 г.) в Токио К. Курокавы.

В книге Ч. Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма» (1977 г.) [7], которую называют «Библией постмодернизма», провозглашена смерть модернизма, его антигуманность, невыразительность художественного языка, ошибочность модернистской теории и практики. Но, что удивительно, в результате этой критики модернизм не только не исчез, не умер, но и породил новые стили, такие как хай-тек, неомодернизм, деконструктивизм. Ч. Дженкс обозначил задачу архитектора в «понимании того, что окружающая среда чувственна, неожиданна, исполнена юмора и зашифрована, как доступный прочтению текст» [7]. Дженкс призывал отбросить универсальные модернистские принципы функциональности и рациональности. Результатом является иронический историзм, базирующийся иногда на домодернистской эстетике (здание-небосреб компании АТТ в Нью-Йорке Ф.Джонсона, решенное в духе классицистской симметрии и пропорций), но чаще – на эстетических постулатах архитектуры XX века, в частности советских конструктивистов: З. Хадид и Д. Либескинд, в частности, находились под влиянием работ супрематистов. Победа постмодернизма на рубеже 1970–1980-х гг. была продиктована его доходчивыми, привычными формами, которые ждали конструктивной альтернативы. Но в результате повторов и использования бетонных имитаций классицистского (или иного) каменного декора постмодернизм приобрел репутацию самого обыкновенного кича. Характерными чертами постмодернизма в архитектуре являются:

1. использование прошлых стилей, порой без функциональной необходимости;
2. бетон, декорированный различными материалами и менее заметный;
3. широкое, до злоупотребления, использование стекла;
4. декор, отсылающий к прошлому.

Отказ от постмодернизма в пользу неомодернизма, хай-тека, деконструктивизма в конце 1990-х годов был продиктован, прежде всего, экономическими причинами, так как консерватизм с его имитацией исторических архетипов оказывается дороже. А понимание современных конструкций в рамках идеологии модернизма делает его конкурентоспособным. Хотя в практике некоторых архитекторов все происходит «с точностью до наоборот». Примером является Н. Фостер. Его ранние постройки всегда причисляют к стилю хай-тек, однако более современные работы уже сложнее классифицировать: к примеру, в экстерьере библиотеки и художественной галереи в Ниме (Франция) (1993 г.) использованы мотивы расположенного напротив Мезон Каре – одного из наиболее хорошо сохранившихся римских храмов [8].

Показательный пример хай-тек – это Национальный центр искусств и культуры (бывший центр Помпиду) в Париже (1974) по проекту Р.Пиано и Р. Роджерса. Еще один пример возникновения стиля – Центр изобразительных искусств Норидже (1977 г.) Н. Фостера. Вынесение всех структурных элементов и коммуникаций на внешнюю сторону здания или прозрачный фасад, сквозь который видны работающие

типографские станки, – вот приметы стиля. Конструкция здесь часто выставляется напоказ, а среди материалов в основном используются такие, которые обычно характерны для промышленности или космонавтики. В целом хай-тек часто принимают за самодовлеющую стилизацию, за приверженность к демонстрации.

Поиск новой стилистики, споры о стиле составляют большую часть разговоров и исследований архитектуры в целом и архитектуры XX века, в частности. Но по-прежнему остается открытым вопрос о необходимости сохранения чистоты стиля, применения стилевой составляющей к городу. Каковы рекомендации и запреты на применение стилевых инноваций – пока однозначный ответ на этот вопрос не найден. Впереди еще весь XXI век.

Литература

1. Витрувий. Десять книг об архитектуре, пер. Ф. А. Петровского, т. 1. М., 1936. С. 52.
2. Lethaby W.R. Architecture, Mysticism and Myth. N.Y., Kessinger Publishing, 2003. С. 7–10.
3. Хан-Магомедов С.О. Неизвестная архитектура Новосибирска: 1982-1994. Екатеринбург: Абак-пресс, 1997. С.3.
4. Ложкин А. Размышления о стиле. www.A3D.ru. 06.03.2003, 08.03.2003.
5. См. также: Толстикова И.И. Архитектурная культурография конца XX века. // Научно-технический вестник СПбГУ ИТМО. Выпуск 24. Гуманитарные и экономические проблемы / Гл. ред. д.т.н., проф. В.Н. Васильев. СПб: СПбГУ ИТМО, 2006. С. 197.
6. Власов В.Г. Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 8 т. Т.1. СПб: ЛИТА, 2000. 864 с.
7. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. / Пер. с англ. А.В. Рябушина, М.В. Уваровой; под ред. А.В. Рябушина, В.Л. Хайта. М.: Стройиздат, 1985.
8. Френч Х. История архитектуры. / Пер. с англ. М.С. Ремизовой. М: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. С.124–125.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНЫХ ИСКАНИЙ Н.В. ГОГОЛЯ («СТИХИЯ» И «ПЛАН» ПЕТЕРБУРГА)

О.С. Борисов

Л. Витгенштейн выносил за пределы научного языка все религиозные, этические, эстетические и метафизические суждения, отводя им сферу невыразимого, которую он назвал мистической. Этика и религия, бессмысленность которых является их сущностью, тем не менее, говорит Витгенштейн, – это попытка вырваться за пределы обладающего значением языка, абсолютно безнадежный прорыв сквозь решетку нашей клетки – свидетельство определенного стремления человеческого сознания [12, с. 245]. Это стремление закреплено в языке в качестве метафоры, и поскольку оно есть, есть смысл и в метафоре.

1.

Как план, как ландкарту
На плотном папирусе,
Он город над мартом
Раскинул и выбросил.
Б. Пастернак. Петербург.

Чтобы взглянуть на Петербург непредвзято, надо, если не с птичьего полета, то, во всяком случае, извне расположить свое внимание, чтобы издалека, не будучи вовлеченным в его магическое действо, бесстрастно и даже педантично мочь что-нибудь выговорить. Мы знаем, когда в наших недолговременных отлучках смотрим в сторону Петербурга, то видим его совершенно иным и совершенно ясно, т.е. нам кажется, что тогда-то мы и постигаем Петербург: оттого, наверное, нам хочется покинуть его и как можно скорее вернуться, но так, чтобы быть в нем совершенно преображенными, так, чтобы уже никогда не потеряться, так, чтобы соответствовать усмиряющему действию его архитектуры на его природу.

Петр любил морскую стихию, поскольку любил ее усмирять. Еще раньше, на переславль-залесском озере, он устраивал потешный флот. Из этих детских забав вышла большая игра: «Я с величайшим удивлением наблюдал, – пишет финляндский швед Л.Ю. Эренмальм в своих заметках, составленных в русском плену в 1710–1713 г., – как он осенью, когда ветер валит мачты и поднимается буря, целый день плавал по реке Неве, причем без отдыха, хотя погода ему порой довольно сильно препятствовала» [1, с. 95]. Местоположение Петербурга согласовывалось с этой его сильной страстью. Многочисленные острова, удобное устье стали полем, на котором она разворачивалась. «Царь так привязался своим сердцем и чувствами к Петербургу, что добровольно и без сильного принуждения вряд ли сможет с ним расстаться», «что скорее потеряет половину своего государства, нежели Петербург» [Там же], – писал для шведского правительства Л.Ю. Эренмальм. И далее автор сообщает, что «царь питает сильное отвращение к Москве» отчасти по указанной выше причине, «отчасти же из-за многих опасностей, которыми он подвергался в юности» [Там же], и потом, когда в Москве вспыхивали стрелецкие бурты, мешавшие решению его величайшей задачи. Петербург в результате царской страсти и игры становится, наряду с Астраханью и Архангельском, важным портом России, увеличивая товарообмен и процветание, укрепляя царскую власть. Используя Петербург «в качестве исправительного дома для большей части русского дворянства, которое по природному ли непостоянству или из-за неудовольствия всякими происходящими сейчас в государстве переменами питает тайную ненависть к своему повелителю», царь приказывал оставлять богатые имения и переселяться со своими хозяйствами в Петербург, где «все съестные припасы продаются очень

дорого» [Там же]. Усмиряя стихию природы, как бы она ни объективировалась – в людском ли непослушании или в необузданности других, морских волнений, – царь выстраивал свой грандиозный план, имя которому Санкт-Петербург.

2.

И знали: не будет приема. Ни мамок,
Ни дядек, ни бар, ни холопей,
Пока у царя на чертежный подрамок
Надеты таежные топи.
Б. Пастернак. Петербург.

Учась в Нежинской гимназии, Гоголь никак не думал, что здесь, в Петербурге, он вспомнит о «старосветских помещиках», о тихой, размеренной жизни с малосольными огурчиками и солеными грибками, варениками с ягодами, кислым молочком или грушевым изваром и еще бог знает с чем! Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, милые, заботливые, трепетно относящиеся друг к другу старики в своем милом их сердцу домике, плотно покушавшие, умиротворенные, теперь уже готовые посмеяться над ним, внести в теплоту и уют малую толику беспокойства: «Ну, да положим, что дом наш сгорел, куда бы мы перешли тогда? – Бог знает что вы говорите… как можно чтобы дом мог сгореть: бог этого не допустит. – Ну, а если бы сгорел? – Ну, тогда бы перешли в кухню… – А если бы кухня сгорела? – Вот еще! Бог сохранит… Ну, тогда в кладовую… – А если бы кладовая сгорела? – Бог знает что вы говорите! Я и слушать вас не хочу!» [2, с. 16]. – Милые его сердцу «старосветские помещики» никогда не покидали свой дом и очень любили в нем принимать гостей, они манили к себе, притягивали, завораживали и вызывали воспоминания: «„Что же сильно над нами: страсть или привычка? Или все сильные порывы, весь вихорь наших желаний и кипящих страстей – есть только следствие нашего яркого возраста и только по тому одному кажутся глубоки и сокрушительны?“ Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки» [Там же, с. 26]. Мы должны запомнить эту «почти бесчувственную привычку», тихую, размеренную, уединенную жизнь – к ней Гоголь будет стремиться. Но здесь, в Петербурге, иная размеренность и иные привычки. Невский проспект, до двенадцати часов представляющий собой средство для разного рабочего люда, в полдень становится «педагогическим Невским проспектом» – он предоставлен гувернерам со своими питомцами. Ближе к двум они вытесняются их родителями, к которым присоединяются все, окончившие важные домашние дела, потом чиновники по особым поручениям и те, которые служат в иностранных коллегиях, и, конечно же, дамы! – тысячи сортов шляпок, платков, рукавов, платьев. Словом, от двух до трех часов – это время, которое можно назвать «движущейся столицей Невского проспекта», где происходит главная выставка всех лучших произведений человека. С четырех часов Невский проспект пуст, а ближе к вечеру его наполняют молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари, а также почтенные старики, которые с важностью прогуливались в два часа, а теперь бегущие так же, как молодые регистраторы, с тем, чтобы заглянуть под шляпку мало знакомой дамы. Эта роспись в «Невском проспекте» – своеобычная проекция табеля о рангах, где все давно задано и имеет раз и навсегда отведенное место, где потоки людские строго регламентированы и большой труд составляет сломать что-либо в этом отлаженном механизме. Но человеческие страсти стремятся вырваться из этих устоев, но отчего-то неизбежно терпят крушение, разбиваясь о предустановленный и теперь уже ставший мистическим порядок. Они тонут в болотных топях всякий раз, когда, как Пискарев, летят за красивой брюнеткой, воплощением высокого и чистого

идеала, который оборачивается в уличную кокотку, или, как Пирогов, стремятся осуществить «реальные» цели, но и их объект оказывается совершенно не тем, каким виделся вначале. То, что получил Пискарев, вполне удовлетворило бы Пирогова, но здесь, в Петербурге, «все происходит наоборот, все обман, все мечта, все не то, чем кажется!» [3, с. 38]. Если сравнить юношеское письмо Гоголя к матери 15 декабря 1872 г., где он предстает уверенным и полным сил: «Разве я не имею твердого неколебимого намерения к достижению цели, с которым можно будет все побеждать» [4, с. 541], с тем, что потом предстанет в петербургских повестях, то мы увидим, что здесь, в Петербурге, только «нос» Ковалева, а не он сам, вполне может стать высоким чиновником, потому что только в «другом измерении» можно сломить этот грандиозный план. Именно будучи в «другом измерении», в другой системе координат, из глубины себя, майор Ковалев смог сказать «статскому советнику», в котором он узнал свой «нос», и именно потому, что это его нос, сказать: «Вы должны знать свое место» [5, с. 44], и именно потому, что его нос облачился в «форму» статского советника, он не мог сказать это сразу. Если Пискарев и Пирогов, охваченные ночной страстью, совершают поступки, результаты которых не согласуются с их желаниями, то майор Ковалев рад бы вообще не выпадать из означенного своего существования (разве что стихия вынесет – не самого Ковалева, так его нос), но, так или иначе, все они понуждаемы к действию неведомой причиной, цели которой не способны понять. А стихия, которая с ними играет, перебесившись, вновь приводится в надлежащее ей русло, т.е. все расставляет по своим местам. Это русло укрепляется гранитными набережными; проспекты и улицы, каркас которых надет на болотные топи Ингерманландии, и стройные ряды песочно-грязного цвета домов, как бы выросших из зыби или вросшихся в утвержденную ими самими почву, говорят: это – «сакральное пространство», оно успокаивает им самим произведенное волнение. Но придет время и, воспетое когда-то Петром, также несущимся сквозь стихию на медном коне и пребывающим в ней, ее успокаивая, оно будет сломлено иными стихиями, страстями необузданной мысли, которые, сами того не ведая, выведут мистический закон, подрывающий изнутри строго детерминированный порядок: ведь только в «рыхлой» системе можно безоговорочно действовать! – то ли «по природному непостоянству», то ли «из-за неудовольствия всякими происходящими сейчас переменами», как писал Эренмальм.

По поводу «Носа», да и всего Гоголя, в статье «Гений формы» В. Розанов восклицает: «Ведь тут ничего нет! Нет сюжета! Нет содержания! …Но форма, но как рассказано – изумительно!» [6, 346]. Во всех его историях, – продолжает он, – нет ничего, что возбуждало бы любознательность, все истории его примитивны и сводятся к одной формуле: «Майор Ковалев был с носом. Потом нос соскочил со своего места. Потом – опять вскочил на прежнее место» [Там же].

В нем нет и «определенной мысли», подчеркивает Розанов. Все схемы, «специальности», любовь к мелочам, к резцу, к ретуши, к «Чертежному рейсфедеру // Всадника медного» (Б. Пастернак). Это – линии, стремящиеся слиться в одну линию жизни, но все еще идущие параллельно, чтобы потом где-то сломаться одной (линия героя), и уже ничего не желать, или стать точкой, вернуться к себе. Но, как Акакий Акакиевич, «если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным подчерком выписанные строки» [7, с. 117], так и, пробегая, стихия из ничего, из тумана, по всему гоголевскому «Носу», по всему творчеству дробится словами, чтобы быть оформленной в весомое слово, чтобы утихомириться, устояться, ведь «все обман, все мечта, все не то, чем кажется!». Глубинная гоголевская мысль не выписана, но вписана, она лежит в под-выражении, она еще не вертикальная. А социальная – на поверхности (горизонтальная), и нас интересует меньше всего. Но иногда она вырывается вверх и проявляется, и становится равной слову, а потом несется дальше вверх (или вглубь), так далеко от мира, что в нем остается только одно поприщенское «Чи 34 сло Мц гдао 349». [8, с. 171]. «Куда не-

сешься ты, Русь – Тройка?» – ведь весомое слово найдено! «Матушка, спаси твоего бедного сына! Ему нет места на свете! его гонят», – в гениальном бреду вопиет Поприщин. Его гонят, как Акакия Акакиевича, которого всегда «видели все на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма, так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым», его гонят, почти скульптурно оформленного, почти вечного, гонят «морозами», гонят насмехаться над этим миром, где «все обман, все не то, чем кажется».

Антитеза «петербургских повестей» к почти бесчувственной привычке старосветских помещиков выявляет неспособность принять ту действительность, которая одна только и разворачивается, принять такой, какова она *есть*, но не так, как Пирогов с Ковалевым, несущиеся по воле волн, оторванные и отпавшие, а как стремился принять Гоголь после того, как пережил кризис 1840 г. и пришел «к Тому, Кто есть источник жизни». Без осознания этого источника обезумевшее существо будет вытолкнуто, как Пискарев, Чартков, Акакий Акакиевич или Поприщин, а бесчувственное, стихией взбунтовавшееся, как Пирогов или Ковалев, – тою же силой приведено в кондитерскую, туда, откуда вышло, и оставлено «с носом»; и все «совершенно закроется туманом», если не найдет, как не нашел художник Чартков в «Портрете», должного способа существования, выговоренного Гоголем в духовной прозе: «начало, корень и утверждение всему есть любовь к Богу. Но у нас это начало в конце, и мы все, что ни есть в мире, любим больше, нежели Бога. Любить Бога следует так, чтобы все другое, кроме него, считать второстепенным и не главным» [4, с. 390] – вот «правило жития в мире», постигнутое где-то в Италии, откуда «русские избы виднеют». Но это потом, а сейчас Гоголь находится в «завороженном царстве» тварного мира, во «второстепенном» предмете, и заворожено описывает его, подробно и скрупулезно, с тем, чтобы ни одна черточка мира не осталась не «вочеловеченной», выписывает его предметы, как будто хочет что-то увидеть за ними, кроме них самих, детально и вдумчиво счисляет их, как будто это не предметы, а магические формулы, дающие ключ к разгадке какой-то вечной и главной тайны. Но чем больше он всматривается в них, тем дальше они от него отдаляются, не скрепленные ничем, даже весомым словом не удержанные, оставляя пустое поприщенское пространство между «Чи» и «сло» – 34, открывая мистический закон, от которого он потом отречется, как от всего в мире: «да удалюсь от мира в святой угол уединения» [Там же, с. 441]. Но и в этом углу ему не было места!

Когда-то Чарткову был выбор: один голос в нем с «подсказавшим ему рассудком» чертит план: запереться в комнате и работать, – а, поработая года три для себя, не на продажу, могу стать славным художником, но изнутри другой, еще звонче – одеться в модный фрак, нанять славную квартирку… И по наименьшему сопротивлению Чартков отдается последнему. В системе Н.О. Лосского на до-бытийном уровне «субстанциальные деятели» тоже делают свой выбор: или непосредственно отходят к Богу, озаренные его светом, или воплощаются в мире, продолжая цепь перевоплощений.

3.

Улицы рвутся, как мысли, к гавани
Черной рекой манифестов.
Нет, и в могиле глухой и в саване
Ты не найдешь себе места.
Б. Пастернак. Петербург.

Профессор говорил Чарткову: «Тебе что-нибудь полюбится, заманит – ты им занят, а прочее у тебя дрянь» [9, с. 67]. Художник, «невольно» приобретая портрет старика, видит: «окончательнее» всего в нем были глаза. «Это было уже не искусство, – вос-

клицает Гоголь, – это разрушало даже гармонию самого портрета» [Там же, с. 70]. Живые глаза портрета начинали жить самостоятельной жизнью. Вырванные из контекста картинного поля и наделенные силой, которой лишились все остальные его части в результате того, что глаза присвоили себе функцию Главного предмета и начинали самостоятельно действовать, руководить, как в другом месте действует самостоятельно «нос», они, будучи «вочеловечены», подрывают устои сбалансированного миропорядка, и, может быть, потому старая школа критиков и говорила о социальности гоголевского творчества, когда это – воплощение его мистически-религиозного сознания. В «Учении о перевоплощении» Н. Лосский говорит о том, что монада собаки в результате сильной любви к хозяину, перевоплотившись, может стать одной из монад человека, отвечающей за какой-то в нем орган, и, поднимаясь по иерархической лестнице и через дальнейшие воплощения оказавшись в соответствующем женском органе, родиться человеком. Интересно, что теории о монадах придерживался И.В. Гете. И. Эккерман в «Разговорах с Гете» пишет, что тот, отгоняя собаку, говаривал, что боится того, что второстепенная монада в будущем захочет стать человеком и перевернет мир. Здесь нам важно понимать, что гоголевский мир наделен душами и что они – живые. И что от них Гоголь бежит в аскетизм, в бесконечные посты, в умерщвление плоти, чтобы примириться с самим собой. Гоголь, взявший на себя функцию Творца, уже сам боится этих страшных предметов: «носа», «глаз» – этих «мертвых „живых“ душ». Он и сжигает «их» в конце концов. Потому что «мы все, что ни есть в мире, любим больше, нежели Бога». Он уже здесь, в «Портрете», видит всю их магическую силу. Гоголь просит даже не ставить себе памятника, и как бы во исполнение завещания намеченный в Ленинграде в 1952 г. памятник так и не был поставлен, видимо, до тех пор, пока не исчерпал своей силы магически-мистический гештальт Петербурга.

Основной вопрос, который мучит Гоголя: почему «простая, низкая природа является у одного художника в каком-то свету», а та же самая природа у другого художника «предстанет только в одной ужасной своей действительности, не озаренной светом какой-то непостижимой, скрытой во всем мысли»? [Там же]. И Гоголь ищет озаряющий свет скрытой во всем мысли в «святом бесстрастии» [10, с. 321], он хочет видеть, как Пушкин «видел всякий предмет в его законном соприкосновении с верховным источником лиризма – Богом», исторгать из всего «электрическую искру, которая присутствует во всяком творении бога» [Там же, с. 333]. Но озаряющий свет он ищет то во второстепенном предмете вне соприкосновения с его источником – и тогда стихия предмета завораживает его, смешивает краски и закрывает туманом, и предмет, потерявший свой божественный план, начинает действовать мистическим образом, начинает жить самостоятельной жизнью, изнутри ломая строго детерминированный порядок вещей, то устремляется к Божественному Предмету, и тогда весь мир превращается в нулевое пространство «Чи 34 сло». Стихия бросает Гоголя от Творца к творению, от ТВАР'ения к Творцу, нигде не найдя пристанища, «почти бесчувственной привычки», ведь установка антиномистического монодуализма еще не разработана С. Франком. И в «Выбранных местах» Гоголь пытается примириться с этой стихией: «Поверьте, что Бог не даром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит. Нужно только хорошо осмотреться вокруг себя» [Там же, с. 181].[1] «Человек счастлив, когда исполняет долг. Так велит долг, говорит он, и уже покоен» [4, с. 434]. Обуздание стихии утверждением силы, в ней заключенной, в успокаивающее русло божественного плана дарует нам «целомудренное обладание без вожделения» – и это есть «не добыча, а чистый дар», «созерцание через переживание», здесь-реальность «в силу того, что она в нас есть или что мы есмы в ней – в силу имманентного самооткровения реальности» [11, с.

[1] Ср. с конфуцианским принципом «выправления имен».

307–308]. А это фрагмент того, кто «был когда-то Гоголем»:[2] «Умерять дух нужно в веселые минуты мыслями о главном в жизни – о смерти, о будущей жизни, затем, чтобы легче и светлее было в минуты тяжелые» [4, с. 436]. Таков мистический закон, вскрытый Гоголем из самого себя, исполнение которого подрывает устои антиномического сознания, онтологически накладывая одно состояние на другое, совмещая одно состояние в другом, нивелируя эмоциональные различия в плато-переживание, сводя две параллельные линии к одной сплошной линии жизни, переворачивая и представления о вселенной, а тем самым и ее саму. [3]

Литература

1. Эренмальм Л.Ю. Описание города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями. // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 91–98.
2. Гоголь Н.В. Старосветские помещики. / Собр. соч. в 7 т. Т.2. М.: Художественная литература. 1984. С.7–28.
3. Гоголь Н.В. Невский проспект. / Собр. соч. в 7 т. Т. 3. М.: Художественная литература. 1984. С. 6–38.
4. Гоголь Н.В. Духовная проза. М.: Русская книга, 1992.
5. Гоголь Н.С. Нос. / Т.3. С. 38–62.
6. Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995.
7. Гоголь Н.В. Шинель. / Собр. соч. в 7 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1984. С. 113–142.
8. Гоголь Н.С. Записки сумасшедшего. / Там же. С. 153–172.
9. Гоголь Н.В. Портрет. / Т.3. С. 62–113.
10. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. / Собр. соч. в 7 т. Т. 6. М.: Художественная литература. 1986. С. 173–369.
11. Франк С.Л. Соч. М.: Правда, 1990.
12. Витгенштейн Л. Лекция об этике. / Историко-философский ежегодник. М., 1989.

[2] «Совсем забыл свою фамилию; кажется был когда-то Гоголем» – надпись Гоголя на хромолитографии вида Брюлевской террасы в Дрездене. Из «Записок» М. С. Сабининой. (См.: Воропаев В. «...Кажется был когда-то Гоголем». // Златоуст. №1, 1992) Гоголь практически обрек себя на голодную смерть – ср.: джайнисты-дигамбары (одетые пространством) высшим условием достижения нирваны считают, при существовании только подаянием, голодную смерть.

[3] Ср. с К.Э. Циолковским: положительное ощущение, сложенное с отрицательным ощущением такой же величины, дает ощущение, выражаемое нулем, – «получается философское равнодушие Будды, величие нирваны» (Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: Эдиториал УРСС. 2001- С. 263).

КОНЦЕПЦИИ СТИЛЕОБРАЗОВАНИЯ В АРХИТЕКТУРЕ 1920–1940 ГГ.

Н.В. Филичева

Для исследователя всегда важно найти первичные истоки тех или иных явлений. Если это не всегда удается по отношению к архитектуре прошлого с ее относительно медленными темпами взаимовлияний и ограниченностью географического распространения региональных стилей, то это тем более трудно для XX в., когда процессы формо- и стилеобразования приняли глобальный характер, а средства информации позволяют архитекторам разных стран непрерывно обмениваться творческими достижениями. Свои находки и открытия имел модерн начала века, мощный импульс идей дали архитектуре XX века неоклассицизм, рационализм, функционализм, советский конструктивизм, развитие стиля Арт Деко, а также парадоксы тоталитарного искусства периода 1920–1940-х гг. XX века в Италии, Германии, СССР.

Постоянно делаются попытки охарактеризовать отдельные периоды, десятилетия в истории искусства и культуры XX века как целое, вне зависимости от идеологических и национально–географических различий. Особенно часто такие попытки делаются по отношению к 1920–1940-м гг. В современной архитектуре почти каждой страны в той или иной степени присутствуют элементы, зародившиеся в 20-40-е гг. XX века в основных центрах формирования новой архитектуры. Советская архитектура 20-30-х гг. занимает особое место как в мировой архитектуре XX века, так и в развитии отечественного зодчества, участвуя в региональных стилях и формируя своеобразные национальные школы. Однако до XX века наша страна не была центром формирования стилевого направления, выходившего за рамки национальной культуры. Наша страна впервые стала таким центром в 20-е годы XX в., причем одним из важнейших центров стилевых направлений авангарда – рационализма и конструктивизма. Рационалисты (Н. Ладовский – лидер рационализма) не разрабатывали стилевую систему, а вносили свой вклад в такие уровни творческих процессов, которые внешне были как бы далеки от художественно-композиционной системы. Сторонникам рационализма удалось осуществить в натуре лишь малую часть своих проектов. Если в конструктивизме основным лидером был А. Веснин, но была и плеяда близких ему по уровню лидеров (В. Веснин, М. Гинзбург, И. Леонидов, А. Никольский и др.), то в рационализме был фактически один лидер – Н. Ладовский, который был идеологом, теоретиком и организатором [1, с. 342–343].

Какие же условия и причины способствовали формированию этих явлений, рождению стиля **Арт Деко**, появлению новых процессов стилеобразования и превращению архитектуры 20-х – начала 40-х гг. XX века в явление, имеющее всемирно-историческое значение? В разработку теоретических основ и концепций архитектуры и градостроительства первой трети XX века внесли большой вклад немецкие, французские, русские архитекторы, здесь огромную роль сыграла профессиональная деятельность как отдельных лидеров, так и школ, таких, например, как «Баухауз» или УНОВИС, ВХУТЕМАС, CIAM (Международные конгрессы современной архитектуры), которые изменили характер градостроительства во всем мире и который с 1928 г. возглавлял Ле Корбюзье. При этом творческая полемика велась, как правило, на высоком теоретическом уровне. В разработку теоретических основ различных концепций 20–30-х гг. внесли В. Гропиус («Границы архитектуры», 1971 г.), интересные градостроительные концепции выдвинули французский архитектор Ле Корбюзье («О современном этапе развития архитектуры и градостроительства», коллекция «Эспри Нуво», 1930 г.; «Лучезарный город», коллекция «Оборудование машинной цивилизации, 1935 г.; «Творческий путь», 1970 г.; «Архитектура XX века», 1977 г.) и Ф.Л. Райт («Будущее архитектуры», 1960 г.), при этом важную роль играло то обстоятельство, что в качестве основных

теоретиков нового направления выступали лидеры новаторских течений, такие как В. Гропиус, Ле Корбюзье, Ф.Л. Райт, А. Веснин, Н. Ладовский, М. Гинзбург [2, с. 79].

Активными теоретиками концепций архитектуры и дизайна, ведущей роли принципа конструирования были Анри ван де Вельде, который актуальными проблемами стиля считал связь с промышленным прогрессом, отводя промышленному производству важную роль в формировании новой художественной системы, У.Моррис – убежденный социалист, теоретик и практик, стремившийся сохранить и возродить старое художественное ремесло, Л. Мамфорд со своими исследованиями технического прогресса, воздействия «машинной цивилизации» на современный стиль жизни людей и др.

История ***функционализма*** как творческого метода, художественного направления, эстетической теории, в основе которых лежали проблемы соотношения формы и функции, красоты и пользы, уходит далеко в глубь истории. Об этом соотношении много говорили в начале XX века, но как самостоятельное крупное явление функционализм заявил о себе в 20-30-е гг. Термин «функционализм» был введен итальянским архитектором Альберто Сарторимом, выпустившим в 1923 г. книгу «Элементы функциональной архитектуры», где среди рассуждений о футуризме было вычленено и понятие функционализма. Значительно позднее весь период 20–30-х гг. стали называть функционалистским: в архитектуре, дизайне функционалистские проблемы оказались в то время в центре дискуссий и творческих экспериментов. В XX столетии значительную роль в стилеобразующих началах сыграл Баухауз. Баухауз, вышедший из стихии ремесленничества начала века и поворота ряда художников к современному промышленному производству, поставил в центре своей творческой и педагогической программы личность художника, его цельное мировосприятие, что нашло отражение уже в первом программном документе Баухауза. Эта брошюра в несколько страничек была напечатана в апреле 1919 г. с вводным текстом Гропиуса и примерным планом обучения в открывающейся школе в Веймаре. Гропиус много раз заявлял о своей позиции художника-гражданина, думающего не только о прагматических целях участия в промышленном производстве и строительстве, но и о формировании личности художника, особенно молодого. Был создан рабочий совет по делам искусств, где было провозглашено «содружество людей с общими интересами». Преподавателями Баухауза были Марсель Брейер, Вальтер Гропиус, Пауль Клее, Людвиг ван дер Роэ, Ласло Мохой-Надь, Георг Мухе, Оскар Шлеммер; художники-графики – Георг Грос, Отто Дикс и др. Конечно, Баухауз возвышается над всей практикой немецкого дизайна 20–30-х гг. Баухауз стремился играть роль синтезирующего центра, чему способствовали торжественные открытия зданий Баухауза, обсуждения его выставок, публикации в серии «Книги Баухауза» трудов ведущих теоретиков искусства и архитектуры из разных стран мира. В тот год, когда Баухауз только создавался, вышла книга Вальтера-Курта Берендта «Борьба за стиль в прикладном искусстве и архитектуре» [3]. Это была первая обобщающая работа о развитии стиля в Европе с первой половины XIX века до начала мировой войны, написанная с позиций функционализма, хотя там и нет собственно функционалистской терминологии. Судя по всему, вдохновителем этой книги был А. ван де Вельде. Берендт очень детально рассмотрел, как в структуре большого исторического стиля постепенно накапливаются изменения в малых предметных формах, как они затем влияют на стиль в архитектуре, как происходит смена стиля и как она, в свою очередь, влияет на массовое сознание. Беренд также впервые посвятил целый раздел связям социалистических утопий с надеждами на «жизнестроительные» проекты среды будущего. Он ставил в прямую зависимость изменения образа жизни людей и комфортной среды, влияющей на формирование стиля в архитектуре и предметном окружении [4, с. 173]. Будущее развитие стиля Берендт связывал с социальными изменениями в обществе, которые неминуемо должны были произойти после мировой войны.

Для Гропиуса «конкретной задачей (школы) была реализация современной архитектуры, которая, подобно человеческой натуре, должна быть всеохватывающей» [5, с. 14]. Гропиус провозглашал единство всех искусств, отвергая традиционное различие между ремесленником и художником. Позднее он писал, что стремился «вывести художника-творца из его башни из слоновой кости и вернуть в мир повседневной реальности» [6, с. 91]. Под его руководством студии Баухауза стали лабораториями, где развертывались прототипы дизайна для промышленности. Переход от веймарского романтизма Баухауза первых лет к индустриальной эстетике происходил на основе вырабатывающегося Гропиусом, начиная с 1922 г., модуля для односемейных домов с минимальной жилой площадью. Так называемые «кубики для взрослых» представляли собой шесть объемных модульных элементов – параллелепипеды простой и сложной, угловатой формы, с пространственными выемами. Из них предполагалось собирать будущие дома. В плане они должны были иметь большую жилую комнату, вокруг которой располагались комнаты меньшей площади и подсобные помещения. Художественные аспекты проектирования сводились к нахождению оптимальных пространственных членений, к использованию цветовых контрастов в отделке интерьеров и созданию новых видов мебели, светильников, покрытий полов, декоративных ковров и тканей, позволяющих добиваться максимума вариантов при минимуме исходных материалов. Предполагалось строить дома, снабженные всеми коммуникациями, позволяющими достичь максимума комфорта при дешевизне строительства и ориентации на массовое, промышленное изготовление всех комплектующих. Так, минуя показ принципов стиля и возвращаясь к основам физического существования предметных форм, Баухауз находил опору в теоретическом наследии Рунге, Гете, в «объективности» материально-художественного созидания. Сознательный поворот к научно-техническому обеспечению современного проектирования и входил в общую программу Баухауза. Кризис майерского периода Баухауза связан с победой национал-социалистов. На смену Майеру пришел архитектор Людвиг Мис ван дер Роэ (1886–1969). Теоретическая концепция Мис ван дер Роэ была близка общим задачам Баухауза. Он настаивал на признании объективности научно-технического и социального прогресса. Мис ван дер Роэ предупреждал, «что смысл и право каждой исторической эпохи, в том числе и новой, в том, что она создает предпосылки, возможности для развития духовной жизни» [7, с. 78].

Практика Баухауза, его выставки, публикации и споры о нем оказали значительное воздействие на немецкий дизайн 20-х гг. и на технические формы 30-х, хотя в Германии говорить о Баухаузе как источнике идей формообразования было просто опасно. Национал-социалисты начисто отрицали самоценность дизайна в культуре, но поддерживали технические поиски форм, дававшие интересные результаты в автомобилестроении (знаменитый «народный» мини-автомобиль «Фольксваген», модели таких фирм, как «Мерседес», БМВ), в самолетостроении, кинофототехнике (фотоаппараты «Лейка»), в создании новых моделей радиоприемников, патефонов, телефонов, часов, инструментов и научных приборов. В 1946 г., когда ушел кошмар фашизма, немецкий философ Мартин Хайдеггер в своем воззвании «Поворот» [8] дал оценку этой принципиальной «внегуманитарности» техники, показав, как люди оказались выданными монстру техники, подмявшему их под себя, ввергнувшему в пламя мировой «технической» войны, как легко эта принципиальная «внегуманитарность» отдала официальному политизированному псевдоискусству все возможности царить над душами людей, как могло получиться, что, выражаясь языком более поздних концепций немецкой теории искусства, «топор расцвел», а «дизайн – молчал» [9, с. 82].

Ле Корбюзье и немецкие архитекторы В. Гропиус и Л. Мис ван дер Роэ завоевывают в 20–30-е гг. международное признание как открыватели новых горизонтов. Благодаря деятельности лидеров нового рационального движения и их сподвижников в мировую архитектурную панораму включаются постройки, которые, зависимо или не-

зависимо от намерения их авторов, утверждают новую архитектурную эстетику. Эти произведения наделены необычной геометрической выразительностью железобетонных объемов, крупных поверхностей стекла и ленточных окон, впечатляют непривычной неордерной тектоникой «домов-башен», «домов-пластин», вольной пространственной композицией построек, не обладающих четко выраженным главным фасадом и т.п.

Практика поисков «импульсов» формообразования во всякого рода постановлениях директивных организаций, высказываниях руководящих деятелей, статьях авторитетных периодических изданий была распространена в то время. Перечисленные явления могли изменить творческую направленность архитектуры или «затормозить» новаторские поиски, но повлиять на стилеобразующие идеи не могли, потому что такие идеи рождаются внутри творческого процесса и связаны с яркими талантами и оригинальными творческими течениями. «Волевое» вмешательство в эти процессы не дает позитивных результатов. Пример тому – развитие советского искусства, подлинные достижения и открытия которого противостояли «волевым» попыткам вмешательства в художественные процессы стилеобразования, об этом свидетельствует творчество К. Малевича, В. Татлина, В. Кандинского, П. Филонова, А. Веснина, И. Леонидова, М. Гинзбурга. Творческие поиски в архитектуре 20–30-х гг. были успешными. Советская архитектура оказала огромное влияние на развитие всей современной архитектуры, хоть большая часть работ архитекторов оказались нереализованными проектами.

Художественные процессы формообразования протекали в рамках общих закономерностей формирования новой архитектуры. При всех сложностях и противоречиях художественные поиски, формирование творческих течений и школ были важными и необходимыми. Поэтому факт сложения в советской архитектуре такого течения, как ***конструктивизм*** – важный творческий результат. Творческие принципы конструктивистов привлекают внимание отечественных и зарубежных архитекторов, художников, историков и искусствоведов, так как их влияние на развитие мировой архитектуры в перспективе проступает все отчетливее. Активно выступая в качестве теоретиков и публицистов, лидеры школ и течений, такие как А. Веснин, Н. Ладовский, К. Мельников, И. Леонидов, М. Гинзбург и др., стремились уменьшить разрыв между новаторскими поисками и проектированием в целом. Долгие годы в нашей архитектурной печати архитектура 20-х гг. рассматривалась как «аморфное явление». Такой подход не позволял дать объективную картину творческих поисков архитекторов тех лет. Конструктивисты, отвергая формы прошлого, многое сохраняли из классических художественных принципов, что приводило к сложению художественно-композиционной системы конструктивизма («конструктивный стиль»). Такая ситуация была характерна и для европейского функционализма и отдельных течений («баухаузстиль», пять принципов Ле Корбюзье, «школа Миса» и т.д.). Конструктивные и функциональные идеи, которые развивает в своих проектах и постройках Л. Мис ван дер Роэ, тоже приносят эстетический эффект. Его создают четкий графический рисунок каркаса и стеклянные поверхности высотных домов, гибкая планировка малоэтажных зданий, отвечающая функциональному предназначению свободно соединенных друг с другом помещений.

Сопоставление, анализ наиболее полных приемов архитектуры 20-40-х гг. XX века в странах с разными политическими режимами демонстрирует неизменную включенность немецкой, советской, французской, итальянской и американской архитектуры в контекст европейского и мирового архитектурного пространства.

Литература

1. Цит. по кн.: Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. В 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М., 1996. С. 342–343.
2. Аронов В.Р. Теоретические концепции зарубежного дизайна. ВНИИТЭ. 1992. № 1. С..79.

3. Behrendt W. C. Der Kampf um den Stil im Kunstgewerbe und in der Architektur. Stuttgart: Berlin, 1920.
4. Там же. С.173.
5. Шнайдт К. Мастерская дизайна XX века. // Курьер Юнеско. 1980. № 5. С.14.
6. Гропиус В. Границы архитектуры. М., 1971. С.91.
7. Аронов В.Р. Там же. С.78.
8. Heidegger M. Die Kehre. // Die Technik und die Kehre. Pfullingen, 1962.
9. Аронов В.Р. Там же. С.82.

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ К ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ)

А.А. Толстикова

Рассмотрены результаты пилотажного исследования, посвященного изучению проблемы этнической интолерантности в Санкт-Петербурге. Автор попробовал взглянуть на проблему с точки зрения объекта интолерантности. Объектом исследования выступили иностранные студенты.

Проблема толерантности/интолерантности в наши дни является особенно важной. Современное общество, отличающееся большой мобильностью (как физической, так и социальной), ростом урбанизации, вынуждено решать вопросы совместного сосуществования часто совершенно различающихся между собой групп людей. Такое сосуществование на ограниченном пространстве влечет за собой как положительный опыт взаимодействия, так и отрицательный – конфликты, вражду, неприязнь, которые появляются из-за недостаточного понимания, ложных предубеждений на счет другого. Поэтому очевидна необходимость изучения такого феномена как этническая интолерантность. Эта тема представляется особенно актуальной в связи с участившимися нападениями на иностранцев, в частности на студентов, отличающихся внешне по этническим параметрам. Как сообщают РИА «Новости» [1] в ГУВД Петербурга и Ленобласти, в 2005 г. было совершено 1073 преступления в отношении иностранных граждан. Статистика 2004–2006 гг.: 08.02.2004 – Хуршеда Султанова (Азербайджан), 13.10.2004 – Ву Ань Туан (Вьетнам), 09.09.2005 – Эспассак Франз (Конго), 26.12.2005 – Канхем Леон (Камерун), 22.02.2006 – Дезире Да Леко (Республика Кот-д'Ивуар) [2].

Участившиеся случаи проявления нетерпимости и ксенофобии к иностранным студентам (другой расы, имеющие иной цвет кожи и т.д.) как со стороны молодежных экстремистских группировок, так и со стороны некоторых отдельных российских студентов представляют тенденцию, опасную для российского общества, особенно для Санкт-Петербурга, где сосредоточено большое количество вузов с обучающимися в них иностранцами. В настоящее время в нашем городе обучаются, по официальным данным Комитета по вешним связям и туризму Администрации Санкт-Петербурга, более 10 тысяч иностранных студентов. В связи с этой проблемой было принято решение провести пилотажное исследование. Целью исследования было изучить проблему этнической интолерантности с позиции иностранных студентов, а именно выявить образы социальной опасности, способы адаптации к социальной угрозе (в виде различных форм нетерпимости) и ее избежания.

Данные были получены в ходе глубинных интервью со студентами-иностранцами Санкт-Петербургских вузов (СПбГУ, СПбГУ ИТМО). Всего было проведено 6 глубинных интервью. При отборе респондентов среди студентов-иностранцев основным критерием было субъективное отнесение студента по внешним данным к группе людей, которым потенциально угрожает опасность стать объектом нападения на национальной почве. Среди интервьюируемых были студентка из Тайваня, 2 студента из Китая и Японии, 3 студента из Вьетнама, Латинской Америки и Турции.

Иностранные студенты констатировали факт социальной опасности для иностранцев, отличающихся по цвету кожи, внешности. Однако мнения по поводу реальной угрозы у респондентов разделялись: некоторые респонденты отмечали, что из-за страха стать жертвой нападения на националистической почве они не хотят продолжать обучение или оставаться работать в России; некоторые отмечали, что, несмотря на это, хотели бы продолжить здесь обучение. Но, так или иначе, все респонденты говорят о чувстве страха, которое порождает высокую эмоциональную напряженность. Так, один респондент, студент из Латинской Америки, говорит о том, что в Воронеже, где он учился до поступления в петербургский вуз, у него была паранойя. Постоянное ощу-

щение опасности заставляло его быть всегда начеку – следить, чтобы никто не шел за спиной. Такой тактики поведения он придерживался некоторое время и в Петербурге.

Одной из задач исследования было выявить образ носителя опасности. Было выделено 2 группы таких носителей опасности, субъектов этнической интолерантности. К первой группе были отнесены представители правопорядка, милиционеры. Как это ни парадоксально, но большую угрозу для иностранных студентов представляет именно милиция. По словам респондентов, студенты подвергаются изъятию денег за отсутствие документов регистрации или якобы просроченного паспорта. Отмечается вседозволенность, беспорядок и уход от выполнения обязательств со стороны правоохранительных органов (в случае нападения, избиения иностранца на почве этнической неприязни).

Отдельно говорилось о скинхедах и хулиганах. В нарративах респондентов очень часто эти образы перемешивались и объединялись в одну группу. Выявить обобщенный внешний образ скинхеда из интервью не удалось: во-первых, назывались стереотипные суждения (такие как *бритоголовые, кожаные куртки, символы свастики на одежде)*; во-вторых, по словам респондентов, они их никогда не видели, не встречали в Петербурге. На основании этого было сделано предположение, что образ скинхеда был сконструирован на основании ранее полученной информации. Были выделены следующие возможные каналы трансляции информации о скинхедах: СМИ; слухи, порождаемые рассказами друзей, однокурсников, студентов-иностранцев, имеющих опыт нападения со стороны скинхедов; иностранный отдел вуза, отделы, занимающиеся курированием иностранных студентов, преподаватели; земляческие организации и представительства посольств.

Как и следовало ожидать, в ответах респондентов говорится о проблемах общего характера (дистанцирование контактеров от иностранцев; трудности первоначального вхождения/вживания в российскую среду на бытовом уровне) и частного характера (общение с преподавателями; ограничение межличностного общения, проблематичность вербальных контактов, связанная с языковыми трудностями). Эти трудности, естественно, создают неблагоприятный психологический фон жизни. Но все эти проблемы нельзя считать чем-то принципиально новым для респондентов. Некоторые респонденты считают, что к ограничению своих потребностей они уже привыкли. Однако, наряду с привычными проблемами, ситуация в городе и стране создает ряд новых, сама новизна которых становится дополнительным фактором, вызывающим напряжение.

Так, рост правонарушений, преступлений, нападений на национальной и этнической почве, транслируемых средствами массовой информации, сопровождается ощущением большого масштаба происходящих событий, непрогнозируемости в целом нестабильной ситуации. Остро ощущается респондентами и правовая неупорядоченность, наиболее бросающаяся в глаза в различных видах преступности, в частности, в чиновничьем произволе, особенно для тех, кто пытается активно искать пути решения возникающих проблем. Но и те, кто непосредственно не сталкиваются с этим, отмечают атмосферу вседозволенности и беспорядка. Все эти проблемы влияют на человеческие взаимоотношения, вызывают иногда раздражение или даже озлобленность респондентов. Некоторые респонденты отмечают, что из-за этого не хочется лишний раз выходить из дома.

Но, с другой стороны, респонденты обладают некоторыми, более или менее эффективными рычагами решения проблем, спровоцированных интолерантным фоном. В условиях социальной угрозы вырабатывается определенная стратегия выживания, включающая различные приемы избегания опасности. Суть пассивной тактики заключается в том, чтобы «стать незаметным», неузнаваемым на улице. Это проявляется, например, в изменении манеры одеваться. Так, как рассказывает один из респондентов, студенты-африканцы закрывают лицо в общественном транспорте капюшоном или кепкой, чтобы не бросаться в глаза. Другой респондент, студент из Латинской Америки, подтверждает, что на какое-то время тоже изменил стиль одежды. Также используется имитация движения, походки и

манеры поведения именно тех людей, которые представляют опасность («гопники», хулиганы). Об изменениях в манерах поведения говорят и другие респонденты. Например, не стоит говорить громко на улице, особенно на родном языке. Один из респондентов говорит, что в чужой стране целесообразно говорить на местном языке, тем более, если приехал учиться. Он считает, что чужая речь в общественных местах провоцирует раздражение граждан России и привлекает к иностранцу внимание.

Респонденты отмечают, что для избежания угрозы нападения надо ходить в больших компаниях. Так, респондент говорит, что старается не выходить на улицу один. Другой респондент отмечает, что предпочитает ходить в ночные клубы только с русскими друзьями. Одна респондентка, наоборот, считает, что безопаснее ходить одной. Иностранный акцент привлекает к себе внимание. В любом случае можно говорить о стремлении иностранцев остаться незамеченными и неузнанными. Это может проявляться и в стремлении слиться в толпе с местным населением, и в желании остаться незамеченным теми людьми, которые рассматриваются ими как источники опасности.

Необходимо выделить веру в предназначение как отдельный способ психологического приспособления к условиям социальной опасности.

Следующая тактика связана с изменением своей жизни с тем, чтобы не только стабилизировать ситуацию опасности, но и снизить уровень самой опасности. Это выражается, во-первых, в смене места жительства: респонденты говорят, что одной из причин их переезда из общежития в квартиру был именно тот факт, что нападения часто совершаются недалеко от общежитий, где живут иностранные студенты. Во-вторых, это выражается в выстраивании определенных социальных сетей, направленных на выполнение функций поддержки и защиты. Предположение о значимой роли этнических сетей в формировании стратегии адаптации к ситуации интолерантности не подтвердилось. Как оказалось, к этому ресурсу прибегают не так часто. Как отмечали некоторые респонденты, моральная поддержка осуществляется по этническим сетям только в первое время пребывания в чужой стране.

Была четко определена роль социальных сетей. Как оказалось, социальные сети активно привлекаются в решении различных проблем. В случае студентов-иностранцев - в основном через студенческие сети. Социальные сети оказывают информационную и моральную поддержки. Можно предположить, что выбор постоянных знакомых внутри социальных сетей связывается с минимизацией риска, а именно обеспечением социальной безопасности. Как рассказывает один из респондентов, если он идет в ночной клуб на дискотеку, то предпочитает идти в компании русских. Говорится также о поддержке со стороны людей, имеющих сферы влияния в той или иной сфере. Например, одному иностранному студенту помогает милиционер, с которым респондент жил по соседству, когда снимал квартиру. У иностранных студентов в Петербурге, как правило, нет семейных сетей, в отличие от российских студентов. Формированию социальных сетей студентов-иностранцев призваны способствовать консульства и посольства. Они должны помогать с решением проблем возникающих у студентов. Однако, как отмечают респонденты, это не всегда происходит.

Таким образом, исследование показало, что все опрошенные респонденты воспринимают ситуацию в городе как этнически интолерантную, интерпретируя и объясняя ее по-разному. Для снижения риска стать жертвой вырабатываются определенные стратегии приспособления к ситуации опасности, инициированной этнической нетерпимостью в городе.

Литература

1. http://www.rian.ru/review/20060408/45469080.html. 18.10.2006
2. По материалам Пресс-службы ГУВД Петербурга и Ленинградской области- http://www.hro.org/actions/nazi/2004/05/20.php. 18.10.2006

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОСТИ

С.Б. Никонова

Выход языка на первый план в философских дискуссиях последнего столетия, где он сменил в качестве главного их предмета и сознание, и бытие, стал уже почти прописной истиной из учебников. Однако, как разум в классические период европейской мысли или вера в Бога в мысли средневековой, он явился не столько единственным или основным предметом рассуждения, сколько некоторым определяющим понятием, парадигмальным ядром современной мысли. Потому можно говорить не столько о философии языка как об одном из ведущих философских направлений, сколько о развитии в XX веке философии, лингвистической по существу, о чем бы она ни вела речь. Философия науки одной из первых обратилась к логическому анализу и практически полностью была поглощена лингвистической проблематикой. В антропологии и этнографии со времен Леви-Стросса, в психологии со времен фрейдовского психоанализа метафора текста, чтения, расшифровки языковой структуры определяет исследование и общества, и культуры и интимной психической жизни человека. Текстуальный подход главенствует в искусствознании, где любая художественная форма трактуется как язык. Для нравственных рассуждений современности также главным вопросом является диалог, общение, коммуникация.

Проявления лингвистической парадигмы в современной мысли бесконечно многообразны, что делает еще более интересным вопрос о причинах ее установления и о тенденциях ее развития – вопрос об основаниях этой парадигмы, который сам по себе становится возможен только в рамках подобной парадигмы, ибо это вопрос о вопросе – вопрос о языке. Именно набор специфических вопросов определяет жизнь и мысль той или иной эпохи, а не набор ответов, даваемых на них, – с подобного утверждения начинает Сьюзен Лангер свою «Философию в новом ключе», в качестве этого «нового ключа» определяя исследование символических систем. «Именно способ подхода к решению проблем, а не то, в чем конкретно они заключаются, закрепляет их за данной эпохой… «Методика» решения (или трактовка) проблемы начинается с ее первоначального выражения в виде вопроса. То, каким образом задается вопрос, определяет направления, по которым могут быть даны правильные ответы» [1].

Развитие вопроса, еще античными греками полагавшегося в качестве главного для философии и отличающего ее от практических рассуждений Востока – вопроса «Что есть Всё?» – последовательно пройдя стадии натурфилософии, метафизики, наконец, теологии, подвело его к радикальному изменению, вероятно, уже к концу Средних веков, ко времени развития номиналистического течения. Однако, несмотря на большой интерес к философии языка, последнее не может быть названо по сути своей лингвистическим, поскольку этот интерес к языку в нем, скорее, являлся частным случаем нарождающегося вопроса о сознании, как и интерес к языку софистов в античности был частным случаем вопроса о бытии. Изменение этого вопроса великолепно трактует в «Европейском нигилизме» М. Хайдеггер, рассматривая различие «метафизических позиций» софиста Протагора, с одной стороны, и, с другой стороны, Декарта как одного из основоположников философии сознания в Новое время. Если для Протагора, по мысли Хайдеггера, истина – это истина самого бытия, и «мера» в знаменитом высказывании «Человек – мера всех вещей» определяет ограниченность человека, что и заставляет последнего иметь лишь свою точку зрения, в то время как вся истина оказывается непостижимой, то для Декарта речи об ограниченности человека уже не идет, напротив, само бытие впадает в зависимость от его познавательной способности.

Окончательной переформулировки вопрос о бытии сущего в вопрос о познании сущего достигает, видимо, к концу XVIII века, когда Кант смело объявляет бытие пус-

тым понятием, низводя его до статуса грамматической связки в предложении, и открыто утверждает невозможность и ненужность познания чего-либо помимо и вне наших познавательных способностей.

Однако, в некотором смысле, с Канта начинается и кризис вопроса о сознании. «Общее чувство», часто упоминаемое Кантом, общность познавательных способностей, сама возможность сообщения являются кризисными вопросами, наиболее радикально проявляясь в кантовской эстетике. Когда красота предмета становится результатом оценки с точки зрения субъективного удовольствия, возникающего в результате свободной, и потому непредсказуемой, игры познавательных способностей – в этот момент обобщающая сила разума терпит крах. Эстетическое суждение связано у Канта с рядом парадоксальных характеристик, составляющих, согласно его определению, его основные отличительные признаки: субъективная всеобщность, субъективная необходимость, целесообразность без цели, высказываемых в непрерывном модусе «как если бы». Эта субъективность неумолимо распространяется с эстетики Канта на всю последующую философию сознания. Как на одну из основных причин этого процесса можно указать на все более явно заявляющую о себе невероятность сообщения между двумя равноправными субъектами, каждый из которых есть вещь в себе и абсолютный источник целеполагания.

Требуется новая терминология. Красота становится ценностью – это открытие принадлежит концу XIX века и неслучайно наибольший вклад в развитие понятия ценности внесли неокантианцы. Вслед за красотой ценностная сфера распространяется на все, что зависит от направленного на него сознания. Эрнст Кассирер, неокантианец и, кстати, учитель С. Лангер, говорил о ценностной природе познания вообще и о тотальности символизации.

Фактически ценности – это новый способ обобщения, в отсутствие его онтологических и рациональных оснований. Ценности творятся людьми и имеют свой источник в оценке – однако в качестве таковых они все же объективны и потому дают общее знание. Можно сказать, философия ценностей преодолевает кантовскую «субъективную всеобщность» эстетического суждения, переакцентируя значимость частей этого словосочетания в новой терминологии: ценность в основе своей случайна и индивидуальна, она выражает индивидуальную интенцию – пусть даже всего человечества. Однако там, где Кант трагически подчеркивал разделяющую силу этой индивидуальной оценки, новая философия находит новые формы общности: вместо «субъективной всеобщности» мы имеем дело, скорее, с «объективной индивидуальностью».

Уже в неокантианстве ценности неразрывно связаны с символами, которые есть средство сообщения этой индивидуальной интенции. Ценности существуют в виде символов. Само сознание как скрытая интенциональность не существует кроме как через символизацию. Вопрос о ценностях сам по себе оказывается вопросом о символах. Если речь идет уже не о том, что существует, и не о том, как мы познаем то, что существует, но о том, как мы оцениваем то, что существует, единственный способ выяснить это – прояснить, что мы об этом говорим.

Любопытно, однако, что торжество лингвистической философии начинается с имевшего место в начале XX века протеста против ценностных высказываний. Позитивистская философия науки применила тончайший логический анализ языка к тому, чтобы сохранить подлинно объективное, не окрашенное оценкой, знание. Ведь индивидуальные оценки подлинно невыразимы. Индивидуальное не может войти в язык – и Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» выносит все ценностное в сферу «мистического». Причем его аргумент был, вероятно, глубже, чем того требовало логическое обоснование господства науки: ценностное для Витгенштейна напрямую взывает к вопросу о бесконечном, любая оценка любой вещи в самом повседневном разговоре включает в себя скрытый вопрос о смысле мира в целом: смысл, а стало быть и цен-

ность, бесконечно ускользает, всегда находясь где-то вовне и чуть впереди указывающего на него высказывания [2].

Последовательный логический анализ языка, имевший целью связать язык с ценностно-нейтральными фактами, выявил, в конечном счете, ценностную окрашенность любых фактов. Наше логическое понятие уже есть ценность, плод интерпретации, и как метко подмечает американский литературовед Стенли Фиш, сколь бы глубоко мы ни уходили в поиске «реальности», мы никуда не выходим за рамки интерпретативности. Значение надписи на листе бумаге не в большей мере является плодом оценки, чем оценка «этого предмета» как листа бумаги, или как набора молекул, или как пространственной протяженности. Любая форма есть плод интерпретации. Но хотя все объекты создаются интерпретативной стратегией, для Фиша это не есть путь к субъективизму, поскольку стратегии социальны и конвенциональны, и оценки, находя свое выражение в символической системе языка, никогда не бывают сугубо индивидуальными[3]. Неслучайно обращение позднего Витгенштейна к теории языковых игр и направление аналитической философии в сторону конвенционализма: истина, по сути, есть результат договора, совершенного на почве общей оценки. Требование абсолютной общности истины заменяется конвенцией. А еще раньше психоанализ объявляет: нормы нет, есть лишь более-менее общепринятый способ поведения, случайно сформировавшийся как механизм защиты и адаптации в той или иной ситуации. Итак, к середине XX века, в отсутствие доступа к бытию или сознанию, вопрос о языке становится основным. И кажется, что в этом скептическом нисхождении невозможно продвинуться дальше: невозможно выйти за пределы языка, ведь обо всем, с чем бы мы ни столкнулись, мы вынуждены будем говорить. Не случайно Витгенштейн уподобляет границы языка границам мира.

Состояние культуры, соответствующее наибольшей всеохватности вопроса о языке – то, что получило название постмодерна. Его девиз – «Все есть текст», его основное направление – развитие любых форм текстуальности. Его началом в искусстве можно назвать эксперименты дадаистов, к примеру, знаменитый писсуар, принесенный в музей Дюшаном, или 4 минуты 33 секунды тишины в знаменитом «4.33» Джона Кейджа. Его продолжение во многом связано с развитием компьютерных технологий и информатики, к которой обратились и наиболее упорные из тех логиков и математиков, что в начале века говорили о создании свободного от ценностей языка. Это Интернет и гипертексты, это «бесконечно отсроченное означаемое» Жака Деррида, путаница смысловых тропок, воспетая Борхесом. Это, наконец, чувство запоздалости от того, что там, где все есть текст, все есть только чтение, и ирония, сопровождающая вечную игру с многообразием читаемого. Это и легкая тоска по вечно ускользающему смыслу, и следующее за ней ощущение пустоты, отсутствия, управляющего развитием и движением всего присутствующего.

Слово языка есть неразрывная и динамическая связка означающего и означаемого, – так еще в начале XX века заявлял структурализм. Связка знака и значения: при чтении значение вынуждено извлекаться из знака и потому без знака не существует. Значение есть та самая информация, что была многократно воспета как главная цель и ценность современной культуры. Однако информатика создает язык лишь для машины, а для читателя гипертекста информация оказывается тем, что никогда не является доступным – иначе зачем он продолжал бы свое следование по бесконечным ссылкам?

Некогда, в конце XVIII века, кантовская система, и в особенности две первые Критики стали апогеем философии сознания, в то время как третья, как мы попытались показать выше, выявляя парадоксы субъективности, явственно представляла собой кризисный для философии сознания текст. Также и постструктуралистская философия второй половины XX века, будучи кульминацией и расцветом лингвистической проблематики, выявила также и ее тупики и парадоксы. Причем эта парадоксальность сама

по себе стала рассматриваться как отличительная черта постструктуралистской философии. Так, к примеру, американский постструктуралист Харольд Блум совершает своеобразный «кантианский» жест – вероятно не имея в виду разрушить лингвистическую парадигму, хотя и имея в виду сформулировать нечто парадоксальное – утверждая, в противоречие, а может просто в дополнение к знаменитой фразе Деррида: «Нет текстов, есть только отношения между текстами» [4].

Проблема касается анализа текстуальности: что есть текст? Черные значки на белой бумаге, нечто ставшее, фиксированное раз и навсегда – в таком виде он сродни явлению природы, он есть простой факт мира – вот его буквальное значение. Но существует ли он как текст? Текст есть нечто наделенное смыслом, а значит и ценностью, не нейтральный факт, но знак, несущий в себе значение – но так он существует только в одном отношении: в отношении прочтения. Читаемый текст оживает. Но как он оживает и в чем? Где существует его смысл? Еще Бенедетто Кроче в начале XX века говорил: интуиция смысла тождественна его выражению. Смысл текста существует только в другом тексте. Для Блума это – его фигуральное значение и его живое существование. Однако это и его трагедия: новый текст в качестве только текста снова не есть текст, но нечто мертвое и не имеющее смысла, хотя и твердо фактически существующее. Он встает в ряд «предшествующих» текстов, текстов мертвых (хотя и бесконечно влиятельных, подавляющих фактом своей твердой и установленной реальности). Жизнь ему даст лишь новое прочтение, но это будет снова лишь новый «текст» – новый набор мертвой фактичности… [5].

Коллега Блума по Йельской литературоведческой школе Поль де Ман в своей книге «Аллегории прочтения» также говорил о семантической нейтральности языка, оставляя любое значение на волю интерпретатора. Однако семантическая нейтральность, т.е. отсутствие собственно информативности, лишает язык его языкового статуса. Несмотря на это, де Ман видит в чтении эпистемологическую ценность: каждый текст нечто нам все-таки рассказывает – но этот рассказ всегда один и тот же: если внимательно вчитаться и не пренебречь никакими формальными сложностями, в любом тексте мы найдем не информацию, но увидим его как аллегорию его собственной нечитаемости.

Итак, постструктуралистский анализ ставит под вопрос саму возможность языка: его постигает та же участь, что прежде постигла сознание. Однако мы определенно наблюдаем и говорение и слушание, и письмо и чтение, и восприятие информации и реакцию на нее. Ответ аналитической философии опирается на так называемые «эмотивистские» основания, сформулированные еще в начале XX в. когда все ценностные высказывания трактовались не как несущие информацию, а только как внушающие эмоцию [6]. В конце XX века постструктуралист Р. Рорти соглашается с логиком Д. Дэвидсоном в том, что не только художественная, фигуральная, метафорическая речь есть нечто сродни жесту, пощечине или гримасе, но любой язык есть просто некий способ поведения, и понимать язык – значит уметь предсказывать определенное поведение на основании ряда разнообразных движений, жестов или издаваемых звуков [7].

К концу XX – началу XXI вв. можно говорить о том, что с лингвистической философией начинает происходить тот же процесс, что охватил философию сознания в конце XIX – начале XX вв. Расширение понятия языка и информации на все сферы происходящего, делает их границы настолько расплывчатыми, что в конце концов утрачивается сам их статус в качестве языка и информации. М. Маклюэн в «Галактике Гуттенберга» говорит о переходе современной культуры к «дописьменным» – эмоциональным визуальным и звуковым формам. Другие исследователи отмечают в современном мире растущую жажду присутствия. Так Х.У. Гумбрехт говорит о существовании культуры знаков и культуры присутствия [8], причем если первая была господствующей в Европе последних столетий, то в современном мире явно проявляется требование второй. Со-

бытие непосредственного присутствия во всех отношениях ценится больше знака. Знак является эстетическим в кантианском смысле: это чистая форма представления без интереса к реальному существованию. В событии главное – его здесь и теперь данность во всех отношениях и для всех ощущений (а не только для отстраненных зрения и слуха, легко заменяемых воображением).

Только достигается ли это? Остается ли присутствие возможным в контексте лингвистического скепсиса, осуществившего ницшеанское утверждение о смерти Бога – единого и абсолютного источника бытия и познания? Тоска по присутствию превращается в этом контексте в тоску по знакам присутствия. Средства массовой информации и идеологическая пропаганда современного общества потребления всеми силами пытаются обеспечить людям это утраченное присутствие в формах рекламы, моды, во всевозможных увеселительных действах, в либерализации удовольствий, распространении культа телесной красоты, здорового образа жизни, освобождении естественной (а также и противоестественной) сексуальности, развивает технологии увеселения. В этом они отвечают требованию массового сознания скорее, чем навязывают ему что-либо извне, потому, фактически, каким бы опасным ни казалось культурной элите, воспитанной в прежней, знаковой, системе, это положение вещей, в его развитии нет смысла винить какие-либо идеологические силы. Напротив, способность идеологического аппарата понять, что нет лучшего способа успешно управлять людьми, чем способствовать их максимальной удовлетворенности – это восхитительное достижение современного либерализма, и никто не стал бы приветствовать никакие формы подавления, ущемления и ограничения, хотя, по сути, с начала и до второй половины XX в. они были последним и единственным, что стимулировало модернистский бунт к развитию культуры и искусства.

Однако все эти попытки воссоздать присутствие пока воссоздают скорее лишь присутствие знака, или присутствие знака присутствия, симулякр присутствия: знак удовольствия вместо реального удовольствия вызывается знаком присутствия вместо реального присутствия. Лингвистический анализ, произведенный в течении XX в., уже в достаточной мере разрушил иллюзии относительно проникновения к реальности, а популяризация научных достижений, либерализация общества, широкое обращение к психологическим школам довели и до обыденного сознания, или, вероятнее, подсознания, мысль о ее недоступности и неоднозначности. Если текст существует только как прочтение текста, а прочтение само есть текст – то и удовольствие существует только как выражение удовольствия. Вероятно, пафос и намерение таких теоретиков, как Маклюэн, состоит в полном устранении знаковости, когда бы тексту не нужно было нести значение, а значению не нужно бы было быть извлекаемым из текста, так что присутствие текста совпало бы с его природной фактичностью, которая бы и вызывала подлинное удовольствие.

Трудно сказать, возможен ли такой вариант развития проблематики и не приведет ли он к тотальному краху культуры. Аксиологическое мышление и связанная с ним лингвистическая философия впервые научились ставить вопрос об основаниях – об основаниях любой парадигмы мысли, включая собственную. Но подобный вопрос необходимо оказывается разрушительным для того, о чем вопрошает. Это деконструктивный вопрос, в том числе и самодеконструктивный. И в этом смысле он являет собою почву для тотального скептицизма. Любой скептицизм, как известно, направлен также и против самого себя, но лингвистическую философию можно назвать не только скептической по природе, но и наиболее радикальной формой скепсиса. Задавая вопрос обо всем, она не оставляет ничего. Выход за пределы лингвистического скепсиса столь туманен, что представляется возможным только как выход за пределы любого вопрошания вообще. Еще в начале XX века Витгенштейн говорил: «Мы чувствуем, что, если бы и существовал ответ на все возможные научные вопросы, проблемы жизни не были бы

при этом даже затронуты. Тогда, конечно, больше не остается никаких вопросов; это как раз и есть ответ» [9].

Литература

1. Лангер С. Философия в новом ключе. М., 2000. С. 9.
2. См. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. П.6.41–6.42.
1. 3.Fish S. How to Recognize a Poem When You See One. // American Criticism in Post-structuralist Age. Michigan studies in the humanities. 1981. №4.
3. Bloom H. A map of Misreading. N.Y. Oxford univ.press. 1975. P.3.
4. См.: Bloom H. Bloom H., The Anxiety of Influence. A Theory of Poetry. N.Y. 1973; Bloom H. A Map of Misreading. N.Y. Oxford univ.press. 1975; Bloom H. Agon. Towards a Theory of Revisionism. Oxford univ. Press, 1982.
5. См., напр.: Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998.
6. См.: Рорти Р. Случайность. Ирония. Солидарность. М., 1996. С.35–41.
7. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М., 2006.
8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. П. 6.52.

ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ СЦЕНЫ В ЭПОХУ РОМАНТИЗМА: ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮДВИГА ТИКА

Е.А. Ткачева

О роли искусства, театра в жизни общества, о национальной особенности немецкой культуры заговорили после просветителей, споря с ними, но в чем-то повторяя их, участники Йенской романтической школы на рубеже XVIII–XIX веков. Для театра искали его законное место среди других искусств. «Сам театральный мир трактовался романтиками как наиболее отвечавший запросам романтизма, как царство фантазии, свободы, игры. Наступило время смелых проектов и визионерских откровений, дерзких и непривычных замыслов, часто так и не реализованных поэтических драм, не нашедших своего места на сцене. Образ идеального театра, призванный рождать воспоминания об эпохе Возрождения и средневековых мистериальных действах, жил лишь в философско-эстетических штудиях»[1]. Театр стал для романтиков полем боя за их искусство. Одновременно с этим, по мере того, как их пьесы проникали на сцену, возникали и определенные проблемы, связанные с необходимостью создать новые условия игры. Для новой драматургии следовало искать иного сценического решения. Эту задачу пытались решить многие и по-разному.

Как ранее у Лессинга и Гёте, в центре планов обновления национальной сцены оказался Шекспир. По пути от теории, изучения и проникновения в тайны творчества этого драматурга и его времени, возрождения «театра-зрелища, полного поэзии, жизни и игры»[2] до практического воплощения шли братья Шлегели, Л. Тик и Э.Т.А. Гофман. В драматургии Шекспира романтиков «привлекала сила характеров, стремительность действия, отсутствие схематизма и бюргерской ограниченности, умение изображать живых людей. «Шекспировский огонь» противопоставлялся холодной рассудочности и аристократической благопристойности классической драматургии. У Шекспира стали учиться изображению сильных эмоций и необузданных страстей»[3]. Творчество Шекспира стало источником вдохновения, тем, решений в драматургии, к которым обратились авторы-романтики.

В конце XVIII века на смену драматургии Коцебу и Иффланда, веймарскому классицизму театра Гете приходят романтические произведения, где главное – фантазия, свобода творчества, ирония. Романтиками воспевалась игра, лицедейство, то, что отрицал Гёте. Для него, «создателя веймарской версии «Разбойников» Шиллера, игра – опасность, а для молодых романтиков – спасение, едва ли не единственное, ибо дарует свободу»[4]. Что же касается изобразительных приемов в театре, то романтики почувствовали несоответствие между декорационным методом создания на сцене места действия и поэтикой шекспировского театра. Отсюда возникли режиссерские поиски Л. Тика и других театральных деятелей XIX века, направленные на то, чтобы вернуться к формам представления, существовавшим во времена Шекспира. На Шекспира опирались романтики и в своей борьбе против классицистских правил единства места и времени. Эти правила отвергались, потому что мешали широко и свободно развертывать на сцене драматическое повествование. Более того, они казались неприемлемыми и с точки зрения правдоподобия.

Именно в романтическом театре важное значение придавалось сменяющимся декорациям, месту действия – развернутому в трехмерном пространстве, объемном мире для актеров, динамическому единству персонажей и места действия[5]. То, о чем мечтали романтики, их проекты и предполагаемые реформы большей частью осталось нереализованным, и на сцене царила мещанская драма, и над требованиями и вкусами публики оставалось только зло иронизировать. Однако существовали проекты, которые не только нашли свою сцену, но, продержавшись там пусть короткое время, сумели повлиять

на дальнейшее развитие и расцвет театрального искусства в Германии. Одним из театральных деятелей немецкого романтизма, пожалуй, единственным, которому удалось пройти путь от мечты об идеальном театре до возможности ее воплотить на лично спроектированной сцене, является Людвиг Тик.

Для обозрения и анализа творчества Людвига Иоганна Тика – драматурга, романиста, критика и постановщика, театрального деятеля эпохи романтизма, требуется создание целостной картины его взглядов и устремлений в литературе и театре, теоретических и практических работ как совокупности проблем и их решений. Начиная с литературно-критических статей о шекспировских пьесах, пытаясь понять их строение и осмыслить с точки зрения новой романтической эстетики, Тик переходит к использованию приемов построения текста, композиции, идей и характеров в собственной драматургии, одновременно закладывая в ней основы к созданию своего театрального проекта, по сути – неошекспировской модели сцены.

Творческую деятельность Тика можно приблизительно разделить на три периода.

Первый период приходится на 1790-е гг. и первое десятилетие XIX века, это период, когда Тик заявляет о себе как о драматурге и критике, переводчике Шекспира. Тогда были написаны его романтические комедии-сказки «Кот в сапогах», «Принц Зербино», «Мир наизнанку», работы по анализу творчества Шекспира, в том числе и критическая статья «Отношение Шекспира к чудесному», переводы на немецкий «Сна в летнюю ночь» и «Бури», шекспировских сонетов. В своем критическом разборе композиции комедий Шекспира Тик не устает обращать внимание на «огромное количество тонких и изящных фантазий, которые сменяют одна другую, образуют цепочки, переплетаются, чтобы достичь особого, неожиданного воздействия на нас»[6], на обманки и водоворот снов-иллюзий, снов во сне, игры в игре. То, что не раз появится в его собственных пьесах-сказках. И за всем этим, пишет Тик, «…приглядевшись, мы видим руки кукловода, дергающие за ниточки марионеток-героев, и, в то же время, – совершенно свободно ведущие себя мысли, философские изречения, которые, несмотря на это, так же управляемы и работают на общее целое спектакля-игры»[7]. За фантазией и сном Тик видит движение воли драматурга-автора-мастера (Dichter). Этот полет во сне, который оказывается сложной игрушкой-лабиринтом в руках Автора – черта творчества Тика 1790–1810-х. гг., когда он пишет комедии-сказки, где есть место немыслимому повороту сюжета, «вывернутой наизнанку» композиции, ситуации театра в театре. Ориентирами для него остаются любимые им шекспировские пьесы «Буря» и «Сон в летнюю ночь».

Как жанр в романтической драматургии главенствовала комедия. У романтиков комедия и драматична, и оптимистична одновременно, и в ней находит отражение вера в конечный исход борьбы враждующих начал, в победу духа над миром прозы. Главная мишень этой комедии – просветительский рационализм, идеализированнный просвещением рассудок среднего бюргера. Им противопоставлены творческий гений, поэзия и фантазия[8]. В пьесе «Кот в сапогах» Людвига Тика бюргеры показаны как основная масса зрителей, враждебных любым новшествам в театре.

Теория романтической иронии, на которую по-своему опирается в своих комедиях Тик, основана на философских и эстетических исканиях ранних романтиков, на работах Ф. Шлегеля. «Ирония вводила в структуру художественного произведения дисгармонию, напряженность, разорванность формы, рефлексию, авторские суждения о произведении, и о самом себе. Она решительно противоречила представлениям классицистов об уравновешенном гармоничном совершенстве»[9]. В комедиях Тика присутствуют и самопародирование, буффонадность, и утверждение свободы художника, нарушающиеся общепринятые эстетические каноны[10]. В этом ему помогают театральные приемы, которыми он пользуется, но над которыми же и смеется. В «Коте в сапогах» зрителей в театре увлекает зрелищная сторона (вместо актеров в финале пьесы вызывают на поклон декорацию), но тем самым они показывают свою глупость. Пьеса «Кот в сапо-

гах» стала символом романтической иронии в театре, драматургического новаторства конца XVIII века.

Второй период может быть назван Дрезденским, поскольку охватывает промежуток с 1820 г. по 1840 г., когда Тик жил и работал в Дрездене как театральный критик и романист, а с 1825 г. – как заведующий репертуарной и постановочной частью в Дрезденском королевском театре. В эти годы складывается идея Тика о реформировании немецкого театра и проект создания площадки на основе реконструкции староанглийского устройсва сцены. Идея существовала пока в теории и нашла отражение в романе Тика «Молодой столяр» 1836 г., посвященном проблеме постановки комедий Шекспира и адаптации под них немецкой сцены. В романе герои-актеры фактически своими руками оборудуют в пустом зале дворца площадку для игры, созданную по образцу елизаветинской – невысокий помост, открытый с трех сторон для зрителей, и занавес-задник. Слова о необходимости сделать сцену и театр «ближе к зрителю» во всех смыслах звучат и в сборнике статей Тика «Заметки драматурга», которые начали издаваться с 1825 г.

Тик, так же как и Гёте, исходил в своем стремлении изменить вид немецкой сцены из существующих источников об английском театре Елизаветинской эпохи. И Гёте, и Тик имели перед собой примеры античного и староанглийского театра, но по-разному переосмысливали их. Гёте тяготел к классицистской позиции в своих исканиях. Ему, в отличие от Тика, удалось создать театр по своему плану и ставить в нем спектакли. Для Гёте сцена театра – это завершенная, замкнутая в себе картина, имеющая свою композицию. Гёте придерживался в построении мизансцен принципа симметрии, заданности, по образцу классицистской живописи. Таким образом, сцена переставала быть частью реальности, отодвигаясь от зрителя, чтобы дать ему возможность наслаждаться зрелищем несколько на отдалении. Гёте стремился к увеличению глубины сцены, чем подчеркивался бы объем картины, ее сложность и красота. Тик же действовал наоборот, он отказался от глубины. Сценическая площадка, по его мнению, должна быть выдвинута, как можно больше приближена к зрителю. Как и в шекспировском театре, она как бы входит в зал. Тик отказывается и от переднего занавеса, оставив только тот, что отгораживает заднюю сцену. Говоря о современной сцене, Тик с сожалением замечает, что на данный момент она отошла от простоты шекспировской и греческой сцены, когда зрители не были резко отделены от актеров.

Чтобы приблизить зрителя к сцене, Тик выдвигает два технических требования: уничтожение свободного пространства перед сценой и уменьшение ненужной глубины сцены. При выполнении этих требований вся сценическая картина будет выглядеть как скульптурный рельеф, где на переднем плане – актер. (Гёте же считал, что «сцену надо рассматривать как картину без фигур, в которой последние заменяются актерами»[11]). С этой же целью Тик хотел отказаться от занавеса и кулис. Передвигая во имя естественности актера к зрителю, Тик отвергает, как это делал и Д. Гаррик, обязательную позицию актера лицом к зрителю, настаивая на его праве поворота в профиль. Но окончательно, пишет С. Игнатов, освободили немецкую сцену от обязательного поворота актера en face, утверждавшегося и веймарской школой, только мейнингенцы[12].

Идея Тика о сцене наподобие шекспировской не была идеей подлинной реконструкции театра 17 века. Если первоначально, решив создать сцену без декораций, Тик руководствовался мыслью об отрицании зрелищности, где все внимание было бы на актере и пьесе, то вскоре, уже в 1800-ые гг., стало ясно, что минимум изобразительного должен присутствовать. То, к чему Тик приходит в своих зрелых работах («Молодой столяр», 1836 г., «Заметки драматурга», 1852 г.), где его концепция окончательно сформировалась, отвечает представлению о елизаветинской сцене, но он не отказывается от современных решений. Машинерия, однако, не используется Тиком. Все предельно просто и функционально. Его театр близок зрителю своей доступностью. Многое должна дополнить фантазия публики, доразвивая те образы, которые даются на сцене лишь

намеками – при помощи живописного задника, пространственного расположения персонажей на сцене.

В основе эстетических требований Тика к театру (данных в «Заметках драматурга» 1825 и 1852 гг.) лежит его определение сущности театрального воздействия как иллюзии, которая «захватывает и непреодолимо увлекает потоком и натиском страсти, великим и возвышенным, потрясающим и трогательным»[13]. Определяя цель театра как создание этой иллюзии, Тик требует от актерской игры, в первую очередь от сценической речи, естественности. Настоящая декламация, по Тику, это «естественное представление чистой жизненной правды»[14]. В основе такого стиля речи лежит обыкновенный разговорный язык.

Ценной для Тика чертой в актерском искусстве являются не только резкие контрастные переходы из одного состояния в другое, но и сочетание трагических черт с комическими. Из всех современных ему актеров Тик особенно выделял Иоганна Флекка. «Флекк совершенно удивительным образом извлекал юмор, без которого Шекспир не оставил ни одного своего трагического характера. Эта особая смелость, которой недостает большинству актеров, так как они, конечно, не могут на нее отважиться без призвания, – связать звучание комического с серьезным, окрашивать отчаяние и глубокое страдание детскостью, наивностью, в странном противоречии с собою, – такой талант составлял величие Флекка»[15]. Стихийная эмоциональность, контрастность игры и титаничность трагических образов – все это отмечает Тик и именно Флекка считает актером, чья манера исполнения идеально подходит для его нового театра, где основной репертуар – шекспировский. При этом Тик придает большое значение сыгранности труппы, считая ансамбль основным условием художественного наслаждения. Он выступает против выделения из ансамбля актера-виртуоза.

Восприятие и усвоение традиций шекспировской драматургии, изучение принципов устройства сцены шекспировских времен, положения актера было равнозначно для романтиков с возможностями развития национального театра.

Третий, Берлинский период – 1840-е гг., завершающий, в котором Тик проявляет себя как постановщик. В Берлине и Потсдаме показываются его спектакли «Сон в летнюю ночь» и древнегреческие трагедии «Медея», «Антигона», «Эдип в Колоне». Тогда же, при участии Тика, появляются постановки по его собственным пьесам «Кот в сапогах» и «Синяя Борода».

В 1843 г. Тик ставит «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Проект сцены был создан им вместе с художником Иоганом Герстом еще в 1840 г. Тик использовал небольшую сцену из двух уровней – один выше другого, соединенных двумя рядами ступеней по бокам. Между этими двумя спусками образовывалось небольшое пространство, служившее и гротом Титании в сцене с Основой и, при смене декорации – каморкой, где собирались ремесленники. Первая декорация, представляющая собой балкон с колоннами и ступенями к нему, была в сценах дворца Тезея. Для второй был использован живописный задник-занавес, изображающий лес: нечеткие контуры деревьев и цветов, оставляющий от предыдущей декорации только ступени[16]. Музыка к этой постановке Тика была специально написана Феликсом Мендельсоном. В этой работе Тик воплотил идею реконструкции сцены с ориентированием на елизаветинскую, которая до него была сделана в немецком театре лишь однажды, за два года до него, его другом, постановщиком Карлом Иммерманом в любительской постановке пьесы «Двенадцатая ночь».

Важно, что в поздний период своей театральной деятельности Тику удается на практике воплотить собственные идеи, в том числе и попытку реконструкции елизаветинской сцены и поставить на ней несколько драм Шекспира. В этом отношении пример Тика необыкновенно показателен. Он объединяет в своем творчестве сферу исследований и возможности их применения, проверки в действительном театральном процессе.

Соглашаясь с исследователем А. Карельским, можно сказать, что вся театральная деятельность Тика носила характер эксперимента, авантюры, воссоздания духа шекспировского театра в пьесах и на сцене, и в этом ее ценность. Наиболее показательны его ранние комедии-сказки, где «ярко блеснул его формотворческий дар, распознанный лишь немногими современниками»[17], тем более, что именно они были созданы с оглядкой на комедии Шекспира, в них нашли отражение идеи Тика о новом театре.

В своих комедиях Тик разрушал общепринятые законы построения пьесы, а в своих постановках он возрождал забытое и разрушенное до него. «Как ни парадоксально, – пишет исследовательница К. Матинян, – у Тика именно разрушение функционирует как единственный, причем весьма жесткий, конструктивный прием»[18].

Использование Тиком модели шекспировского театра нельзя назвать абсолютным заимствованием. Вариант, предложенный им, представляет собой совмещение опыта искусства Возрождения, понимания потребностей и проблем современной ему немецкой и английской сцены и мечты об идеальном романтическом театре.

---

[1]Макарова Г.В. Театральное искусство Германии на рубеже XIX-XX веков. Национальный стиль и формирование режиссуры М., 1992. С.61.
[2] Макарова Г.В. Там же. С. 62.
[3] Мокульский С. История западноевропейского театра. В 2х т. Т 2. М.;Л.: Искусство, 1939. С.433.
[4] Макарова Г.В. Актерское искусство Германии: Роли-сюжеты-стиль. Век XVIII- век XX. М., 2000. С.73.
[5] См.: Березкин В.И. Искусство сценографии мирового театра: от истоков до середины XX века. М., 1997. С.128.
[6]Tieck L. Shakespeares Behandlung des Wunderbaren// Tiecks Werke. Im 2 Bd. Bd.2. Berlin-Weimar.1985..S. 378.
[7] Ibidem.
[8] См.: Карельский А. Драма немецкого романтизма. С.34.
[9] Дмитриев А. Проблемы немецкого романтизма. М.,1975. С.206.
[10] См. : Там же. С.216.
[11] Гете И.В. Правила для актеров//Гете И.В. Собр. соч. : В 13 т. Т.10. М.,1932. С.299.
[12] См.: Игнатов С.С. История западноевропейского театра Нового времени. М.;Л.,1940.С 109.
[13] Цит. по: Игнатов С.С. История западноевропейского театра нового времени. М; Л.1940.С.106.
[14] Там же.
[15] Tieck L. Kritische Blatter.Dramaturgische Blatter. Leipzig. 1848. B.2. S.46-47.
[16] См.: Petersen J. Ludwig Tiecks ‘’Sommernachtstraum”-Inszenierung. Berlin, 1930. Bd.2, S.41.
См. также: Waldszenerie der Sommernachtstraumauffurung unter Ludwig Tieck // Leipziger Illustratierten Zeitung, № 77 am 21. XII. 1844
[17] Карельский А. Драма немецкого романтизма. М.,1993. С.35
[18] Матинян К.Ф. Жанр комедии в литературе немецкого романтизма к Х1Х-н.ХХ века. М.: МГУ, 1986, С. 10.

5 ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

СЛУХИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И.С. Вацковская

Понятие **«дискурс»** (фр. *discours,* англ. *discourse)* рассматривается в современной лингвопрагматике как важная составляющая коммуникации, как речь (устная или письменная), включенная в широкий коммуникативный контекст. В определении Е.С. Кубряковой дискурс квалифицируется как когнитивный процесс, связанный с восприятием и реальным речепроизводством [2]. Популярность термина и понятия «дискурс» не только в лингвистике, но и в целом ряде дисциплин, смежных с лингвистикой, привела к тому, что содержание, вкладываемое в это понятие, не всегда и не во всем тождественно. Причину отсутствия четкости в определении дискурса можно усмотреть, прежде всего, в широте охватываемого данным понятием явления, а также в том, что каждая наука выделяет в качестве ядра ту его характерную черту, которая представляет наибольший интерес для данной отрасли научного знания [1].

Подобное понимание дискурса становится базой для выделения **политического дискурса** в отдельную систему коммуникации, к которому относят правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков, т.е. те жанры, которые принадлежат сфере политики. Политический дискурс – это дискурс политиков. Ограничивая политический дискурс профессиональными рамками, деятельностью политиков, исследователи отмечают также, что политический дискурс в то же время является формой институционального дискурса, т.е. он актуализируется в такой институциональной обстановке, как заседание правительства, сессия парламента, съезд политической партии. Иными словами, дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке [8]. Политический дискурс оказывает большое влияние на общественное сознание, широко распространен в средствах массовой коммуникации и неразрывно связан с понятием резонансной коммуникации [9].

Резонансная информация представляет собой особую форму межличностной коммуникации, включающей в себя такие находящиеся в «самодвижении» автотекстовые комплексные **коммуникативные единицы**, как **слухи**, сомнительные были, подсказки, «советы бывалых», личностные и институциональные мифы различного порядка, которые, циркулируя с определенной частотностью в социальном пространстве, выступают в качестве организационной основы объединения людей на базе общности интерпретационного содержания такой информации [7].

Слухи – явление речевой и, шире, коммуникативной действительности, которое в значительной степени определяет существование современного общества. Активно функционируя в бытовой и в публичной сферах, они оказываются и объектом языкового сознания, следствие чего – формирование соответствующего образа в языковой картине мира. Интересно проследить особенности бытования слухов в пространстве языка и пространстве речи и выяснить их взаимодействие. В речевой действительности слухи представляют собой один из каналов распространения общественно значимой информации, свойствами которого, в соответствии с представлениями В.В. Прозоровой и Г.Г. Почепцова, являются:

- цепочный принцип ее передачи;
- содержательное единство высказываний;

- отсутствие коммуникативной роли автора при актуализации роли посредника;
- устная фактура текста [6];
- его самотранслируемость, когда не требуется никаких специальных усилий для распространения текста, который «трудно удержать в себе» [5].

В условиях коммуникации последних десятилетий перечисленные свойства слухов существенно изменились и дополнились рядом новых признаков. Так, пространство существования слухов значительно расширилось: бытовые слухи широко взаимодействуют со сферой СМИ, деловой, а также политической сферами общения. Доверие массового адресата к источнику слухов, готовность ориентироваться на него в своем социальном поведении, с одной стороны, и принципиальная анонимность подобных текстов и возникающее отсюда качество их недостоверности и неточности, с другой стороны, формируют противоречивую природу слухов. Это противоречие одновременно является их конститутивным свойством.

Слухи направлены на реализацию следующих **функций**:

- *вуалирование информационной некомпетентности* (у СМИ в ряде случаев отсутствуют точные данные об источнике информации, и введение «слуховых маркеров» позволяет хотя бы несколько завуалировать этот недостаток). «Investigators had originally said the attacker was believed to have acted alone, but the Sun reported he possibly had an accomplice» [HT, 2006].
- *преднамеренное утаивание источника информации* (часто использование неопределенного авторства связано не с отсутствием знания об источнике информации, а с необходимостью скрыть его на основе договоренности, заранее достигнутой между руководством СМИ, ведущим и журналистом). «Some journalists had apparently started a muttering campaign against Politkovskaya» [TG, 2006].
- *функция манипуляции* (за ссылкой на слухи стоят мнения и прогнозы самого журналиста, который в целях политической выгоды не хочет оформлять их как собственные, однако заинтересован в том, чтобы они стали достоянием общества). «…the diplomatic tour is designed….amid *rumors* that some of the key players are growing nervous of military action»[TG, 2006].
- *функция толерантности* (при наличии малейшего сомнения в достоверности сообщаемой информации становится непринятым настаивать в своей правоте в терминах «it's true, exactly, undoubtedly»). «Some opposition leaders said that it's true that the vote was riddled with fraud».[HT, 2006]
- функция произвольной оценки (ведущий оформляет необходимое ему для оценки содержание в рамки слуха, а затем в режиме прямой или косвенной речи вводит модусный объект «субъект авторитетного мнения»). «Kadyrove denied any "Chechen trace" in the killing. "It's hearsay and rumors, which don't show either politicians or the media in a good light» [TS,2006].
- функция «конфликт мнений» (кроме обязательного для каждого текста автора, в него вводится субъект авторитетного мнения. Как следствие, возможно столкновение различных точек зрения) [Кубрякова, 1997:16]. «On one side are doctors who say that the definition of mental illness should be broad enough to include mild conditions… On the other are experts who say that the current definitions should be tightened to ensure that limited resources to go to those who need them the most and to preserve the profession's credibility» [TN].

Реализация резонансной информации (РИ) в актах политической коммуникации имеет свою специфику, которая проявляется на семантическом (содержательном), коммуникативно-прагматическом и регулятивном уровнях функционирования ее **коммуникативных единиц** – слухов, былей, мифологизированных историй, советов бывалых людей, советов авторитетных людей. В семантическом плане выделенные коммуникативные единицы характеризуются не только содержательной (семантической) специ-

фикой их плана выражения, но и коммуникативными особенностями, присущими резонансной информации в целом. К их числу следует отнести, прежде всего, такие характерные особенности, как:

- анонимная природа;
- автотекстовость и самотранслируемость;
- «самодвижение» как по заданной (когнитивной, коммуникативной или часто резонансной) схеме распространения, так и по произвольному (т.е. резонансно направляемому) маршруту;
- гибкая вариативность форм воздействия относительно адресатной аудитории и способность выступать в качестве базового прототипа (основы) для построения последующих резонансных коммуникативных единиц;
- функциональная протяженность используемых резонансных коммуникативных единиц во времени и их стираемость или вытесняемость из коммуникативного пространства новыми информативными единицами резонансного типа;
- легкая транспонируемость и смена (а также быстрая смена и замена) целевых установок и функционально-семантическая гибкость их плана выражения;
- символичность и мифологичность;
- эмоциональная окрашенность;
- активность в обиходе массового общения и легкая подстраиваемость под каналы сенсорного восприятия (устная и визуальная форма);
- объективная субъективизация информативного содержания, основывающаяся на принципе включения или вводности резонансных коммуникативных единиц, так называемых маркеров «слухового канала»: «they say, that..», «I heard, that…», «sources say» «they said on the radio \ I read in the newspaper, that…», « an authorized man said, that…» [7].

Затемнение истинности высказывания, создание модуса неопределенности позволяет избегать четкого обозначения в тексте того, кто, когда и где стал источником публикуемой информации. Исключение субъекта как источника информации осуществляется с помощью:

- пассивных конструкций с глаголами to seem, to believe, to consider, to understand, to expect;
- конструкций с семантикой говорения, сообщения чего-либо типа is said, is announced;
- обстоятельств, указывающих на косвенный источник информации (allegedely, reportedly) или ее выводной характер (evidently, apparently) [4].

Как следствие, автор порождаемого текста не несет ответственность за достоверность или фактуальность его тематического пространства или иллокутивную направленность, потому что у него всегда есть возможность сослаться на предыдущего автора, независимо от степени отклонения от услышанного: «An authorized man said that the vote was riddled with fraud» [TN, 2006]; « They said on Sunday that those who participated in a cover-up would have to resign»[TG,2006];«I interviewed Hale in 2002 because I had heard he was becoming a key figure in America's hate community» [HT, 2006].

В чисто прагматическом плане слухи примечательны тем, что функционально они опираются на принцип неравенства (различия) между информационным входом и информационным выходом, когда информационный вход значительно меньше, чем информационный выход. Прагматическая специфика слуха как резонансно-коммуникативного акта (РКА) определяется его семиотической природой, когда порожденный и направленный по определенному «маршруту» РКА самотранслируется с определенной частотностью и порождается с новым объемом информации на определенном витке взаимодействия между автором / ретранслятором и адресатом, который в дальнейшем

также становится автором. Тематическое пространство слухов затрагивает, как правило, принципиально умалчиваемую (скрываемую) информацию. Интерес к открытию тайн повышает интерес и доверие к их содержанию, чем нельзя воспользоваться в период, например, предвыборных кампаний, в пропаганде, агитации.

Прагматический и психологический механизм «поделиться с близкими раскрытой тайной» обуславливает быстрое распространение слухов. Такие слухи, как правило, никогда не повторяют того, что уже известно из средств массовой коммуникации, так как они не представляют интереса с точки зрения таинства и сакральности. Отсюда легко установить и масштаб распространения слухов: зона «говорения» равна зоне «молчания», и наоборот.

Обозначенная модель, как представляется, может быть востребована в любых формах агитации, пропаганды или контрпропаганды [7].

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс. / Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совр. энцикл., 1990.
2. Кубрякова Е.С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор). / Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РА, 2000.
3. Кубрякова Е.С., Александрова А.В. Виды пространства текста и дискурса. / Категоризация мира, пространства и время. М.: Диалог-МГУ, 1997.
4. Макаров М.Л. Интерпретационный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Изд-во Тверского ун-та,1998.
5. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации: (от речей президентов до переговоров с террористами).М: Центр, 1998.
6. Прозорова В.В. Молва, как филологическая проблема // Филол. науки. 1998. №3.
7. Романова А.А., Л.А. Романова. Резонансная информация в политической коммуникации. / Филология и культура. Мат-лы III межд. науч. конференции. Тамбов:Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.
8. Dijk T.A. Studies in the Pragmatics of Discourse.Mouton. 1981.
9. Haberland H. Text, discourse:The latest report from the Terminology Vice Squad//Journal of Pragmatics. 1999. №31.

Источники и принятые сокращения

HT – Herald Tribune
ST – St. Petersburg Times
TG – The Guardian
TN – The New York Times

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

С.Л. Волкова

Образовательная ситуация в высшей школе связана с новой политической и социально-экономической обстановкой в нашей стране и за рубежом и характеризуется изменением идеологии образования, а также формированием новых ценностей, потребностей, целей личности студента как субъекта учебной деятельности. Учебная деятельность, преимущественно, определяется двумя типами мотивов – мотивация достижения и мотивация познания, которые являются основой учебно-познавательной активности человека, соответствуя природе его мыслительной деятельности. Познавательная мотивация возникает в проблемной ситуации и развивается при правильном взаимодействии и отношениях студентов и преподавателей. В обучении мотивация достижения подчиняется познавательной и профессиональной мотивации, так как во время обучения в вузе формируется прочный фундамент трудовой, профессиональной деятельности [5].

В основе профессионального самоопределения в юношеском возрасте лежат познавательные интересы, возникающие из потребности личности ориентироваться в действительности и являющиеся побудительной силой и источником устремлений студента, как субъекта учебной деятельности. Познавательный интерес вызывается деятельностью и реализуется в ней. Интерес к познанию является одним из элементов, растормаживающих механизм восприятия и создающих условия для активизации познавательной деятельности. Познавательный интерес представляет собой интерес действия, целеустремленный поиск лучших путей и решений познавательных задач, связанный с усилиями в преодолении препятствий и являющийся важным стимулом в развитии таких качеств личности, как целеустремленность, настойчивость и трудолюбие, столь необходимых для изучения иностранного языка.

Специальные исследования по формированию познавательного интереса показывают, что он характеризуется во всех видах и на всех этапах развития следующими обязательными компонентами:

- положительной эмоцией по отношению к деятельности;
- наличием познавательной стороны этой эмоции;
- наличием непосредственного мотива, идущего от самой деятельности.

Для познавательного интереса характерны бескорыстная готовность трудиться независимо от поощрения, стремление преодолевать трудности, моральное удовлетворение от работы. Эти свойства проявляются в том, что учащиеся стараются расширить свои знания, найти новые источники информации, берутся за сложную работу, на занятиях активно участвуют в мыслительном поиске. Познавательный интерес имеет поисковый характер, который выражается в том, что у студентов постоянно возникают вопросы, ответы на которые требуют активного поиска. Этому состоянию обычно сопутствует эмоциональный подъем и радость от удачи. Психологическая структура познавательного интереса включает интеллектуальные, эмоциональные и волевые процессы, способствующие организации и завершению учебной деятельности.

В современной дидактике и практике обучения в высшей школе проблема познавательного интереса стала актуальной и популярной, так как особенное внимание обращается на личность обучаемого. Прогрессивные преподаватели сейчас воспринимают студента не как созерцателя и пассивного слушателя, а как активного участника учебной деятельности. Преподаватели стараются воспитать у студентов активность, самостоятельность, творческий подход к деятельности, необходимый для каждодневной работы. Следует развивать у обучаемых желание и способность самостоятельно приобретать знания, а такое желание является свидетельством хорошо развитого познавательного интереса как важного фактора повышения качества обучения. Будучи

носителем внешних и внутренних ресурсов объективных и субъективных сторон совместной деятельности, познавательный интерес выявляет объективные ценности, способствует интенсивности, легкости и быстроте учения, придает познавательной деятельности личностный смысл, содействует ее продуктивности, снимает такие негативные состояния участников деятельности, как утомление, инертность, равнодушие, придает всей учебной деятельности благоприятный эмоциональный тонус общей увлеченности совместной работой.

О проявлении познавательного интереса можно судить по активности обучаемых, которая наблюдается в процессе познавательной деятельности и характеризует устойчивость и интенсивность интереса:

- выведение причинных связей, зависимостей, закономерностей самими студентами;
- вопросы студентов;
- стремление обучаемых обменяться с преподавателями интересными фактами, научными данными, почерпнутыми ими за пределами фактических занятий по предмету;
- самостоятельность сделанных студентами выводов и обобщений;
- участие студентов по собственной инициативе в анализе, исправлениях и дополнениях ответов сокурсников;
- реакция на звонок как свидетельство интересного и неинтересного занятия.

Для того чтобы вызвать у обучаемых интерес к учебной деятельности и сформировать познавательный интерес, Г.И. Щукина [6] предлагает:

- обнажать в педагогическом процессе объективные возможности интересных сторон, явлений окружающей жизни;
- возбуждать и постоянно поддерживать у учащихся состояние активной заинтересованности (а не равнодушия) окружающими предметами, явлениями, моральными, научными ценностями;
- всей системой обучения и воспитания целенаправленно формировать интерес как ценное свойство личности, соответствующее ее творческой активности, ее целостному развитию.

Необходимо, чтобы педагогический процесс сознательно направлял формирование познавательных интересов. Управлять обучением и всей учебно-познавательной деятельностью учащихся целесообразно также с позиции их интересов. Содержание обучения и воспитания определяется в основном вне зависимости от личностных интересов и потребностей. Психолого-педагогическая задача заключается в том, чтобы обучаемые приняли это содержание, заинтересовавшись им и учебно-познавательной деятельностью. Познавательные интересы развиваются в зависимости от целей обучения, содержания учебных предметов и организации познавательной деятельности студентов. В развитии познавательного интереса главенствует содержание; он является истинным, если неразрывно связан с самостоятельностью и активной деятельностью обучаемых. Познавательный интерес обеспечивает выбор для решения трудных заданий, имеющих существенную познавательную ценность. Ситуация повышенного интереса к учебному предмету значительно уменьшает количество ошибок при выполнении заданий и предотвращает возникновение возможных нежелательных конфликтов.

Для целенаправленного формирования и развития познавательного интереса особенно важно, чтобы преподаватель передал студентам понимание цели, значения, ценности учебных предметов как для личной, так и для общественной жизни. Познавательный интерес успешно формируется в том случае, когда новый материал легко и ясно воспринимается умом, когда имеющиеся в сознании обучаемых представления совпадают и ассоциируются с большим или меньшим числом элементов нового материала. Важным для развития познавательного интереса является наглядный характер предметов изучения. Знания, воспринимаемые посредством органов чувств, легче и прочнее удерживаются в памяти. В вузе наглядность обучения служит основным источником

самых отчетливых и прочных представлений. Также формированию и развитию познавательного интереса способствует заинтересованность обучаемых в конечном результате.

Развитие познавательного интереса проходит три основные стадии:

- ситуативный познавательный интерес, возникающий в условиях новизны, неопределенности;
- устойчивый, стабильный интерес к определенному предметному содержанию деятельности;
- включение познавательных интересов в общую направленность личности, в систему ее жизненных целей и планов.

Обычно в начале учебной деятельности познавательные интересы обучаемых еще неустойчивы и эпизодичны, но по мере продвижения учебного процесса они становятся более устойчивыми и дифференцируются по отдельным областям знаний, где интерес перестает быть эпизодическим, а возрастает по мере его удовлетворения. Познавательные интересы, в отличие от эпизодических, характеризуются своей ненасыщаемостью: чем больше они могут быть удовлетворены, тем более устойчивыми и направленными становятся, чем больше учащиеся узнают об интересующем их предмете, тем сильнее становится у них потребность в получении новой информации.

Чтобы проверить наличие познавательного интереса у студентов, выделяют показатели, свидетельствующие о его присутствии:

- вопросы студентов, которые они задают преподавателю;
- интонационная выразительность речи, эмоции и выразительность движений;
- активность (количество заданных вопросов, высказываний);
- теоретический подход к изучению материала (углубленность в процессе познания).

Познавательный интерес студентов к определенному учебному предмету может проявляться в выполнении творческих заданий, связанных с использованием дополнительной литературы. Также интерес выражается в умении самостоятельно и творчески выполнять работу. С дополнительной литературой такие студенты работают по собственной инициативе. Эта особенность является качественной стороной интереса. Устойчивость интереса характеризуется направленностью на изучение материала, умением привлечь знание одной дисциплины при изучении других. Стремление студентов к поиску также свидетельствует о сформированности интереса. Глубокому познавательному интересу свойственна работа студентов над собой.

Познавательный интерес, который основывается на мотиве, связанном, прежде всего, с необходимостью выбора деятельности, способствует формированию профессионального интереса, являющегося избирательным, активно-положительным отношением к определенному виду профессиональной деятельности, связанным с желанием ею заниматься. На развитие профессионального интереса студентов в процессе обучения в высшей школе традиционно обращается особое внимание, так как данный интерес предполагает удовлетворение потребности к познанию определенной профессии.

Формирование профессионального интереса невозможно без наличия фундаментального познавательного интереса, на базе которого развивается система знаний и представлений о будущей профессии. Профессиональный интерес, наряду со способностями, сознанием, мировоззрением и профессиональным идеалом, определяет направленность личности, являясь в период обучения ведущим компонентом. Профессиональный интерес создает определенные условия и предпосылки для развития познавательного интереса к отдельным предметам в вузе, в том числе и к иностранному языку. Так, если при изучении основ наук главное – интерес к теоретическим положениям науки, ее сущности, методам, роли в жизни общества, а интерес к истории научных идей направлен и на личность тех, кто отстаивал свои убеждения, то изучаемый иноязычный материал должен быть связан с биографиями ученых и историей научных открытий.

Познавательный интерес является основной предпосылкой и источником постоянного повышения процесса обучения любому учебному предмету высшей школы, в том числе и иностранному языку. Интерес к иностранному языку формирует устойчивую направленность мыслей, чувств и воли обучаемого на овладение глубинными знаниями и прочными практическими навыками, на достижение в языке высокой степени мастерства. Проблема формирования и развития познавательного интереса у студентов, изучающих иностранный язык в вузе, в том числе и неязыковом, крайне важна в силу высоких требований, предъявляемых к уровню владения иностранным языком выпускников высшей школы в наши дни [7].

Значимость практического изучения иностранного языка возрастает одновременно с потребностью в языке как средстве общения. Важно выявлять заинтересованность обучаемых в том или ином языке, а также находить выход в реальную коммуникацию и возможные языковые контакты в своей стране и за рубежом. Практически иноязычное общение осуществляется в случае оформленности у учащихся знаний, умений и навыков, владение которыми позволит им приобщиться к социокультурным ценностям страны изучаемого языка в условиях межкультурной коммуникации и будет способствовать формированию надлежащей коммуникативной компетентности.

Обобщая сказанное, следует отметить, что сформированность познавательного интереса к иностранному языку является фактором, значительно облегчающим процесс обучения данной учебной дисциплине и обеспечивающим формирование устойчивого профессионального интереса, что способствует реализации современной образовательной программы высшей школы.

Литература

1. Бухарина Т.Л. Форма и методы развития профессионального интереса при выборе профессии: Дисс…канд. пед. наук. М., 1983.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: АРКТИ, 2000.
4. Иванова Е.А. Комплекс средств педагогического руководства по формированию и развитию у студентов познавательного интереса к иностранному языку: Автореф. канд. дисс. СПб., 1997.
5. Рапацевич Е.С. Современный словарь по педагогике. Мн.: Современное слово, 2001.
6. Щукина Г.И. Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся. М.: Педагогика, 1988.
7. Якунин В.А. Психология учебной деятельности студентов. М., СПб., 1994.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО УЧЕБНИКА КАК СРЕДСТВА КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Э.Р. Хусаинова

Сегодня знание не только одного, а нескольких иностранных языков становится необходимым условием образованности в информационном обществе. Следовательно, важнейшим требованием к уровню и качеству образования любого специалиста, влияющим на его успешное профессиональное продвижение, является знание иностранных языков и информационных (компьютерных) технологий.

В связи с новыми условиями развития общества меняется подход к образованию в целом и языковому образованию в частности. Многие ведущие исследователи проблем обучения иностранному языку в высшей школе выделяют следующие современные тенденции в высшем образовании:

- к более глубокому осознанию образовательных уровней;
- к внедрению активных методов и форм обучения, предполагающих включение в деятельность студентов элементов проблемности, научного поиска, самостоятельной работы;
- к использованию активных приемов обучения – игровых, стимулирующих общение, организующих творческую и самостоятельную деятельность студентов;
- к компьютеризации и технологизации обучения – тенденция, которая значительно повысит интеллектуальную деятельность студентов.

Из вышеперечисленных тенденций нам представляется наиболее значимой деятельностная направленность профессионального образования, которая предполагает усиление технизации, мотивации и индивидуализации учебного процесса. Данная тенденция ведет к широкому использованию мультимедийного учебника при обучении иностранному языку.

Мультимедийный учебник – что это? Термин *мультимедиа* определяется следующим образом: «Мультимедиа (англ. multimedia от лат. multum много и media, medium средоточие; средства), электронный носитель информации, включающий несколько ее видов (текст, изображение, анимация и пр.)». «Мультимедиа» в современном понимании означает компьютерные технологии, использующие для представления информации не только текст, но и графику, цвет, звук, анимацию, видеоизображения в любых сочетаниях. Соответственно, «мультимедийный учебник» – это учебник, при создании которого используется компьютерная технология мультимедиа, т.е. технологии передачи цвета, звука, графики и т.д. в любой комбинации. Это определение не противоречит терминам «обучающая программа» и «электронный учебник», хотя последний, строго говоря, может и не быть мультимедийным (т.е. в этом учебнике может быть использована только технология обработки текста).

Обучение иностранному языку с применением мультимедийной компьютерной программы предполагает активное взаимодействие с источниками информации. Пассивное запоминание учебного материала сменяется активной деятельностью, направленной как на его усвоение, так и на формирование когнитивных умений и их применение в последующей профессиональной деятельности.

Мультимедийная программа предполагает индивидуальный характер деятельности обучаемого. Каждый обучаемый работает в удобном для него темпе, режиме, которые соответствуют его общей языковой подготовке, способностям, объему оперативной памяти, чертам характера и эмоциональному состоянию. Программа, предлагая широкий выбор путей решения учебной задачи, не навязывает алгоритма ее решения. Обучаемый может адаптировать систему обучения к себе, создавая, по сути,

свою собственную систему учения для формирования собственных когнитивных умений. Иными словами, осознанный выбор стратегии достижения учебной цели самим обучаемым позволяет ему осознавать на каждом промежуточном этапе достаточность либо недостаточность своих знаний. При этом обучаемый сам запрашивает новую учебную информацию тогда, когда им осознана необходимость в дополнительной информации и сформирована готовность к ее восприятию. Такая работа с мультимедийным учебником – деятельность более естественная, чем просмотр базы данных в обычных информационных системах.

Широкое применение мультимедийных пособий на занятиях по иностранному языку, созданных самими учителями, только начинается. Есть замечательные версии уроков и целых тем. Но еще мало опыта работы с электронными учебниками в рамках полного курса. Рано говорить о методике их применения как устоявшейся системе. Еще предстоит четко определить:

- место мультимедийного учебника в процессе обучения иностранным языкам,
- формат подачи сведений, совместимый с компьютером,
- алгоритм отношений в связке «учитель–компьютер–ученик».

Последний момент имеет важное значение для организации собственно учения. На нынешнем этапе применения мультимедийных пособий основная работа идет не с их содержанием, а по их созданию. Реализуя какой-либо «проект» на иностранном языке, учащиеся узнают новые факты и овладевают навыками современной обработки и предъявления информации. Создание электронных пособий требует не только использования стандартных мыслительных приемов (анализ, абстрагирование, сравнение, синтез, обобщение), но и опредмечивания результата их применения в графической форме. Обучающийся в виртуальном пространстве показывает свое понимание явления или события, отношение к нему. И делает это через форму и композицию, цвет и звуки. Работа с содержанием мультимедийного пособия пока остается в тени.

Характер учебы с появлением «третьего элемента» – компьютера – меняется. Если занятие проводится в компьютерном классе, внимание учащегося обращено не столько на преподавателя, сколько на монитор. Ход занятия неизбежно становится более свободным, а взаимодействие преподавателя и обучаемого – почти партнерским. Значительный объем работы учащийся выполняет индивидуально. Содержание понятия «урок» как «временной отрезок» опять смещается к изначальному – «задание» (или более модному – «проект»). Контроль и проверка не обязательно предполагает прямой контакт, появляется реальная возможность дистанционного обучения. Интернет обеспечивает оперативную обратную связь. Средства компьютерной коммуникации позволяют получить консультацию on-line (пояснения к домашнему заданию, которые дает преподаватель в чате). Сегодня перед преподавателем иностранного языка в качестве первоочередной встала задача творческого соединения компьютерных технологий с собственной методической системой.

Большинство мультимедийных учебников организованы с использованием гипертекстовых технологий (технология, обеспечивающая поиск заданных тем в текстовых массивах; поиск обеспечивается включением в тексты специальных указателей, называемых гипертекстовыми ссылками – это слова или фразы в документе, выбранные читающим, вызывают переход в другой документ и вывод его на экран).

Применение технологии гипертекста при создании мультимедийного учебника дает ряд преимуществ перед другими технологиями (например, традиционным учебником на бумажном носителе или электронным учебником, построенным линейно).

1. Использование мультимедийных возможностей – музыкального или дикторского оформления иностранной речи, анимации, графических вставок, видео клипов, слайд-шоу и т.п.

2. Наличие разветвленной структуры гиперссылок (на определения, термины, пояснения). Гиперссылки позволяют получить пояснение, определение, дополнительную информацию по ходу прочтения учебного материала, при этом быстро вернуться к основному тексту.
3. Наличие системы управления структурой - преподаватель может задать наиболее приемлемую, по его мнению, форму и последовательность представления материала, что позволяет использовать один и тот же учебный материал для разной аудитории, для различных видов учебной деятельности или просто как справочную систему.
4. Наличие системы контроля знаний, интегрированной в электронный учебник или учебное пособие, с помощью которой осуществляется контроль с мгновенным результатом в виде исправлений или готовой оценки за выполненное упражнение.

В мультимедийном учебнике нужно максимально использовать возможности мультимедиа: слайд-шоу, мультфильм (простой или интерактивный), озвученное видео. Основное достоинство мультимедиа как раз и состоит в том, что восприятие нового учебного материала идет через активизацию не только зрения (текст, цвет, статичные изображения, видео, анимация), но и слуха (голос диктора или актера, музыкальное или шумовое оформление), что позволяет создать определенный, можно сказать, заданный, эмоциональный фон, который повышает эффективность усвоения иностранного языка.

По типу организации и способу доставки мультимедийные учебники бывают трех видов: 1) на CD-ROMах с или без печатного приложения; 2) на интернетовских сайтах с или без печатного приложения; 3) на CD-ROMах, но с привязкой к некоторым интернетовским сайтам, с или без печатного приложения.

Чем же привлекают мультимедийные (электронные) учебники современных преподавателей и студентов? Н.Н. Красильников (Волгоградский государственный педагогический университет) в докладе «Использование технологии мультимедиа при разработке электронных учебников для дистанционного обучения» считает, что знания, обеспечивающие высокий уровень профессиональной квалификации, всегда подвержены быстрым изменениям. Электронные учебники позволяют отслеживать эти изменения и тем самым обеспечивать высокий уровень подготовки. Кроме этого, важными достоинствами, присущими электронным учебникам, по мнению Н.Н. Красильникова, являются:

- наглядность представления материала;
- быстрая обратная связь (встроенные тест-системы обеспечивают мгновенный контроль за усвоением материала; интерактивный режим позволяет учащимся самим контролировать скорость прохождения учебного материала);
- возможность регулярной корректировки учебника по мере появления новых данных (электронный учебник располагается в определенном месте виртуального пространства, доступ к которому имеют миллионы людей; чтобы добавить или исправить что-либо, достаточно внести изменения в один файл, и завтра миллионы людей будут иметь отредактированную версию старого учебника).
- изменение содержания текста**,** когда ученик, имея мгновенно создаваемую его копию и избавленный от необходимости рутинного переписывания, занимается редактированием текста, усиливающим определенный аспект; освобождением текста от «ненужных», на его взгляд, деталей; структурированием, облегчающим последующую работу по осмыслению материала.
- выполнение заданий, содержащихся в методическом аппарате учебника. Подстановочные/проверочные задания (тесты с возможностью самоконтроля и оценки). Корректировочные упражнения (тексты с ошибками). Творческие / открытые задания (резюме по тексту наглядной конструкции, графический план решения поставленной проблемы, электронный реферат на основе содержащихся в учебнике источников и т.п.) [3].

Мультимедийные учебники широко распространены при обучении иностранному языку. Как известно, темпы и уровень овладения иностранным языком индивидуальны. Ограниченное количество часов, отведенное на изучение иностранного языка в неязыковом вузе, не позволяет достичь желаемых результатов. С помощью мультимедийных учебников и обучающих программ студент в компьютерном классе или в домашних условиях имеет возможность многократно упражняться в приобретении фонетических, грамматических и лексических навыков и умений. Поскольку данные программы сопровождаются аудио- и видеозаписями, они обеспечивают наиболее эффективные формы обучения иностранному языку. Полноценная речь на иностранном языке немыслима без автоматизированных произносительных навыков, которые позволяют человеку не задумываться о том, как артикулируется отдельный звук. Обучающиеся могут с помощью мультимедийных программ самостоятельно тренироваться в произношении иностранных слов через прослушивание эталона, выбрав нужный темп и частоту тренировки, определив требуемое ему число повторений и объем тренировки в целом.

Кроме того, студенты могут самостоятельно создавать собственные мини-проекты на иностранном языке на заданную тему, используя средства мультимедиа. Так, например, при прохождении страноведческой темы по немецкому языку «Die Bundesrepublik Deutschland» студенты подбирают информационный материал о Германии или об отдельных федеральных землях Германии, находят рисунки или иллюстрации к ним, используя ресурсы Интернет (www.wikipedia.com, www.deutschland.de, www.reiseziel.de и др.), а также аудио- и видеозаписи, перенесенные на цифровой формат.

Работа с проектом на занятиях имеет следующие этапы.

1. Планирование преподавателем проекта в рамках тем программы (planen).
2. Выдвижение идеи преподавателем на занятии (auswählen, entscheiden).
3. Обсуждение идеи студентами; выдвижение ими своих идей; аргументирование своего мнения (этот этап имеет место, если речь идет о большом, т.е длительном проекте) (diskutieren, argumentieren).
4. Формирование микрогрупп (kooperieren).
5. Распределение заданий в микрогруппах (recherchieren).
6. Практическая деятельность студентов в рамках проекта (forschen, entdecken).
7. Промежуточный контроль (при длительном проекте).
8. Обсуждение способа оформления проекта (produzieren, gestalten).
9. Презентация результатов проекта на занятии, на конкурсе и т.д. (auswerten).
10. Подведение итогов выполнения проекта: обсуждение результатов, оценка подготовленного материала и т.д.
11. Этап практического использования результатов проекта (в качестве наглядных пособий, докладов на занятиях, выставки и т.д. (dokumentieren).

Участие в таком проекте имеет большое значение для обучающихся, а именно, повышается:

- интерес к немецкому языку;
- мотивация к изучению немецкого языка благодаря использованию новой информации и выполнению проектных работ;
- активность и самостоятельность в планировании своих работ;
- сознательность и творчество обеспечивают прочность знаний, навыков и умений.

При этом возрастает потребность к познанию культуры других народов и использованию новых технических средств передачи информации.

На сегодняшний день существует множество мультимедийных программ по иностранному языку, в частности немецкому. Такие известные немецкие издательства, как «Hueber», «Langenscheidt», выпускают учебники и учебные пособия на СД-РОМах. Широко известна обучающая программа «Grammatik-Labor auf CD-ROM», которая предлагает множество упражнений по грамматике немецкого языка для среднего уров-

ня, программа «Lernprogramm Tutor: Freeware zur Rechtschreibung» для тренировки правописания, «Online Übungen zur Lesetechnik» («Онлайн упражнения по технике чтения»), которая служит как для ознакомления с определенными техниками чтения, так и для проверки собственных способностей в чтении. Программа знакомит с разными видами чтения (поисковое, просмотровое, изучающее и т.д.), предлагает различные тексты для чтения и контрольные упражнения к ним.

Отдельно следует отметить программу для преподавателей «Multimedia-Führerschein D», разработанную институтом Гете. Данная программа учит использовать Интернет и e-mail, чтобы делать занятия по немецкому языку аутентичными, интересными и живыми. С помощью программы преподаватель приобретает необходимые технические знания для знакомства с новыми коммуникативными средствами, знакомится с видами работ, заданиями и проектами. Базовый курс состоит из 6 модулей, так, например, 1 модуль носит название «Kommunikation via E-Mail» («Общение по e-mail») и включает следующие разделы: отправление текстов и картинок; модели для e-mail-проектов; создание e-mail-проектов; организация работы в группе. 2 модуль называется «Information aus dem Internet» («Информация из Интернета»), содержит полезные www-сайты для преподавателя (актуальная информация, литература, страноведение), с помощью которых он самостоятельно сможет подобрать материалы для занятий и др. Наличие в мультимедийном учебнике высокой степени визуализации учебной информации по иностранному языку позволяет моделировать изучаемые процессы и явления и имитировать их с большой степенью достоверности; развивать наглядно-образное, теоретическое мышление; усилить мотивацию обучения за счет изобразительных средств программы и широкого арсенала практических примеров, начиная с текстов, упражнений и заканчивая тестами; формировать культуру познавательной деятельности и др.

Мультимедийный учебник выполняет революционную роль в изменении самого процесса обучения языку. Работая на занятиях с мультимедийным учебником, неизбежно приходится менять всю структуру занятия и вообще его концепцию. На продвинутом этапе мультимедийный учебник при правильном, разумном и творческом его применении может стать полезным и необходимым средством не только для обучения иностранному языку, но и для привития студентам новой культуры учебы.

Литература

1. Антонова Т.С., Харитонов А.Л. Мультимедийный учебник. Поиски жанра. // Компьютер Пресс. 1998. №9.
2. Бухаркина М.Ю. Мультимедийный учебник: что это? // Иностранные языки в школе. 2001. №4. С. 29–32.
3. Красильников Н.Н. Использование технологии мультимедиа при разработке электронных учебников для дистанционного обучения 2005. (http://www.vspu.ru/aanet/conferences/35nmk/sec31_6.html).
4. Мамукина Г.И. Создание мультимедийного проекта на немецком языке в средней школе. // Иностранные языки в школе. 2001. №4. С.40–43.
5. Нескина С.А., Цвиркун С.А. Unterrichtsprojekt mit dem Internet. // Иностранные языки в школе. 2005. №8. С.33–35.
6. Ulrich S., Legutke M. Neue Medien in der Lehrerfortbildung // Fremdsprache Deutsch. 1999. №2. S.12–17.
7. www.lehrer-online.de

КРИТЕРИИ ОТБОРА ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ю.А. Цапаева

Процесс обучения иностранному языку в вузе базируется на систематических знаниях, коммуникационных умениях и навыках речевого общения, которые были приобретены студентами в рамках школьного образования. Контроль исходного уровня владения английским языком выявляет различную степень подготовки групп, которым предстоит дальнейшее обучение в вузе. Среди них обычно выделяются студенты с уровнем знаний в области английского языка выше среднего, обладающие достаточно сформированными навыками и умениями иноязычного общения и имеющие многообразные фоновые знания о культуре изучаемого языка. Такие студенты обычно ориентированы на дальнейшее углубление и поддержание высокого уровня владения иностранным языком, они уверенно чувствуют себя на практических и лекционных занятиях, охотно осуществляют речевые контакты с преподавателем и другими студентами на продвинутом этапе обучения английскому языку. Их целью является расширение и обогащение профессионального кругозора в рамках изучаемых предметов, в том числе и английского языка. Они осознают, что специалисты, владеющие иностранным языком, имеют лучшие перспективы трудоустройства, они готовы к изучению смежных специальностей, особенно в условиях отсутствия распределения кадров.

Одной из задач педагогов иностранного языка, работающих в группах со студентами на продвинутом этапе обучения, становится необходимость создания оптимальной мотивации для дальнейшего совершенствования ранее приобретенных знаний, умений и навыков. Преподавателям также необходимо развивать языковую компетенцию будущих специалистов, предоставляя возможность студентам использовать лингвистическую систему в целях общения с учетом определенных ситуаций, повышая уровень профессиональной подготовки будущих кадров. Значительные возможности оптимизации процесса обучения иностранному языку на продвинутом этапе обучения для подготовленных студентов основаны на успешном использовании мотивационных резервов и зависят от личной, внутренней системы побуждений обучаемых: их мотивов, потребностей, интересов, стремлений и целей [2]. Именно мотивация является детерминацией поведения в целом, она дает возможность влиять на продуктивность деятельности человека в конкретной области [5]. Использование мотивации позволяет выявить внутренние резервы обучаемых для организации соответствующих условий, методов и отбора лексико-грамматического материала для данной группы. В системе обучения студентов иноязычной культуре важное место занимают средства поддержания мотивации к познавательной, развивающей и воспитательной деятельности, вызывающие у группы в конечном итоге коммуникативную мотивацию [1]. Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме формирования учебной мотивации, как движущей и ведущей силы процесса развития личности, ее познавательных потребностей и профессиональных знаний и как структуры, складывающейся из вступающих в новые взаимоотношения друг с другом факторов [3; 4], а также собственный педагогический опыт работы в техническом вузе позволили автору разработать ряд критериев отбора иноязычного лексико-грамматического материала для обучения студентов английскому языку на продвинутом этапе. Данные критерии, с точки зрения автора, необходимо учитывать при работе с подготовленными студентами в технических вузах на занятиях по иностранному языку. Такими критериями могут являться следующие категории:

1. сложность лексико-грамматического материала;
2. объем изучаемого материала;

3. соответствие лексико-грамматического материала интересам и уровню знаний обучаемых;
4. цикличность используемого грамматического материала;
5. преобладание профессиональной терминологии;
6. наличие неологизмов из различных сфер деятельности;
7. использование многокомпонентных терминов;
8. сочетание частотной и нечастотной лексики;
9. проблематичность обсуждаемого материала.

Первым критерием классификации является сложность лексико-грамматического материала. Использование такого материала стимулирует учебную мотивацию студентов, так как еще недостаточно изученный и сложный материал повышает интерес студентов к иностранному языку и стимулирует познавательную активность. На продвинутом этапе обучения необходимо использовать грамматический материал, содержащий герундиальные, причастные и инфинитивные конструкции, условное наклонение и различные типы придаточных предложений. В области словообразования важно обратить внимание студентов на сложносоставные прилагательные, такие как: single-engined, American-built, gas-filled, free-spending, high-handed; существительные, образованные путем словосложения с усечением основ исходных слов fanzine (fan-club + magazine), camcorder (camera + video recorder), brunch (breakfast + lunch). Трудность также могут вызывать прилагательные, образованные от имен известных людей, например: Napoleonic, Freudian, Leninist, Churchillian, Kafkaesque, Thatcherite, Confucian, Maoist. Выражения, созданные с использованием одного и того же знакомого слова, могут вызывать особый интерес студентов. Например, различные словосочетания с лексемой «hand»: to have a hand in (участвовать в чем-либо), iron hand (строгий контроль), to give somebody a free hand (предоставить кому-либо полную свободу действий), to have the upper hand (доминировать в чем-либо), to keep one's hand in (продолжать что-либо).

Второй критерий – объем изучаемого материала. Данный критерий предполагает введение большого количества лексико-грамматического материала, желательно подразделяя его на отдельные блоки. Высокая информационная насыщенность обеспечивает дальнейшее формирование кругозора обучаемых, активизируя полученные ранее фоновые знания из области культуры и морфологического характера изучаемого языка. Студенты технических вузов на продвинутом этапе обучения английскому языку готовы к сотрудничеству с преподавателем. Они обычно отличаются высокой работоспособностью и поэтому нуждаются в значительном объеме заданий, стимулирующих их аудиторную и самостоятельную работу, а также познавательную активность.

Третьим критерием приведенной выше классификации является соответствие лексико-грамматического материала интересам и уровню знаний обучаемых. Данный критерий предполагает учет интересов и уровня базовой подготовки данной группы, поэтому преподавателю необходимо определить уровень знаний, коммуникативных умений, навыков и выявить интересы обучаемых заранее, используя закрытые лексико-грамматические компьютерные тесты, непосредственное общение на иностранном языке. Полученная информация обеспечивает возможность сформировать группу с приблизительно одинаковым уровнем знаний и строить свою дальнейшую работу на практических и лекционных занятиях по английскому языку, опираясь на полученные данные в соответствии с учебными планами и программами.

Четвертый критерий – цикличность используемого грамматического материала. Данный критерий предполагает, что преподаватель, работающий в группах английского языка на продвинутом этапе обучения, уделяет изучению и повторению грамматического материала меньше времени, чем непосредственное общение, осуществляя грамматический обзор циклично. Такая деятельность подразумевает, например, что изучен-

ный материал по теме «Infinitive» предполагает затем дальнейшее изучение других неличных форм глагола (причастия и герундия), а спустя определенный период времени осуществляется новый цикл повторения уже изученного материала. Коммуникативная деятельность на занятии, направленная на обогащение повседневного вокабуляра обучаемых, имеет приоритетное значение для подготовленных студентов, так как грамматической подготовке будущих абитуриентов обычно уделяется значительное внимание в процессе школьного обучения, и они легко справляются с предложенными грамматическими тестами и упражнениями.

Пятый критерий – преобладание профессиональной терминологии, так как перевод текстов по специальности остается совершенно необходимым для будущих квалифицированных кадров, хотя, безусловно, современное преподавание языка в вузе не должно ограничиваться сдачей пресловутых «тысяч». С точки зрения словарного состава основная особенность научно-технического текста заключается в предельной насыщенности специальной терминологией, характерной для данной отрасли знания. В специальной литературе термины несут основную семантическую нагрузку, занимая главное место среди прочих общелитературных и служебных слов. Терминологическая лексика дает возможность наиболее точно, четко и экономно излагать содержание данного предмета и обеспечивает правильное понимание основной идеи трактуемого вопроса. В этой связи нельзя с уверенностью сказать, что студенты с сильной базовой подготовкой по английскому языку и свободно контактирующие с носителями языка, а также работающие с литературными, публицистическими, общеделовыми и другими материалами, будут столь же уверенно выражаться и понимать в сфере своей будущей профессиональной деятельности. Все это приобретает особое значение в настоящее время, когда молодому специалисту не гарантируется занятость по окончании вуза, и он встает перед проблемой самостоятельного поиска работы. Это создаёт дополнительную мотивацию к дальнейшему изучению языка такими студентами. Как известно, каждый технический вуз характеризуется наличием большого количества различных специальностей, поэтому важно предлагать студентам на продвинутом этапе обучения английскому языку работать с текстами из различных областей науки и техники, осуществляя перевод одного и того же термина в различных контекстах, одновременно обогащая свой словарный запас.

В качестве шестого критерия автор выделяет наличие неологизмов из различных сфер деятельности (новых слов, появляющихся в языке в результате различных изменений в жизни общества, в области культуры, науки и искусства). Именно они представляют определенные трудности для перевода, а технический перевод, как уже упоминалось, остается важным аспектом обучения иностранному языку в технических вузах. Очень часто неологизмы и их значения невозможно найти в обычных англо-русских словарях, и далеко не всегда их можно обнаружить даже в новейших англо-английских словарях, поэтому такие слова могут мотивировать к самостоятельной работе в области английского языка хорошо подготовленных студентов. Предоставляя студентам возможность самостоятельного перевода неологизмов, преподаватель обучает каждого студента уяснять значение таких слов в соответствии с макроконтекстом и микроконтекстом, использовать различные средства родного языка для передачи их значений, если соответствующий эквивалент отсутствует в словаре. В эпоху массовой коммуникации существуют огромные возможности для развития и распространения неологизмов, поэтому применение такого рода лексики отвечает изменяющимся требованием нашего динамичного времени и позволяет получать новую информацию на иностранном языке из постоянно обновляющегося мира науки и техники, используя различные источники информации.

Седьмым критерием, согласно вышеперечисленной классификации, является использование многокомпонентных терминов (терминологических словосочетаний, соз-

данных лексическим и синтаксическим способом, т.е. представляющих собой словосочетания, которые образованы по определенным моделям). Они также входят в терминологическую базу каждого технического вуза. При переводе терминологических словосочетаний необходимо знать, в каком порядке следует раскрывать значение данного словосочетания, поэтому работа с многокомпонентными терминами часто вызывает трудности в работе студентов на продвинутом этапе обучения английскому языку, так как иногда достаточно проблематично определить главное слово переводимого термина и расположить остальные компоненты в необходимом порядке. Терминологические словосочетания могут нести большой объем информации, поэтому необходимо их включать в программу обучения при отборе лексического материла для студентов сильных групп. Например: «Time division multiply access system» - система временного разделения с многократным доступом; «Vessel Traffic Service» (VTS) – служба управления движением судов (СУДС). Из рассмотренных примеров следует, что успешность работы по переводу сложной терминологической группы зависит от умения будущего специалиста увидеть структуру термина и реконструировать процесс его строительства.

Сочетание частотной и нечастотной лексики, предложенное автором в качестве восьмого критерия, означает, что преподавателю, работающему с группами на продвинутом этапе обучения английскому языку, необходимо комбинировать вводимый лексический материал. Отбор лексического материала целесообразно осуществлять, используя как частотную лексику, хорошо знакомую студентам, так и слова, которые не слишком часто используется носителями языка в повседневном общении. Это дает возможность студентам, с одной стороны, подбирать синонимы и антонимы к уже давно закрепленным словам, а с другой стороны, обогащать свой словарный запас разнообразными новыми лексемами. Например, прилагательное надземный «overground», хорошо известное студентам, можно заменить синонимом «aerial», которое чаще употребляется обучаемыми в значении «антенна». Слово «орудие, инструмент», для перевода которого обычно используется лексема «tool», можно перевести при помощи менее частотного синонима «implement».

Девятый критерий – проблематичность обсуждаемого материала, т.е. изучаемый материал должен быть актуальным, современным и содержать какую-либо проблему или противоречие. Такого рода материал имеет практическую, теоретическую и познавательную значимость. Студенты на продвинутом этапе обучения иностранному языку активно решают поставленные педагогом задачи. Проблематичные задания обеспечивают обучаемым возможность самостоятельно разрабатывать алгоритмы для решения таких типичных задач, как выделение проблемы, поиск методов и способов ее решения. Работа с разнообразными источниками информации, критический анализ текста, описание и суммирование результатов деятельности – неотъемлемая черта образовательного процесса в вузе. Важным моментом в работе является создание проблемных ситуаций педагогом совместно со студентами**,** например, рассматривая явления и феномены с различных позиций (с точки зрения политика, юриста, журналиста и т. д.).

Использование вышеупомянутых критериев при отборе лексико-грамматического материала для обучения студентов английскому на продвинутом этапе будет способствовать повышению мотивации к дальнейшему изучению иностранного языка, общему уровню образования и интересу к процессу обучения в целом. В качестве дополнительного критерия при осуществлении образовательного процесса в рамках технических вузов можно отметить юмористичность вводимого материала. Данный критерий подразумевает наличие ряда шуток, вопросов, требующих смекалки, анекдотов на занятии по иностранному языку. Педагог не только вводит сложный лексико-грамматический материал, но и использует другие виды деятельности, чтобы развивать распределяемость внимания и повышать продуктивность своей группы. Например, преподаватель может использовать такого рода вопросы как: Which dog does not have a tail? (A hotdog); Which

room does not have any walls and doors? (A mushroom); What can get bigger without getting heavier? (A hole); Can you name the actor whose family name means «high voltage»? (John Travolta). Однако необходимо помнить об основных задачах обучения иностранному языку студентов в высших учебных заведениях.

Применение предлагаемых критериев отбора лексико-грамматического материала будет оказывать влияние на формирование профессиональной компетенции будущих специалистов, обеспечивая им возможность расширения общего кругозора. Учет данных критериев позволит логично и эффективно решать задачи по усилению профессиональной ориентации иноязычного образования в целом, расширению фоновых знаний, модернизации лексической базы и, естественно, усилению мотивационного аспекта обучения иностранному языку подготовленных студентов. Необходимо тщательно отбирать материал, так как перед системой образования стоит задача подготовки специалистов, готовых осуществлять культурное, профессиональное и личное общение на иностранном языке с представителями стран с иными социальными традициями, общественным устройством и языковой культурой. Таким образом, верно отобранный лексико-грамматический материал и способы его подачи будут активизировать познавательными потребности и самостоятельную работу подготовленных студентов в рамках обучения в техническом вузе. Оптимально отобранный материал укрепляет все составляющие мотивации: потребности, интересы, эмоции, сами мотивы. Формирование устойчивого уровня мотивации обучения будет стимулировать преподавателей подбирать соответствующие учебные материалы, которые должны обладать когнитивными, коммуникативными и профессиональными компонентами, значимыми при формировании ценностных ориентаций обучаемых иностранному языку в технических вузах.

Литература

1. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке.
1. М.: Просвещение, 1998.
2. 2.Леонтьев А.А. Потребности, мотивы, эмоции. Конспект лекций. М.: Издательство МГУ, 2001.
3. Маркова А.К. Формирование мотивации учения: Кн. для учителя / А.К. Маркова, Т.А. Матис, А.Б. Орлов. М.: Просвещение, 1990.
4. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 1999.
6. Dellar H. Teaching the Know Alls. Council of Europe, 2001.
7. Spolsky B. Conditions for second language learning. Oxford: Oxford University Press, 1990.

6 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

МЕТОДОЛОГИЯ И ЛОГИКА ПОСТРОЕНИЯ МЕХАНИЗМА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В.И. Подлесных

Экономика России обладает всеми ресурсами для развития, но отсутствие эффективной системы управления, основанной на интеллектуальной стратегии современной глобальной электронной цивилизации не позволяет ей выйти на уровень высокоразвитых стран. Главным потенциалом страны в ее быстром развитии становится управленческий ресурс как интеллектуальное богатство. Его неполное и неадекватное использование не позволяет обеспечить экономике высокие темпы развития. Поэтому от качества управления во многом зависит состояние многочисленных отношений, возникающих между различными субъектами.

В качестве критерия эффективного использования управленческого потенциала на любом уровне выступает рациональность построения *механизма управления*. Опыт свидетельствует о том, что в силу целого ряда причин управленческий ресурс используется не в полной мере, о чем, прежде всего, свидетельствует уровень государственного управления. Поэтому проблема поиска эффективных путей и форм использования управленческого ресурса страны, общества, организации на сегодняшний день объективно выдвигается в число приоритетных и наиболее актуальных вопросов теории управления.

Механизм управления – фундаментальная категория, позволяющая выявить органическую взаимосвязь его элементов, устойчивые отношения (связи) в процессах и структуре как объекта, так и субъекта менеджмента, проследить его влияние на развитие отраслей народного хозяйства, т.е. рассмотреть управленческую деятельность в динамике. От того, какой смысл мы вкладываем в понятие механизма управления, какие элементы включаем в его структуру, какие взаимосвязи и интегративные свойства этих элементов приводятся в реальное взаимодействие, и будет зависеть качество принимаемых управленческих решений и, в конечном итоге, эффективность управленческой деятельности и высокие темпы развития экономики. Отсюда следует, что уже на этапе подготовки к реформированию органов управления на любом уровне необходимо подвергнуть анализу фундаментальные категории и понятия теории управления, имеющие важное теоретико-методологическое и прикладное значение, и, в первую очередь, управленческий механизм, построенный на основе управленческих закономерностей и принципов, методов и функций менеджмента.

Механизм управления должен рассматриваться с двух точек зрения:

- **статики,** под которой следует понимать структуру связей между его элементами и частями. Эта структура связей отображается структурой механизма управления или ее частью;
- **динамики,** под которой следует понимать деятельность, направленную на установление и обеспечение целесообразных связей между элементами и частями механизма управления, обуславливающих его нормальное функционирование. Эти связи отображают движение материальных, энергетических и информационных потоков. Обе точки зрения дополняют и обуславливают друг друга.

Детальный анализ показывает, что до сих пор основное внимание в исследовании механизма управления уделяется характеристике «статики» управления, т.е. его принципов, органов управления, элементов объекта, отдельных функций их признаков и ви-

дов. Динамика же управления, сам процесс его функционирования подвергается исследованию в значительно меньшей степени.

Для выявления сущностных признаков управленческого механизма принципиальное значение имеет выбор определенных методологических ориентиров в силу того, что теоретическая и прикладная значимость механизма управления является центральной системообразующей интегративной категорией теории менеджмента.

Термин *«механизм»* трактуется как система, устройство, определяющее порядок какого-нибудь вида деятельности. Сущность механизма управления в теории и практике на сегодня понимается неоднозначно. Возможность существования различных теорий механизма управления имеет под собой реальное основание и аргументируется, прежде всего, многоаспектностью и многогранностью самого феномена управления. Однако следует признать, что наличие разных трактовок самостоятельных механизмов реализации одних и тех же управленческих процессов свидетельствует о недостаточной степени разработанности данной проблемы.

Структура механизма управления имеет *многоцелевую направленность:* обеспечивает достижение цели организации, ее развитие устанавливает и усиливает взаимосвязь, взаимодействие между работниками организации и подразделениями; формирует благоприятный психологический климат в организации; обеспечивает ротацию и обучение, предоставляет ценностные ориентиры для деятельности работников и др.

Рассмотрим сущность системного подхода, позволяющего научно-обоснованно решать задачи оптимизации структуры, функционирования и развития больших и сложных систем. Исходя из определения понятия «система» (взаимосвязь, целостность и взаимодействие), выделяют три определяющих аспекта системного подхода: функциональный, элементный и организационный, составляющих логику структурообразующей модели механизма управления.

Функциональный аспект состоит в определении состава функций-задач, которые должен выполнять механизм управления и соответствующие обособленные части последнего. В основе реализации функционального аспекта лежит построение дерева целей механизма управления, вершиной которого является главная цель, а ветвями – локальные (обеспечивающие) цели, реализация которых обеспечивает достижение главной цели. Поскольку достижение любой цели предполагает определенные действия, то каждая цель фактически достигается посредством реализации некоторой функции-задачи, а дерево целей представляет собой фактически еще более разветвленное дерево функций-задач. Совокупность функций-задач, ориентированная на реализацию конкретной программы (цели), товары, рынок или покупателя, в дальнейшем позволяет сформировать базовые блоки (подразделения) структуры механизма управления.

Элементный аспект предусматривает выделение в системе определенного набора элементов, необходимого для реализации конкретных функций-задач. При этом происходит движение по дереву функций-задач снизу вверх. На самом нижнем уровне, как правило, определяются исполнители. По мере движения они объединяются в целевые группы специалистов и команды, предполагающие наличие руководителей и соответствующих видов элементного обеспечения: правового, финансового, информационного, технического и т. п.

Организационный аспект устанавливает структуру механизма управления, ясную и точную цель для каждой структурной части, формирует состав и содержание связей между элементами системы. Наличие структуры механизма управления, объединяющей элементы в единое целостное образование, определяющей правила и направленность взаимодействия элементов его, является необходимым условием существования объекта[1].

---

[1] Эффективное управление фирмой: современная теория и практика / Бондарев Н. Н., Васюхин О.В., Голубев А.А., Подлесных В.И. – СПб.: Изд. дом «Бизнес-пресса», 1999.

Обеспечение взаимосвязи и единства указанных трех аспектов системного подхода при формировании механизма управления и его структурных частей позволяет упорядочить и упростить его структуру, достичь целостности частей и обеспечить приобретение ими качественно новых свойств и характеристик. В результате реализации этого подхода создаются предпосылки для эффективного управления объектом.

Формирование и развитие механизма управления представляет собой специфический бизнес-процесс, которым нужно управлять. При проектировании, функционировании и развитии механизма управления по реализации конкретной специальной функции требуется:

1. правильно определить цель и критерий эффективности ее достижения;
2. определить состав функций-задач, которые должен выполнять механизм управления;
3. обеспечить целостность состава элементов для достижения заданной цели;
4. сформировать структуру механизма управления;
5. установить порядок взаимодействия элементов для реализации функций по достижению заданной цели;
6. в реальной системе или ее модели, помимо целостности, должен соблюдаться принцип замкнутости контура прямой и обратной связи.

В качестве механизма управления в социально-экономических системах выступает структура как совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих через взаимодействие частей ее целостность, реализацию ее стратегий и взаимодействие с внешней средой. Внутри этого механизма реализуется процесс согласованного воздействия субъекта управления на объект, т.е. благодаря механизму управления происходит процесс управленческой деятельности. *Целевая реализация управленческого процесса - главная задача механизма управления.* В этом случае управленческий процесс как ряд последовательно совершаемых действий служит средством материализации управленческого потенциала системы управления именно благодаря механизму управления.

Управленческий процесс в рамках любой структуры механизма управления осуществляется с помощью определенных методов. В этом случае механизм управления трактуется как система органов и методов, которые в совокупности образуют сложную структуру управленческих отношений. Следовательно, если исходить из функционального предназначения механизма управления, то он, прежде всего, должен играть роль своеобразного организационного инструмента, качественного и результативного регулятора управленческих отношений, которые возникают между субъектами и объектами управленческого воздействия. В нем воплощается сущность управления как организующего воздействия субъекта на объект, как особой разновидности деятельности, предназначенной для реализации конкретной специальной функции (маркетинга, снабжения, сбыта и др.). Этим определяется его место и значение в теории управления. Механизм управления проявляется, во-первых, в том, что в нем интегрируются основные элементы, необходимые для реализации функций-задач, и, во-вторых, он позволяет определить последовательность включения каждого из элементов в управленческий процесс, а также устанавливает способы взаимодействия между отдельными элементами.

В прикладном плане механизм управления связан с принятием и реализацией управленческого решения. Такой подход позволяет рассматривать данную категорию не как произвольную совокупность управленческих элементов, а как взятые в логической последовательности, взаимосвязанные, строго определенные управленческие средства, ориентированные на решение конкретных функций-задач, с помощью которых в управленческом процессе достигается принятие оптимального управленческого решения и обеспечивается эффективная его реализация. Тогда сущность механизма управления состоит в том, что, интегрируя основные элементы управления, он выступает в качестве организационного средства, своеобразного управленческого инструмента принятия и реализации управленческого решения.

Литература

1. Шабров О.Ф. Управление и самоорганизация как факторы стабильности и развития. / Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления. Майкоп–Ростов н/ Дону: изд-во СКАГС, 1999.
2. Материалы 1-ой международной научно-практической конференции «Стратегии динамичного развития России: единство самоорганизации и управления»./ под общей редакцией проф. В.Л. Романова. М.: Просвет, 2004.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СИСТЕМЫ В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ОБЪЕКТАМИ

В.П. Кустарев

Переход к рыночным отношениям в экономике и научно-технический прогресс чрезвычайно ускорил темпы внедрения во все сферы социально-экономической жизни российского общества последних достижений в области информатизации. Информатизация в области управления экономическими процессами предполагает, прежде всего, повышение качества управления, производительности управленческого труда и, как следствие, повышение эффективности работы организации и ее конкурентоспособности.

Информационная технология – это системно организованная для решения задач управления совокупность методов и средств реализации, передачи, накопления, обработки, защиты и использования информации на базе применения программного обеспечения, используемых средств вычислительной техники и связи, а также способов, с помощью которых информация предлагается и используется менеджерами. Информационные технологии обладают следующими свойствами, которые необходимы менеджеру:

- обеспечивают информационную поддержку принятия управленческих решений;
- помогают использовать математику в управлении;
- являются эффективными носителями современных методов решения экономических задач;
- способствуют согласованию экономических процедур с международными требованиями;
- подключают к единому информационному пространству – экономическому и образовательному;
- уменьшают трудоемкость расчетов.

Информационные технологии незаменимы, поскольку они дают возможность рационализировать управленческую функцию за счет применения новых средств сбора, хранения, передачи, преобразования и использовании информации. Реформа методов управления экономическими объектами повлекла за собой не только перестройку организации процесса автоматизации управленческой деятельности, но и распространение новых форм реализации этой деятельности.

Информационные технологии в настоящее время можно классифицировать по ряду признаков, в частности: способу реализации в информационной системе, степени охвата задач управления, классам реализуемых технологических операций, типу пользовательского интерфейса, вариантам использования сети ЭВМ, обслуживаемой предметной области.

Управление – важнейшая функция, без которой немыслима целенаправленная деятельность любой социально-экономической, организационно-производственной системы (предприятия, организации, территории). Систему, реализующую функции управления, называют системой управления. Важнейшими функциями, реализуемыми этой системой, являются прогнозирование, планирование, производство, учет, анализ, контроль и регулирование. Управление связано с обменом информацией между компонентами системы, а также системы с окружающей средой. В процессе управления получают сведения о состоянии системы в каждый момент времени, о достижении (или не достижении) заданной цели с тем, чтобы воздействовать на систему и обеспечить выполнение управленческих решений.

Таким образом, любой системе управления экономическим объектом соответствует своя информационная система, называемая экономической информационной системой. Экономическая информационная система – это совокупность внутренних и внешних потоков прямой и обратной информационной связи социально-экономического объекта организации, методов, средств, специалистов, участвующих в процессе обработки информации, выработке и реализации управленческих решений.

Автоматизированная информационная система – это совокупность информации, экономико-математических методов и моделей, технических, программных, технологических средств и специалистов, предназначенных для обработки информации, принятия и реализации управленческих решений.

Таким образом, информационная система может быть определена с технической точки зрения как набор взаимосвязанных компонентов, которые собирают, обрабатывают, хранят и распределяют информацию, чтобы поддержать принятие решений и управление в организации. В дополнение к поддержке принятия решений, координации и управлению информационные системы могут также помогать менеджерам проводить анализ проблемы, делают видимыми комплексные объекты и создают новые изделия.

Так как имеются различные особенности и уровни в управлении организации, существуют различные виды информационных систем. Организацию можно разделить на уровни – стратегический, управленческий, эксплуатационный и знания; на функциональные области – продажи и маркетинга, производства, финансов, бухгалтерского учета и человеческих ресурсов и т.д. Системы создаются, чтобы обслужить эти различные организационные интересы. Различные организационные уровни обслуживают четыре главных типа информационных систем: системы с эксплуатационным уровнем, системы уровня знаний, системы уровня управления и системы со стратегическим уровнем.

Системы эксплуатационного уровня поддерживают управляющих операциями, следят за элементарными действиями организации типа продажи, платежей, обналичивают депозиты, платежную ведомость. Основная цель системы на этом уровне состоит в том, чтобы ответить на обычные вопросы и проводить потоки транзакций через организацию. Чтобы отвечать на эти виды вопросов, информация должна быть легко доступна, оперативна и точна.

Системы уровня знания работников поддерживают работников, знания и обработчиков данных в организации. Цель систем уровня знания состоит в том, чтобы помочь интегрировать новое знание в бизнес и помогать организации управлять потоком документов. Системы уровня знания, особенно в форме рабочих станций и офисных систем, сегодня являются наиболее быстро растущими приложениями в бизнесе.

Системы уровня управления разработаны, чтобы обслуживать контроль, управление, принятие решений и административные действия средних менеджеров. Они определяют, хорошо ли работают объекты, и периодически извещают об этом. Например, система управления перемещения сообщает о перемещении общего количества товара, равномерности работы торгового отдела и отдела, финансирующего затраты для служащих во всех разделах компании, отмечая, где фактические издержки превышают бюджеты. Некоторые системы уровня управления поддерживают необычное принятие решений. Они имеют тенденцию сосредоточиться на менее структурированных решениях, для которых информационные требования не всегда ясны.

Системы стратегического уровня – это инструмент помощи руководителям высшего уровня, которые подготавливают стратегические исследования и длительные тренды в фирме и в деловом окружении. Их основное назначение – проводить в соответствие изменения в условиях эксплуатации с существующей организационной возможностью.

Информационные системы могут также быть дифференцированы функциональным образом. Главные организационные функции типа продажи и маркетинга, производства, финансов, бухгалтерского учета и человеческих ресурсов обслуживаются собственными информационными системами. В больших организациях подфункции каждой из этих главных функций также имеют собственные информационные системы. Например, функция производства могла бы иметь системы для управления запасами, управления процессом, обслуживания завода, автоматизированной разработки и материального планирования требований.

Типичная организация имеет системы различных уровней: эксплуатационную, управленческую, знания и стратегическую для каждой функциональной области. Например, коммерческая функция имеет коммерческую систему на эксплуатационном уровне, чтобы делать запись ежедневных коммерческих данных и обрабатывать заказы. Система уровня знания создает соответствующие дисплеи для демонстрации изделий фирмы. Системы уровня управления отслеживают ежемесячные коммерческие данные всех коммерческих территорий и докладывают о территориях, где продажа превышает ожидаемый уровень или падает ниже ожидаемого уровня. Система прогноза предсказывает коммерческие тренды в течение пятилетнего периода – обслуживает стратегический уровень.

Информационные системы и организации взаимно влияют друг на друга. Информационная система создается в организации, чтобы обеспечить необходимой информацией все ее уровни и группы, в то же время организация должна сознавать и открывать себя под влиянием информационных систем с целью извлечения выгод из новых информационных технологий.

Взаимодействие между информационными технологиями и организациями очень комплексно и подвержено влиянию большого числа факторов, включая структуру организации, технику эксплуатации, политику, культуру, окружающую среду и решения управления. Менеджмент должен понимать, что информационные системы могут значительно изменить работу организации. Однако он решает, какие системы будут построены, что они будут делать, как они будут использоваться и что они дадут организации.

Информационные системы могут стать мощным инструментом для создания более конкурентоспособных и эффективных организаций. Информационные технологии могут использоваться, чтобы перепроектировать организацию, трансформируя ее структуру, область действия, средства сообщения и механизмы управления работой. Использование информационных технологий и систем в управлении социально-экономическими объектами может сделать его более конкурентоспособным за счет повышения его управляемости и адаптируемости к рыночной коньюктуре, а именно:

- повысить обоснованность и эффективность принимаемых управленческих решений за счет их информационной поддержки;
- более обоснованно выбирать направление деятельности организации за счет лучшего мониторинга внешней и внутренней среды организации;
- снизить расходы на управление, повысить эффективность труда менеджеров за счет изменения характера труда – избавление от рутинной технической работы и сосредоточения на профессионально важных обязанностях.
- обеспечить надежный учет и контроль за использованием средств;
- лучше мотивировать работников всех уровней за счет более точной и справедливой оценки результатов их труда;
- гарантировать безопасность и целостность всех данных на всех этапах обработки и использования информации.

Литература

1. Гапоненко А. Л. Стратегия социально-экономического развития: страна, регион, город. М.: Изд-во РАГС, 2001.
2. Грабауров В.А. Информационные технологии для менеджеров. М.: Финансы и статистика, 2001.
3. Брага В.А., Бубнова М.Г., Вдовенко Л.А. Автоматизированные информационные технологии. М.: Компьютер: ЮНИТИ, 1999.

СИСТЕМА МОНИТОРИНГА ПО ИНСТРУМЕНТАМ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СФЕРЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(по материалам проекта «Создание системы мониторинга инструментов регулирования научно-исследовательской деятельности вузов», выполняемого по заданию Рособразования по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)»

С.Б. Смирнов

Высшие учебные заведения России обладают значительным научным потенциалом. В вузах сосредоточено в два раза больше докторов наук и в полтора раза больше кандидатов наук, чем в остальной части сферы науки страны. На базе вузов функционирует более 90 технопарков, 133 опытно-экспериментальных производства, многочисленные технологические и информационные центры. В то же время науку сферы высшего образования характеризует довольно низкий уровень результативности и коммерциализации научных исследований и разработок. По имеющимся данным, научную деятельность в разных формах и в условиях совместительства осуществляет лишь 20% профессорско-преподавательского состава. На долю вузов приходится 10% общего объема фундаментальных исследований в стране. Вузами подается менее 14% заявок на изобретения и заключается лишь 6% всех осуществляемых в стране сделок по экспорту результатов исследований и разработок. Доля вузов составляет лишь 0,1% чистой стоимости объектов лицензионных соглашений.

В то же время в ведущих индустриальных странах университеты играют лидирующую роль в развитии науки. На базе университетов выполняется значительная часть фундаментальных исследований. Важнейшие тенденции развития университетской науки связаны с возрастанием вклада в национальный инновационный и экономический потенциал, массовой практикой создания малых исследовательских и технологических фирм, тесным партнерством университетов с промышленными компаниями.

В России проблема интеграции науки и высшего образования определяется исторически сложившимся разделением сфер образования, прикладной и фундаментальной науки. Это обусловливает необходимость программы модернизации высшего образования, в которой укрепление и развитие научного потенциала вузов является стратегическим направлением. В послании Президента РФ Федеральному собранию РФ от 26 мая 2004 года указано на необходимость «интегрировать образование и научную деятельность».

Процессы интеграции науки и образования определяют необходимость координации отраслей законодательства, регулирующих данные сферы деятельности. Формирование интегрированной правовой системы «наука в сфере высшего образования», как и становление нового нормативного межотраслевого сегмента, сопровождается противоречивыми тенденциями. Это требует создания системы мониторинга за инструментами регулирования процессов, при разработке которой должны быть определены предмет и методы регулирования, факторы формирования, структура и внутриструктурные связи, место, занимаемое комплексом соответствующих правовых норм в системе российского законодательства и государственной политики в области развития науки и образования.

Основной целью мониторинга инструментов регулирования науки высшей школы, направленного на информационно-аналитическое обеспечение процессов активизации научно-исследовательской деятельности вузов и интеграции науки и образования, является упорядочение государственных программ, законодательного и иного нормативного правового материала, регулирующего научную деятельность сферы высшего образования. Следствием этого должно стать формирование правовой системы, способной обеспечить и эффективно влиять на активизацию и развитие научной деятельности вузов.

Определяющей функцией права является обеспечение такого государственного регулирования, которое должно способствовать развитию общественных отношений в сферах науки и образования. Элементами правовой системы, оказывающей существенное влияние на

процессы интеграции науки и высшего образования, можно считать обслуживающие ее нормы законодательства и деятельность различных юридических и физических лиц по их реализации. От качественного взаимодействия этих составляющих во многом зависит ее функционирование.

Осуществление предполагаемой цели возможно с помощью традиционных правовых механизмов:

1. Учет государственных программ и нормативного правового материала, принимаемого публичной властью, таких как

- государственные программы, основные направления и пр.;
- нормативные акты;
- законодательные акты.

2. Использование различных форм систематизации регулирующего нормативного материала.

3. Восполнение имеющихся пробелов в регулировании на всех уровнях иерархии нормативных правовых актов.

В этом контексте задачами мониторинга по инструментам регулирования научной деятельности сферы высшего образования можно считать следующее.

1. Учет актов:

- законодательных, включая постановления Верховного Совета Российской Федерации (РСФСР) и палат Федерального Собрания Российской Федерации;
- указов и распоряжений Президента Российской Федерации;
- постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации (Советов Министров СССР и РСФСР, Совета Министров-Правительства Российской Федерации);
- ведомственного нормотворчества (приказов, распоряжений, указаний и т.д.);
- органов государственной власти субъектов Российской Федерации;
- органов местного самоуправления;
- учет легальных (законодательных) дефиниций из актов законодательства Российской Федерации.

2. Осуществление работ по упорядочению нормативного материала различных форм:

- пересмотр устаревших актов, т.е. тех, которые фактически утратили силу;
- подготовка предложений по принятию новых актов, восполняющих пробелы в законодательстве Российской Федерации;
- предложения по подготовке кодифицированных актов;
- подготовка предложений по систематизации терминологии в сферах науки и образования.

3. Подготовка предложений по совершенствованию законодательства (внедрение новых нормативных требований к разрабатываемым федеральным законам, а также возможности их оформления). В дальнейшем – предложения по формированию тематических и хронологических изданий законодательства по составляющим сфер науки и образования (проведение неофициальной инкорпорации) и их интеграции.

Перечислим основные требования к системе мониторинга инструментов регулирования научной деятельности сферы высшего образования.

1. Проведение мониторинга только по официальным текстам государственных программ и нормативных правовых актов. Под официальными принято понимать тексты государственных программ и нормативных правовых актов, присланные издавшими их органами в порядке рассылки, а также помещенные в официальных источниках информации. Нельзя быть полностью уверенным в информации, полученной с помощью компьютерных систем. По ней можно проводить только предварительный анализ норм права.

2. Осуществление мониторинга по контрольному экземпляру текста нормативного правового акта. Контрольные экземпляры нормативных правовых актов содержатся, как правило, в структурных подразделениях органов государственной власти, именуемых с конца XIX

века «кодификациями»[2]. Их работа заключается в том, что они вносят поправки в виде изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты. В действующем законодательстве (равно как и в ведомственном нормотворчестве) затруднительно применять и анализировать первоначальные тексты нормативных правовых актов с последующими изменениями. Одним из способов избежать возможных трудностей, связанных с внесением изменений, – это сведение текстов действующих актов и последующих поправок к ним (из других, изменяющих данный документ, актов) в единый документ. Такой сводный документ должен представлять собой: первоначальный текст нормативного правового акта с внесенными в него последующими изменениями и дополнениями с обязательными отметками, каким актом они внесены. Сводный документ не имеет юридической силы, но является удобным и позволяет получить наиболее верное представление об основном акте и его последней редакции. В законодательной практике широко применяется переиздание законов в новой (следующей) редакции. Такую локальную инкорпорацию проводит как сам издавший первоначальный текст акта государственный орган, так и отдельные профильные ведомства[3]. Если орган, принявший акт, сам осуществляет его переиздание в новой редакции, то текст является к тому же официальным и имеет юридическую силу. Если же закон переиздается профильным ведомством, то он носит официозный характер и юридическая сила его ограничена. Подобное требование применимо только к нормативным правовым актам.

Соответствующее предостережение стоит сделать по использованию «текущих редакций», составленных с использованием компьютерных технологий: за сведения, помещенные в них, ответственность никто не несет. Разница между контрольным вариантом текста нормативного правового акта и «текущей редакцией» состоит в том, что в тексте на бумажном носителе можно проследить всю историю акта – когда и каким изменениям они подвергались, что подчас бывает существенно для проведения мониторинга. Текущая редакция актуальна только для настоящего момента (если, конечно, не хранить все предыдущие редакции изменяемого акта).

3. Проведение мониторинга нормативных правовых актов, регулирующих научную деятельность сферы высшего образования, должно осуществляться квалифицированным юристом, имеющим знания в области гражданского, финансового и административного права, умеющим системно разбираться в законодательстве.

Перечисленные требования обращают внимание на сугубо юридический характер предмета мониторинга. Если же рассматривать нормативные правовые акты как источники информации, то к их мониторингу следует предъявить требования, присущие всем объектам информации – полноты и достоверности сведений, содержащихся в ней.

Требование полноты может иметь несколько аспектов:

- предписания каждого нормативного правового акта должны быть исследованы со всеми изменениями и дополнениями, которые в него вносились, и установлениями, которые конкретизировали его предписания в актах низшей юридической силы. Кроме того, во внимание должны приниматься акты органов судебной власти, которые рассматривали правомерность его издания или юридическую силу[4];
- причисление определенной совокупности предписаний к тому или иному институту законодательства. Подчас подобное определение достаточно сложно, так как требует системный анализ (не только самих нормативных положений, но и элементов юридической техники), проведение лексической экспертизы.

Выполнение требования достоверности сведений по нормативным правовым актам целиком зависит от выбора источника информации.

Сложнее обстоит дело с выполнением подобного требования при мониторинге актов местного самоуправления. Эта категория актов редко имеет официальный источник публи-

---

[2] В настоящее время их часто называют «учета и систематизации», «нормативных правовых актов» и т.п.

[3] Так, неоднократно Министерством труда Российской Федерации переиздавался ранее действовавший КЗоТ РСФСР и КЗоТ Российской Федерации (после 1992 года) в новой редакции.

[4] Разумеется, если такие имеются.

кации. В тех субъектах Российской Федерации, где органы местного самоуправления имеют значительную политическую власть, их акты публикуются вместе с нормативными документами органов государственной власти субъекта в официальном местном источнике информации. Во всех остальных случаях о достоверности актов местного самоуправления можно судить только по экземплярам, присланным в порядке рассылки.

Основными направлениями мониторинга инструментов регулирования научной деятельности сферы высшего образования являются его предметные составляющие:

- фундаментальная и прикладная наука;
- высшее и послевузовское образование;
- соответствующая инфраструктура;
- отдельные сферы и области государственного управления.

Сферы науки и высшего образования обеспечиваются институтами и отраслями отечественного законодательства, а также общепринятыми нормами и принципами международного права.

Проблему предметной классификации и выделение в ней научной деятельности и высшего образования, видимо, следует решать, взяв за основу исторически сложившуюся систему действующего права, деление его на отрасли и институты по признаку предмета и метода правового регулирования. Каждое подразделение системы права, каждая его отрасль имеет свой предмет регулирования, способный «принимать» правовое регулирование не вообще, а строго определенных видов, характеризующихся специфическими методами регулирования – способами воздействия на общественные отношения с целью обеспечения определенного поведения участников этих отношений. Благодаря своеобразию предмета и метода происходит обособление отрасли права, проявляющееся в неприменимости (в принципе) к отношениям, регулируемым предписаниями данной отрасли, норм, лежащих за ее пределами, т.е. других отраслей.

Однако система права – не единственное основание для классификации норм, обеспечивающих правовое регулирование научной деятельности и высшего образования. Другим важным объективным основанием является система государственного управления. Любая отрасль государственного управления всегда представляет собой комплекс экономически связанных звеньев, действующих в различных формах. С целью обеспечения единой правовой регламентации общественных отношений, возникающих в таких отраслях, принимаются комплексные акты и формируются отрасли законодательства, не совпадающие с отраслями права.

Наиболее наглядно система такого обеспечения отраслей государственного управления представлена в компьютерных правовых базах данных по отечественному законодательству. В качестве одного из поисковых инструментов выступает классификатор (рубрикатор) отраслей законодательства и государственного управления, а в качестве наполнения – нормативные правовые акты (и извлечения из них).

Поскольку нормативные правовые акты, как правило, содержат предписания, относящиеся к различным отраслям права, то необходимо считать, что нормативно-правовой материал, обеспечивающий составляющие научной деятельности в сфере высшего образования, также подразделяется на нормы унитарных институтов, отраслей права и установления комплексных отраслей права и законодательства. Под комплексными отраслями права понимаются такие отрасли законодательства, которые имеют в своем составе нормативные предписания нескольких (двух и более) отраслей права. Каждая отрасль права, обладая собственным предметом правового регулирования, находится в устойчивой, постоянной связи с другими отраслями права. Отрасли права не изолированы друг от друга, их предписания соединяются друг с другом, образуя комплексные институты, складывающиеся затем в комплексные отрасли, которые относятся к разным отраслям права[5].

---

[5] Комплексный характер, например, имеет институт регистрации юридических лиц, который входит в структуру гражданского права, но реализуется по правилам административного права. Государственный или муниципальный орган, ведущий регистрацию, выступает в качестве органа, наделенного властными полномо-

Помимо названных сущностных признаков комплексных институтов и отраслей, можно отметить и другие признаки, отличающие их от унитарных институтов либо иных способов взаимосвязи отраслей права. В число этих признаков, как правило, включают следующее:

- нормативные положения одной отрасли права применяются в другой;
- нормативные предписания закрепляются в источниках отрасли, которая их заимствует;
- установления проходят как бы существенную переработку, модификацию применительно к специфике предмета и/или метода заимствующей их отрасли;
- нормы применяются только в пределах одной, заимствующей их, отрасли права.

Однако следует отметить, что все отрасли системы российского права имеют общую основу – систему отношений, составляющих содержание современного гражданского общества, единые конституционные основания, и тем самым являются родственными. Отраслей права, которые бы существенно дисгармонировали с другими, действующая система российского права не знает. В применении к ранее изложенному это означает, что методы, а отсюда и ответственность за ненадлежащее исполнение разных институтов, должны существенно отличаться. Выбор наиболее эффективных предписаний в каждой предметной составляющей будет зависеть, в том числе, и от результатов мониторинга.

Литература

1. Агеев С. О взаимосвязи организационно-правовых форм и экономики учебных заведений. // Законодательство и экономика. 1999. № 7.
2. Кванина В.В. Коллизии в современном образовательном законодательстве: теоретико-методологические аспекты исследования и преодоления. // Право и образование. 2006. № 1.
3. Мешалкин В. Некоммерческие организации в Российской Федерации. // Экономико-правовой бюллетень. 2002. № 6.
4. Гохберг Л., Кузнецова И. Вузовская наука: перспективы развития. // Высшее образование в России. 2004. № 4.
5. Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий за период до 2010 года и дальнейшей перспективы. Утверждены Президентом РФ от 30 марта 2002 г., № ПР-576.
6. Основные направления реализации государственной политики по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности. Утверждены распоряжением Президента РФ от 30 ноября 2001 года № 1607-Р. Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники» на 2002–2006 гг.
7. Федеральная целевая программа «Интеграция науки и высшего образования России» на 2002–2006 гг.
8. Федеральная целевая научно-техническая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники», 2004 г.
9. Федеральный закон. «Федеральная программа развития образования» от 10.04 2000 г. №51-ФЗ.
10. Федеральный закон «Об образовании» от 13.01.1996 г. № 12-ФЗ.
11. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ.
12. Федеральный закон Российской Федерации от 18.07.2006 г. № 113-ФЗ «О внесении изменений в статьи 12 и 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании».

чиями, и в своих решениях не связан с мнением организаций, стремящихся пройти государственную регистрацию и получить статус юридического лица.

13. Постановление Правительства Российской Федерации «О государственной поддержке развития науки и научно-технических разработок» (от 17.03.1995 г. № 360). / Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 5.09.2001 г. № 660.
15. Закон Российской Федерации «О науке и государственной научно-технической политике» (от 23 августа 1996 г. № 127–ФЗ). // Российская газета. 1996. 3 сентября.
16. Постановление Правительства Российской Федерации «О первоочередных мерах по обеспечению деятельности государственных научных центров Российской Федерации» (от 25.12.1993 г. № 1347). / Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1994. № 1.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая (от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ). / Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5.
18. Закон Российской Федерации «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» (от 26.01.1996 г. № 15-ФЗ). // Российская газета. 1996. 6 февраля.
19. Закон Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» (от 19.07.1998 г. № 111-ФЗ). // Российская газета. 1998. 28 июля.
20. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» (от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ).

МИРОВОЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВУЗОВ

(по материалам проекта «Экономико-статистический анализ научного потенциала высшей школы Российской Федерации», выполняемого по заданию Рособразования по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2006 – 2008 годы)»

А.А. Гусева, М.И. Калинина

За рубежом исследования состояния и развития вузовской науки, интеграционных процессов в сфере науки и образования осуществляются в течение уже многих десятилетий. В этих исследованиях представлены обширные материалы по развитию и реформированию национальных систем образования, в частности, исследовательских программ университетов; по проблемам занятости преподавателей и ученых; по созданию государственных лабораторий в высших учебных заведениях; по подготовке специалистов для работы в наукоемких отраслях; по развитию различных форм научно-технической кооперации.

Несмотря на то, что проблема развития научного потенциала в высшей школе является одной из самых актуальных, в отечественной литературе и исследовательской практике пока мало работ, рассматривающих эту проблему системно. В этой связи был проведен анализ зарубежного опыта системного исследования научного потенциала сектора высшего образования. Предметом анализа являются основные принципы, определяющие выбор методологических подходов, показателей, методов расчета, инструментария обследований. В анализе использованы материалы по странам, имеющим наиболее богатый опыт организации мониторинга научного потенциала высшей школы, таких как Великобритания, США, Германия, Япония, Финляндия в использовании оценивания научной деятельности вузов как средства эффективного распределения денежных средств.

В западных странах, где университеты являются самостоятельными корпорациями, наиболее важным инструментом поддержки и влияния государства является финансирование. Ниже представлены примеры организации оценивания качества научных исследований и разработок в университетах при распределении государственного финансирования в некоторых странах.

Все университеты Соединенного Королевства находятся на самоуправлении. Они самостоятельно принимают образовательные программы, планы обучения, структуру присуждаемых степеней. Схема финансирования науки и образования в Великобритании – трехуровневая. В ней представлены уровни министерств (первоисточники), советов по финансированию (посредники) и получателей средств (см. рис. 1) [1].

Университеты в Великобритании осуществляют около 20% всех исследований и разработок. При этом они являются основными «производителями» базовых исследований. Таким образом, они несут, помимо образовательной, очень важную научно-исследовательскую функцию. Поэтому финансируются английские университеты по так называемой двойной схеме. Первый источник – трансферты от советов по финансированию высшего образования. Этих советов в Великобритании четыре, и они подразделяются по территориальному признаку (отдельно для Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии). Их средства идут преимущественно на академические зарплаты и поддержку университетской инфраструктуры. Второй источник финансирования – советы по исследованиям, подчиняющиеся Управлению науки и технологий при Министерстве торговли и промышленности Великобритании. Эти деньги идут на покрытие расходов по исследовательским проектам, на обучение исследовательского персонала, на поддержание научных центров. В добавление к субсидиям от советов по исследованиям, немалые средства поступают от пожертвований на науку.

В Великобритании существует одна из образцовых систем оценки университетов на макроуровне. С середины 1980-х гг. здесь каждые четыре года проводится регулярная обязательная оценка всех университетов. Мероприятие проводится в форме «исследовательских аттестаций» (Research Assessment Exercises – RAEs). В ходе аттестаций вузам присваиваются рейтинги, в соответствии с которыми они потом получают тот или иной объем выплат из

разных публичных исследовательских фондов. RAE не учитывает различия между базовыми и прикладными исследованиями, фокусируется только на оценке их качества. Каждый раз после проведения RAE созывается заседание руководителей университетов, на котором они обсуждают с организаторами аттестации возможные коррективы для программы дальнейших проверок.

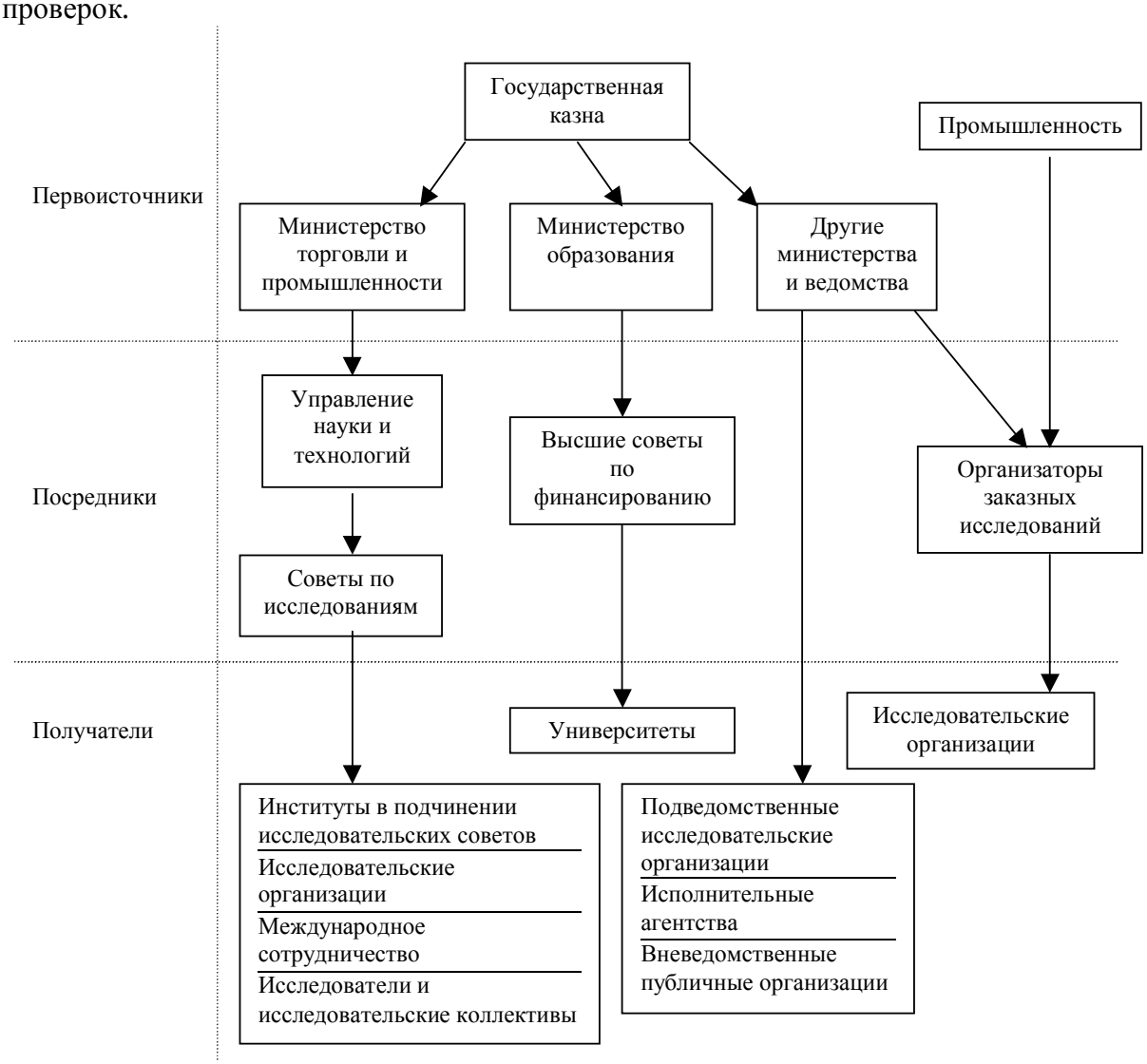


Рис. 1. Схема финансирования науки и образования в Великобритании

Для оценки каждая комиссия использует следующие материалы:

- резюме на весь персонал – академический и исследовательский;
- детализированные резюме на персонал, активно участвующий в исследованиях;
- публикации исследовательского персонала;
- характеристики студенческих коллективов, привлеченных к исследованиям;
- информация о доходах университета от ведения научной деятельности;
- планы исследований.

В процессе регулярных оценок RAE особо важна непрерывность исследований. Перед каждым новым исследованием анализируется опыт предыдущих исследований, и все критерии и методы пересматриваются. Тем не менее, когда сформированная заранее оценивающая группа окончательно объявляет методы и критерии предстоящего исследования, они немедленно публикуются, после чего отступать от них нельзя.

Оценка персонала – важный компонент оценки, который относится к определению доли исследовательски активного персонала и качества его работы. Также формулируется оценка результативности научного процесса, т.е. проводится анализ «научного выхода» (научных публикаций). Публикации оцениваются не по количеству или объему, а по качеству. В

оценке «выхода» используются отзывы как научных руководителей, так и заказчиков исследований.

Финансирование американских университетов, как и британских, происходит по двойной схеме. Прежде всего, они получают средства из бюджета на образование. Все университеты получают эти средства на общих основаниях. Во-вторых, они получают деньги по статье на исследовательскую деятельность. Это финансирование для каждого института индивидуально и зависит от объема, сложности и качества проводимых исследовательских работ. Наконец, университеты располагают и другими источниками финансирования (оплата обучения, участие в промышленных проектах, меценатство и т.д.).

В отличие от некоторых стран (например, Японии), в США нет единой национальной программы научных исследований, нет и специального министерства, в ведении которого они находились бы. Политика государства в области науки имеет общий характер. Статья бюджета на научно-исследовательские расходы также принимается конгрессом целиком, без рассмотрения деталей. Между государством и исследовательскими университетами есть ряд структур-посредников. Именно они и занимаются корректировкой политики и распределением бюджетных денег (см. рис. 2).

Рис. 2. Финансирование университетов и НИИ в их составе в США

Отличительной особенностью организации финансирования и соответствующего оценивания научной деятельности университетов в США является наличие посредников – национальных исследовательских агентств. Распределением средств ведают специальные национальные агентства по научным исследованиям. Каждое агентство курирует ряд конечных исследовательских организаций в рамках какого-то конкретного проблемного направления. Бюджетные средства поступают в фонд агентства, после чего оно адресно распределяет их между подшефными институтами. Объем финансирования каждой исследовательской организации из этого источника зависит от качества и объема ее исследований.

Посредниками в области научно-исследовательской политики в США являются советы при президенте. Помимо финансово-распределительных посредников в лице агентств, в США функционируют и политические – так называемые советы при президенте. Они выполняют функцию обратной связи и корректировки государственной политики в области науки, исследований и разработок. Данные органы также полагаются на оценку эффективности исследований, полученную из статистики национальной науки и образования (речь об оценках пойдет ниже).

Комиссии агентств анализируют работу каждого подшефного исследовательского учреждения индивидуально. Одним из советов при президенте США – Комитетом управления и бюджета в Белом доме (Office of Management and Budget – OMB) – сформирована система четких критериев для оценки деятельности исследовательских организаций. Важно отметить, что на индивидуальном уровне оценивается проект, а не организация. В [2] приведен вариант плана оценки для базовых исследований, как наиболее актуальный для университетов США. Помимо индивидуального подхода, может использоваться и агрегированный – с помощью мониторинга. Классификация – наиболее удобный инструмент для этого. Наиболее популярен тип классификации по Карнеги. Более половины вузовских исследований (58,2%) проводятся на федеральные деньги, 19,7% – за счет фондов вузов, 7,3% финансируются штатом и 7,2% – предприятиями. Из них 69,2% исследований – базовые и 30,8% – прикладные [3].

Исследовательские организации США (например, National Science Foundation) предоставляют подробную и разностороннюю статистику по сферам науки и образования. Пользуясь набором показателей официальной американской статистики науки [4], можно оценивать университетскую исследовательскую деятельность в США по многим индикаторам.

Финансированием университетских исследований в Финляндии управляет Министерство образования и четыре совета по исследованиям при Академии Финляндии (см. рис. 3). Академия предоставляет деньги только через экспертную оценку заявок. Министерство образования предоставляет университетам основное финансирование, но на контрактной основе («Management by Result»). В контракте есть часть, посвященная определению объема предоставляемых средств на основе оценки эффективности работы института. Систематическая оценка является обязательной и закреплена законом.

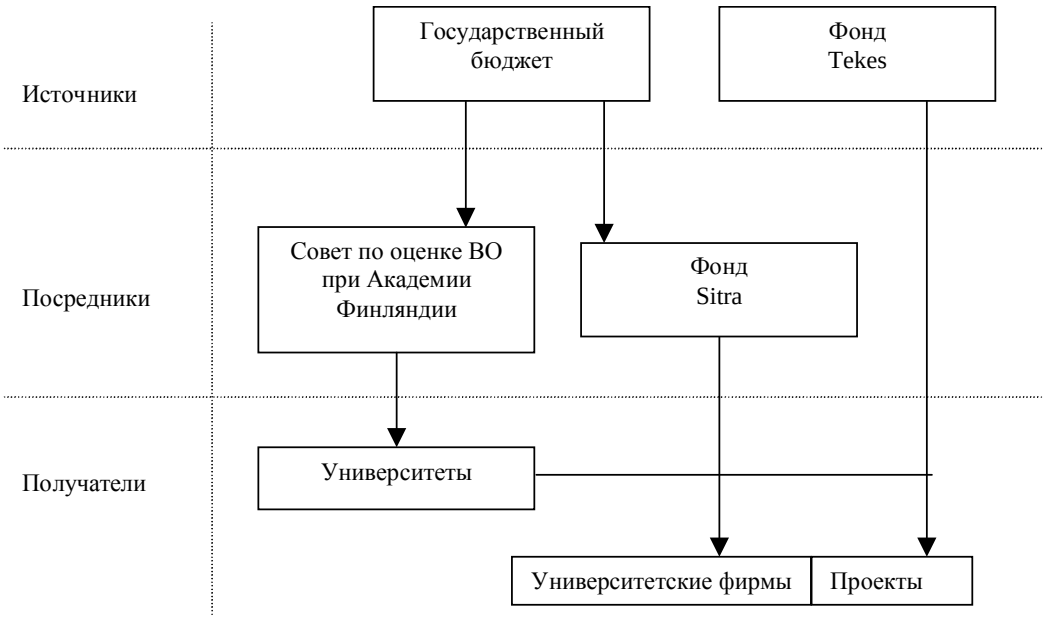


Рис. 3. Финансирование университетов и университетских фирм в Финляндии

Структура основного финансирования следующая: 90% – базовое финансирование, 7% – проектное финансирование и 3% – финансирование по оценке эффективности. Размер базового финансирования определяется объемом выпуска магистратуры и числом докторов. Размер финансирования по оценке эффективности рассчитывается по индикаторам эффективности образования и исследований.

Механизм оценочного финансирования в Финляндии близок к английской модели. Помимо конкурсного финансирования от Минобразования, финские университеты получают прямые средства из государственных и промышленных источников.

Нельзя не упомянуть о системе финансирования финской науки. Она сильно отличается от аналогичных систем в других развитых странах. Прежде всего, сектор высшего образования ориентирован на технологии. Так, больше четверти от общего числа студентов в Фин-

ляндии погружены в точные науки (математика) и инженерные направления [5]. Финская наука также ориентирована строго на инновации, т.е. на обеспечение прикладной ценности научных разработок. В 1990 году Совет Финляндии по научной и технологической политике ввел концепцию национальной инновационной системы и сделал ее приоритетной.

Следует отметить, что данный орган имеет более высокий статус, чем аналогичные структуры в других странах. Он работает непосредственно при премьер-министре, а в его президиум входят еще 8 ключевых министров. Вторая особенность заключается в том, что данный совет преимущественно координирует потоки средств внебюджетного происхождения. Совет финансируется Фондом исследований и разработок (Tekes). Фонд, хотя и отчитывается перед правительством за свою финансовую деятельность, но работает не при правительстве, а самостоятельно. Он имеет значительную автономность, что позволяет ему действовать гораздо более оперативно, чем обычные государственные структуры. Его приоритет – финансирование перспективных экспортных разработок.

В Германии насчитывается 90 исследовательских университетов, активно сочетающих образовательную деятельность с исследовательской. Помимо них, исследования ведут и многие отраслевые институты. Несмотря на это, они пока не признаются официально как исследовательские. В Германии действует множественная система финансирования университетов (базовое обеспечение + субсидии на исследования), и отраслевые институты, в отличие от исследовательских, получают лишь базовые отчисления на образование.

Как показывает статистика, в первой половине XX века на научные исследования бюджет Германии выделял около 2%. С 1950-х гг. эта доля начала расти и к концу века достигала 7–8% [6]. Финансирование исследований в Германии идет двумя потоками: от центрального правительства и от земель в составе федерации. Отличительная особенность немецкой модели – заметное преобладание доли научного финансирования от земель (в начале 1990-х гг. она составляла 65%).

В немецкой системе финансирования университетов присутствуют три элемента:

- общий государственный трансферт на образование и исследования (примерно 70%);
- выплаты на капитальное строительство;
- контракты с третьей стороной.

Источники третьей стороны представлены как представителями промышленности и государственными заказчиками, так и фондами-посредниками. Последние – единственные участники системы финансирования немецких университетов, которые традиционно и официально используют принцип финансирования по оценкам результатов. Львиная доля этих средств приходится на Немецкий фонд исследований. В остальном при распределении ассигнований университетам показатели качества исследований не используются. В последние годы земельные власти все–таки стали распределять небольшую часть своих расходов на университеты с учетом продуктивности исследований. При этом университеты сами выступали с инициативой различных программ по оценке качества собственных научных исследований (первым в их числе был Freie Universität в Берлине) [7].

В 1998 г. сектор высшего образования организованно выступил с инициативой реформы, которая была поддержана Бундестагом [8]. Ее основные цели – внедрить механизм конкуренции в группу исследовательских институтов через оценку качества исследований и повысить конкурентоспособность немецкой университетской науки в Европе и мире. Пока в Германии не существует унифицированной системы оценки эффективности деятельности университетов. Они самостоятельно выбирают форму обоснования качества своих исследований для властей земель.

После 2000 г. в ряде стран был осуществлен переход от системы бюджетирования, основанной на количестве студентов и вменяющей вузам в деталях категории затрат, к новой системе, в которой университеты могут самостоятельно принимать решения о распределении полученных в виде блок-гранта средств по типам затрат. При этом объем гранта для каждого вуза рассчитывается индивидуально с использованием специальных методик. Отличительные особенности блок-грантов:

- объем блок-гранта определяется индивидуально для каждого вуза;
- выдаются на конкурсной основе;
- требуют юридической самостоятельности вуза («университет-корпорация»);
- не предполагают сметной отчетности по использованию средств (требуется соответствие использования средств миссии и целями университета);
- не являются целевым финансированием (накладывают лишь обязательства по реализации миссии и целей вуза);
- средне- и долгосрочный характер грантов (от одного до нескольких лет);
- возможность переноса неизрасходованной вузом части гранта на будущие периоды.

В Великобритании финансирование по блок-грантам осуществляется ежегодно и составляет около 80% госфинансирования вузов. Этот случай можно считать «каноническим», хотя британский опыт в данной сфере – не единственный. Практика началась в 2003 г., когда недофинансирование системы высшего образования было признано значительным. За распределение грантов отвечают советы по финансированию высшего образования. Вуз имеет свободу распределять данные гранты между целями самостоятельно, включая финансирование собственных исследований и разработок. При этом госфинансирование вузовской науки осуществляется отдельным потоком – в рамках системы Research assessment exercise. Эта система также представляет собой разновидность конкурсного блок-гранта, индивидуальный объем которого зависит не только от объема, направления и типа исследований, но и от экспертной оценки их качества.

Известны практики использования университетских блок-грантов и в других странах. В Японии такая практика была введена в 2003-2004 гг. В июле 2003 г. вступил в действие закон «О национальных университетских корпорациях», стимулирующий переход национальных университетов к более независимым формам организации. 1 апреля 2004 г. каждый из национальных университетов, чтобы превратиться в «Национальную университетскую корпорацию», получил статус юридического лица.

В Норвегии переход к блок-грантам был осуществлен в 2002 г. Тогда была сформирована трехкомпонентная структура гранта:

1. базовая часть (определялась размерами и профилем вуза);
2. образовательная часть (зависит от количества студентов с различными формами обучения);
3. научная часть (с учетом числа академических позиций, числа аспирантов и магистров, объема исследований).

Наиболее значительным является базовый компонент (около 60%). Примерно 25% составляет образовательная часть грантов и около 15% – научная. Различие в весах по параметрам для разных категорий вузов отражает национальные приоритеты развития и различия в функциях этих категорий вузов.

Литература

1. Cunningham, P., Hinder, S. A Guide to the Organization of Science and Technology in Britain. The British Council, Science Section, Manchester, 1999.
2. http://www.nasulgc.org/Washington_Watch/Criteria_basic_rsch_DRAFT1.pdf.
3. National Science Foundation (NSB) (2001) NSF Survey of Research and Development Expenditures at Universities and Colledges, Fiscal Year 2000, Arlington VA, NSF.
4. National Science Board. Science and Engineering Indicators - 2002. Arlington, VA: National Science Foundation, 2002.
5. Human Development Report 2001. UNDP. Oxford: Oxford University Press.
6. Keck O. Technical Innovation in Germany // National Innovation System: a comparative analyses / Ed. R.Nelson. Oxford University Press, 1993. C. 125.
7. Campbell, D. F. J. and B. Felderer. 1997. Evaluating Academic Research in Germany. Patterns and Policies. Political Sciences Series No.48. Wien: Institute for Advanced Studies.
8. BMBF. 1998. Facts and Figures 1998. Bonn: Bundesministerium für Bildung und Forschung.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ НА ОСНОВЕ БИЗНЕС-МОДЕЛИ

А.И. Жданов, И.А. Жданов

Система управления любой организации предполагает многоуровневую и многофункциональную структуру. В современных публикациях, посвященных управлению – как западных, так и отечественных – систему управления представляют как набор взаимосвязанных управленческих процессов или бизнес-процессов. Так, сам бизнес-процесс определяется В.А. Ивлевым [1] как совокупность различных видов деятельности, которые, вместе взятые, создают результат (продукт, услугу), имеющий ценность для потребителя, клиента или заказчика. При этом в качестве потребителя может выступать и другой бизнес-процесс. Традиционно на предприятиях используется иерархический тип организационной структуры. В рамках этой структуры существуют отделы, службы, цеха, бюро и т.д., задачи которых не всегда привязаны к управлению конкретным бизнес-процессом. В таких подразделениях либо вообще отсутствует компетенция контроля каких-либо процессов, либо существует компетенция контроля однотипных и специфических по технической сущности параметров, но относящихся к различным бизнес-процессам. Вообще, различие структурного (традиционного) и процессного подходов в построении системы оперативного контроля и анализа связано с различием конечных целей контроля и анализа.

Структурный подход, т.е. ориентация системы контроля и анализа на подразделения и структурные единицы компании, дает возможность оперативно контролировать конкретных людей, затраты или доходы, за которые они отвечают. Преимущество процессного подхода заключается в абстрагировании от существующей организационной системы и создании каскада показателей – от первичной информации (которая характеризует параметры бизнес-процесса) до конечных контрольных ориентиров, понятных как высшему руководству компании, так и ее акционерам. В настоящее время в качестве метода контроля и управления затратами широко применяется бюджетирование. При этом в теории (в работах таких авторов, как И. Мейтленд [2]) и на практике построение системы бюджетирования основывается на определении центров ответственности (центры затрат, центры доходов, центры прибыли). Однако при этом центрами ответственности определяются опять же структурные подразделения компании, а не бизнес-процессы. В результате оперативный контроль затрат, представляющий собой ежедневное сопоставление бюджетных цифр с фактическими, дает мало информации о темпах исполнения бюджета подразделениями компании и не дает представления об эффективности этих затрат для реализации бизнес-процессов.

Одной из основных причин низкой конкурентоспособности предприятия является использование в организации интуитивных методов управления в случае возникновения нештатных ситуаций, которые в практической деятельности возникают перманентно. Успех же компании в конкурентной борьбе зависит от трех базовых групп факторов [3]:

- внутренних компетенций;
- внешних компетенций;
- динамических способностей.

К внутренним и внешним компетенциям компании следует относить только такие факторы, которые обеспечивают существенные конкурентные преимущества и не могут быть легко скопированы конкурентами. Как правило, это факторы, для создания которых требуется значительный опыт работы в определенной отрасли. Например, к внутренним компетенциям можно отнести:

- ноу-хау, уникальные технологии, способность создавать конкурентоспособную продукцию;
- хорошо отработанные и эффективные бизнес-процессы (управление проектами, управление качеством, сбыт, маркетинг, планирование, бюджетирование, мотивация персонала…);
- наличие квалифицированного персонала, который достаточно сложно найти на рынке труда и на подготовку которого требуется значительное время.

К внешним компетенциям относятся:

- наличие устойчивых связей с поставщиками и потребителями (агентами, дилерами и дистрибьюторами);
- возможности лоббирования своих интересов (наличие связей с органами государственного управления);
- способность обеспечивать финансирование в требуемом объеме, в кратчайшие сроки и по приемлемой цене (наличие устойчивых связей с финансовыми институтами и инвесторами).

Низкие динамические способности, неспособность быстро адаптироваться к изменениям на рынке и управлять знаниями являются одной из наиболее существенных причин слабой конкурентной позиции российских предприятий. Одним из методов решения проблемы может быть перевод управленческих процедур на основы регулярности. Подобный подход предполагает разработку и реализацию полной бизнес-модели организации, основанной на совокупности организационно-функциональной модели, функционально-технологической модели, ролевых моделей процессов и модели структурных данных.

Организационно-функциональная модель – закрепление направлений деятельности компании и связанных с ними основных и поддерживающих бизнес-функций, а также функций управления за структурными подразделениями.

Функционально-технологическая модель – представление функции в виде бизнес-процессов, т.е. выстроенных во временной ряд операций преобразования входных материальных и информационных ресурсов в выходные материальные и информационные ресурсы, в соответствии с руководящей (целеполагающей) документацией, на определенном рабочем месте (с использованием регламентируемой оснастки и оборудования).

Ролевые модели процессов – бизнес-процессы с закреплением исполнителей за отдельными операциями и ответственного за бизнес-процесс в целом.

Модели структуры данных зависят от необходимой первичной информации, получаемой из баланса счетов, главной бухгалтерской книги, издержек по ресурсам и издержек по функциям.

Наиболее перспективным направлением в проектировании систем управления организацией является формирование моделей бизнес-процессов, использующих описание в виде потоков работ (work flow). В основе указанного подхода лежит принцип построения бизнес-процесса в виде последовательно выполняемых во времени операций (работ), основанных на включении следующих элементов: клиентов, поставщиков (внешних и внутренних), продукта или услуги, последовательности рабочего процесса. Процессы workflow направлены на построение систем передачи элементов работы должностным лицам, контролирующим конкретные процедуры производства продуктов или услуг. В этом случае реальна возможность равномерной загрузки всего коллектива фирмы, предоставление напоминаний о приближении контрольных сроков, мониторинг и планирование мельчайших элементов работы, выявление и понимание тех элементов процесса, которые способствуют увеличению времени производства продуктов и услуг и увеличению затрат. Оптимизация подобных графиков на основе их анализа по каждому продукту или услуге ведет к сокращению временного цикла производства этого продукта или услуги и, как следствие, сокращение затрат.

При построении такой модели можно предложить следующий порядок описания бизнес-процесса:

1. определить владельца (ответственного) бизнес-процесса;
2. определить границы бизнес-процесса (границы ответственности и полномочий владельца процесса по управлению процессом);
3. определить клиентов и выходы бизнес-процесса;
4. определить поставщиков и входы бизнес-процесса;
5. определить ресурсы, необходимые для выполнения бизнес-процесса (находятся в распоряжении владельца процесса);
6. описать технологию выполнения бизнес-процесса (например, с использованием графических схем);

7. разработать показатели, по которым оценивается бизнес-процесс, его результаты и удовлетворенность клиентов бизнес-процесса;
8. описать работу владельца по анализу и улучшению бизнес-процесса, а так же его отчетность перед вышестоящим руководителем.

Управление бизнес-процессом осуществляется по определенным технологиям и с использованием определенных документов, в число которых входят: регламент выполнения бизнес-процесса, положение о подразделении, должностные и рабочие инструкции, методические документы по измерению показателей бизнес-процессов, отчетные формы, спецификации входов/выходов и т.д.

Каким же образом увязать деятельность руководителей и исполнителей при построении моделей потоков работ? Очевидно, что сделать это можно несколькими способами. Первый и самый простой способ состоит в следующем: отдельно описываются потоки работ, выполняемых как руководителями, так и исполнителями. Такой простейший подход имеет несколько недостатков, основной их которых состоит в том, что взаимодействие руководителя и исполнителя становится в модели неявным, а опосредованным при помощи обратных связей по информации. Другой способ состоит в том, что при описании работ исполнителей можно указать прямые ссылки на процессы, выполняемые руководителями, или прямо отобразить их вмешательство в работу.

В качестве следующего шага в проектировании системы управления организацией является разработка и применение концепции контроллинга. Концепция контроллинга является стержнем, вокруг которого должны быть объединены основные элементы организации и управления деятельностью предприятия, а именно:

- все категории бизнес-процессов и их затраты;
- центры ответственности предприятия;
- системы планирования и бюджетирования, формируемые на основе центров ответственности предприятия;
- система управленческого учета, построенная на основе центров ответственности и их бюджетов;
- система стратегического управления, основанная на анализе цепочки ценностей, анализе стратегического позиционирования и анализе затратообразующих факторов;
- информационные потоки (документооборот), позволяющий оперативно фиксировать текущее состояние выполнения бюджетов центров ответственности;
- мониторинг и анализ результатов финансово-хозяйственной деятельности предприятия;
- выявление причин отклонений и формирование управляющих воздействий в рамках центров ответственности.

Подобный подход позволяет в бизнес-модели организации выделить центры финансового учета.

- Центр выручки несет ответственность только за объем реализации и величину поступлений (пример – магазин, менеджер по сбыту и т. п.).
- Центр доходов отвечает как за объем реализации, так и за сумму прямых затрат, связанных с этой реализацией, т.е. за их разницу или маржинальный доход (пример, специализированное подразделение в многопрофильной фирме).
- Центр прибыли – это центр, по которому определяется полный финансовый результат, с отнесением на него не только прямых (непосредственно учитываемых), но и косвенных (общепроизводственных и общефирменных) затрат.
- Центр затрат – подразделение или группа подразделений, производящих затраты необходимые для обеспечения доходоприносящих направлений деятельности компании. При этом затраты относятся на финансовый результат. Не все подразделения, производящие затраты и не приносящие дохода, являются центрами затрат.
- Центр инвестиций (венчур-центр) – центр, выделенный для реализации инвестиционного проекта, связанного с развитием новых направлений деятельности, новых товаров или

услуг. Доходы и затраты, связанные с реализацией проекта, как правило, не консолидируются в общий финансовый результат компании. Основным инструментом управления венчуром является бизнес-план, в зависимости от выполнения которого оценивается его деятельность.

Бизнес-процессы, происходящие на предприятии, можно разделить на производственные и управленческие, которые, в свою очередь, делятся на основные, вспомогательные и управляющие. Каждый из процессов характеризуется технологией реализации, определяется общей структурой бизнес-системы и оборудованием, обеспечивающими реализацию процесса.

В настоящее время явно выделились следующие типы оценки деятельности предприятия:

- обобщенная оценка деятельности предприятия по основным, вспомогательным и управляющим бизнес-процессам;
- оценка загрузки структурных подразделений и должностных лиц, а также эффективности вариантов перераспределения элементов (функций) между и внутри бизнес-процессов;
- оценка деятельности предприятия с целью получения релевантной информации для оперативного управления;
- оценка себестоимости бизнес-процессов на предприятии с учетом центров ответственности.

Процессный подход к построению системы управления организацией весьма близко связан с концепцией функционально-стоимостного анализа (ФСА, Activity Based Costing). Поставив в соответствие каждому бизнес-процессу ряд параметров, таких как стоимость, время выполнения, виды необходимых ресурсов, количество, качество и категорию ресурса и т.п., можно получить подробную схему функционирования организации. При этом оптимальное или желаемое множество параметров задается стратегическими целями компании. Практическое применение подобного подхода позволяет анализировать эффективность производственной деятельности организации, выпускающей большое количество наименований продукции. Реально в деятельности компании всегда существует непропорциональное поглощение затрат разными продуктами. Наиболее емкими оказываются продукты с наименьшим объемом и наибольшей сложностью из всей продуктовой группы. При применении традиционных финансовых методов они оказываются недооцененными из данной продуктовой группы. Напротив, наименее емкими оказываются продукты с наибольшим объемом и наименьшей сложностью. При применении традиционных финансовых методов они оказываются переоцененными в данной продуктовой группе.

Процессная модель, основанная на получении информации и достижении конечных результатов с позиций руководства организацией, позволяет определить взаимозависимость и взаимосвязь между бизнес-процессами по ресурсам и по движению товарно-денежных потоков с использованием логистического подхода, ориентированного на достижение желаемого результата с минимальными затратами времени и ресурсов путем оптимального сквозного управления материальными и информационными потоками. Подобный подход позволяет применить метод ФСА. Цель создания ФСА-модели для совершенствования деятельности предприятий – достичь улучшений в работе предприятий по показателям стоимости, трудоемкости и производительности.

Полученная информация позволяет обосновывать и принимать решения в процессе применения таких методов совершенствования финансово-хозяйственной деятельности предприятия, как:

- «точно в срок» (Just-in-time, JIT) и KANBAN;
- глобальное управление качеством (Total Quality Management, TQM);
- непрерывное улучшение (Kaizen);
- реинжиниринга бизнес-процессов (Business Process Reengineering, BPR).

Систему показателей можно использовать как для текущего (оперативного) управления, так и для принятия стратегических решений. На уровне оперативного управления информацию из ФСА-модели можно применять для формирования рекомендаций по увеличе-

нию прибыли и повышению эффективности деятельности предприятия. На стратегическом уровне – это помощь в принятии решений относительно реорганизации предприятия, изменения ассортимента продуктов и услуг, выхода на новые рынки, диверсификации и т.д.

Очевидно, что вышеперечисленные действия улучшают качество бизнес-процессов. Кроме того, повышение качества бизнес-процессов осуществляется за счет проведения сравнительной оценки и выбора рациональных (по стоимостному или временному критерию) технологий выполнения операций или процедур, являющихся элементами бизнес-процессов. Например, для организации, занимающейся торговой деятельностью, справедливо следующее выделение бизнес-процессов:

- планирование деятельности;
- снабжение компании товаром;
- реализация товаров через торговые подразделения компании;
- выполнение финансовых операций;
- проведение анализа деятельности компании.

Практически всегда в организационной структуре предприятия компетенции отделов и служб не ограничиваются конкретным бизнес-процессом. Более того, невозможно создать структуру, в которой бизнес-процессы были бы распределены четко по подразделениям. Прежде всего, это связано с тем, что сами бизнес-процессы могут быть комплексными – один процесс состоит из ряда более мелких, те, в свою очередь, из еще более мелких, и т.д. Во вторых, создание структуры, не соответствующей бизнес-процессам, может быть оправдано оптимизацией использования человеческих ресурсов – объединение работников в отделы и службы по профессиональному признаку. В силу этого возникает проблема, связанная с практическим определением контрольных точек бизнес-процессов – как контролировать бизнес-процессы, если их участниками и исполнителями все равно остаются структурные единицы и подразделения предприятия.

Реализация метода функционально-стоимостного анализа (ФСА) стала возможной в результате развития современных информационных технологий. Появление этой методики – следствие жестокой конкурентной борьбы, выдержать которую можно только путем внедрения новых, наукоемких инновационных технологий.

Литература

1. Ивлев В. А., Попова Т. В. Реорганизация деятельности предприятий: от структурной к процессной организации. М., 2000.
2. Преимущества и недостатки бюджетирования (по материалам книги И. Мейтленд «Бюджетирование для нефинансовых менеджеров». // Современный капитал. 2003. №7.
3. Идрисов А. Стратегия, основанная на ключевых компетенциях и динамических способностях компании. // Контроллинг в России. 2002. №1.

САМООРГАНИЗАЦИЯ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

В.И. Подлесных, Н.В. Кузнецов

Развитие – это постепенный эволюционный процесс, при котором система получает новые качества. Это классическое определение. Развитие – процесс относительно постоянного функционального, элементного и структурного преобразования системы с целью качественного повышения ее потенциала и самосохранения. Развитие систем осуществляется в направлении их лучшей адаптации к окружающей среде, совершенствования их организации, усложнения структуры и функций. Развитие системы, появление новых функций-задач требует изменения элементного состава, усиления взаимосвязи между частями (элементами) и адекватных структурных преобразований.

В теории организации гармоническое развитие достигается пропорциями связей между элементами и частями системы. Система, лишенная связей, распадается на отдельные части и элементы. Процесс гармонического развития систем, как и любой процесс, требует предварительной организации. В дальнейшем поддержание процесса развития возможно как за счет управления им, так и за счет самоорганизации. Таким образом, обеспечение процесса развития очерчивается следующими взаимосвязанными понятиями: *организация, самоорганизация и управление*. Первичность той или иной категории обусловлена состоянием объекта на данный момент и целями организации.

В современной теории и практике организации и управления экономическими системами повышенный интерес проявляется к идеям самоорганизации. Именно сущность и возможности самоорганизации предопределили:

1. перенос интереса с моделей управления, ориентированных на взаимодействие объекта с внешней средой, на модели, учитывающие внутреннее устройство объекта;
2. тенденцию децентрализации управления, когда принятие решений смещается с верхнего уровня на нижние этажи, т.е. на конкретных исполнителей;
3. переход многих организаций на принципы и формы командной организации труда, несмотря на явное преимущество специализации.

«Время «организованных организаций» прошло…, основная компетенция менеджера заключается в осознании важности самоорганизации и всемерном стимулировании ее» [1]. В этой фразе выражена одна из сложнейших проблем современности – взаимодействие двух механизмов: управления и самоорганизации, соотношения целенаправленного организующего воздействия и самоорганизации.

Понятие организации как альтернативное самоорганизации связано с упорядоченной деятельностью человека, его сознанием и действиями. Следовательно, если структуры и процессы создаются в результате целенаправленной деятельности формальных лидеров, то речь идет об организации. В результате процессов организации и самоорганизации внутри данного объекта обеспечивается *порядок*, базирующийся на отношении упорядоченности элементов системы. В природе самоорганизация исключает в принципе организацию и в этом смысле совпадает с организацией, упорядоченностью. В экономических системах, где действуют люди обладающие сознанием, самоорганизация дополняется внешней организацией, которая направляется сознанием и волей людей. В этом случае важно постоянное взаимодействие самоорганизации и организации. *Абсолютизация самоорганизации или организации приводит к снижению эффективности экономических систем и общества в целом.*

Любая организация – живая, действующая система. Все живые системы имеют такое свойство, как самоорганизация, т.е. свойство поддержания себя и совершенствования в определенном направлении. Они могут осмысленно изменяться. Они строят и перестраивают себя в адаптивные модели и структуры без дополнительно вводимых планов и какого-либо

[1] Шрайэгг Г., Носс К. Изжила ли себя организационная структура? // Проблемы теории и практики управления. – 1994. №4

вмешательства. *Таким образом, самоорганизация – непреодолимый организационный процесс.* Самоорганизующие системы обладают способностью к непрерывному реагированию на перемены. В таких системах перемены являются движущей силой, а не угрозой. Экспериментирование выступает как норма. Явление самоорганизации дает надежду на более простой и эффективный способ выполнения работы.

Мы живем в мире, по сути, самоорганизованном. Это явление очень четко просматривается во время катастроф. Люди и ресурсы организуются для скоординированной и целевой работы без предварительного планирования. Такое произвольное поведение позволяет быстро и эффективно решать проблему задолго до появления официальных служб по оказанию помощи на месте происшествия.

Вхождение сложной системы в режим порядка – это уникальная способность живой системы строить, перестраивать и совершенствоваться. Чтобы этот процесс был постоянным и эффективным, отдельные индивиды должны обладать информацией о состоянии объекта, которая позволяет им согласовать свою работу с этой информацией. Так члены группы налаживают взаимодействие между собой. Каждый определяет свое поведение на основании полученной информации от наблюдения за ближними и на основании знания конечной цели. Из подобных элементарных условий возникает работающее общество. В этом случае самоорганизация образуется по принципу: от частного взаимодействия к глобальному. Ничто не является запланированным, непредсказуемые формы поведения возникают из взаимонаблюдения. Стаи птиц, косяки рыб, рой насекомых, пробки на дорогах – все это выглядит хорошо синхронизированным, высокоупорядоченным. Эти любопытные потоки не управляются никем. Но здесь действуют несколько правил определенного уровня, которые управляют согласованной реакцией. В этих примерах самоорганизации в природе многое нас поражает.

Могут ли социально-экономические системы быть более самоорганизованными? Каковы условия для самоорганизации?

Сложные системы возникают из элементарных условий. Элементарная часть (человек, предметы и средства труда) входит в состав более крупной подсистемы. Поэтому сложные организации могут основываться на изначальной простоте. В дальнейшем организации принимают различные формы, но все они берут начало от простых, примитивных условий. Объединение элементарных частей приводит к усложнению систем, к их развитию. Совокупность взаимосвязей элементарных частей со временем приобретает форму, структуру. Информация фиксируется, перерабатывается, передается. Из этой бесхитростной динамики появляются разнообразные по своей структуре организации.

Таким образом, способность системы к организационным изменениям определяется как освоение фирмой новых идей и моделей поведения. В этом случае организационные изменения вносят в систему беспорядок, хаос. Не внеся в организацию беспорядок, нельзя заставить живую систему меняться. Необходимыми характеристиками самоорганизации являются дальновидность, ее миссия и система ценностей. Организационная индивидуальность, ее неповторимость предполагает ориентацию самоорганизации на знание истории своей компании, особенности оперативного управления, на насущную деятельность и перспективы развития. Переход даже отдельных элементов на принципы самоорганизации – это существенная стратегическая инновация, затрагивающая всю организацию в целом, поскольку речь идет о существенном перераспределении реальной власти в организации. Важно, чтобы идеями самоорганизации прониклись руководители всех уровней. Одним из первых проявлений стратегических преобразований может стать «эффект водопада»: распространение идей о необходимости самоорганизации должно начинаться сверху, с высших административных лиц фирмы и, подобно водопаду, распространяться на каждый уровень руководства, «смывая» с него старые, вредные навыки и привычки, прежде чем распространиться на очередной, более низкий уровень руководителей или работников.

Важно убедительно обосновать необходимость использования самоорганизующихся структур в каждом конкретном случае. Самоорганизацию нужно рассматривать не как самоцель, а как средство решения проблем, например, появления новых задач, требующих твор-

ческого нестандартного решения, необходимости повышения конкурентоспособности. Следует доказать стратегический статус нового направления развития, ориентированного на длительную и кропотливую работу. Акцент должен делаться на особенностях управляющего воздействия: самоорганизацию нельзя ввести приказом, ее нужно культивировать, прививать людям вкус к самоорганизации при решении служебных задач. При этом меняется роль управленцев. Они должны обеспечить рядовым сотрудникам условия для эффективной работы. Здесь имеет место косвенное признание обслуживающей, весьма эффективной роли управленцев.

Литература

1. Шабров О.Ф. Управление и самоорганизация как факторы стабильности и развития. // Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления.- Майкоп – Ростов н/ Дону: изд-во СКАГС., 1999.
2. Материалы 1-ой международной научно-практической конференции «Стратегии динамичного развития России: единство самоорганизации и управления» / под общей редакцией проф. В.Л. Романова. М.: Просвет, 2004.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОРГАНИЗОВАННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ С ПОЗИЦИЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

О. Г. Тихомирова

В современных условиях существования социально-экономических систем все большее значение приобретает исследование факторов, влияющих на целостность системы, ее устойчивость, выживаемость, и, прежде всего – организованность. Определим само понятие социальной и социально-экономической системы. Социальная система – это целостное образование, основными элементами которого являются люди, объединенные устойчивыми связями и отношениями. В социально-экономических системах мы имеем дело с экономическими связями (ресурсы) и производственными отношениями. При этом особо выделяются неформальные связи и отношения между людьми. Фирма как социально-экономическая система – это сложный организм, осуществляющий экономическую и производственную деятельность.

Социальная система обладает рядом особенностей. Рассмотрим основные особенности социальных систем по аналогии с живыми организмами.

1. Социальная организация обладает культурой, которая является фундаментом организации, системообразующим фактором.
2. Социальная организация обладает активностью, внутренней энергией, т.е. способностью действовать по своей воле, от своего имени, вне зависимости от импульсов извне. Таким образом, социальную систему можно назвать автономной системой, т.е. системой, функции которой не заданы извне, а обусловлены внутренне.
3. Социальная организация обладает способностью осознавать себя, свои действия, свое место в окружающем мире, свою уникальность (рефлексия). Эта способность проявляется в организационном поведении, в миссии организации, в ее фирменном наименовании, знаках, логотипах и т.д., что, в свою очередь, формируется организационной культурой.
4. Третья особенность приводит к наличию у социальной организации некоего внутреннего смысла существования и функционирования, позволяющего ставить цели, решать задачи, действовать без внешнего побуждения.
5. Социальная организация обладает материальным воплощением (здания, сооружения, др. материальные объекты).
6. Социальная организация обладает внешней и внутренней структурой, определяемой характером внутренних и внешних связей, формирующихся организационной культурой.

Взаимосвязь организационной культуры и основных признаков социальной организации представлена в таблице 1.

Таблица 1

Элементы проявление оргкультуры	Признаки социальной организации
Миссия, фирменное наименование	Рефлексия
Цели	Наличие внутреннего смысла существования и функционирования
Внутренние связи и коммуникации	Внутренняя структура (морфологическая)
Внешние связи и коммуникации	Внешняя структура
Культура процессов	Активность
Оформление внешнего проявления	Материальный субстрат

Поскольку в социальных организациях нет тождества между ее материальным воплощением и самой организацией, то возникает некий носитель организации, а именно организационной культуры – человек или группа людей, которые отождествляют себя с организацией, соответственно действуют, ставят соответствующие цели, рефлексируют. По ним общество и судит о социальных организациях. Если все элементы социальной организации являются носителями ее организационной культуры, можно говорить о самоорганизации системы.

Традиционно организация как социально-экономическая система трактуется в двух аспектах: через процессы (динамический аспект) и структуру (статический аспект). При этом не учитывается два важных момента: любая социально-экономическая система находится в постоянном движении, развитии (в данном случае не важно, прогрессивном или регрессивном), что проявляется в поведении организации (поведение групп, индивидов внутри организации, организации как таковой). В то же время само понятие «организация» предусматривает наличие упорядоченной совокупности элементов и связей между ними. Характер связей между элементами определяется содержанием процессов и торганизационной культурой. Следовательно, при традиционном подходе упускается из виду два важных аспекта исследования систем: поведенческий и культурный.

Таким образом, следует рассматривать организацию в четырех аспектах:

- статика – структура организации;
- динамика – различные процессы, связанные с развитием системы, установление внутренних и внешних связей;
- действие – поведение организации, группы, индивида в организации, производственный процесс (производство товара или услуги).
- культура – основные ценности, цели организации, характер взаимосвязей и взаимодействия, характер коммуникаций и т.п.

«Культурный» подход к исследованию организованности социально-экономических систем позволяет вывить неизученный до этого системообразующий фактор – организационную культуру. Если рассматривать организационную культуру в рамках управления персоналом (что и происходит до сих пор), то организационная культура воспринимается как нечто нематериальное, не поддающееся управлению, некий набор артефактов. Однако, связав организационную культуру и теорию организации, мы имеем понимание ее сущности на уровне организационной науки, т.е. не культуры организаций, а именно культуры организации.

Из сказанного можно сделать вывод, что существует два уровня организационной культуры: культура организаций и культура организации, причем из-за отсутствия понимания наличия этих двух уровней происходит путаница в понимании сущности организационной культуры. Если культура организаций – это некий набор характеристик организации в культурном аспекте (ценности, цели, характер связей, коммуникаций и т.п.), то культура организации – это именно идеология управления социально-экономической системой.

Отсюда мы можем дать следующее определение организационной культуры: организационная культура – это идеология управления и организации социально-экономических систем, направленная на повышение трудового потенциала.

Трудовой потенциал можно трактовать в «узком смысле», как характеристику человеческого капитала фирмы. Но с позиций теории организации трудовой потенциал уже является свойством социально-экономической системы, т.е. в данном случае труд – это некое действие, активность системы. В приведенном выше определении организационной культуры трудовой потенциал трактуется в «широком смысле», как выражение активности (способности действовать без внешнего побуждения), деятельности, «воли» (способности действовать по своей инициативе, наличие внутреннего смысла действий).

Организационная культура как культура организацИЙ – категория, присущая исключительно социальным организациям. Однако, если говорить о культуре организацИИ, то, в принципе, культурный подход можно использовать и для анализа организованности других систем. Организованность, т.е. степень упорядоченности системы во времени (процессы) и пространстве (структура), является одним из важнейших свойств любой системы, в том числе и социально-экономической. Организованность системы определяется уровнем энтропии.

Для социально-экономических систем вводится понятие социальной энтропии. **Социальная энтропия** – мера отклонения социальной системы либо ее подсистемы от эталонного состояния, когда отклонение проявляется в снижении уровня организации, эффективности функционирования, темпов развития системы. Нужно определить, как организационная

культура влияет на уровень организации системы, эффективность ее функционирования и темпов и характер развития социальной системы.

Любая система требует управления. Идеология управления системой – это и есть организационная культура, т.е. культура возникает только в организованной системе, беспорядочное скопление элементов не обладает культурой. Следовательно, организационная культура характеризует степень организованности системы и является фактором снижения социальной энтропии системы. В соответствии с определением социальной энтропии, эталонное состояние системы с точки зрения организационной культуры представляет собой такое упорядоченное состояние элементов и связей между ними, когда все элементы имеют единую четко поставленную цель, определенный набор функций, четко определенные связи между собой и с внешней средой, когда элементы и система в целом обладают способностью к действиям без внешнего импульса, направленным на достижение целей системы.

Для обозначения степени культурной упорядоченности можно ввести понятие культурной организованности. Анализ культурной организованности ведется по показателям, вытекающим из структуры организационной культуры: цели системы, ценности системы, внутренние связи и коммуникации элементов системы, внешние связи и коммуникации элементов системы, активность/ трудовой потенциал системы. По этим показателям можно исследовать «культурную организованность» как на уровне фирмы, так и на уровне государств и отраслей. При этом анализ ведется в трех аспектах системного подхода – функциональном (степень реализации основных функций организационной культуры), элементном (наличие необходимых элементов для реализации функций) и организационном (наличие определенных должностей и подразделений, реализующих функции организационной культуры).

Например, рассмотрим уровень государства. При наличии четко выраженных единых и приоритетных ценностей общества, основных единых целей, наличии структуры – госаппарата, занимающегося развитием идеологии, когда каждый орган госуправления знает и четко выполняет свои функции, когда оптимально распределены ресурсы на реализацию указанных функций, можно говорить о высоком уровне организованности. Если неэффективно работает госаппарат, часты общественные негативные явления, нет единых ценностей и целей, можно говорить о росте социальной энтропии и, следовательно, снижении уровня организационной культуры. На уровне фирмы о высоком уровне энтропии буду говорить неэффективная работа подразделений, частые производственные конфликты, высокий уровень производственного брака, и т.п.

Рост энтропии свидетельствует о росте числа связей между элементами, появлении «ненужных» отношений, невыполнении элементами своих функций. Все элементы функционируют в рамках заданных функций, существуют четко регламентированные связи и отношения, стоят четкие единые цели, есть единые ценности, и, как было отмечено выше, при этом все элементы являются носителями организационной культуры – все это является необходимыми условиями для самоорганизации системы.

Следовательно, можно вывести зависимость: растет социальная энтропия – уровень организационной культуры падает.

Таким образом, управление энтропией в социально-экономических системах – это управление, прежде всего, культурой организации. При этом важно иметь в виду, что управление энтропией в подобных системах возможно и необходимо, так как социально-экономические системы – это открытые системы, для которых существуют пути развития при снижении энтропии.

Литература

1. Подлесных В.И. Теория организации: учебник для вузов. СПб: Издательский дом «Бизнес-Пресса», 2006.
2. Генкин Б.М. Введение в метаэкономику и основание экономических наук: курс лекций. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2000.

ВИДЫ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОТРАСЛЕВОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ

А.В. Потапов

С позиций особенностей содержания деятельности субъектов хозяйствования, объединяющих свои ресурсы, представляется необходимым различать два основных вида производственной интеграции: межотраслевую и отраслевую.

Под *межотраслевой производственной интеграцией* следует понимать формирование организационных структур, в качестве элементов которых выступают предприятия и организации, характеризующиеся существенными различиями в назначении производимого продукта и в составе и структуре потребляемых ресурсов. Примерами межотраслевой интеграции могут служить агропромышленные комплексы, включающие как предприятия, специализированные на производстве сельскохозяйственной продукции, так и те, которые обеспечивают их непосредственную потребительскую ценность путем изменения исходного продукта способами, характерными для промышленного производства. Отметим, что для межотраслевой интеграции характерно объединение не столько производственных ресурсов, которые объективно обладают крайне высокой степенью разнообразия, сколько организационных, что в принципе позволяет эффективно заменить рыночные трансакции внутрифирменными, однако экономия производственных издержек за счет масштабов производства и возможностей маневрирования ресурсами ограничены отдельными отраслевыми группами объектов интеграции.

Внутриотраслевая производственная интеграция, согласно представлениям автора, есть процесс объединения ресурсов субъектов хозяйствования, которые выполняют различные элементы общего операционного процесса изготовления потребительски однородного конечного продукта либо путем последовательной переработки исходного сырья, либо путем изготовления отдельных частей и их соединения. Важной особенностью внутриотраслевой интеграции представляется то, что формируемая в ее рамках структура характеризуется в целом достаточно высоким уровнем как предметной, так и технологической специализации, что следует рассматривать как важный фактор роста общей эффективности ее деятельности, а также повышения эффективности функционирования отдельных структурных единиц. В силу действия этого фактора формируется реальная возможность экономии не только трансакционных, но и операционных издержек.

Современная теория менеджмента различает несколько основных типов (принципиальных моделей) структуры организации, каждый из которых, по мнению автора, может быть в той или иной степени и в различных сочетаниях использован при формировании машиностроительных интегрированных производственных комплексах в определенных конкретных случаях. Прикладная реализация принципиальных моделей организационных структур приводит к появлению достаточно разнообразных форм производственной и экономической интеграции, которые отличаются друг от друга подходами к определению соотношения между уровнем централизации и децентрализации управления и приоритета преимуществ, свойственных и тому и другому способу регулирования деятельности субъекта хозяйствования. Представляется необходимым отметить, что на практике структурные решения не обязательно предполагают их нормативно-правовое сопровождение, и соглашение об объединении ресурсов может включать изменение структуры прав собственности и юридического статуса объектов интеграции (формализованная производственная интеграция), а может быть основано на договоренностях о сотрудничестве (комплексном или в отдельных областях деятельности), выполнение обязательств по которым не связано с материальной ответственностью (неформализованная производственная интеграция).

Унитарная (централизованная) организационная структура как принципиальная управленческая модель основана на максимизации состава властных полномочий на высшем уровне организационной иерархии, т.е., в терминах институциональной теории фирмы, на их закреплении за принципиалом, в то время как агенту (нижестоящему уровню) делегируются ограниченные права контроля и регулирования подчиненных структурных подразделений

исключительно в пределах его функциональной компетенции. Главной особенностью унитарных организационных структур является наличие сильного центра управления, принимающего на себя ответственность не только за решение стратегических вопросов функционирования организации, но и тактического, а в ряде случаев и оперативного руководства ходом операционного процесса.

На практике унитарная модель организационной структуры находит свое выражение, например, в такой традиционной форме, как концерн, для которого характерно, как правило, сохранение юридической самостоятельности объектов интеграции и формирование долгосрочных устойчивых связей между ними. Механизм создания концерна включает разнообразные методы. Он основан на диффузии капиталов, построении системы стабильных взаимных финансовых и материальных потоков, формализованных и неформализованных договоренностях о координации рыночных и экономических аспектов деятельности, а также, что представляется особенно важным для развития в современных условиях, интенсивном сотрудничестве в области разработки и использования интеллектуальных продуктов. Важными особенностями концерна как организационной формы экономической интеграции, определяющими возможности его применения для построения интегрированных машиностроительных комплексов, представляются, во-первых, четкая ориентация на глубокую производственную кооперацию и, во вторых, независимо от того, является ли интеграция формализованной или неформализованной, фактическое наличие в организационной структуре центрального орана управления. Такая структурная единица, представляющая высший уровень управленческой иерархии, в обязательном порядке выполняет функции разработки и контроля реализации общей и обеспечивающих стратегий, в составе которых центральное место занимают решения в области научно-технического развития, обеспечения персоналом и финансирования деятельности интегрированного комплекса в целом и на уровне его отдельных элементов.

Децентрализованная организационная структура представляет собой принципиальную управленческую модель, основанную на концепции минимизации полномочий, передаваемых на высший уровень иерархии, и предполагает высокий уровень автономности агентов в отношениях с принципиалом. Характерной особенностью данного типа организационной структуры является низкий уровень горизонтальной связности, что в предельных случаях приводит к допущению конкуренции между однородными в продуктовом отношении структурными единицами, которая рассматривается как способ косвенного контроля и встроенный инструмент регулирования деятельности организации.

Одной из наиболее концентрированных форм децентрализованной организационной структуры является конгломерат, представляющий собой интегрированную совокупность не связанных общим операционным процессом предприятий, основанную исключительно на финансовом контроле со стороны центрального органа управления. В качестве механизма формирования конгломератов применяется набор достаточно разнообразных финансовых инструментов, обеспечивающих слияние или (и) поглощение субъектов хозяйствования, а принятие решения об интеграции предполагает использование критерия финансовой эффективности портфельных инвестиций в капитал структурных единиц. Такая целевая сущность конгломерата противоречит нашему пониманию машиностроительного комплекса, однако, как полагает автор, в определенных ситуациях элементы данного организационного подхода могут использоваться в качестве способа решения текущих проблем совокупности предприятий и организаций, основу интеграции которых составляет общий операционный процесс. К таким проблемам, по нашему мнению, следует отнести, прежде всего, формирование устойчивого финансового состояния комплекса в условиях нестабильной текущей рыночной конъюнктуры, когда включение в комплекс непрофильных стабильно эффективных структурных единиц можно рассматривать как способ краткосрочной диверсификации инвестиций с целью получения финансовых ресурсов для обеспечения основной деятельности. Кроме того, если комплекс обладает достаточными (или избыточными с точки зрения потребностей обеспечения профильной деятельности) финансовыми ресурсами, в ряде случаев пред-

ставляется целесообразной интеграция с научно-техническими организациями смежных отраслей. Такие решения следует рассматривать как одну из разновидностей венчурного инвестирования в области, которые с определенной степенью вероятности в перспективе могут создать интеллектуальные продукты, принципиально изменяющие материально-техническую базу операционного процесса и радикально повышающие его эффективность.

В качестве организационной формы, представляющей децентрализованный тип интегрированной структуры, но более, чем конгломерат, ориентированной на построение единого операционного процесса, следует отметить консорциум, который представляет собой совокупность предприятий и организаций одинаковой или смежной продуктовой специализации, в рамках которого обеспечивается координация определенных аспектов их функционирования. При этом соблюдается принцип автономности структурных единиц, предполагающий их самофинансирование в части принятых на себя функций и адекватное распределение рисков, что исключает их деление на принципиала и агентов. На практике целью консорциума в большинстве случаев является не столько производственное объединение, сколько консолидация ресурсов, которая требуется для формирования условий выполнения крупных комплексных проектов как средства получения заказов, чаще всего, в порядке участия в тендерах. Механизм формирования консорциума основан на достижении договоренности об участии между его структурными единицами, которое юридически оформляется соглашением, носящим нормативный характер, но при этом не предполагающим создания специализированного управляющего субъекта хозяйствования. С точки зрения возможности применения данной организационной формы к решению задачи формирования интегрированного производственного машиностроительного комплекса ее следует рассматривать, согласно представлениям автора, прежде всего, как структурообразующий фактор, учет которого позволяет уже на этапе организационного проектирования обеспечить возможность участия комплекса в масштабных работах профильного характера. Данное положение означает, что при формировании внутренней среды комплекса структурные решения целесообразно ориентировать на временную интеграцию с элементами внешнего окружения, т.е. на переход к интеграции высшего порядка. К сказанному следует добавить, что регулярное участие интегрированного машиностроительного комплекса в консорциумах может обусловить целесообразность его дальнейшего развития в направлении включения в него новых структурных единиц в том случае, если консорциальное взаимодействие выявит эффективность стабильных и долгосрочных связей с конкретными субъектами хозяйствования.

Мультидивизиональная организационная структура представляет собой тип построения организации, основанный на ограниченной, но достаточно широкой автономности структурных единиц, которые действуют в условиях централизованно установленной стратегии и децентрализации в области принятия тактических и оперативных решений как инструментов обеспечения ее реализации. Главным принципом мультидивизиональной организации является финансовая самостоятельность (самоокупаемость) интегрированных субъектов хозяйствования (агентов), как правило, сохраняющих свой юридический статус, однако применяются инструменты, позволяющие центральному органу управления (принципиалу) перераспределять часть общего финансового результата между ними в общих стратегических интересах.

Наиболее эффективной современной формой реализации мультидивизиональной модели организационной структуры, получившей широкое распространение на современном этапе мирового экономического развития, согласно представлениям автора, является стратегический альянс (стратегический союз), который представляет собой объединение субъектов хозяйствования с целью достижения перспективных стабильных рыночных преимуществ, основанных на интеграции их стратегических ресурсов. Механизм создания стратегического альянса основан на достижении договоренности о взаимовыгодном сотрудничестве между автономными субъектами хозяйствования, не приводящей к изменению их юридического статуса, которая фиксируется многосторонним или несколькими двусторонними долгосрочными договорами, если предполагается взаимодействие общего функционального характера

(стратегический альянс как таковой), или контрактами, если объектом соглашения является участие в конкретном крупном проекте (консорциальный стратегический альянс). Организационное построение стратегического альянса носит характер горизонтальной кооперации, обязательства по которой фиксируются в договорах и не подразумевает наличия специализированного центрального органа управления, и ориентировано на использование принципа открытости системы, позволяющего гибко изменять его структуру по мере достижения поставленных целей и появления новых возможностей эффективной реализации стратегии. Сказанное позволяет охарактеризовать стратегический альянс как мультидивизиональную организацию без формально выделенного элемента высшего уровня управленческой иерархии, роль которого фактически выполняют описанные выше договора, а проблемы разработки и контроля общей стратегии ее поведения решаются в ходе регулярного взаимодействия высшего менеджмента структурных единиц. С точки зрения наших представлений о сущности интегрированного производственного машиностроительного комплекса и общего операционного процесса важной особенностью стратегического альянса представляется то, что на практике наибольшая эффективность свойственна тем из них, которые ориентированы на интенсивную работу в области создания интеллектуальных инновационных продуктов в качестве основы определения единой стратегии. Кроме того, с представлениями автора о факторах эффективности производственной отраслевой интеграции в машиностроении полностью совпадают мотивы создания стратегических альянсов, к которым относятся такие, как экономия производственных издержек на масштабах производства, повышение уровня эффективности использования производственных мощностей, снижение числа рыночных трансакций за счет интеграции производства компонентов и сборки конечного продукта, снижение трансакционных издержек в области исследования рынка, согласований условий поставок и передачи интеллектуальных продуктов, а также общее снижение производственных, коммерческих и финансовых рисков как результат стабильного долгосрочного взаимодействия. В аспекте современных российских условий функционирования предприятий и организаций машиностроительного профиля важным является то, что в рамках стратегического альянса в качестве равноправных структурных единиц могут выступать субъекты хозяйствования, исходно обладающие различным уровнем экономического развития, поскольку участие в интегрированной структуре позволяет эффективно использовать их реальные неэкономические возможности, например, в области кадровых и интеллектуальных ресурсов, и за счет стратегического взаимодействия с другими участниками обеспечивать их экономический рост.

Литература

1. Абросимов В.А. Теория интеграции: Обобщение интеграции экономических структур. М.: Эслан, 1997.
2. Коростышевская Е.М. Научно-производственная интеграция: политико-экономический аспект. СПб: Наука, 1998.

НОВАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Б.А. Варламов

В развитии мирового хозяйства в рамках форсированного научно-технического процесса образовались новые производственно-функциональные, институциональные, распределительные и социально-экономические структуры. Это повлекло за собой формирование современной модели экономической организации и менеджмента на всех уровнях, существенные сдвиги в системе факторов производства, в соотношении внутренних и внешних условий воспроизводства. Получили развитие новые закономерности, свидетельствующие о том, что в рамках современного капитализма образовались структуры и процессы, которые выводят капиталистическое производство за его собственные рамки, противостоят его коренным, исходным принципам, превращая ряд его основных параметров и структур в свою противоположность. Изменения коснулись не только материальных аспектов современной экономики, но затронули также и ее социальные, организационно-управленческие формы, т.е. всю сложную систему экономических отношений, образующих категорию собственности.

По-своему отреагировала на эти изменения западная экономическая мысль, сводя их к технико-технологическим нововведениям и подвижкам в рамках информационной революции и отчасти процессов глобализации. Именно в этом ключе на Западе принято трактовать термин «новая экономика». Однако сводить дело только к подобным характеристикам нет оснований, поскольку существенное значение имеет анализ изменений в социальной форме экономического развития, которая на современном этапе обретает качественно новые черты.

Понятие «новая экономика» получило разработку в социально-философской и экономической парадигме современного общества, называемой разными именами [1–5]: «постиндустриальное общество» (Д. Бэлл, В.Л. Иноземцев), «информационное общество» (Э. Тоффлер и др.), «мегаобщество» (В. Кувалдин), «общество информатики и связи» (И. Ниинилуто), «технообщество» (Б. Гейтс), «электронное цифровое общество» (Д. Тапскотт) и др. Несмотря на различие названий, общим во всех этих трактовках является указание на глобальность протекающих процессов и на определяющую роль информационных технологий. Однако не все современные ученые признают факт становления и развития новой экономики. Есть теоретики, которые скептически относятся к идее «новой экономики» и «нового общества» (Р. Гордон и др. [6]). Существуют точки зрения, которые обозначают другие признаки новой экономики: часто ее существенной чертой называют выработку и использование новых знаний — «экономика знаний», «знание-интенсивная экономика», «основанная на знаниях экономика», «невесомая экономика». Понятие «знание», при этом, разными авторами понимается неодинаково.

Сам термин «новая экономика» также используется с 1980-х гг. для описания экономики, которая в большей степени опирается на сферу производства услуг, чем на сферу производства товаров. Однако тогда он не получил широкого признания и не стал общеизвестным.

В начале 1990-х гг. термин «новая экономика» стал использоваться в отношении высокотехнологичных отраслей – аэрокосмическая промышленность, производство компьютеров, создание коммуникационных средств, программное обеспечение, биотехнология и т. п. В этом своем значении «новая экономика» определяется как совокупность отраслей, отличающихся высокотехнологичными элементами в противоположность «старой экономике».

В 1990-х гг. информационно-технологический смысл термина «новая экономика» стал преобладать. На рынок вышли первые интернет-компании, акции которых, при первичном размещении, вырастали за день на сотни процентов. Значительное распространение получил бизнес в Интернете, и для многих «новая экономика» стала ассоциироваться именно с этим явлением в экономике и коммерции.

Ряд социальных философов и экономистов используют также термин «сетевая экономика». Такой подход представляется вполне оправданным, поскольку сети, обладая рядом уникальных социальных и технологичных характеристик, определяют особенности новой экономики. Помимо свойств сетевых благ, информация обладает также свойствами общест-

венных благ: неисключаемость и несоперничество в потреблении (многие могут обладать одной и той же информацией одновременно, не уменьшая степени обладания информацией со стороны других).

Однако возникли и альтернативные точки зрения, согласно которым, хотя Интернету и принадлежит приоритетная роль, «новая экономика» не сводится к его использованию. В частности, считается, что существенной ее чертой является выработка и использование новых знаний [см., например, 7]. Речь идет не столько об инновационных разработках, сколько о фундаментальных исследованиях и их прикладном воплощении. Поэтому в этих случаях в качестве положительных определений подаются определения «новой экономики» как «экономики знаний», «знания-интенсивной экономики», «основанной на знаниях экономики», «невесомой экономики». Понятие «знание» при этом тоже трактуется по-разному. Например, по мнению М. Кастелъса [7], информация в широком смысле слова, т. е. как передача знаний, всегда имела значение. А термин «информациональное общество», который он использует, указывает на специфические черты современного общества, когда генерирование, обработка и передача информации стали основополагающими источниками производительности.

В «новой экономике» знания стали не только самостоятельным фактором производства, но и главными во всей системе факторов. Это связано с тем, что именно они в виде информации как систематизированных данных все возрастающими темпами изменяют вид современного мира.

По оценкам науковедов, прирост научных знаний в современную эпоху происходит по экспоненте – удвоение знаний происходит каждое десятилетие. В США, как ни в одной стране мира, сделана ставка на развитие науки и образования: если в начале XX в. всего 10% руководителей промышленных компаний имели высшее образование, то на настоящий момент более 60% управленческого персонала обладают докторской степенью.

В экономике знаний любой рост национальной экономики достигается мировым научно-техническим прогрессом. Потенциал его достаточно высок, так как 90% всех когда-либо существовавших на планете ученых живут в наши дни. Новая роль знаний требует создания такого мирового экономического порядка, при котором можно будет обеспечивать оптимальный рост мировой экономики, выравнивать уровни развития различных стран и регионов и обеспечивать справедливую систему распределения и перераспределения мирового продукта.

Есть еще ряд частных черт, которые используются для характеристики содержания и сущности новой экономики. Существуют точки зрения, согласно которым считается, что важной характерной чертой новой экономики является ее глобальный характер. Это мотивируется тем, что основные виды экономической деятельности (производство, потребление и циркуляция товаров и услуг), а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информации, технологии, рынки) организуются в глобальном масштабе.

Интересны пять отличительных черт новой экономики, сформулированных М. Кастельсом [7]: 1) зависимость производительности от использования достижений науки и техники, а также от качества информации и менеджмента; 2) доминирование информационной деятельности по сравнению с материальным производством; 3) переход от стандартизированного массового производства в сторону гибкого сетевого производства; 4) глобальный, наднациональный характер экономики; 5) постоянно революционизирующий характер технологических изменений.

При определении содержания и сущности «новой экономики» обычно упускается один из важнейших моментов, а именно, необходимость подвести эти определения под экономическое содержание. В качестве существенного и непосредственно экономического выступает стоимость, так как качественные изменения в развитии экономики обусловлены именно стоимостными превращениями. Согласно трактовке М.Ю. Осипова [8], стоимость все более и более отрывается от производства стоимости, «воспаряет» над ним, все более устраивается в пространстве контроля над стоимостью, ее вменения и перераспределения. Не сфера про-

изводства стоимости определяет теперь бытие стоимости, а сфера надпроизводственного бытия стоимости все более определяет бытие стоимости. Не стоимость теперь зависит от производства благ, от вообще хозяйства, а производство благ зависит от стоимости.

Несомненно, именно изучение качественных изменений таких базовых категорий, как стоимость и издержки, должно заложить основы теории новой экономики. Конечно, уже известные экономические законы не исчезнут, но можно прогнозировать изменение характера их действий и проявлений.

Литература

1. Белл Д. Грядущее индустриальное общество. М., 1999.
2. Гейтс Б. Дорога в будущее. М., 1996.
3. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.
4. Иноземцев В.Л. Пределы догоняющего развития. М., 2000.
5. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество. К.–М., 1999.
6. Gordon R. J. Does the «New Economy» measure up to the Great Inventions of the Past? // Journal of Economic Perspectives. 2000. №14 (4) P. 297–333.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
8. Осипов Ю.М. Смысловые контуры национальной экономики / Экономическая теория на пороге XXI в. 5: Новая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В. Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. М.: Юристъ, 2001.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНАЛИЗА ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА

Л.В. Попова

В условиях нестабильности внешней и внутренней среды бизнеса проблема риска имеет большое значение при обосновании управленческих решений не только стратегического характера, но и на стадии краткосрочного планирования и управления предприятием. На практике не все субъекты экономики включают управление риском в состав регулярных операционных функций менеджмента и в большинстве случаев ограничиваются учетом возможных потерь при расчете бюджетов и при принятии решений о целесообразности проведения того или иного отдельного хозяйственного мероприятия, устанавливают величину отклонений от запланированных результатов при проведении финансового и экономического анализа деятельности предприятия. Заметим, что объективная возможность формирования полноценной в организационном аспекте системы риск-менеджмента в рамках общей структуры организации путем создания обособленного подразделения, занимающегося планированием риска, оценкой риска уже на этапе планирования, а не на завершающей стадии анализа результатов деятельности, есть не у всех предприятий, поскольку требует существенных затрат, которые в ряде конкретных случаев не будут оправданы получаемыми результатами. Данное положение позволяет утверждать, что вопрос о степени использования традиционной технологии риск-менеджмента в современных экономических условиях России зависит от масштаба бизнеса. Тем не менее, динамика развития российской экономики, изменчивость и непредсказуемость среды функционирования определяют необходимость обеспечения двух важных условий внедрения технологии управлениям предпринимательскими рисками в производственную практику: оперативность принятия решений по управлению риском; четкость и интерпретируемость показателей, необходимых для принятия решения. Одной из технологий, соответствующей указанным выше требованиям, можно считать *метод анализа чувствительности*, основанный на ретроспективном анализе степени риска бизнеса и его использовании при оперативном принятии решений нацеленных на повышение эффективности деятельности экономического субъекта.

Риск можно интерпретировать как пониженную устойчивость результатов принятых управленческих решений к воздействию внешних либо внутренних факторов. В процессе управления нацеленного на оптимизацию риска целесообразно определять как устойчивость и общих для организации плановых финансовых результатов, так и частных по конкретным видам предпринимательской деятельности. Основная идея подхода состоит в том, что определяются значения некоторого числа параметров и исследуется влияние изменения этих параметров на уровень результирующих показателей. К числу таких параметров могут относиться цены, объем реализации продукции, постоянные и переменные затраты; уровень исследования устанавливается в зависимости от потребностей рынка и ожиданий менеджмента (можно оценивать устойчивость результатов деятельности по компании в целом, или по отдельным бизнесам). Поскольку фактически технология анализа чувствительности соответствует построению аналитической модели будущей рыночной ситуации, то количественно риск может определяться статистико-экспертными методами (дисперсия, среднеквадратическое отклонение, коэффициент вариации), а выводы относительно риска основываются на фактических данных о результатах деятельности субъекта экономики по прошлым периодам, а в случае с исследованием по видам деятельности – дополнительно посредством сравнительного анализа по направлениям.

Независимо от того, какой временной горизонт выбран – принятие оперативных управленческих либо долгосрочных стратегических решений – методика анализа устойчивости (чувствительности) позволяет получать информацию о том, насколько сильно изменение ключевых факторов повлияет на конечное изменение итоговых финансовых показателей и каковы предельные границы колебания факторов, определяющих эффективность функцио-

нирования экономической системы, при которых определенные управленческие решения вообще могут быть приемлемы.

Полезность рассмотрения альтернатив развития процессов при принятии хотя бы нескольких вариантов управленческих решений определяется и тем фактом, что уже на этапе принятия решения, имея информацию о предполагаемом изменении ключевых параметров и их влияния на результаты, можно планировать ответное изменение прочих факторов и таким образом снижать возможные потери, т.е. риски.

В практике менеджмента анализ чувствительности предлагается реализовывать в рамках одного из двух подходов к количественной оценке устойчивости результатов решений менеджмента к изменению внутренних и внешних факторов риска по отношению к критериям их оценки.

Аналитический подход подразумевает формирование математического выражения (формулы) зависимости результатов от входящего колебания параметра, например, зависимость нераспределенной прибыли от ставки налога на прибыли (исследование влияния на результаты деятельности бизнеса политического риска – изменений в налоговом законодательстве). Достоинство такого подхода состоит в том, что математическое (аналитическое) выражение степени влияния параметров на результаты позволяет легко и быстро оценить устойчивость, а основной недостаток – в отсутствии практической возможности получить математические зависимости процессов в явном виде.

Имитационный подход заключается в моделировании изменений факторов риска и оценке результатов этих изменений. В зависимости от располагаемых реальных данных осуществление имитационного подхода может быть пошаговым (в этом случае «искусственно» задается изменение одного, двух и т.д. параметров с выбранным интервалом) или при помощи компьютерного стохастического моделирования распределений факторов риска (ключевых параметров, способных повлиять на достижение определенных результатов бизнеса – модель Монте-Карло) Основным достоинством, выгодно отличающим эту модель от пошагового анализа устойчивости или математической модели, является то, что этот метод объединяет в себе две стороны прямого и косвенного измерения риска. Во-первых, модель оценивает степень изменения финансовых результатов в зависимости от колебания ключевых факторов риска (косвенное измерение риска), во-вторых, поскольку основным этапом реализации модели на практике становится моделирование случайного распределения исходных параметров и результатов, появляется возможность определять риски количественно при помощи дисперсии, среднеквадратического отклонения и коэффициента вариации.

К основным причинам, определяющим приоритеты метода пошагового моделирования при выборе конкретного подхода проведения анализа чувствительности, можно отнести следующие три фактора:

- пошаговое моделирование позволяет оценить влияние небольшого числа факторов и как результат построить таблицу или график, что во многом упрощает процесс интерпретации модели (исследование более широкого диапазона параметров риска на практике чрезмерно, по мнению автора, усложняет процедуру оценки, делая результаты исследование менее наглядными);
- необходимое условие реализации пошагового моделирования – требование ограниченности интервалов изменения ключевых параметров и дискретность их представления – не противоречит реальной практике;
- комплексность подхода определяется тем фактом, что в процессе исследования появляется возможность выявления внутренних резервов, при помощи которых менеджмент организации способен нивелировать действие рискообразующих факторов.

Процессы реализации пошагового подхода к анализу чувствительности целесообразно проводить по некоторому алгоритму, представленному следующими шагами:

- определение наиболее опасных факторов риска, динамика которых почти однозначно может привести к потерям;

- выбор разработанной менеджментом организации системы ключевых финансовых показателей, идентифицирующих уровень риска, т.е. тех результирующих параметров, вариация которых под влиянием факторов риска однозначно отображает риск для организации (операционная прибыль, экономическая рентабельность, финансовый и операционный рычаги);
- идентификация верхнего и нижнего предела для колебаний исходных параметров – факторов риска – и представление дискретного ряда изменения факторов с определенным интервалом;
- последовательные расчеты изменений результирующих показателей, ответные для колебания факторов риска.

В качестве значимого вида рисков компании выделяются *финансовые риски*, для оценки которых, как на уровне предприятия в целом, так и на уровне отдельного инвестиционного проекта используется показатель финансового левериджа:

$$\text{ЭФР} = (1 - T) \times (RE_{\text{эк}} - r) \times \frac{D}{S},$$

где $RE_{\text{эк}}$ – экономическая рентабельность, соотношение операционной прибыли к вложенным средствам, D – заемные средства, S – собственный капитал, T – налог на прибыль; r – процентная ставка по кредитам.

Привлечение заемных средств, если его стоимость ниже экономической рентабельности, позволяет обеспечить превышение доходности собственного капитала над доходностью активов. Относительная величина займа (соотношение займа и общего объема капитала) определяется требуемой доходностью владельцев собственного капитала; при этом, чем больше доля заемных средств в общей величина капитала, тем выше показатель рентабельности собственного капитала (ROE). В то же время соотношение заемных и собственных средств является индикатором оценки предприятия потенциальными инвесторами: при достаточно большой с точки зрения инвестора доле заемных средств процентные ставки по предоставляемым кредитам увеличиваются, так как инвестор таким образом страхует свои кредитные риски. При этом операционные расходы заемщика увеличиваются, а прибыль уменьшается.

Метод пошагового моделирования позволяет в рамках системы управления риском на предприятии оценить влияние на доходность различных источников заемного финансирования с определенными процентными ставками и определить оптимальную структуру соотношения заемного и собственного капитала. Для решения первой задачи целесообразно применять однофакторную модель пошагового имитационного анализа чувствительности, устанавливающую связь между операционной прибылью, уровнем экономической рентабельности и эффектом финансового рычага и изменением ставки процента по кредитам. В качестве инструмента решения второй задачи можно предложить построение двухфакторной модели, позволяющей проводить исследование одновременного влияния изменения ставки процента и финансовой структуры капитала экономического объекта на показатели риска.

Необходимо отметить, что реализации на практике описанной технологии оценки влияния ключевых для бизнеса факторов риска достаточно универсальна и определяется в каждом конкретном варианте специфическими аспектами; в общем случае обеспечивается комплексность характера анализа рисков, оперативность менеджмента бизнеса.

Литература

1. Моделирование экономической динамики: риск, оптимизация, прогнозирование. / Под ред. Р.М. Нижегородцева. М.: Диалог–МГУ, 1997.
2. Бланк И.А. Основы финансового менеджмента. В 2 т. М.: Ника-Центр, 2000.

ВЛИЯНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ И ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ФИРМЫ

О.Г. Тихомирова

Влияние корпоративной культуры на деятельность фирм (и в плане эффективности, и специфики построения бизнес-процессов и структур) сложно переоценить. Однако, учитывая тот факт, что работают в любой фирме люди и управление фирмой осуществляется людьми, причем как субъектом, так и объектом управления является, в конечном итоге, человек, следует особое внимание уделить вопросам влияния корпоративной культуры на трудовой потенциал фирмы и их взаимодействие.

Прежде всего ответим на вопрос, что же такое корпоративная культура. Сам термин «корпоративная культура» возник в 60-е гг. XX в. в США, когда теоретики и практики управления попытались ответить на вопрос, что делает каждую фирму уникальной, чем отличаются американские фирмы от японских, ставших особенно успешными в то время. Объектами исследования были крупные американские корпорации, обладающие ярко выраженными чертами собственной культуры. Однако в настоящее время термин «корпоративная культура» используется применительно к любой организации. Тем не менее, понятие «корпоративной культуры» и «корпорации» значительно уже, чем понятие «организация» и «организационная культура», поэтому в дальнейшем будем использовать термин «организационная культура».

Организационная культура – это идеология управления социально-экономической системой, отражающая ее основные ценности.

Важно, что культура в принципе – категория чисто человеческая, и организационная культура формируется в сознании человека – работника фирмы, он является ее носителем и распространителем. Поэтому, воздействие организационной культуры непосредственно направлено на человека, а через него уже на производственный процесс, качество продукции и т.п. Человек для организации – это трудовой ресурс, при чем обладающий высоким потенциалом развития (за счет переобучения, повышения квалификации, ротации), в сравнении с оборудованием, технологией и т.п., постоянное обновление которых невозможно. В современных условиях быстрого научно-технического прогресса, ограниченности внешних ресурсов возможность для фирмы развиваться, используя внутренний потенциал, является одним из важнейших факторов успешной конкуренции. Очевидно, что одним из основных элементов внутреннего потенциала любой фирмы является ее трудовой потенциал.

Таким образом**,** главной целью организационной культуры является повышение трудового потенциала персонала, обеспечение самоорганизации социально-экономической системы посредством персонала.

В трудовой потенциал включаются следующие компоненты: здоровье, нравственность и умение работать в коллективе, творческий потенциал, активность, организованность, образование, профессионализм, ресурсы рабочего времени[6], а также профессиональная культура.

Профессиональная культура представляет собой функцию от компетенции работника и его трудовой этики, принципов, ценностей.

Компетенция – это рациональное сочетание способностей, личностных качеств и мотивации персонала фирмы, рассмотренных во временном интервале. *Трудовая этика* – определенный набор правил и норм поведения индивида на работе, его отношение к труду и результату своего труда.

Трудовой потенциал фирмы является составляющей общего экономического потенциала фирмы, поэтому так важно понимать суть трудового потенциала и характер его взаимосвязей и взаимодействия с организационной культурой. Трудовой потенциал можно определить в виде предельного значения совокупности профессиональных, личностных характери-

[6] Генкин Б.М. Экономика и социология труда. Учебник для вузов. 4-е изд. М.: Изд-во НОРМА – ИНФРА-М, 2002.

стик, творческих способностей, мотивации работника и его способности к развитию на данный момент времени. Трудовой потенциал, по сути – это разность между максимально возможной отдачей работника при самых благоприятных условиях и отдачей при существующих условиях при заданном уровне компетенции на данный момент времени. Важно, что трудовой потенциал – векторная величина, т.е. низкое значение одного компонента не может быть компенсирована высоким значением другого. Вектор трудового потенциала может менять направление (т.е. характер развития – расти или уменьшаться), форму развития (прямолинейно, экспоненциально, в виде синусоиды и др.). Задача организационной культуры – задать верное направление и характер развития трудового потенциала для данной организации.

На рис.1 изображено развитие трудового потенциала и компетенции работника во времени. С течением времени компетенция работника возрастает при условии постоянного повышения квалификации, профессиональных навыков, знаний, образования, опыта работы. Однако, если работник не улучшает и не поддерживает на должном уровне составляющие компетенции, она начинает падать.

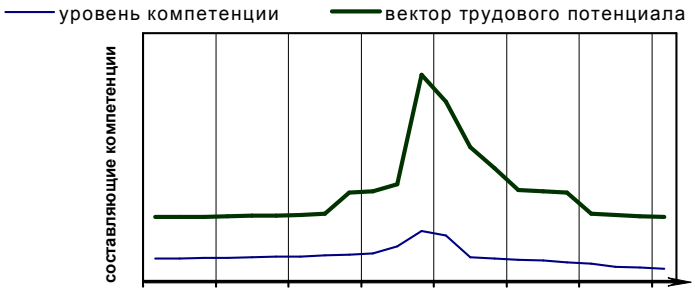


Рис.1. Развитие трудового потенциала и компетенции работника во времени

Вектор трудового потенциала в каждый период времени зависит от уровня компетенции: растет компетенция, растет и трудовой потенциал. В то же время, трудовой потенциал имеет предельное значение – максимум, который может дать каждый работник, определяемый его способностями, характером, возрастом и т.п. Чем выше уровень компетенции, тем выше будет значение трудового потенциала.

Влияние организационной культуры на компетенцию представлено на рис. 2.

Трудовой потенциал организации может быть определен как взвешенная сумма составляющих потенциала, т.е.:

$$ТП = aX_1 + bX_2 + cX_3 + dX_4 - eX_5 - fX_6 - gX_7 \pm \ldots \pm \beta X_i \quad (1)$$

где ТП - значение трудового потенциала; $a, b, c, d, e, f, g, \beta$ – вес каждой составляющей трудового потенциала, $a+b+c+d+e+f+g+\ldots+\beta=1$; X_1 – количество работников с высшим образованием (или определенной квалификации для рабочих) за расчетный период; X_2 – количество внесенных рацпредложений за расчетный период; X_3 - количество патентов, изобретений; X_4 - средняя заработная плата (доход) работников за расчетный период (по категориям); X_5 – количество производственных конфликтов за расчетный период; X_6 – количество производственных травм за расчетный период; X_7 - средний возраст работающих; X_i – иные составляющие трудового потенциала (в зависимости от специфики каждой конкретной организации, для которой определяется трудовой потенциал).

Расчет значения трудового потенциала проводится на определенный период. Вес каждой составляющей трудового потенциала оценивается экспертами (например, через опрос руководителей подразделений, работников, сторонних лиц). Вес определяется по количеству назвавших данный показатель среди наиболее важных (доля в общем объеме опрошенных).

Данная методика расчета позволяет оценить изменение трудового потенциала данной организации во времени (проведя повторный расчет через полгода, год и т.п.). Если имеется возможность получения информации о других организациях, то можно сравнить значение трудового потенциала нескольких фирм.

Трудовой потенциал – векторная величина, т.е. он имеет направление развития. Его направление задается организационной культурой: если она способствует росту образования, квалификации персонала, творческому подходу, то трудовой потенциал будет увеличиваться, в противном случае трудовой потенциал будет снижаться.

Составляющие трудового потенциала, приведенные в формуле (1) – скалярные величины. При этом для расчета берутся алгебраические значения составляющих, не имеющие единицы измерения. Т.е., в результате расчета трудового потенциала по формуле (1) мы получаем скалярную величину.

При этом, если в организации высок уровень средней заработной платы при высоком уровне производственных травм и конфликтов, значение трудового потенциала может быть выше, чем в организации с меньшей заработной платой, но и с меньшим числом негативных факторов. Взвешивание каждой составляющей трудового потенциала позволяет нивелировать подобное несоответствие.

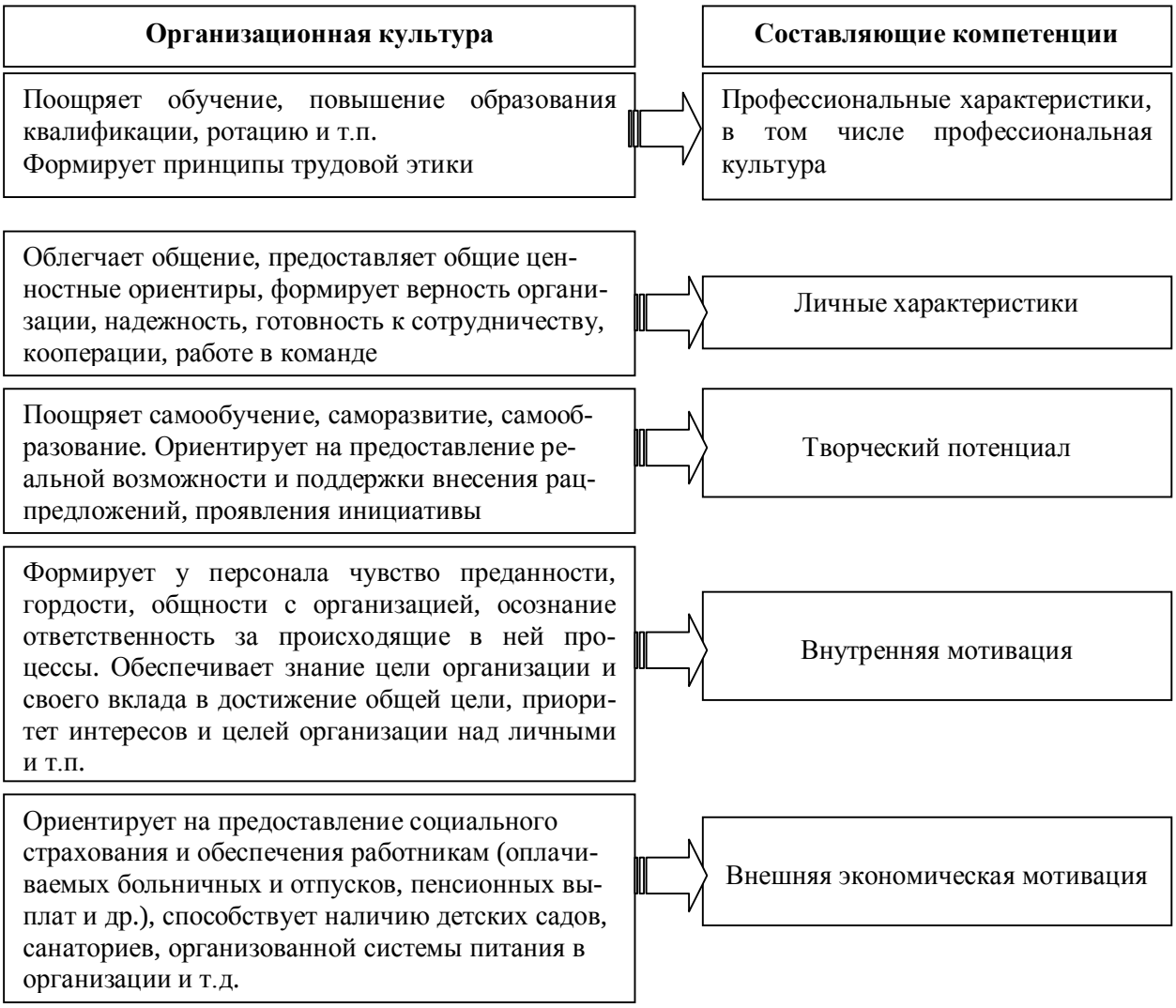


Рис. 2. Воздействие организационной культуры на компетенцию

Представим трудовой потенциал в виде вектора.

Каждая составляющая трудового потенциала имеет алгебраическое значение. Допустим, что те компоненты, которые способствуют развитию трудового потенциала – положительны, а те, которые препятствуют развитию – отрицательны. Алгебраическое значение компонент – это длина вектора.

Обозначим стрелками компоненты трудового потенциала, и определим его длину:

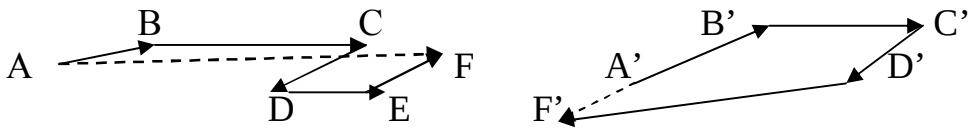


Рис.3. Определение вектора трудового потенциала

Векторы AB, BC, CD, DE, EF – компоненты трудового потенциала, длина стрелки соответствует алгебраическому значению компоненты в принятой единице измерения. Вектор AF по правилу сложения векторов – сумма компонент, т.е. вектор трудового потенциала. Из рисунка видно, что если факторов негативного воздействия больше, или они имеют высокое значение, то вектор трудового потенциала будет иметь отрицательную направленность. Следовательно, организационная культура определяет направленность вектора трудового потенциала, а также оказывает существенное влияние на все составляющие его компоненты.

Повышение трудового потенциала приводит к росту компетенции и трудовой этики персонала. В конечном итоге это означает рост прибыли, доходности организации. Это связано с тем, что более компетентные работники могут работать на более совершенном оборудовании, по более совершенной методике; они способны генерировать идеи, творчески подходить к работе. Все это положительно скажется на качестве продукции, позволит организации разрабатывать собственные уникальные технологии, продукцию, тем самым усиливая положение на рынке, улучшая экономические, финансовые, коммерческие и др. показатели деятельности.

Литература

1. Подлесных В.И. Теория организации: учебник для вузов. СПб.: Издательский дом «Бизнес-Пресса», 2006.
2. Генкин Б.М. Введение в метаэкономику и основание экономических наук: курс лекций. М.: НОРМА – ИНФРА-М., 2000.

КОРПОРАТИВНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕСУРСАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ

А.Д. Макаров

Информационные технологии в начале XXI века становятся важнейшим инструментом научно-технического и социально-экономического развития общества, играя существенную роль в ускорении процессов получения, распространения и использования новых знаний. Влияя на качество интеллектуальных ресурсов современного социума, информационные технологии повышают уровень и качество самой жизни.

Управление современным предприятием в условиях рыночной экономики представляет собой сложный процесс, включающий выбор и реализацию определенного набора управленческих воздействий на текущих временных отрезках с целью решения стратегической задачи обеспечения его устойчивого финансового и социально-экономического развития.

Информационные технологии, достигшие в последнее десятилетие нового качественного уровня, в значительной мере расширяют возможности эффективного управления, поскольку предоставляют в распоряжение менеджеров, финансистов, маркетологов, руководителей производства всех рангов новейшие методы обработки и анализа экономической информации, необходимой для принятия решений. Они представляют собой комплекс методов переработки разрозненных исходных данных в надежную и оперативную информацию механизма принятия решений с помощью аппаратных и программных средств с целью достижения оптимальных рыночных параметров объекта управления.

Управленческая идеология, объединяющая бизнес-стратегию предприятия (с выстроенной для ее реализации структурой) и передовые информационные технологии, представляет собой корпоративную информационную систему (КИС), – это информационная система, поддерживающая оперативный и управленческий учет на предприятии и представляющая информацию для оперативного принятия управленческих решений.

Основная задача КИС состоит в поддержке функционирования и развития предприятия. Смыслом существования любого коммерческого предприятия, как известно, является получение прибыли. Несмотря на то, что сферы деятельности предприятий могут быть самыми различными, в общем виде задачи управления схожи. Они заключаются в организации управления поступающими на вход предприятия ресурсами для получения на выходе необходимого результата. Таким образом, информационная структура организации должна быть описана характерными законами управления, регламентирующими управляющие воздействия на систему.

Исходными данными для КИС являются данные об основных ресурсах, которыми необходимо управлять (финансовые, материальные, кадровые, информационные), которые на выходе трансформируются в результат основной деятельности предприятия.

Несмотря на то, что нет стандартов, определяющих функционирование КИС, существуют широко распространенные методологии – MRP и (Manufacturing Resource Planning) и ERP (Enterprise Resource Planning). MRP II и более новая методология ERP фактически являются стандартами управления бизнесом, реализованными во всех прогрессивных программных продуктах масштаба предприятия.

ERP-системы могут использоваться крупными предприятиями для управления потоками данных и их хранения, способствуют развитию электронного бизнеса предприятия.

Основное внимание MRP II направлено на управление производственными ресурсами. Методы ERP претендуют на управление всеми ресурсами, имеющимися у предприятия (персоналом, финансами). ERP лучше учитывают корпоративную структуру предприятия, его международный масштаб. Такие системы реализуют управление удаленными предприятиями и сбытовыми подразделениями по всему миру.

Несмотря на то, что каждое предприятие уникально по своей финансовой и хозяйственной деятельности, существует целый ряд задач, общих для всех предприятий. К ним относятся: управление материальными и финансовыми ресурсами, закупками, сбытом и многое

другое. ERP-системы обеспечивают комплексное управление ключевыми аспектами финансовой, производственной и коммерческой деятельности предприятия и охватывают сферы производства, планирования, финансов и бухгалтерии, материально-технического снабжения, управления человеческими ресурсами, сбыта, управления запасами и предоставления услуг. Такие системы призваны предоставить руководству полную и оперативную информацию для принятия управленческих решений, а также обеспечивать эффективный обмен данными с деловыми партнерами.

Для менеджера любого ранга имеет большое значение умение ориентироваться среди множества существующих аналитических систем. Оно дает возможность не только сэкономить время при выборе системы в качестве базовой технологии интеллектуальной поддержки своих управленческих решений, но и создает реальную основу для эффективной работы с программными продуктами, обладающими всеми необходимыми функциями. Однако внедрение ERP-системы предполагает серьезные изменения в бизнес-процессах компании, обусловленные методологией внедрения и имеющейся функциональностью внедряемой ERP-системы.

Наличие богатой функциональности является большим плюсом для ERP-системы, но может так случиться, что даже самая лучшая из них может использоваться как простой калькулятор и средство подготовки налоговой отчетности. Причин здесь может быть несколько - от неправильного выбора консультационной компании, осуществляющей внедрение, до неправильного формулирования целей и задач проекта.

Следовательно, перед началом внедрения системы необходимо оценить гибкость функционирующих на предприятии бизнес-процессов, подготовить их подробное описание, а также сформулировать техническое задание для консультационной компании, осуществляющей внедрение и разработку КИС.

Литература

1. Сазонова Г.А. Корпоративные информационные системы в управлении и реформировании промышленным предприятием. Н.Новгород, 1999. 96 с.
2. http://www.erpselection.ru/review.shtml
3. http://www.connect.ru/

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАПАСОВ

П.А. Масленников

Состояние и эффективность использования производственных запасов как самой значительной части оборотного капитала - является одним из основных условий успешной деятельности предприятия. Развитие рыночных отношений определяет новые условия их организации. Инфляция, неплатежи и другие кризисные явления вынуждают предприятия изменять свою политику по отношению к производственным запасам, искать новые источники пополнения, изучать проблему эффективности их использования. Поэтому для предприятия все возможные способы рационального расходования средств, одним из которых является определение оптимальной величины производственных запасов, приобретают все большее значение.

Материально-производственные запасы являются составной часть оборотных активов организации. Наиболее общую формулировку понятия запасы дается в [2, с.184]: «Материальные запасы – это находящиеся на разных стадиях производства и обращения продукция производственно-технического назначения, изделия народного потребления и другие товары, ожидающие вступления в процесс производственного или личного потребления». Материально-производственные запасы в самом общем виде классифицируются по трем видам [7, с. 109]:

1. производственные запасы;
2. незавершенное производство;
3. готовая продукция.

Производственные запасы – запасы, находящиеся на предприятиях всех отраслей сферы материального производства, предназначенные для производственного потребления. Цель создания производственных запасов – обеспечить бесперебойность производственного процесса.

Товарные запасы – запасы готовой продукции у предприятий-изготовителей, а также запасы на пути следования товара от поставщика к потребителю, т.е. на предприятиях оптовой, мелкооптовой и розничной торговли, в заготовительных организациях и запасы в пути [4, с. 187]. Товарные запасы подразделяются, в свою очередь, на запасы средств производства и предметов потребления.

В условиях производства продукции на основе заказа на текущий период времени (месяц, квартал) управление производственными запасами приобретает особую важность, вследствие чего сосредоточимся в данной работе на всестороннем изучении проблем управления производственными запасами.

Производственные и товарные запасы подразделяются на текущие, страховые и сезонные [2, с. 188]. Текущие запасы – основная часть производственных и товарных запасов. Они обеспечивают непрерывность производственного и торгового процесса между очередными поставками. Страховые запасы предназначены для непрерывного обеспечения материалами или товарами производственного или торгового процесса в случае различных непредвиденных обстоятельств, например: отклонения в периодичности и величине партий поставок от предусмотренных договором; возможных задержек материалов или товаров в пути при доставке от поставщиков; непредвиденного возрастания спроса. Сезонные запасы образуются при сезонном характере производства, потребления или транспортировки. Примером сезонного характера производства может служить производство сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время в экономической литературе категория запасов описана достаточно полно и подробно. Однако необходимо выяснить, насколько необходимы запасы для предприятия, а также определить виды затрат, которые оно несет в связи с содержанием запасов

Объективная необходимость образования запасов связана с характером процессов производства и воспроизводства. Основной причиной образования запасов является несовпадение в пространстве и во времени производства и потребления материальных ресурсов [7, с. 109].

Необходимость образования запасов особенно важна в связи с непрерывным углублением разделения труда. Повышение производительности труда происходит вследствие расширения и углубления процессов специализации и кооперирования, в результате которых в процессе изготовления конечного продукта участвует все большее число предприятий. Необходимость перемещения между ними средств производства приводит к образованию все большего количества запасов как по величине, так и по номенклатуре.

Образование запасов связано также с необходимостью обеспечения непрерывности процесса производства на всех его стадиях. В процессе выполнения договоров поставки продукции и при ее транспортировке могут происходить отклонения от запланированных сроков и размеров партий поставки. В то же время питание производства должно осуществляться регулярно. Поэтому от наличия и состояния запасов, в первую очередь, зависит ритмичная работа предприятия. Наличие запасов позволяет бесперебойно обеспечивать выполнение установленной производственной программы. Отсутствие на предприятии материалов вследствие исчерпания запасов нарушает ритм работы производственного процесса, приводит к простоям оборудования или даже к необходимости перестройки технологического процесса.

Одной из причин создания запасов является также возможность колебания спроса (непредсказуемое увеличение интенсивности выходного потока). Спрос на какую-либо группу товаров можно предсказать с большой долей вероятности. Однако прогнозировать спрос на конкретный товар гораздо сложнее. Поэтому, если не иметь достаточного запаса товара либо исходных материалов для его изготовления в случае работы предприятия «на заказ», не исключена ситуация, когда платежеспособный спрос не будет удовлетворен, т.е. клиент уйдет с деньгами и без покупки [2, с.185]. Скидки за покупку крупной партии товаров также могут стать причиной создания запасов.

В современных условиях хозяйствования в России одной из основных проблем финансово-хозяйственной деятельности предприятий является проблема роста цен. Значительное удорожание материальных ресурсов, необходимых для производственного процесса, неблагоприятно сказывается на функционировании предприятия, ведет к перебоям в снабжении вплоть до остановки производственного процесса. Таким образом, вложение свободных средств в производственные запасы является одним из возможных способов избежания падения покупательной способности денег [3, с. 45]. С другой стороны, предприятие, сумевшее предвидеть инфляционные процессы в экономике, создает запас с целью получения прибыли за счет повышения рыночной цены. В данном случае речь идет о спекулятивном характере создания запасов [2, с. 186].

Процесс оформления каждого нового заказа на поставку материалов и комплектующих сопровождается рядом издержек административного характера (поиск поставщика, проведение переговоров с ним, командировки, междугородние переговоры и т.п.). Снизить эти затраты можно, сократив количество заказов, что равносильно увеличению объема заказываемой партии и, соответственно, повышению размера запаса [5, с. 134].

Сезонные колебания производства некоторых видов товаров приводят к тому, что предприятие создает запасы данной продукции, дабы избежать проблем в снабжении в неблагоприятные периоды. Кроме того, накопление запасов часто является вынужденной мерой снижения риска недопоставки (недоставки) сырья и материалов, необходимых для производственного процесса предприятия. Отметим, что в этой связи предприятие, ориентирующееся на одного основного поставщика, находится в более уязвимом положении, чем предприятие, строящее свою деятельность на договорах с несколькими поставщиками [7, с. 111].

Однако политика накопления материальных запасов ведет к значительному оттоку денежных средств предприятия из оборота. Зависимость эффективности производства от уровня и структуры запасов заключается в том, что предприятие несет определенные затраты на обеспечение сохранности запасов.

В современных работах по экономике предприятия и логистике выделяют следующие основные виды затрат, связанные с созданием и содержанием запасов [1, с. 158]:

- коммерческие затраты – проценты за кредит; страхование; налоги на капитал, вложенный в запасы;
- затраты на хранение – содержание складов (амортизация, отопление, освещение, заработная плата персоналу и т.д.); операции по перемещению запасов;
- затраты, связанные с риском потерь вследствие: устаревания, порчи, продажи по сниженным ценам, замедления темпов потребления данного вида материальных ресурсов;
- потери, связанные с упущенной выгодой от использования вложенных в производственные запасы средств в другие альтернативные направления: увеличение производственной мощности; снижение себестоимости продукции; капиталовложения в другие предприятия.

При этом долговременное содержание запасов, порой даже чрезмерной их величины, приводит к образованию на российских предприятиях так называемых «неликвидов» – запасов, которые не могут быть использованы ни на самом предприятии, ни реализованы сторонним потребителям [6, с. 88].

Таким образом, при многих положительных моментах создания запасов предприятие несет значительные расходы по их формированию и содержанию.

Литература

1. Ворст Й., Ревентлоу П. Экономика фирмы. Пер. с датского. М.: Высшая школа, 1994. 272 с.
2. Гаджинский А.М. Логистика. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 1999. 228 с.
3. Кейлер В. А. Экономика предприятия. М.: ИНФРА-М, Новосибирск: НГАЭиУ, 1999. 132 с.
4. Логистика. / Под ред. Б.А. Аникина. \ М.: ИНФРА-М, 1999. \ 327 с.
5. Неруш Ю. М. Коммерческая логистика. М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1997. 271 с.
6. Раицкий К.А. Экономика предприятия. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2000. 690 с.
7. Шевченко Н.С., Черных А.Ю., Тиньков С.А., Кузьбожев Э.Н. Управление затратами, оборотными средствами и производственными запасами. / Под ред. д.э.н., проф. Э.Н. Кузьбожева. Курск: Курск. гос. тех. ун-т, 2000. 154 с.

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ – ПРИОРИТЕТНАЯ ЗАДАЧА СТАНОВЛЕНИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Л.В. Тюленев, К.Г. Тюленев

Рыночная экономика, действующая по законам спроса и предложения – это система экономических отношений, включающая куплю-продажу товаров и услуг, осуществляемая с помощью денег в условиях плюрализма всех форм собственности, свободной конкуренции и ценообразования, обеспечивающая эффективность решения социально-экономических проблем. Как любая социально-экономическая система, это, прежде всего, совокупность элементов, обеспечивающих бесперебойное функционирование взаимосвязей объектов и субъектов данной системы. Инфраструктура, как некая подсистема рыночной системы, обеспечивает функционирование и взаимосвязи между элементами этой системы.

Применительно к рынку как к сложному многофункциональному механизму – это совокупность организационно-правовых форм, опосредствующих движение товаров и услуг, акты купли-продажи, а также совокупность институтов, систем, предприятий, обслуживающих рынок и выполняющих определенные операции по обеспечению нормального режима его функционирования.

Проблема формирования рыночной инфраструктуры чрезвычайно актуальна для стран с переходной экономикой, в том числе для России. Термин «рыночная инфраструктура» стал применяться в российской экономической литературе сравнительно недавно. Это объяснимо, так как потребность в инфраструктуре рыночного типа вне рыночной экономики не может не только реализовываться, но и вообще существовать.

Известно, что в нашей экономике инфраструктура товарных рынков была чисто условной и заменена централизованным натуральным распределением материальных и финансово-кредитных ресурсов, ставшим одним из устоев командно-административной системы. Эта, действующая долгие годы, система приспособила к своей сути и нуждам организационно-правовой и хозяйственный механизм, систему ценностей. Она подменяла реальное удовлетворение потребностей людей выполнением плана; ориентировалась на увеличение объема выпускаемой продукции при явной недооценке ее качества и эффективности использования; унификацией вытесняла разнообразие; беспрекословным подчинением – инициативу и свободу фактических производителей продукции; исполнительностью – творчество.

Неразработанность системы рыночной инфраструктуры в экономической науке нашей страны создает немалые трудности и для хозяйственной практики, поскольку она до сих пор лишена системы обоснованных рекомендаций по созданию адекватной условиям России инфраструктуры, учитывающей как мировой опыт, так и наши способности. Проблема инфраструктуры рынка – одна из центральных в государственной политике развития страны, получившая свое отражение во многих правительственных документах.

Современное функциональное содержание инфраструктуры экономики включает в себя ряд блоков, определяющих эффективность ее функционирования. Важнейшие из них – производственная, социально-бытовая и институциональная инфраструктуры.

Производственная инфраструктура – совокупность отраслей и подотраслей, основными функциями которых являются производственные услуги и обеспечение экономического оборота в народном хозяйстве. Они создают общие условия для размещения и успешного функционирования общественного производства. Важнейшими элементами современного общественного производства являются транспорт всех видов, средства связи, материально-техническое снабжение и система продвижения товаров, объекты электроэнергетики.

Социально-сбытовая инфраструктура – это совокупность отраслей и подотраслей, обеспечивающих материальные и культурно-бытовые условия для размещения и нормальной жизнедеятельности населения. Часто социально-бытовую инфраструктуру называют сферой производства услуг и духовных благ. Сюда входят такие отрасли, как народное образование, здравоохранение, культура и искусство, физкультура и спорт. Бытовая инфраструктура создает жилищно-бытовые условия для жизни и деятельности населения. Эта часть инфраструк-

туры более всего зависит от уровня развития материального производства. Ускорению ее развития должны способствовать также достижения современной научно-технической революции. Достигнутые результаты нагляднее всего видны на развитии торговли и общественного питания, средств пассажирского транспорта и связи, жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения.

Институциональная инфраструктура включает учреждения, обеспечивающие управление народным хозяйством страны и формируется из организаций, регулирующих и направляющих экономику, вычислительных центров, учреждений финансово-кредитной системы. Отличительная особенность институциональной инфраструктуры состоит в том, что она не выступает как самостоятельная отрасль или подотрасль, а обслуживает их в роли управляющей подсистемы.

Как правило, создание условий для развития рыночной инфраструктуры, без которой рынок не может существовать, во многом зависит от государства. Государство призвано корректировать те «несовершенства», которые присущи рыночному механизму и с которыми он сам либо справиться не в состоянии, либо это решение не совсем эффективно.

Государство берет на себя ответственность за создание равных условий для соперничества предпринимателей, для эффективной конкуренции, за ограничение власти монополий. Оно также заботится о производстве достаточного количества общественных товаров и услуг, так как рыночный механизм не всегда в состоянии должным образом удовлетворять коллективные потребности людей.

Участие государства в экономической жизни диктуется еще и тем, что рынок не обеспечивает социально справедливое распределение дохода. Поскольку рынок не гарантирует право на труд, государству приходится регулировать рынок труда. Ему также принадлежит сфера фундаментальных научных разработок.

В целом государство реализует политические и социально-экономические принципы данного сообщества граждан и активно участвует в формировании макроэкономических рыночных процессов.

В общем комплексе проблем современного реформирования российской экономики важную роль играет процесс становления и создания инфраструктуры предпринимательства. Это особый антибюрократический стиль хозяйствования, в основе которого лежит умение привлекать и использовать в условиях конкуренции ресурсы из самых разнообразных источников. Предпринимательство предусматривает персональную экономическую ответственность работника за результаты деятельности.

Эмпирическое понятие предпринимательства – осуществление не стандартной (повторяющейся), а продуктивной экономической деятельности, освоение новых рынков, новых товаров и услуг, новых финансовых и материальных ресурсов, организационных новшеств.

Становление предпринимательства, развитие его инфраструктуры приобретают исключительную актуальность и считаются одними из наиболее перспективных направлений рыночных преобразований в России. Как показывает зарубежный опыт, предпринимательство, действующее в конкретной среде, играет важную роль в увеличении объема производства, расширении ассортимента товаров и услуг, повышении качества продукции.

Огромный по своим масштабам и сложности процесс перехода к рыночной экономике определяет необходимость формирования инфраструктуры соответствующей системы подготовки и переподготовки кадров в области экономико-упраленческих дисциплин, что можно назвать «бизнес-образование». Принципы рыночной экономики предъявляют более высокие и качественно иные, чем прежде, требования к активности, компетентности, деловитости, организованности и целеустремленности руководящих кадров управления. Важной задачей в этом плане является освоение новых информационных технологий, так как современное производство основано на передовых информационных технологиях и характеризуется высокой наукоемкостью. На сегодняшний день даже малый и средний бизнес используют в предпринимательской деятельности современную вычислительную и информационную технику.

Одним из условий успешного развития рыночной системы в стране является наличие соответствующей инфраструктуры страхового рынка. Она должна включать в себя систему перестрахования, страховые пулы и другие объединения страховщиков, страховых посредников, аудиторов, информационно-аналитические центры, рейтинговые агентства, организации по подготовке и переподготовке кадров. Задача государства состоит в организации и регламентировании деятельности вышеуказанных структур. Кроме того, необходимо установление квалификационных требований к лицам, занимающим ключевые позиции на страховом рынке, в организации их аттестации, в разработке и утверждении программ их обучения, так как успешное функционирование страховой системы во многом зависит от квалификации специалистов, работающих в страховых организациях и в других структурах, связанных со страховым рынком.

Переход к рыночным отношениям еще не закончен, многие рыночные механизмы и законы еще не сформировались, действуют не в полную силу. Чтобы успешно завершить переходный процесс и прийти к стабильному урегулированному рынку, необходимо тщательно изучать создаваемые рыночные инфраструктуры, оценивать их достоинства и недостатки, вырабатывать стратегические направления развития. Формирование современной рыночной инфраструктуры должно стать приоритетной задачей экономического преобразования страны.

Важным моментом в этом плане является изучение зарубежного опыта. Однако прямое переложение зарубежного опыта на российскую действительность недопустимо, так как необходимо учитывать российскую специфику, организацию хозяйствования.

Литература

1. Введение в рыночную экономику./ Под ред. А.Я. Лившиц, И.Н. Никулиной. М., 1994.
2. Кириялова О.Ю. Эффективность формы и ее инфраструктуры. // Управление персоналом. 1997. №4.

ЛОГИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ТРАНСПОРТНЫМ ОПЕРАЦИЯМ

Л.В. Тюленев, К.Г. Тюленев

В системе единого народнохозяйственного комплекса страны транспорт занимает особое место. Он является одной из отраслей, формирующих инфраструктуру народного хозяйства. Рост масштабов общественного производства, расширение сфер промышленного использования природных ресурсов, развитие экономических и культурных связей как внутри страны, так и с зарубежными странами, требования обороноспособности страны не могут быть обеспечены без мощного развития всех видов транспорта и широко разветвленной сети путей сообщения. Для России, занимающей громадную территорию и имеющей огромные расстояния между границами, значение транспортной системы исключительно велико.

Тенденции развития автотранспортной отрасли определены в утвержденной «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года», в которой поставлены цели и зафиксированы основные направления транспортной политики России на обозначенный период.

В стратегии поставлена задача ликвидации основных разрывов и узких мест в транспортной сети. С этой целью планируется реализовать комплекс инфраструктурных проектов, направленных на развитие транспортной сети, что позволит различным видам транспорта органично дополнять друг друга, создавая сетевой системный эффект.

Одно из направлений – повышение конкурентоспособности российских перевозчиков на рынке транспортных услуг. Реализация мероприятий Стратегии позволит России укрепить позиции перевозчиков на мировом транспортном рынке.

Инструментом реализации Стратегии являются федеральные и ведомственные целевые программы, включающие мероприятия инвестиционного, инновационного и организационно-правового характера.

Как отрасль народного хозяйства транспорт тесно связан с внутренним и международным, естественным и искусственным путями сообщения. Транспортный процесс, будучи обязательным продолжением любого производственного процесса промышленности и сельского хозяйства, имеет внутриотраслевое разделение на наземный транспорт (железнодорожный, автомобильный, трубопроводный), водный (морской, речной, озерный) и воздушный (авиационный).

Для реализации транспортной услуги в транспортном процессе действуют и взаимодополняют друг друга две составные производственные технологические составляющие – линейное перемещение груза и транспортно-экспедиторское обслуживание грузооборота.

Начиная с 60-х годов в транспорте происходит процесс научно-технической революции, который отразился непосредственно на транспортно-экспедиторском обслуживании. Повышение грузоподъемности и специализации транспортных средств, а так же создание мощных автоматизированных перевалочных комплексов обеспечило внедрение технологий морских перевозок грузов в супертанкерах, автомобилевозах, рефрижераторах и т.д.; сухопутных перевозок специализированными железнодорожным и автомобильным транспортом. Следующим шагом явилась «контейнеризация перевозок» - переход на перевозку штучных и отдельных навалочных грузов укрупненными местами в контейнерах судами-контейнеровозами, а так же контейнерными маршрутными поездами и скоростными мощными автотягачами в сцепе с контейнерными шасси.

Так называемая контейнеризация международных грузопотоков произвела глубокие изменения не только в материально-технической базе транспорта, но и в организации и коммерческой практике международных перевозок. Клиенты и операторы контейнерных перевозок отказались от традиционной системы доставки груза каждым видом транспорта изолированно друг от друга, перейдя к интегрированной мультимодальной перевозке. Мультимодальная перевозка на всем своем протяжении выполняется по единому транспортному документу (мультимодальному коносаменту), на ответственности одного перевозчика и с оплатой единой сквозной ставки провозной платы.

Развитие международных рыночных отношений на современном этапе потребовало кардинального изменения старых принципов и методов организации транспортных операций, а так же формирования новых подходов к их проведению. Решением этих сложных взаимосвязанных задач призванно заниматься активно развивающееся научно-практическое направление – *логистика*.

Методы логистики объединяют организацию и управление различными фазами, стадиями и аспектами экономической деятельности. Часто используют следующее определение: «Логистика – наука об управлении информационными и материальными потоками в процессе движения товаров». Интерес к ней обусловлен потребностями развития экономики и бизнеса, возросшими объемами грузовых перевозок. Логистику с успехом применяют на практике наиболее эффективно функционирующие предприятия, транспортные компании, фирмы и объединения.

Использование транспортной логистики как метода решения транспортных задач с точным расчетом, в том числе времени, несомненно, обеспечит эффективность выполнения всего процесса.

Транспортная логистика – создание возможности освоения грузопотоков с минимальными общими затратами при соответствующем обеспечении сопровождающих информационных потоков и при соблюдении определенных условий. В более широком смысле комплексное понятие транспортной логистики включает в себя технические (сооружения и средства), экономические (планирование, управление потоками и маркетинг), информационные (сбор, обработка и выдача информации), юридические (нормативно-правовые основы взаимодействия), финансовые (стоимость логистических услуг и их экономическая эффективность) и другие аспекты.

Основной задачей транспортной логистики является разработка решений для повышения эффективной работы системы или отдельного вида транспорта, увеличения доли транспортного рынка и создания конкурентных преимуществ независимо от уровня функционирования. Конечным продуктом всех решений является вовремя доставленный груз. Компонентами транспортной логистики являются грузы, транспорт, терминалы и склады, все виды обеспечения и обслуживания. Все компоненты логистической цепи зависят друг от друга и только при оптимизации могут достигнуть высокого уровня хозяйствования. Развитие логистики в последнее десятилетие видоизменило перечисленные компоненты. Полная информация не ограничивается узкими данными по одному звену транспортной цепи. Она включает параметры транспортного рынка и конкурентов. Терминалы и склады трансформировались в логистические центры, экспедиционное обслуживание в интегрального оператора мультимодальных перевозок и т.д.

Функции транспортной логистики определяются ее происхождением как объединяющей и координирующей системы в перевозочном процессе и замыкаются на понятиях: транспортировка, запасы, складирование, экспедирование, информация и другие (кадры, реклама) понятия.

Наиболее эффективную организацию распределения производимой продукции обеспечивает сбытовая (распределительная) логистика, которая является неотъемлемой частью общей логистической системы. Она охватывает всю сеть системы распределения: маркетинг, транспортировка, складирование и т.д. Основная цель логистической системы распределения – доставить товар в нужное место и в нужное время. В отличие от маркетинга, который занимается выявлением и стимулированием спроса, логистика призвана удовлетворить сформированный маркетингом спрос с минимальными затратами.

С управленческой точки зрения хозяйственные процессы можно рассмотреть как потоки товаров, финансов, любых других ресурсов. Построение логистической системы для координирования и оптимизации вышеперечисленных потоков, в том числе потоков информации, требует применения особого подхода к ее созданию и использованию.

При планировании таких сложных логистических структур широкое применение находит разнообразная компьютерная информация и системы планирования процессов логисти-

ки. Все они предполагают использование ряда моделей, позволяющих выстроить многоступенчатую логистическую систему.

Сегодня упраленческие функции можно представить как ряд технологических цепочек, среди которых можно выделить главную цепь компании и ряд побочных, вспомогательных цепей. Они охватывают в себе все этапы делового цикла компании: от закупки до реализации товара.

Ориентация рынка на потребителя требует гибкости в выполнении желаний клиента и соответствующем предложении товаров и услуг, что означает доставку груза в нужное время в нужном месте с дальнейшей возможностью расширения товарного предложения клиентам. Главными элементами такой ориентации является внешняя служба, выходящая на клиента, сервис, послепродажная помощь и обслуживание. Элементы ориентированного рынка могут быть интегрированы с помощью логистики.

Большое значение логистика имеет для холдингов и финансово-промышленных групп, т.е. компаний и предприятий, имеющих в своем составе дочерние фирмы и филиалы. В этом случае целесообразно создание логистических систем, охватывающих деятельность всего холдинга в целом. Все аспекты логистических операций должны быть непосредственно связаны со стратегическим планом компании. Это главное условие достижения высоких прибылей от применения логистики.

Литература

1. Науменко А.А. Государственно-частное партнерство: новые концепции развития транспортной инфраструктуры. // Информационно-аналитический журнал «Вестник ЕАТС». 15.04.2003.
2. Новиков О.А., Уваров С.А. Коммерческая логистика. / Учеб пособие. СПб, 1995.

ЗАДАЧИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ И ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РФ

Ф.Ю. Игошин

В современных условиях основной тенденцией в области издательского дела является внутриорганизационное объединение сразу двух или, иногда трех видов экономической деятельности, входящих в состав издательского дела, – это совмещение в рамках одного предприятия непосредственно издательской деятельности, полиграфического производства и розничной книготорговли. Каждый из перечисленных видов деятельности относится к разным отраслям; а полиграфия, согласно ОКОНХ, вообще является самостоятельной отраслью. Таким образом, основной тенденцией в издательском деле на современном этапе является межотраслевая интеграция.

Интеграционный процесс характеризуется внутриорганизационным объединением издательской деятельности и полиграфии, либо издательской деятельности и розничной торговли, либо полиграфии и торговли, либо всех трех видов деятельности сразу (оптовая реализация своей продукции – необходимая часть функционирования практически любого предприятия, поэтому она не является в данном случае особым видом экономической деятельности и не рассматривается как составная часть интеграционного процесса). Наиболее распространенными являются на сегодняшний день предприятия второго типа – это крупные издательства, имеющие собственные отдельные торговые точки или разветвленные торговые сети.

Издательско-торговые комплексы занимаются, как правило, изданием книг, и к прочей издательской продукции имеют косвенное отношение. Однако именно эти организации занимают на сегодняшний день лидирующее положение на рынке. В числе крупных издательств, имеющих разветвленные торговые сети, следует отметить «АСТ» (торговые сети «Буква» и «Престиж-книга»), «Эксмо» (торговая сеть «Буквоед»), «Азбука» (торговая сеть «Снарк»), «Нева» и некоторые другие. Предприятия, представляющие собой комбинацию издательской деятельности и полиграфии, также широко распространены и носят название издательско-полиграфических комплексов (ИПК).

Издательско-полиграфический комплекс – это интегрированное предприятие, занимающееся предоставлением полиграфической базы для выпуска газет, книг, брошюр, журналов, этикеточной, изобразительной и бланочной продукции, упаковочной продукции, товаров народного потребления и печатных изданий любого вида; издательской подготовкой и выпуском собственных изданий газет, рекламных приложений, календарной продукции, книг, буклетов и печатных изданий любого вида; издательской разработкой оригинал-макетов на различную продукцию; распространением и реализацией печатных изданий любого вида, школьно-письменных принадлежностей и канцтоваров в магазинах и киосках издательства, оптовой торговлей с целью извлечения прибыли. Крупных издательско-полиграфических комплексов сегодня насчитывается в России около 40, причем большинство из них основаны на базе именно бывших отдельных типографий и в гораздо меньшей степени – на базе отдельных издательств. Некоторые издательско-полиграфические комплексы также имеют собственные торговые точки и торговые сети.

Однако издательско-полиграфические комплексы на сегодняшний день несколько уступают в обороте издательско-торговым домам, поскольку имеют не столь развитые торговые сети и магазины, что, как представляется, является делом времени. Подобная ситуация обусловлена тем, что издательско-торговые дома создавались на базе издательств и сразу старались внедриться в торговлю как в более прибыльную сферу деятельности, чем полиграфия. ИПК создавались, как отмечалось выше, в основном на базе типографий, но без освоения издательской деятельности и производства собственной (не заказной) конкурентоспособной продукции они практически не могли иметь больших шансов в сфере розничной торговли. Теперь же, когда процесс освоения ими издательской деятельности резко активи-

зируется, следует ожидать их интенсивного развития и в сфере торговли. Значительно также число ИПК, возникших на базе издательств, которые сочли более перспективным развитие вначале в сфере полиграфии, а уже затем в сфере торговли, либо имевшие наилучшие возможности для развития именно в этом направлении. Следует отметить при этом их потенциальное преимущество перед издательско-торговыми фирмами, заключающееся в том, что ИПК более универсальны и, помимо выпуска книг, производят журналы, газеты и прочую издательскую продукцию.

На сегодняшний день наиболее крупными издательско-промышленными комплексами являются ИПК Ульяновский дом печати, ИПК «Лениздат» (СПб), ИПК «Дальпресс» (Владивосток), ИПК «Звезда» (Пермь), издательско-полиграфическая фирма «Воронеж» и другие.

В 2005–2006 гг. в России в полиграфической промышленности наблюдается спад темпов роста, особенно в области производства книжной продукции. Рост сохраняется главным образом в силу развитости рынка прессы и рынка изобразительной и этикеточной продукции, прогрессирующих, в основном, за счет рекламы, однако его темпы снизились и в областях производства журнальной и газетной продукции. Во многом это обусловлено отсутствием государственной протекционистской политики по отношению к отечественной (и, прежде всего, государственной) полиграфии: несмотря на значительное техническое усовершенствование российских полиграфических предприятий, наблюдавшееся в последние годы, зарубежные типографии имеют существенные конкурентные преимущества в глазах отечественных издателей. Эти негативные тенденции объясняются следующими причинами:

1. Неудовлетворительное состояние отечественного рынка бумаги. Оно выражается в огромных масштабах выпуска газетной бумаги, сильно превышающих потребности полиграфии, и фактическом отсутствии выпуска мелованной бумаги, требуемой для производства красочной, глянцевой рекламной и журнальной продукции, пользующейся сегодня наибольшим спросом; как следствие – экспорт 2/3 всей дешевой газетной бумаги за рубеж и импорт мелованных сортов и картона. При этом сложилась олигополия производителей газетной бумаги, установивших цены на рынке на уровне, сильно превышающем мировой.

2. Высокие таможенные пошлины и ввозной НДС. Благодаря этому импорт бумаги из-за рубежа еще более невыгоден, чем закупка дорогой отечественной бумаги. Кроме того, этим обусловлены неравные налоговые и хозяйственные условия для полиграфических предприятий по сравнению с зарубежными конкурентами, что предопределяет более высокий, чем за рубежом, уровень цен на аналогичные услуги. Как следствие, зарубежные полиграфические предприятия имеют в настоящее время явные конкурентные преимущества перед российскими типографиями при получении российских же заказов.

3. Высокий износ материально-технической базы и отсутствие в России полиграфического машиностроения. Следствие – вынужденный масштабный импорт полиграфического оборудования из-за рубежа, отличающегося большой технологической сложностью и высокой стоимостью, при ввозе в страну облагается таможенной пошлиной в размере 5% и НДС по базовой ставке от таможенной стоимости товара. Единовременная уплата этих обязательных платежей зачастую становится для российских полиграфических предприятий непреодолимой преградой к обновлению основных производственных мощностей и значительно увеличивает стоимость производимой ими конечной продукции.

Разумеется, решение данных проблем невозможно без наличия в РФ мер государственного протекционизма, направленных на поддержку производства современной периодической печати в стране. Оптимальным решением в этом смысле представляется введение таможенной пошлины на экспорт из Российской Федерации газетной бумаги в размере разницы между ее ценой на внутреннем и внешнем рынках, при одновременной отмене (по аналогии с ввозом в РФ готовой печатной продукцией не рекламного и неэротического характера) таможенных пошлин и НДС на импортируемые в Российскую Федерацию печатные сорта бумаги, краски и другие расходные материалы для полиграфического производства. Что касается импорта в РФ нового полиграфического оборудования и запасных частей к нему, то здесь можно было бы, как минимум, ограничиться отсрочкой оплаты обязательных тамо-

женных платежей и платежей по НДС до завершения монтажа этого оборудования и начала его эксплуатации.

Во многом решение этих проблем осуществимо за счет межотраслевой интеграции и функционирования крупных издательско-полиграфических комплексов. Перечисленными выше факторами может быть обусловлена нехватка оборотных средств и ликвидности для большинства полиграфических предприятий, справиться с которыми, несомненно, будет легче издательско-полиграфическим комплексам, располагающими явными преимуществами для привлечения льготных кредитных ресурсов. Развитие издательско-полиграфических комплексов поможет создать более благоприятный инвестиционный климат в стране в области полиграфии. С развитием ИПК появится возможность заключать более выгодные сделки с производителями бумаги, чем это возможно для отдельных мелких предприятий.

Кроме того, как сами по себе издательско-полиграфические комплексы, так и их объединения в форме предпринимательских союзов и ассоциаций могут оказывать давление на принятие государственных решений в области издательского дела. И здесь, как уже отмечалось, первая задача состоит в том, чтобы в рамках частно-государственного партнерства реализовать интеграционные процессы в отрасли, содействовать дальнейшей концентрации активов, а вторая – в системном освоении мирового рынка полиграфических работ. В системе крупных холдинговых образований в полиграфии сделать это не только реально, но и необходимо.

Для успешного использования потенциала межотраслевой интеграции при формировании ИПК необходимо рассматривать их как объект стратегического управления и применять методологию стратегического менеджмента.

Литература

1. Коггс Д. Управление инфраструктурой организации. М.: Типография «Новости», 2001.
2. Развитие корпоративных форм хозяйствования в России / Материалы к международной конференции 3-5.11.1997 г., г. Москва. М.: МАЦ МАКУ, 1997.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЫНКА ТРУДА РОССИИ

А.Д. Макаров, С.Е. Шагалов, А.Д. Шматко

В отличие от большинства стран Восточной Европы преобразования на рынке труда в России характеризовались сравнительно умеренным ростом безработицы на начальном этапе: только во второй половине девяностых годов уровень безработицы, по определению Международной организации труда, превысил 10%, при этом зарегистрированная безработица по-прежнему оставалась низкой. В то же время наблюдаются значительные перемещения с одного места работы на другое и высокая доля выбывших из состава рабочей силы. Изменения в уровне заработной платы значительно превышают изменения в уровне занятости, особенно если учесть неплатежи и выдачу зарплаты товарами. Считается, что приспособление происходит, в основном, за счет изменения заработной платы, а не уровня занятости. Тем не менее, механизм приспосабливания не столь очевиден.

Как и для большинства стран переходной экономики, для России характерна стагнация пула безработных. В то же время немногое известно о том, кто составляет категорию длительно безработных, так же как о факторах, определяющих вероятность выхода из безработицы, или возвращения в это состояние. Влияние государственных программ занятости, пассивных и активных, на длительность пребывания в безработице, также требует эмпирического исследования. Стандартная теория поиска говорит, что вероятность найти работу возрастает по мере истечения срока выплаты пособия по безработице. Однако подобного рода зависимость может не сохраняться применительно к России. Учитывая то разрушающее влияние, которое имеет длительное пребывание в состоянии безработицы на индивида и на общество в целом, понимание процессов важно для разработки социальной политики и для общественного согласия [1].

Российская экономика активно развивается, и рынок труда реагирует ростом потребностей на все категории персонала – от рабочих до топ-менеджеров. Эксперты прогнозируют, что через пять-шесть лет на рынке может возникнуть острый дефицит молодых специалистов. Такая ситуация связана с демографическим кризисом в стране, что ведет к постоянному уменьшению доли трудоспособного населения – граждан в возрасте от 25 до 40 лет.

Значительные резервы оптимизации процесса социального и профессионального становления молодого поколения кроются в совершенствовании системы образования. Образование как социальное явление и процесс, как социальная система, наконец, как социальный институт, являясь элементом общества, испытывает на себе практически все изменения, происходящие в нем. Переходный характер процессов, происходящих в нашей стране, экономические, политические, социальные реформы, связанные с демократизацией общества, его движением к доминированию рыночных отношений, не могли не повлиять на социальный институт образования в целом и его конкретные подсистемы в частности. Рассмотрим место системы образования в системе социальных отношений и процессов с точки зрения социологического подхода [2].

За 15 лет рыночных преобразований рынок труда изменился коренным образом. Система образования перешла почти полностью на коммерческую основу. В результате таких изменений студент, а скорее, его родители даже при хороших результатах вступительных экзаменов должны платить за учебу. Небольшой процент студентов медицинских и технических специальностей имеют возможность учиться за счет государства и получать стипендию. Государственные учреждения не предоставляют учебным заведениям временные рабочие места, в результате чего студенту приходится самостоятельно искать работу. Более того, учебное заведение не может предоставить рабочее место выпускнику, а рынок труда ставит свои критерии на свободные вакансии, в числе которых требуется опыт работы.

С государственного фактора, играющего раньше решающую роль в поиске работы для студента, акцент сместился на личностный фактор. В современных условиях эффективность поиска работы зависит от личных и профессиональных качеств студента. Это обусловлено не только особенностью модернизации высшего образования, но и от новых рыночных услови-

ях и в частности новых критериев рынка труда. В этой связи возникает серьезная проблема – восстановить доступные способы трудоустройства студентов во время учебы и на каникулах и, одновременно, искать новые способы трудоустройства студентов, в число которых входит сотрудничество с государственными и коммерческими компаниями, агентствами по трудоустройству: поиск работы через Интернет и специальные газеты. И самое главное – помочь студентам правильно выбирать методы для самостоятельного поиска работы.

По мнению представителей департамента занятости г. Москвы, через пять-шесть лет будут в цене специалисты сферы услуг, социальные психологи и кадровики. Представители Центра исследования населения Института экономики РАН отмечают тенденцию увеличения спроса на инженерно-технических работников высокой квалификации. Последнее мнение обосновано тем, что рост промышленного производства в стране на фоне снижения качества технического образования (имеется в виду среднее специальное образование) приводит к тому, что рынок пока не в состоянии адекватно ответить на подобные запросы работодателей. Все это привело к тому, что сейчас, когда на производстве средний возраст технических специалистов приближается к предпенсионному, кадрового резерва у компаний фактически нет.

Политика занятости как важнейшая составляющая социальной политики должна быть направлена на реализацию мер, способствующих созданию условий для возможно более полного использования потенциала трудовой и деловой активности трудоспособных граждан и противодействующих обеднению населения и массовой безработице.

Внедрение любой инновации требует системного подхода. При этом процессы функционирования и развития системы профессионального образования носят вероятностный характер, что существенно осложняет разработку квалификационных характеристик, образовательных программ и прочей нормативно-правовой документации, позволяющей отслеживать и своевременно корректировать содержательный компонент образования;

В этой связи автором разработаны графические модели организации профессионального образования «как есть» и «как должно быть», показывающие связи между объектами системы профессионального образования (рис. 1, 2).

В модели «как должно быть» предусмотрены связи профессиональной ориентации и психологической поддержки населения. В связи с ростом безработицы и эволюцией рынка труда профориентация охватывает элементы знаний о безработице, досуге, социальных услугах. Она становится важным инструментом социального регулирования, способствующим адаптации человека к тем перспективам выбора профессии, которые реально для него открыты через профессиональную подготовку и переподготовку.

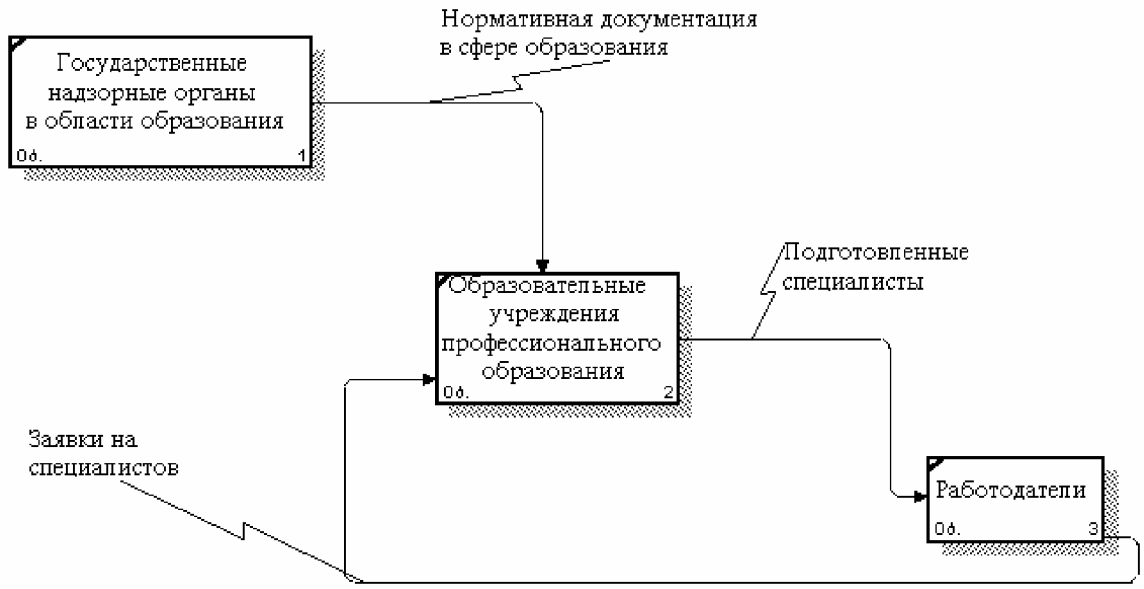


Рис. 1. Графическая модель системы профессионального образования «как есть» (нотация IDEF0)

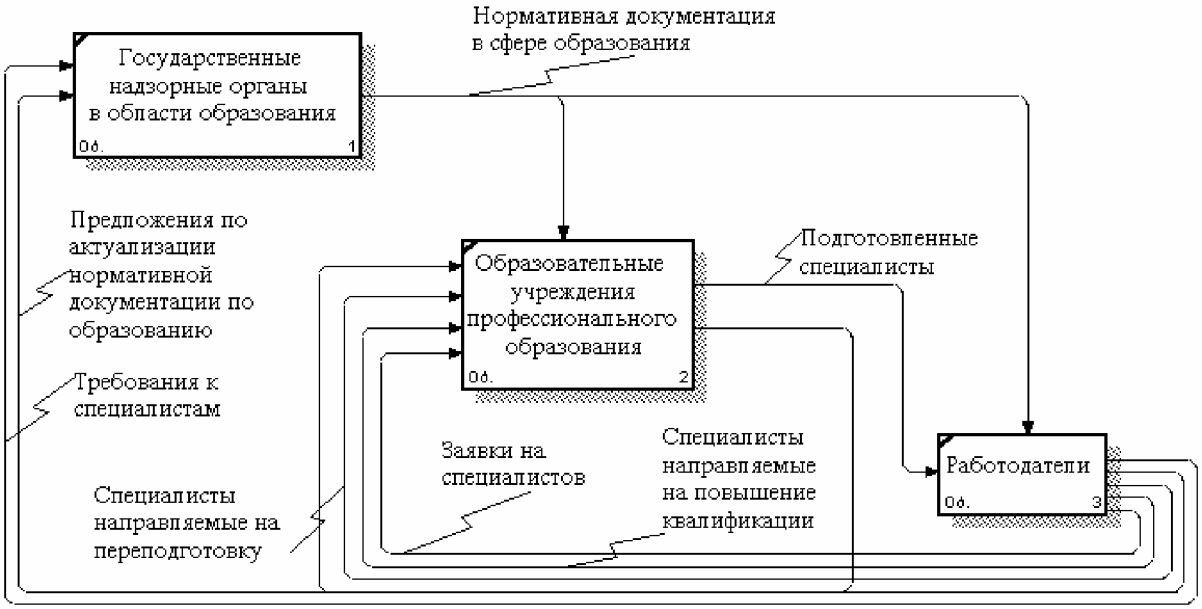


Рис. 2. Графическая модель системы профессионального образования «как должно быть» (нотация IDEF0)

На сегодняшний день назрела необходимость восстановить оперативную связь между профессиональным образованием и профессиональным трудом, равновесие между рынком профессий и рынком труда; включить в программу профессиональных учебных заведениях специальный профориентационный курс, направленный на адаптацию студентов к рынку труда. Подбор персонала, прогнозирование профессионального роста, повышение квалификации персонала, регулирование взаимоотношений в коллективе – все это невозможно осуществить без психологической диагностики, консультирования, тренингов, деловых игр – социально-психологических факторов управления.

В новых условиях государственная политика занятости должна быть еще более тесно взаимосвязана с общими направлениями социально-экономического развития общества. В практической деятельности это означает обязательный учет интересов занятости населения при принятии решений в области инвестиционной, налоговой и финансово-кредитной политики, при реализации производственных, научно-технических и социальных программ [3].

Литература

1. Иванов С.И., Шагалов С.Е. Характеристика преобразований на рынке труда в России / Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России. Выпуск 1. Межвузовский сборник научных трудов. СПб.: Изд-во ВАТТ, 2006 191 с. С. 92–95.

2. Шагалов С.Е. Идентификация взаимосвязи рынка труда и системы высшего образования / Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России. Выпуск 1. Межвузовский сборник научных трудов. СПб.: Изд-во ВАТТ, 2006. 191 с. С. 97–101.

3. Шагалов С.Е. Особенности рынка труда в современной России / Институциональные преобразование в России и структурная перестройка экономики: Коллективная монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А, И. Герцена, 2003. 267 с. С. 110–115.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ СИСТЕМ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ПРЕДПРИЯТИЙ

А.Д. Макаров, Р.Ю. Назмеев, А.Д. Шматко

В последние годы теория менеджмента перешла от разработки последовательных мероприятий к одновременной работе над проектами. Инженерно-технические работы, насколько возможно, выполняются параллельно, с максимальным взаимодействием, что позволяет улучшить качество результата и сократить время разработки. Показательно, что простая модификация взаимосвязей процессов – системная организационная идея – может привести к заметным положительным результатам. Значимость одновременной работы обусловлена не изменениями отдельных процессов, а изменением их взаимосвязей. Значительное сокращение времени выхода на рынок при одновременном проектировании может быть достигнуто лишь путем модификаций в организации цикла разработки, а не отдельных процессов в цикле, и только посредством вмешательства высшего руководства, а не изменений внутри системы.

За последние несколько лет, особенно с распространением моделей TQM, берущих начало в моделях премий по качеству, произошло некоторое ослабление внимания к системному взгляду на организацию. Причина, видимо, лежит в высшем влиянии процессов на результаты деятельности, что ведет к необходимости отойти от «вертикального» управления компанией. Но, как нередко бывает, хорошая идея доводится до крайности, порождая другие проблемы. Поскольку «горизонтальное» управление, основанное на процессах, правомерно лишь как часть системного подхода, высвечивающего взаимосвязи подразделений.

В 50-60-е гг. XX века концепция жизненного цикла изделия сформировала рациональную основу обеспечения качества. Акцент на процессах, происходящих в разных фазах жизненного цикла продукции, позволил создать фундамент для развития политики обеспечения качества (не только главного результата жизненного цикла — самого изделия, но и результатов различных фаз цикла: разработки, закупок, производства и обслуживания). В основе этой стратегии лежит целостный, системный взгляд на организацию, ее ресурсы и процессы.

Очевидно, что, если рассматривать организацию как объект, одной из важнейших характеристик такого объекта является цель организации. На сегодняшний момент в различных источниках понятие цели организации раскрывается с разной степенью широты. Пожалуй, наиболее объемное понятие приводится у Т. Конти [1].

На рис. 1 схематично показаны цели компании. Видно, что основная задача компании заключается в достижении ряда кратко и долгосрочных целей, связанных с бизнесом и заботой об имидже (термин «имидж» включает всесторонний взгляд на компанию: как она выглядит и как стремится выглядеть). Компания функционирует благодаря вкладам разнообразных заинтересованных групп, которые взамен, естественно, рассчитывают, что будут оправданы их законные ожидания, причем не только экономические. От компании ждут возможности для самореализации работников, начиная с руководителей, прозрачных отношений с партнерами по бизнесу, заботы об окружающей среде и развитии социальной сферы, вклада в управление обществом. Кроме того, рис. 1 показывает, что удовлетворение потребителей – фундаментальная цель компании, если она хочет достичь своих целей в бизнесе и имидже.

Исследуя поведение организации, отвечающее поставленным целям, можно рассматривать различные логические схемы, структуры, разделение организации на подразделения и т.д. С позиции общей теории систем следует рассматривать поведение организации, определяемое решениями, принимаемыми, в первую очередь, руководством организации, а в принципе – всеми сотрудниками организациями. Очевидно, что если решения, принимаемые персоналом организации взаимосвязаны, то мы будем иметь с системой решения проблем, т.е. системой управления предприятия.

Предложенный в модели стандарта ИСО 9000:2000 процессный подход предполагает определяющую роль деятельности по постоянному улучшению. Исходя из этой предпосылки, следует рассмотреть, какая методология наилучшим образом отвечает задачам реализации, разработки и измерения результатов этой деятельности. Анализ деятельности по посто-

янному улучшению на предприятиях показывает, что обычно в компаниях улучшения осуществляются медленно. Несмотря на наличие многочисленных программ, методов и инструментов, многие компании не могут в ходе работы найти оптимальные средства для ускорения этого процесса. По данным обзора, опубликованного в декабрьском номере журнала «Industry Week» за 2000 г., более половины опрошенных компаний не смогли подняться до 98 % по показателю своевременности поставки продукции, а три четверти не смогли сократить время на выполнение основных операций даже на 20 % в течение предыдущих пяти лет. Удручающей была и другая статистика. Около 77 % респондентов сообщили, что затраты на исправление брака и отходы превышают 1% стоимости реализуемой продукции. Аналогичные данные приводятся и в других обзорах, и нельзя не придти к заключению, что улучшения осуществляются крайне медленно.

Рис. 1. Цели организации

Медленный характер процесса улучшений можно объяснить двумя причинами. Первым и наиболее распространенным объяснением является то, что улучшение качества требует снижения изменчивости процессов, т.е. повышения их стабильности. Этот вывод относят к открытиям Деминга. Он был убежден, что подлинная суть менеджмента – постоянно поддерживать стабильность процессов, лежащих в основе деловой активности.

Вторым важным аспектом деятельности по улучшению, о котором часто забывают, является ускорение процессов за счет сокращения потерь времени и уменьшения числа операций, не ведущих к созданию добавленной ценности. Одновременные усилия по улучшению результатов деятельности в двух этих направлениях, т.е. устранение причин, обусловливающих снижение качества, и сокращение времени процесса, более эффективны для быстрой реализации улучшения.

Поскольку стоимость плохого качества (Cost Poor of Quality) медленно текущих процессов, как правило, скрыта в накладных расходах, ее часто называют «скрытым производством» (hidden factory). Минимизация стоимости «скрытого производства» за счет повышения качества и ускорения процессов может дать значительное сокращение издержек производства. Дополнительное преимущество состоит в том, что ускорение процессов изготовления и по-

ставки продукции ведет к повышению доходов, так как потребитель всегда предпочтет иметь дело с более быстро работающим и гибким поставщиком.

Осознание важности одновременного повышения качества и скорости процессов ведет к созданию более эффективной системы производства, где материальные ресурсы используются только для обеспечения последующих процессов. Сокращение потребления материальных ресурсов за счет ускорения производства сохраняет оборотные фонды и позволяет направлять их на нововведения и другие цели.

Повышение производительности путем непрерывного сокращения материальных ресурсов, используемых для производства определенных партий продукции, открывает пути улучшения системы производства. Если принять, что успех в бизнесе определяют три составляющие, а именно качество, капитал и время, то, воздействуя на них, можно оптимизировать использование финансовых и трудовых ресурсов, а также основных средств и высвободить оборотные средства для расширения и развития производства.

Одним из основных условий успеха в достижении постоянного улучшения является понимание взаимосвязи между постоянным улучшением и созданием ценности. Поскольку создание ценности является функцией прибыльности и роста, NPV (Net present value – чистый приведенный доход) является важнейшим параметром для измерения процесса улучшения. Чтобы улучшения способствовали росту прибыльности и доходов, NPV следует использовать для выявления потоков ценности (совокупность всех видов деятельности, преобразующая возможности, которые предоставляют потребители, в осуществленный результат, от использования сырья до поставки готовой продукции) и осуществления проектов по улучшению, что в наибольшей степени способствует созданию ценности для заинтересованных сторон. В силу тесной связи с созданием ценности NPV является ключевым параметром для определения действий, необходимых для осуществления постоянного улучшения.

Анализ процессов и видов деятельности, составляющих ценностные потоки, в которых заключены наибольшие возможности для роста NPV, в большинстве случаев указывает на конкретные причины, вызывающие изменчивость и снижение скорости процессов. Выявление этих причин показывает, что именно следует сделать для уменьшения затрат, улучшения качества и сокращения производственного цикла и позволяет разработать конкретные меры по их устранению. Первоочередность тех или иных мер определяется по степени их важности и экономической целесообразности.

Культуру создает высшее руководство организации. Без его прямого участия и вовлеченности высшего звена постоянное улучшение невозможно. Совместимая пара стандартов – ИСО 9001:2000 и ИСО 9004:2000 – однозначно подчеркивает важность этого момента для постоянного улучшения в разделе 5 «Ответственность руководства» и возлагает ответственность за создание культуры в организации, которая стремится к улучшениям, на высшее руководство.

Культура подразумевает обучение персонала и развитие организации. Подлинное постоянное улучшение существует в тех компаниях, которые на деле проявили себя «обучающимися организациями» и где полученные знания используются для постоянного повышения добавленной ценности, поставляемой как потребителям, так и всем заинтересованным сторонам.

Литература

1. Конти Тито. Самооценка в организациях: Пер. с англ. И. Н. Рыбакова при участии Г.Е. Герасимовой / Научное редактирование В.А. Лапидус и М.Е. Серов. М.: Редакционно-информационное агентство «Стандарты и качество», 2000. 328 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РФ

О.А. Волков, Г.В. Кириллова, А.Д. Макаров, А.Д. Шматко

Ипотека как элемент хозяйственной жизни уходит глубокими корнями в историю. Само понятие «ипотека» пришло в мировую финансово-экономическую систему из древней Греции. Его ввел архонт Солон в VI веке до н. э. Предшественник Солона, Драконт, ввел порядок (в 621 г. до н.э.), согласно которому любые посягательства на частную собственность и ее движимую часть сурово карались. Для перевода личной собственности в имущественную Солон и предложил ставить на имении должника (обычно на пограничной меже) столб с надписью, что эта земля служит обеспечением претензий на определенную сумму. Такой столб и назвали ипотекой [1]. На таком столбе, получившем название «ипотека» (от греч. hypotheka – подставка, подпорка) отмечались все долги собственника земли.

Позже для этой цели стали использовать особые книги, называвшиеся ипотечными. Уже в Древней Греции обеспечивалась гласность, позволявшая каждому заинтересованному лицу беспрепятственно удостовериться в состоянии данной земельной собственности.

Новое развитие институт ипотеки получил в Римской империи. В I в. н. э. создавались ипотечные учреждения, которые выдавали кредиты под залог имущества частным лицам. В период правления императора Антония Пия (II в. н. э.) было разработано особое законодательство для ипотечных банков [2].

Институт ипотеки (залога недвижимости) в течение относительно небольшого времени прошел эволюцию от «фидуции» (fiducia, от лат., сделки на доверии или доверительной сделки, первой формы вещного обеспечения), к более прогрессивной стадии – «пигнусу» (pignus, от лат., неформальный залог) и далее к ипотеке. Здесь необходимо пояснить, что первая стадия, «фидуция», возникла и развивалась в древнеримском праве. В начале развития классического римского права появился «пигнус» и лишь затем собственно «ипотека». При этом сами договоры о залоге первоначально были лишь дополнительными при первичных кредитных соглашениях (договорах). Основная суть «фидуции» заключалась в том, что сразу по заключению договора официально устанавливались права кредитора на закладываемую недвижимость, сам предмет передавался в «фидуцию», а кредитор обязан был возвратить недвижимость после исправного и своевременного исполнения договора. Сделка (или договор) «фидуция» также прошла свою эволюцию.

Необходимо отметить, что все виды ипотеки (может быть, за исключением ипотеки церкви) сохранились и действуют до настоящего времени во многих странах. В тот же период начали действовать субординированные по времени ипотеки, принцип которых был единственным: «qui prior est tempore potior est jure» – кто первый (во времени), тот и сильнее в праве (лат.). Уже в постклассическом римском праве стали возникать субординированные ипотеки для упорядочения взаимоотношений между кредиторами в зависимости от рода ипотеки. При этом кредиторы никогда не имели права на приобретение данной недвижимости в собственность, так как это противоречило бы правовой сути ипотеки, устанавливающей равные права для обеих сторон залога (в противном случае различные злоупотребления кредиторов с недвижимостью мешали бы становлению и широкому распространению ипотеки как массового инвестиционного института). Лишь в исключительных случаях по разрешению государственного органа данное право могло перейти к кредитору с условием предоставления должнику дополнительного срока (2 лет) для выплаты долга [3].

Роль государства в соблюдении прав участников ипотечных сделок, как видно из вышеизложенного, была весьма велика. Достаточно сложные по структуре сделки требовали контроля и регулирования, отлаженной регистрационной системы. В связи с ослаблением этих государственных функций с закатом эпохи Древнего мира институт ипотеки перестал существовать в течение нескольких веков [4].

В современном понимании ипотека – это обременение имущественных прав собственности на объект недвижимости, и соответственно, ипотечное кредитование – это кредитова-

ние под залог недвижимости, т.е. кредитование с использованием ипотеки в качестве обеспечения возвратности кредитных средств.

В экономическом отношении ипотека – это рыночный инструмент оборота имущественных прав на объекты недвижимости в случаях, когда другие формы отчуждения (купля-продажа, обмен) юридически или коммерчески нецелесообразны, позволяющий привлечь дополнительные финансовые средства для реализации различных проектов.

Широкое использование кредита является необходимым условием нормального функционирования экономики любого государства и невозможно без надежного обеспечения интересов кредитора. Наиболее эффективным способом защитить эти интересы являются именно ипотечные отношения, так как объектом залога является недвижимое имущество, и, следовательно, ипотечные сделки приобретают следующие преимущества, снижающие их риск:

- недвижимость сравнительно мало подвержена риску гибели или внезапному исчезновению, а ее наличие легко проверяется;
- недвижимость обладает осложненной оборотоспособностью (связанной с необходимостью регистрации сделок с ней в государственных органах), что позволяет кредитору легко проконтролировать либо вообще запретить ее отчуждение;
- стоимость недвижимости имеет тенденцию к постоянному росту, что дает кредитору гарантии полного погашения задолженности;
- высокая стоимость недвижимости и риск ее потери являются мощным стимулом, побуждающим должника к точному и своевременному исполнению своих обязательств;
- циклы колебания цен на рынке недвижимости не совпадают с производственными циклами, и потому недвижимость менее подвержена кризисным явлениям экономики.

Главная цель развития долгосрочного ипотечного жилищного кредитования – создать эффективно работающую систему обеспечения доступным по стоимости жильем российских граждан со средними доходами, основанную на рыночных принципах приобретения жилья на свободном от монополизма жилищном рынке за счет собственных средств граждан и долгосрочных ипотечных кредитов.

Система долгосрочного ипотечного жилищного кредитования в России должна опираться на имеющийся международный опыт развития ипотечного кредитования, быть адаптирована к российской законодательной базе, учитывать макроэкономические условия (характерные для переходной экономики), ограниченную платежеспособность населения, высокую инфляцию. Темпы и масштабы развития системы ипотечного жилищного кредитования в регионах должны определяться объективной экономической ситуацией в регионе, платежеспособным спросом на жилье и его предложением, а также наличием (или отсутствием) необходимой региональной нормативно-правовой базы и инфраструктуры.

За последние годы рынок недвижимости повысил свою активность с помощью действия компаний, специализирующихся на операциях с недвижимостью (агентства недвижимости, строительные компании), финансовых организаций (финансово-кредитных кооперативах, жилищно-строительных кооперативах, инвестиционных фондов, коммерческих банков и пр.) и правительственных агентств (комитеты, управляющие недвижимостью, в Санкт-Петербурге – Комитет управления городским имуществом, «Горжилобмен», и др.), а также оценщиков и юристов. Тем не менее, его нельзя отнести к рынку совершенной конкуренции вследствие существенных особенностей функционирования, обусловленных такими факторами, как:

- специфика объектов недвижимости;
- более высокие уровни риска при сделках с недвижимостью, характерные для недвижимости в целом;
- тесная связь рынка недвижимости с рынком капитала;
- невозможность достижения равновесия между спросом и предложением.

Развитие ипотечного бизнеса позитивно сказывается на развитии реального сектора экономики. Ипотека способствует реализации построенных домов, рост же строительства вызывает оживление в производстве строительных материалов и конструкций, строительно-

го и дорожного машиностроения, в деревообработке и производстве мебели и т.д. Промышленное ипотечное кредитование дает возможность модернизировать производства, что приводит к повышению качества и конкурентоспособности продукции – все это ведет к увеличению экономического потенциала страны [5].

Развитие ипотечного кредитования оказывает положительное влияние на преодоление социальной нестабильности. Ипотека влияет на проблему занятости (дополнительные рабочие места в строительстве и других отраслях) и помогает удовлетворить потребность населения в жилье [6].

Огромное значение ипотека имеет и для повышения стабильности и эффективности функционирования банковской системы страны. Обеспеченные кредиты более безопасны (по сравнению с «бланковыми») для банков, так как при невозврате кредита банк реализует залог и возвращает свои средства. (Разумеется, в случае с ипотекой для этого необходима правильная оценка недвижимости, а также развитый рынок недвижимости.) Снижению риска при ипотечном кредитовании также способствует целевой характер ссуд. Операции с недвижимостью зачастую являются менее рискованными по сравнению с текущими кредитными операциями коммерческих банков.

Все вышесказанное обусловливает объективную необходимость развития ипотеки (залога недвижимости) в России. Ключевыми же условиями для привлечения кредитных ресурсов в сферу долгосрочного ипотечного жилищного кредитования являются создание в стране благоприятной экономико-политической обстановки, разработка необходимой законодательно-нормативной базы и повышение уровня благосостояния населения.

Литература

1. Ужегов А. Н. Квартира в кредит: ипотечная сделка. СПб.: Питер, 2001. С. 7–9
2. http://www.gosstroy.gov.ru/txt/hypoteque/history.htm
3. Цылигна Г.А. Ипотека: жилье в кредит. М.: Финансы и статистика, 2002. С. 13.
4. http://www.gosstroy.gov.ru/txt/hypoteque/history.htm
5. Дестресс М. Ипотека и ипотечное кредитование. // Деньги и кредит. 1995. № 8. С.48–51.
6. Рябченко Л.И. Ипотечное кредитование: Проблемы и перспективы развития. // Деньги и кредит. 1997. №3. С. 54.

7 ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ МЕХАНИЗМА ИНВЕСТИЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

А.А. Голубев, Ю.О. Красильникова

Инновационная организация представляет собой субъект хозяйствования, основным направлением деятельности которого является производство интеллектуальных продуктов, непосредственно предназначенных для производственного потребления, ценность которых определяется степенью их влияния на эффективность функционирования потребителя. Формирование эффективного механизма инвестиционного обеспечения этого вида организаций требует выполнения ряда общих требований – принципов инвестиционного обеспечения инновационной организации, которые представляют собой взаимодополняющие и взаимосвязанные условия эффективной инвестиционной деятельности инновационной организации.

Наиболее рациональным методологическим подходом к дефрагментации предлагаемой совокупности принципов инвестиционного обеспечения инновационной организации, по мнению автора, является выделение в их составе двух групп – принципов привлечения и принципов использования инвестиций и общего объединяющего принципа управления инвестиционным процессом.

Формирование целостного представления о тех требованиях, выполнение которых позволит инновационной организации получить в свое распоряжение необходимые объемы инвестиционных ресурсов в рациональной структуре, требует включения в группу принципов привлечения инвестиций таких, как принцип рыночной инвестиционной ориентации, принцип комплексности источников инвестиций, принцип сбалансированности инвестиционных рисков, принцип стабилизации источников инвестиций и принцип репутационного роста.

Сущность *принципа рыночной инвестиционной ориентации* состоит в том, что при формировании механизма инвестиционного обеспечения инновационной организации следует отдавать приоритет рыночным источникам инвестиционных ресурсов, субъекты которых рассматривают финансирование данного субъекта хозяйствования как собственные издержки и, следовательно, предъявляют точно установленные требования к их доходности. Реализация этого принципа позволяет наиболее точно согласовать интересы участников инвестиционного процесса на основе применения двух взаимосвязанных критериев: дохода инвестиционной организации, выраженного издержками инвестора, и дохода инвестора, который у прямых инвесторов формируется как результат производственного использования приобретаемого интеллектуального продукта, а у портфельных инвесторов – в виде части прибыли организации и роста стоимости принадлежащих им прав собственности как результата реализации всей совокупности производимых продуктов. Такое согласование в макроэкономическом аспекте представляет собой инструмент взаимодействия инвестиционного сектора финансового рынка и рынка интеллектуальных продуктов, обеспечивающий эффективное распределение инвестиционных ресурсов посредством действия фундаментального закона равновесия между реальным спросом и предложением последних.

Принцип комплексности источников инвестиций следует рассматривать как дополнительное общее требование к принципу рыночной ориентации инвестиционному обеспечению инновационной организации, и сущность его заключается в необходимости использования всех возможных источников инвестиционных ресурсов и увеличения общего инвестиционного потенциала организации за счет государственных инвестиций, которые, главным образом, представляют собой прямые инвестиции. При этом следует учитывать, что в ряде случаев государственные инвестиции не представляют собой альтернативы рыночным, а являются способом финансирования тех направлений деятельности инновационной организации, которые не представляют коммерческого интереса. Особую роль государственные инвестиции

могут сыграть в том случае, когда стратегия развития организация включает создание научной базы производства инноваций путем проведения работ теоретического характера, что создает возможность использования ресурсов государственного фонда фундаментальных исследований. Кроме того, участие инновационной организации в государственных научно-технических программах, несмотря на то, что его финансовые условия могут существенно уступать рыночным, следует рассматривать как фактор повышения репутации, которое, в свою очередь, позитивно влияет на принятие инвестиционных решений субъектами финансового рынка. К сказанному следует добавить, что в конкретных случаях целесообразно привлечение государства в качестве портфельного инвестора, который обеспечивает общую стабилизацию инвестиционного потенциала организации и демпфирует возможные колебания, связанные с перераспределением ресурсов рыночными портфельными инвесторами.

Необходимость реализации *принципа сбалансированности инвестиционных рисков*, который выражает требование сочетания в портфеле заказов инновационной организации проектов с различным уровнем рисков, определяется тем, что таким образом осуществляется превентивная компенсация возможных потерь за счет диверсификации продуктового ряда, которая является важным фактором привлечения портфельных инвестиций. При реализации данного принципа следует исходить из того, что общий риск деятельности инновационной организации должен находиться на уровне среднего для рынка инвестиций, поскольку портфельные инвесторы при принятии инвестиционных решений обладают возможностью достаточно оперативного регулирования структуры своих вложений в направлении стабилизации доходности за счет проведения операций на фондовом рынке. Несмотря на то, что такие операции непосредственно не изменяют инвестиционного потенциала объекта инвестирования, активизация предложения прав собственности приводит к снижению их цены, уменьшению показателя капитализации инновационной организации и, как следствие, к ограничению возможности увеличения инвестиционных ресурсов путем привлечения новых портфельных инвестиций и к снижению доверия прямых инвесторов к ее производственным возможностям.

Принцип стабилизации источников инвестиций, согласно представлениям авторов, отражает требование создания условий регулярного и долгосрочного сотрудничества инновационной организации с конкретными инвесторами, ориентированного на формирование постоянного состава прямых и портфельных инвесторов. Реализация данного принципа позволяет решить важные задачи повышения эффективности процессов производства интеллектуальных продуктов и управления организацией на основе унификации процедур и инструментов регулярного менеджмента. При этом устойчивые отношения с прямыми инвесторами обеспечивает построение стабильной клиентской базы инновационной организации и на этой основе – повышение уровня ее специализации, что является фундаментальным фактором повышения эффективности операционной деятельности за счет снижения производственных издержек и, что представляется не менее важным, создает возможность стандартизации процессов взаимодействия с заказчиками, существенно снижая величину трансакционных издержек и увеличивая эффективность коммерческой деятельности. Стабилизация состава портфельных инвесторов позволяет избежать существенной трансформации структуры собственности инновационной организации, что определяет отсутствие радикальных изменений в системе управления и формирование устойчивой совокупности форм, методов и процедур менеджмента и обеспечивает предупреждение роста издержек, связанных с конфликтами интересов и с неопределенностью в части технологии принятия и реализации управленческих решений.

Высокая значимость реализации *принципа репутационного роста* инновационной организации, сущность которого состоит в необходимости постоянного и целенаправленного продвижении на рынок интеллектуальных продуктов данного субъекта хозяйствования и его позиционирования как лидера в данной области исследований и разработок, определяется, с одной стороны, тем, что таким образом обеспечивается снижение репутационного инвестиционного риска и, с другой, тем, что на практике и прямые и портфельные инвесторы при

принятии инвестиционных решений в большом числе случаев ориентируются не столько на реальный научно-технический потенциал, сколько на сложившийся уровень общественного признания данного конкретного субъекта хозяйствования (объекта инвестирования). Отмеченные два основных аспекта репутационного состояния инновационной организации позволяют определить два главных направления реализации данного принципа, первое из которых состоит в формировании портфеля заказов организации на основе включения в него проектов с высоким уровнем новизны и практической значимости результатов и с высокой степенью вероятности эффективного производственного использования, а второе заключается в широком применении инструментов информирования потенциальных инвесторов о фактических и перспективных результатах научно-технической деятельности объекта инвестирования.

В состав второй группы требований, выполнение которых обеспечит рациональное потребление инвестиционных ресурсов инновационной организации, представляющих собой принципы использования инвестиций, необходимо включить принцип финансовой результативности инвестиций, принцип экономической результативности инвестиций, принцип оперативного маневрирования инвестиционными ресурсами и принцип инвестиционного резервирования.

Принцип финансовой результативности инвестиций отражает необходимость соответствия результатов деятельности инновационной организации требованиям внешней и внутренней инвестиционной среды с учетом представлений каждого конкретного инвестора о финансовой эффективности его вложений. Представляется необходимым отметить, что обеспечение реализации данного принципа является достаточно очевидным при учете требований прямых инвесторов, поскольку соответствие характеристик конкретного инновационного продукта (результата инновационного проекта) производственным потребностям заказчика устанавливается в ходе согласования условий договоров на производство интеллектуального продукта, которые непосредственно определяют уровень финансовых результатов от использования инновации. Более сложной задачей является адекватное удовлетворение требований к финансовой результативности инвестиций для портфельных инвесторов в силу отмеченной выше их субъективности и индивидуализации, однако, если при привлечении инвестиций достаточно полно реализуются принцип стабилизации источников инвестиций, то в рамках постоянной структуры портфельных инвесторов возможно определение среднего для нее критерия доходности, достижение которого следует рассматривать как результат, удовлетворительный для каждого из них.

Сущность *принципа экономической результативности инвестиций* состоит в том, что результаты использования инвестиционных ресурсов должны соответствовать не только требованиям инвесторов, но и потребностям инвестиционной организации как субъекта хозяйствования и обеспечивать возможности ее текущего перспективного развития в части формирования и обновления материально-технической базы и совершенствования структуры персонала. При реализации данного принципа следует учитывать, что он находится в определенном противоречии с принципом финансовой результативности инвестиций, поскольку увеличение дохода прямых инвесторов может быть связано со снижением их издержек, выраженных затратами на обеспечение производства данного интеллектуального продукта, которые, как отмечалось, являются доходом инновационной организации, а рост дивидендного дохода портфельных инвесторов означает адекватное снижение прибыли, остающейся в распоряжении организации. Исходя из этого, в отношениях с прямыми инвесторами следует стремиться к объективно установлению баланса между интересами производителя и потребителя инвестиций, а в отношениях с портфельными инвесторами обеспечивать максимизацию дохода от капитализации организации как альтернативы денежных выплат за использование предоставленных ими инвестиционных ресурсов.

Содержание *принципа оперативного маневрирования инвестиционными ресурсами* отражает важное условие эффективной регулярной текущей деятельности инновационной организации, которое заключается в том, что в ее процессе вся совокупность инвестиционных

ресурсов, включая прямые постоянные и временные инвестиции, рассматривается как единое целое и используется в соответствии с объективной необходимостью, но, в конечном счете, с обязательным выполнением обязательств перед заказчиком по каждой стадии и этапу проекта и перед кредитором по целевому использованию предоставленных средств. В ходе реализации данного принципа в качестве ее основного инструмента представляется необходимым использовать современные методы финансового планирования в форме разработки системы бюджетов организации, позволяющих, во-первых, разделить целевые и нецелевые инвестиции и соотнести с ними различные направления и объекты финансирования и, во-вторых, точно установить периоды времени, в течение которых использование инвестиционных ресурсов свободно от формально налагаемых ограничений.

Принцип инвестиционного резервирования представляет собой требование к структуризации общих инвестиционных ресурсов инновационной организации на основе выделения их части для демпфирования объективно неизбежных отклонений от планового хода функционирования субъекта хозяйствования. Необходимость резервирования в целом вытекает из сущности социально-экономических систем, обладающих имманентной неустойчивостью состояния, однако специфика инновационной организации предполагает создание не только общих (операционных) резервов, но и резервирование в виде создания научно-технических заделов, позволяющих адекватно реагировать на изменения требований прямых инвесторов, обусловленные трансформацией требований потребителей к параметрам физического продукта. Формирование научно-технического задела требует выделения инвестиционных ресурсов на проведение инициативных исследований и разработок, в том числе не только инновационных, но и, в конкретных динамично развивающихся областях научной деятельности, фундаментальных и поисковых. В аспекте реализации данного направления инвестиционного резервирования следует оценить возможности создания инновационной организацией собственной венчурной структуры, включающей дочерние субъекты хозяйствования, посредством которой обеспечивается инвестирование в проекты с высоким уровнем риска и высоким потенциалом доходности, определяемым производством на их основе инноваций с радикально высокими по сравнению с существующими потребительскими характеристиками. Необходимо отметить, что создание научно-технического задела вообще и венчурное развитие инновационной организации, в частности, возможно с использованием достаточно ограниченной части рыночных инвестиционных ресурсов, которую составляют портфельные инвестиции и прибыль организации, что определяет целесообразность привлечения для этих целей государственных средств как результата реализации принципа комплексности источников инвестиций.

Представляется необходимым отметить, что реализацию описанных выше принципов использования инвестиций следует рассматривать как важнейшее условие формирования замкнутого и непрерывного инвестиционного процесса, поскольку рациональное использование инвестиционных ресурсов в целом обеспечивает точное и безусловное выполнение обязательств инновационной организации перед инвесторами, что является главным стимулом продолжения и развития отношений между объектом и субъектами инвестирования.

Исходя из того, что локальные инвестиционные процессы привлечения и использования инвестиций представляют собой, по существу, единую интегральную функцию инновационной организации, авторы считают необходимым применить к ним общее требование в виде объединяющего требования управления инвестициями, который следует конкретизировать в виде *принципа комплексного менеджмента инвестиционного процесса* как условия реализации каждого из принципов привлечения и использования инвестиционных ресурсов. Сущность данного принципа заключается в том, что, рассматривая инвестиционный процесс инновационной организации в виде циклического обращения инвестиционных ресурсов, необходимо применять к нему инструменты регулирования, обеспечивающие его замкнутость на основе формирования такой внутренней среды организации, которая будет способна точно выполнять все условия, предъявляемые постоянными (прямыми и портфельными) и временными инвесторами к результатам ее деятельности. С этих позиций следует рассматривать

все описанные выше принципы как требования, выполнение которых приводит к выделению локальных объектов управления, и рациональная деятельность которых обуславливается полноценной реализацией всех базовых функций менеджмента как в отношении инвестиционного процесса в целом, так и к каждому объекту в отдельности, учитывая его содержательную специфику. Данное положение означает, что в основе инвестиционного обеспечения инновационной организации должна быть положена концепция создания специального механизма, целью которого является планирование, организационное обеспечение, мотивация персонала, контроль и регулирование всех аспектов привлечения и использования инвестиций.

Литература

1. Афонин И.В. Инновационный менеджмент. М.: Гардарики, 2005.
2. Менеджмент инновационной организации / Под ред. проф. М.Н. Тихонова. М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2003.
3. Клеева Л.П. Экономические механизмы управления российскими научными организациями в условиях рыночных преобразований. М.: ИНФРА-М, 2003.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ УРОВНЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

И.О. Васюхин

Развитие международных экономических отношений в условиях глобализации мирового рынка выдвигает на первый план проблему обеспечения достаточно высокого рейтинга конкурентоспособности для любой страны и, прежде всего, для России. Вместе с тем, по оценкам Всемирного экономического форума, Россия, в ряду 80 оцениваемых стран, в начале XXI столетия занимала лишь 65 место. Кроме того, Россия занимает низкие места не только по конкурентоспособности и уровню качества жизни, но и по эффективности использования ресурсов (в 2–3 раза хуже, чем в развитых странах), инвестиционному климату, обновлению основного капитала и другим важнейшим показателям. Основными причинами сложившегося положения в РФ, по мнению автора, являются:

- ускоренная либерализация, приватизация и переход к рыночному ценообразованию, проводимые, к тому же, без достаточных научных обоснований и прогнозирования будущих состояний как экономики страны в целом, так и отдельных хозяйствующих единиц;
- отказ государства от разработки комплексных программ социально-экономического развития страны на среднесрочную перспективу;
- практически полный отказ от финансирования науки, как академической, так и отраслевой, и, таким образом, существенное снижение научного потенциала страны;
- низкое качество менеджмента не только на общесистемном уровне, но, главное, на уровне отдельно взятого предприятия.

Последнее, по мнению автора, является наиболее важным, так как известно, что создать надежную систему (в данном случае национальную экономику) из ненадежных элементов (хозяйствующих субъектов) возможно единственным способом – путем резервирования. Такой путь в условиях переходной экономики неприемлем в силу указанных выше причин. Отсюда напрашивается вывод о том, что наиболее разумный и быстрый путь повышения рейтинга российской экономики на международном рынке – это обеспечение высокого уровня конкурентоспособности отдельных предприятий, особенно в ключевых отраслях.

Принято считать, что конкурентоспособность – это свойство объекта, характеризующееся степенью реального или потенциального удовлетворения им конкретной потребности по сравнению с аналогичными объектами. Европейский форум по проблемам управления уточнил это определение: «конкурентоспособность – это реальная и потенциальная возможность фирм в существующих для них условиях проектировать, изготавливать и сбывать товары, которые по ценовым и неценовым характеристикам более привлекательны для потребителя, чем товары их конкурентов». Общим недостатком этих двух определений, на взгляд автора, является то, что в качестве объекта рассматривается товар, но не предприятие, его изготовившее. Вероятно, в связи с этим проблемы оценки конкурентоспособности товара разработаны достаточно основательно как за рубежом, так и в нашей стране. Достаточно привести в качестве примера такие достаточно известные и широко применяемые методики, как:

1. методика оценки конкурентоспособности однопараметрических машин и оборудования;
2. методика оценки конкурентоспособности товара по схеме 1111–5555;
3. экспертная оценка конкурентоспособности товара (услуги);
4. методика оценки конкурентоспособности товара (услуги) по многоугольнику и экспортному методу.

Что же касается оценки конкурентоспособности предприятий, то до сих пор не разработана ни одна общепринятая методика. В литературе приводится описание некоторых методик оценки конкурентоспособности фирм и компаний, применяемых в развитых странах. Однако анализ показывает, что ни одна из них не носит общесистемного характера, а подходы, на которых они основаны, отображают специфику одного конкретного предприятия или небольшую группу аналогичных. Так, один из подходов оценки конкурентоспособности фирм учитывает только резервы в использовании факторов производства, другой – эффек-

тивность призводственно-сбытовой деятельности, третий – усилия в области повышения качества товаров и т.д.

По мнению автора, на современном этапе развития экономики в РФ имеется насущная необходимость в разработке достаточно универсальной и доступной (с точки зрения получения информации) методики оценки уровня конкурентоспособности предприятия, такой, чтобы была возможность проводить измерения – как сравнительные (с другими аналогичными предприятиями), так и в динамике. Подход же, положенный в основу такой методики, должен базироваться на четырех группах показателей:

1. оценка конкурентоспособности товара;
2. оценка конкурентоспособности персонала;
3. оценка полноты и обоснованности планирования и прогнозирования;
4. оценка адекватности организационной структуры потребностям внешней среды.

В случае необходимости (для проведения более детального анализа) и при наличии достаточной и сопоставимой информации методика может быть дополнена другими, локальными оценками.

Литература

1. Лившиц И.М. Теория и практика оценки конкурентоспособности товаров и услуг. М.: Юрайт – М, 2001.
2. Сажин Д. Государственная поддержка развития промышленности и технологий США. // Мировая экономика и международные отношения. 1999. №12.
3. Фатхутдинов Р.А. Управление конкурентоспособностью организации. Учебное пособие. М.: Эксмо, 2004.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЫ

Ю.Н. Сушилова

Инновации, научно-технический прогресс в современных условиях стали основой устойчивого экономического роста практически всех стран мира; они позволяют полнее удовлетворять потребности общества, населения в разнообразных видах продукции и услуг при существенной экономии природных ресурсов, сырья и материалов, ведут к коренным изменениям в технологическом способе производства. Инновационная деятельность – процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, или технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки. Освоение новой продукции должно сопровождаться организационно-управленческими инновациями, применением эффективных схем управления. Для поддержания конкурентоспособности товаров необходимы стратегическая программа развития бизнеса, постоянное прогнозирование потребительского рынка, оперативные и взвешенные управленческие решения. В связи с этим проблема управления инновационным развитием предприятия на сегодняшний день выходит на первый план.

Инновационная деятельность часто трактуется как деятельность, связанная с использованием новых технологий. Многие предприятия пытаются в том или ином виде осуществлять инновационную деятельность самостоятельно, через создаваемые специально для этого дочерние структуры или инновационные центры, призванные способствовать продвижению и использованию инновационной продукции. С этой целью привлекаются специалисты, разбирающиеся в патентно-лицензионной деятельности, охране интеллектуальной собственности и прочих компонентах, необходимых для коммерческого использования инноваций. Остается только получать доход от этой самой инновационной деятельности. Однако не всегда усилия оказываются результативными.

Одной из важнейших проблем в инновационной деятельности является проблема организации этой деятельности, т.е. проблема управления. Анализ деятельности ряда предприятий позволяет сделать вывод о том, что в условиях современной экономики все большее значение приобретает качество управления. Квалификация менеджера, руководителя становится важнейшим фактором обеспечения эффективности инновационного процесса. В этой ситуации от менеджера требуется профессиональное владение всем набором инструментов управления.

Как правило, проблема качественного управления инновационной деятельностью решается за счет привлечения высококвалифицированных менеджеров со стороны и постоянного обучения персонала. Однако здесь возникают проблемы иного плана – все больше ощущается нехватка управленцев высокого уровня. Обучение же персонала очень часто оказывается недостаточно эффективным. Готовить инновационного менеджера – долго и дорого. Прежде, чем он научится создавать работоспособную компанию, пройдет много времени, будут совершены ошибки, некоторые – смертельные для бизнеса. Причина заключается в том, что подготовка управленческих кадров ведется по принципу обучения отдельным компонентам менеджмента и крайне редко – самой процедуре управления. Конечно, для успешной реализации целей того или иного инновационного проекта необходимы знания в конкретной предметной области, но необходимы и знания основ менеджмента, теории организаций, маркетинга, управления персоналом. Но знание только этих составляющих менеджмента не обеспечивает качественное управление инновационной деятельностью. Ведь почти никто и нигде не учит менеджера умению выстраивать свои управленческие действия во времени, исходя из складывающейся ситуации. К сожалению, у нас в России мало кто признает управление сферой профессиональной деятельности. Такое отношение связано, по мнению автора, с существенной недооценкой сложности процесса управления.

В инновационной деятельности слабо используются современные управленческие технологии. Причина заключается, во-первых, в высокой сложности современных технологий управления, а во-вторых, в том, что для восприятия и практического использования этих технологий принципиально недостаточно полученных знаний.

В отличие от чисто финансовых проектов, в инновационных проектах имеется большое число хорошо управляемых факторов, способных принципиально изменить инвестиционную привлекательность проекта в лучшую сторону: способы управления, квалификация персонала, опыт менеджера. Именно по этой причине результативность проекта в значительной степени зависит от того, кто управляет. Таким образом, проблема управления в инновационной деятельности становится ключевой.

На результативность производственно-коммерческой деятельности любого предприятия существенное влияние оказывают управление процессом функционирования и организационная структура, в рамках которой этот процесс осуществляется. Эта проблема весьма многогранна. Правильно выбранная структура позволяет обеспечить предприятию или компании полную занятость персонала, гибкость в использовании ресурсов и соответствие требованиям рынка. Сейчас менеджер вынужден действовать в рамках организационной структуры, совершенно не приспособленной к инновационной деятельности. Управлять такой деятельностью значительно сложней, чем текущим, повторяющимся производством. Для принятия обоснованных и оперативных решений руководству часто необходимо в короткие сроки разработать и сравнить несколько вариантов планов. Таким образом, инновации – это не только использование высоких технологий, но и инновации в сфере управленческих решений. Для реализации большинства стоящих перед предприятием задач необходима реорганизация системы управления предприятием на основе новых управленческих технологий. Предприятие, намеревающееся работать гибко, неизбежно приходит к необходимости использования инновационных подходов.

Суть нового подхода, основанного на использовании инновационных управленческих технологий, – в создании такой структуры управления предприятием, в которой персонал встроен в своеобразный конвейер (бизнес-процесс), обеспечивающий качественное изготовление инновационного продукта. Достигается это за счет организационных мер, и важная роль в построении такой системы принадлежит методологии управления проектами. В инновационной деятельности, как и в любой иной, более 90% работы занимают простые рутинные операции: подготовка запроса, регистрация, заполнение и отправка анкет и различных паспортов, копирование материала, оформление рекламных листов и т.п. В этой ситуации для эффективной реализации рыночных задач, стоящих перед предприятием, необходимо разработать систему управления инновационной деятельностью, основа которой – разбиение сложного процесса на простые компоненты на основе проектного подхода и выстраивание своеобразного управленческого «конвейера». Это дает целый ряд эффектов: работа из процесса превращается в целенаправленное движение, снижаются требования к квалификации персонала, резко возрастает производительность труда, снижается количество ошибок. Для реализации такого подхода необходимо разработать эффективную организационную структуру, систему управления финансами, сформировать службу маркетинга, обеспечить документооборот, т.е. детально сформулировать правила работы предприятия, в основных чертах общие для всех компаний инновационной направленности. Для каждого конкретного случая понадобится лишь коррекция (в большинстве случаев – незначительная) системы на конкретный бизнес. Менеджеры инновационной компании будут погружены в готовую среду, которая заставит их работать по единым правилам, обеспечит необходимые прозрачность и управляемость компании. Все это само по себе, без изменения состава и квалификации персонала, способно повысить эффективность инновационной деятельности предприятия, а значит, и увеличить поток заказов.

Внедрению эффективных управленческих технологий мешает отсутствие управленческой культуры, т.е. привычки руководства и персонала работать в жестко заданном временном, функциональном, информационном и прочем регламенте, привычки «работать по пра-

вилам». Разработанные методики позволяют реализовать управление проектами даже в небольших компаниях, снизив издержки неквалифицированного управления.

Можно сделать следующий вывод: инновационное развитие предприятия необходимо точно так же проектировать, как и любую систему. Необходимо не только определить задачи, стоящие перед предприятием, но и создать систему, обеспечивающую переход предприятия в это состояние, определить необходимые ресурсы, разработать бизнес-процессы инновационной деятельности. Только в этом случае можно рассчитывать на успех.

Литература

1. Хотяшева О.А. Инновационный менеджмент. СПб: Питер, 2005.
2. Переходов В.Н. Основы управления инновационной деятельностью. М.: ИНФРА-М, 2005.
3. Илышев А.М., Илышева Н.Н., Воропанова И.Н. Учет и анализ инновационной и инвестиционной деятельности. М.: КноРус, 2005.
4. Васильева Л.Н., Муравьева Е.А. Методы управления инновационной деятельностью. / Уч. пос. М.: КноРус, 2005.

СКРЫТЫЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Е.А. Демидова, С.С. Кошелев

Проблемы инноваций, в рамках деятельности малых предприятий, почти не сходят с повестки дня большого числа различных книжных изданий, с полос газет, освещающих вопросы бизнеса и экономики в целом, а также находят свое отражение в программах развития многих банков. Однако в процессе инновационной деятельности перед предприятием встает ряд проблем. Первая из них – это проблема «жесткой конкуренции» на том сегменте рынка, который выбирается для деятельности фирмы. «Жесткая конкуренция» на практике сводится к необходимости понять потребителя и лучше, чем соперники, удовлетворить его потребности. Ориентация на потребителя может рассматриваться как соответствие или превышение ожидания покупателя.

Так как предпочтения покупателя основываются на существенных различиях между конкурентными предложениями, ожидания потребителя внутренне связаны с тем:

- что предлагают конкуренты (известные или ожидаемые, инновационные);
- что было обещано;
- что представляется разумным исходя из прошлого или сходного опыта;
- каков убыток в зависимости от цены и затрат.

Чем сильнее конкуренция на рынке, тем в большей степени фирма должна удовлетворять или превышать ожидания потребителя, чтобы остаться в бизнесе. Следуя этим путем, предприниматель, в рамках инновационного направления, стремится сделать предложение с наименьшими для фирмы затратами, не изменяя ценность продукции (инновации) для покупателя. Для этого необходимо найти компромисс между ожиданиями потребителя и возможностями фирмы. Под компромиссом можно понимать всесторонний учет ряда инновационных ограничений:

- приемлемость инновационной концепции;
- проблемы применения;
- ценовая политика;
- сроки реализации на рынке;
- наличие резерва финансовых и материально-технических средств;
- государственная поддержка инноваций (льготы).

В современных условиях цена на товар определяются не результатом экономического расчета, а той ценой, которую определяют крупные игроки на рынке, так как они имеют возможность закупать у одного и того же поставщика больший объем товаров с большей величиной скидки на него, чем могут позволить себе малые и средние предприятия. Таким образом, при прочих равных условиях крупные компании в рамках «жесткой конкуренции» имеют возможность предложить демпинговые цены, а значит – увеличить оборот товаров и лучше удовлетворить ожидания потребителя по сравнению с предприятиями малого и среднего бизнеса. Следует отметить, что при ввозе одного и того же товара комплектующих крупной и малой фирмой таможенные платежи и налоги на единицу ввозимого товара у крупной фирмы будут ниже, чем у предприятий малого бизнеса по следующим причинам:

- крупная фирма может позволить себе иметь штатного сотрудника, который осуществляет таможенное оформление ввозимых товаров;
- малая фирма вынуждена обращаться в различные коммерческие организации, аккредитованные при таможенных органах, с целью получить брокерские услуги на таможенное оформление товаров. Тарифы этих услуг могут сильно отличаться для случаев, когда за услугой обращаются крупные или мелкие фирмы;
- имеется тенденция, когда таможенные органы более «охотно» и своевременно оказывают услуги более крупным фирмам, а, значит, продукция крупных фирм по времени быстрее окажется на рынке.

Каждое новое инновационное направление будет иметь различный успех (срок жизни) в рамках развития малого и крупного бизнеса. Крупное предприятия может позволить себе закупить технологические линии, комплектующие для реализации этой идеи по более низким ценам, получая меньшие проценты по займу, и тем самым поставить на рынок более конкурентоспособный товар, по сравнению с малым предприятием, которое также предполагает осваивать это направление.

Рентабельность инновационной деятельности крупного предприятия по вышеуказанным причинам будет выше. Соответственно, и срок жизни этого инновационного направления будет длиннее в рамках развития его крупным предприятием, имеющим значительные материальные и финансовые ресурсы.

Ситуацию можно было бы изменить или улучшить, если бы малый бизнес имел возможность оперативно получать кредиты в рамках Программы кредитования малого бизнеса на территории России. Сегодня Россия только вступает на этот путь, и темпы рынка услуг по кредитованию не удовлетворяют российских предпринимателей. Часто предприниматели мало осведомлены о рынке этих возможностей и поэтому даже не пытаются сотрудничать с банками. Многие предприниматели по-прежнему уверены, что просить у банка в долг не представляется целесообразным, так как большинство банков соглашаются выдавать кредиты лишь на условиях предоставления залога или системы поручительств. Кроме того, процентная ставка все еще остается высока, и кредит выдается на достаточно короткий период. Следует отметить, что ситуация меняется и, если в 2002 году среднегодовая процентная ставка по кредитам для малого бизнеса составляла 26,6%, то в 2006 году она снизилась до 16,2%.

Безусловно, улучшить микроклимат в инновационной деятельности малых предприятий помогут новые, совершенные технологии выдачи самих кредитов, так как многие бизнесмены стараются избавиться от лишних временных затрат на получение такого кредита.

Для развития малого бизнеса России целесообразно разработать такую программу, которая позволит осуществлять меньшие налоговые и таможенные платежи фирмам, которые имеют возможность ввозить технологические новинки и комплектующие к товарам в малом объеме, поскольку в своем развитии на данном инновационном направлении еще не имеют достаточных финансовых ресурсов. Другой вариант решения проблемы финансирования – это развитие и государственная поддержка венчурных сетей, которые обеспечат централизацию инновационных проектов, доведение их до практической реализации и полное финансирование, укрепление позиций предприятий на рынке за счет диверсификации риска между субъектами структуры и компенсации убытков одних партнеров за счет прибыли других, а также доступ к зарубежным достижениям передовой технологии в случае международной интеграции.

Еще одной немаловажной проблемой, с которой сталкиваются инновационные предприятия, является нестабильность внешней технологической среды. Она в основном затрагивает именно предприятия высоких технологий. Для них неожиданные изобретения, появление более новых технологий, угроза имитаторов, которые не всегда возможно спрогнозировать, представляют большую угрозу. Спрос на инновационную продукцию реагирует на эти факторы значительно быстрее, поэтому любая задержка в проектировании и внедрении инноваций или вообще отказ от них в современных конкурентных условиях для предприятия равносильны банкротству. Даже грамотно построенный и реализованный план разработки и внедрения интеллектуального продукта может оказаться нерентабельным в связи с тем, что в это же время появились изобретения, которые коренным образом меняют существующие технологии. Чтобы этого избежать, необходимо создать гибкую структуру инновационного предприятия, способного быстро реагировать на изменения внешней среды, проводить анализ текущих технологических изменений и прогнозирование тенденций развития смежных технологий.

И в данном вопросе конкурентное преимущество снова имеют крупные компании, у которых больше технических и кадровых возможностей.

Проблема квалифицированного управляющего персонала – еще один аспект конкурентоспособности малых предприятий. Это связано, в первую очередь, с тем, что в настоящее время не хватает специалистов, способных разработать стратегический план инновационной деятельности, адекватный существующей экономической ситуации. Менеджер, осуществляющий инновационную деятельность, должен быть способен одновременно как к экономическому, так и научному анализу проблемы. В противном случае, если во главе проекта оказывается ученый, то стратегический план предприятия может оказаться сосредоточенным в большей степени на технической и технологической стороне продукции, не уделяя достаточного внимания вопросам продвижения товара. Если инновационным проектом занимается экономист, то часто в плане недостаточное внимание уделяется влиянию технологических факторов. У крупных предприятий стратегическим планированием занимаются департаменты, на малых – в лучшем случае отдел из нескольких человек.

Для подготовки специалистов, способных спланировать как научные, так и экономические стороны инновационного проекта, существует специальность «Инновационный менеджмент», которая появилась в России сравнительно недавно, и ее выпускники не могут удовлетворить потребности рынка в полной мере. Кроме того, это направление науки само по себе не является подробно разработанным, так как до 1990-х гг. инновационная деятельность осуществлялась в рамках централизованного планирования, поэтому не хватает не только выпускников по специальности, но и преподавателей-практиков. Один из способов решения данной проблемы – выработать методологию составления стратегического плана инновационной деятельности, детально описывающую каждый этап, с тем, чтобы даже человек, не специализирующийся на инновациях, но имеющий экономическое образование мог их выполнять.

Для решения всех вышеуказанных проблем и повышения конкурентоспособности малых инновационных предприятий необходимо формирование тесных связей малых предприятий с потребителями инновационной продукции, банковскими структурами и сферой образования, а также правовая и экономическая государственная поддержка.

Литература

1. Герасимов В.В., Минина Л.С., Васильев А.В. Управление инновационным потенциалом производственных систем. / Учеб. пособие. Новосибирск, 2003. 64 с.
2. Мухин В.И. Управление интеллектуальной собственностью. Ч. 2. Управление коммерциализацией интеллектуальной собственности: Учеб. пособие. М., 2003. 295 с.
3. Шульгина Н.В. Финансирование малых инновационных предприятий (Опыт США). // Науковедение, 2003. № 2. С. 68–82.
4. Инновационные возможности России. http://www.ivr.ru

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Е.А. Демидова, С.С. Кошелев

Информационные технологии прочно вошли в жизнь общества. Еще совсем недавно уровень развития страны оценивали тоннами стали, нефти, угля, количеством автомашин и телевизоров на душу населения. Сейчас приоритетны другие критерии: доля в экспорте наукоемких технологий, число людей с высшим образованием, количество персональных компьютеров, подключений к Интернет. Человечество вступает в новый период своего развития, оно живет в обществе, основанном на знаниях. Эта трансформация происходит все более скоротечно, заметные изменения происходят уже при жизни одного поколения. В течение двух предшествующих столетий, особенно XX века, всю жизнь общества определяло, в основном, производство материальных благ. Приоритетное положение занимало крупное машинное производство, механизация труда в добывающих и перерабатывающих отраслях. Промышленная революция, начавшаяся с паровых машин, преобразовала общество, превратив его в общество индустриальное. В наши дни возникла принципиально новая ситуация, когда первоочередное место в жизни общества приобретает информация. В свое время появление электричества преобразило экономику, да и жизнь человека вообще. Значение информации намного глубже, поскольку она охватывает все аспекты жизни человека.

Конечно, переход к экономике, основанной на знаниях, вовсе не означает, что традиционное машинное производство ушло в небытие. Оно быстро и кардинально обновляется именно под воздействием информационных технологий. Более того, информационные технологии кардинально изменили саму роль знаний в обществе. Благодаря Интернету, персональным компьютерам, образованию обмен знаниями становится глобальным, они стали доступными огромному числу людей в любой точке Земли.

Развитие экономики, науки и культуры, техники и технологий, сферы социальных и общественных отношений, совершенствование государственного управления – все это находится в прямой зависимости от качества используемой информации, ее достоверности и полноты, оперативности и формы представления. Поэтому в развитых странах уделяется особое внимание проблемам формирования и использования информационных ресурсов на основе применения перспективных информационных и коммуникационных технологий. В настоящее время становится все более ясным, что в недалеком будущем не энергия, а информация будет определять уровень развития государств.

Информационные технологии – это способы создания, фиксации, переработки и распространения информации. К информационным технологиям относится создание письменности, изобретение книгопечатания, телефона, телеграфа, радио, телевидения, компьютерные технологии и т.д. Современное состояние и перспективы развития мировой информационной технологии в значительной степени определяются следующими основополагающими факторами:

- развитием систем и средств вычислительной техники под влиянием прогресса в области микропроцессорной техники и архитектуры ЭВМ, оказывающим положительное воздействие на темпы научно-технического прогресса в области обработки данных;
- совершенствованием класса малых вычислительных систем различного назначения и специализации;
- использованием многомашинных систем и сетей, обеспечивающих абонентам постоянный доступ к новым данным, защищенных от необдуманных действий пользователя, освобождающих от трудоемких манипуляций с огромными объемами данных и позволяющих быстро принимать решения, выработка которых без таких коммуникационных средств была бы невозможна;
- расширением сфер использования вычислительной техники, развитием вычислительных комплексов с огромной производительностью, основывающихся на новой технологии производства: использовании архитектуры потока данных и программного обеспечения с повышенными возможностями; новых способах ввода-вывода: распознавание речи и об-

разов, синтез речи; системах искусственного интеллекта, связанных с исследованиями в области экспертных систем;

- совершенствованием форм и методов эксплуатации средств вычислительной техники.

Все информационные технологии можно разделить на две большие группы – традиционные и современные. Развитие традиционных информационных технологий касалось лишь способов хранения и распространения информации, не затрагивая самого процесса ее создания и смысловой переработки. Возникновение современных информационных технологий имеет своим последствием создание интеллектуальной технологии, программных продуктов и комплекса научных дисциплин, обеспечивающих рождение принципиально нового феномена в истории мировых цивилизаций и культур. Этот феномен состоит в возможности продуцирования, трансформации, сверхскоростной передачи и реализации информации не только с помощью человеческого мозга и традиционных средств связи, но и с помощью совершенно новых технических устройств, заложивших материальную базу информационного общества.

Но даже развитие традиционных технологий приводило к существенным изменениям в экономике. Так, изобретение печатного станка дало возможность безграничного роста производства «бумажной» информации и механизма ее размножения, но не затронуло способов переработки и использования информации, которые по-прежнему зависели от физиологических данных человека. И все же книгопечатание изменило институты общества, включая и систему образования. Именно печатный станок принес с собой массовое производство и стандартизацию процесса обработки информации, проложившие дорогу промышленной революции. Революция в печати быстро сформировала новый класс специалистов по информационной технологии.

Роль современных информационных технологий не сводится к количественным показателям, т.е. ускорению процессов обработки информации и, как следствие, освобождению человека от выполнения определенных операций. Развитие информационных технологий является и причиной, и следствием радикальных изменений в инновационной деятельности и в экономике в целом. Инновационная деятельность – это процесс стратегического планирования, НИОКР, организационно-технической подготовки производства, производства и оформления новшеств, их внедрения и распространения в другие сферы. Тогда по объекту применения в рамках инновационной деятельности можно выделить следующие направления инноваций: продуктовые, управленческие, маркетинговые, технологические.

Продуктовые инновации. Под новым товаром с рыночной точки зрения можно понимать несколько разновидностей товарных нововведений – совершенно новый товар, модернизированный товар, модифицированный товар, товар новой сферы применения, товар рыночной новизны. В настоящее время «новые товары» чаще всего появляются именно в отраслях информационных (или высоких) технологий. Наиболее ярким примером является изобретение интегральных схем и разработка микропроцессора. Появление микропроцессора привело не только к широкому распространению персональных компьютеров, но, стимулировав потребление и развитие новых технологий, привело к возникновению рынков программных продуктов, периферийных устройств и т.д. Постоянное развитие информационных технологий ведет к необходимости производства модернизированных и модифицированных товаров в рамках расширения ассортимента фирм.

Управленческие инновации. Управленческие инновации стали активно внедряться компаниями с середины 1980-х гг. и явились следствием перехода к так называемому «новому управленческому порядку». Основой данного подхода является использование принципа максимально эффективного управления компанией. В настоящее время считается, что самая высшая позиция в бизнесе (доля рынка, прибыльность, темпы роста) достигается не только и не столько фирмами, сделавшими прорыв в прикладных исследованиях или обладающими уникальными конкурентными преимуществами, сколько компаниями с высоким уровнем профессионализма и ноу-хау в области менеджмента. Управленческие инновации предполагают, прежде всего, реструктуризацию компаний, т.е. изменение всей организационной структуры или отдельных ее элементов в целях оптимизации хозяйственной деятельности.

Одним из важнейших критериев повышения эффективности корпоративного управления является организация продуктивного стратегического диалога между руководителями компании. Но эффективное взаимодействие совета директоров и топ-менеджеров невозможно без своевременного предоставления обеим сторонам подробных данных о том, каковы успехи или неудачи компании в осуществлении избранной ею стратегии. Применение современных информационных технологий и телекоммуникаций, в том числе внедрение развернутых сетевых корпоративных систем, проведение Web-заседаний органов управления, участники которых находятся в разных городах, позволяет фирме достигнуть успеха в этом направлении.

Информационно-технологические системы позволяют оперативно и точно принимать решения на основе имеющихся данных, причем расстояние между управляющим и управляемым субъектами перестали иметь значение. Они применяются в таких сферах, как планирование ресурсов (enterprise resource planning, ERP), организация снабжения (supply chain management, SCM) и сбыта (sales force automation, SFA), взаимодействие с клиентами (customer relationship management, CRM), регулирование потребительского спроса (consumer demand management, CDM) и т.д. Объем рынка программного обеспечения, предназначенного для создания подобных систем, быстро растет, и затраты на их приобретение становятся все более важной статьей корпоративных бюджетов.

Маркетинговые инновации. Современные информационные технологии дали возможность для использования новых методов маркетинговых исследований; построения новых каналов сбыта и изменения направленности сбытовой политики компании; использования новых форм и средств коммуникационной политики.

В середине XX века развитие телекоммуникационных систем и распространение телевизионного вещания дали доступ не только к новым средствам коммуникационной политики, которые сейчас являются наиболее распространенными и действенными, но и открыли новый вид каналов сбыта – телемагазины. В 1990-х годах началась торговая деятельность сети Интернет, и в настоящее время такие каналы сбыта уже широко распространены. Большинство крупных торговых предприятий имеют не только свои интернет-представительства, которые дают возможность ознакомиться с общей информацией и ассортиментом, но и интернет-магазины, позволяющие совершить покупки, не выходя из дома. Кроме того, маркетинговые мероприятия, проводимые в сети Интернет, позволяют в большей степени, чем какие-либо иные, сфокусироваться на необходимых целевых сегментах, поскольку описать контактную аудиторию того или иного сайта не составляет труда. В последнее десятилетие на поисковых сайтах появился новый эффективный вид рекламы – «контекстная реклама», когда в результате анализа запроса пользователю выводится не только необходимая ему информация, но и рекламные объявления по соответствующей тематике.

Технологические инновации. Применение новых технических и технологических методов повышения эффективности непосредственно производственного процесса, как правило, заключается в автоматизации производства, компьютеризации и роботизации производственных линий, т.е. технологические инновации происходят в основном именно в рамках совершенствования применяемых информационных технологий.

Таким образом, на всех этапах развитие вычислительной техники и информационных технологий было тесно связано с экономическими факторами. Они являлись одним из стимулов для создания новых технологий и систем, но вместе с тем информационные технологии также выводили мировую экономику на новые качественные уровни.

Литература

1. Информационные ресурсы России. М.: Росинформресурс, 1996.
2. Комарин В. Рынок инноваций. // Поиск. 2003. №21.
3. Лазарев И.А., Хижа Г.С., Лазарев К.И. Новая информационная экономика и сетевые механизмы развития. М., 2005.
4. Фархутдинов Р.А. Инновационный менеджмент. СПб: Питер, 2005.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СУБЪЕКТА УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫМ ИННОВАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ КОМПЛЕКСОМ

Л.Г. Мишура

Для координации всего многообразия взаимных стратегических интересов образования, науки и производства (в широком смысле слова) в рамках интегрированного инновационно-образовательного комплекса необходимо создать специальную структуру в виде субъекта стратегического управления интегрированным инновационно-образовательным комплексом, которая сможет обеспечить условия для эффективной реализации задач, решение которых имеет важное значение для достижения, в том числе, локальных целей всех его элементов. В составе организационной структуры центрального органа управления интегрированным инновационно-образовательным комплексом следует выделять два уровня иерархии управления: уровень общего управления комплексом, представленный руководящим структурным элементом – Советом и председателем Совета комплекса, и уровень функционально специализированного управления, представленный подчиненными структурными элементами – департаментами.

Распределение функций между указанными уровнями управления следует производить, прежде всего, исходя из того, что главной задачей субъекта управления интегрированным инновационно-образовательным комплексом является координация деятельности его участников с целью их ориентации на достижение общих целей комплекса. В основу решения этой задачи должна быть положена единая общая организационно-интеграционная стратегия, играющая роль фундаментального фактора обеспечения его целостности за счет рационального сочетания в стратегических решениях общих целей интегрированной структуры и локальных целей ее участников, разработка и реализация которой составляет главную функцию уровня общего управления. Важным условием практической реализации общей стратегии организации является ее детализация и дефрагментация, направленная на выделение обеспечивающих стратегий, состоящих в совокупности принципиальных решений о развитии объекта в областях, имеющих принципиальное значение для достижения поставленных стратегических целей. Разработка и реализация таких стратегий должна быть определена как общая функция уровня функционально-специализированного управления.

Совет интегрированного инновационно-образовательного комплекса во главе с председателем как руководящий структурный элемент *уровня общего управления* представляет собой структурную единицу, наделенную достаточно широкими правами по регулированию деятельности входящих в комплекс учреждений и организаций в рамках принятой интеграционно-организационной стратегии. При принятии решения о том, какие конкретные функции должен выполнять руководящий структурный элемент управления комплексом, необходимо исходить из того, что возможны два базовых варианта его формирования: передача компетенции общего руководства одному из участников комплекса (в нашем случае наиболее вероятным претендентом представляется вуз как организация, осуществляющая конечную стадию подготовки специалистов и определяющая основные параметры образовательного процесса), параллельно выполняющему управленческие и операционные функции, и создание специализированной организации, выполняющей исключительно функции управления (в нашем случае – основанной на широком представительстве участников комплекса). Анализ достоинств и недостатков этих вариантов позволяет сделать вывод о том, что создание руководящего структурного элемента интегрированным инновационно-образовательным комплексом как специализированной управленческой организации обеспечивает принципиально значимые преимущества.

В Совет интегрированного инновационно-образовательного комплекса должны быть включены должностные лица, занимающие достаточно высокое положение в иерархии управления структурных элементов комплекса, например, ректоры и директоры образовательных учреждений, генеральные директоры предприятий и научно-инновационных орга-

низаций и отдельные руководители их структурных подразделений, имеющих непосредственное отношение к реализации избранной организационно-интеграционной стратегии. Главной функцией Совета является согласование целей всех структурных единиц комплекса с его общими стратегическими целями и на этой основе обеспечение целостности комплекса за счет широкого представительства участников комплекса и применения коллегиальных методов принятия решений.

Уровень функционально специализированного управления отдельными направлениями деятельности интегрированного инновационно-образовательного комплекса должен быть представлен департаментами качества образования, образовательной деятельности, научной деятельности, деятельности потребляющих организаций и обеспечения инновационно-образовательного процесса.

Департамент качества образования в качестве общей функции должен осуществлять управление процессом разработки и реализации стратегии обеспечения качества образования как концептуального подхода к достижению установленного уровня стратегических критериальных параметров развития и главного инструмента обеспечения соответствия качества подготовки специалистов текущим и перспективным требованиям к нему со стороны потребителей рабочей силы, общества и индивидуумов.

Общей функцией *департамента образовательной деятельности* является, согласно представлениям автора, управление процессами формирования и реализации двух взаимосвязанных обеспечивающих стратегий:

- стратегии инновационного обеспечения образовательного процесса, предполагающей определение основных подходов к обеспечению достижения критериальных показателей организационно-интеграционной стратегии за счет регулярного внедрения в учебный процесс современных научно-технических достижений и методико-педагогических инноваций;
- экономической стратегии образовательного процесса, состоящей в определении общих механизмов формирования общих ресурсов интегрированного инновационно-образовательного комплекса, используемых в образовательном процессе и обеспечивающих их распределение и перераспределение в интересах эффективной реализации принятой организационно-интеграционной стратегии.

Общей задачей *департамента научно-инновационной деятельности* является разработка и управление реализацией обеспечивающих стратегий, позволяющих осуществлять эффективную научно-инновационную деятельность интегрированного инновационно-образовательного комплекса в рамках принятой организационно-интеграционной стратегии и, в соответствии с этим положением в качестве отдельных объектов его деятельности выделить:

- стратегию научно-образовательной деятельности, которая предполагает определение основных подходов к обеспечению достижения критериальных показателей организационно-интеграционной стратегии за счет рационального сочетания в учебном процессе элементов образовательных технологий и процессов исследований, разработок и внедрения достижения науки и техники;
- стратегию инновационно-образовательной деятельности, которая состоит в установлении принципиальных решений по обеспечению достижения критериальных показателей организационно-интеграционной стратегии за счет внедрения в образовательный процесс компонент, обеспечивающих получение обучаемыми знаний, умений и навыков в области трансформации научных результатов в практически значимые рыночные продукты;
- стратегию качества образования в научно-инновационном процессе, которая предполагает определение основных подходов к достижению необходимого уровня качества образования за счет применения в учебном процессе прогрессивных научных технологий обучения и современных образовательных инноваций и элементов исследований, разработок и внедрения достижения науки и техники.

Департамент деятельности потребляющих организаций в качестве своей общей функции должен обеспечить реализацию принятой организационно-интеграционной стратегии на основе эффективного взаимодействия с теми структурными единицами интегрированного инновационно-образовательного комплекса, которые являются потребителями подготовленных в его рамках специалистов, и осуществлять разработку и реализацию следующих таких обеспечивающих стратегий, как:

- стратегия образовательной деятельности в производственном процессе, которая состоит в определении механизмов достижения критериальных показателей организационно-интеграционной стратегии за счет привлечения ресурсов потребляющих организаций в образовательный процесс и в процессы хозяйственной деятельности интегрированного инновационно-образовательного комплекса;
- стратегия качества образования в производственном процессе, представляющая собой совокупность принципиальных решений по достижению критериального уровня качества образования на основе ориентации образовательного процесса на точное соответствие требованиям потребителей рабочей силы, подготовленной в рамках интегрированного инновационно-образовательного комплекса.

Департамент обеспечения инновационно-образовательного процесса в качестве общей задачи должен обеспечить создание комплекса условий для эффективной реализации принятой организационно-интеграционной стратегии за счет использования адекватных принятой экономической стратегии инструментов формирования ресурсной базы интегрированного инновационно-образовательного комплекса, что требует разработки и реализации следующих обеспечивающих стратегий:

- стратегия кадрового обеспечения инновационно-образовательного процесса, которая предполагает принятие принципиальных решений по своевременному обеспечению интегрированного инновационно-образовательного комплекса работниками требуемой квалификации в необходимом количестве и по эффективному использованию трудового потенциала;
- стратегия материально-технического обеспечения инновационно-образовательного процесса, которая состоит в установлении основных подходов, способствующих обеспечению интегрированного инновационно-образовательного комплекса необходимыми по количеству, качеству и структуре материально-техническими ресурсами и их эффективному использованию в рамках инновационно-образовательного процесса;
- стратегия финансового обеспечения инновационно-образовательного процесса, отражающая концептуальные положения функционирования интегрированного инновационно-образовательного комплекса в сфере формирования и распределения денежных ресурсов.

Литература

1. Концепция научной, научно-технической и инновационной политики в системе образования Российской Федерации на 2001–2005 годы. М.: Министерство образования, 2000.
2. Соловьев В.С. Организационное проектирование систем управления. М.: Инфра-М, 2002.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ РЕСУРСНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ СФЕРЫ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

В.Р. Дембовский

Важнейшей характеристикой сферы социальных услуг – комплексной отрасли (сектора) национальной экономики, представленной совокупностью субъектов хозяйствования, производящих услуги, используемые для удовлетворения личных потребностей граждан и оплачиваемые либо непосредственно гражданами, либо органами государственного управления, либо общественными организациями – является ее ресурсный потенциал, который представляет собой *степень соответствия ресурсной базы сферы социальных услуг текущим и перспективным общественным потребностям*. В составе ресурсного потенциала следует выделять его составляющие, соответствующие отдельным видам потребляемых ресурсов, которыми являются материально-технический, трудовой, информационный и организационный потенциал. Современные условия и требования к уровню развития ресурсного потенциала сферы социальных услуг предполагают приоритет информационного потенциала, который представляет собой степень соответствия общественным потребностям структуры и объемов применяемых в операционной деятельности субъектов хозяйствования интеллектуальных продуктов непосредственно, в виде прогрессивных технологий, и опосредованно, в виде средств производства, позволяющих обеспечить высокое качество услуг, их необходимые объемы и снижение издержек производства и потребления**.** Данное положение позволяет в качестве определяющей методологии управления ресурсным потенциалом сферы социальных услуг предложить *инновационный подход, сущность которого состоит в существенной активизации применения в производственной практике субъектов хозяйствования данного сектора национальной экономики, независимо от их отраслевой принадлежности, прогрессивных научно-технических достижений при условии объективно доказанной их социальной и экономической эффективности*.

Сущностные представления об инновации ассоциируются с понятиями научно-технического прогресса, научных исследований и разработок, тесно связаны с синонимами «нововведение», «новация» и в достаточно полной мере могут характеризоваться теми научными результатами, которые реализуются (внедряются) в той или иной сфере (социальной, производственной) народного хозяйства. При этом инновации (нововведения) по своей целевой направленности, формам и видам могут быть весьма разнообразными, что определяется разнообразием потребностей и в сфере социальных услуг выражаться предложением нововведений – принципиально новых или улучшенных по ряду параметров продуктов, применение которых позволяет обеспечить соответствие между общественными потребностями и возможностями предприятий и организаций сектора. Синонимичность понятий инновации и нововведения соблюдена в проекте закона Российской Федерации «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике», где инновации и нововведения трактуются как целенаправленный процесс использования результатов интеллектуальной или научно-технической деятельности конкретными субъектами управления социально-экономическими системами.

Осуществление инноваций как трансформации результата творческого труда в конкретные новые или улучшенные (усовершенствованные) виды продуктов должно носить непрерывный характер, что принципиально важно в условиях развивающегося рынка социальных услуг, поскольку инновации представляют собой важный фактор устойчивости развития и конкурентоспособности субъектов хозяйствования. Непрерывность может выражаться не только в стабильном применении хозяйствующим субъектом конкретных продуктов инновационного характера, но и посредством регулярного обновления ресурсной базы: замены закончивших своей жизненный цикл кардинально новыми, улучшающими или базовыми нововведениями, позволяющими достичь необходимого уровня качества, объемов выпуска, управления процессом производства и продвижения услуг в соответствующий сегмент рынка. Таким образом, непрерывность реализации инноваций должна сочетаться с дискретным характером их жизненных циклов.

Реализация инновационного подхода к управлению ресурсным потенциалом сферы социальных услуг в качестве базового условия предполагает формирование ее инновационной инфраструктуры, субъектами которой являются как потребители инноваций, так и производители интеллектуальных продуктов, образующие единое целое посредством регулярного взаимодействия в области согласования характеристик спроса и предложения на данный специфический вид товара. Последний тип элементов инновационной инфраструктуры может быть определен термином *инновационеры*, к которым относятся как хозяйствующие субъекты, так и индивидуумы, конечный результат научного (творческого) труда которых реализуется в виде инновационных продуктов и содержание функционирования которых составляет инновационная деятельность: непрерывный процесс создания новых видов продуктов в виде результатов комплекса фундаментальных и поисковых исследований, научно-исследовательских, опытно-конструкторских, опытно-технологических и внедренческих разработок.

В составе инновационной деятельности, с учетом специфики объекта управления (ресурсного потенциала сферы социальных услуг), представляется необходимым выделять ее отдельные направления – ресурсные инновации, позволяющие обеспечить:

- совершенствование материально-технической базы субъектов хозяйствования в виде инноваций, позволяющих повысить эффективность использования основных и оборотных средств субъектов хозяйствования;
- рационализацию общей и квалификационной структуры трудовой базы предприятий и организаций на основе современных достижений в области подготовки и переподготовки персонала;
- повышение результативности управления сферой социальных услуг на всех ее уровнях на базе применения прогрессивных решений и инструментов реализации всех базовых функций менеджмента: планирования, организации, мотивации, контроля и регулирования.

Такая дифференциация позволит разделить инновационеров на предметно специализированные группы, каждая из которых в процессе принятия конкретных управляющих решений может быть оценена с точки зрения их возможного локального вклада в повышение ресурсного потенциала сферы социальных услуг в целом и в аспекте необходимости их взаимодействия. Последнее положение представляется принципиально важным, поскольку в большинстве случаев инновационные изменения отдельных элементов ресурсного потенциала способны привести к его общему позитивному изменению только в том случае, когда обеспечено адекватные нововведения в других (например, эффективное использование современного оборудования обусловлено соответствующей подготовкой его пользователей и, часто, изменением системы управления субъекта хозяйствования).

Важной особенностью инновационного развития ресурсного потенциала сферы социальных услуг следует признать то, что при принятии управленческих решений в данной области возможны три типа инноваций:

- инновации, обеспечивающие повышение эффективности функционирования субъекта хозяйствования за счет внедрения прогрессивных способов производства услуг без изменения структуры продуктового ряда, в основе которого лежит снижение издержек и (или) рост объемов производства;
- инновации, обеспечивающие производство новых видов услуг с изменением структуры продуктового ряда (внедрение продуктовых инноваций), которое требует изменения ресурсной базы субъекта хозяйствования и обеспечивает рост эффективности его функционирования за счет повышения потребительских характеристик (степени удовлетворения потребности), но может быть связано с ростом издержек производства;
- инновации комплексного характера, которые одновременно позволяют снизить операционные издержки и повысить потребительские параметры и инновационный характер производимых услуг.

Комплексный характер инновационного подхода к управлению ресурсным потенциалом сферы социальных услуг предполагает, что за период времени от появления новой общественной потребности до воплощения ресурсной инновации в рамках хозяйствующих

субъектов должны быть осуществлены все необходимые меры, позволяющие предложить потребителю законченный (готовый к потреблению), новый по существу или созданный в новых условиях продукт. В этой связи необходимо отметить, что существует ряд организационных, финансово-инвестиционных, социальных, экономических и маркетинговых особенностей внедрения, а также использования нововведений в деятельности хозяйствующих субъектов сферы социальных услуг. Важнейшая из таких особенностей, в отличие от реализации результатов научного труда в производственной сфере Российской Федерации, состоит в относительно низких возможностях финансового обеспечения инновационных проектов, что, прежде всего, касается социально значимых структурных составляющих данного сектора национальной экономики (например, здравоохранения и образования), в основном финансируемых из федерального и региональных бюджетов. Заметим, что по мере становления и развития рыночных отношений, в соответствии с законодательством Российской Федерации, предоставляющим возможности осуществления предпринимательской деятельности, отдельные бюджетные учреждения в настоящее время, независимо от их организационно-правовых форм, в ряде случаев могут получать достаточный объем финансовых ресурсов для создания и реализации инноваций за счет платных дополнительных услуг, пожертвований и целевых взносов физических и юридических лиц, реализации, сдачи в аренду основных фондов, имущества учреждения и иных форм деятельности.

Тем не менее, предоставление государством права субъектам хозяйствования сферы социальных услуг социальной сферы вести предпринимательскую деятельность не может решить всех проблем инновационного развития ее ресурсного потенциала. Исходя из этого, представляется необходимым централизованное регулирование научно-инновационной деятельности на всех уровнях государственного управления, что позволит существенно повысить социальную и экономическую результативность создания и реализации инноваций на основе бюджетного финансирования исследований и разработок и иных форм государственного участия. Такое регулирование может быть осуществлено посредством создания системы предметно специализированных государственных организационно-инновационных организаций, деятельность которых позволит эффективно и целенаправленно определять наиболее важные и социально значимые формы и инструменты повышения ресурсного потенциала сферы социальных услуг и избежать распыления бюджетных средств по отдельным многочисленным учреждениям государственного сектора сферы социальных услуг. Представляется необходимым отметить, что функционирование таких организаций способно создать условия не только существенного снижения расходов на создание ресурсных нововведений, но и повышения их востребованности, результативности, а также эффективности реализации в процессе оказания потребителям конкретных видов услуг на основе взаимной заинтересованности инновационера и потребителей инноваций в получении высоких экономических и финансовых результатов.

При оценке роли государственного регулирования инновационного совершенствования ресурсного потенциала следует в полной мере учитывать значительный интеллектуальный потенциал, а также материально-технические и финансовые возможности субъектов хозяйствования сферы социальных услуг, прежде всего в такой отрасли, как высшее профессиональное образование. Активное включение данного типа государственных организаций в инновационные процессы позволит, с одной стороны, создать замкнутый цикл циркуляции бюджетных ресурсов внутри сферы социальных услуг, объединив государственных инновационеров и потребителей инноваций, и, с другой, в определенной степени решить проблему финансирования системы высшего профессионального образования, связав его объемы и направленность с конкретными результатами инновационной деятельности.

Результативность создания и реализации ресурсных инноваций в учреждениях сферы социальных услуг в существенной мере зависит от рационального сочетания бюджетного и внебюджетного финансирования инновационной деятельности на основе многоуровневого и многоканального финансирования, ориентированного на выделение государственных приоритетов и их распределение по уровням государственной власти (федеральному,

региональному и местному), а также на оценку возможностей получения финансовых ресурсов по таким каналам, как привлечение средств коммерческих предприятий частного сектора, национальных и международных фондов поддержки инновационной деятельности.

Экономическая эффективность использования конкретной ресурсной инновации хозяйствующим субъектом сферы социальных услуг определяется тем, что затраты на создание или приобретение результатов исследований и разработок в соотношении со стоимостной величиной эффекта (результата в виде экономии средств или дополнительного дохода от применения инновации в течение определенного периода времени) должны удовлетворять нормативному условию их окупаемости или быть ниже установленного норматива.

Литература

1. Дробышевская Т., Дробышевский С. и др. Экономика предоставления услуг. М.: Институт проблем переходного периода, 2002.
2. Дембовский В.Р. Роль инноваций и эффективности их использования в развитии социальной сферы: Препринт. СПб.: Изд-во «Нестор», 2002.
3. Концепция федерального закона «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике в Российской Федерации» / Ю.В. Яковец. Подготовлено по заказу Минэкономики России. М., 1997.

8 ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИИ

СУБЪЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Д. Макаров

Как показывает анализ отечественного инвестиционного рынка, основными инвесторами российской экономики выступают: предприятия, банки, государство, население, нерезиденты (рис. 1). Примерная доля каждого из этих источников в общем объеме инвестиций в 2005–2006 гг. указана в табл. 1.

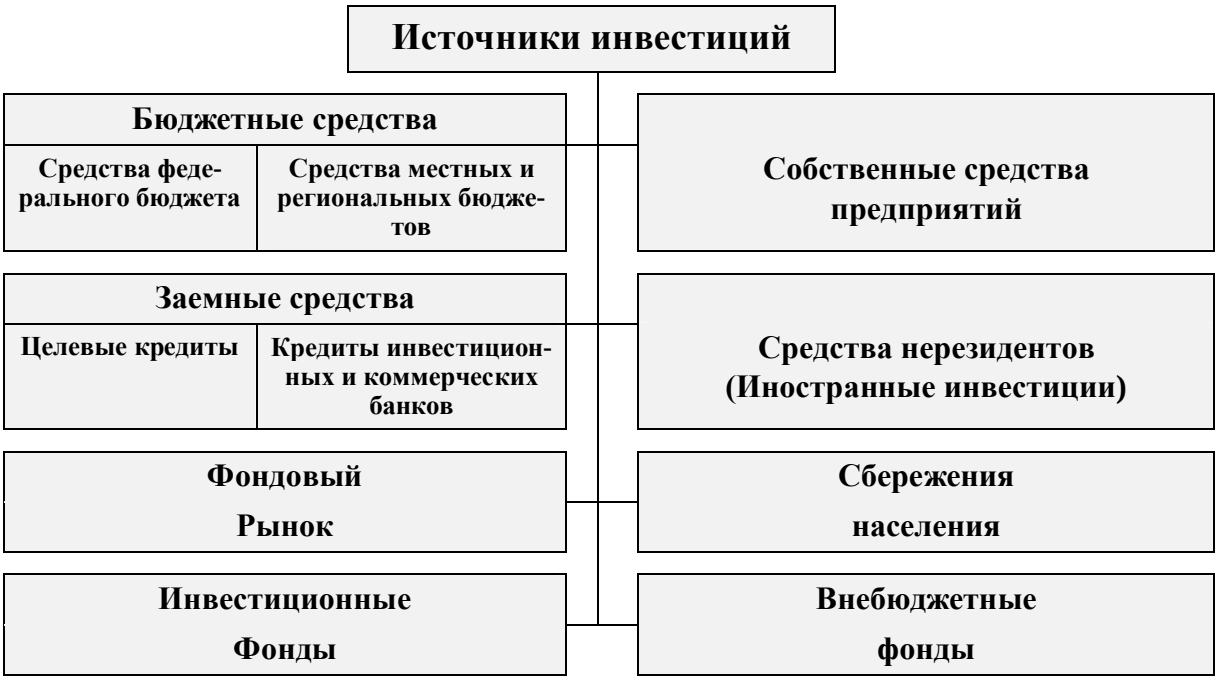


Рис. 1. Структура основных источников инвестиций в российскую экономику

Таблица 1

Примерная структура инвестиций

Источники финансирования	Доля источников
Бюджетные средства	21,0-26,0
Заемные средства,	7,0
в том числе: льготные кредиты	2,0
Долгосрочные кредиты коммерческих и инвестиционных банков	5,0
Центральные инвестиционные фонды	4,0
Собственные средства предприятий	60,0-65,0
Иностранные инвестиции	3,0

Сложность анализа структуры источников инвестиций связана с отсутствием адекватных статистических данных, тем более что статистика находится в процессе перехода к международным стандартам учета и к системе национальных счетов.

Среди инвестиций значимое место занимают **средства самих предприятий** (до 60–65%), определяемые заинтересованностью, которую испытывают непосредственные производители в совершенствовании собственного производства. Рост инвестиционной самостоятельности предприятий любой формы собственности обеспечивается, прежде всего, ценовой, налоговой и амортизационной политикой государства в лице его федеральных и местных органов, поскольку основой формирования ресурсов предприятия является его валовая прибыль, а в ее составе – амортизация на реновацию и чистая прибыль. В условиях спада производства в составе собственных средств предприятия должна резко увеличиваться доля амортизации на реновацию из-за сокращения масштабов инвестируемой прибыли. Поэтому решение проблемы реальной оценки основных средств, обеспечения прибыльно работающим предприятиям нормальных амортизационных отчислений является актуальной задачей промышленной политики.

Несмотря на сокращение доли инвестиций в государственном бюджете, **бюджетные инвестиции** – по-прежнему ключевые в финансовом обеспечении структурных преобразований. Во-первых, главенство государственного бюджета проистекает из той связующей перераспределительной функции экономических процессов, которые протекают в целом в народном хозяйстве. Бюджетные инвестиции базируются на активах государства и им гарантируются материально. Во-вторых, использование бюджетных инвестиций имеет более высокую управляемость со стороны Правительства РФ. Поэтому бюджетные инвестиции оказываются более мобильными в оперативном обеспечении и поддержании сбалансированности структурных народнохозяйственных сдвигов.

Инвестирование предприятий государственного сектора, в особенности казенных заводов, остается сферой абсолютного приложения бюджетных инвестиций. Работа казенных предприятий по госзаказу, в котором установлены твердые цены, в условиях роста других цен сводит к нулю возможности данной группы предприятий к самофинансированию.

Заемные средства (целевые кредиты и кредиты коммерческих банков) в перспективе должны стать одним из важнейших источников инвестиций в реальный сектор. Однако в настоящее время в условиях платежного кризиса в структуре банковских активов сохраняются тенденции антиинвестиционного характера.

Перелом тенденции банковской деятельности в сторону инвестиционной направленности, на наш взгляд, зависит, прежде всего, от коренных изменений в самой денежной политике. Для этого необходимо решение ряда проблем, одни из которых являются объектом общегосударственной социально-экономической стратегии развития, другие находятся в компетенции органов управления банковской системой. Первая группа проблем связана, прежде всего, с обеспечением долгосрочного характера принимаемых правительственных решений в области изменения финансовых и денежных отношений и, в частности, законодательной их базы. При решении проблем этой группы необходимо иметь в виду, что банковская система по своему существу – система высокоинерционная, способная работать только в долгосрочном режиме, режиме долгосрочной ответственности и обязательств перед клиентами. В состав второй группы проблем входит формирование институциональной структуры банковской системы с законодательным закреплением ее функций и организационной направленности банков (на инвестиционную, текущую или универсальную деятельность).

Для привлечения **сбережений населения** в инвестиционную сферу необходимо решить две основные задачи: восстановление дореформенных, а также докризисных (1998 г.) сбережений и разработка механизма трансформации средств населения в инвестиционные ресурсы, включающего расширение потребительского и развитие ипотечного кредитования. Решение этих задач позволит инвестировать в экономику России в течение ближайших 3–4 лет порядка 40 млрд. долл., что превышает иностранные инвестиции, включая и средства, предоставляемые международными финансовыми организациями.

Одним из ведущих направлений банковской политики накоплений должны быть разработка на законодательной основе и введение в действие российской программы стимулирования накоплений граждан. Реализация политики стимулирования денежных накоплений

создаст альтернативу нарастанию долларизации денежного обращения и оттоку средств из сферы банковского капитала.

Одним из звеньев системы мобилизации инвестиционных ресурсов являются **инвестиционные фонды**. Инвестиционный фонд (ИФ) – инвестиционный институт в форме АО, ресурсы которого образуются за счет выпуска собственных ценных бумаг (акций) и продажи их мелким инвесторам с целью привлечения сбережений широких слоев населения. Средства вкладываются от имени инвестора в ценные бумаги государства, в банковские вклады. Характер мобилизации средств у этих фондов иной, чем у институциональных фондов (пенсионных, страховых). Помещая деньги в пенсионные и страховые фонды, население делает, по существу, сверхдолгосрочный депозит (до 40 лет), а покупатель акций инвестиционных фондов делает инвестицию. Он рискует больше, чем депозитор (хотя и меньше, чем покупатель акций производственных, инвестиционных и т.п. компаний). В инвестиционные фонды вкладывают деньги те лица, которые хотят получать твердые, нерисковые доходы ежегодно, а не через несколько десятков лет. Улучшение состояния инвестиционных фондов зависит, прежде всего, от положения в производственном секторе. Только преодоление стагнации экономики и подъем производства позволят предприятиям выплачивать дивиденды по своим акциям, а курсовая цена этих акций станет расти.

Неотъемлемым элементом **фондового рынка** являются ценные бумаги, представляющие собой особым образом оформленные документы, выражающие имущественные, чаще всего долговые, отношения между субъектами. Современные экономические связи обслуживаются великим множеством ценных бумаг: акции, паи, облигации, векселя, акцепты, ноты, депозитные и инвестиционные сертификаты, сберегательные боны, коносаменты, коммерческие бумаги, варранты и т.д.

Для формирования инвестиционных ресурсов фондового рынка и увеличения операций с ценными бумагами, на наш взгляд, необходимо создать систему мобилизации инвестиционных ресурсов, важнейшим элементом которой должны стать институциональные фонды – пенсионные, страховые, общественных организаций и т.п., представляющие собой органы независимых общественных институтов.

Привлечение **иностранных инвестиций** в экономику России преследует как долгосрочные цели создания рынка и интеграции страны в мировое хозяйство в статусе индустриальной державы, так и кратко- и среднесрочные цели – выход за пределы суженного воспроизводства без потери качества российской экономики. Следовательно, перед государством стоит задача повышения стимулов участия иностранного капитала в российской экономике. При этом государство должно быть гарантом экономической безопасности, проводя политику разумного, селективного, точечного протекционизма и реализуя следующие принципы.

1. Иностранный капитал необходимо привлекать тогда, когда исчерпаны резервы отечественного капитала.

2. Программная деятельность иностранных инвесторов, их проекты по реконструкции предприятий и производству продукции должны быть «прозрачны», а в отдельных случаях проходить экспертизу на федеральном уровне.

Инвестиционная деятельность обязательно включает дополнительное финансирование и дополнительное инвестирование. Активность привлечения иностранных инвестиций напрямую связано с экономической и политической ситуацией в стране.

Проблемы инвестиций обсуждаются постоянно на проводимых в России семинарах, форумах и конференциях. Однако, невзирая на колоссальное количество проведенных за последние два года мероприятий, нельзя сказать, чтобы инвестиционные процессы в России приобрели современные очертания и двигались в определенном стратегическом русле, принося ощутимую пользу российскому реальному сектору. И, тем не менее, Россия является самым привлекательным для инвестиций рынком в мире, пишет британский еженедельник Money Week. Такой вывод был сделан по итогам «круглого стола» аналитиков: Россия является более выгодным местом для вложения денег, чем Китай или Индия, экономика которых достаточно сильно зависит от борющихся с экономическим кризисом США.

За последние несколько лет объемы иностранных инвестиций увеличивается, несмотря на сложности российской действительности. Тот факт, что экономика России напрямую зависит от экспорта сырьевых ресурсов, прежде всего нефти, не только не пугает, но даже привлекает инвесторов. «Что мне особенно нравится в России – это то, что она не зависит от американских потребителей, в отличие от Европы, Китая или Японии. Это означает, что у России будет динамика развития, отличная от всего остального мира», – отметил старший менеджер по управлению активами RAB Capital Эрилд Эйде.

Не опасаются западные инвесторы и политических рисков, которыми обеспокоены многие политики внутри России. В. Путин – «авторитарный» лидер, считают эксперты, но рынок все равно будет расти.

Литература

1. Совершенствование механизма инвестиционных вложений в предприятия ОПК. Государство и рынок в оптимизации структурных характеристик экономического роста. СПб: Астерион, 2004.
2. Макаров А.Д. Проблемы и концептуальные основы инвестиционной деятельности в оборонно-промышленном комплексе. СПб: СПб ГУ-ЭФ, 2004.
3. Теория и практика инвестиционного обеспечения предприятий оборонно-промышленного комплекса. / Под ред. Макарова А.Д. СПб: Изд-во «Kristmas», 2005.
4. Макаров А.Д. Теория и практика формирования концепции государственного участия в экономике региона. СПб: Крисмас+, 2003.

ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНОСТРАННОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИКУ РОССИИ

О.В. Филиппенко

Экономическая жизнь индустриальной России во многом определяется оборотом промышленного капитала, связанного с инвестиционным циклом. Помимо внутренних инвестиций, являющихся основным фактором инвестиционного цикла, Россия с конца 80-х годов пытается активно использовать и иностранные инвестиции. Использование иностранных инвестиций является объективной необходимостью, обусловленной системой участия экономики страны в международном разделении труда и переливом капитала в отрасли, свободные для предпринимательства, однако по поводу привлечения в экономику России существуют диаметрально противоположные мнения.

Официальная точка зрения состоит в том, что следует активно привлекать иностранные инвестиции, создавая благоприятный инвестиционный климат. В то же время существуют и мнения о нежелательности широкого доступа иностранного капитала в российскую экономику как фактора потери экономической независимости государства. Другой, более логичной позицией, представляются взгляды тех экономистов, которые в притоке иностранного капитала видят угрозу серьезной конкуренции для российской промышленности. Они протестуют против низкой цены предприятий, выставляемых на аукционы в ходе приватизации, в которых участвуют иностранцы. Вместе с тем объективные законы мировой экономики, процессы международной миграции, капитала свидетельствуют о том, что Россия не может стоять в стороне от активного привлечения и использования иностранного капитала.

Как свидетельствует практика, мировое хозяйство и отдельные национальные хозяйства не могут эффективно функционировать без перелива капитала в мировом масштабе, без его эффективного использования. Это объективная необходимость и одна из важнейших отличительных черт современного мирового хозяйства и международных экономических отношений.

Мировая экономическая наука еще в 60-е гг. убедительно доказала, что любая развивающаяся страна, стремящаяся к быстрому увеличению национального дохода, сталкивается с неразрешимыми трудностями, если она пытается осуществить программу капиталовложений, ограничиваясь лишь мобилизацией национальных средств. Поставив цель интегрироваться в мировое хозяйство, признавая необходимость следования идеалам открытой экономики, нельзя не признать объективности процессов притока капитала в Россию. Привлечение иностранного капитала в Россию относится не к конъюнктурно-тактическим, а к стратегическим задачам развития российской экономики. Как и другие страны, Россия рассматривает иностранные инвестиции как факторы ускорения экономического и технического прогресса, обновления и модернизации производственного аппарата, овладения передовыми методами организации производства и обеспечения занятости, подготовки кадров, отвечающих требованиям рыночной экономики.

Инвестиционная активность является самым слабым местом в российской экономике с начала рыночных реформ. Динамика внутренних капиталовложений отрицательна: если в 1996 г. по сравнению с уровнем 1991 г. объем валового внутреннего продукта сократился на 39%, промышленного и сельскохозяйственного производства, соответственно, на 49 и 35, то объем капиталовложений упал за это пятилетие на 71 процент. Налицо острый инвестиционный кризис.

В условиях инвестиционного кризиса в России привлечение иностранных инвестиций становится задачей, от эффективности решения которой зависят ход, темпы и, во многом, результаты проводимых реформ. В условиях перехода от одной хозяйственной системы к другой требуется огромный объем инвестиций для обеспечения такого перехода. Специфические условия нашей страны делают этот процесс не имеющим аналогов в мире. Проблемная специфика России выражается, прежде всего, в обширности территории, неразвитости коммуникационной структуры, наличии устаревшего производственного аппарата, гипер-

трофированности военно-промышленного комплекса при отсутствии целого ряда производств, необходимых для нормальной гражданской экономики и в слабости сельского хозяйства. Для перестройки всего народнохозяйственного комплекса на рыночную основу, модернизации экономики, усиления ее социальной ориентации требуются огромные капиталовложения. Не следует ожидать, что иностранные инвестиции смогут удовлетворить российские инвестиционные потребности в полной мере, однако в определенной степени, в рамках развития отдельных ключевых областей и сфер производства это, по-видимому, возможно.

Для нормализации российской экономики в ближайшие 5–7 лет, по оценке американской консалтинговой компании «Эрнст и Янг» нужно привлечь 200–300 млрд. долл. При этом только одному топливно-энергетическому комплексу России для преодоления кризисных явлений потребуется 100–140 млрд. долл. Для замены и модернизации активной части производственных фондов России нужно ежегодно привлекать 15–18 млрд. долл. Для этого примерно десятую часть международных прямых инвестиций необходимо перераспределять в пользу нашей страны. Реально Россия будет конкурировать на уровне предложения капиталов объемом 40 млрд. долл. (По оценкам некоторых российских экспертов, в реальности России придется конкурировать за более скромный объем иностранного капитала, где-то в пределах 10 млрд. долл.).

Имея множество альтернативных предложений на более благоприятных, чем в России, условиях, иностранный капитал не спешит и не будет спешить инвестировать в российскую экономику. Ближайшие соседи России, предлагая более высокую надежность инвестирования, перехватывают потоки западных инвестиций. Так, например, Венгрия, Польша, Чехия, как отмечалось выше, получили значительную часть иностранных инвестиций с начала 90-х гг. И хотя по абсолютной сумме иностранных инвестиций Россия занимает 2-ое место после Венгрии, следует учитывать, что в Венгрии уже 17% предприятий имеют в своем капитале иностранную долю, а в странах бывшего СССР – только 0,2%.

Литература

1. Закон Российской Федерации «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» от 24 сентября 1993 г. № 35-ФЗ
2. Инвестиционное поведение российских предприятий. М.: Институт экономики переходного периода, 2003.

ВЛИЯНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Д.М. Мальцев

Текущее состояние национальной экономики подразумевает долгосрочный рост валового внутреннего продукта, базирующийся на увеличении объема инвестиций из различных источников. Важным моментом в привлечении инвестиций является создание государством благоприятных условий для инвесторов, независимо от их категорий. Для национальной и региональных экономик важным является привлечение внутренних инвестиционных ресурсов бизнес-структур, функционирующих в реальной экономике и стремящихся к развитию, тем более что многие из них в настоящее время имеют финансовые ресурсы для развития.

Очевидно, что реальные бизнес-структуры заинтересованы в высокой эффективности реализации инвестиционных проектов, поскольку от этого зависят темпы развития их бизнеса и то, что они будут использовать имеющиеся внутренние возможности для повышения эффективности реализации инвестиционных проектов. Однако их усилий может быть недостаточно, так как эффективность реализации инвестиционных проектов зависит и от других составляющих, в том числе от состояния окружающей среды или инфраструктуры самой бизнес-структуры и инвестиционного проекта.

Состояние инфраструктуры может быть благоприятным для реализации инвестиций, нейтральным или неблагоприятным. При этом не всегда реакция инфраструктуры на инвестиционный проект может быть выявлена на ранних стадиях его разработки. Если негативное воздействие инфраструктуры становится известно на ранних стадиях, это рассматривается как повышение рисков реализации проекта со всеми вытекающими последствиями; в частности, это может привести к увеличению потребности в инвестиционных ресурсах и к ухудшению показателей эффективности проекта. В ряде случаев инвестор, убедившись в том, что система показателей эффективности не соответствует его замыслам, отказывается от инвестирования. Если же негативное воздействие инфраструктуры становится известным на поздних стадиях реализации проекта, например на этапе пуска или мониторинга результатов внедрения, последствия могут быть самыми тяжелыми для инвестора и для бизнес-структуры – инициатора проекта. Во втором случае важным моментом является возможность бизнес-структуры активно воздействовать на состояние инфраструктуры.

Рассмотрим примеры из практики разработки и внедрения инвестиционных проектов за последние несколько лет.

Проект совершенствования системы горячего водоснабжения районного центра (муниципального образования) одного из субъектов Федерации. Владельцем и оператором тепловых сетей районного центра является ГУП «Тепловые сети муниципального образования». Причина модернизации – критический износ оборудования и устранение последствий крупной аварии системы теплоснабжения, потребовавшее привлечение крупных финансовых ресурсов муниципалитета (районный центр), региона и Федерации по линии МЧС. Рассматриваемый проект модернизации системы теплоснабжения районного центра включает не только замену изношенного оборудования, но и новое пространственное построение всей системы теплоснабжения. Планируется, что финансирование инвестиций в модернизацию системы теплоснабжения возьмут на себя частные инвесторы, которые будут в дальнейшем эксплуатировать систему теплоснабжения, не только получая справедливый доход, но сохраняя на длительный период тарифы на теплоэнергию и горячее водоснабжение населению и ликвидируя систему дотаций местного бюджета в теплоснабжение.

Существующая система теплоснабжения города включает в себя: единственный источник теплоснабжения – котельную с семью котлами с износом 100% и прошедшим 25-тилетним сроком эксплуатации, разрешенной заводом-изготовителем; магистральные тепловые сети от котельной до города, износ 100%; внутриквартальные тепловые сети, износ более 70%; водовод, износ 90–95%; прочее оборудование, износ 95%. Простое перечисление элементов системы теплоснабжения отражает ее функциональное (технологическое) по-

строение, основанное на их тесной взаимосвязи, и очевиден высокий риск выхода из строя всей системы теплоснабжения в случае отказа хотя бы одного технологического этапа выработки и доставки теплоносителя до потребителя.

Для привлечения частного капитала в субъекте Федерации предусмотрен законодательством ряд существенных льгот. Однако этого недостаточно, требуется создать систему гарантий возвратности инвестиций в реконструкцию системы теплоснабжения в срок не более четырех-пяти лет.

Технологическое преимущество нового пространственного построения заключается в отсутствии магистрального трубопровода, являющегося, кроме важного элемента старого построения системы, также основным источником тепловых потерь в процессе доставки теплоносителя к потребителю, а также в снижении рисков эксплуатации системы.

Экономическое преимущество модернизированной системы теплоснабжения выражается в снижение расходов на эксплуатацию системы, в основном за счет повышения КПД вновь устанавливаемого оборудования, снижения потерь при транспортировке теплоносителя из-за исключения из системы магистрального трубопровода, исключения потерь из-за износа оборудования.

Конкурентное преимущество выражается в снижении потребности в теплоносителе и, следовательно, в расходе топлива, являющегося основным элементом затрат при эксплуатации системы теплоснабжения.

Традиционно вся система теплоснабжения была разделена между двумя собственниками. Это ГУП «Тепловые сети муниципального образования» (ГУП «ТСМО»), которым принадлежат предприятия, генерирующие теплоноситель, и транспортные подсистемы, доставляющие теплоноситель до межквартальных или домовых сетей, а также предприятия жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), отвечающие за доставку теплоносителя непосредственно до потребителя (до жилых или производственных помещений потребителей). С точки зрения правовых и финансовых взаимоотношений эту схему можно описать следующим образом: ГУП «ТСМО» производит, доставляет и реализует ЖКХ теплоноситель, измеряемый в Гигакалориях (Гкал). Соответственно, ЖКХ оплачивает произведенные Гкал ГУП «ТСМО». ЖКХ через свои квартальные и домовые сети доставляет теплоноситель до каждого помещения и реализует теплоноситель по действующему тарифу. В настоящее время стоимость теплоносителя пересчитывается на один квадратный метр общей или производственной площади, образуя утверждаемый тариф за тепло; данный тариф утверждается энергетической комиссией администрации и учитывает уровень затрат генерирующих предприятий, транспортировки теплоносителя, покупательную способность населения и предприятий, а также возможности местного бюджета дотировать растущие затраты генерирующих предприятий и льготы населению.

Соответственно, функционирование системы теплоснабжения планировалось в показателях, отражающих функционирование активной части системы теплоснабжения – котельной, которые отражают выработку тепловой энергии: планово-учетной единицей функционирования системы теплоснабжения является выработка тепловой энергии в Гкал. К ним привязывались показатели оборудования, удельные показатели, в том числе расход топлива на одну Гкал, себестоимость производства одной Гкал, цена отпущенной теплоэнергии и т.д.

Попытка использования указанной планово-учетной единицы при определении эффективности инвестиционного проекта модернизации системы теплоснабжения привела к выявлению серьезного противоречия. Так, моделирование показателей эффективности установило резкое ухудшение основного показателя функционирования модернизированного предприятия – объема реализации теплоэнергии в Гкал. Действительно, планируемый объем реализации в Гкал после модернизации становится значительно меньше (за счет конкурентного преимущества), чем объем реализации в Гкал системы в исходном состоянии. Иначе говоря, ЖКХ будет покупать совокупно меньше Гкал тепла, сохраняя при этом уровень поставки теплоносителя до конечного потребителя как минимум на прежнем уровне. Для генерирующего предприятия, являющегося основным потребителем инвестиционных ресурсов, отсутству-

ет источник погашения инвестиционных затрат в процессе эксплуатации. В данной ситуации неизбежно поднятие тарифов за Гкал для погашения инвестиций, что является неприемлемым вариантом.

Естественным выходом из данной ситуации может быть введение иной планово-ученой единицы (ПУЕ) – объем теплоносителя, доставленного до конечного потребителя. Фактически, это установка соответствующих счетчиков либо в каждой квартире, либо в каждом доме, либо в каждом квартале (варианты расположены в порядке ухудшения). В существующей схеме взаимоотношений между генерирующим предприятием и ЖКХ внедрение ПУЕ «объем теплоносителя, доставленного до конечного потребителя» и расчет за поставленное тепло невозможен. Поскольку введение новой ПУЕ невозможно без изменения взаимоотношений между генерирующими предприятиями и конечными потребителями, а следовательно, без изменения подсистемы управления системы теплоснабжения, требуется передача квартальных и домовых сетей генерирующему предприятию. Фактически этот вариант означает приватизацию владельцем генерирующего предприятия муниципального имущества в виде квартальных и домовых сетей.

Основной вывод по данному проекту состоит в том, что существующая система экономических отношений в области теплоснабжения населенных пунктов, доставшаяся нам от предшествующих периодов, не только не соответствует рыночным отношениям, но и активно им противостоит: недопущение частных инвесторов в потенциально эффективные сферы заставляет потребителей оплачивать неэффективную работу неприватизированных предприятий по тарифам, значительно превышающим рациональный уровень, сохраняет и воспроизводит технологическое отставание, закрывает возможности повышения эффективности функционирования в смежных областях (экономия на теплоизоляции). Следовательно, для высокоэффективного управления на предприятиях теплоснабжения недостаточно одних только технических и технологических мероприятий, а в значительной мере необходимы организационно-управленические решения, связанные с инфраструктурой, для которых нужна политическая воля.

Проект «Организация системы газозаправочных станций в Поволжском округе». Система газозаправочных станций состоит из газоналивной станции (1 единица), станций заправки (40 единиц), подсистемы подвозки сжиженного газа (5 газовозов), подсистемы обслуживания (ремонт, инкассация, охрана и т.п.).

Газоналивная насосно-компрессорной станция расположена на нефтебазе, имеющей подъездные железнодорожные пути. Станция оснащена несколькими емкостями для хранения сжиженного газа, позволяющими разгружать и отгружать необходимое количество газового топлива в газовозы, снабжена двумя компрессорными установками, имеет 3 узла насосно-счетных станций и другое необходимое оборудование. Каждая из станций заправки обеспечена емкостями для хранения газа, снабженных насосом. Подсистема доставки сжиженного газа от газоналивной станции до каждой станции заправки включает транспортное подразделение состоящее из газовозов и гаража с необходимыми службами.

В результате внедрения инвестиционного проекта выяснилось, что в настоящее время отсутствует утвержденные в установленном порядке правила по учету при приеме, хранении, отпуске, а также учета потерь сжиженного газа для предприятий региональных сетей автомобильных заправок сжиженным газом, а также сопровождающий эти операции документооборот. Суть проблемы состоит в том, что прием, хранение и отпуск сжиженного газа на газоналивной станции и транспортировка до станции заправки производится с использованием планово-учетной единицы в измерителях единицы массы (кг, тонны), а прием, хранение и отпуск сжиженного газа на станциях заправки производится с использованием планово-учетной единицы в измерителях объема (литрах). Необходимы правила перевода одного и того же транспортируемого объекта (например, груза сжиженного газа одного заполненного газовоза), в момент отпуска от газоналивной станции груз которого измеряется в единицах массы, а в момент приема этого же груза на станцию заправки – в единицах объема. Основными проблемами перехода от одной планово-учетной единицы к другой являются: учет не-

постоянства состава смеси сжиженного газа пропан-бутан, т.е. соотношения пропана и бутана, отличающихся по плотности в несколько раз; учет параметров давление–температура; учет соотношения газовой и жидкостной фракций заполняемых объемов хранилищ и газовозов, учет уровней их заполнения; использование сертифицированных приборов, регистрирующих данные параметры; разработка документов и процедур их составления для, фиксации показаний этих приборов.

В процессе эксплуатации системы у налоговых органов, которая не может проверить правильность установления объемов слива сжиженного газа на каждую из АГЗС и его реализации, возникли претензии. При поступлении сжиженного газа на ГННКС взвешивается каждая железнодорожная цистерна до и после слива, в результате чего становится известна масса слитого газа. Перед отправкой взвешивается каждый газовоз, в результате чего становится известна масса залитого газа. Отсутствие весов на каждой заправке не дает возможности установить массу слитого газа на заправку. В среднем на одну заправку за один рейс сливается до 7 тонн газа, следовательно, обслуживается три или более АГЗС, однако учитывается только объем слитого газа, поскольку нет утвержденных правил пересчета в массу и, более того, учет реализации производится в единицах объема. Текущий выход из положения найден такой: газовоз заправляется на один рейс на конкретную АГЗС с учетом ее потребности, в результате чего потребность в газовозах увеличилась почти в два раза.

Анализ примеров показывает, что и в первом, и во втором случае инфраструктура инвестиционных проектов оказывается негативной по отношению к проектам. Разница в том, что в первом примере об этом стало известно до начала реализации проекта, а во втором случае – после запуска, когда появились претензии у налоговой системы. В первом примере так и не удалось привлечь частный капитал, и муниципальное образование встало на путь латания существующей системы горячего водоснабжения, несмотря на то, что потенциальный частный инвестор – крупная строительно-инвестиционная компания – выходил с предложениями по изменению системы ЖКХ в горячем водоснабжении в Правительство РФ. Во втором инвестиционный проект реализовался, но эффективность проекта в значительной степени упала, в частности, срок окупаемости увеличился почти в два раза.

И в первом, и во втором случае остается неясно, кто отвечает за благоприятную реакцию инфраструктуры, учитывая, что бизнес-структура не имеет возможности активно на нее воздействовать. Это не только снижает эффективность инвестиционных проектов, но и, что важнее, снижает инвестиционную привлекательность отраслей и регионов.

Литература

1. Бирман Г., Шмидт С. Капиталовложения. Экономический анализ инвестиционных проектов. М.: Юнити-Дана, 2003.
2. Воронцовский А.С. Инвестиции и финансирование: методы оценки и обоснования. СПб: Изд-во СПбГУ, 2003.

РОЛЬ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ СФЕРЫ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ УСЛУГ

М.С. Телегин

Инвестиционная деятельность предприятия подчинена долгосрочным целям его развития и поэтому должна осуществляться в соответствии с разработанной инвестиционной стратегией. Процесс разработки инвестиционной стратегии – важнейшая составная часть общей системы стратегического управления предприятием, основными элементами которого являются миссия, общие стратегические цели развития, система функциональных стратегий в разрезе отдельных видов деятельности, способы формирования и распределения ресурсов.

Инвестиционная стратегия фирмы определяет формальные критерии, по которым компания оценивает инвестиционные возможности. В рамках ее разработки реализация функции стратегического планирования позволяет установить, какие виды услуг и какие географические регионы являются наиболее многообещающими, т.е. обусловливает направления поиска приемлемых инвестиционных проектов. Стратегия одного оператора связи может предполагать обширную территориальную экспансию, выход на рынки других городов, стран, вывод на рынок новых, инновационных услуг, в то же время стратегия другого оператора может основываться на регулярной, планомерной работе в черте данного города без серьезных амбиций. Соответственно будут и отличаться их инвестиционные стратегии.

Поскольку практически каждый проект телекоммуникационной компании тесно связан с инвестиционными процессами, наличие сформированных положений инвестиционной стратегии существенно упрощает работу администрации компании, позволяет сократить срок принятия управленческих решений, дает возможность не отставать, а порой даже опережать стремительные темпы роста рынка связи. В 2005 г. объем рынка телекоммуникационных услуг превысил 1 триллион рублей и, по прогнозам, в этом году вырастет еще на 15–20%. Темпы роста отечественного сектора высоких технологий значительно превышают среднемировые показатели и составили 24,5% в 2005 г. Россия сегодня опережает по темпам роста такие страны, как Германия (3,4%), Великобритания (5,1%), Франция (6%), Китай (11,6%) и Индия (22,9%).

В табл. 1 представлена ежегодная статистика по объемам российских и западных инвестиций в телекоммуникационные предприятия, на основе которой построены графики (рис.1, 2) сравнение которых с графиками динамики изменения доходов в трех ключевых сферах (подвижная электросвязь, ГТС, междугородние соединения – соответственно, рис. 3, 4 и 5) позволяет проследить явную взаимосвязь возросшей доходной части с возросшими инвестициями. Таким образом, грамотные произведенные инвестиции повышают доходность, а значит, обеспечивают экономический рост организации.

Таблица 1.

Инвестиции в отрасли связи

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2005	2006
Иностранные инвестиции, млн. USD	309,5	341,9	899,0	502,2	436	682,1	2961,4	6837,6
Отечественные инвестиции, млрд. руб. с 1998г. - млн.руб.)	11,7	18,2	25,1	44,3	51,8	94,7	75,4	73,9

Рис. 1.

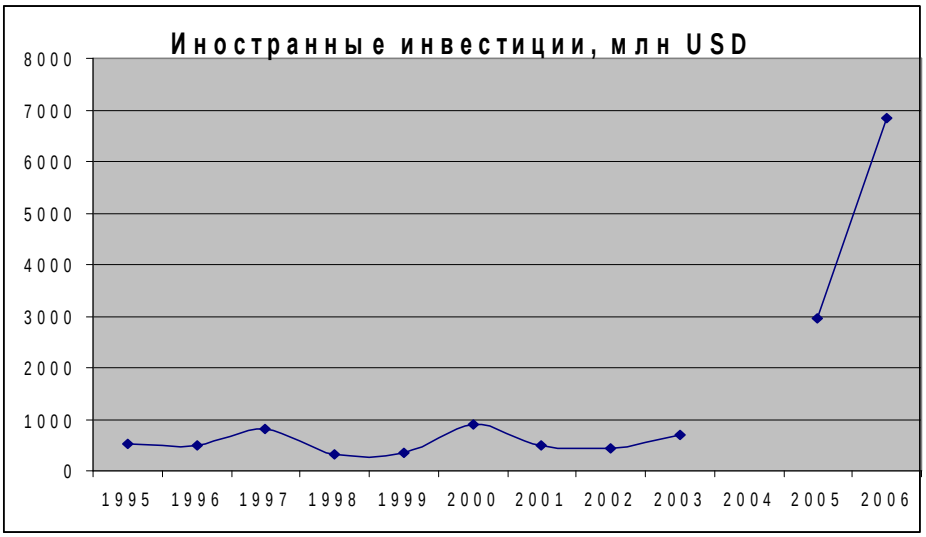


Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

В то же время на графиках рис. 1,2 видна динамика ежегодного увеличения объема денежных средств, инвестируемых в отрасль (особенно – на примере западных инвестиций). Из текущей динамики ясно, что конкуренция на рынке связи будет только усиливаться, небольшие игроки будут постепенно вытесняться с рынка, неизбежно идет процесс глобализации. Идет постоянная разработка инновационных услуг, востребованных рынком. В таких условиях ошибочно произведенные инвестиции могут привести к финансовому краху, поэтому роль инвестиционной стратегии в данном вопросе, безусловно, высока.

К такому же выводу пришли представители Министерства информационных технологий и связи: Д.А. Милованцев, заместитель министра, выступая на конференции «Инвестиционный потенциал рынка высоких технологий в России», в своем докладе отметил: «В условиях, когда основные сегменты телекоммуникационного рынка приблизились к насыщению, участники рынка вынуждены искать новые «точки роста», связанные с внедрением передовых технологий. Конкуренция между операторами фиксированной и мобильной связи постепенно уступает место тенденции вытеснения традиционных услуг услугами передачи данных (прежде всего, широкополосного доступа). Сегодня наиболее динамично растут сегменты рынка, на базе которых сейчас или в перспективе будут предлагаться услуги, конкурирующие с услугами сотовых сетей: виртуальный телефонный номер, маршрутизация мо-

бильного звонка и т.д. Инвестиционный фокус смещается в сторону IP-технологий и сервисных приложений». По словам министра Леонида Реймана, связь должна стать одним из главных направлений государственных инвестиций.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что инвестиционная стратегия – одна из важнейших в системе обеспечивающих стратегий предприятия в сфере телекоммуникационных услуг. Обоснованная инвестиционная стратегия обеспечивает механизм реализации долгосрочных общих и инвестиционных целей предстоящего экономического и социального развития организации в целом и отдельных его структурных единиц. Она позволяет реально оценить инвестиционные возможности организации, обеспечить максимальное использование его внутреннего инвестиционного потенциала и возможность активного маневрирования инвестиционными ресурсами.

Литература

1. http://www.minsvyaz.ru.
2. http://www.ach.gov.ru/
3. Суров С. Ю. Сурова М.Ю. Инвестиционный менеджмент. М.: Приор-издат, 2004.
4. Бирман Г., Шмидт С. Капиталовложения: Экономический анализ инвестиционных проектов / Пер. с англ. Под ред. Л. П. Белых. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 631с.

РИСКИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ КОММЕРЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

М.Д. Вахрамеева

Любая рыночная сделка – это операция, несущая элементы риска, при этом операции с коммерческой недвижимостью находятся в числе наиболее рискованных секторов предпринимательской деятельности, так как одной из характеристик данного рынка является информационная закрытость и неопределенность, что определяется такими его особенностями, как локальность, значимая сегментированность, высокая зависимость от состояния региональной экономики, долгосрочный характер инвестиций, низкая ликвидность недвижимости как рыночного товара. В сочетании с высокой капиталоемкостью объектов недвижимости и высоким уровнем издержек при проведении сделок с ними эти особенности ставят проблему управления рисками на одно из первых мест в процессе инвестирования в строительство коммерческих объектов.

Под риском принято понимать вероятность потери предпринимателем части своих ресурсов, недополучения доходов или появления дополнительных расходов в результате принятия определенных финансовых и производственных решений. Сущность риска состоит в возможности отклонения полученного результата от запланированного; в общем смысле риск – это возможность нежелательного события.

Говоря о видах инвестиционного риска, почти всегда имеют в виду причинные события и используют семантическую конструкцию «риск такого-то причинного события». В экономической литературе нет единой методологии изучения рисков, каждый автор предлагает свою систему рисков и показателей их оценки, что приводит к тому, что схожие типы рисков по-разному определяются и, соответственно, оцениваются. На взгляд автора, изучение мелких рисков или специфических рисков не имеет общего практического применения, так как такие риски инвестор исследует самостоятельно, исходя из конкретных условий, поэтому за основу изучения были взяты основные виды рисков, которые несут большинство инвесторов, независимо от профиля деятельности.

В операциях с коммерческой недвижимостью риск может проявляться в более низкой, чем планировалось ранее, цене при продаже объектов; в более высоком, чем предполагалось, уровне операционных расходов при их управлении; в снижении фактической рентабельности инвестиционного проекта по сравнению с проектной и в утрате собственности – как в связи с разрушением самого «тела» недвижимости, так и по причине потери прав на недвижимость. Масштабы таких рисков могут быть весьма различны – от потери дохода или его части до полной утраты инвестируемых средств или собственности.

Что же является причиной рисков? Можно выделить их следующие виды.

Риск управления недвижимостью. Доход, который инвестор планирует получать от инвестиции в коммерческую недвижимость, в существенной степени зависит от эффективности управления объектом инвестиций, под которым понимается соответствующая организация арендных денежных потоков. Максимально возможное заполнение объекта арендаторами, выбор и привлечение новых арендаторов, контроль поступления арендных платежей, гибкая политика стимулирования арендаторов, поддержание высокого уровня предоставляемых услуг, контроль соблюдения арендаторами обязательств, обеспечение эффективной эксплуатации и ремонта объекта и некоторые другие характеристики являются предметом управления недвижимостью. Риск управления недвижимостью почти уникален, так как для альтернативных инвестиций на финансовом рынке он минимален.

Риск низкой ликвидности. Данный вид риска, как и предыдущий, считается особенно значимым для инвестиций в коммерческую недвижимость. Однако при более детальном рассмотрении необходимо отметить, что степень влияния риска низкой ликвидности не одинакова для различных групп инвесторов. Для институциональных инвесторов, таких как страховые компании и пенсионные фонды, для которых инвестиционная недвижимость является активом, обеспечивающим их долгосрочные обязательства, низкая ликвидность практически

не влияет на инвестиционную привлекательность недвижимости. Имея значительные регулярные текущие поступления, крупные институциональные инвесторы обычно не испытывают необходимости продажи инвестиций для погашения неожиданных крупных обязательств. Для индивидуального инвестора риск низкой ликвидности может иметь критическое значение, так как при необходимости реструктурировать или оставить бизнес он не сможет продать недвижимость относительно быстро и без финансовых потерь.

Секторный риск. Под секторным риском понимается вероятность того, что соотношение спроса и предложения, а соответственно, и колебания цен в конкретном секторе (отрасли) экономики, а именно в секторе недвижимости, могут повлиять на стоимость объекта. Более того, для каждого типа недвижимости амплитуды и тенденции ценовых колебаний могут существенно отличаться друг от друга. Секторный (отраслевой) риск иногда описывают термином «риск рынка недвижимости». Следует заметить, что, несмотря на хорошо известные закономерности цикличности экономической активности, точное предсказание моментов смены ценовых тенденций достаточно проблематично. Кроме того, внутри стандартных циклов колебаний, как правило, имеют место случайные неожиданные флуктуации, связанные с воздействием различных факторов.

Региональный риск. Одним из основных качеств инвестиций в коммерческую недвижимость является фиксированное местоположение объекта инвестиции. В силу этого вероятность воздействия изменения ситуации в отдельном регионе на результаты инвестиций в недвижимость нельзя устранить путем ее перемещения в другой регион. Именно поэтому аналогичная недвижимость в разных регионах может иметь различные инвестиционные характеристики.

Строительный риск. Источником строительного риска, который свойственен инвестициям в проекты девелопмента, является неопределенность в отношении точных величин строительных издержек, сроков строительства, а также возможность наличия различных дефектов строительных конструкций и нарушений технологии строительного производства. При этом для проектов девелопмента критическим является риск, связанный с продолжительностью строительства. Для больших проектов, продолжающихся более двух лет, увеличение срока строительства может привести к тому, что изменения рыночной конъюнктуры кардинально изменят инвестиционную стоимость проекта.

Риск износа. Риск износа связан с вероятностью возникновения дополнительных издержек на строительные работы по устранению последствий воздействия физического, функционального и экономического износов недвижимости. При этом под дополнительными издержками понимаются издержки, не связанные с регулярными ремонтами, которые регламентированы правилами эксплуатации недвижимости. Риск износа является специфическим риском рынка недвижимости и практически отсутствует на других рынках. Следует заметить, что прогнозирование возникновения признаков износа как во времени, так и с точки зрения объема до настоящего времени практически является нерешенной задачей, которая требует соответствующих исследований.

Экологический риск. Данный тип риска отражает вероятность того, что при эксплуатации коммерческой недвижимости или в ходе проекта девелопмента могут возникнуть экологические факторы, которые повлияют на стоимость инвестиции в недвижимость. Учитывая возрастающие требования к экологии окружающей среды, в некоторых случаях данный вид риска может иметь значительную величину.

Риск инфляции. Риск неожиданных изменений темпов инфляции для инвестиций в недвижимость имеет относительно небольшое значение, так как, с одной стороны, при росте инфляции увеличивается стоимость замещения недвижимости, а с другой стороны, рыночная стоимость недвижимости будет адекватно реагировать на темпы инфляции при возможности корректировок арендной платы. Именно поэтому инвестиции в недвижимость считаются одним из действенных средств по сохранению стоимости капитала в условиях инфляции.

Законодательный риск. Данный тип риска связан с вероятностью изменения законодательства, которое прямо влияет на прибыль инвестиции. При этом законодательный риск может как повышать, так и понижать прибыль.

Налоговый риск. Так же, как и законодательный риск, налоговый риск отражает вероятность изменения налогового окружения инвестиции. Коммерческая недвижимость в высшей степени подвержена налоговому риску, поскольку налоговое законодательство может сделать недвижимость существенным налоговым укрытием, и в этом случае будут стимулироваться дополнительные инвестиции, а новые налоги могут как повышать, так и ограничивать инвестиционную привлекательность недвижимости. Налоговый риск для недвижимости является главным фактором, который менее вероятен для альтернативных инвестиций.

Планировочный риск. Специфический для недвижимости риск отражает вероятность того, что изменения политики зонирования и планирования центрального или местного правительства скажутся положительно или отрицательно на стоимости инвестиций в недвижимость. Решения в области транспортного строительства, охранных зон могут кардинально изменить представления о стоимости инвестиций. Для альтернативных инвестиций данный вид риска не представляется столь существенным.

Юридический риск. Данный тип риска отражает вероятность юридической несостоятельности титула на недвижимость, некорректности отдельных статей договоров аренды, например, о пересмотре арендной платы или о распределении расходов по эксплуатации, и т. п.

В финансовом менеджменте применяются три общие категории риска инвестиций: бизнес-риск, который отражает неопределенность денежных потоков дохода, вызываемую существом бизнеса, которым занимается фирма; финансовый риск, отражающий неопределенность, свойственную применяемым методам финансирования инвестиций; риск ликвидности, соответствующий неопределенности, привносимой вторичным рынком инвестиций. Применение этих трех категорий риска к недвижимости означает представление каждого отдельного объекта инвестиций в виде отдельного бизнеса. Тогда бизнес-риск является риском, который уменьшается либо фиксированной арендной платой в течение всего договора аренды или между периодами пересмотра арендной платы, либо увеличением аренды, при пересмотрах; риск ликвидности имеет смысл, полностью соответствующий приведенному определению, а финансовый риск воздействует на недвижимость, которая приобретается с использованием заемного капитала. Если все инвестиции чувствительны, в некоторой степени, к колебаниям нормы процента, то недвижимость, являясь, как правило, левериджированной инвестицией, в высшей степени подвержена финансовому риску.

Исключить риски полностью, очевидно, невозможно, но вполне допустимо существенно снизить степень риска, применяя следующую общую схему управления рисками:

- выявление рисков, возможных при проведении той или иной сделки или операции с недвижимостью;
- качественный и количественный анализ рисков (определение причин рисков и факторов увеличения вероятности их наступления, зон риска, т.е. этапов сделки, на которых риск возникает;
- определение возможных размеров потерь, вызываемых тем или иным риском);
- определение возможностей снижения риска и затрат, необходимых для его предотвращения;
- разработка и осуществление мероприятий, позволяющих предотвратить риски, снизить вероятность их наступления или возможный объем потерь;
- контроль над проведением необходимых мероприятий; внесение содержательных изменений в механизм их реализации.

Литература

1. Хохлов Н.В. Управление риском. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.
2. Экономика и финансы недвижимости/ Д.Л. Волков, Ю.Б. Ильина, Н.В. Комарова, Ю.В. Пашкус / Под ред. Ю.В. Пашкуса. СПб: Изд-во СПбГУ, 1999.

9 ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

СОЗДАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Е.А. Павлова

В современных условиях основной целью любого предприятия является повышение его конкурентоспособности. Актуальность этой проблемы особенно возрастает в связи с изменением задач, решаемых предприятием в условиях формирования в России нового типа общественного хозяйства, свойственного постиндустриальному обществу – информационной экономики.

Информационная экономика как объективная реальность и как относительно самостоятельное явление возникла сравнительно недавно – в конце 70-х гг. XX века в США. Отличие нового типа экономики от всех предшествующих заключается в том, что в качестве главного производительного ресурса выступает информация в различных ее формах, которая в процессе своего применения позволяет заметно экономить материальные ресурсы и энергию, снижая тем самым проблему их ограниченности.

Характерными признаками информационного общества являются следующие:

- создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах;
- становление и в последующем доминирование в экономике новых технологических укладов, базирующихся на широком использовании коммуникационных технологий и ведущих к появлению новых форм социальной и экономической деятельности (электронная торговля, дистанционное образование и др.);
- создание и развитие рынка информации и знаний в дополнение к рынкам ресурсов и готовых продуктов, превращение информационных ресурсов общества в реальные ресурсы социально-экономического развития;
- повышение уровня профессионального и общекультурного развития за счет совершенствования системы образования и расширения возможностей информационного обмена на международном, национальном и региональном уровне, повышение роли квалификации, профессионализма и творческих способностей как важнейших характеристик труда;
- создание эффективной системы обеспечения прав граждан и социальных институтов на свободное получение, распространение и использование информации как важнейшего условия демократического развития, а также улучшение взаимодействия населения с органами власти.

Превращение знаний и информации в основной экономический ресурс, в главную производительную силу, а также комплексная информатизация предприятий существенно меняют качественную характеристику социально-экономических систем развитых стран. Широкий доступ к информации дает сегодня потребителю гораздо больше возможностей, а рынок становится ориентированным на потребителя в гораздо большей степени, чем 20–30 лет назад. Упрощение взаимодействия потребителя с производителем благодаря использованию информационных технологий создает предпосылки для реализации интересов потребителя не в отдаленном будущем, а в краткосрочном периоде. В условиях относительно лучшей информированности потребителя возрастает возможность принятия им гибких и адекватных решений, что необходимо учитывать при выработке конкурентных стратегий деятельности предприятий.

Современные информационные технологии позволяют минимизировать издержки производства и обращения практически во всех сферах деятельности. Так, благодаря информационным технологиям появляется возможность значительного снижения трансакционных издержек, связанных с поиском поставщиков и покупателей, производственных ресурсов, нормативных документов и решением других аналогичных задач. Местонахождение предприятия перестает играть существенную роль в его поведении, географическая удаленность от каких-либо рынков или деловых центров теперь не является фактором, сдерживающим его экономическую активность.

Таким образом, информационные технологии модифицируют восприятие хозяйствующими субъектами своих экономических задач и, соответственно, меняют поведение этих субъектов. Благодаря использованию широкого спектра информационных и коммуникационных технологий (в первую очередь – Интернет) внедряются новые стандарты конкурентоспособности, меняется структура затрат и прибылей производителей. Взаимодействие подразделений предприятия и межфирменное сотрудничество становится более быстрым и менее дорогостоящим, причем как в функциональном, так и в географическом смысле, что позволяет изменить потенциальные границы предприятия и его деятельность. При этом быстрота реакции предприятия на внешние изменения также становится фактором его конкурентоспособности на рынке.

Успешная конкуренция предприятия на рынке определяется двумя ключевыми факторами. Во-первых, это способность выявлять маркетинговые возможности, учитывать действие конкурентных сил и их динамику для четкого определения конкурентных преимуществ предприятия и его стратегического позиционирования. Во-вторых, возможности предприятия мобилизовать и управлять ресурсами, необходимыми для реализации выбранной конкурентной стратегии. Ключевым элементом в данном процессе является поиск необходимых источников информации и эффективное управление ими.

Существует несколько основных подходов к формированию конкурентных преимуществ. Первый основан на снижении затрат на производство и другие операции предприятия, что позволяет устанавливать более низкие цены на свои продукты. На фоне прочих конкурентов, действующих на рынке и не имеющих возможности обеспечить столь же низкие цены при сохранении нормы прибыли и качественных характеристик продуктов, аналогичный продукт предприятия, имеющего такую возможность, является предпочтительным для потребителей. Второй подход основан на предложении покупателям настолько уникального по своим потребительским свойствам продукта, что необходимости в снижении цен просто не возникает. Часто данный подход практикуется предприятиями-монополистами, предлагающими продукт, не имеющий аналогов, а также предприятиями, предлагающими совершенно новый продукт для данного рынка, который еще не успели скопировать конкуренты. Еще одним часто используемым подходом к формированию конкурентных преимуществ является фокусирование, т.е. ориентация предприятия на обслуживание только избранных (зачастую даже одного) целевых сегментов.

Формирование эффективной конкурентной стратегии основано на создании и использовании конкурентных преимуществ, позволяющих предприятию существовать в условиях информационной экономики. Основными из них, по мнению автора, являются следующие.

1. Наличие **интеллектуальных активов**, которые могут быть использованы в деятельности предприятия и приносить доход или создавать новые ценности. Структура интеллектуальных активов неоднородна. К ним можно отнести, во-первых, *рыночные активы*, т.е. тот потенциал, который обеспечивается нематериальными активами, связанными с рыночными операциями. Их значимость заключается в том, что они дают предприятию преимущество во внешней среде, поскольку обеспечивают осведомленность покупателей об отличительных особенностях предприятия и характере его деятельности. Сюда относятся марочные названия, приверженность покупателей этим названиям, каналы распределения, повторные сделки и т.д. Во-вторых, это *интеллектуальная собственность*, которая представляет собой узаконенный инструмент для защиты различных корпоративных активов. Она включает «ноу-

хау», патенты, авторские права, производственные и торговые секреты. В-третьих, это *человеческие активы*, т.е. совокупность коллективных знаний сотрудников фирмы, их творческих способностей, умения решать проблемы, управленческих, руководящих и предпринимательских качеств, поведения в различных ситуациях. В отличие от всех других, человеческие активы принадлежат не предприятию в целом, а отдельному работнику. Поэтому для любого руководителя важно выяснить, в чем состоят умения и навыки каждого отдельного сотрудника, и научиться извлекать из них максимальную пользу. И, наконец, *инфраструктурные активы* – технологии, методы и процессы, делающие возможной работу предприятия. Это, в первую очередь, корпоративная культура, методы оценки риска и защиты информации, базы данных и т.д. Их значимость заключается в том, что они позволяют фирме функционировать более упорядоченно, надежно и качественно, а также формируют среду, в которой сотрудники предприятия общаются друг с другом и с внешним окружением.

2. Наличие **коммуникативных информационных технологий**, позволяющих оперативно общаться как с внешней, так и с внутренней средой предприятия. Здесь важна скорость получения, передачи и обработки информации, позволяющая принимать оперативные решения по управлению предприятием. Особенно это актуально для тех отраслей, в которых степень изменчивости окружающей среды очень высока.

Наличие на предприятии необходимых информационных технологий позволяет также участвовать в организации электронной коммерции, которая направлена на осуществление любых видов деловых операций и сделок, предусматривающих использование современных информационных технологий и коммуникационных сред с целью обеспечения более высокой экономической эффективности по сравнению с традиционными видами коммерции. Деловые операции могут осуществляться непосредственно между предприятиями, предприятиями и заказчиками, а также между предприятиями и государственными учреждениями.

3. **Внутренний информационный цикл**, позволяющий собирать, обрабатывать и анализировать информацию о деятельности предприятия. Создание внутреннего информационного цикла обеспечивается, как правило, внедрением на предприятиях корпоративных информационных систем, предназначенных для решения большого круга задач автоматизации управления предприятием. Данные системы позволяют интегрировать всю информацию о деятельности предприятия в единое информационное пространство, устраняя разрозненность ресурсов, дублирование информации.

4. **Инновационный характер системы управления** предприятием. Основанием для управленческих нововведений является изменение задач, решаемых предприятием, которое, в свою очередь, вызвано объективными изменениями, происходящими во внешней среде его деятельности. Число новых задач, обусловленных особенностями деятельности в условиях информационного общества, неуклонно возрастает. Многие из них принципиально новы и не подлежат решению, исходя из опыта, полученного в прежних условиях.

Трудность состоит и в том, что быстрое вхождение России в мировую рыночную систему создает определенный разрыв между объективными условиями деятельности предпринимательских организаций и уровнем технологии управления, который в состоянии реализовать предприятия. Темп изменения внешних условий существенно превосходит темп перестройки сознания и уровня профессиональной компетентности подавляющего большинства российских управленцев. Ликвидация этого разрыва возможна за счет постоянного обновления систем управления на предприятиях, внедрения управленческих новаций, позволяющих учесть исторический опыт развития управления как области профессиональной деятельности и с технологической точки зрения приблизиться к современному уровню стран с развитой рыночной экономикой.

Условия, в которых действуют сегодня российские предприниматели, понимание ими необходимости постоянных изменений определяют в качестве наиболее значимых для управления гибкость, способность переориентироваться на решение новых задач, использовать новые, адекватные условиям, формы и методы управления, непрерывное внедрение инноваций.

6. **Децентрализация управления** и создание соответствующих систем мотивации деятельности персонала. Основанная на информационных и телекоммуникационных технологиях, современная организация деятельности предъявляет новые требования к системам управления. В этих условиях возникают две взаимно противоположные тенденции. С одной стороны, значительно возрастает индивидуальная свобода действий персонала предприятия, в первую очередь – руководителей различных уровней, а с другой – увеличиваются технические возможности контроля этих действий. Кроме того, постоянно изменяющиеся характеристики внешней среды бизнеса предъявляют повышенные требования к гибкости, адаптивности, скорости реакции, синергии, динамичности самой системы управления, а также процессов, протекающих в ней, которые существующая функционально-ориентированная система управления удовлетворить не способна. Данные тенденции вызывают необходимость децентрализации управления, что, в конечном итоге, позволяет сосредоточиться не на текущем, а стратегическом управлении – на формировании необходимых мотивационных систем, которые во многом уже сами могли бы обеспечить нужные результаты.

Создание и использование конкурентных преимуществ позволит предприятию эффективно использовать все ресурсы, усилив их современными информационными и коммуникационными составляющими, а главное – получить полное понимание и контроль развития предпринимательской деятельности на каждый планируемый отрезок функционирования предприятия.

Литература

1. Корнейчук Б.В. Информационная экономика. СПб: Питер, 2006. 394 с.
2. Организационно-управленческие системы информационного общества: теоретические и методологические проблемы. М.: РАН, 2003. 173 с.
3. http://knowhow.virtech.ru/
4. http://www.pcweek.ru/
5. http://www.connect.ru/

ФОРМИРОВАНИЕ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ПОТРЕБИТЕЛЯМИ КАК КОНЦЕПЦИЯ МАРКЕТИНГА

Ю.А. Абрамова, Т.Н. Батова

Рассмотрение основ маркетинга взаимоотношений, истории возникновения и основных принципов, а также примеры грамотного применения его в деятельности предприятий являются достаточно новой областью маркетинга для российского бизнеса.

Маркетинг взаимоотношений – это концепция маркетинга, развившаяся из прямого маркетинга. Основная цель маркетинга взаимоотношений состоит в построении долгосрочных, а не единовременных отношений с потребителями. Маркетинг взаимоотношений основывается на понимании нужд потребителей в зависимости от прохождения ими соответствующих жизненных циклов, при этом особое внимание уделяется предоставлению товаров и услуг существующим потребителям.

Следует отметить, что маркетинг взаимоотношений предполагает установление взаимоотношений на многих уровнях – экономическом, социальном, техническом, юридическом, результатом которых должна стать высокая приверженность потребителей.

Термин «маркетинг взаимоотношений» сформировался в работах американских экономистов К. Шнейдера, Л. Берри, Я. Сета, Т. Левитта, которые независимо друг от друга в разные годы (1980–1983 гг.) пытались охарактеризовать новый способ ведения маркетинга. Профессора К. Шнейдера удивляло, что исследователи и бизнесмены уделяют большое внимание и усилия выявлению новых потребителей, вместо того чтобы просто сохранять уже имеющихся. Непосредственно термин «маркетинг взаимоотношений» (relationship marketing) впервые был использован в 1982 г. Практически такой маркетинг сначала появился на промышленных рынках и B2B-рынках, где отношения с потребителями формировались на основе долгосрочных контрактов.

Многие западные предприятия разрабатывают методы осуществления маркетинга взаимоотношений. Использование этой модели поведения по отношению к потребителям выражается в разных формах, но цель одна – налаживание доверительных, долговременных отношений с потребителями. По мнению некоторых маркетологов, потребители, даже несмотря на высокое качество товара и удовлетворяющие их цены, откажутся совершать покупку на неизвестном предприятии [2]. Под постоянным влиянием рекламы в традиционном ее проявлении потребители научились не реагировать на нее. Именно поэтому использование относительно необычного, нового и более приятного способа воздействия на покупателя на основе маркетинга взаимоотношений дает лучший результат.

На рис. 1 представлены экспертные оценки значимости приоритетных направлений деятельности западных предприятий [1]. Из анализа основных тенденций, которым следуют руководители западных предприятий, следует, что налаживание отношений с потребителями является более важным процессом, даже чем расширение производственной деятельности и стратегическое планирование.

Управление отношениями с потребителями рассматривается как удержание, привлечение, закрепление. Предприятиям всегда было выгодно удерживать уже имеющихся потребителей и продавать свои продукты или услуги именно им, вместо того чтобы идти на повышение издержек сбыта, пытаясь привлекать новых потребителей и продавать им свои товары.

Для успешной работы и налаживания связей с потребителями нужно стремиться к реагирующему, ответственному или активному уровню отношений с ними.

Рассмотрим основные уровни взаимоотношений с потребителями.

- Базисный: продал и забыл. Такой принцип нецелесообразно использовать при переходе к новым методам ведения маркетинга.
- Реагирующий: продал и готов отвечать на вопросы. Этот подход не дает эффекта прочной связи между потребителем и предприятием, так как потребитель не чувствует, что он интересен, поэтому не считает нужным совершать покупку еще раз здесь же.
- Ответственный: продал, позвонил, чтобы узнать о впечатлении. Так работают очень не-

многие предприятия. Чаще сами потребители звонят и жалуются на качество продукта и работу специалистов.

- Активный: продал и постоянно звонит, чтобы предложить что-то новое. Этот подход наиболее полно соответствует принципам маркетинга взаимоотношений.

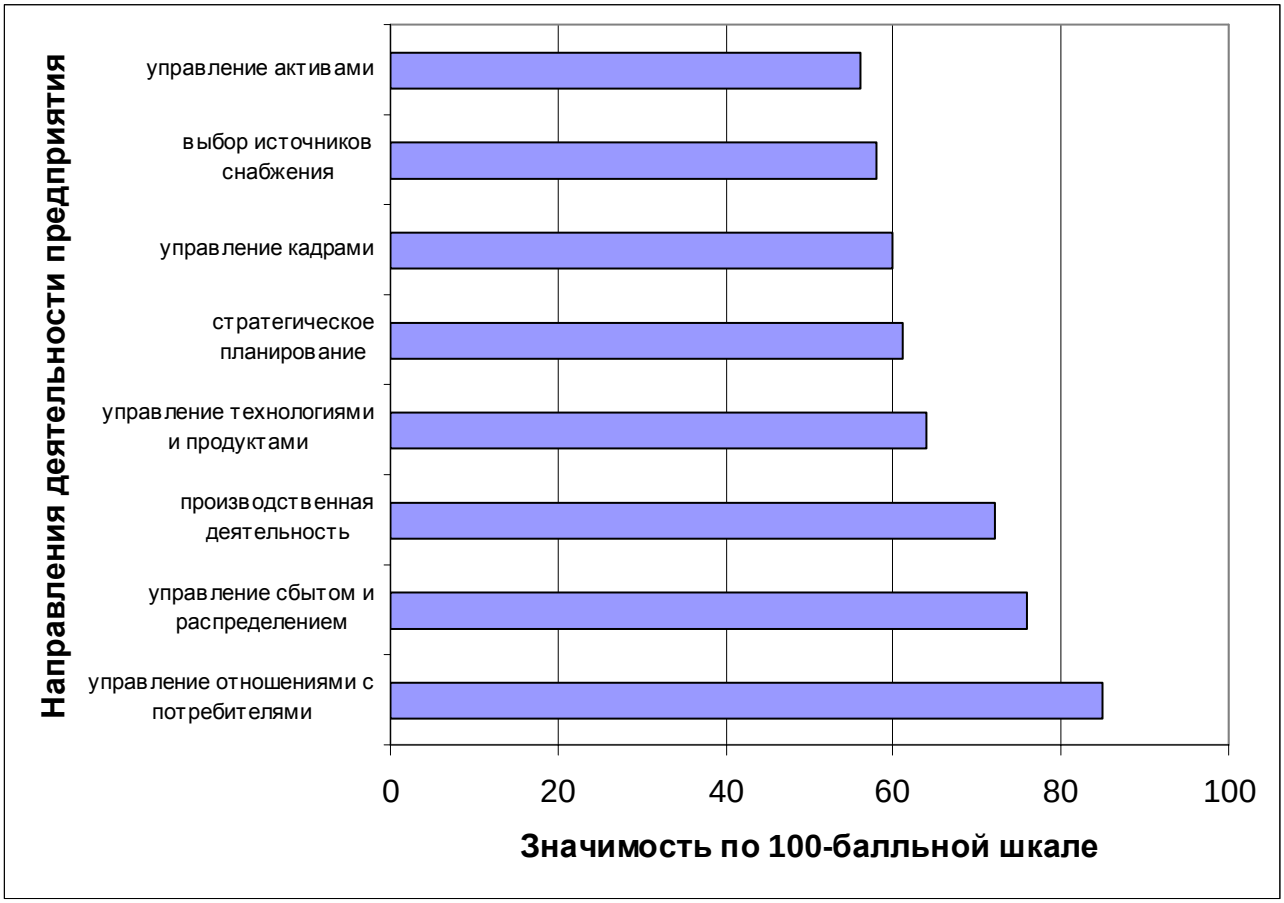


Рис. 1. Экспертные оценки значимости приоритетных направлений деятельности западных предприятий

Таким образом, результат маркетинга взаимоотношений – привыкание потребителя к постоянному присутствию предприятия в его жизни.

Взаимоотношения с потребителями имеют разные уровни лояльности: из потенциального покупателя при грамотной работе можно сделать делового партнера, который будет приносить реальный доход. Маркетологи используют понятие «лестница взаимоотношений» [3]. Все потребители делятся на ранги верности предприятию в соответствии с этой «лестницей». Первая ступень лестницы носит название «потенциального/будущего покупателя», т.е. группы людей, еще не совершивших покупку, но собирающихся это сделать. Выше по рангу находятся «покупатели», «сторонники», «адвокаты» и «партнеры». Цель специалиста по отношениям с потребителями – «помочь» покупателю «забраться» по этой лестнице как можно выше. Обычно этот процесс требует личностного подхода и в конечном итоге приводит к ожидаемым результатам на каждом шаге.

Преимущества постоянных покупателей перед разовыми:

- стоимость «приобретения» покупателя считается на начало периода взаимоотношений и распределяется в дальнейшем на все покупки, совершенные за период взаимоотношений;
- постоянные покупатели с меньшей вероятностью перейдут к конкуренту, они менее чувствительны к изменениям цен;
- постоянные покупатели могут давать маркетинговые советы;
- постоянных покупателей не нужно «обучать» процессу сотрудничества;

- постоянные покупатели последовательны в заказах.

Таким образом, основой успешного функционирования маркетинга взаимоотношений должен стать персонифицированный подход к потребителям. Успешному применению маркетинга взаимоотношений способствует то, что растет сложность товаров – практически у каждого товара есть набор сопутствующих услуг, и в последние годы он резко увеличивается.

Литература

1. Томпсон Т., Харви Л. Кто увел моего клиента? Выигрышные стратегии формирования и поддержания лояльности клиентов. / Пер. с англ. /- М.: Издательский дом «Вильяме». 2005. 336 с.
2. http://en.wikipedia.org/wiki/Reiationship_marketing.
3. www.i-mark.ru/articles/optimisation.html.

10 УПРАВЛЕНИЕ ЗАТРАТАМИ

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ: РАСХОДЫ, ИЗДЕРЖКИ, ЗАТРАТЫ, СЕБЕСТОИМОСТЬ

Е.И. Каменева

Теоретическую основу любой науки составляют понятия и категории. В современной экономической литературе, касающейся вопросов учета и анализа затрат, существует еще несколько терминов: «издержки», «расходы», «себестоимость». Но как человеку, далекому от экономики, так и специалисту достаточно трудно определиться с тем, какой термин использовать в какой ситуации, применить к какой категории «денежных растрат», казалось бы, такие синонимичные понятия, как затраты, издержки или расходы. По мнению ведущих исследователей современности, неточное определение данных понятий может существенно исказить их экономический смысл, поэтому правильное представление значений этой экономической категории становится особенно актуальным при организации управленческого учета на предприятии.

Современные источники литературы не дают однозначного определения значений этих понятий. В разных областях деятельности (экономика, финансы, бухгалтерский учет) специалисты используют свои, сугубо локальные значения данных экономических категорий. Например, бухгалтеры часто смешивают понятия расходов и затрат, а финансисты четко знают, что такое расходы, считая все остальное сферой деятельности бухгалтера, которой они нисколько не интересуются.

К сожалению, экономическая теория не дает по этому поводу никаких вразумительных определений, а только лишь рассуждения общего характера.

При написании данной статьи автор руководствовался целью обобщить и привести наиболее часто употребляемые значения понятий затрат, издержек, расходов и себестоимости, а также попробовать разобраться, какое понятие использовать в каком значении и в каких случаях.

Для начала определим, что основной категорий сотрудников, организации непосредственно оперирующих в своей деятельности понятиями затрат, издержек и расходов, являются бухгалтеры, экономисты и финансисты, работающие в организациях реального сектора экономики и имеющие дело с учетной информацией. А теперь попробуем разобраться в каждом конкретном случае более подробно.

Одной из основных целей любого коммерческого предприятия является получение стабильного дохода и приемлемого уровня прибыли. Эту цель предприятие осуществляет в процессе осуществления финансово-хозяйственной деятельности, которая невозможна без каких-либо расходов. С хозяйственной точки зрения расходы представляют собой потребление или использование товаров и услуг в процессе получения дохода, т.е. являются его «оборотной» стороной, выступают своего рода «экономической жертвой», необходимой для получения дохода.

У финансистов представление о расходах таково, что если за ресурсы мы платим деньги, значит – несем расходы. В соответствии с финансовой трактовкой под понятием расходы понимаются любые выплаты, которые производит предприятие в процессе своей хозяйственной деятельности, оно относится, прежде всего, к денежному потоку предприятия, так как требует для своей оплаты денежных средств. Иначе говоря, расходы – это платежи, которые легко проследить как движение денежных средств по денежным счетам (и кассе) организации и которые по результатам периода находят свое отражение в отчете о движении денежных средств. Кроме того, нужно сказать, что на сегодняшний день многие люди понятие «расходы» воспринимают как синоним понятия «выплаты». Но это не совсем верно, потому

что выплаты – это фактический расход наличных денежных средств (например, покупка за наличные), а расходы – это не только оплата наличными деньгами, но и покупка в кредит. Отсюда мы можем сделать вывод о том, что понятие «расходы» значительно шире понятия «выплаты». Расходы отражают уменьшение платежных средств или иного имущества предприятия [3].

Рассматривая расходы с данной точки зрения, можно сказать, что они являются «неблагоприятным» движением ресурсов, уменьшающих прибыль предприятия. Однако и это слишком общий взгляд. Именно здесь возникает некоторое расхождение в понимании термина «расходы» финансистами и бухгалтерами.

В соответствии со ст. 252 НК РФ, «расходами признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты, осуществленные (понесенные) налогоплательщиком». Отсюда делаем вывод, что в современном отечественном и налоговом учете затраты и расходы понимаются одинаково. Следует отметить, что во многих нормативных актах, в том числе положениях по бухгалтерскому учету, специальные статьи и разделы приводятся без определения понятий, которые упоминаются в данном акте или положении, или же эти понятии не имеют однозначного значения.

В Международных стандартах финансовой отчетности (Параграф 69 раздела «Принципы подготовки и составления финансовой отчетности» МСФО) доходы и расходы признаны элементами, непосредственно связанными с измерением прибыли.

В момент признания затраты не могут оказывать влияния на прибыль, и в этом их основное отличие от расходов. Процесс накопления (суммирования) понесенных затрат, который принято называть калькулированием себестоимости, нацелен на исчисление той себестоимости, которая станет расходом в момент извлечения дохода, т.е. в момент признания выручки от реализации продукции. Если бы осуществление затрат сразу приравнивалось к расходу, сам процесс калькулирования был бы невозможен. И только в момент продажи продукции признаются доходы (в виде ее цены), расходы (в виде ее себестоимости) и прибыль (в виде их разницы). На стадии производства ни один из этих показателей не может быть признан, поскольку они характеризуют именно процесс обращения и еще «не существуют» до продажи продукции. Для разграничения терминов «затраты» и «расходы» важно понять, что осуществление затрат не уменьшает капитал организации. Признание затрат означает признание одного актива взамен равновеликого уменьшения другого актива или увеличения обязательств.

Профессор В.И. Подлесных считает, что «затраты характеризуют в денежном выражении объем ресурсов за определенный период, использованных на производство и сбыт продукции и трансформируемых в себестоимость продукции, работ и услуг» [5]. Он же предлагает различать данные понятия, во-первых, по временному фактору, т.е. по их соотнесенности во времени: расходы отражаются в учете на момент платежа, а затраты – на момент потребления в производственном процессе. В конечном итоге все расходы по обычным видам деятельности предприятия обязательно должны трансформироваться в затраты. Во-вторых, нужно проводить различия в стоимостной оценке по периодам работы предприятия. Расходы за определенный период работы предприятия могут превышать затраты, быть равными затратам или быть меньше затрат.

«В настоящее время нет единого мнения по определению понятия “расходы”. Между тем в бухгалтерском учете устоялись понятия затраты, издержки производства и обращения, себестоимость продукции (работ, услуг). Первый термин определяет расходы организации в широком смысле, подразумевая под ними издержки по осуществлению предпринимательской, коммерческой деятельности. Оба других понятия касаются затрат, связанных с изготовлением продукции, а также с реализацией изготовленной продукции, покупных товаров и оказанных услуг. Понятие же расходов воспринимается как общеэкономическая категория в сочетании с понятием доходовы», – утверждает П.С.Безруких [1].

Для разграничений понятий «затраты» и «издержки» В.Э. Керимов вводит понятие явных и вмененных (альтернативных) издержек. Издержки – это суммарные «жертвы» органи-

зации, связанные с выполнением тех или иных операций. Они включают в себя явные и вмененные издержки [4]. Явные (расчетные) издержки – это выраженные в денежной форме фактические затраты на приобретение ресурсов для производства и продажи продукции, работ, услуг. Вмененные (альтернативные) затраты – это упущенная выгода организации, которая могла бы быть получена при выборе альтернативных вариантов осуществления своей финансово-хозяйственной деятельности.

Под затратами следует понимать явные (фактически произведенные) издержки организации, а под расходами – уменьшение (фактическое использование) ресурсов или увеличение долговых обязательств организации в процессе хозяйственной деятельности.

В.И. Подлесных приводит такое определение издержек: «Издержки – это реальные и предполагаемые расходы финансовых ресурсов предприятия», т.е. «издержки в буквальном смысле этого слова представляют собой совокупность перемещений финансовых средств и относятся или к активам, если способны принести доход в будущем, или к пассивам, если этого не произойдет и уменьшится нераспределенная прибыль предприятия за отчетный период» [5].

Различая понятия расходов, затрат и себестоимости, можно сказать, что расходы относятся к операционной деятельности предприятия и к его денежному потоку, поскольку возникают в процессе его текущей деятельности и требуют для своей оплаты денежных средств. Затраты же являются бухгалтерской категорией, с денежным потоком не связаны и служат элементами, формирующими показатель себестоимости.

Резюмируя все вышеизложенное, хотелось бы сказать, что несмотря на огромное количество бухгалтерской, экономической, финансовой литературы, большого числа наработок в данных областях, до сих пор нет четкого разграничения понятий затрат, издержек и расходов. И, вероятно, причина тому – отсутствие единого мнения по этому вопросу у тех людей, которые, «спуская» в широкие народные массы почти ежедневно огромное количество бухгалтерской и финансовой нормативной законодательной документации, забывают либо не желают в течение уже достаточно долгого периода внести необходимые пояснения, которые помогут специалистам разобраться в данной категории экономических понятий.

Литература

1. Безруких П.С. Комментарий к положению о бухгалтерском учете «Расходы организации» (ПБУ10/99). // Главбух.1999. №13.
2. Вахрушина М.А. Бухгалтерский управленческий учет: Учебник для вузов. 2-е изд., доп. И пер. М.: Омега; Л.: Высшая шк.,2002.
3. Волкова О.Н. Управленческий учет: Учебник. М.: Издательство «Проспект», 2005.
4. Керимов В.Э. Управленческий учет: Учебник. М.: ИКЗ «Маркетинг», 2001.
5. Менеджмент: Учебн. пособие для вузов / Под ред. Ю.В. Кузнецова, В.И. Подлесных. 2006.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЗАТРАТ В УПРАВЛЕНЧЕСКОМ УЧЕТЕ

Н.П. Гаврилов, К.В. Санин

К основным задачам управленческого учета относят расчет себестоимости производимой продукции и определение полученной прибыли, принятие управленческих решений и планирование, контроль и регулирование центров ответственности. Для решения этих задач должна быть четко определена соответствующая классификация затрат. Между тем путаница начинается уже в определении базовых терминов – затраты и расходы. Часто эти два понятия используются как синонимы. В экономических, финансовых и т.п. словарях, а также в различных публикациях и монографиях наиболее популярны определения типа: «затраты – это расходы…» и соответственно: «расходы – это затраты…..». Авторам наиболее близка позиция специалистов [1], которые определяют эти понятия следующим образом: затраты – это стоимостное выражение использованных в хозяйственной деятельности организации ресурсов, а расходы – это уменьшение экономических выгод в результате выбытия активов или возникновения обязательств. Стоимостная оценка потребленных ресурсов продолжает числиться в составе затрат, пока не наступит момент признания дохода, на получение которого было направлено потребление этих ресурсов. В момент признания дохода затраты признаются в качестве расходов.

Перейдем к классификации самих затрат. Более всего поражает обилие терминов. Создается такое впечатление, что каждый автор не только книги, но и статьи считает своим долгом предложить хотя бы пару «своих» терминов для определения какого-нибудь вида затрат. В результате скопилось громадное количество терминов, что приводит к путанице, затрудняет понимание, приводит к разночтению как учебной, научной, так и нормативной литературы. При этом пропагандируется мнение, что классификация затрат в управленческом учете должна удовлетворять требованиям всех конкретных задач управления. Этот принцип – «разные затраты для разных целей» – означает, что для конкретных целей управления необходимо использовать различные подходы к понятию затрат и соответственно свои специальные термины.

Широко используются следующие пары: прямые и косвенные (прямые и непрямые) затраты, основные и накладные затраты, производственные и непроизводственные (производственные и внепроизводственные) затраты, затраты на продукт и затраты периода и т.д.

Прямые расходы связаны непосредственно с выпуском продукции, а косвенные расходы – с управлением и обслуживанием производства. Часто отмечают, что косвенные затраты связаны с выпуском нескольких видов продукции, что они сначала собираются на соответствующих собирательно-распределительных счетах, а затем включаются в себестоимость конкретных изделий с помощью специальных расчетов. Но если предприятие выпускает только один вид продукции и ее деятельность этим ограничивается, то зачем этой организации вообще управленческий учет – система, конечно, полезная, но требующая весьма существенных дополнительных затрат.

Трудно найти различие между прямыми и основными затратами. Накладные затраты, в свою очередь, – это также затраты на управление и обслуживание производства, являющиеся дополнительными к основным расходам и включаемые вместе с ними в себестоимость продукции (в чем отличие от косвенных?). Считается также, что накладные расходы используются для обеспечения процесса реализации продукции и функционирования предприятия как хозяйственной единицы, в связи с чем должны списываться на уменьшение прибыли от реализации продукции. До вступления в действие 25 главы Налогового кодекса РФ различие между накладными и косвенными можно было определить следующим образом: к косвенным, в отличие от накладных, не относили расходы на реализацию. Сейчас же, согласно ст. 318 НК, к косвенным расходам относятся расходы на производство и реализацию, которые не являются прямыми. Определение же прямых полностью совпадает с определением основных. Некоторые авторы различают эти виды затрат следующим образом: по назначению –

основные и накладные, по способу отнесения на себестоимость отдельных видов продукции – прямые и косвенные. Но очевидно, что можно обойтись и одной парой терминов.

Нередко основные затраты трактуются как производственные, а накладные как периодические затраты. Но при такой трактовке эти термины становятся по значению аналогичны паре «затраты на продукт» и «затраты (расходы) периода». «Затраты на продукт» непосредственно связаны с осуществлением производственной деятельности предприятия, изготовлением продукции. Они имеют место при наличии производства и в большей части отсутствуют при свертывании производства. «Затраты периода» являются функцией отчетного периода, они связаны скорее с длительностью отчетного периода, чем с выпуском и продажей продукции. «Затраты на продукт» распределяются между текущими расходами, участвующими в формировании доходов отчетного периода, и запасами.

Близка по значению и пара «производственные и непроизводственные затраты». В этом случае говорят о делении затрат по функциональному признаку. К производственным затратам относят, как правило, прямые материальные затраты, прямые затраты на оплату труда и производственные накладные (косвенные) расходы, к непроизводственным – расходы, в результате которых не производится продукция, потери от брака, убыль материалов, энергии, штрафы, пени и т.п. Зачастую эта пара определяется аналогично паре «производительные и непроизводительные затраты».

Пара «производственные и внепроизводственные затраты» отличается от предыдущей тем, что к внепроизводственным относят административные и коммерческие расходы.

В системе управленческого учета, конечно, не обойтись без пары «постоянные и переменные затраты». Вероятно, стремясь показать тонкость в понимании вопроса, отечественные авторы часто используют термины «условно-постоянные» и «условно-переменные», что, нам кажется, не имеет особого смысла, так как в основе CVP-анализа лежит предположение об условности деления затрат на постоянные и переменные.

Кроме того, выделяются по составу «одноэлементные и комплексные» затраты, по возможности планирования «планируемые и непланируемые», по периодичности возникновения «текущие и единовременные», по нахождению на стадии учета «затраты на незавершенное производство» и «затраты на готовую продукцию», по возможности регулирования «регулируемые и нерегулируемые», с точки зрения принятия решений «явные и альтернативные», «релевантные и нерелевантные», «эффективные и неэффективные», при прогнозировании «краткосрочные и долгосрочные», в процессах стимулирования «обязательные и поощрительные», в процессе анализа «фактические», «прогнозные», «плановые», «сметные», «стандартные», «общие и структурные», «полные и частичные».

Кроме того, в специальной литературе, посвященной вопросам калькулирования себестоимости продукции, можно встретить термины: «входящие и истекшие», «безвозвратные затраты», «вмененные» затраты, «инкрементные» затраты, «маржинальные» затраты, затраты «в пределах норм и отклонений от норм», «контролируемые и неконтролируемые», «запасоемкие и незапасоемкие», «входящие и истекшие», «стартовые и остаточные», «ожидаемые, безвозвратные и вмененные», «устранимые и неустранимые затраты», «приростные и маржинальные» затраты, «нормативные (стандартные)» затраты и «фактические» затраты. И это далеко не полный перечень.

В отечественной бухгалтерской теории и практике понятие управленческого учета появилось сравнительно недавно, на Западе это понятие используется более полувека. Если обратится к одному из наиболее популярных университетских западных учебников по управленческому учету [2], то можно обнаружить следующие термины: прямые (direct) и косвенные (common, indirect) затраты, производственные (manufactucing, product, inventoriable costs) и непроизводственные (nonmanufacturing) затраты. В последнем случае имеется существенное различие с аналогичными отечественными терминами. К непроизводственным затратам Гариссон [2] относит коммерческие и административные расходы, в отечественном учете – соответственно затраты, связанные с обслуживающими производствами и хозяйствами. Аналогично отечественному учету (или очень близко по смыслу) выделяются «затраты на про-

дукт» (product costs) и «затраты периода» (period costs), (на самом деле эти термины – реплики с английского). Конечно, выделяются постоянные (fixed) и переменные (variable) затраты. Используются также термины, которые не получили широкого распространения у нас и встречаются в основном в многочисленных переводах. Это конверсионные (conversion) затраты, состоящие из прямых трудовых затрат и производственных накладных (manufacturing overhead), получившие свое название в связи с тем, что именно за счет этих затрат происходит преобразование исходного материала в конечный продукт. Выделяются также дифференциальные (relevant, differential, incremental-decremental, avoidable costs) затраты, которые трактуются как разница в стоимости двух альтернативных решений. (Например, одной и той же цели можно добиться двумя путями: годовые затраты по первому варианту – 85,000 д.е., по второму – 70.000 д.е., тогда дифференциальные затраты на год составляют 15.000 д.е.) Синоним дифференциальных затрат – инкрементальные затраты. Дифференциальные (инкрементальные) затраты обусловливаются многовариантностью экономических решений, они могут быть представлены в одном из решений, но отсутствовать в другом, т.е. используются при рассмотрении альтернативных управленческих решений, но зачастую переводятся неправильно, в том числе и в словарях, как расходы будущих периодов.

В числе базовых терминов имеются также основные (prime) затраты, представляющие сумму прямых материальных и прямых трудовых затрат. Контролируемые (controllable) затраты, которые контролируются определенным уровнем управления предприятия, если он имеет на право контроля. Альтернативные издержки (opportunity cost) или издержки неиспользованных возможностей, в данном случае потенциальная выгода, которая потеряна или пожертвована в результате выбора одного из альтернативных решений. Невозвратные (безвозвратные) расходы (sunk cost) – затраты, которые понесены, и ни одно из возможных управленческих решений сейчас или в будущем не способно изменить ситуацию (зачастую предполагается, что понесенные затраты связаны с неоптимальным решением), например, приобретено основное средство, а через некоторое время выясняется, что оно не совсем подходит, есть более дешевые или более эффективные. Таким образом, очевидно, что и западная терминология страдает избыточностью, а при переносе этих терминов в отечественную литературу путаница увеличивается.

Предлагается, по крайней мере, в учебных целях существенно ограничить и четко определить используемую терминологию, дабы не выработать у будущих специалистов негативного отношения к такой, весьма важной для будущего состояния экономики страны, дисциплине, как управленческий учет. Например, из первого блока терминов, рассмотренных выше, оставить только прямые и косвенные затраты, в связи с тем, что они уже вошли в Налоговый кодекс. Конечно, не обойтись без постоянных и переменных затрат, являющихся основой «директ-костинга», наиболее весомой с точки зрения практики части управленческого учета. Деление «затраты на продукт» и «затраты периода» – это элемент скорее финансового учета, а не управленческого, более того, они присутствуют в типовом Плане счетов, в комментариях к счету 26 без использования специальной терминологии. Полезно оставить термины «производственные и непроизводственные затраты» в том виде, как они трактуются в отечественном учете. Остальные термины являются «ситуационными» и могут быть объяснены без введения специальной терминологии. Естественно, что все базовые понятия затрат, которые используются в финансовом учете, такие как «экономические элементы затрат», «статьи затрат», необходимо переносить в управленческий учет без малейших изменений.

Литература

1. Затраты на производство / Под ред. С.А. Николаевой. М.: Аналитика-Пресс, 2001.
2. Ray H. Garrison. Managerial Accounting. Boston: IRWIN, 2001.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ УЧЕТ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ИЗДЕРЖЕК

В.В. Абакумов

Управленческий учет – это интегрированная система внутрихозяйственного учета, представляющая информацию о фактических затратах и результатах деятельности как всей организации, так и ее структурных подразделений необходимых для принятия практических (оперативных) и стратегических (прогнозных) управленческих решений. Управленческий учет предназначен для решения внутренних задач управления и, в отличие от финансового, субъективен и конфиденциален, но именно он несет основную нагрузку при принятии управленческих решений.

По сути, управленческий учет является следствием производственного учета, который призван следить за издержками производства и доходами от реализации продукции, выявлять возможные резервы повышенной рентабельности производства и детально отражать все процессы, связанные с приобретением ресурсов их переработкой и реализацией готовой продукции. Основными разделами управленческого учета должны быть:

- учет издержек и доходов по их видам;
- учет издержек и доходов от реализации продукции по центрам ответственности;
- учет издержек и доходов от реализации по их носителям (номенклатуре).

Учет издержек и доходов по их видам должен показать, какие группы доходов возникли на предприятии в процессе приобретения ресурсов в отчетном периоде и как они были возмещены в процессе реализации продукции. Учет издержек и доходов по центрам ответственности должен точно выявить результаты деятельности структурных подразделений предприятия, участвующих в организации и осуществлении производственной деятельности. Наконец, важен учет издержек и доходов от производства и реализации номенклатурных позиций производственного плана.

Таким образом, управленческий учет представляет собой блок информации, формируемый непрерывным отслеживанием фактических издержек предприятия по всему циклу производства и реализации продукции. Полученная учетная информация сопоставляется с некой базовой (плановой, нормативной) информацией и позволяет менеджерам оценивать ход производственного процесса и принимать соответствующие управленческие решения.

Во многих теоретических и методических источниках в качестве базовой информации рекомендуется использовать отчетную информацию прошлых периодов. На наш взгляд, такой подход приемлем для предприятий с устойчивой специализацией, таких как торговые предприятия и предприятия массового и крупномасштабного производства, где ограниченная номенклатура длительное время воспроизводится производственной системой. В условиях рыночной экономики, ориентированной на спрос, все большее значение приобретают предприятия мелкосерийного и единичного производства, где отчетная база не дает или мало дает возможности для принятия оперативных управленческих решений при использовании данных управленческого учета.

Необходимы новые подходы к формированию сравнительной базы. Нужно изучить природу и характер затратообразующих факторов, условия их возникновения и методы воздействия управляющей подсистемы на эти факторы, найти инструмент к оптимизации затрат на всех стадиях производства до его практического осуществления.

Анализ данных учета издержек, проведенного экономистами в ряде стран с развитой рыночной экономикой, свидетельствует о том, что затраты собственно производства составляют около двух процентов от общей величины затрат на готовую продукцию. Остальные затраты образуются в сфере обращения материальных, финансовых и информационных потоков при движении их от сырья до готовой продукции.

Таким образом, сферу обращения ресурсов необходимо рассматривать как движение ресурсов в пространстве и времени и, значит, как потоковые процессы. На этом основании можно сделать вывод, что сопоставимая база для управленческого учета должна базировать-

ся на оптимизированных издержках сферы обращения с использованием основных принципов логистики.

Рассматривая управленческий учет как инструмент учета производственно-хозяйственной деятельности конкретного хозяйствующего субъекта, необходимо определить границы сферы обращения его ресурсов (рис. 1).

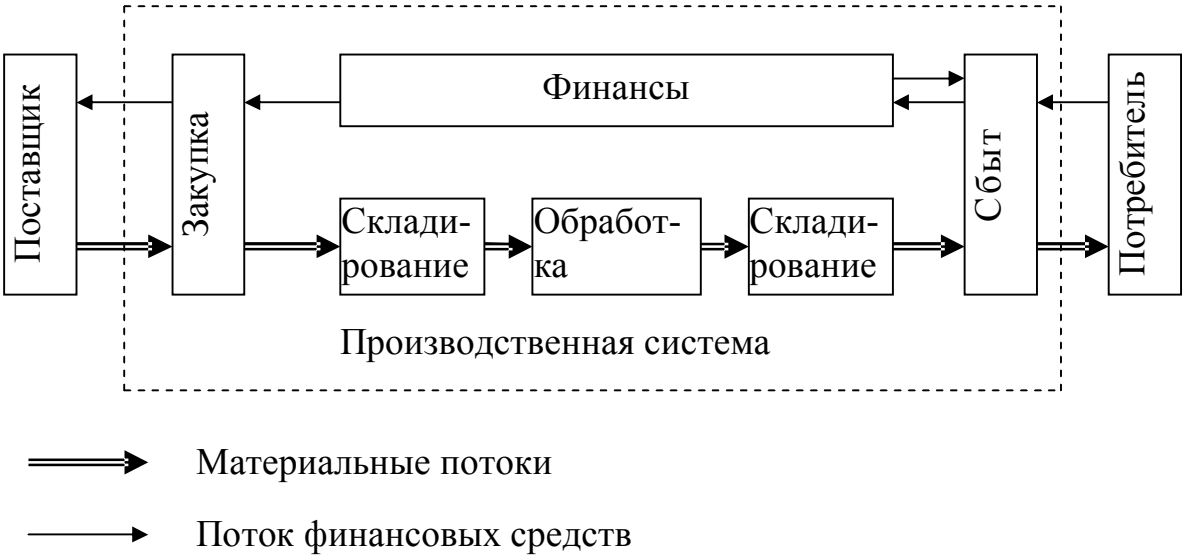


Рис. 1. Границы производственной системы в цикле обращения средств производства

Для проведения управленческого учета логистических издержек в приведенном цикле сферы обращения производственных ресурсов необходимо выделить функциональные подразделения логистического управления, где будет создаваться оптимизированная база планируемых издержек при реализации логистических функций, например:

- оптимизация закупочных издержек;
- оптимизация транспортных издержек;
- оптимизация затрат на содержание запасов;
- оптимизация затрат в сфере производства;
- оптимизация затрат на складирование;
- оптимизация затрат на формирование информационных потоков;
- оптимизация затрат на сбытовую (распорядительную) деятельность.

Величина логистических затрат определяется как совокупные затраты на преобразование материального и/или информационного потоков.

К логистическим издержкам следует отнести все затраты на выполнение логистических операций на траектории движения материальных ресурсов. К ним можно отнести погрузку, транспортировку, складирование, комплектацию, упаковку, формирование информационных потоков и др., которые и составляют существенную часть издержек обращения.

При оптимизации издержек и последующем управленческом учете, следует помнить об анализе факторов влияющих на уровень издержек обращения. Эти факторы могут быть разделены на управляемые (зависящие от деятельности предприятия) и неуправляемые (независящие). К неуправляемым факторам, прежде всего, относятся факторы цен (кроме цен на выпускаемую продукцию), так как цены на материалы, инвентарь, тарифы на транспортные услуги, арендные ставки, проценты на займы зависят от внешних факторов и непосредственно воздействуют на величину издержек. К управляемым факторам следует отнести, прежде всего, уровень организации и управления предприятием, рациональное использование кредитных и финансовых средств, эффективное использование основных и оборотных средств предприятия.

При выполнении управленческого учета необходимо помнить, что не всегда абсолютное увеличение затрат ухудшает финансовый результат. Например, внедрение на производ-

стве дорогостоящего, но производительного оборудования повышает сумму затрат, но, как правило, это внедрение увеличивает объемы производства, а удельный уровень издержек снижается.

К сожалению, не на всех промышленных предприятиях осуществляется на должном уровне управленческий учет издержек обращения. Это объясняется рядом причин:

- руководители предприятий считают достаточным провести анализ бухгалтерского учета, в основном, величины прибыли;
- имеется законная возможность включения всех издержек обращения (и не только) в себестоимость продукции, переложив возмещение затрат на конечного потребителя;
- на предприятиях отсутствуют логистические службы или специалисты, способных организовать и управлять с позиции потокового процесса;
- на предприятии отсутствует четкая стратегия и тактика деятельности в условиях рыночной экономики.

Предприятия, которые стремятся к сохранению конкурентоспособного статуса на рынке, имеют логистические службы, либо в функциональных подразделениях имеются специалисты, способные решать производственные задачи с использованием логистических подходов. Главная задача этих специалистов заключается в том, чтобы все стадии производства (приобретение всех видов ресурсов, транспортировка, хранение, собственно производство, сбыт готовой продукции) рассматривать как единый и непрерывный потоковый процесс трансформации продукта труда и соответствующего учета издержек при перемещении потока, оптимизации этих издержек при перемещении потока, оптимизации этих издержек и принятия эффективных управленческих решений.

Для большинства промышленных предприятий внедрение управленческого учета должно сопровождаться созданием сравнительной базы оптимизированных издержек сферы обращения при реализации логистических функций по схеме рис. 1.

Рассмотрим наиболее затратообразующие функции сферы обращения ресурсов и некоторые подходы к оптимизации издержек по этим функциям.

Закупочная функция. Центром ответственности за реализацию закупочной функции является отдел снабжения предприятия, цель которого – обеспечение материально-техническими ресурсами действующего предприятия. Основными задачами отдела снабжения являются:

- определение предмета (структуры) закупок;
- выбор поставщика;
- определение объема закупок;
- условия закупок.

При реализации этих задач должен быть выполнен учетный анализ издержек по каждой решаемой проблеме. Так, при определении предмета закупок принимается решение «делать или покупать», т.е. что выгоднее – производить материальный ресурс (например, производить компоненты для конечной продукции) самим предприятием или покупать у других. В этом случае окончательное решение оценивается издержками и уровнем качества по рассматриваемым вариантам.

При решении вопроса о выборе поставщика, в первую очередь, решается проблема, у кого покупать. Наиболее эффективным поставщиком является непосредственный производитель материального ресурса, реализующий продукцию по отпускной цене предприятия. Но это, как правило, большие объемы поставок в течение длительного периода. Такая схема поставок эффективна для предприятий массового производства. В качестве поставщика могут выступать производители ресурсов на тендерных торгах, по жестким или мягким офертам. И, наконец, в качестве поставщиков могут выступать посредники (эшелонированные схемы поставок). Это могут быть торговые базы материально-технических ресурсов, оптовые и мелкооптовые торговые организации, способные в ограниченные сроки времени поставить необходимый ресурс.

Решение задачи выбора поставщика тесно связано с определением объема поставок, и, соответственно с уровнем издержек. Это могут быть оптовые закупки, регулярные закупки мелкими партиями, закупки по мере необходимости.

Конечной задачей выбора поставщика является разработка возможных схем поставок, оценка издержек по вариантам и оценка их влияния на конечные финансовые результаты деятельности предприятия.

Транспортная функция. Транспортировка – одна из ключевых затратообразующих логистических функций, связанная с перемещением материальных ресурсов и готовой продукции. Структура транспортных издержек состоит из затрат на выполнение логистических операций, включая погрузочно-разгрузочные работы, экспедирование, грузопереработку, упаковку, страхование рисков, таможенные процедуры и др.

Ключевым вопросом при оценке транспортных издержек является вопрос выбора вида транспорта, так как от его выбора, в конечном счете, зависит величина издержек. Это может быть железнодорожный, водный (морской, речной), автомобильный, воздушный, трубопроводной транспорт. Выбор вида транспорта во многом определяется видом перемещаемого ресурса, его объема, особыми требованиями к транспортировке ресурса, периодичностью поставок, наличием инфраструктуры транспортной сети региона.

Определяющими факторами выбора транспортных средств являются транспортные тарифы, которые напрямую определяют величину транспортных издержек. В зависимости от требований к перемещению материальных ресурсов по объемам, срокам доставки и др., тарифы по каждому виду транспорта имеют классификацию (например, общие, льготные, договорные и др.). В дальнейшем предприятие, с учетом требований к транспортировке ресурса, формирует возможные схемы доставки его на предприятие с учетом тарифов, сроков и объемов необходимого ресурса. Затем проводится функционально-стоимостной анализ каждого варианта доставки и выбирается схема с минимальными транспортными издержками, которые и станут впоследствии базой управленческого учета.

Логистика запасов. Под запасами понимается наличие на предприятии сырья, материалов, комплектующих, незавершенного производства и готовой продукции, которые ожидают производства или личного потребления.

Материальные запасы должны обеспечить непрерывность производственного процесса, предотвращать сбой из-за отсутствия необходимых ресурсов, незавершенного производства и, связанные со снабжением материалами и сбытом готовой продукции. Материальные запасы во всем производственном цикле связывают до 8 % оборотных средств, а затраты на управление запасами достигают 40 % и более логистических издержек предприятия.

Сказанное подтверждает, что управление затратами по запасам является одной из основных функций логистики, заслуживающей особого внимания. Следует отметить, что по оптимизации затрат в сфере обращения запасов имеется достаточно большое количество методических, практических и научно-методической литературы по оптимизации затрат по содержанию материальных запасов. Поэтому рассмотрим основные факторы, влияющие на затраты по обеспечению предприятия материальными запасами.

Оптимизация объема запаса. Критерием оптимизации материальных запасов является минимизация всех затрат, связанных с величиной запасов, которая зависит от организации процесса материально-технического снабжения.

Большие запасы гарантируют бесперебойную работу производства, снижают транспортные и погрузочно-разгрузочные затраты, позволяют использовать транзитные формы поставок. Вместе с тем большая величина запасов требует дополнительных финансовых затрат на их приобретение (омертвление капитала), возникает необходимость в дополнительных складских помещениях, увеличивающих затраты на содержание и обслуживание складов и складского оборудования.

Малая величина запаса повышает рентабельность производства, сокращает соответствующие, соответствующие складские затраты. Однако высока вероятность срыва производства продукции, невозможность использования транзитной формы снабжения.

Оптимальный размер заказа чаще всего рассчитывается по формуле Вильсона. Сущностью оптимизации является условие равенства затрат на поставку ресурса и затрат на его хранение и переработку на складе предприятия.

Выбор системы поставки заказа. Наиболее распространенными системами поставки заказа являются система с фиксированным интервалом времени заказа и система с фиксированным размером заказа.

Система с фиксированным интервалом времени заказа характерна тем, что, независимо от темпов потребления ресурса в производстве, поставка новой партии ресурса осуществляется через строго определенный период времени. При использовании системы с фиксированным размером заказа период возобновления его поставки зависит от скорости потребления ресурса в производстве. Сигналом к повторению служит снижение размера запаса до уровня гарантийного (страхового) запаса. Выбор системы поставки запаса определяется, в первую очередь, типом производства. Так, для предприятий массового и крупносерийного производства, но с равномерно-ритмичным потреблением ресурсов, наиболее эффективна система с фиксированным интервалом времени. Для других типов производства используется, соответственно, вторая система.

Рассмотрев логистические подходы к оптимизации издержек в сфере обращения по основным затратообразующим функциям логистики, можно рекомендовать использовать их при оптимизации остальных логистических функций (функция складирования, функция сбыта готовой продукции). Следует только помнить, что основой оптимизации издержек должно стать формирование логистических операций, которые необходимо выполнять при реализации каждой логистической функции, и выбрать вариант наиболее эффективный из всех возможных.

Сформировав оптимизированную сравнительную базу по предстоящим издержкам в сфере обращения на предприятии, можно организовать и осуществлять управленческий учет, который в режиме оперативного управления позволит управлять затратами производства в рамках запланированных.

Литература

1. Гаджинский А.М. Логистика. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 1999.
2. Киримов В.Э., Иванова Е.В., Сухов Р.А. Управленческий учет. / Учебное пособие. М.: изд. «Экзамен», 2002.
3. Карпова Т. П. Управленческий учет. М.: ЮНИТИ, 2002.

РЕАЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА: ОБЗОР РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА

М.К. Санин

Потребительский кредит как инструмент стимулирования потребительского спроса и источник доходов коммерческих банков существует достаточно давно. В Советском Союзе также существовал потребительский кредит, правда, воспользоваться им могли немногие и назывался он иначе, хотя суть была именно такой. Реальное развитие уже в постсоветский период рынок потребительских кредитов получил в 1999 г., с началом функционирования в России системы потребительского кредитования Home Credit и активным выходом на этот рынок КБ «Русский стандарт».

На сегодняшний день потребительские кредиты выдают практически все коммерческие банки страны, банки с иностранным капиталом, функционирующие на территории России, и всевозможные потребительские союзы, кассы взаимопомощи и прочие кредитные организации. В настоящее время потребительскими кредитами в России уже воспользовались 25 миллионов человек. Совокупный объем потребительского кредитования составил 5000 млрд. рублей. Однако чаще всего население прибегает к потребительскому кредиту тех кредитных организаций, чьи представительства имеются в конкретной торговой точке, где совершается покупка товара. Потому конкуренция на этом рынке имеет олигопольный характер. Наибольшее представительство в торговых точках в Санкт-Петербурге имеют следующие кредитные организации: КБ «Русский стандарт», Home Credit, City Bank, GE Money, КБ Ренессанс, Альфа-банк, Райфайзен-банк.

На сегодняшний день существует два способа оформления потребительского кредита:

- через оформление кредитной пластиковой карты;
- без оформления пластиковой карты.

В первом случае банк эмитирует кредитную пластиковую карту, которой можно будет пользоваться в течение всего срока ее действия, многократно. Другими словами, у заемщика появляется возможность воспользоваться кредитом в следующий раз без дополнительного оформления кредитного договора, просто оплатив интересующий товар с помощью пластиковой карты. Во втором случае банк просто открывает кредитный счет, куда перечисляет средства, равные сумме кредита, и за счет этих средств оплачивает купленный вами товар. В тот момент, когда заемщик рассчитается по кредиту, кредитный договор перестанет действовать, и для того, чтобы вновь воспользоваться кредитом в данном банке, ему придется опять проходить процедуру заключения кредитного договора. Правда, в том случае, если у заемщика в данном банке осталось хорошая кредитная история, повторная процедура практически не займет времени.

Отдельно рассмотрим предлагаемые беспроцентные кредиты и просто кредиты с точки зрения их реальной стоимости.

Беспроцентный кредит – не значит бесплатный кредит. Следует учитывать основные элементы, из которых складывается реальная стоимость потребительского кредита (данные приведены в табл. 1). Возможно применение и других видов платежей по потребительскому кредиту, все они должны быть указаны в кредитном договоре.

Теперь для понимания реальной стоимости потребительского кредита рассчитаем эту реальную стоимость на примере. Предположим, что мы являемся держателем кредитной пластиковой карты VISA, эмитированной КБ «Русский стандарт», другими словами, мы имеем хорошую кредитную историю в этом банке, имеем кредитный договор, кредитный карточный счет и установленный лимит по кредиту (в нашем примере его величина не важна). Предположим, мы решили приобрести в кредит мобильный телефон. Но в салоне сотовой связи, в котором мы собрались совершить покупку, нет системы электронной оплаты, и воспользоваться пластиковой картой как платежным инструментом невозможно, т.е. необходимо получить наличные в размере, например, 10 тыс. рублей. Рассчитаем сумму, которую мы должны будем потратить через месяц, чтобы целиком рассчитаться по этому кредиту.

Таблица 1

Элементы стоимости потребительского кредита

Наименование элемента	Расшифровка понятия	Средняя величина в сегменте
Процентная ставка	Собственно стоимость кредита	От 15 до 30% годовых
Плата за открытие счета	Сумма платежа, которая будет включена в стоимость кредита	От 0 рублей до 1000 рублей
Ежемесячная плата за обслуживание счета	Ежемесячный платеж в пользу банка за обслуживание вашего кредитного счета	От 0 рублей до 500 рублей
Ежемесячная комиссия за обслуживание кредита	Взимается ежемесячно за обслуживание остатка задолженности по кредиту, может устанавливаться как в виде процента от остатка суммы, так и в виде фиксированного платежа	От 0 рублей до 5% от суммы задолженности.
Плата за совершение операций по счету	Плата, взимаемая банком за проведение операций по кредитному счету: зачисление платежа, перечисления средств со счета, увеличение кредита. Может иметь фиксированную сумму или процент от суммы, на которую совершается операция	От о рублей до 2%
Плата за снятие наличных	(Если речь идет о кредитной пластиковой карте). Здесь сумма на прямую будет зависеть от способа снятия средств: через кассу или банкомат, в банке эмитенте производится снятие или в другом банке. В случае снятия наличных в другом банке, обязательно будет удержана комиссия этим банком.	От 1% (мин. 100 рубле), до 2%.
Плата за внесение средств на счет (при полном или частичном погашении кредита).	Чаще всего эта плата связана с осуществлением перевода через другие кредитные организации, через автоматические пункты приема платежей и через почтовые отделения.	От 1% до 3% от суммы платежа

Во-первых, банк начислит 23% процента годовых – это составит 192 рубля. Во-вторых, удержит ежемесячную комиссию за обслуживание кредита 1,9% от суммы задолженности, что составит 190 рублей. В-третьих, плата за снятие наличных составит 4,9 % от суммы, а это 490 рублей. Больше по программе потребительского кредитования КБ «Русский Стандарт» платить ничего не придется. Однако этот банк не имеет касс в Санкт-Петербурге, поэтому вносить средства на свой кредитный счет нам придется через банки-партнеры либо путем почтового перевода. В первом случае это будет 1,5% от суммы, во втором 3%. Предположим, что мы воспользовались услугами банка-партнера. Мы должны внести сумму, равную 10000+192+190+490=10872 рубля, плюс 1,5% уже на эту сумму, итого 11035 руб.. С одной стороны, сумма не такая внушительная, с другой – реальная стоимость потребительского кредита составит примерно 124% годовых. Если платеж растягивается на больший срок, процентная ставка снизится за счет некоторых единовременных платежей, включенных в расчет. Но в любом случае реальная стоимость потребительского кредита будет в два-три раза превышать заявленную процентную ставку. Дабы избежать заблуждений о дешевизне или тем более бесплатности потребительского кредитования в России, следует внимательней читать предлагаемый кредитный договор и пытаться самостоятельно рассчитывать варианты кредитования и стоимость кредита в том или ином случае.

Литература

1. Банки и банковские операции / Под ред. Е.Ф. Жукова. М., 1997.
2. Банковское дело / Под ред. Г.Г. Коробовой. М., 2003.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА ТОВАР-ИНФОРМАЦИЮ ПРИ СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЕМ

О.А. Цуканова

Информация заняла существенное место в развитии науки, техники, экономики во всем мире. Благодаря новым информационным технологиям деятельность индивидуумов и хозяйствующих субъектов расширяется за счет вовлечения опыта, знаний и духовных ценностей, выработанных мировой цивилизацией, а сама экономика все в меньшей степени рассматривается как производство материальных благ и все в большей – как распространение информационных продуктов и услуг. В этих условиях предприятиям, производящим товар-информацию, необходимо уделять значительное внимание процессу ценообразования, который будет иметь отличия от ценообразования на материальные товары и обычные услуги.

Основной особенностью рыночного ценообразования на товар-информацию является то, что реальный процесс формирования цен здесь происходит не в среде производства, а в среде *реализации продукции*, т.е. на рынке под воздействием спроса и предложения. При этом целесообразно различать рынок первичной информации и рынок тиражированной информации.

Первичная информация – это товар, имеющийся в одном экземпляре, доступный одному или нескольким субъектам. На рынке первичной информации цена, не являясь главным регулятором спроса и предложения, будет определяться, в первую очередь, уровнем риска (понесения убытков, ущерба здоровью и т.д.), которому подвергается потребитель. Таким образом, цена информации в предпринимательской деятельности может рассчитываться как величина ущерба, который может быть нанесен фирме в результате использования информации конкурентами или, наоборот, дохода, который может быть получен фирмой в результате использования коммерческой информации.

Потребители по-разному относятся к риску, и поэтому спрос на информацию более индивидуален, чем спрос на большинство физических товаров и услуг. На цену информации будет оказывать влияние ряд неценовых факторов, которые по степени важности можно разделить на две группы:

- первая группа факторов – риск, новизна, достоверность и полнота;
- вторая группа факторов – своевременность, конфиденциальность (наличие или отсутствие копий), приемлемая форма подачи.

Весомость отдельных факторов будет различной даже для одного и того же потребителя в различных ситуациях или в отдельные периоды времени, соответственно, и цена, которую он готов уплатить за данную информацию, будет разной. Характерной особенностью предложения и спроса на первичную информацию или в целом информационного рынка является то, что такие факторы, как ценовые ожидания и налоговая политика, оказывают минимальное влияние на поведение продавцов и покупателей информации, так как ее редко можно заготовить впрок и отложить приобретение до лучших времен. Часто цена информации сдерживается таким субъективным моментом, как нежелание потребителя воспринимать новую информацию.

Рынок тиражированной информации подчиняется законам спроса и предложения для материальных товаров и обычных услуг. Поэтому и процесс ценообразования будет здесь схожим с рынком обычных товаров. При установлении цен на тиражированную информацию целесообразно воспользоваться, на наш взгляд, следующими методами ценообразования:

- ценообразование на основе текущих цен, при котором определяется «коридор» цен на аналогичные товары и услуги на рынке. В рамках данного «коридора» с учетом факторов риска потребителя, а также новизны, достоверности, полноты, своевременности информации предприятие будет устанавливать цену на свой продукт;
- ценообразование на основе ощущаемой ценности товара, где основным фактором считаются не издержки продавца, а покупательское восприятие. Цена в этом случае призвана соответствовать ощущаемой ценностной значимости товара-информации.

При этом необходимо отметить, что выручка от реализации информации по ценам, установленным на основе предварительно рассчитанного базового уровня, должна, как минимум, покрывать затраты на ее создание за определенный промежуток времени. Определение затрат на производство информационного продукта опирается на те же принципы, которые используются при оценке издержек производства обычных товаров и услуг. В качестве нижнего предела цены рекомендуется принимать полные затраты производителя на разработку, тиражирование и сопровождение информационного продукта. Верхний предел цены на товар-информацию может определяться несколькими показателями: экономической эффективностью использования информации, уникальными потребительскими свойствами, преимуществами информационного продукта по сравнению с аналогами, ценами конкурентов, максимальной суммой, которую пользователи согласны заплатить за информацию, собственными издержками потребителей на разработку и эксплуатацию информационного продукта.

Качественное разнообразие информационных продуктов обусловливает широкое использование договорных цен, наценок за новизну, уникальность, ценовых скидок, льгот. С другой стороны, цена информации не может превысить величину, равную возможному ущербу, который понесет потенциальный потребитель в случае, если не станет приобретать необходимую информацию.

Таким образом, при стратегическом управлении предприятием, производящим товар-информацию, в процессе установления цен необходимо учитывать такие факторы, как способность товара снимать неопределенность ситуации, его новизну, своевременность, достоверность и приемлемую форму подачи.

Литература

1. Вус М.А., Гусев В.С. и др. Информатика: Введение в информационную безопасность. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. 204 с.
2. Николаева Т.П. Основы информационной экономики. / Уч. пос. СПб: ООО «Лекс стар», 2001. 128 с.
3. Экономика предприятия. / Уч. пос. Под общ. ред. А.И. Ильина, В.П. Волкова. М.: Новое знание, 2003. 677 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА СКВОЗНЫХ ЛИНИЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ ОБУЧЕНИЯ НА ВОЕННЫХ КАФЕДРАХ ГРАЖДАНСКИХ ВУЗОВ

И.Н. Хромов

В статье рассматривается использование сквозных линий в процессе военной подготовки для формирования у будущих специалистов профессионально значимых качеств (на примере педагогов профессионального обучения).

Как известно [6], в основе теории общей структуры содержания образования лежит определение самого понятия *содержания образования* как сущностной стороны процесса становления личности. Это детерминируется на макроуровне степенью развития культуры общества в целом и социального института образования, в частности, а на микроуровне – закономерностями становления личности. Исходной информационной базой для теории структуры содержания образования является совокупная характеристика структуры личности, включающая те ее составляющие, которые подлежат формированию, развитию и воспитанию.

Системный взгляд на структуру личности, отвечающий задачам теории содержания образования, сформулирован В.С. Ледневым [4]. Согласно этому подходу, *структура личности* характеризуется тремя основными составляющими: опытом, функциональными механизмами психики и типологическими свойствами. Кроме этого, необходимо учитывать динамику становления и индивидуальные качества личности. Некоторая упрощенность и неполнота представленной концепции заключается в том, что названные стороны в структуре личности представляют систему (исследуемый объект) только в виде ее базовых статических проекций.

Такой подход не позволяет учитывать все содержательные связи между базовыми компонентами системы, ибо при его использовании не рассматривается динамическая модель «в сборе». Но он позволяет сформулировать основные положения общей теории структуры содержания образования.

Согласно этой теории [4], в содержательной структуре обучения как процессе образования личности выделяют *сквозные линии* процесса становления личности и последовательные этапы этого процесса. *Сквозными компонентами образования* личности являются такие его составляющие, которые, последовательно развиваясь, «пронизывают» все ступени (этапы) образования и являются обязательными для каждой из них.

Проанализируем процесс формирования профессионально значимых качеств будущего специалиста как одной из сквозных линий его подготовки в вузе по основной образовательной программе и по программе военной подготовки. Опишем опыт взаимодействия в этом направлении кафедры технологий профессионального обучения и Института комплексного военного образования Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики.

Структура содержания образования предопределяется двумя основными детерминантами: структурой деятельности и структурой объекта изучения [6].

Каждая из сквозных линий содержания образования, имея свою достаточно сложную структуру, развертывается в дидактическую «цепочку», распределенную по годам и ступеням обучения. Так, сквозная линия общего образования включает в себя систему общеобразовательных учебных предметов; специальное образование включает в се-

бя теоретические предметы профессионального цикла, учебные практики и учебное проектирование; военная подготовка включает общевоенную, общественно-государственную, тактическую и военно-специальную подготовки и учебные военные сборы. В свою очередь, каждый из названных компонентов содержания имеет собственную структуру.

В теории содержания образования используется его градация по технологическому признаку: теоретическое обучение, практическое обучение, учебное проектирование. *Сквозная линия практического обучения* подразделяется на последовательные ступени учебно-практической деятельности обучаемых, особым образом отобранные по содержанию, характеризующиеся адекватными формами и методами. Структура практического обучения детерминируется в части сквозных компонентов содержания структурой осваиваемой деятельности, в ее ступенчатом выражении – структурой поэтапного освоения деятельности.

Учебное проектирование представляет собой второй пропедевтический отрезок одной из сквозных линий содержания образования и способствует развитию способностей обучающегося к научному творчеству.

Задача разработки содержания структурных составляющих конкретного вида профессионального образования сводится к конкретизации их содержания применительно к соответствующей отрасли производства и производственному профилю специалиста. В дальнейшем эти компоненты разворачиваются в систему учебных дисциплин, отражающих содержательную специфику соответствующей сферы деятельности будущего педагога профессионального обучения. Отсюда вытекает необходимость выделения на уровне макроструктуры двух компонентов содержания подготовки педагогов профессионального обучения: производственно-отраслевого (технико-технологического) и педагогического. Важным фактором, влияющим на те составляющие структуры личности, которые подлежат формированию, развитию и воспитанию, является военное обучение студентов по программам подготовки офицеров запаса на военных кафедрах вузов.

С целью решения проблемы подготовки будущих педагогов профессионального обучения в новых социально-экономических условиях мы выявили и проанализировали их индивидуально-личностные качества, влияющие на результат профессиональной деятельности в изменившихся условиях.

Совокупность индивидуально-личностных качеств, способствующих успешной профессиональной деятельности в области педагогики и соответствующих современным требованиям профессии, определена нами как профессионально значимые качества педагогов профессионального обучения. Чтобы получить полное содержание подготовки педагога профессионального обучения конкретной отраслевой специализации в его системном выражении, необходимо, как обоснованно отмечает П.Ф. Кубрушко [2], с учетом *феномена инвариантности профессионального образования* интегрировать содержание отраслевой и педагогической составляющих профессионально-педагогического образования в рамках единого учебного плана.

Очевидно, если говорить о влиянии потенциала университета технического типа на подготовку педагогов профессионального обучения, то оно более всего может проявиться в производственно-отраслевом (технико-технологическом) компоненте его содержания. Одновременно военное обучение по военно-учетным специальностям военно-гуманитарного профиля позволяет использовать и совершенствовать педагогический компонент. Некоторые из форм, методов и приемов были рассмотрены ранее [7].

Феномен инвариантности профессионального образования свойственен и профессиональной подготовке, специальной по своему совокупному предмету. Что касается общеобразовательных и технических предметов, то они являются инвариантными по отношению к профессиональному образованию по своему определению [2].

Учитывая триединую природу образования (знания и умения, развитие и воспитание человека), можно констатировать, что профессиональное (в частности, военно-профессиональное) образование в части воспитания и развития уже во многом является инвариантным. Конкретные предметные знания и особенно умения также не лишены инвариантности, поскольку потенциально они создают реальную базу для переноса умений выполнять действия в новых условиях, в частности военной службы.

В военной дидактике, т.е. теории обучения военнослужащих, относительно военного обучения студентов по программам подготовки офицеров запаса отмечается его ярко выраженный социально-педагогический характер. Многоплановая природа учебного процесса определяется действием закономерностей трех уровней: социального, собственно педагогического и индивидуального [5].

Социальный уровень включает наиболее общие законы и закономерности общественного развития и вооруженной борьбы, определяющие цели, содержание, организацию и методику воинского обучения. Педагогические закономерности отражают структуру военного обучения как двусторонне активный процесс совместной деятельности обучающего (офицера-преподавателя) и обучаемых по овладению обучаемыми соответствующими знаниями, навыками и умениями, формированию у них профессионально значимых качеств.

Особое значение для построения содержания бипрофессионального образования имеет проявление феномена инвариантности при объединении дисциплин отраслевой и психолого-педагогических составляющих. В этом случае инвариантность проявляется в частичном взаимопоглощении объединяемых предметов. Это приводит к тому, что трудоемкость полученной в результате объединения дисциплины за счет инвариантности значительной части содержания объединяемых дисциплин существенно снижается и, следовательно, не равна арифметической сумме трудоемкости объединяемых дисциплин.

Таким образом, рассмотрев исследуемую проблему, можно выдвинуть гипотезу: военная подготовка способна существенно влиять на формирование будущих педагогов, на их психологическую адаптацию к профессиональной деятельности, на формирование у них педагогического мышления.

Это обусловлено тем, что, согласно государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования, военная подготовка проводится в объеме 450 академических часов и 225 часов самостоятельной работы студентов за время обучения в вузе. Кроме этого, студенты проходят дополнительную практику в период проведения учебных военных сборов в войсковых частях и на кораблях, на которую отводятся 144 часа аудиторного времени и 71 час самостоятельной работы студентов. Общая трудоемкость военного обучения по программам подготовки офицеров запаса – 1008 часов, что составляет, как правило, свыше 10 % общего объема часов освоения основной образовательной программы.

Рассмотрим пути достижения поставленных целей и применяемые при этом методические приемы.

Феномен инвариантности связан с интеграцией отраслевой и педагогической составляющих содержания ППО. Это дает особый эффект в профессиональном развитии человека, ибо в этом случае специалист обладает качествами как инженера, так и гуманитария. Четкость и конструктивизм инженерного мышления органически сочетаются в нем с коммуникативными и другими качествами педагога. Очевидно, в этом случае в процессе обучения имеет место более интенсивное развитие за счет *биполярности* предмета изучения. Всестороннее использование на практике возможностей военного обучения и воспитания позволяет существенно усилить эффект развития будущего педагога профессионального образования.

Так, сквозная линия общевоенной подготовки включает в себя систему учебных предметов, необходимых военнослужащему любого вида Вооруженных Сил РФ; сквозная линия общественно-государственной подготовки способствует его государственно-патриотическому воспитанию; сквозная линия тактической подготовки готовит будущего офицера к действиям в бою, а в человеке развивает абстрактно-логическое мышление, умение принимать обоснованные решения в нестандартных условиях обстановки и организовывать их выполнение; сквозная линия военно-специальной подготовки предусматривает освоение конкретной военно-учетной специальности.

На основании анализа научной литературы и профессиограммы педагогов профессионального образования в работе выделены пятнадцать профессионально значимых качеств, которые необходимы для трудовой деятельности педагогов профессионального образования, и раскрыто их содержание.

Использование методики корреляционного анализа для выявления тесноты связей между профессионально значимыми качествами позволило выделить восемь ведущих качеств, воздействие на которые повлечет за собой формирование семи остальных. К ведущим качествам отнесены креативность, ассоциативность мышления, аналитичность мышления, инициативность, ответственность, социальная активность, коммуникабельность, лидерство. Все они в ходе военного обучения наполняются специфическим содержанием.

Важным компонентом комплексного подхода является личностная направленность процесса формирования профессионально значимых качеств. Личностная направленность проявляется в процессе гуманизации образования как одна из сквозных линий. В процессе исследования установлено, что путями реализации идеи гуманизации и гуманитаризации являются интеграция общеобразовательных и специальных дисциплин путем их содержательного взаимопроникновения, применение методов обучения, максимально активизирующих познавательную активность каждого студента, раскрывая его творческий потенциал.

Автором исследования на базе Института комплексного военного образования СПб ГУ ИТМО проведен педагогический эксперимент по формированию у будущих педагогов профессионального обучения профессионально значимых качеств как одной из сквозных линий вузовской подготовки. Экспериментальная проверка гипотезы исследования с 1999 по 2005 год проводилась на контингентах студентов факультетов естественнонаучного, гуманитарного, инженерно-физического, информационных технологий и программирования, компьютерных технологий и управления, точной механики и технологий в количестве свыше 3000 человек, среди которых 113 студентов обучались по специальности «Профессиональное обучение (по отраслям)», причем военные специальности обследованных имели инженерно-технический профиль, связанный с эксплуатацией корабельного вооружения. С 2003 по 2006 год на заключительном этапе студенты названной специальности обучались по военно-гуманитарной специальности.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

- изучение военно-специальных дисциплин положительно повлияло на уровень сформированности профессионально значимых качеств студентов обеих подгрупп; в то же время, наибольшие изменения произошли в экспериментальной подгруппе;
- развитие педагогического мышления возможно при изучении не только профессиональных педагогических, но и военных дисциплин.

Результаты показали, что для усиления эффекта целесообразно использовать педагогический компонент и готовить будущих педагогов по военно-гуманитарным специальностям. Примерами первичных должностей офицеров, обучающихся по ВУС «Организация информационного обеспечения» являются заместитель командира роты (боевой части корабля 1 и 2 ранга, корабля 3 ранга) по воспитательной работе. Техническая направленность вуза и отраслевая подготовка будущего специалиста, его инже-

нерное мышление позволят будущему офицеру лучше и быстрее ориентироваться в быстро меняющейся обстановке современной войны, связанной с использованием самых передовых технологий. Информационная эра изменила способ ведения боевых действий, обеспечив командиров беспрецедентным количеством и качеством информации. Примерами современных войн могут являться война информационной эры, информационная война и кибервойна [1]. Поскольку владение компьютерными технологиями сбора, хранения, обработки и использования информации есть особенность военной подготовки будущих специалистов образовательной отрасли «Информатика, вычислительная техника и компьютерные технологии», т.е. их профессиональная педагогическая подготовка, то именно им будет легче организовать информационное обеспечение командиров. После получения выпускниками практического опыта военной службы мы получим обратный эффект внесения передового опыта воспитательной работы Вооруженных Сил в педагогическую деятельность педагогов профессионального образования.

Практическая реализация результатов исследования будет окончательно оценена по критериям результативности и затрат времени после трудоустройства выпускников 2007 года или призыва их на военную службу во второй половине этого года.

В статье рассмотрено использование сквозных линий и феномена инвариантности в процессе военной подготовки для формирования у будущих специалистов профессионально значимых качеств (на примере педагогов профессионального обучения).

Литература

1. Жигулин Г.П. Информационная война и информационная безопасность. СПб: СПб ГИТМО(ТУ), 2002. 126 с.
2. Кубрушко П.Ф. Содержание профессионально-педагогического образования. М., 2001. 236 с.
3. Леднев В.С. Научное образование: Развитие способностей к научному творчеству. М., 2002. 120 с.
4. Леднев В.С. Содержание образования: Сущность, структура, перспектива. / 2-е изд., перераб. М.,1991. 224 с.
5. Овечкин А.Н. Педагогика и психология высшей военной школы: теория и практика. В 2 т. Том 2. СПб.: ИВТОБ СПГПУ, 2005. 298 с.
6. Потеев М.И. Развитие профессионально-педагогического образования в университетах технического типа. Монография. СПб, 2005. 440 с.
7. Хромов И.Н. Воспитание командирских качеств как составная часть формирования педагогического мышления у будущих педагогов профессионального обучения. // Научно-тех. вестник СПб ГУ ИТМО. Вып. 20. Современные технологические решения / Главный редактор В.Н. Васильев. СПб: СПб ГУ ИТМО, 2005. С.15–20.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА СТУДЕНТОВ ВОЕННО-МОРСКОЙ КАФЕДРЫ ФАКУЛЬТЕТА ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, МЕХАНИКИ И ОПТИКИ. МЕСТО И РОЛЬ В НЕМ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» И «ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА»

Г.Г. Дмитриев, Е.Г. Удин, Ю.Н. Щедрин

В данной работе показана краткая характеристика образовательного процесса студентов, обучающихся на военно-морской кафедре факультета военного обучения Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики и роль дисциплин «Физическая культура» и «Военная подготовка» в этом процессе.

Глобализация общества и связанный с этим процесс вступления во Всемирную торговую организацию, сближение высшего профессионального образования нашей страны с высшим образованием зарубежных стран в рамках Болонского процесса требуют вести поиск по идентификации российского военного образования, созданию технологии управления высшим и дополнительным профессиональным образованием офицеров Вооруженных сил Российской Федерации, привлекая, совершенствуя и развивая его на базе научных методов, опыта российского и зарубежного военного и гражданского образования.

В Российской Федерации комплектование Вооруженных сил, как и в Советском Союзе, продолжается с учетом использования мобилизационного резерва, который должен обеспечить наполнение армии, авиации и флота с началом мобилизации. После Великой Отечественной войны офицерский корпус Вооруженных сил Советского Союза, в основном, комплектовался выпускниками военно-учебных заведений. В мирное время только небольшая часть офицеров запаса, обучавшихся на военных кафедрах и факультетах военного обучения Министерства высшего профессионального образования СССР и других министерств, призывалась для укомплектования частей Сухопутных войск, Войск противовоздушной обороны, Ракетных войск стратегического назначения, Военно-воздушных сил и Военно-морского флота.

С 1967 г. в СССР был начат и проводился до 1990 г. постоянный призыв на военную службу офицеров запаса, за исключением прекращения призыва офицеров запаса в Вооруженные силы в конце 80-х гг. вследствие отсутствия дефицита в младших командирах, что было обусловлено выводом групп советских войск из стран Восточной Европы. С 1994 г. по настоящее время в Российской Федерации ведется постоянный призыв офицеров запаса в Вооруженные силы в условиях оттока выпускников военно-учебных заведений и введения добровольной начальной военной подготовки [1]. В этих условиях с учетом проводимой в нашей стране военной реформы повышается роль факультетов военного обучения и военных кафедр при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования в подготовке специалистов – офицеров запаса, исходя из достижений в обучении, воспитании и формировании личности студентов по базовым специальностям в гражданских высших учебных заведениях.

В то же время студенты, обучающиеся по программе подготовки офицеров запаса, должны обладать необходимым уровнем и устойчивостью профессиональной работоспособности, жизненно необходимыми психическими качествами, свойствами и чертами личности. В высших учебных заведениях учебная дисциплина «Физическая культура» является важнейшим компонентом целостного развития личности.

Физическое воспитание как специфический процесс физического совершенствования студентов государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, осуществляемое с учетом их профессиональной деятельности, является одновременно сложной социальной системой. Анализ ее функционирования, нарушаемый сбоями в работе отдельных компонентов и элементов системы, позволит глубже проанализировать причины, приводящие к снижению эффективности процесса физического совершенствования студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса на факультетах военного обучения (военных кафедрах) при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования.

Изучение любого сложного системного объекта для упорядочения взаимодействия его компонентов осуществляется с помощью системного подхода, который реализует диалектико-материалистические принципы познания. Системный подход позволяет рассматривать изучаемый объект не как сумму частей, а как образование с новыми интегративными свойствами. Системный подход позволяет изучить внутренние и внешние свойства и связи, обуславливающие целостность объекта, в котором все составляющие его компоненты служат единой цели [2].

Эффективность системы физического воспитания в высшем учебном заведении определяется ее структурной организацией, условиями функционирования и местом в общей иерархии подсистем вышестоящей системы [3].

Применение системы многоуровневой подготовки выпускников военно-морской кафедры факультета военного обучения СПбГУ ИТМО предполагает поэтапное овладение системой фундаментальных и прикладных теоретических знаний. Структурно-профессиональное становление выпускника военно-морской кафедры факультета военного обучения СПбГУ ИТМО можно представить в следующем виде (таблица 1.1)

Этап	Продолжительность	Задачи
Довоенной подготовки	1-5 семестр	Изучение общих гуманитарных и социально-экономических, общих математических и естественнонаучных, а также части общепрофессиональных дисциплин согласно ГОС ВПО
Общевоенной и тактико-специальной подготовки	6-7 семестр	Изучение общепрофессиональных и части специальных дисциплин согласно ГОС ВПО, а также общественно-государственной, общевоенной и тактико-специальной дисциплин военной подготовки
Специальной подготовки	8-10 семестр	Изучение специальных дисциплин, включая дисциплины специализации согласно ГОС ВПО, а также тактической и военно-специальной дисциплин военной подготовки
Завершающий	30-дневные учебные сборы на кораблях ВМФ или в воинских частях	Получение практических навыков по военно-учетной специальности
	11-12 семестр	Подготовка и защита выпускной квалификационной работы

Таблица 1.1. Структурно-профессиональное становление выпускников военно-морской кафедры факультета военного обучения СПбГУИТМО

На этапе довоенной подготовки студенты в основном получают базовые знания, необходимые в дальнейшем для изучения дисциплин военной подготовки. На этапе общевоенной и тактико-специальной подготовки студенты получают знания, умения и навыки, необходимые каждому офицеру ВМФ, независимо от особенностей военно-учетной специальности. Общепрофессиональные дисциплины являются фундаментом для освоения военно-специальной подготовки. Этап специальной подготовки представлен широким спектром специальных дисциплин и узкоспециальных дисциплин специализации, которые в комплексе дисциплинами военно-специальной и тактической подготовки, являясь неотъемлемой составной частью профессиональной подготовки специалиста, позволяют получить необходимые знания и умения. На завершающем этапе

студенты получают знания, формируют умения и навыки, необходимые для эффективной профессиональной деятельности на первичных офицерских должностях.

Продолжительность этапов профессионального становления выпускника военных кафедр при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования соответствует методологическим положениям социальной и педагогической психологии, согласно которым фазами развития личности в относительно стабильной общности выступают этапы ее адаптации, идентификации в определенной общности и самореализации в повседневной деятельности. Результаты исследований военно-педагогического процесса дают основания считать, что фазы социализации личности в условиях вуза по времени в основном совпадают с предлагаемыми этапами профессионального становления будущего офицера запаса [4]. Необходимо отметить, что процесс социализации личности в условиях военной кафедры при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования имеет свои особенности.

Для обучения на военно-морской кафедре факультета военного обучения СПбГУ ИТМО привлекаются студенты очной формы обучения, годные по состоянию здоровья к военной службе, обучающиеся в университете по специальностям: 200101.65 «Приборостроение»; 200107 «Технология приборостроения»; 200101.18 «Материаловедение»; 200101.03 «Измерительные технологии»; 230104 «Системы автоматического проектирования»; 220401 «Мехатроника»; 220201 «Управление и информатика в технических системах»; 160402 «Приборы и системы ориентации, стабилизации и навигации»; 140604 «Электропривод и автоматика промышленных установок и технологических комплексов»; 230101 «Вычислительные машины, комплексы, системы и сети».

В качестве примера рассмотрим учебный план подготовки дипломированных специалистов по специальности: 200101.65 «Приборостроение» очной формы обучения (специализация 200101.65.11 «Компьютерная томография»). Обучение студентов по данной специальности осуществляется на 28 кафедрах Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики по 68 дисциплинам, которые разбиты на 5 разделов (таблица 2.1).

№ п/п	Разделы учебного плана	Доля разделов в %	Количество часов
1	Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины, среди них	19,63	1802
	физическая культура	4,44	408
2	Общие математические и естественнонаучные дисциплины	25,07	2302
3	Общепрофессиональные дисциплины	19,87	1824
4	Специальные дисциплины, включая	30,52	2802
	Дисциплины специализации	19,57	1797
5	Военная подготовка, в том числе	6,47	594
	учебные сборы	1,57	144

Таблица 1.2. Учебный план студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса на военно-морской кафедре факультета военного обучения СПбГУИТМО подготовки дипломированных специалистов по специальности 200101.65 «Приборостроение» (специализация 200101.65.11 «Компьютерная томография»)

Наибольший удельный вес в нем приходится на специальные дисциплины – 30,52%, а наименьший удельный вес приходится на блок общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин – 19,63%. Физическая культура в блоке гуманитарных и социально-экономических дисциплин занимает 4,44% времени всего учебного плана. Согласно государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования в учебных планах подготовки дипломированных специалистов очной формы обучения предусмотрено выделение на дисциплину «Физическая культура» 408 часов с проведением итоговой аттестации. Распределение учебных часов на освоение учебной программы по

дисциплине «Физическая культура» показано в табл. 1.3. Как видно из таблицы, количество часов, выделяемых на дисциплину «Физическая культура», распределено неравномерно. Уменьшение количества часов на старших курсах, особенно на 4-ом курсе, а также отсутствие занятий по физической культуре на 5-ом курсе приводит, на наш взгляд, к снижению психофизической надежности будущего специалиста, необходимого уровня и устойчивости его профессиональной работоспособности.

Курс обучения	Количество часов по разделам программы				Всего часов
	Теоретический	Практический		Контрольный	
	Лекции	Методико-практический	Учебно-тренировочный		
1	16	14	88	18	136
2	6	8	74	14	102
3	2	12	74	14	102
4	2	2	54	10	68
Итого	26	36	290	56	408

Таблица 1.3. Распределение учебных часов по годам обучения на освоение учебной программы по дисциплине «Физическая культура» для студентов очной формы обучения СПбГУИТМО

Военная подготовка на факультетах военного обучения (военных кафедрах) при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования осуществляется на основании руководящих документов, к которым относятся:

- Федеральный закон РФ от 28 марта 1998 года «О воинской обязанности и воинской службе»;
- Постановление Правительства РФ № 1255 от 14 ноября 1999 г., согласно которому утверждено «Положение об обучении граждан РФ по программам подготовки офицеров запаса на военных кафедрах при государственных, муниципальных или имеющих государственную аккредитацию по соответствующим направлениям подготовки (специальностям) негосударственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования»;
- Постановление Правительства РФ № 768 от 12 декабря 2000 г., согласно которому утверждено «Положение о военных кафедрах при государственных, муниципальных или имеющих государственную аккредитацию по соответствующим направлениям подготовки (специальностям) негосударственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования»;
- совместный приказ Министра обороны РФ, Министра образования РФ, Директора федеральной службы железнодорожных войск РФ – командующего Железнодорожными войсками РФ № 215/2006/106 от 8 мая 2001 г. « Об организации обучения граждан РФ по программам подготовки офицеров запаса на военных кафедрах»;
- Инструкция по организации и проведению учебного процесса на военных кафедрах учебных заведений, утвержденная заместителем Министра обороны СССР – главнокомандующим Сухопутными войсками от 1985 года;
- общевоинские уставы Вооруженных сил РФ.

Согласно данным руководящим документам, для подготовки офицеров запаса на факультетах военного обучения (военных кафедрах) отводится 594 часа, из которых 144 часа выделены для проведения учебного процесса на учебных (военных) сборах в воинских частях и на кораблях Военно-морского флота после завершения теоретического и практического обучения на военной кафедре. Обучение на военно-морской ка-

федре факультета военного обучения СПбГУ ИТМО осуществляется по 4 военно-учетным специальностям:

- эксплуатация и ремонт бортовых приборов управления и контрольно-испытательного оборудования крылатых ракет надводных кораблей;
- эксплуатация и ремонт бортовых приборов управления и контрольно-испытательного оборудования крылатых ракет подводных лодок;
- эксплуатация и ремонт приборов управления стрельбой корабельной артиллерии;
- эксплуатация и ремонт корабельных торпед и торпедных аппаратов.

Подготовка офицеров запаса по данным военно-учетным специальностям производится методом «военного дня». Согласно распорядку дня, предусмотрено 6 часов аудиторных занятий, 3 часа на самостоятельную работу студентов и по 15 минут на проведение утреннего осмотра и строевой тренировки. Последовательность изучения предметов военной подготовки с учетом дисциплин подготовки дипломированных специалистов показана в табл. 1.4.

<table>
<tr><td>3 курс</td><td colspan="2">4 курс</td><td colspan="2">5 курс</td><td rowspan="2">Учебные сборы</td></tr>
<tr><td>6 семестр</td><td>7 семестр</td><td>8 семестр</td><td>9 семестр</td><td>10 семестр</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Общественно-государственная и общевоенная подготовки</td><td colspan="4">Военно-специальная подготовка</td><td rowspan="3">Все предметы военной подготовки</td></tr>
<tr><td colspan="2"></td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2">Тактическая подготовка</td></tr>
<tr><td colspan="4">Тактико-специальная подготовка</td></tr>
</table>

Таблица 1.4. Последовательность прохождения предметов военной подготовки на военно-морской кафедре факультета военного обучения СПбГУИТМО

Анализ образовательного процесса студентов военно-морской кафедры факультета военного обучения СПбГУ ИТМО свидетельствует, в частности, о том, что система физического воспитания студентов на современном этапе не в полной мере обеспечивает создание функциональных резервов для успешной будущей военно-профессиональной деятельности. В связи с этим предполагается, что введение специального раздела «Физическая подготовка» в программу подготовки офицеров запаса может успешно содействовать формированию физической готовности, развивать профессионально значимые психические качества специалистов вооружения Военно-морского флота и совершенствовать его адаптационные резервы [5].

Литература

1. Овечкин А.Н. Педагогика и психология высшей военной школы: теория и практика. Монография. Т. 2. СПб: ИВТОБ СПбГПУ, 2005, С.2.
2. Блауберг В.И., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход в современной науке. // Проблемы методологии современного исследования. М.: Мысль, 1970. С. 7–48.
3. Иванов С.М. Диссертация канд. пед. н. СПб: ВИФК, 2004. С. 56.
4. Малышев В.П., Николаев Е.А., Прокофьев В.Н., Лазарев Н.В. Физиология специалистов-операторов. М.: Воениздат, 1983. 192 с.
5. Загрядский В.П., Сулимо-Самуйло З.К. Физиологические нагрузки современного человека. Л.: Наука, 1982. 89 с.

ДИНАМИКА И ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ ВОЕННО-МОРСКОЙ КАФЕДРЫ ФАКУЛЬТЕТА ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ СПБГУ ИТМО НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Г.Г. Дмитриев, Е.Г. Удин, Ю.Н. Щедрин

В работе продемонстрирована динамика и взаимосвязь основных показателей физической подготовки и функционального состояния студентов, обучающихся на военно-морской кафедре факультета военного обучения СПбГУ ИТМО.

Как известно, целью физической подготовки является обеспечение физической готовности военнослужащих к боевой деятельности. Значение физических качеств, развитых средствами физической подготовки, главным образом проявляется в положительном переносе на выполнение самых разнообразных приемов и действий военно-профессиональной деятельности [1]. Физическая подготовка проявляется в следующих функциях: образовательной, воспитательной, биологического развития и совершенствования, оздоровительной, профилактического отдыха и восстановления, развлекательной. Влияние всех этих функций оказывает общее положительное воздействие на весь организм военнослужащих, на его умственные способности, психику и работоспособность [2]. Экспериментально установлено наличие тесной связи между уровнем проявления физических и психологических качеств в определенных видах деятельности, позволяющих говорить о степени воздействия применяемых средств физической подготовки на успеваемость в ходе военно-профессионального обучения [3].

При проведении одночасовых занятий с умеренной физической нагрузкой в период экзаменационных сессий у слушателей повысилась работоспособность и успеваемость, снизилась заболеваемость [4]. Анализируя связь физической подготовленности со степенью умственного утомления, по психологическим тестам можно сделать о положительном влиянии физической подготовленности на учебную успеваемость. Физкультурные паузы продолжительностью 8–10 минут положительно влияют на некоторые показатели умственной работоспособности студентов в динамике учебных занятий. В то же время физкультурные паузы не оказывают существенного влияния на развитие физических качеств студентов, а способствуют преимущественно восстановлению различных психических функций, взаимосвязанных с процессом умственной работоспособности.

Анализ литературных источников показывает, что многие специфические вопросы физической подготовки курсантов в вузах давно интересуют исследователей. В то же время можно констатировать, что исследования, посвященные изучению физической подготовки студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса на военных кафедрах при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования не проводились.

Одним из способов исследования эффективности процесса физической подготовки является изучение динамики изменения основных физических качеств у студентов, обучающихся на военных кафедрах за определенный период времени, в частности, в период обучения. Это, на наш взгляд, может быть использовано в качестве одного из критериев определения эффективности данного педагогического процесса. С целью выявления динамики развития основных показателей физической готовности нами был организован и проведен поисковый эксперимент. Его задачей являлось определение путей и средств повышения эффективности учебно-воспитательного процесса. Для определения динамики была проведена оценка показателей в результате зачетов после каждого курса обучения в университете.

Исследование динамики основных физических качеств у студентов, обучающихся на военных кафедрах, представляет интерес с нескольких сторон. Во-первых, динамика отражает объективные данные развития физических качеств у студентов на этапах обучения в университете, в частности, на военной кафедре, что позволяет наблюдать разнообразие уровней подготовки студентов по различным физическим упражнениям. Во-вторых, вариативность развития физических качеств позволяет выявить закономерные соотношения в процессе обучения в университете. В-третьих, она дает возможность целенаправленно подбирать и сочетать средства и методы развития физических качеств, необходимых на определенном этапе обучения.

Учитывая значимость высокого уровня физической подготовленности студентов для успешного обучения в университете, а затем и на военной кафедре в будущей военно-профессиональной деятельности в случае их призыва на первичных офицерских должностях, изучались показатели развития силы (подтягивание на перекладине), быстроты (бег на 100метров) и выносливости (бег на 3 километра). Результаты проверки в ходе отбора кандидатов среди студентов для обучения на военно-морской кафедре факультета военного обучения СПбГУ ИТМО приведены в табл. 1. Проверки проводились в спортивной форме одежды.

Показатели	Результаты по годам набора		
	2004	2005	2006
Подтягивание на перекладине (кол-во раз)	10,33 ± 0,2	10,1 ± 0,3	10,4 ± 0,3
Бег на 100 метров (сек.)	14,3 ± 0,02	14,2 ± 0,03	13,8 ± 0,02
Бег на 3 километра (мин, сек.)	13,09 ± 3,04	13,10 ± 3,02	13,05 ± 3,01

Таблица 1. Показатели физической подготовленности студентов-кандидатов 2 курса, поступающих на военно-морскую кафедру факультета военного обучения СПбГУ ИТМО (x±m)

Анализ данных, представленных в табл. 1, свидетельствует о том, что в период 2004–2006 годов показатели развития силы (подтягивание на перекладине) и выносливости (бег на 3000 метров) для многих студентов-кандидатов, поступающих на военно-морскую кафедру ФВО СПбГУИТМО, соответствуют удовлетворительным и неудовлетворительным оценкам, лишь показатели быстроты (бег на 100 метров) находятся на уровне хороших и отличных оценок. Табл. 1 дает представление о значительной гетерогенности развития физических качеств у студентов-кандидатов, поступающих на военно-морскую кафедру ФВО СПбГУИТМО. Вполне естественно, что планирование физической подготовки для групп с большой вариативностью, а также значительной гетерогенностью развития физических качеств у ее членов вызывает значительные трудности.

Одним из путей уменьшения вариативности групповых показателей физической подготовленности считается применение дифференциально-группового метода организации группового занятия, которое предполагает, прежде всего, улучшение физической подготовленности слабо успевающих студентов. При этом рекомендуется для получения наибольшего педагогического эффекта на начальном уровне обучения сделать акцент на преимущественное развитие физических качеств. В доказательство автор [5] ссылается на значительную взаимосвязь и взаимообусловленность темпов прироста физических качеств на начальном этапе тренировки. При достаточно высокой степени подготовленности гетерогенность становится менее выраженной. В начальный период обучения предлагается развивать у курсантов и у студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса, преимущественно силу и силовую выносливость [6].

На основе изучения динамики развития у военнослужащих основных физических качеств мы пришли к выводу о целесообразности проведения занятий по физической подготовке в начальный период преимущественно комплексным методом.

Уменьшение вариативности групповых показателей по физической подготовленности – одна из трех основных задач начального периода обучения, второй задачей является обеспечение минимального уровня развития комплекса физических качеств, необходимых для успешного овладения основными военно-прикладными навыками, третьей задачей – обеспечение психофизиологической адаптации организма к специфическим условиям военной службы. При высоком уровне физической подготовленности решение этих задач менее критично в выборе средств, методов и их применения, а следовательно, и планирования [7].

Выявленная динамика развития исследуемых физических качеств у студентов различных курсов, обучающихся на военно-морской кафедре ФВО СПбГУ ИТМО, также носит гетерохронный характер. Анализ статистического материала позволяет сделать вывод о том, что показатели уровня физической подготовленности студентов изменяются с определенной периодичностью. Наибольший рост всех показателей наблюдался, в основном, к периоду завершения 2-го курса обучения в университете. В дальнейшем на последующих курсах тенденция улучшения показателей, в основном на 3-м курсе, сохранялась, но темпы роста были незначительны. Начиная с 4-го курса и особенно на 5-м курсе, наблюдается значительное ухудшение показателей уровня физической подготовленности.

Показатели силы (подтягивание на перекладине) в наибольшей мере возросли на 2-м курсе обучения – на 16,8% ($p<0,5$). Затем их улучшение протекало более медленно и к 3-му курсу составило 5,9% ($p>0,05$), а затем наблюдается снижение результатов, начиная с 8-го семестра. Динамика показателей развития ловкости (комплексное акробатическое упражнение) аналогична динамике показателей развития быстроты (бег на 100 метров), которая характеризуется плавным, практически равномерным повышением результатов от курса к курсу, наибольший прирост результатов зафиксирован между 3-м и 4-м курсами ($p>0,05$), а затем наблюдается ухудшение результатов.

Группы испытуемых		показатели								
		ЧСС	Артериальное давление мм.рт.ст.		Проба Генчи (с)	Проба Штанге (с)	Степ-тест (60-70) ед. на ед.	МОК	КВ	КЭК
		(уд/мин)	max	min						
3 курс	x	68,23	118	75,3	60,12	92,8	5,2	3806	14	36,7
	±									
	m	0,81	0,98	0,69	3,43	4,08	0,29	99,45	0,4	1,04
4 курс	x	69,51	118	70,4	59,8	90,9	5,25	3781	13,9	36,8
	±									
	m	0,72	1,05	0,82	3,14	4,17	0,15	98,82	0,46	1,12
5 курс	x	68,46	119	76,6	58,2	89,3	5,24	3710	13,9	34,4
	±									
	m	0,71	0,91	0,72	3,1	3,78	0,31	99,71	0,4	0,98
Учебные сборы	x	70,12	121	74,2	58,1	88,6	5,23	3701	13,7	34,3
	±									
	m	0,71	0,98	0,79	3,25	3,98	0,28	98,69	0,41	0,87

Таблица 2. Динамика основных функциональных показателей у студентов, обучающихся на военно-морской кафедре ФВО СПбГУ ИТМО в период обучения

Рассматривая динамику показателей развития выносливости (бег на 3000 метров), необходимо отметить наиболее низкий рост результатов из всех рассматриваемых нами показателей. В целом наибольшие положительные сдвиги в приросте физических качеств происходят на 2 и 3 курсах обучения.

Специальные исследования показали, что на начальных этапах физической тренировки независимо от ее направленности происходит увеличение показателей силы, быстроты и выносливости, т.е. наблюдается взаимосвязь развития физических качеств [8]. В процессе обучения на старших курсах влияние этих факторов, видимо, не оказывает такого положительного воздействия на состояние физической подготовленности студентов, при котором бы продолжалось его последовательное улучшение.

По нашему мнению, помимо объективных причин снижения уровня физической подготовленности студентов старших курсов университета, необходимо отметить уменьшение количества часов, выделяемых на «Физическую культуру» на 4-м курсе, и отсутствие занятий по физической культуре на 5-м курсе. Что касается динамики других показателей физической готовности студентов, обучающихся на военно-морской кафедре ФВО СПбГУ ИТМО (физического развития и функционального состояния – табл. 2 и 3), то следует заключить, что здесь наблюдаются сходные тенденции – до 3-го курса включительно идут прогрессивные изменения, а затем наблюдается их стабилизация или незначительный спад.

Курсы обучения		показатели					
		Рост (см)	Вес (кг)	ОГК (см)	ЖЕЛ (мл)	Индекс Габса	Индекс Кетле
3 курс	x	176,2	73,7	96,1	4382	78,2	379,8
	±						
	m	1,15	1,12	0,92	83,41	1,01	
4 курс	x	173,4	72,8	97,1	4398	79,01	402,3
	±						
	m	1,21	1,02	0,94	84,37	0,99	
5 курс	x	180	73,76	95,2	4377	78,9	390,3
	±						
	m	1,27	1,08	0,93	92,7	1,12	
Учебные сборы	x	173,8	76,5	94,6	4372	78,4	391,2
	±						
	m	1,25	1,41	0,98	91,6	1,04	

Таблица 3. Динамика показателей физического развития у студентов, обучающихся на военно-морской кафедре ФВО СПбГУ ИТМО в период обучения

Проведенный анализ динамики отдельных показателей физической готовности студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса на военно-морской кафедре ФВО СПбГУИТМО по этапам их профессионального становления за период обучения позволяет сделать следующие выводы:

1. Используемые в настоящее время средства и методы физического воспитания студентов обеспечивают у них определенный уровень развития показателей физической готовности до 4-го курса. Уровень физической подготовленности за период обучения проходит три качественных состояния: первый связан с подъемом на 1 и 2 курсах; второй характерен стабилизацией на 3-м курсе и 7 семестре обучения; третий свя-

зан с достоверным снижением показателей физических качеств, начиная с 8-го семестра и особенно на 5-м курсе.

2. На последовательных этапах подготовки студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса, не учитываются специальные требования к содержанию и направленности физической подготовки в соответствии с их будущей военно-профессиональной деятельностью в случае их призыва на действительную военную службу на первичные офицерские должности. Основной причиной создавшегося положения можно считать отсутствие современной научно обоснованной программы по физической подготовке для студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса на военных кафедрах при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования.

В этой связи одним из главных путей совершенствования физической подготовки студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса, является обоснование программы физической подготовки для студентов, обучающихся на военных кафедрах при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования.

Литература

1. Попов Л.П. Диссертация канд. пед. н. Л.: ВИФК, 1978. 248 с.
2. Войтицкий О.Н. О механизмах переноса физической подготовки на профессиональное обучение курсантов вузов. / Проблема отбора кандидатов в высшие военно-учебные заведения. Л., 1983. 36 с.
3. Джамгаров Т.Т. О зависимости между уровнем развития волевых качеств (решимости и смелости) и физической подготовленностью в процессе физического воспитания. / Научная конференция, посвященная итогам НИР ГДОИФК имени П.Ф. Лесгафта за 1961 год. Вып.3. Л., 1961. 54 с.
4. Волков К.В. Влияние физических упражнений и спорта на работоспособность при умственном труде. Л.: Изд. ЛКВВИКА имени А.Ф. Можайского, 1960. 109 с.
5. Черников Н.Г. Диссертация канд. пед. н. Л.: ВИФК, 1985. 240 с.
6. Болотин А.Э. Диссертация канд. пед. н. Л.: ВИФК, 1988. 238 с.
7. Иванов С.М. Диссертация канд. пед. н. СПб, ВИФК, 2004. 74 с.
8. Зациорский В.М. Физические качества спортсмена. М.: Ф и С, 1970. 175 с.

ОБОСНОВАНИЕ НАПРАВЛЕННОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ ПРОГРАММЫ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ВОЕННЫХ КАФЕДР ПРИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г.Г. Дмитриев, Е.Г. Удин, Ю.Н. Щедрин

В работе обоснована направленность и содержание экспериментальной программы по физической подготовке студентов военно-морской кафедры факультета военного обучения СПбГУ ИТМО.

Одним из важнейших путей совершенствования физической подготовки студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса на факультетах военного обучения (военных кафедрах) является поиск рациональных вариантов построения педагогического процесса, разработка его модели с учетом особенностей поэтапного профессионального становления будущего офицера запаса.

Физическая подготовка – особый вид обучения, направленный на формирование двигательных навыков и развитие физических и специальных качеств военнослужащих. Как и любой вид деятельности, процесс физической подготовки представляет собой сумму ее составляющих – средств, форм, методов и т.д. Исходя из этого, мы вправе рассматривать процесс физической подготовки с точки зрения системного подхода, основным положением которого является тезис о рассмотрении системы как совокупности элементов, взаимодействие которых вызывает появление новых интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым, образующим систему компонентам [1]. Системный подход как методологическая основа анализа различных процессов широко применяется в педагогике [2] и в теории физической подготовки [3].

Таким образом, процесс физической подготовки – это педагогическая система, которая, в свою очередь, должна быть составной частью, элементом системы процесса обучения студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса на факультетах военного обучения (военных кафедрах) при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования.

В последнее время при решении проблемы построения оптимального процесса физической подготовки военнослужащих все чаще рассматриваются вопросы его этапности [4]. Каждый из видов подготовки в течение всего периода обучения студентов в высшем учебном заведении состоит из этапов. Исходя из этого, педагогический процесс представляет собой анализирующее начало в построении адаптационных функциональных систем организма. В качестве центрального звена структуры деятельности выступает действие, которое предполагает наличие цели, образующейся, в свою очередь, на основе определенного мотива. В этой связи цель представляется как конечный результат, воздействующий на систему не непосредственно, а опосредованно через механизмы управления, суть которых состоит в обеспечении функционирования, взаимоотношений и взаимодействия элементов системы физической подготовки. Иными словами, весь период профессиональной подготовки, состоящий из этапов, является процессом формирования механизмов адаптации. При этом на каждом конкретном этапе профессиональной подготовки все подобранные средства должны обеспечить своевременное и преимущественное воздействие на ведущие уровни функциональных систем и их опережающую адаптацию к специфическим режимам предстоящей деятельности на этапах военно-профессионального обучения [5].

Анализ литературы и результаты собственных исследований эффективности действующей системы физического воспитания студентов в СПбГУ ИТМО свидетельству-

ет о том, что она на современном этапе не в полной мере обеспечивает создание функциональных резервов для успешной будущей военно-профессиональной деятельности. Это связано, во-первых, с неравномерным распределением количества часов, выделяемых на дисциплину «Физическая культура». Количество часов, выделяемых на дисциплину «Физическая культура», на 4-ом курсе обучения в университете составляет 68 часов, что в 2 раза меньше, чем на 1-ом курсе обучения. На 5-ом курсе обучения часов для проведения занятий по физической культуре со студентами вообще не предусмотрено. Большинство студентов выпускного курса не в состоянии выполнять установленные нормативы по общей физической и спортивно-технической подготовке. Это приводит к снижению общей и профессионально-прикладной физической подготовленности, определяющей психофизическую готовность студентов к будущей военно-профессиональной деятельности. Во-вторых, продолжается комплектование первичных офицерских должностей в Вооруженных силах Российской Федерации выпускниками военных кафедр при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, которые не в состоянии полноценно исполнять свои функциональные обязанности в области физической подготовки. Для успешной организации и проведения физической подготовки с личным составом командиры подразделений (командиры взводов, групп, батарей) должны владеть определенным уровнем соответствующих теоретических знаний, методических навыков и умений. В связи с этим предполагается, что специальная физическая подготовка, включенная в программу подготовки офицеров запаса, может успешно содействовать формированию физической готовности, развивать профессионально значимые психические качества и совершенствовать адаптационные резервы будущих офицеров запаса.

Адаптация к новым условиям существования будет определяться наличием в организме необходимых резервов для построения в минимальные сроки опережающего приспособления к наступающим (но не наступившим) событиям [6]. Отсюда вытекает требование к программе физической подготовки студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса на факультетах военного обучения (военных кафедрах) – способствовать формированию в организме обучаемого таких адаптационных резервов, которые обеспечили бы высокую военно-профессиональную работоспособность в вероятностных условиях жизнедеятельности. В основу конструирования модели должны лечь требования к студентам, обучающимся по программе подготовки офицеров запаса, характер и условия их будущей деятельности в армии и на флоте. В процессе разработки программы использовались методологические принципы процесса физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений.

В качестве научно-практической предпосылки к разработке данной программы избраны следующие положения: особенности процесса поэтапного становления студентов, обучающихся на военно-морской кафедре факультета военного обучения СПбГУ ИТМО; опыт построения процесса физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений на различных этапах обучения; динамика показателей физической подготовленности студентов за период обучения в СПбГУ ИТМО; результаты физической подготовленности студентов-кандидатов, поступающих на факультет военного обучения СПбГУ ИТМО.

Рассматривая положение о специально направленном развитии профессионально значимых физических и психических качеств студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса на факультетах военного обучения (военных кафедрах) при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, необходимо отчетливо представлять, что конкретную реализацию разработанная программа физической подготовки может получить только в определенном подборе содержания и методики ее осуществления при соответствующем подборе плотности и интенсивности занятий с целью регулирования физической нагрузки [7].

Необходимо отметить, что выполнение любого физического упражнения связано с переводом функционального состояния организма на более высокий, чем в покое, уровень активности. В этом смысле физическая нагрузка является «надбавкой», нагружающей функциональные системы и вызывающей, если она достаточно велика, утомление. Нагрузка в данном отношении – это дополнительная по сравнению с состоянием покоя степень функциональной активности организма, привносимая выполнением упражнения, а так же степень переносимых при этом трудностей [8].

Эффект физических упражнений закономерно связан с параметрами предъявляемых нагрузок. Другими словами, адаптационные процессы, происходящие под влиянием физической нагрузки, детально соответствуют каждой характеристике нагрузки. Отсюда – необходимость тщательного анализа и оценки, нормирования и регулирования нагрузок. Схематично физическую нагрузку можно представить как совокупность величины, параметров и охвата задействованных мышечных групп [9]. Показателями нагрузки при выполнении физических упражнений являются, с одной стороны, величины, характеризующие совершаемую работу в ее внешне выраженных размерах; с другой – величины функциональных сдвигов в организме, вызываемых воздействием физических упражнений. Первые, условно говоря, относятся к «внешней» стороне нагрузки, вторые – к ее «внутренней» (точнее к реакции на нагрузку) [10].

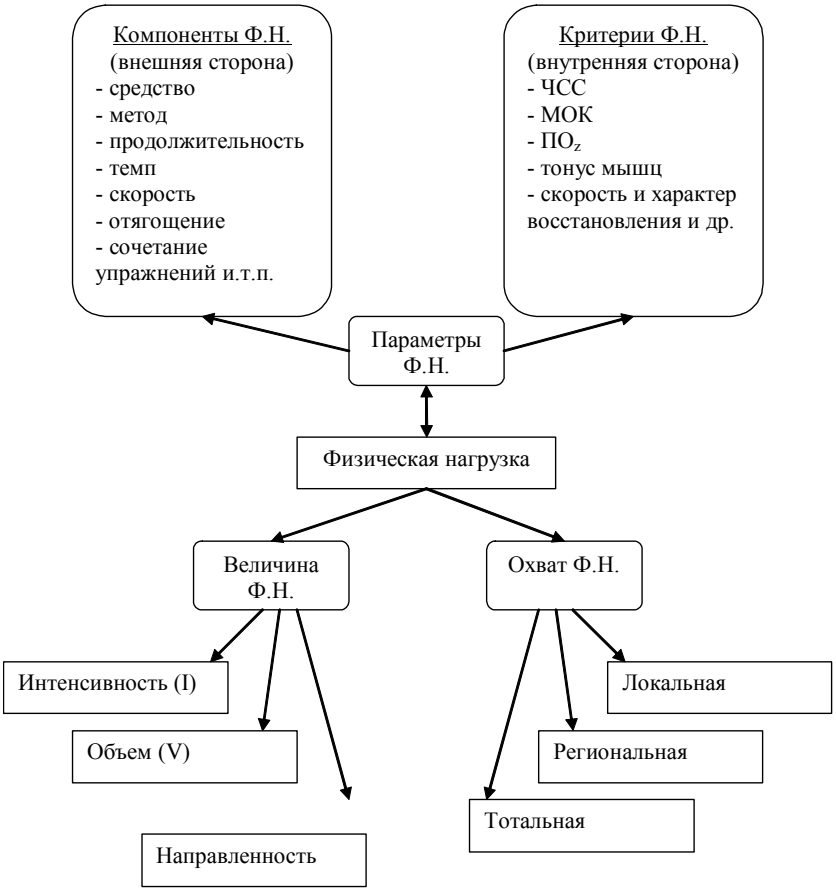


Рис.1. Основные составляющие физической нагрузки

Общая величина нагрузки производна от ее объема и интенсивности. В самом широком смысле «объем нагрузки» относится к ее протяженности во времени и суммарному количеству работы (работа здесь понимается не только в механическом, но и в физиологическом смысле). Понятие «интенсивность нагрузки» связано с напряженностью работы и степенью ее концентрации во времени.

Наиболее сложным нам представлялось дозирование определенного сочетания объема и интенсивности нагрузки, поскольку эти величины имеют сложное соотноше-

ние. В принципе, соотношение объема и интенсивности нагрузки при выполнении физических упражнений характеризуется обратно пропорциональной зависимостью. Чем больше объем нагрузки, задаваемый в упражнении, тем меньше ее интенсивность и наоборот [11]. В реальных условиях весьма проблематично оценивать получаемую физическую нагрузку. Теоретически возможно определить величину нагрузки отдельных упражнений, представив ее как произведение объема и интенсивности, взятых в определенной пропорциональности. Математически такой способ исчисления нагрузки будет корректным при условии, что параметры объема и интенсивности отдельно взятого упражнения выражены в определенных величинах, которые нормированы по шкале, устанавливающей их пропорциональность. Но, используя различные средства, методы, величины воздействия, причем в разнообразном сочетании, корректно оценивать физическую нагрузку мы можем исключительно по адаптационным реакциям организма (рис. 1) [12].

Исходя из сказанного выше, очевидно, что, включая в программу по физической подготовке упражнения, разнообразные как по параметрам, так по величине и охвату мышечных групп, можно решать частные задачи, связанные с совершенствованием военно-профессиональной готовности студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса средствами физической подготовки. Однако неразрешенным остается вопрос, какое сочетание разнонаправленных нагрузок можно считать относительно эффективным с точки зрения совершенствования военно-профессиональной готовности, какова доля продолжительных аэробных нагрузок? На эти вопросы нам предстоит получить ответы в ходе дальнейшего исследования проблемы.

Литература

1. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 380 с.
2. Юдин Э.Т. Методологическая природа системного подхода / Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1973. С.35–38.
3. Ендальцев Б.В. Современные требования физической подготовленности военнослужащих./ Мат. конф. ВИФК. /Л.,1986. С.34–36;
4. Демьяненко Ю.К. Физическая подготовка и боеготовность военнослужащих.. М.: Воениздат, 1981. 112 с.
5. Демочкин В.В. Диссертация канд. пед. н. СПб, 1998. 247 с.
6. Ендальцев Б.В., Нестеров А.А. Работоспособность военнослужащих и пути ее повышения средствами физической подготовки. Л.: ВМА-ВДКИФК, 1986. 243 с.
7. Дмитриев Г.Г., Иванов С.М., Боляков А.В., Боцман О.С. Определение профессионально-важных качеств у специалистов финансово-экономической службы // состояние и перспективы развития физической культуры и спорта студентов вузов. / Сб. научн.-метод. статей. Под ред. д.п.н., проф. Щеголева В.А. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 120 с.
8. Иванов С.М. Диссертация канд. пед. н. СПб, ВИФК, 2004. 83 с.
9. Ендальцев Б.В. Функциональные резервы организма и работоспособность человека. / Матер. итог. научн. конф. ВИФК. СПб.: ВИФК, 1994. С.136–146;
10. Матвеев Л.П. Теория и методика физической культуры (общие основы теории и методики физического воспитания; теоретико-методические аспекты спорта и профессионально-прикладных форм физической культуры). М.: Ф и С, 1991. С.311–321;
11. Матвеев Л.П. Основы общей теории спорта и системы подготовки спортсменов: учебное пособие. Киев: Олимп. лит-ра, 1999. 317 с.
12. Кубеев А.В. Принципы управления тренировочным процессом квалифицированных спортсменов в зимних видах спорта / Оптимизация спорт. тренировки. Сб. научных трудов. ВНИИФК, 1989. С.31–38.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССА ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА СПЕЦИАЛИСТОВ СПОРТИВНЫХ КЛУБОВ ЕДИНОБОРСТВ

В.А. Щеголев, Ю.Б. Букин, А.Р. Ротенберг, В.А. Белоус

Содержание и основные направления процесса профессионального совершенствования специалистов спортивных клубов единоборств определяются, прежде всего, характером их профессиональной деятельности и теми задачами, которые они решают. Это дают нам основания для выделения направлений в содержании процесса профессионального совершенствования основных категорий специалистов спортивных клубов единоборств (рис. 1). Совершенствование профессиональной деятельности основных категорий специалистов спортивных клубов единоборств предполагает подбор соответствующего учебно-информационного содержания, организационных форм и методов.

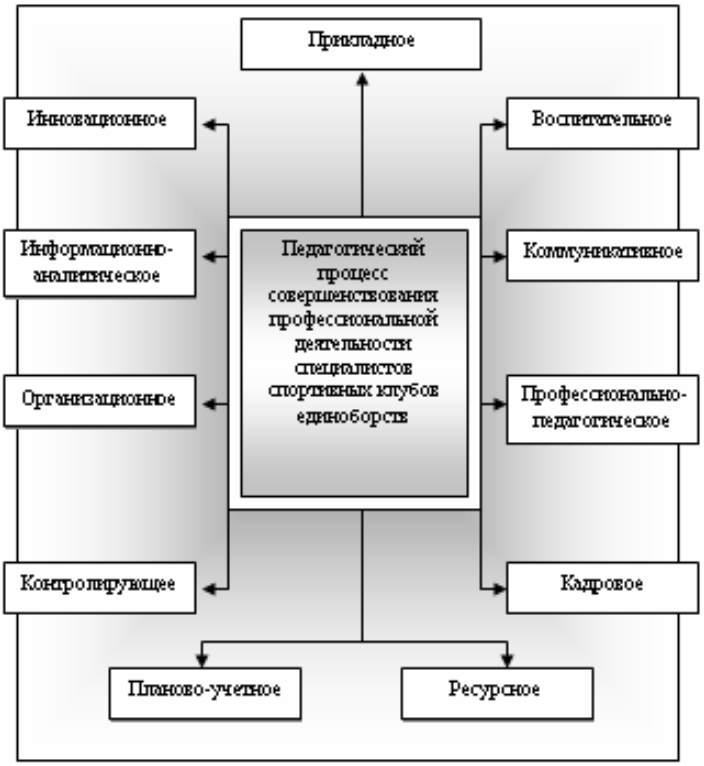


Рис. 1. Основные направления совершенствования профессиональной деятельности специалистов спортивных клубов единоборств

Проведенный обзор различных педагогических форм и методов, раскрывающих организационные основы образовательного процесса, дает возможность адаптировать некоторые из них для наполнения содержания процесса профессионального совершенствования исследуемого контингента. Представленные на рис. 2 педагогические формы и методы раскрывают возможности совершенствования специалистов спортивных клубов единоборств. В своей совокупности они позволяют оптимизировать процесс профессионального совершенствования на основе следующих способов его построения:

- комплексного подхода к проектированию и планированию образовательных задач;
- конкретизации задач профессионального совершенствования с учетом особенностей функционирования спортивных клубов единоборств;
- выбора оптимального содержания профессионального совершенствования на основе построения рациональной структуры учебного материала;

- выбора адекватных методов и средств профессионального совершенствования, а также соответствующих организационных форм, которые позволяют эффективно решать задачи развития и саморазвития объектов педагогического воздействия;
- реализации личностно-деятельностного и дифференцированного подходов к процессу профессионального совершенствования;
- создания необходимых образовательных условий для успешного решения поставленных задач;
- рационального сочетания управления и самоуправления процессом профессионального совершенствования, а также оперативным регулированием и корректированием его хода.

Анализ структуры и основных направлений профессиональной деятельности специалистов спортивных клубов единоборств свидетельствует, что эффективность процесса ее совершенствования зависит от выбора наиболее оптимального способа решения образовательных задач. Данный выбор обусловлен спецификой и характером функционирования профессиональной деятельности специалистов спортивных клубов единоборств, которые предполагают создание оптимальных условий для самостоятельного поиска необходимой информации, исходя из потребностей профессиональной деятельности и наличия исходного уровня специальных знаний.

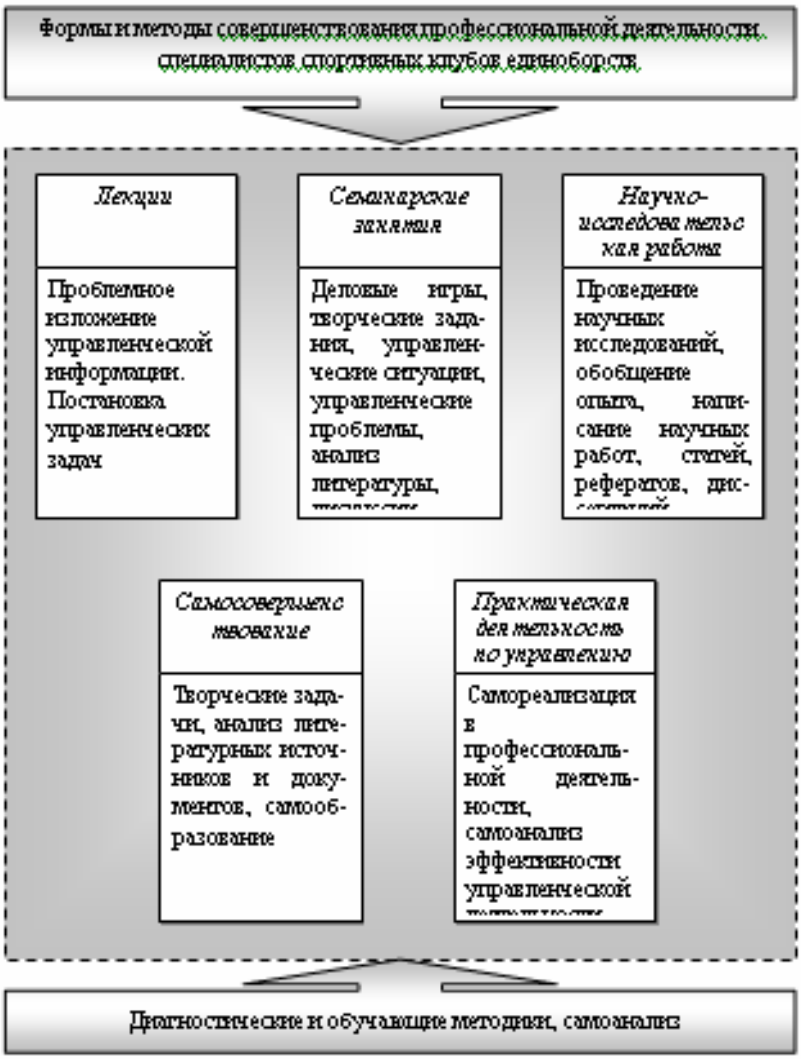


Рис. 2. Формы и методы совершенствования профессиональной деятельности специалистов спортивных клубов единоборств

Наиболее эффективным способом решения образовательных задач, отвечающим этому требованию, является использование обучающих систем, основанных на современных информационно-педагогических технологиях. При этом в качестве оптимального средства конструирования дидактического материала можно использовать блочно-модульные технологии, для активизации восприятия учебной информации – организационно-игровые, а для оптимальной передачи дидактической информации – технологии дистанционного обучения.

Перечисленные технологии относятся к инновационным средствам дидактики и могут продуктивно применяться не только в условиях стационарного обучения, но и в очно-заочной форме профессионального совершенствования специалистов по физической культуре. Учитывая характер профессиональной деятельности специалистов спортивных клубов единоборств, данная организационная форма в наибольшей степени соответствует их образовательным возможностям. Ее главная отличительная особенность состоит в активном применении средств информационного обеспечения образовательного процесса. Эти средства, как правило, включают в себя три основных компонента: компьютер с определенными техническими характеристиками; программное обеспечение; учебное обеспечение, состоящее из модулей (экспертной подсистемы, подсистемы управления учебной деятельностью, подсистемы модели обучаемого).

Литература

1. Бордовский Г.А., Извозчиков В.А. Новые технологии обучения: вопросы терминологии. // Педагогика. 1993. № 5. С. 12.
2. Волков В.Ю. Компьютерные технологии в образовательном процессе по физической культуре в вузе. СПб: СПб ГТУ, 1997. 142 с.
3. Волков В.Ю. Компьютеры в образовании студентов (физическая культура). СПб: СПб ГТУ, 1997. 76 с.
4. Волков В.Ю. Концепции разработки и использования компьютерных программ по дисциплине «Физическая культура». СПб: СПб ГТУ, 1998. 18 с.
5. Драчев С.С. Теория и методика профессионального совершенствования субъектов управления общественными физкультурно-спортивными объединениями и организациями: Монография. СПб: СПб ГУ, 2002. 202 с.
6. Евсеев С.П. Основные направления переподготовки специалистов в области физической культуры // Проблемы повышения квалификации специалистов по физической культуре и спорту в современных условиях. СПб: СПб ГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 1998. С. 9–11.
7. Кикоть В.Я. Якунин В.А. Педагогика и психология высшего образования: Учебник. СПб.: СПб ГУ, 1996. 320 с.
8. Кузьмина Н.В. Методы системного педагогического исследования: Учебное пособие. Л.: ЛГУ, 1980. 270 с.
9. Сидоров А.А. Технология обучения в педагогическом образовании специалистов по физической культуре. СПб, 1998. 24 с.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТИЙ СПОРТИВНЫМИ ЕДИНОБОРСТВАМИ И ПРИКЛАДНЫМИ ФИЗИЧЕСКИМИ УПРАЖНЕНИЯМИ НА ВОСПИТАНИЕ У СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ПРОГРАММАМ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА, ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ

В.А. Щеголев, Б.Г. Тихонов, Ю.Н. Щедрин, О.А. Дмитренко

Исследование направленности воздействия занятий спортивными единоборствами и прикладными физическими упражнениями на воспитание у студентов, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса, профессионально значимых личностных качеств важно начать со сравнительной оценки роли вышеперечисленных, а также других видов спорта и упражнений в воспитательном процессе. С этой целью был проведен анкетный опрос, к которому привлекались офицеры-преподаватели военного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (n = 26), специалисты физической культуры и спорта (n = 44), специалисты воспитательных структур (n = 12), а также студенты различных курсов, обучавшиеся по программам подготовки офицеров запаса (n = 156). Предложенная анкета включала несколько вопросов, по результатам ответов на которые предполагалось выяснить: перечень личностных качеств, наиболее значимых для профессиональной деятельности будущих офицеров запаса; перечень (в порядке предпочтения) видов спорта и физических упражнений, в процессе занятий которыми создаются благоприятные условия для развития того или иного личностного качества; вклад студентов-лидеров и ведомых в достижение коллективных целей военно-профессионального обучения.

Результаты анкетного опроса, представленные средними значениями, отражает табл. 1. Анализ таблицы позволяет по соответствующим признакам объединить в группы личностные качества, для развития которых создаются благоприятные условия в ходе занятий теми или иными физическими упражнениями и видами спорта. Так, по мнению респондентов, способность к межличностному военно-профессиональному взаимодействию, социальная активность, личностный статус, дружелюбие, честность и др. преимущественно развиваются в ходе занятий военно-спортивными играми, специальными многоборьями, комплексными военно-спортивными эстафетами, упражнениями в составе подразделения. Уверенность в своих силах, решительность, смелость, воля к победе, личностный статус в большей степени воспитываются в процессе занятий единоборствами, специальными многоборьями, преодолением препятствий и др. Функциональная работоспособность, настойчивость и упорство в достижении поставленной цели, исполнительность, дисциплинированность и др. более эффективно развиваются на занятиях по зимним видам спорта, военно-прикладному плаванию, преодолению препятствий и ускоренному передвижению, единоборствам, специальным многоборьям и т.д.

Анализ данных табл. 2 свидетельствует о том, что по большинству изученных показателей в лучшую сторону выделялись студенты, занимавшиеся военно-спортивными играми, комбинированными эстафетами, различными видами единоборств, прикладными многоборьями. Они достоверно отличались от занимавшихся легкой атлетикой, гиревым спортом, плаванием по уровню развития таких качеств, как социальная активность; способность к межличностному и военно-профессиональному взаимодействию; исполнительность; решительность; уверенность в своих силах; высокая функциональная работоспособность. Все это в сочетании с приобретенным в процессе занятий данными видами спорта опытом коммуникативного взаимодействия и общения, как правило, позволило названным студентам приобретать заслуженный авторитет и лидерские позиции среди сокурсников.

Таблица 1

Перечень личностных качеств, наиболее значимых для профессиональной деятельности студентов – будущих офицеров запаса, и видов спорта, занятия которыми создают условия для их развития

Военно-профессиональные личностные качества	Виды спорта и физические упражнения, создающие условия для развития личностных качеств
Способность к межличностному и военно-профессиональному взаимодействию	Военно-спортивные игры; комплексные военно-спортивные эстафеты; физические упражнения в составе подразделений - кроссы, марш-броски
Умение принимать решения в сложной обстановке и нести за них ответственность	Военно-спортивные игры; специальные многоборья; военно-спортивные эстафеты, комплексные физические упражнения
Настойчивость и решительность в достижении поставленной цели, психологическая устойчивость	Единоборства; специальные многоборья
Военно-профессиональная подготовленность и работоспособность	Лыжные гонки; кроссы; единоборства; преодоление естественных и искусственных препятствий
Высокий личностный статус и социальная активность	Военно-спортивные игры; стрельба; специальные многоборья
Выдержка и самообладание	Единоборства; преодоление препятствий
Уверенность в своих силах	Единоборства
Дисциплинированность и исполнительность, личная примерность	Единоборства; военно-спортивные игры; специальные многоборья
Высокий уровень развития физических качеств и прикладных двигательных навыков	Лыжные гонки; кроссы; военно-спортивные игры; военно-прикладное плавание; преодоление препятствий
Честность и справедливость, коллективизм, войсковое товарищество	Военно-спортивные игры; специальные многоборья; единоборства
Смелость, нормативная агрессивность	Единоборства; лыжные гонки и эстафеты; преодоление водных преград; прыжки в воду

Таким образом, можно предположить, что разная степень взаимосвязанности участников спортивной деятельности накладывает свой специфический отпечаток на развитие профессионально значимых личностных качеств и авторитет у студентов, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса. При этом создаются педагогические условия для перехода формируемых отношений в личное, субъективное, то есть их интериоризация. Становясь характерными чертами личности, впоследствии они могут переноситься в новую социальную среду, способствуя быстрой и успешной адаптации студента к новым военно-профессиональным условиям. В то же время полученные данные свидетельствуют о том, что имеют место факты нежелательного влияния приобретенных в спорте качеств, например, излишней агрессивности, чрезмерной мотивации притязаний, которые могут затруднять спортсмену контакты с окружающими. Наибольший вклад в создание отношений товарищеской взаимопомощи и благоприятной психологической атмосферы в студенческих коллективах вносят представители видов спорта с высоким уровнем взаимосвязанности участников спортивной деятельности, а наименьший – представители индивидуальных видов спорта. Аналогичная зависимость наблюдается при анализе динамики социометрических показателей, характеризующих положение личности в учебной группе, потребность в общении и психологическую совместимость студентов различной спортивной специализации (табл. 3).

В контексте рассматриваемой проблемы существенный интерес представляют научные данные, которые в своей совокупности характеризуют не только роль студентов – спортсменов той или иной спортивной специализации в решении общеколлективных задач, но и, что весьма важно, дают сравнительные представления вклада студен-

тов-лидеров и ведомых в достижение целей военно-профессионального обучения. Предварительное изучение данного вопроса привело к необходимости более детально рассмотреть его в естественных условиях военно-профессионального обучения студентов, включая и их физкультурно-спортивную деятельность. В педагогических экспериментах участвовали студенты – будущие офицеры запаса различного года обучения, а также сборные команды курсов по видам спорта (всего 244 человека). Применялась специально разработанная схема наблюдения эффективности военно-профессионального взаимодействия студентов, а также экспертная оценка. В роли экспертов выступали преподаватели – офицеры военного факультета, тренеры сборных команд, преподаватели кафедры физической культуры и сами студенты. Экспертная оценка приводилась к среднему значению, данные наблюдения и экспертной оценки обрабатывались статистически до критерия Стьюдента (t-критерий). Кроме того, фиксировалась удовлетворенность студентов-лидеров и ведомых участием в выполнении тех или иных задач учебной, служебной и спортивной деятельности с применением 9-балльной оценочной шкалы.

Таблица 2

Направленность воздействия занятий различными видами спорта на воспитание профессионально значимых личностных качеств у студентов, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса (n = 144)

Личностные качества (балл) (x±m)	Виды спорта			
	военно-спортивные игры	прикладные многоборья, комбинированные военные эстафеты, кроссы в составе подразделения	легкая атлетика, военно-прикладное плавание, гиревой спорт, лыжные гонки	различные виды единоборств
Способность к межличностному и военно-профессиональному взаимодействию	8,4±0,14	8,4±0,24	7,9±0,12	8,4±0,22
Умение принимать решения в сложной обстановке и нести за них ответственность	8,2±0,16	8,0±0,14	8,0±0,24	8,6±0,26
Настойчивость и решительность в достижении поставленной цели, психологическая устойчивость	8,2±0,10	7,9±0,09	7,8±0,21	8,9±0,12
Военно-профессиональная подготовленность и работоспособность	8,6±0,09	8,1±0,08	7,2±0,11	8,1±0,07
Высокий личностный статус и социальная активность	7,9±0,12	8,2±0,11	7,4±0,18	7,8±0,14
Выдержка и самообладание	8,3±0,08	8,4±0,09	7,4±0,14	8,9±0,08
Уверенность в своих силах	8,9±0,14	8,2±0,22	7,8±0,14	8,6±0,24
Дисциплинированность и исполнительность, личная примерность	7,9±0,21	8,4±0,18	8,2±0,24	8,1±0,12
Высокий уровень развития физических качеств и прикладных двигательных навыков	8,3±0,14	8,6±0,21	8,5±0,18	8,8±0,26
Честность и справедливость, коллективизм, войсковое товарищество	8,6±0,16	8,2±0,24	7,9±0,31	8,2±0,22
Смелость, нормативная агрессивность	7,8±0,24	8,3±0,14	8,1±0,18	8,4±0,22

Примечание: Оценка личностных качеств осуществлялась на основе экспертного опроса по 9-балльной шкале.

Таблица 3

Динамика социально-психологических показателей студентов различной спортивной специализации, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса

Социально-психологические показатели	Виды спорта с различным уровнем межличностного взаимодействия спортсменов (в %) (x ± m)			
	высоким	средним	ограниченным	противоборствующим
Социометрический статус личности:				
- деловой	48,2±4,3	46,4±1,0	30,9±4,3	46,1±2,8
- эмоциональный	54,1±3,0	51,5±1,9	39,6±4,5	48,4±1,1
Эмоциональная экспансивность:				
- деловая	46,8±4,7	24,6±2,0	22,4±1,1	38,4±1,2
- эмоциональная	43,7±3,8	26,5±1,7	20,3±1,7	36,5±2,0
Индекс психологической совместимости (по деловому критерию)	41,0±3,3	20,7±2,4	16,8±0,3	38,8±1,4

В среднем каждый студент (лидер и ведомый) получил 10–12 оценок по различным видам военно-профессиональной и физкультурно-спортивной деятельности за период обследования. Статистическому анализу подвергались средние индексы удовлетворенности участием студентов в решении задач военно-профессионального обучения. Таким образом, показатель вклада лидеров и ведомых представлен тремя характеристиками: эффективностью выполнения задач военно-профессионального обучения, экспертной оценкой вклада в те или иные виды деятельности и оценкой удовлетворенности участием в данных видах деятельности.

Анализ литературы свидетельствует, что вклад лидера в решение общегрупповой задачи обычно превышает вклад любого другого участника (Р.Л. Кричевский, 1980; Ю.Л. Ханин, 1980; Н.Ф. Феденко, 1983; В.П. Панасюк, 1991; В.А. Щеголев, 1991; В.И. Румянцева, 1996; Ю.Н. Щедрин, 2003 и др.). Этот вклад определяется преимущественно теми усилиями, которые он затрачивает на организацию и координацию совместного взаимодействия с членами студенческого коллектива. Практика служебной и физкультурно-спортивной деятельности показывает, что ее эффективность определяется не столько индивидуальным вкладом каждого из участников (и лидера в том числе), сколько характером и качеством их взаимодействия, четкостью распределения функций. Таким образом, вклад студента-лидера определяется многозначностью его функций, усилиями, направленными на организацию и координацию взаимодействий членов студенческого коллектива (спортивной команды), и непосредственным участием его в решении командных задач (В.А.Щеголев, 1991; Ю.Н.Щедрин, 2004).

Результаты проведенного нами исследования, полученные путем экспертной оценки, отражают некоторый обобщенный, интегральный вклад лидера в решение профессионально значимых задач. Показатели эффективности решения этих задач можно рассматривать как характеристику непосредственного вклада лидера в достижение общеколлективной цели. Математический и логический анализ данных наблюдения показывает, что эффективность профессионального взаимодействия у инструментальных (деловых) лидеров выше, чем у остальных студентов, на статистически достоверном уровне (при $p < 0,01$). Иными словами, при выполнении профессиональных задач во взаимодействии с другими студентами инструментальный лидер в среднем допускает меньше ошибок, брака, неточностей, чем остальные.

Такова общая объективная тенденция, которая отмечалась в течение всего периода исследования. Следовательно, непосредственный вклад инструментального лидера

по показателям эффективности коммуникативного и профессионального взаимодействия существенно выше, чем у остальных студентов, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса. Результаты экспертных оценок также с высокой достоверностью свидетельствуют, что и обобщенный, интегральный вклад лидера в достижении командно-групповых целей выше, чем у ведомых. Средняя оценка, данная инструментальному лидеру его командирами, преподавателями и сокурсниками, составляет 8,15 балла (по 9-балльной шкале); у экспрессивных (эмоциональных) лидеров и остальной массы студентов – 7,8 и 6,8 балла, соответственно. Различия статистически достоверны при $p < 0,05$. Оценивая роль инструментального лидера с точки зрения его вклада в процесс достижения групповой цели, командиры, преподаватели и товарищи по совместному профессиональному обучению свои представления по данному признаку синтезируют в экспертной оценке лидера, включая в нее различные показатели. При этом с уверенностью можно утверждать, что инструментальный лидер вносит более существенный вклад в достижение командной цели, чем ведомый.

Рассматривая роль студента-лидера в военно-профессиональной деятельности, следует отметить, что далеко не всегда лидер сохраняет свои позиции при решении тех или иных задач военно-профессионального обучения. Часто наблюдается смена лидера в зависимости от характера и вида выполняемых задач или складывающихся ситуаций. Однако данное обстоятельство, хотя и накладывает свой отпечаток на структуру лидерства в учебном коллективе, в то же время выдвигает в число лидеров тех его членов, которые по большинству показателей занимают лидирующие позиции.

Проведенные исследования позволили обнаружить общую закономерность в удовлетворенности участием студентов-лидеров в том или ином виде профессиональной и спортивной деятельности. Так, независимо от того, успешной или неуспешной была эта деятельность, средний индекс оценки удовлетворенности во всех случаях оказался выше у инструментальных лидеров – 7,4 балла (у экспрессивных лидеров – 6,6 балла; остальных студентов – 5,3 балла). Различия статистически достоверны на 1% уровне значимости. Представляется, что в показатель удовлетворенности участием в коллективной деятельности студент-лидер привносит, осознавая или не осознавая свое стремление к цели, достижению успеха, оценку своих способностей к лидерской деятельности. Особенно выраженно это наблюдается в условиях достижения профессионально значимой цели.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что вклад студентов, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса, в решение тех или иных коллективных задач, в достижение профессионально-значимых целей неодинаков. Полученные данные свидетельствуют о том, что студенты-лидеры, особенно занимавшиеся спортивными единоборствами, вносят более существенный вклад, который выражается в различных действиях и влиянии на остальных студентов, способности к коммуникативному взаимодействию и управлению, личностном статусе, социально- психологической позиции и социальной активности.

Однако было бы ошибкой утверждать, что занятия спортивными единоборствами и прикладными физическими упражнениями в равной степени и автоматически способствуют развитию профессионально важных личностных качеств у студентов, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса. Механизм этого влияния весьма сложен и противоречив (Ф.Н. Соков, 1990; В.А. Щеголев, 1991; Ю.Н. Щедрин, 2004). Ослабление психолого-педагогического воздействия со стороны руководителя (тренера) в процессе занятий физической подготовкой и спортом может приводить к нежелательным последствиям: поляризации взаимоотношений, излишней агрессивности со стороны ведущих спортсменов-лидеров, напряженности в студенческих коллективах, негативному психологическому климату, нарушению дисциплины и т.д. Реальное положительное воздействие физической подготовки и спорта в общей системе воспитания

возможно лишь в единстве всех его компонентов (Ю.Н.Щедрин, 1989; Ф.Н.Соков, 1990). По мнению Ю.Н. Щедрина (2004), физкультурно-спортивная деятельность оказывает свое положительное воздействие на развитие профессионально значимых личностных качеств, прежде всего, опосредованно, через совершенствование социально значимых, профессиональных и нравственных черт личности студента.

Таким образом, можно заключить, что, с одной стороны, правильная воспитательная работа в сфере физической подготовки и спорта способствует формированию профессионально значимых личностных качеств у студентов, а с другой – сама физкультурно-спортивная деятельность создает условия для активного проявления и развития этих качеств у будущих офицеров запаса.

Важным аспектом, раскрывающим социально-педагогические механизмы воздействия на личность студентов, является также вопрос о том, как мотивы занятий спортивными единоборствами и прикладными физическими упражнениями обусловливают проявление профессионально значимых личностных качеств. Для выяснения этого вопроса было проведено частное исследование в виде анкетного опроса, в котором приняли участие студенты первого и второго курсов военного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Результаты опроса показывают, что 48% опрошенных студентов первого курса и 52% – второго курса занимаются спортом из-за желания достичь успеха. Около 40% студентов обоих курсов свои занятия спортом связывали с желанием иметь хорошее здоровье, крепкое телосложение и высокую функциональную работоспособность. Более 32% студентов первого курса и 36% – второго курса считают, что занятия физкультурно-спортивной деятельностью способствуют снятию нервно-эмоционального напряжения, позволяют развлечься, активно отдохнуть, пообщаться с товарищами и повысить свои физические кондиции. На вопрос: «Способствуют ли при этом занятия спортивными единоборствами и другими видами физических упражнений развитию и проявлению личностных качеств, необходимых для их будущей военно-профессиональной деятельности?» ответило утвердительно 88% студентов первого курса и 92% – второго курса. Результаты опроса свидетельствуют, что студенты в своем большинстве рассматривают физическую подготовку и спорт в качестве важного фактора развития личностных качеств, необходимых для их будущей военно-профессиональной деятельности, как средство и способ эффективного взаимодействия со своими товарищами по обучению.

Около 54% студентов выбирали для совместных занятий спортивными единоборствами и прикладными физическими упражнениями таких партнеров, которые добросовестно относились к тренировкам, являлись достойными соперниками и хорошими товарищами. У 39% студентов, занимающихся спортом, мотивы межличностных отношений основывались на симпатии, дружбе, общности интересов в служебной и неслужебной сферах. Около 37% опрошенных занятия спортом рассматривали, помимо прочих мотивов, и в качестве возможности показать свое превосходство над соперниками, проявить свое лидирующее положение, испытать волевые качества.

Проведенное исследование позволило выявить интересную зависимость характера проявления профессионально значимых личностных качеств у студентов от мотивов занятий спортом. Установившиеся отношения между ними в спортивной деятельности имеют особенность: они трансформируются за пределы мест занятий спортом в сферу учебного и военно-профессионального взаимодействия. Партнеры на тренировках и соревнованиях часто эффективно взаимодействуют между собой при выполнении служебных задач, становятся товарищами по службе и друзьями в быту. Отмеченное обстоятельство важно учитывать для целенаправленной воспитательной работы по формированию и совершенствованию профессионально важных качеств и навыков у будущих офицеров запаса.

Исследуя влияние спортивных единоборств и прикладных физических упражнений на проявление и развитие личностных качеств у студентов, обучающихся по про-

граммам подготовки офицеров запаса, следует особое внимание обратить на такие волевые качества, как смелость, решительность, упорство, выдержка и др. В специальной литературе имеются ссылки на то, что физическая подготовка и спорт создают условия для проявления и формирования волевых качеств. Воздействовать на развитие волевых качеств – это значит с помощью различных педагогических средств влиять на сознание студентов. Особое место в развитии волевых качеств у военнослужащих принадлежит спортивной деятельности. Спортсмен и воля – понятия взаимосвязанные. Стремление к победе в спортивной борьбе способствует формированию морально-волевых качеств, как и сам процесс физической подготовки, связанный с преодолением трудностей и различных препятствий. Занимаясь спортивными единоборствами, военно-прикладными и другими видами спорта, человек регулярно оказывается в таких условиях, которые требуют от него стремления к победе, настойчивости, смелости, решительности, физического и психического напряжения, дисциплины и ряда других качеств, от которых во многом зависит исход спортивного единоборства (В.Л. Марищук, 1979).

Опыт ведения боевых действий в Афганистане и Чечне свидетельствует о том, что военнослужащие, занимавшиеся военно-прикладными и другими видами спорта, в сложных условиях боевой деятельности ведут себя более решительно, инициативно, умело, чем те, кто пассивно относился к тренировкам по физической подготовке и спорту.

Проведенное нами наблюдение за студентами второго курса военного факультета Санкт-Петербургского государственного университета на полевом выходе в учебном центре показало, что при преодолении различных трудностей и препятствий, встрече с опасностью, студенты, занимавшиеся спортивными единоборствами, военно-спортивными многоборьями, кроссами в составе подразделения, военно-прикладным плаванием и рукопашным боем, действовали смелее и решительнее, в отличие от тех студентов, которые занимались легкой и тяжелой атлетикой, гимнастикой, фехтованием и другими видами спорта.

Полученные результаты подтверждаются ранее проведенными исследованиями, свидетельствующими о том, что при встрече с опасностью из общего числа студентов-спортсменов, подвергшихся испытанию, действовали смелее и решительнее 81%, в то время как среди не занимающихся спортом – только 32,2%.

Особый интерес представляют данные наблюдений за поведением студентов, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса, в напряженных и экстремальных условиях профессиональной деятельности. Результаты экспертного опроса офицеров – преподавателей военного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, а также самих студентов свидетельствуют о том, что в ситуациях высокого физического и психологического напряжения роль лидеров берут на себя студенты с высоким уровнем развития выносливости и сформировавшимися прикладными навыками. Как правило, это студенты, занимавшиеся спортивными единоборствами, специальными многоборьями и видами спорта, требующими проявления высокой функциональной дееспособности и волевых качеств.

Таким образом, проведенное исследование по определению направленности влияния спортивных единоборств и различных физических упражнений на развитие профессионально важных личностных качеств у студентов, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса, свидетельствует о положительном педагогическом воздействии занятий физической подготовкой и спортом на данный процесс. Вместе с тем, следует отметить, что занятия различными прикладными физическими упражнениями и видами спорта в неодинаковой степени создают условия для воспитания тех или иных личностных качеств. Так, военно-спортивные и подвижные игры, комбинированные эстафеты, а также другие совместные формы выполнения физических упражнений способствуют развитию навыков межличностной коммуникации и управления людьми,

военно-профессионального взаимодействия и самоопределения в коллективе, социальной активности и др. Спортивные противоборства (бокс, борьба, рукопашный бой, восточные единоборства) преимущественно воспитывают у занимающихся смелость, решительность, уверенность в своих силах, волю к победе, здоровое честолюбие и другие личностные качества, необходимые будущему офицеру для руководства подчиненными. Марш-броски, лыжные гонки, преодоление водных и естественных препятствий в большей мере обеспечивают развитие у студентов высокой физической и функциональной работоспособности, упорства, настойчивости, выдержки и других профессионально важных личностных качеств.

Эти, а также другие выявленные особенности расширяют возможности для научно-теоретического обоснования организационных форм, содержания и методики занятий спортивными единоборствами и прикладными физическими упражнениями в целях развития профессионально важных личностных качеств у студентов, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса.

Литература

1. Кричевский Р.Л. Динамика группового лидерства // Вопросы психологии. 1980. № 2. С. 12–18.
2. Марищук В.Л. Педагогические основы воспитания высоких морально-боевых качеств. Л.: ВДКИФК, 1979. С. 4–18.
3. Панасюк В.П. Воинское воспитание курсантских коллективов военно-физкультурного вуза: Дис. … канд. пед. наук. Л., 1991. 281 с.
4. Румянцева В.И. Лидер: Опыт изучения психологии неформального лидерства. СПб: СПб ГТУ, 1996. С. 132–156.
5. Феденко Н.Ф. Актуальные проблемы военной социальной психологии // Прикладные проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1983. С. 270–281.
6. Ханин Ю.Л. Психология общения в совместной деятельности: Дис… докт. психол. наук. Л., 1985. С. 94–101.
7. Ханин Ю.Л. Психология общения в спорте. М., 1980. С. 54–86.
8. Щеголев В.А. Воспитание и сплочение воинских коллективов в процессе физкультурно-спортивной деятельности: Дис. … докт. пед. наук. СПб., 1991. 418 с.
9. Щедрин Ю.Н. Развитие лидерских качеств у студентов военно-учебных заведений в процессе физкультурно-спортивной деятельности: Автореф. дис. докт. пед. наук. СПб., 2003. 49 с.
10. Щедрин Ю.Н. Условия и последовательность использования средств физической подготовки и спорта для укрепления войскового товарищества: Дис. … канд. пед. наук. Л., 1989. 217 с.

ОБОСНОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ, ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ И МЕТОДИКИ ЗАНЯТИЙ СПОРТИВНЫМИ ЕДИНОБОРСТВАМИ И ПРИКЛАДНЫМИ ФИЗИЧЕСКИМИ УПРАЖНЕНИЯМИ В ЦЕЛЯХ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА

Ю.Н. Щедрин, В.А. Щеголев, Б.Г. Тихонов, Переходко Ф.Г., В.А. Белоус

Решая задачу выбора оптимальных организационных форм, содержания и методики применения спортивных единоборств и прикладных физических упражнений в целях развития личностных качеств у студентов, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса, следует, прежде всего, рассмотреть отличительные особенности педагогических систем, используемых в вузах. На наш взгляд, это позволит соотнести педагогические возможности физической подготовки и спорта с наиболее эффективными системами воспитательного воздействия на личность студента и на этой основе определить условия и направленность их применения в физкультурно-спортивной деятельности.

Краткое изложение отличительных характеристик различных педагогических систем, используемых в учебных заведениях России, иллюстрирует табл. 1. Анализ основных форм организации учебно-воспитательного процесса в вузе в соответствии с особенностями используемых педагогических систем позволяет адаптировать их в физкультурно-спортивной деятельности студентов различных периодов обучения.

Сочетание личностно-деятельностного подхода с интенсивными формами обучения, основанными на коммуникативно-личностном взаимодействии студентов, следует рассматривать как одно из необходимых условий успешной организации процесса развития у них профессионально значимых личностных качеств и навыков. Именно такое сочетание может оказать наиболее действенное воспитательное воздействие на студентов различных курсов обучения в процессе занятий спортивными единоборствами и прикладными физическими упражнениями. Основной смысл этого воздействия заключается в создании оптимальных условий и рациональной последовательности использования средств физической подготовки и спорта в целях развития у студентов личностных качеств. Оценка действий каждого обучаемого в сфере физкультурно-спортивной деятельности при этом должна рассматриваться через призму результатов достижений по физической подготовке и спорту всех членов студенческого коллектива.

Совместное выполнение сложных физических упражнений, испытание и преодоление трудностей, которые выпадают на личный состав подразделений, особенно при совершении марш-бросков с оружием и снаряжением, групповые рукопашные схватки и выполнение нормативов по комплексным упражнениям в составе подразделений, где требуются выносливость, выдержка, товарищеская взаимопомощь, ответственность и коллективизм – все это, на наш взгляд, позволяет ускорить процесс размывания разобщенности между студентами, изменить направленность межличностных отношений и укрепить их военно-профессиональное взаимодействие. Состязательность и взаимопомощь – это два главных критерия, которые учитываются на занятиях спортивными единоборствами и прикладными физическими упражнениями в процессе организации физической подготовки и спортивной работы со студентами. Состязательность выступает как стремление обучаемых к самоутверждению и реализации на практике своих физических возможностей. При этом, если личные и коллективные интересы совпадают, то спортивное соперничество сочетается с товарищеской взаимопомощью.

Таблица 1

Отличительные особенности педагогических систем, используемых в учебном заведении

Основные формы организации обучения и воспитания в вузе	**Сущность организационных форм обучения в вузе**
Традиционная объяснительно-иллюстративная форма	Преподавателем в готовом виде. Усвоение содержания трактуется как достижение цели образования.
Программированное обучение	В основу положена кибернетическая концепция управления учебно-воспитательным процессом. Обучаемый рассматривается как объект управления. Учебный материал представляется в виде мелких порций, содержащих необходимую учебную информацию, задачи и контролирующие процедуры. Взаимодействие обучаемых рассматривается как средство контроля в малых группах.
Личностно-деятельностный подход (ЛДП) к организации обучения	Личность обучаемого рассматривается как субъект деятельности, который сам формируется в деятельности и общении и который определяет смысл деятельности. ЛДП предполагает изменение основной схемы взаимодействия преподавателя и обучаемого, рассматривая ее равнопартнерское учебное сотрудничество в совместном дидактически организуемом преподавателем учебном процессе.
Интенсивное обучение, основанное на деятельности и коммуникативно-личностном подходе	Обучение формируется как коллективная форма познавательной деятельности, предполагающая активное и интенсивное общение обучаемых в процессе решения учебных задач. Взаимодействие обучаемых рассматривается как необходимое условие успешной организации процесса познания, как реальный фактор личностного развития обучаемого в учебном процессе.
Проблемное обучение	Предъявляемый учебный материал ориентирует обучаемого на творчество, на выход за рамки мыслительных стереотипов, поиск существенно нового. Программное обучение ориентированно на развитие диалогического взаимодействия как средства решения учебных проблем.
Контекстное обучение	В контекстном обучении моделируется предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности специалистов, а усвоение обучаемым абстрактных знаний как знаковых систем наложена на канву этой деятельности. В контекстном обучении формируется единство социального и предметного аспектов квазипрофессиональной деятельности.

Анализ военно-педагогической и спортивной практики показывает, что можно говорить о различной соревновательной активности студентов и что она, прежде всего, зависит от того, как члены студенческого коллектива внутренне (психологически) включены в соревновательную деятельность, видят ли они личностным смысл данного соревнования. Поэтому представляется весьма важным при организации и проведении различных физкультурно-спортивных мероприятий и соревнований помочь студенту создать личностную значимость его участия в соревновательном процессе, способствовать предоставлению ему творческой инициативы, выбору посильных нормативных рубежей, развитию военно-профессиональных личностных качеств.

Важная роль в совершенствовании личностных качеств должна отводиться правильной постановке работы со спортивным активом. Для этого в состав актива необходимо подбирать студентов с развитыми лидерскими качествами, высоким уровнем физической подготовленности, организаторскими способностями, умеющими непринужденно и доброжелательно строить свои отношения с товарищами. Свое влияние на совершенствование взаимоотношений в учебном коллективе актив преимущественно оказывает силой примера.

Особое внимание в решении воспитательных задач необходимо обращать на создание и использование в практике преднамеренных педагогических ситуаций. При их моделировании учитываются следующие требования:

- выделение из комплекса решаемых воспитательных задач для каждого занятия ведущей задачи;
- одновременное решение воспитательных и учебных задач;
- сочетание педагогических ситуаций с другими методами воспитания профессионально значимых личностных качеств;
- соответствие степени сложности педагогических ситуаций индивидуальным способностям обучаемых.

Главное при реализации перечисленных требований – достичь воспитательного эффекта, повышающего взаимодействие студентов, их социальную и служебно-функциональную активность.

Педагогические наблюдения показали, что все участники совместной физкультурно-спортивной деятельности вступают между собой в определенное, регламентируемое руководящими документами и правилами соревнований, многоплановое взаимодействие, основанное на межличностном общении, которое в социальной психологии рассматривается как связь взаимодействующих людей, заключающаяся в обмене информацией и эмоциями для достижения взаимопонимания и регуляции.

Проведенные нами констатирующие эксперименты позволили заключить, что реализация социально-педагогического потенциала физических упражнений происходит во всех видах общения – целевом, мотивационном и операционном – через соответствующие им механизмы и формы общения с помощью определенных педагогических методов. По мнению В.А. Щеголева (1991), Ю.Н. Щедрина (1989, 2003), на этапе целевого общения (при выработке групповой цели) решающую роль играют его интеллектуальные формы и, соответственно, механизмы воздействия коллектива на своих членов – внушение, убеждение, обучение, а также механизмы отражения воздействия – сознательное подражание и активное принятие. Использование названных форм и механизмов общения в непосредственном контакте с обучаемыми и через каналы массовой коммуникации открывает широкие возможности для совершенствования разъяснительной, агитационно-пропагандистской работы среди студентов с целью привития потребности к систематическим занятиям спортивными единоборствами и прикладными физическими упражнениями.

Мотивационное общение при правильной организации целеполагания, когда каждый студент в групповой цели может вскрыть для себя личностный смысл деятельности, обеспечивается механизмами подражания на всех его уровнях (неосознанное, осознанное подражание и активное принятие) и модой, отражающими, прежде всего, такой механизм воздействия, как заражение, действие которого основано на наглядной демонстрации лучшими спортсменами возможностей человека, на образцовом показе техники выполнения упражнений, на сопереживании успехам или неудачам сослуживцев (А.В. Зюкин, 1999). Основными педагогическими методами, в рамках которых реализуются названные виды общения с присущими им механизмами и формами, являются методы формирования сознания личности – словесные и наглядные, а также методы мотивации деятельности – поощрения, использования общественного мнения, примера и т.д. (Ю.К. Бабанский, 1989; В.Л. Марищук, 1979, 1980, 1982, 2001).

При операционном общении на первый план выдвигаются такие механизмы воздействия группы на каждого ее члена, как инструктирование (четкое указание на выполнение действий строго определенным, отвечающим выработанным группой целям, образом), а также обмен предметами деятельности либо ее промежуточными результатами. Соответственно, этими механизмами на первом плане оказываются такие формы общения, как ориентировочная и интеллектуальная. Процесс отражения членами группы этих воздействий на трех упомянутых выше уровнях подражания зависит от индивидуальных качеств личности и, прежде всего, от степени его идентификации с общей целью группы.

Сознательное управление операционным общением студентов может успешно осуществляться только при активном использовании в учебно-воспитательном процессе общепедагогических методов организации деятельности, общения и формирования опыта общественного поведения, включающих методы постановки задач физкультурно-спортивной деятельности, предъявления требований, методы выполнения практических действий, методы упражнения, регулирования, корригирования действий и поведения и т.д.

Литературные изыскания и основные выводы констатирующих экспериментов были положены нами в основу теоретического обоснования методики поэтапного применения средств физической подготовки и спорта в интересах развития военно-профессиональных личностных качеств у студентов, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса. Главное ее содержание составили принципы целостного педагогического процесса.

1. Принцип «учить тому, что необходимо в военно-профессиональной деятельности офицеров запаса различных военно-учетных специальностей». Принцип обеспечивает прикладную направленность в организации занимающихся, предполагает создание ситуаций, при которых выполнение физических упражнений осуществляется на фоне высоких физических и психических нагрузок и напряжений. Все это формирует и развивает ряд таких профессионально важных личностных качеств, как настойчивость и упорство в достижении поставленной цели, высокая физическая подготовленность и профессиональная работоспособность, уверенность в своих силах.

2. Принцип междисциплинарного комплексирования средств и методов педагогического воздействия из различных дисциплин программы подготовки офицеров запаса, включающей физическую, тактическую, огневую и военно-специальную подготовку. Реализация принципа обеспечивается разработкой и использованием спортивных единоборств и различных комплексных физических упражнений, выполняемых в составе мелких подразделений или групп соревновательным методом. В процессе целенаправленного применения таких упражнений создаются благоприятные условия для эффективного проявления и развития профессионально значимых личностных качеств: умение принимать решения и нести за них ответственность, военно-профессиональная работоспособность, смелость и решительность, способность к межличностной коммуникации и военно-профессиональному взаимодействию и др.

3. Принцип конкретного ролевого участия каждого студента в процессе физкультурно-спортивной деятельности. Принцип реализуется посредством различных ситуаций соревновательного соучастия, когда все подразделение переживает за успех одного или нескольких своих членов в их соревновательной борьбе с членами другого учебного коллектива, созданием возможностей для условного самовыражения личности, проигрывания роли лидера во взаимодействии с другими студентами. Выполнение или проигрывание таких ролей обеспечивают необходимые условия для проявления и воспитания профессионально значимых личностных качеств, укрепления социально-психологической позиции и авторитета студентов среди сокурсников, формируют навыки коммуникативного и военно-профессионального взаимодействия с командирами и начальниками.

4. Принцип усиления военно-прикладной направленности плановых учебных занятий и спортивных тренировок. Реализация принципа в процессе физкультурно-спортивной деятельности может осуществляться при выполнении задач по организации конкретных физкультурно-спортивных мероприятий, участии в судействе соревнований по спортивным единоборствам и другим прикладным видам спорта, оказании помощи преподавательскому составу в проведении соревнований по различным видам спорта, совершенствовании учебно-материальной базы по спорту, получении командно-методических навыков в проведении занятий по физической подготовке и др. Регу-

лярное участие в выполнении перечисленных, а также других заданий создает условия для развития: социальной активности, ответственности за выполнение служебных заданий, исполнительности, дисциплинированности, уверенности в своих силах, военно-профессиональной подготовленности.

Кроме перечисленных принципов и условий успешного развития личностных качеств в процессе занятий физической подготовкой и спортом, комплексная методика включала в себя и ряд педагогических способов направленного воздействия спортивных единоборств и прикладных физических упражнений, приемов и действий на личность студента путем создания положительного эмоционального настроя перед выполнением упражнений и решением задач повышенной трудности; стимулирования преодоления трудностей при выполнении упражнений, связанных с элементами риска, одобрения взаимопомощи и поддержки партнеров; формирования навыков командования людьми, принятия решения в сложных условиях, преодоления нервно-психических напряжений.

Развитие военно-профессиональных качеств, а также регулирование межличностных взаимоотношений студентов в процессе занятий спортивными единоборствами и другими прикладными физическими упражнениями направлено:

- в номинальном студенческом коллективе – на осознание студентами целей и задач физкультурно-спортивной деятельности, выработку устойчивой мотивации к занятиям физической подготовкой, ускорение социальной адаптации и развитие социально значимых качеств личности студента;
- в формирующемся студенческом коллективе – на оптимизацию коллективного целеполагания и мотивации, формирование оптимальной социально-психологической структуры, развитие внутриколлективного взаимодействия через управление общением;
- в социально зрелом студенческом коллективе – на утверждение целевого мотивационного и ценностно-ориентационного единства студенческих коллективов, содействие достижению высокого уровня согласованности взаимодействия (слаженности) и помехоустойчивости в совместной военно-профессиональной деятельности, обеспечивающих единство учебных коллективов и овладение студентами профессией офицера.

Литература

1. Бабанский Ю.К. Избранные педагогические труды. М.: Педагогика, 1989. 557 с.
2. Зюкин А.В. Педагогические основы физической подготовки и спорта как средства военно-профессиональной ориентации молодежи и студентов: Дис. … докт. пед. наук. СПб, 1999. 368 с.
3. Марищук В.Л. Педагогические основы воспитания высоких морально-боевых качеств. Л.: ВДКИФК, 1979. С. 4-18.
4. Марищук В.Л. Психологические основы формирования профессионально значимых качеств: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Л., 1982. 42 с.
5. Марищук В.Л. Теории и концепции обучения. Л.: ВДКИФК, 1980. 25 с.
6. Марищук В.Л., Романенко Н.В., Панасюк В.П. Вопросы общей, военной и спортивной акмеологии. СПб.: ВИФК, 2001. 160 с.
7. Щеголев В.А. Воспитание и сплочение воинских коллективов в процессе физкультурно-спортивной деятельности: Дис. … докт. пед. наук. СПб., 1991. 418 с.
8. Щедрин Ю.Н. Развитие лидерских качеств у студентов военно-учебных заведений в процессе физкультурно-спортивной деятельности: Автореф. дис. докт. пед. наук. СПб., 2003. 49 с.
9. Щедрин Ю.Н. Условия и последовательность использования средств физической подготовки и спорта для укрепления войскового товарищества: Дис. … канд. пед. наук. Л., 1989. 217 с.

ИНФОРМАЦИОННО-СПРАВОЧНАЯ СИСТЕМА КАК СРЕДСТВО ПОДДЕРЖКИ РАЗРАБОТКИ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН

Ю.В. Дорогов, Р.В. Иванов, А.В. Шаляпина

Дисциплина «Проектирование информационных систем в образовании» является ключевой в процессе подготовки инженеров специальности 230202 «Информационные технологии в образовании» и новой как в практике преподавателей, так и с точки зрения соответствия стандарту. Проектирование невозможно без насыщения примерами, которые позволили бы проводить его многоаспекную оценку. Поиск соответствующих примеров и их структурирование на широком контенте представляет собой самостоятельную задачу, требующую определенных временных затрат и соответствующей квалификации специалиста. Потому для поддержки разработки дисциплины актуально создание информационно-справочной системы, содержащей набор примеров построения контента, которые преподаватель мог бы использовать при разработке дисциплины, а также систему поиска по контенту.

В сети Интернет существуют ресурсы с примерами обучающих программ, реализующих различные функции. Недостатком большинства таких ресурсов является их узкая направленность на отдельный предмет или дисциплину (например: www.fizika.ru, www.matematika.ru). В ресурсах, содержащих разнообразный контент, отсутствует какое-либо структурирование и механизмы поиска.

Под информационной системой (ИС) обычно понимается программный продукт, ориентированный на реализацию информационных процессов – сбор, хранение, поиск и обработку различных видов информации (текст, графика, мультимедиа и т.п.). Информационные системы работают в режиме диалога с пользователем. Это определение дает представление о техническом аспекте термина «информационная система». Важно отметить, что в современном понимании информационная система, как среда, обязательно включает в себя не только компьютеры, компьютерные сети, базы данных, программное обеспечение, средства связи, но человека – пользователя. С этой точки зрения информационную систему определяют как взаимосвязанную совокупность средств, методов и персонала, используемых для хранения, обработки и выдачи информации в интересах достижения поставленной цели.

Под информационно-справочной системой (ИСС) понимается компьютерное программное средство, предназначенное для хранения и предъявления пользователю разнообразной информации справочного содержания. Для ИСС характерны иерархическая организация материала и быстрый поиск информации по различным параметрам. ИСС обеспечивают возможность получения контекстной справки, сохранения и вывода на печать твердой копии справки[1]. Они не предназначены для сплошного чтения. Особенностью этого вида информационных систем является то, что они не совершают какой-либо завершающей обработки, связанной с осмыслением полученных результатов или с принятием решений. ИСС лишь предоставляют пользователю хранимую в них информацию, а весь анализ пользователь проводит сам.

ИСС состоит из трех компонентов – базы данных, приложения базы данных и система поиска контента. Контентом выступают примеры обучающих программ, а также ГОСТы и другая информация, связанная с проектированием ИСО. При отборе контента для ИСС требуется предоставить как можно больше всевозможных примеров преподавателям дисциплины «Проектирование информационных систем в образовании», соот-

---

[1] Ширшов Е.В. Информационно-педагогические технологии: ключевые понятия: Словарь / под ред. Буториной. - Архангельск: Изд-во АГТУ, 2003. – 128 с.

ветствующих разным параметрам контента; отразить разнообразные подходы к реализации каждой из функций обучающих программ; представить все виды информации.

База данных ИСС представляет собой специфическую файловую систему и содержит единственную таблицу. Таблица состоит из полей-признаков (логические поля), сопоставленных каждому примеру контента. Сами примеры контента хранятся в файлах на жестком диске. Описание полей базы данных приведены в табл. 1.

Таблица 1

Описание базы данных

Поля базы данных	**Описание**
Имя файла	Хранит имя файла на жестком диске, содержащем контент.
Описание контента	Содержит общие сведения о контенте. Включает в себя название, автора, целевую аудиторию, область знаний и т.п.
Параметры контента	19 полей логического типа, содержащих признаки контента,
Тип файла	Служебное поле. Хранит расширение файла контента для выбора способа отображения в приложении базы данных.

Таблица 2

Примеры контента

№ п/п	Контент	Параметры контента				
		Уровень образования	Целевая аудитория	Природа информации	Функция	Архитектура
1.	А.Лукин «Введение в цифровую обработку сигналов»: Учебник	Проф.	Обучающиеся	Текст	Обучающ.	-
2.	Программа «АРЕ Тренировка арифметики»	Общее, проф.	Обучающиеся	Прогр. продукт	Тренир.	Линейная
3.	Инструментарий для создания тестов	Общее	Обучающие	Прогр. продукт	Инструм. средство	Линейная
4.	Программа для изучения линейных колебательных систем	Проф.	Обучающиеся	Прогр. продукт	Моделир.	Линейная
5.	Пакет для создания диалоговых обучающих программ	Общее, проф., дополн.	Обучающие	Прогр. продукт	Инструм. средство	Линейная
6.	Экономическая игра «Бизнес»	Общее, проф.	Обучающиеся	Прогр. продукт	Моделир.	Линейная
7.	Программа «Музыкальный экзаменатор»	Дополн.	Обучающиеся	Прогр. продукт	Контр.	Линейная
8.	ГОСТ 19.101-77. ЕСПД. Виды программ и программных документов	Все	-	Текст	Справ.	-
9.	Электронный учебник по физике для школьников	Общее	Обучающиеся	Текст, изобр.	Обучающ.	Линейная
10.	Интернет-ресурс "Эффективная физика"	Общее, проф.	Обучающиеся	Текст, изобр.	Поисков. (справ.)	Линейная

Для реализации поиска выделено 19 параметров контента, которые разбиты на пять категорий – уровень образования, целевая аудитория, архитектура, реализуемая функция, природа основной информации. Примеры отобранного контента представлены в табл. 2. Приложение базы данных состоит из трех основных элементов – окно поиска контента в базе данных, окно просмотра контента, окно добавления контента в базу данных. Окно поиска контента предоставляет возможность составить запрос в базу данных, указав необходимые параметры контента. Параметры контента определяются выставленными пользователем «флажками», указанными логическими условиями, а также введенными словами описания контента.

Окно просмотра контента предоставляет возможность просмотреть примеры контента, содержащиеся в базе данных и соответствующие запросу пользователя. Приложение базы данных позволяет просматривать тексты и изображения, проигрывать мультимедийные и звуковые файлы, запускать приложения. Все примеры контента можно сохранить на жесткий диск компьютера или съемный носитель. Описания контента можно редактировать. Кроме того, можно удалить неподходящий или устаревший контент из базы данных.

Окно добавления контента в базу данных дает возможность пользователю добавить собственные примеры контента из файла на компьютере и осуществлять доступ к ним по запросам. Необходимо отметить параметры контента, ввести ключевые слова для поиска и соответствующая запись появится в базе данных. Наличие этой функции обусловлено быстрым устареванием информации в сфере информационных технологий, с одной стороны, и необходимостью предоставлять пользователю (преподавателю дисциплины «Проектирование информационных систем в образовании») актуальные примеры построения контента, с другой стороны.

Наполнение информационно-справочной системы проводилось с участием специалистов узкого профиля, которые экспертно оценивали относительную эффективность существующего контента для решения задач информационно-справочной системы.

Литература

1. Вуль В.А. Электронные издания. СПб: БХВ-Петербург, 2003. 560 с.
2. ГОСТ 7.83-2001. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения.
3. Захаров В.П. Информационные системы (документальный поиск). СПб, 2002. 188 с.
4. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании. / Учебное пособие для студ. высш. пед. учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
5. Петров В.Н. Информационные системы. СПб: Питер, 2003. 688 с.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РЕСУРСА ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ПСИХОЛОГИЯ»

Ю.В. Дорогов, Г.О. Котелкова

Дисциплина «Психология» для многих специальностей является общеобразовательным предметом, поэтому на ее изучение отводится не так много аудиторных часов, а объем подлежащего изучению материала значителен. Возникает необходимость более эффективно использовать часы самостоятельной работы обучающихся. Эффективность образовательного процесса увеличат хорошо структурированные, емкие и наглядные материалы, которые оказывали бы комплексное воздействие и использовали бы все каналы восприятия. Одним из эффективных способов информационного обеспечения учебного процесса является использование электронных образовательных ресурсов.

Электронный образовательный ресурс (ЭОР) – это совокупность средств программного, информационного, технического и организационного обеспечения, электронных изданий, размещаемая на машиночитаемых носителях или в сети. ЭОР различаются по технологиям распространения:

- локальный ЭОР – ресурс, предназначенный для локального использования и публикуемый на переносимых машиночитаемых носителях;
- сетевой ЭОР – ресурс, доступный потенциально неограниченному кругу пользователей через телекоммуникационные сети;
- интегрированный ЭОР – образовательный ресурс, который может использоваться как в качестве локального, так и в качестве сетевого;
- комплексный ЭОР – ресурс, состоящий из локальной части, для функционирования которого необходима установка на локальном компьютере и сетевое взаимодействие в процессе работы.

Проектируемый ЭОР предназначен для информационной поддержки дисциплины «Психология», поэтому его структура и содержание должны формироваться таким образом, чтобы охватить все необходимые учебные занятия, разделы дисциплины, обеспечить наилучшее усвоение информации, передаваемой на лекциях, практических занятиях, поддерживать студентов во время самостоятельной работы, обеспечивать обратную связь.

Основные требования к ЭОР разделяются на три группы – требования к содержанию, структуре и техническому исполнению ЭОР. С точки зрения содержания ЭОР должен обеспечивать полноту представления конкретной предметной области, эффективность используемых педагогических и методических приемов. В этом смысле необходимо включить в систему требований следующие:

- четкая логика изложения теоретического материала с возможностью прослеживания обучающимися всех цепочек рассуждений с помощью специальных схем;
- особая четкость постановок задач;
- подробное комментирование примеров выполнения заданий, хода решения учебных и прикладных задач;
- использование различных методов и средств активизации познавательной деятельности обучающегося для всех форм образовательного процесса (изучение проблемных ситуаций, постановка задач исследовательского характера, требующих для своего решения привлечения знаний из других источников, и т.п.).

В плане структуры ЭОР может совмещать в себе функции автоматизированных обучающих и контролирующих систем, моделирующих программ и других программных средств ИТО. В целях мониторинга и необходимой коррекции процесса обучения, в рамках ЭОР также могут быть сформированы базы данных для хранения текущей и

обобщенной информации о результатах работы. В законченном виде ЭОР как система включает в себя следующие функциональные блоки: информационно-содержательный; контрольно-коммуникативный; коррекционно-обобщающий.

Требования к техническому исполнению ЭОР основаны на том, что для эффективного использования ЭОР в образовательном процессе важно не только его содержание, но и технические параметры – работоспособность, эргономические и художественные особенности.

Целью создания ЭОР является обеспечение информационной поддержки дисциплины «Психология». Задачи ЭОР – материально и организационно обеспечить возможность достижения студентами поставленных учебных целей. При этом решаются такие задачи, как повышение мотивации учащихся к познавательной деятельности, наглядное представление учебного материала, возможность диагностики соответствия поставленным целям, возможность контроля знаний. Реализация этих дидактических задач позволит сделать учебный процесс более комфортным и эффективным. Для достижения поставленных целей ЭОР должен содержать:

- организационную информацию;
- гипертекстовые учебные материалы;
- иллюстративный материал;
- комплекс психологических тестов или методик их проведения;
- средства диагностики, средства контроля и самоконтроля, с обратной связью;
- коллекцию ссылок на полезные ресурсы в Интернете;
- раздел домашних заданий (список, указания к выполнению, критерии оценки);
- список рекомендованной литературы на бумажных носителях;
- систему поиска информации;
- словарь терминов.

Таблица 1

Критерий	Оценка / Количество человек, выбравших ответ				
	1	2	3	4	5
Соответствие результата обучения вашим ожиданиям	Не соответствует				Полностью соответствует
	1	1	3	12	10
Организация обучения	Неудобно, нефункционально				Комфортно, функционально
	0	0	9	10	8
Достаточность использования компьютерных технологий в процессе обучения	Слишком мало				Слишком много
	0	6	11	8	2
Необходимость общения с преподавателем через Интернет	Не нужно				необходимо
	2	1	3	12	9
Полезность ЭОР при изучении психологии	Не полезен				Очень полезен
	0	3	2	9	13

Охарактеризуем структуру электронного образовательного ресурса по дисциплине «Психология». Раздел «Информация» содержит расписание занятий, консультаций преподавателя и on-line конференций. Раздел «Материалы к лекциям» содержит конспекты лекций, статьи, выдержки из книг, схемы, таблицы, иллюстрации. Раздел «Практические занятия» содержит планы семинаров, методики проведения психологических тестов. Раздел «Задания» содержит перечень работ, которые необходимо выполнить в течение семестра, требования по их содержанию и оформлению. Раздел «Источники информации» содержит список рекомендованной литературы и ссылки на другие источники информации. Раздел «Словарь» содержит основные термины дисциплины. «Форум» предназначен для организации on-line конференций, дискуссий, консультаций.

ЭОР был опробован в рамках организации внеаудиторной работы со студентами и самостоятельной работы студентов. После опробования студентам была предложена анкета. Результаты анкетирования представлены в табл. 1.

Основными критериями полезности ЭОР оказались: удобство работы («все под рукой», «информация для размышления сосредоточена в одном месте и все понимают друг друга», «дополнительная информация для интересующихся», «систематизация информации»), влияние на мотивацию («наглядно», «интереснее»). 7 человек отметили технические трудности, возникающие при использовании ЭОР. Студенты высказали также следующие замечания и предложения:

- раздел «Материалы к лекциям» отличается избыточной информативностью, что мешает эффективной работе (возникают трудности с поиском нужной информации). Поступили предложения удалить лишний текст, нужную информацию структурировать, оставить схемы, рисунки, графики;
- добавить в раздел «Практические занятия» дополнительные психологические тесты.

Компьютерные технологии обладают большими возможностями по способам предъявления информации, поэтому для качественного и комфортного обучения дисциплине «Психология» ЭОР был реализован в сетевом виде.

Электронный образовательный ресурс обеспечивает возможность полного достижения студентами поставленных учебных целей и способствует более комфортному и эффективному преподаванию дисциплины «Психология».

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ СПОРТИВНЫХ ЕДИНОБОРСТВ У СТУДЕНТОВ СПБГУ ИТМО НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ И ВАЛЕОЛОГИИ

С.С. Прокопчук

Занятия спортом связаны с большим нервно-психическим напряжением, обусловленным повышенной ответственностью за спортивный коллектив. В особой мере это относится к спортивным единоборствам. В настоящее время спортивная работа со студентами проводится в свободное от занятий время, в выходные и праздничные дни. В связи с затратой большей части времени на изучения теоретических дисциплин, а также с достаточно дорогой абонентской платой за занятия большая часть учащихся, в том числе девушки, мало внимания уделяют физической подготовке в личное время. Посещения спортивных секций по единоборствам исчисляются практически единицами.

Анализ мнений студентов нашего вуза показывает, что физическая подготовленность требует большого внимания в связи с непростыми жизненными ситуациями, возникающими в обществе. Во многих случаях молодым людям приходится один на один сталкиваться с нападениями и ограблениями, экстремистски настроенными личностями и пр. Необходимость изучения приемов самообороны очевидна.

Актуальность темы, по нашему мнению, состоит в обосновании приемов и методов максимально эффективного использования времени, отведенного на проведение занятий по ФВ и В,. и внедрении в учебный процесс наиболее эффективных приемов и действий из цикла единоборств для приобретения навыков самообороны. Требуется разработать содержательную методику и организационно-управленческие аспекты использования занятий по ФВ и В для обучения студентов эффективным приемам и действиям для самообороны; обосновать подходы к подбору соответствующих средств и методов обучения простейших доступных и эффективных видов единоборств; уточнить особенности формирования навыков и умений рукопашного боя и других видов единоборств в условиях массового обучения; интегрировать особенности формирования перечисленных навыков и умений из арсенала различных единоборств.

Определен ряд факторов, влияющих на успешное обучения студентов приемам самообороны: подбор наиболее эффективных из ранее освоенных средств спортивных единоборств, согласованность обучения на начальном этапе спортивной работы и учебных занятий, концентрированность обучения приемам самообороны путем рационального сочетания и использования форм физического воспитания.

Исследования, проведенные В.Н. Плиско (1987), В.В. Крутовым (1987), Н.А. Мишоновичем (1992), М.В. Деяновым (1994), показали, что единоборства занимают одно из ведущих мест в системе спортивной работы. Предпочтения отдают единоборствам таким видам, как бокс, карате, кик-боксинг, дзю-до, жиу-джитсу, таэквандо. Особенности и характерные черты различных видов единоборств представлены в табл. 1.

Рассмотрим особенности изучения видов единоборств на занятиях по ФВ и В.

Борьба дзю-до. Первая ступень обучения посвящена приемам самостраховки при падении вперед, назад, на левый бок на правый бок, в бросках. Вторая ступень обучения содержит основные элементы техники бросков, подсечек, захватов, рычагов и удушающих приемов. Третья ступень (или ступень совершенствования) является тренировочной и соревновательной, а также включает технику борьбы в усложненных условиях. Четвертая ступень включает в себя изучения болевых приемов в стойке и в партере.

Обучение **рукопашному бою** содержит удары руками, ногами, обезоруживание противника при ударе ножом, палкой, металлическим предметом, при угрозе пистолетом.

Обучение **самообороне** строится из двух ступеней. На первой ступени отрабатывается взаимодействие приемов бокса и кикбоксинга с элементами рукопашного боя. Рекомендуемые приемы бокса включают такие виды ударов, как одиночные прямые

удары в голову и туловище, двойные прямые в голову, а также защитные действия при нанесении ответных ударов. На второй ступени изучаются приемы всех видов борьбы.

Таблица 1

Вид единоборства	Отличительные черты	Основные виды атакующих действий	Основные виды защитных действий	Зона воздействия
Бокс	Основу содержания составляют удары руками по сопернику. Бой ведется на средней и ближней дистанциях	Удары руками (прямые, боковые, снизу и их комбинации)	Подставки, уклоны, нырки, отбивы	Голова, грудь, живот (выше пояса)
Борьба (самбо, дзю-до)	Схватка ведется в захвате, в стойке и лежа	Броски, подсечки, сваливания, болевые приемы, удержание, удушение (в дзю-до)	Контрприемы от атакующих действий	При подсеч- ках - голень, при болевых приемах - суставы, при удушении - горло, шея
Каратэ	Основу содержания составляют удары руками (кулаком) и ногами (стопой) по противнику. Бой ведется на средней и ближней дистанциях. Имеются бесконтактные виды (сетокан, вадо-рю и др.), где разрешается дозированный контакт в туловище и имитация удара по голове. В контактных видах (кекусинкай, фулконтакт) разрешается полный контакт в туловище и дозированный контакт по голове	Удары руками (прямые, боковой, снизу, сверху), удары ногами (прямые, боковые, с разворотом, назад или через спину). Комбинации ударов руками и ногами, подсечки	Подставки, блоки руками, ногами, уклоны, нырки	Голова, грудь, живот, голень, бедра (в кекусинкай)
Таэквондо	Основу содержания составляют различные варианты ударов ногами (стопой). Бой ведется в защитном снаряжении с полным контактом. Подсечки и захваты запрещены	Удары ногами (прямые), боковые, с разворотами, в прыжках и их комбинации. Удары руками разрешены только по туловищу	Подставки, блоки руками, ногами, уклоны, нырки	Для ударов ногами - голова, грудь, живот (выше пояса) руками - туловище
Кик-бокс, савате	Бой проводится на ринге в защитных шлемах и с накладками на стопе, с полным контактом	Удары руками аналогичны ударам руками в боксе. Удары ногами аналогичны каратэ, таэквондо	Подставки, блоки руками, ногами, уклоны, нырки	Голова, туловище, бедра (для ударов ногами)
Саньда (ушу)	Бой проводится на помосте, поднятом на высоту 1 м. Выход с него (падение) наказывается штрафными очками. Основу содержания составляют удары руками, ногами, подсечки и броски. Схватка ведется в защитном снаряжении	Разрешены любые удары руками (кулаком) и ногами, подсечки, броски	Подставки, блоки руками, уклоны, нырки, захваты	Любая часть тела, за исключением горла, паха, суставов и позвоночника
Рукопашный бой в ВСКл-93, панкратион	Бой ведется без оружия в защитном снаряжении с полным контактом. Разрешены удары практически любой частью тела: стопой, голенью, коленом, кулаком, предплечьем, локтем, головой. Схватка проводится на средней, ближней дистанциях и в захвате	Любые удары руками и ногами (включая локти и колени), подсечки, броски, болевые приемы	Подставки, блоки руками, ногами, уклоны, нырки, контрприемы от бросков, удержание	Любая часть тела, за исключением горла, паха, суставов, позвоночника

В процессе занятий по физическому воспитанию происходит формирование психологической устойчивости. Под психологической устойчивостью в отечественной психологии понимается сохранение нормального функционирования психических процессов (ощущений, восприятий, представлений, внимания, воображения, мышления, воли и чувств), а также целесообразное проявление различных сторон личности в сложных экстремальных условиях.

В спортивном единоборстве очень большое значение приобретают антиципация, базирующаяся на вероятном прогнозировании действий нападающего хулигана и упреждающихся действий, а также эмоциональная устойчивость, которая должна обеспечивать адекватное ориентирование в пространстве и времени, оптимальное повышение уровня психологических процессов и функциональных систем. Однако попытка использовать содержательный и методический арсенал различных единоборств при формировании у студентов навыков единоборств и приемов самообороны неизбежно требует решения ряда проблем, связанных с ограничением временными ресурсами на обучение и с закономерностью массового обучении сложным действиям в короткие сроки.

В рамках обозначенных проблем можно выделить следующие направления:

- отбор наиболее рационального содержания для обучения, разработка программы;
- выбор оптимальной базовой техники;
- алгоритмизация тактических ситуаций, отрабатываемых в полуобусловленных схватках.

Изложенные предложения по включению приемов единоборств в учебный процесс на занятиях по ФВ и В повысят устойчивость действий студентов в экстремальных ситуациях и улучшит такие показатели, как эффективность проведения занятий по ФВ и В, психологическая устойчивость, качество межличностных отношений, уверенность в применении приемов самообороны в ограниченном пространстве: автобус, автомобиль, комната, телефонная будка и т.д. В то же время можно предположить, что проведенные нами па первом этапе исследования строгое разделения методических приемов тренировки на занятиях по различным видам борьбы не должно стать ограничением для свободы выбора различных вариантов самообороны.

Литература

1. Ашкинази С.М. Развитие содержания теории и методика образования рукопашного боя в древности и до наших времен. СПб. ВИА. 1998. 42.
2. Ашкинази С.М. Вопросы теории и практики Рукопашного боя в вооруженных силах Российской федерации. СПб: ВИФК, 2001. 241 с.
3. Давиденко Д.Н. Щеголев В.А. Щедрин Ю.Н. Биологические и педагогические основы физического воспитания в вузах. СПб: СПбГУ ИТМО, 2004. 233 с.
4. Марищук В.Л. Перераспределение функциональных резервов в организме спортсмена как показатель стресса. / Стресс и тревога в спорте. М: Ф и С, 1983. С. 72– 87.
5. Матвеев Л.П. Теория и методика физической культуры (общие основы теории и методики физического воспитания, теоретико-методические аспекты спорта и профессионально – прикладных форм физической культуры)./ Учебник для институтов физкультуры. М., 1991. 543 с.
6. Плиско В.Н., Крутов В.В. Практика обучения сотрудников действиям в экстремальной обстановке на занятиях по рукопашному бою. Киев: РИО МВД УССР, 1987. 37 с.
7. Щедрин Ю.Н. Теоретические и методические проблемы развития индивидуальных качеств у курсантов военно-учебных заведений в процессе физкультурно-спортивной деятельности. СПб: ВИФК, 2002.

МЕТОДЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО САМОКОНТРОЛЯ В ПРАКТИКЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ

Ю.Л. Детков, Е.В. Зефирова

Физическая культура и спорт как средство физического развития составляют особо притягательную сторону жизни студенческой молодежи. Однако глубокие общественные и научно-технические преобразования, совершающиеся в настоящее время, сама учебная практика высшей школы влекут за собой многообразные изменения в духовном облике студенческой молодежи, в ее личностных характеристиках. Все более усложняющийся комплекс социальных факторов существенным образом влияет на физический уровень подрастающих поколений. Социальная ориентация студентов избирает другие ценностные критерии, доминирующие над валеологическими. К сожалению, общее состояние физического воспитания в высшей школе оставляет желать лучшего и, в силу этого, не может обеспечить гармонизацию соотношения умственного труда и обеспечение восстановительных процессов средствами оздоровительных упражнений.

Физическое развитие занимающихся определяется состоянием морфологических, функциональных свойств и зависит как от унаследованных особенностей, так и от сложного комплекса социальных условий. Оценку физического развития занимающихся целесообразно сочетать с характеристикой их двигательных возможностей, работоспособности и адекватных реакций организма на умственные и физические нагрузки. Методы изучения физического развития занимающихся определяются задачами исследования.

Программа физического воспитания в вузе, включающая лекционный курс и методические занятия, предусматривает довольно широкий спектр теоретических знаний. Однако практика организации этих занятий, если они еще проводятся, оставляет желать лучшего. К тому же пресловутая оторванность теории от практики превращает подчас лекционные мероприятия в схоластику, отвращающую студентов, в то время как именно в области физической культуры должно быть создание устойчивой мотивации к здоровому стилю жизни, формированию потребности в физическом самосовершенствовании. Будущему специалисту необходимо знать основы физической культуры и здорового образа жизни, владеть системой практических умений и навыков, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья, развитие и совершенствование психофизических способностей и качеств. Такая образовательная подготовка в сочетании с овладением навыками физкультурно-спортивной деятельности должна значительно расширить их прикладное значение в достижении жизненных и профессиональных целей.

В связи с активным внедрением в практику решения образовательных задач компьютерных программ появилась возможность использовать их в более тесном сочетании теории с практикой, имея в виду, что образовательной задачей физического воспитания является приобретение необходимых знаний, умений и навыков в области физической культуры. В рамках решения этой общей задачи нами предлагается к использованию в учебном процессе и для обеспечения самостоятельных занятий физической культурой и спортом компьютерная программа, выполняющая роль руководства, слежения и контроля физического развития занимающихся («Health-Express», разработчик проф. Ю.Л. Детков).

Программа обеспечивает решение задач индивидуальной паспортизации и диагностики состояния здоровья занимающегося в сочетании с образовательно-консультативным материалом в зависимости от выявленных слабых звеньев функциональной подготовленности, включающим комплексы специальных упражнений. Программа адаптирована к самостоятельному прохождению всех тестов (функциональных проб), ознакомление с поставленным диагнозом и применением рекомендованных комплексов

упражнений для восстановления функциональной дееспособности в соответствии с педагогическими и физиологическими критериями. Прохождение тестов предваряется паспортной табличкой, куда вносятся данные об испытуемом: ФИО, возраст, рост, вес, пульс, жизненная емкость легких (ЖЕЛ), окружность грудной клетки (ОГК).

Подготовленность организма оценивается с помощью следующих функциональных проб (экспресс-тестов):

- ростовой индекс Брока-Бругше (для получения должной величины веса вычитанием определенных коэффициентов из данных роста);
- весо-ростовой индекс (отнесение по идеальному весу к категории астеников, нормостеников, гиперстеников);
- гарвардский степ-тест (определение физической работоспособности);
- ортостатическая проба (частота сердечных сокращений (ЧСС) при переходе из положения лежа в положение стоя);
- 20 приседаний за 30 секунд (подсчет увеличения ЧСС);
- восстановление пульса после нагрузки (определяется разность ЧСС до нагрузки и восстановительном периоде на 3–й мин.);
- жизненный индекс (составляется путем деления ЖЕЛ в мл на вес тела в кг);
- проба Штанге (задержка дыхания в с);
- силовой индекс (получение показателя силы кисти рук на динамометре делением на вес и выраженный в %).

Для диагностики показателя артериального давления (АД), систолического и диастолического используется время снижения АД до уровня остаточного (в мин.), прирост АД (в мм рт. ст.). При необходимости более углубленного анализа показателей АД может добавляться проба с задержкой дыхания (Штанге) и холодовая проба (прирост АД и время восстановления АД). В заключение алгоритм последовательности действий указывает на справочную систему с предметным указателем.

Приводятся классификация гипертонической болезни – гиперреактивность; повышение АД у спортсменов; гипертония 1А стадии; гипертония 1Б стадии; норма гипотензии; физиологическая гипотензия; нейроциркуляторная дистония гипотонического типа. Каждому из этих показателей дано соответствующее пояснение, характеризующее гипертоническую болезнь, предполагаемые причины ее возникновения на основе полученных данных и профилактические меры.

Нам представляется, что оптимальным в практике самостоятельных занятий будет создание алгоритмизированных компьютерных программ, обеспечивающих паспортизацию индивидуального состояния функциональной дееспособности организма занимающегося средствами тестирования и на этой основе – выявление слабых звеньев функциональной подготовленности занимающихся. Далее производится подключение образовательно-консультативного раздела программы, поясняющего характер функциональной недостаточности и причины ее возникновения. В заключение алгоритмических действий предлагаются комплексы специальных упражнений, имеющие направленное терапевтическое воздействие. Предусмотрен самоконтроль слежения за процессом восстановления, стабилизации и улучшения при периодическом прохождении тестирования. Сами тесты стандартизированы в практике лечебной физической культуры (ЛФК) и не представляют исполнительской сложности. Инструментальной методикой получения данных является лишь измерение артериального давления (АД).

Подготовленность организма оценивается с помощью функциональных проб.

Создание такой компьютеризованной системы позволило бы на научной основе строить весь процесс самообразования и оптимально организовывать учебную практику, отдых и быт, что может послужить залогом психического и физического здоровья занимающихся.

Литература

1. Виру А.А., Юримяэ Г.А., Смирнова Г.А. Аэробные упражнения. М.: Физкультура и спорт, 1989.
2. Черемисинов Н.В. Валеология. М.: Физическая культура, 2005.
3. Менхин Ю.В., Менхин А.В. Оздоровительная гимнастика: теория и методика. Ростов н/Д: Феникс, 2002.
4. Милюкова И.В., Евдокимова Т.А. Лечебная и профилактическая гимнастика. Практическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2004.
5. Детков Ю.Л. Теория и практика физической культуры для студентов с ослабленным здоровьем. Методическое пособие. СПб, 1996.

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В ВУЗАХ

Суворов Ю.А., Платонова В.А.

Концепция открытого образовательного пространства и присоединение России к Болонскому процессу требуют ускоренной разработки вопросов интеграции высшего технического образования в общеевропейскую образовательную систему и скорейшего перехода к образовательным стандартам третьего поколения. Сорбоннская декларация от 25 мая 1998 г. подчеркнула центральную роль университетов в развитии европейских культурных ценностей. Она обосновала создание Зоны европейского высшего образования как ключевого пути развития мобильности граждан с возможностью их трудоустройства для общего развития континента [1]. В 1999 г. министрами, ответственными за образование в 29 европейских странах, была подписана Болонская декларация «О создании единого Европейского пространства высшего образования» [5]. В 2003 г. к Болонскому процессу, в котором в настоящее время участвуют свыше 40 европейских государств, официально присоединилась и Россия. Цель Болонского процесса – к 2010 г. создать единую европейскую зону высшего образования, что предполагает взаимное признание дипломов и практику общих стандартов в этой области.

Переход на образовательные стандарты третьего поколения тесно связан с вхождением России в европейское образовательное пространство. Поэтому российские реформы в высшем образовании необходимо соотносить с реалиями общеевропейской системы образования. Именно эта внешняя среда во многом будет определять сроки внедрения третьего поколения стандартов, а также новые специальности и направления [2]. Развитие российского высшего образования последних лет характеризуется неуклонным повышением самостоятельности вузов в формировании образовательных программ. При разработке стандартов второго поколения был сделан еще один важный шаг по пути демократизации – включение в структуру образовательной программы национально-регионального (вузовского) компонента, позволяющего отразить специфику региона и традиции вуза с учетом постоянно меняющегося рынка труда.

Отечественному высшему образованию предстоит до 2010 г. реформировать существующую национальную систему в соответствии с основными требованиями Болонской декларации. К числу обязательных параметров относится введение трехуровневой системы высшего образования – бакалавриат, магистратура, докторантура [4]. В качестве единицы трудоемкости учебного труда студента принимается «академический кредит». За семестр студенту может быть начислено ровно 30 академических кредитов, а за учебный год – ровно 60. Вводится механизм академической мобильности, благодаря чему студент должен будет проучиться в другом («неродном») европейском вузе семестр или учебный год. Выпускникам будет выдаваться приложение к диплому единого европейского образца. Весомость кредитов, порядок их начисления и взаимозачетов контролируется вузом, но допускается и европейский контроль качества обучения. Важно, что сохраняется автономность вузов в выборе методик обучения, определении количества кредитов за изучаемую дисциплину, введение кредитно-модульной системы и академических рейтингов. Однако в существующих условиях вуз определяет содержание обучения в достаточно жестких рамках государственного образовательного стандарта. Поэтому вопросы вхождения в единое европейское образовательное пространство должны в наших условиях учитываться при подготовке новых государственных стандартов [3]. Исходя из новых требований и учитывая специфику предмета «Физическое воспитание и валеология», было бы целесообразно, на наш взгляд, реализовать следующие предложения.

1. Сохранить в новом образовательном стандарте обязательные занятия на 1 и 2 курсах в объеме 4-х учебных часов в неделю, с зачетом в конце каждого семестра. Такое решение позволит реально выполнять требования стандарта и кафедрами, и вузами. Для старших курсов предусмотреть возможность введения вузами элективных курсов, исходя из реальных условий (материальных и кадровых) каждого конкретного вуза. Обосновать трудоемкость курса и оценить его в академических кредитах. На наш взгляд, возможно оценить емкость дисциплины (физическая культура) в 2 академических кредита в каждом из семестров на 1 и 2 курсах. Подготовить различные варианты модульной системы обучения и возможности использования рейтинговой шкалы оценок студентов. В нашем вузе и по нашей дисциплине с весеннего семестра 2006–2007 уч. г. вводится следующая рейтинговая шкала оценок студентов: «A» – отлично, «B» – очень хорошо, «C» – хорошо, «D» – удовлетворительно, «E» – посредственно, «F» – неудовлетворительно.
2. Сохранить статус предмета «Физическое воспитание и валеология» как внеаудиторного и стоящего в недельном расписании сверх установленного министерством ограничения в 27 часов в неделю. Данный статус позволит и в дальнейшем избегать конкуренции с остальными дисциплинами в недельной сетке учебных часов. В данном аспекте важно сделать в программе обучения акцент на практическую двигательную активность студентов. Попытки увеличения теоретического компонента учебной программы лишают нашу дисциплину уникальности, подрывают наше собственное обоснование необходимости физических упражнений и невольно втягивают в конкурентную борьбу с другими теоретическими дисциплинами. Именно учитывая специфику предмета, а также соглашаясь с доводами о жизненной необходимости для студентов практических занятий физическими упражнениями, Министерство образования в свое время разрешило в учебных планах планировать наши занятия сверх максимального установленного недельного объема аудиторных часов.
3. В соответствии с идеологией Болонского процесса закрепить за вузами большую автономность и самостоятельность как в вопросах содержания, так и в вопросах методики преподавания курса «Физическое воспитание и валеология». Активнее внедрять обучение по принципу спортивной специализации, исходя из интересов студенческой молодежи, учитывая объективные условия каждого региона, вуза или кафедры.

Однако следует иметь в виду, что в государственном образовательном стандарте третьего поколения возможно сокращение объема часов, отводимого на освоение курса дисциплины «Физическое воспитание и валеология», до 72-х часов. В данном случае, по нашему мнению, должен реализовываться такой вариант модернизации вузовской физической культуры, при котором учебная программа должна включать только теоретический и методико-практический разделы. Учебно-тренировочные занятия со студентами должны быть обеспечены тренерским составом созданных (или возрожденных) спортивно-оздоровительных клубов при проведении секционных занятий во внеучебное время [6].

Что касается штата кафедры, то при этом варианте он должен комплектоваться из числа профессорско-преподавательского состава, способного обеспечить выполнение учебной программы. Остальным преподавателям должна быть предоставлена возможность перехода в штат спортивно-оздоровительного клуба не только для проведения учебно-тренировочных секционных занятий, но и для организации и проведения внутривузовских и межвузовских спортивно-массовых (спортивных) соревнований.

Ясно только одно: физическая культура и спорт в вузах должны жить. В настоящее время количество студентов Санкт-Петербурга, регулярно занимающихся спортом, составляет около 70 тысяч человек. Чемпионаты и первенства вузов города проводятся

более чем по 60 видам спорта. А теперь представьте, что кафедры физического воспитания в вузах закрыты, организовывать студентов для проведения учебно-тренировочных занятий и соревнований некому. Освободившуюся нишу быстро займет что-то другое, скорее всего, не самое лучшее, и последствия такого развития событий ясны и без гадалок. Пока руководители поймут, что «натворили», пройдет 5–7 лет. За это время плеяда педагогов «старой закалки», на которых в настоящее время держится студенческий спорт в городе (да, наверное, и во всей стране), найдет применение в других областях жизнедеятельности, и мы «благополучно» растеряем все то лучшее, что десятилетиями по крохам копилось и передавалось от опытных специалистов молодым преподавателям.

Подражать в нашем случае развитым европейским странам ни в коем случае нельзя. Во-первых, надо учитывать уровень развития спортивно-материальной базы вузов, который в нашей стране, по сравнению с Европой, находится на очень низком уровне. Во-вторых, уровень общей культуры и сознательности наших студентов гораздо ниже, чем у европейских студентов. В-третьих, надо учитывать так называемый «русский менталитет». В данном случае мы считаем, что если у студентов не будет какой-либо формы отчетности по данному предмету, то число добровольно посещающих занятия сократится в разы.

Все вышеизложенное вместе приведет к потере, прежде всего, здоровья студентов, мотивации и после окончания обучения активно заниматься физической культурой и спортом, а также к снижению основных физических качеств молодых людей: выносливости, силы, быстроты, ловкости.

Литература

1. Гребнев Л.С. Болонский процесс. www.rabe.ru/new/rus/m32_1.htm
2. Материалы международного семинара «Интеграция российской высшей школы в общеевропейскую систему высшего образования: Проблемы и перспективы». СПбГТУ, 2–3 декабря 2002 г.
3. Митрофанов С. Плюсы и минусы «болонского процесса». // Русский журнал (Вне рубрик). Сумерки просвещения. www.russ.ru/ist_sovr/sumerki__20030407_mitr.html
4. Рекомендации Всероссийского совещания заведующих кафедрами гуманитарных и социально-экономических дисциплин. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 20-21 ноября 2003 г.
5. Совместное заявление европейских министров образования, г. Болонья, 19 июня 1999 года // www.spbu.ru/News/edisem/bol.htm
6. Цветков В.Н, Буланова Г.В. Интеграция европейского высшего образования. / Материалы 55-й межвузовской научно-методической конференции. СПб: ГМТУ, 2006.

НАШИ АВТОРЫ

Абакумов Владимир Васильевич – доцент кафедры менеджмента.
Алексеев Георгий Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры социологии
Аль-Ани Намир Махди – доктор философских наук, профессор кафедры философии
Бартошевич Станислав Владимирович – соискатель кафедры истории нового времени Санкт-Петербургского государственного университета
Батова Татьяна Николаевна – доцент кафедры прикладной экономики и маркетинга.
Белоус Владимир Афанасьевич – кандидат педагогических наук, начальник отдела туризма и экскурсий ЛенВО
Борисов Олег Сергеевич - кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Букин Юрий Борисович – председатель совета ветеранов Всероссийской федерации дзю-до, мастер спорта
Варламов Борис Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента.
Васюхин Игорь Олегович – аспирант кафедры прикладной экономики и маркетинга
Вахрамеева Марина Дмитриевна – аспирант кафедры финансового менеджмента
Вацковская Ирина Сергеевна – преподаватель кафедры иностранных языков
Веременко Валентина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина
Волков Олег Александрович – аспирант Северо-Западной Академии государственной службы
Волкова Светлана Леонидовна - старший преподаватель кафедры иностранных языков СПбГУ ИТМО
Володина Лариса Владимировна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой «Связи с общественностью» Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей экономики и права
Гаврилов Николай Петрович – старший преподаватель кафедры финансового менеджмента.
Голубев Андрей Александрович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового менеджмента.
Гусева Анна Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и бизнеса.
Дембовский Владимир Ренольдович – докторант кафедры финансового менеджмента.
Демидова Елена Алексеевна – аспирант кафедры прикладной экономики и маркетинга
Дестивель Иакинф – директор церковно-научного центра «Истина» (Париж), главный редактор журнала «Истина», преподаватель богословского факультета парижского католического института,
Детков Юрий Леонидович – профессор, кандидат педагогических наук
Дмитренко Олег Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и валеологии
Дмитриев Геннадий Григорьевич – доктор педагогических наук, начальник научно-исследовательского центра физической подготовки ВС РФ
Дорогов Юрий Валерьевич – кандидат военных наук, доцент кафедры компьютерных технологий

Жданов Александр Иванович – кандидат технических наук, доцент кафедры менеджмента.
Жданов Игорь Александрович – студент 6 курса факультета КТиУ
Зефирова Екатерина Витальевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры физического воспитания и валеологии СПб ГУИТМО и спорта СПбГУ, доцент
Иванов Роман Владимирович – ассистент кафедры технологий профессионального обучения
Игошин Филипп Юрьевич – аспирант кафедры финансового менеджмента.
Калинина Марина Игоревна – ассистент кафедры экономической теории и бизнеса.
Каменева Екатерина Игоревна – ассистент кафедры менеджмента.
Каменская Надежда Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории
Кириллова Галина Владимировна – преподаватель Северо-Западной Академии государственной службы
Коротков Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории
Котелкова Галина Олеговна – студент 6 курса естественнонаучного факультета
Кошелев Сергей Сергеевич – аспирант кафедры прикладной экономики и маркетинга.
Красильникова Юлия Олеговна – аспирант кафедры финансового менеджмента.
Кузнецов Николай Владимирович – аспирант кафедры менеджмента.
Кузнецова Жанна Дмитриевна – преподаватель кафедры иностранных языков СПбГУ ИТМО
Кузьмина Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой всемирной истории СПбГУ ИТМО
Кустарев Валерий Павлович – кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента.
Ломова Ирина Олеговна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Лукьянов Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой социологии
Любимов Геннадий Павлович - кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета
Любимов Павел Геннадьевич – аспирант кафедры онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета
Макаров Александр Данилович – профессор кафедры прикладной экономики и маркетинга.
Мальцев Дмитрий Михайлович – старший преподаватель кафедры финансового менеджмента.
Масленников Павел Александрович – ассистент кафедры менеджмента.
Милославов Алексей Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Мишура Людмила Геннадьевна – ассистент кафедры финансового менеджмента.
Назмеев Роман Юрьевич – аспирант автономной некоммерческой организации НОУ «Международный банковский институт»
Никитин Владислав Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета
Никонова Светлана Борисовна – доцент кафедры культурологии, кандидат философских наук
Ошарин Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории

Павлова Елена Александровна – доцент кафедры прикладной экономики и маркетинга
Панкратьев Олег Владимирович – аспирант кафедры онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета
Переходко Федор Георгиевич – старший преподаватель кафедры физического воспитания и валеологии
Платонова Валентина Александровна – доцент кафедры физического воспитания и валеологии
Подлесных Виктор Иванович – кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента.
Попова Лидия Викторовна – аспирант кафедры финансового менеджмента.
Потапов Александр Валерьевич – докторант кафедры финансового менеджмента.
Прокопчук Сергей Сафронович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и валеологии
Ребещенкова Ирина Григорьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Роговой Юрий Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Института внешнеэкономических связей, экономики и права
Ротенберг Аркадий Романович – председатель высшего национального совета дзю-до России, заслуженный тренер России, мастер спорта
Санин Константин Васильевич – доцент кафедры финансового менеджмента
Санин Михаил Константинович – доцент кафедры финансового менеджмента
Сиволап Татьяна Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения
Смирнов Сергей Борисович – доктор экономических наук, профессор, декан гуманитарного факультета, зав. кафедрой экономической теории и бизнеса.
Солоусов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории
Суворов Юрий Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и валеологии
Сушилова Юлия Николаевна – аспирант кафедры прикладной экономики и маркетинга.
Телегин Михаил Сергеевич – аспирант кафедры финансового менеджмента.
Тихомирова Ольга Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Тихонов Борис Григорьевич – заведующий кафедрой физической культуры и спорта СПБ ГУ, доцент, кандидат пед. наук, мастер спорта
Ткачёва Екатерина Александровна – аспирантка кафедры зарубежного искусства Санкт-Петербургской государственной театральной академии
Толстикова Анна Александровна – студентка 5 курса ф-та социологии Санкт-Петербургского государственного университета
Толстикова Ирина Ивановна – доцент кафедры культурологии Санкт-Петербургского государственного университета
Тропов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии
Тюленев Кирилл Геннадьевич – студент 4 курса ГФ СПбГУ ИТМО
Тюленев Леонид Васильевич – кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента.
Удин Евгений Геннадьевич – начальник кафедры № 1 ФВО, капитан 1 ранга, доцент;
Филиппова Марина Валентиновна – старший преподаватель кафедры экономической теории и бизнеса.

Филичева Надежда Викторовна - кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Филлипенко Ольга Вячеславовна – аспирант кафедры финансового менеджмента.
Фомина Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии
Хусаинова Эльвира Робертовна – старший лаборант кафедры иностранных языков
Цуканова Ольга Анатольевна – доцент кафедры прикладной экономики и маркетинга
Шагалов Сергей Ефимович – аспирант ГОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»
Шаляпина Анастасия Владимировна – студент 6 курса естественнонаучного факультета
Шматко Алексей Дмитриевич – кандидат экономических наук, декан факультета повышения квалификации преподавателей Северо-западного заочного государственного технического университета
Щеголев Валерий Александрович – доктор педагогических наук, профессор кафедры физического воспитания и валеологии
Щедрин Юрий Николаевич – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физического воспитания и валеологии
Яйлеткан Александр Александрович – кандидат философских наук, доцент Тюменского государственного нефтегазового университета;

СОДЕРЖАНИЕ

1. ФИЛОСОФИЯ. ЛОГИКА 3
Аль-Ани Н.М. О временном аспекте причинности 3
Володина Л.В. Этика политической коммуникации современного общества 10
Ломова И.О. Образ и знак физической реальности 15
Любимов Г.П. Философия как Химера 19
Любимов П.Г. Процессы «онаучивания» как практики эрозии жизненного мира..... 22
Милославов А.С. Что такое «сложность»? 27
Никитин В.Е. Является ли современная наука тем, что она о себе думает? 35
Панкратьев О.В. Тема времени в философии В. Янкелевича 39
Ребещенкова И.Г. Эпистемологические основы стратегического мышления» 47
Роговой Ю.П. Использование логических средств для адаптации философских текстов 53
Яйлеткан А.А. Структура непротиворечия..... 58

2. ИСТОРИЯ..... 61
Бартошевич С.В. Коллаборационизм в СССР. 1941–1945. Образы в новейшей историографии и реальность..... 61
Веременко В.А., Тропов И.А. «Расторжение браков» католиков в России во второй половине XIX – начале XX в.в..... 66
Каменская Н.Е. Декабристы в Иркутске (к истории вопроса)..... 72
Коротков С.Н. Изучение истории эмиграции Французской революции..... 78
Кузьмина О.В. Некоторые проблемы эпохи реформ 60-70-х гг. XIX в. в России в отечественной и зарубежной историографии второй половины XX в. 84
Ошарин А.В. Гильза как средство (борьба Военного министерства России и частных производителей вокруг оборонных заказов 1900–1905 г.г.)..... 89
Ошарин А.В. Проблемы историографии военной промышленности России конца XIX в. – 1917 г..... 96
Солоусов А.С. Политические взгляды А.С. Суворина (по материалам дневниковых записей и «Маленьких писем»)..... 101
Тропов И.А. Местная власть в России в 1917 году: традиции и новации..... 108

3. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО 113
Алексеев Г.В., Сиволап Т.Е. Правовой режим особоохраняемых природных территорий в Российской Федерации..... 113
Алексеев Г.В. Политико-правовые основы участия общественных организаций в государственном управлении..... 120
Лукьянов В.Ю. Марксизм – от научной теории к идеологии (к проблеме интерпретаций классического марксизма) 125
Лукьянов В.Ю. Идеология как фактор формирования системы международных отношений в XX веке (основные этапы) 132
Красильников Н.И. Правовое регулирование вопросов приостановления военной службы 139
Иакинф Дестивель. Реакция богословов русской эмиграции на Собор 1917–1918 гг. 143

4. КУЛЬТУРОЛОГИЯ 153
Фомина Н.Н. Гуманитарное образование в техническом вузе: содержание, технология, компетенции 153
Толстикова И.И. Проблема стиля в архитектурной практике XX века 161
Борисов О.С. Культурологический анализ религиозных исканий Н.В. Гоголя 166
Филичева Н.В. Концепции стилеобразования в архитектуре 1920–1940 гг. 172
Толстикова А.А. Стратегии адаптации к этнической интолерантности (на примере студентов-иностранцев в Петербурге) 177
Никонова С.Б. Лингвистическая философия в культурной парадигме современности 180
Ткачёва Е.А. Попытки реформы немецкой сцены в эпоху романтизма. Театральная деятельность Людвига Иоганна Тика 186

5. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОМ МУНИКАЦИИ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ 191
Вацковская И.С. Слухи как социально-психологическое явление и как орудие политической борьбы 191
Волкова С.Л. Формирование познавательного интереса при обучении иностранному языку 195
Хусаинова Э.Р. Использование мультимедийного учебника как средства компьютерных технологий при обучении иностранному языку 199
Цапаева Ю.А. Критерии отбора лексико-грамматического материала для студентов технических факультетов на продвинутом этапе обучения английскому языку 204

6. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА 209
Подлесных В.И. Методология и логика построения механизма социального управления 209
Кустарев В.П. Информационные технологии и системы в управлении социально-экономическими объектами 213
Смирнов С.Б. Система мониторинга по инструментам регулирования научной деятельности сферы высшего профессионального образования 216
Гусева А.А., Калинина М.И. Мировой опыт оценки научного потенциала вузов 222
Жданов А.И., Жданов И.А. Особенности проектирования системы управления организацией на основе бизнес-модели 228
Подлесных В.И., Кузнецов Н.В. Самоорганизация как эффективная стратегия развития и управления 233
Тихомирова О.Г. Исследование организованности социально-экономических систем с позиций организационной культуры 236
Потапов А.В. Виды и организационные формы отраслевой производственной интеграции в машиностроительном комплексе 239
Варламов Б.А. Новая экономика: проблема определения понятия 243
Попова Л.В. Использование метода анализа чувствительности при принятии управленческих решений в рамках организации системы риск-менеджмента 246
Тихомирова О.Г. Влияние и взаимодействие корпоративной культуры и трудового потенциала фирмы 249
Макаров А.Д. Корпоративные информационные системы управления ресурсами предприятий 253

Масленников П.А. Материальное обеспечение производства на основе рационального использования запасов 255
Тюленев Л.В., Тюленев К.Г. Развитие инфраструктуры – приоритетная задача становления рыночной экономики 258
Тюленев Л.В., Тюленев К.Г. Логистический подход к транспортным операциям 261
Игошин Ф.Ю. Задачи и тенденции развития межотраслевой интеграции в издательско-полиграфической деятельности в Российской Федерации 264
Макаров А.Д., Шагалов С.Е., Шматко А.Д. Исследование особенностей рынка труда России 266
Макаров А.Д., Назмеев Р.Ю., Шматко А.Д. Организация экономической деятельности в рамках систем менеджмента качества предприятий 270
Волков О.А., Кириллова Г.В., Макаров А.Д., Шматко А.Д. Совершенствование системы ипотечного кредитования в РФ 273

7. ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ 276
Голубев А.А., Красильникова Ю.В. Принципы построения механизма инвестиционного обеспечения инновационной организации 276
Васюхин И.О. Характеристика подходов к оценке уровня конкурентоспособности предприятия 281
Сушилова Ю.Н. Современные тенденции развития научно-инновационной сферы 283
Демидова Е.А., Кошелев С.С. Скрытые аспекты инновационной деятельности малых предприятий 286
Демидова Е.А., Кошелев С.С. Роль информационных технологий в инновационной деятельности предприятий 289
Мишура Л.Г. Организационная модель субъекта управления интегрированным инновационно-образовательным комплексом 292
Дембовский В.Р. Инновационный подход к управлению ресурсным потенциалом сферы социальных услуг 295

8. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИИ 299
Макаров А.Д. Субъекты и объекты иностранных инвестиций в Российской Федерации 299
Филлипенко О.В. Задачи, проблемы и перспективы иностранного инвестирования в экономику России 303
Мальцев Д.М. Влияние инфраструктуры окружающей среды на эффективность инвестиционных проектов 305
Телегин М.С. Роль инвестиционной стратегии в процессе развития предприятия сферы телекоммуникационных услуг 309
Вахрамеева М.Д. Классификация рисков инвестирования в недвижимость 313

9. ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ 316
Павлова Е.А. Создание конкурентных преимуществ предприятий в условиях информационной экономики 316
Абрамова Ю.А., Батова Т.Н. Формирование долговременных взаимоотношений с потребителями как концепция маркетинга 320

10. УПРАВЛЕНИЕ ЗАТРАТАМИ 323
Каменева Е.И. Подходы к определению экономических понятий: расходы, затраты, себестоимость 323

Санин К.В., Гаврилов Н.П. Классификация затрат в управленческом учете 326
Абакумов В.В. Управленческий учет логистических издержек.....329
Санин М.К. Реальная стоимость потребительского кредита: обзор регионального рынка.....334
Цуканова О.А. Особенности ценообразования на товар-информацию при стратегическом управлении предприятием.....336

11. ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ 338
Хромов И.Н. Использование метода сквозных линий для формирования профессионально значимых качеств будущих специалистов в процессе их обучения на военных кафедрах гражданских вузов.....338
Дмитриев Г.Г., Удин Е.Г., Щедрин Ю.Н. Характеристика образовательного процесса студентов военно-морской кафедры факультета военного обучения СПбГУ ИТМО. Место и роль в нем учебных дисциплин «Физическая культура» и «Военная подготовка».....343
Дмитриев Г.Г., Удин Е.Г., Щедрин Ю.Н. Динамика и взаимосвязь основных показателей физической подготовки и функционального состояния студентов военно-морской кафедры факультета военного обучения СПбГУ ИТМО на различных этапах профессионального обучения.....348
Дмитриев Г.Г., Удин Е.Г., Щедрин Ю.Н. Обоснование направленности и содержание программы по физической подготовке студентов военных кафедр при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования 353
Щеголев В.А., Букин Ю.Б., Ротенберг А.Р., Белоус В.А. Основные направления процесса повышения профессионального мастерства специалистов спортивных клубов единоборств.....357
Щеголев В.А., Тихонов Б.Г., Щедрин Ю.Н., Дмитренко О.А. Определение характера педагогического воздействия занятий спортивными единоборствами и прикладными физическими упражнениями на воспитание у студентов, обучающихся по программам подготовки офицеров запаса, профессионально значимых личностных качеств 360
Щедрин Ю.Н., Щеголев В.А., Тихонов Б.Г., Переходко Ф.Г., Белоус В.А. Обоснование организационных форм, педагогических принципов и методики занятий спортивными единоборствами и прикладными физическими упражнениями в целях военно-профессионального воспитания студентов – будущих офицеров запаса.....368
Дорогов Ю.В., Иванов Р.В., Шаляпина А.В. Информационно-справочная система как средство поддержки разработки учебных дисциплин.....373
Дорогов Ю.В., Котелкова Г.О. Проектирование и реализация электронного образовательного ресурса по дисциплине «Психология» 376
Прокопчук С.С. Формирование навыков спортивных единоборств у студентов СПбГУ ИТМО на занятиях по физическому воспитанию со студентами.379
Детков Ю.Л., Зефирова Е.В. Методы функционального самоконтроля в практике самостоятельных занятий физической культурой.....382
Суворов Ю.А., Платонова В.А. Болонский процесс. Проблемы и перспективы развития дисциплины «Физическая культура» в вузах 385

НАШИ АВТОРЫ.....388

Научно-технический вестник СПбГУ ИТМО. Выпуск 36. Экономическое и гуманитарное образование в техническом вузе / Главный редактор д.т.н., проф. В.Н. Васильев. – СПб: СПбГУ ИТМО, 2007. 396 с.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК СПбГУ ИТМО
Выпуск 36

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Главный редактор
доктор технических наук, профессор
В.Н. Васильев
Дизайн обложки В.А. Петров, А.А. Колокольников
Редакционно-издательский отдел СПбГУ ИТМО
Зав. РИО Н.Ф. Гусарова
Лицензия ИД № 00408 от 05.11.99.
Подписано в печать 10.06.07.
Заказ 1060. Тираж 100 экз.